МАЙКЛ ХОВАРД

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

ОТТО БИСМАРК ПРОТИВ НАПОЛЕОНА III

1870–1871

Майкл Ховард

Франко-прусская война. Отто Бисмарк против Наполеона III. 1870—1871

«Центрполиграф»
1990

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Ховард М.

Франко-прусская война. Отто Бисмарк против Наполеона III. 1870—1871 / М. Ховард — «Центрполиграф», 1990

ISBN 978-5-9524-5417-0

Британский военный историк, профессор Оксфордского университета посвятил свой труд военному конфликту между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с Пруссией. Война, спровоцированная прусским канцлером О. Бисмарком и формально начатая Наполеоном III, закончилась поражением и крахом Франции, в результате чего Пруссия сумела преобразовать Северогерманский союз в единую Германскую империю. Работая над книгой, автор исследовал и привлек колоссальный объем научного и документального материала и предложил свой взгляд на причины и последствия этой войны. Ховард проанализировал состояние войск противников, включая структуру, вооружение и технику, дал яркое описание сражений и представил галерею портретов ключевых фигур событий, среди них Вильгельм I, Бисмарк, Леопольд Гогенцоллерн, Бенедетти и другие. В заключение ученый отмечает, что великая победа Германии впоследствии обернулась бедствием, как для нее самой, так и для остального мира.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5417-0

© Ховард М., 1990
© Центрполиграф, 1990

Содержание

Глава 1 6
Вооружение и техника 6
Нереформированные армии 12
Реформа прусской армии 19
Реформа французской армии 26
Глава 2 33
Военные планы 33
Кандидатура Гогенцоллерна 39
Мобилизация в Германии 45
Мобилизация во Франции 49
Глава 3 58
Сосредоточение армий 58
Шпихерн 63
Фрёшвийер 72
Глава 4 85
Вторжение 85
Вьонвиль-Марс-ла-Тур 102
Гравлот-Сен-Прива 116
Глава 5 127
Бомон 127
Седан 141
Глава 6 154
Ферьер 154
Нация с оружием в руках 161
Франтирёры («вольные стрелки») 171
Глава 7 176
Глава 8 193
Кульмье 193
Бон-ла-Роланд 203
Линьи 211
Глава 9 215
Кольцо блокады 215
План Трошю 225
Версаль 235
Артиллерийский обстрел 241
Глава 10 249
Углубление конфликта 249
Шанзи 256
Федерб 261
Финал на Западном фронте 267
Бурбаки 273
Глава 11 288

Майкл Ховард
Франко-прусская война. Отто Бисмарк против Наполеона III. 1870—1871

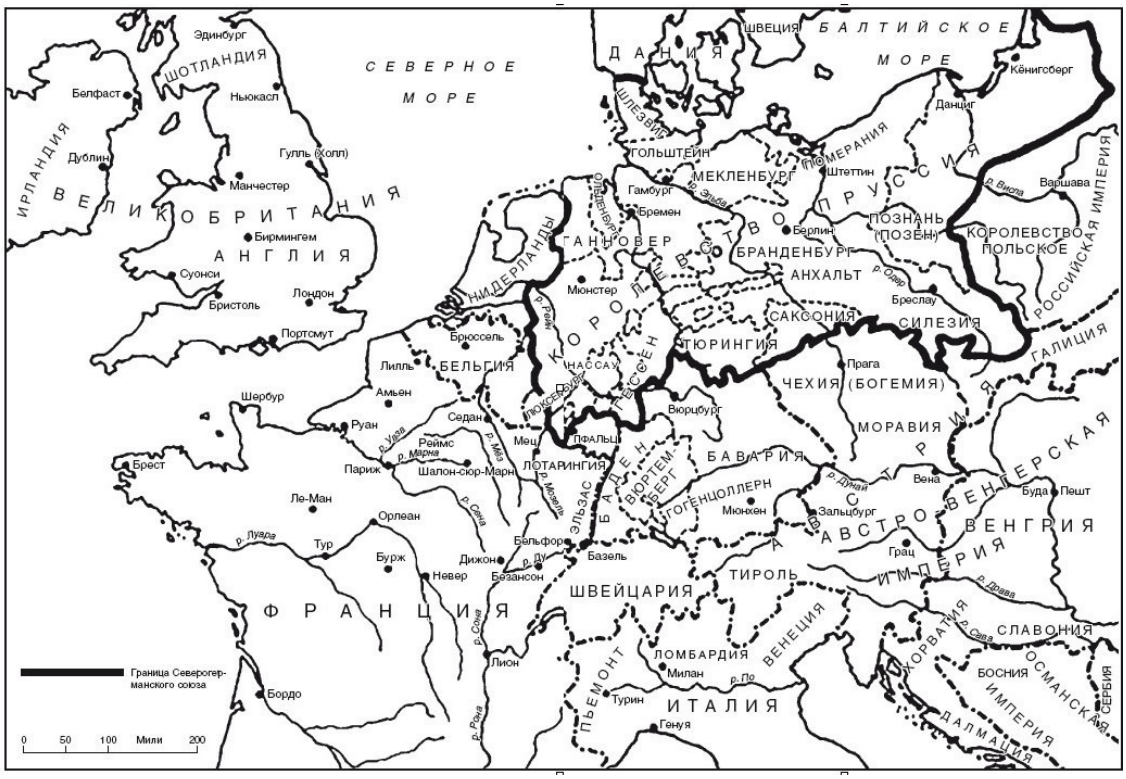
MICHAEL HOWARD
THE FRANCO PRUSSIAN WAR
THE GERMAN INVASION OF FRANCE
1870–1871

Глава 1
Противники

Вооружение и техника

Летом 1870 года королевство Пруссия и ее германские союзники полностью разгромили военный потенциал Французской империи. На протяжении почти 80 лет побежденная ими Франция была европейской законодательницей в военных вопросах, тогда как десятью годами ранее победительница Пруссия представляла собой едва ли не самую слабую в военном отношении крупную державу континента. В течение всего лишь месяца боевых действий (2 августа первый небольшой бой у Саарбрюккена, а 2 сентября произошла капитуляция французской Шалонской армии и императора Наполеона III под Седаном) Пруссия добилась преимущества в военных и политических аспектах, что дало возможность для объединения Германии при ведущей роли Пруссии, с которой полвека спустя мог соперничать лишь союз, включавший почти все ведущие мировые державы.

Европа почти не знала прецедентов столь драматического поворота. Для отыскания аналога нам следовало бы вернуться по крайней мере к битве при Брейтенфельде 1631 года, когда за несколько часов Густав II Адольф сокрушил силы католиков, а ведь этот шведский король в течение многих лет с нараставшим успехом сражался против датчан, поляков и русских и к 1631 году считался одной из великих исторических личностей. К 1870 году на счету у прусской армии имелась лишь блестящая кампания 1866 года против Австрии, но это была только одна из побед в длинной цепи поражений, понесенных Габсбургами от Пруссии и Франции со времени Евгения Савойского. Убедительность успеха Пруссии в 1870 году потрясла мир. Некомпетентность французского верховного командования была обусловлена многими причинами, однако корни катастрофы следует искать глубже, и французам они хорошо известны. Разгром французов у Седана, как и разгром французами пруссаков у Йены и Ауэрштедта 64 годами ранее, явились результатом не просто просчетов в управлении, но и несовершенством самой военной системы, а военная система государства неотделима от его социальной системы, являясь лишь одним из ее аспектов. У французов имелись серьезные основания считать свои беды справедливой карой. Социально-экономические события предыдущих 50 лет породили и вооруженные силы, и промышленную революцию. Пруссаки шли в ногу с новыми тенденциями, а вот Франция нет. Именно в этом и следует искать основную причину ее поражения.

Европа в 1870 г.

Последствия преобразований в промышленности и научные открытия, поражавшие мир и возымевшие значение, в том числе и для ведения войны, мало исследовались в первой половине XIX века. Консервативные военные министерства и прижимистые казначейства обрекали новые проекты пылиться в шкафах или просто обесцениваться в ходе бесконечного экспериментирования. Этот застой всколыхнули лишь изменения, произошедшие в отношениях между великими державами в 50-е годы XIX столетия. Крымская война 1853–1856 годов продемонстрировала, что широкомасштабные военные конфликты до сих пор вероятны, а рост националистических движений при активной поддержке новой Французской империи лишь повышал их вероятность. Повсюду в Европе на первый план выдвигалась теория ведения войны. Войны Наполеона I обеспечили неиссякаемый источник для исследований, и выводы, сделанные из них такими фигурами, как Жомини, Виллизен, Клаузевиц и Рюстов, на века заложили надежный фундамент теории войны. Но два главных технических вопроса оставались по-прежнему открытыми для всякого рода спекуляций: как появление новых средств коммуникации – железных дорог и электрического телеграфа – повлияет на стратегию и как изобретение заряжавшегося с казенной части огнестрельного оружия повлияет на тактику?

Значимость железных дорог для ведения боевых действий никто не оспаривал даже со времени их появления в 30-е годы XIX века. Немецкие писатели в особенности остерегались открываемых этим видом транспорта возможностей как раз в тот момент, когда слабая германская конфедерация вновь, казалось, была отдана на произвол окрепшей и амбициозной Франции. Некоторые из них, в особенности Фридрих Лист, связывали с новым транспортом еще более глубинные последствия. До настоящего времени располагавшаяся в центре Европы Германия в большой степени зависела от своих более влиятельных и единых в политическом отношении соседей. Железные дороги не только даровали бы ей экономическое единство нового типа, они превратили бы ее центральное местоположение в активный фактор, позволив ей оперативно сосредоточить в случае необходимости силы в любом ее приграничном районе для отражения возможного вторжения. То есть именно железные дороги и определяли реаль-

ные возможности национальной обороны. «Прокладка новой железнодорожной линии, – писал Гельмут фон Мольтке, – является военным преимуществом; и для национальной обороны несколько миллионов, потраченных на завершение наших железных дорог, куда полезнее, чем если бы их израсходовали на возведение новых крепостей». И во Франции, и в Австрии главенствовала точка зрения о явных военных преимуществах развития сети железнодорожного транспорта и достижения соседей всегда вызывали опасения. В 1842 году встревоженные французские публицисты призвали к прокладке железнодорожной линии от Парижа до Страсбурга с тем, чтобы противостоять сосредоточению германских войск на Рейне. И даже британцы с обеспокоенностью восприняли возможность внезапного и быстрого сосредоточения сил в портах пролива Ла-Манш. В ходе кампании 1859 года Французская и Габсбургская империи, используя железные дороги, за две недели перебросили войска в Италию, что раньше занимало не менее двух месяцев. Было ясно, что век железнодорожных дорог открывает новую главу в военной истории.

Быстрота сосредоточения войск являлась лишь одним из преимуществ, предоставляемых железными дорогами. Они оперативно перебрасывали войска к театру военных действий и позволили личному составу прибыть туда в хорошей физической форме, не утомленными длительными пешими маршами. Отныне армия больше не представляла собой одни лишь регулярные части, а включала и подлежавших мобилизации резервистов, хотя уровень заболеваний и случаи истощения непосредственно в районе боевых действий были достаточно высоки. Далее, в значительной мере упростился и войсковой подвоз для многочисленных сил. До сих пор войска содержались за счет местных или же складских ресурсов, теперь же снабжение провиантом, боеприпасами, техникой и всем необходимым осуществлялось по железной дороге в соответствии с отлаженным расписанием следования составов. Иными словами, поставки техники и живой силы напрямую зависели от внутренних ресурсов воюющей страны, и Гражданская война в США служила тому ярким примером. Благодаря железным дорогам войсковой подвоз и подкрепление могли ежедневно прибывать из тыловых районов, а раненые своевременно и быстро эвакуироваться в тыловые госпитали. В результате войсковые части стали более мобильными, а личный состав регулярно получал все необходимое. Кроме того, сглаживались и различия между армией и государством. Театр военных действий больше не был отдаленным районом. Это давало возможность корреспондентам газет совершать поездки на фронт и оттуда по телеграфу передавать сведения в редакции. Солдаты и офицеры получили возможность ездить в краткосрочные отпуска. Раненым оказывалась необходимая медицинская помощь в тылу. Страна в состоянии войны превращалась, таким образом, в военный лагерь – а иногда и в осажденную крепость, – где каждый гражданин ощущал свою сопричастность с выполнением общегосударственных задач. В 1870 году в Европе вырисовывалась концепция «тотальной войны», которую даже Клаузевиц не мог себе вообразить.

Наконец, прокладка железных дорог внесла совершенно иной, новый аспект в основной принцип наполеоновской стратегии – возможность сосредоточения численно превосходивших противника сил в критический для войны момент. Подобное оперативное сосредоточение было немыслимо в эпоху пешей переброски войск – оно требовало колоссальных затрат времени и сил, тщательно продуманной организации и могло быть предпринято лишь задолго до начала войны. Требовалось призвать максимально многочисленный контингент, соответствующим образом обучить его и только после этого передать в регулярные войска. Армии мирного времени европейских держав стали в основном ресурсом квалифицированных кадров, а для непосредственного участия в боевых действиях требовалось призвать резервистов, обмундировать и вооружить их с имеющихся складов и сформировать из них боевые части и подразделения. Введение и организация воинской повинности, обучение и мобилизация стали необходимым предварительным условием успешного сосредоточения сил. На первый план в стратегии выдвинулось именно эффективное сосредоточение войск, именно оно

и стало залогом грядущих побед. Армия, сумевшая заблаговременно осуществить сосредоточение сил, обеспечивала себе решающее преимущество в первом и, возможно, решающем сражении войны, более того, она получала возможность нанесения внезапного удара, целью которого было помешать противнику принять аналогичные меры. У наделенных даром предвидения или агрессивных держав появилась невиданная ранее возможность добиться военного превосходства над своим соседом еще до начала боевых действий.

Ряд совершенно новых преимуществ даровала и промышленность, разработавшая и внедрившая новые технологии производства оружия, обусловленные бурным развитием науки и техники в XIX веке, – в металлургии, баллистике, прецизионной технике. За период с 1815 по 1870 год произошло полное перевооружение как пехоты, так и артиллерии. Ружья наполеоновской эры были гладкоствольными, с прицельной дальностью не больше 50 метров и дальностью стрельбы около 150–200 метров. Заряжались они с дула, и опытный стрелок мог сделать не более трех выстрелов в минуту, и это при условии, что механизм кремневого ружья не давал осечки, как это имело место в сырую погоду. Такие ружья практически не изменились со времен Войны за испанское наследство 1701–1714 годов, как и сущность тактики пехоты. Пехотные батальоны развертывались в 2–3 линии в глубину с тем, чтобы извлечь максимальную пользу из их нестабильного ведения огня. Подобные боевые порядки были достаточно эффективны в обороне, но никак не в нападении. Для наступления французская армия разрабатывала новую методику: линии застрельщиков, предназначенные для подавления обороны противника прицельным изнуряющим огнем по колоннам пехоты, и, самое важное из всего, мобильную и сильную артиллерию для подавления сил обороны противника перед атакой пехотинцев. Оружие застрельщиков, как и ружья пехоты, было гладкоствольным, это были ружья дульного заряжания, как фактически и все оружие, начиная с XV века – нестабильно функционировавшее и довольно неточное с дальностью действительного огня (артиллерия) в 1000 метров или менее. Лишь по части большей подвижности и скорострельности они отличались от оружия, использовавшегося в армиях Монтекукколи и Тюренна. Но к 1870 году основные армии Европы были вооружены винтовками с научной точки зрения точными и нарезной артиллерией, которая могла эффективно использоваться до 3000 метров и более. Это считалось на поле битвы колоссальным прорывом, воистину революционным.

Революционный прорыв ознаменовало и еще одно новшество – возможность заряжать огнестрельное оружие не через ствол, а через казенную часть. Эта инновация была поначалу воспринята военными с недоверием. Далеко не сразу выяснилось, что казенная часть могла быть полностью закрытой, что исключало потери газов при воспламенении пороха и дальнейшее снижение дальности стрельбы, более того, этот вид заряжания значительно увеличивал скорострельность за счет снижения времени на перезарядку оружия. Однако все перечисленные преимущества едва ли не сводились на нет повышенным расходом боеприпасов. Поэтому в британской, французской и австрийской армиях продолжали цепляться за дульнозарядные винтовки, и с ними провели кампании 1854 и 1859 годов. Прусская армия, однако, приняла на вооружение артиллерийские орудия, заряжающиеся с казенной части, и, кроме того, игольчатые винтовки Дрейзе (уже в 1841 году). И хотя этот тип оружия использовался во второстепенных кампаниях 1848 и 1864 годов, только в 1866 году он стал успешно конкурировать с дульнозарядным оружием – превосходство было налицо. Прусские пехотинцы при стрельбе лежа производили шесть выстрелов против одного в сравнении с австрийскими. Только после этого и армии других ведущих государств стали перевооружать свои войска, переходя на огнестрельное оружие, заряжающееся с казенной части, образцы которого лежали в течение многих лет на полках их военных министерств.

Что касалось артиллерии, в этой области даже в 1866 году лидировали французы. Их армия первой полностью перешла на дульнозарядные нарезные орудия, конструкция и изготовление которых лично утверждались Наполеоном III и которые проявили себя весьма эффек-

тивными в Италии. Прусская артиллерия в 1866 году состояла частично из нарезных орудий нового типа заряжания и частично из старых гладкоствольных, но ни один тип не проявил себя достаточно эффективно, и их скорострельность в сражениях против Австрии не выдерживала сравнения с французской семью годами ранее в Италии. Но за четыре последующих года прусская артиллерия преобразилась. Благодаря энтузиазму и дару предвидения главного инспектора генерала фон Хиндерзина полевые батареи были полностью перевооружены, получив стальные, заряжавшиеся с казенной части полевые орудия Круппа[1]. Тактическое применение этого оружия было весьма детально изучено и изменено, а с появлением школы артиллерийского дела были установлены совершенно новые нормативы прицельной стрельбы. Эффективность прусской артиллерии стала, по-видимому, самым крупным тактическим достижением в ходе Франко-прусской войны.

Не вызывает дискуссий факт, что введение этого нового типа оружия в корне изменило действия армий на поле боя. Признаком грядущих изменений стало повышение эффективности огня пехоты, когда капсюль пришел на замену прежним кремневым винтовкам, и впоследствии новые боеприпасы стали использоваться застрельщиками, традиционно начинавшими все битвы. Уже было общепринятым, что линия застрельщиков усиливалась за счет колонн резерва для заключительных атак. Теперь появление нарезного стрелкового оружия обеспечило возможность ведения огня с подготовленных позиций на предсказуемые дистанции. Это было столь очевидным преимуществом, что сначала считали, что единственной ответной мерой мог стать рукопашный бой. Это могло быть осуществлено не традиционными колоннами побатальонно, которые не смогли бы устоять и выжить на открытом пространстве, потому что оказались бы сметены винтовочным и артиллерийским огнем, а гибкими формированиями, в полной мере использовавшими укрытия, в которых каждый боец в случае необходимости мог бы действовать по собственной инициативе. Французы продемонстрировали это в Италии в 1859 году. При обучении их пехоты, особенно в егерских формированиях, упор был сделан на скорости, маневренности и сообразительности отдельных солдат. «Французская ярость» – не миф, а качество, которое пруссаки признавали и которому завидовали. Австрийцы при Сольферино были сметены огнем французской артиллерии, не успев даже толком начать отстреливаться из своих ружей, но когда в 1866 году австрийцы попытались скопировать французскую тактику ближнего боя, убедились, что от постоянно стреляющих игольчатых винтовок Дрейзе спасения быть не может[2].

Доказательства 1866 года были неоспоримы: новое огнестрельное оружие в сочетании с продуманной обороной – колоссальное преимущество. Во французской армии распространилось мнение о том, что сущность стратегии впредь должна состоять в отыскании и занятии надежных позиций.

Взгляды Гельмута фон Мольтке, начальника прусского Генерального штаба с 1857 года, отличались лишь тем, что он считал основным объединение этой тактической обороны со стратегическим наступлением – то есть захват и удержание позиций, которые неприятель вынужден будет атаковать. Да, оборонительные позиции противника, соглашался он, следует, по мере возможности, обойти. Но если принято решение атаковать их, атаке должна предшествовать основательная артподготовка – что означало сосредоточение большей части артиллерии в авангарде пехотных дивизий, а не, как считал Наполеон и что оказалось бесполезным в 1866 году,

---

[1] Стальные орудия особой популярностью не пользовались у тогдашних специалистов по артиллерии из-за сложностей с равномерным охлаждением стволов в процессе отливки, что вызывало появление дефектов и, в свою очередь, приводило к разрывам стволов при стрельбе. Французы и австрийцы поэтому предпочитали традиционные бронзовые орудия, а британцы – кованые железные, усиленные наружными кольцами, конструкции Джозефа Уитворта. – *Авт.*

[2] При Сольферино в Северной Италии 24 июня 1859 г. австрийская армия насчитывала 173 000 человек, вооруженных нарезными ружьями, 752 гладкоствольных орудия. Французско-сардинская армия имела 169 000 (в битве участвовало 122 000), вооруженных в основном гладкоствольными ружьями, 592 нарезных орудия. Нарезные пушки французов подавили артиллерию австрийцев, что вынудило пехоту отступить. – *Ред.*

удерживание ее в резерве корпуса вплоть до полного развертывания сражения. Но подобная тенденция с упором на оборону не должна становиться самоцелью, а сочетаться с традиционным и естественным стремлением к атаке. В прусской армии тенденция, проявившаяся в 1866 году и заключавшаяся в слиянии колонн поддержки с застрельщиками, считалась смертным грехом, и в ходе последующих маневров сомкнутый строй был восстановлен[3]. Во французской армии побатальонные колонны оставались правилом до 1869 года. Старшие офицеры и генералы не могли принять точку зрения, согласно которой в век нарезного оружия пришлось бы доверить ход сражения подчиненным и некадровым офицерам. Принята данная точка зрения была лишь в XX веке.

И, наконец, подошло время всерьез пересмотреть и роль кавалерии. Пока пехотные и артиллерийские вооружения не отличались дальнобойностью и для их перезаряжения требовалось время, умело применяемая конница становилась главным оружием на поле битвы, внезапно появляясь, атакуя пехоту и наводя ужас на артиллеристов и стрелков. Кавалерийские части все еще пользовались самым высоким социальным престижем во всех армиях Европы, уступая разве что войскам королевского двора. На поле битвы времен Наполеона I кавалеристы всегда выполняли самые сложные задачи, причем с присущей им лихостью, и пока что оставались единственными по-настоящему мобильными войсками в руках командующих, и их важность по-прежнему оставалась неоспоримой. Но в 50-х—60-х годах XIX века стали подумывать над тем, а в чем именно состоит важность кавалерии. В связи с появлением нового огнестрельного оружия увеличилось бы расстояние между тактическими единицами, вследствие чего возникали сложности поддержания связи в войсках и проведения разведки, в таких условиях повышалась потребность в кавалерии – лишь ей оказывалось под силу справляться с перечисленными задачами. Многочисленные примеры Гражданской войны в США доказали, на что способны лихие конные атаки на вражеские железнодорожные линии и склады. Но иными были традиции европейской конницы. Для европейцев тактика нанесения дерзких и внезапных ударов, разумеется, вызывала восхищение, и, какие бы новые роли ни навязывались кавалерии – легкая конница XVI века или драгуны XVII века, – от этих ролей мало-помалу отказывались, и кавалерийские части обретали сходство с социально признанной, в плане обмундирования куда более декоративной тяжелой конницей, обученной в своих отличавшихся педантичностью формированиях для исполнения заветного желания конника – атаковать всей массой. Французская конница в Ломбардии, прусская конница в Чехии проявили себя в равной мере некомпетентными в разведке. Но оставалось ли вообще место для тяжелой конницы? Сомнения на этот счет множились. Во Франции маршал Нель, в Великобритании герцог Кембриджский, в Пруссии сам Мольтке не скрывали скептицизма на этот счет[4]. Но их скептицизм оказал мало влияния на умы высокопоставленных командующих кавалерийскими силами. В обеих противоборствующих армиях они вошли в войну 1870 года с убеждением, что их полки сыграют решающую роль в крупных, тщательно спланированных военных операциях. И даже события той войны так и не смогли их переубедить.

---

[3] Принятие на вооружение французской армией игольчатых ружей системы Шаспо, превосходивших ружья Дрейзе на 900 м по дальности стрельбы (1500 м против 600 м), а также в скорострельности, использовалось в качестве аргумента ярыми сторонниками атаки. Сам кайзер соглашался с тем, «что мы с нашей дальностью стрельбы винтовок должны наступать на пятки противнику, навязывая ему [выгодные нам] дистанции…».

[4] Однако Мольтке все же понимал степень многообразия операций легкой кавалерии на полях битвы будущего. Чем сильнее степень рассеянности сражения, указывал он, тем больше возможностей для нанесения «небольших, но блистательно осуществляемых ударов». – *Авт.*

Нереформированные армии

Вооруженные силы характеризуются не только вооружениями, но и социальными условиями, их породившими, и выполняемыми ими политическими задачами. В течение 40 лет, последовавших за Наполеоновскими войнами 1799–1815 годов, европейские державы формировали и обучали свои вооруженные силы как минимум в равной мере как для борьбы с внутренним, так и с внешним врагом. Главной задачей, как им внушалось, было подавление революционных повстанцев, внутренних или иноземных. Первая кампания королевской французской армии проводилась с целью возврата испанцев в ряды преданных союзников Бурбонов. Австрийская армия исполняла скорее полицейские функции, задачей которых было удержать в повиновении входившие в Габсбургскую империю области Италии, и приоритеты сменились лишь в 1848–1849 годах, когда понадобилось подавлять восстания в Будапеште, Праге, да и в самой Вене. Первой значительной операцией армий российской и прусской монархий после 1815 года стало подавление восстаний в Польше в 1831 году[5]. Следующими вступили в бой пруссаки – не считая непродолжительной и бесславной кампании против Дании в 1848 году. Для проведения подобных кампаний не было нужды поддерживать силы по численности и вооруженности соотносимых с той, которой требовали Наполеоновские войны. Существенным отличием таких войск было то, что они оставались лояльными династии, которой служили. Армии образца XVIII столетия, сравнительно малочисленные силы старослужащих регулярных войск с рекрутированным исключительно из представителей аристократии офицерским корпусом, идеально подходили для этой цели: они были политически благонадежны и по меркам войн XVIII столетия вполне пригодны и для боевого применения. Но баланс уже был нарушен. Французская революция ввела, а Наполеон I заставил дозреть вид боевых действий, который с его неограниченными притязаниями на национальные ресурсы призвал к иной форме военной организации. Наполеоновская война, *La Grande Guerre*, была войной масс: массы, хлынувшие в войска благодаря всеобщей воинской повинности, вооруженные и обмундированные только благодаря широкомасштабному вмешательству государства в промышленность, добывавшие себе провиант главным образом путем реквизиций, обусловили необходимость введения новых требований к маневренности и управлению. Именно опираясь на совершенство этого нового механизма, Наполеон I и поработил Европу, а сокрушен был лишь тогда, когда его противники повернули его же оружие против него самого (после того, как был разгромлен в 1812 году в России. – *Ред.).* Европейские державы вынули из ножен шпаги нехотя, чтобы тут же вложить их обратно, но непостижимо то, что об этом, вероятно, успели позабыть. Если страхам перемен, доминировавшим после 1814–1815 годов и парализовавшим разум государственных мужей Европы, и суждено было рассеяться и началось бы осуществление грандиозных планов, о которых грезили их собственные народы, грядущие конфликты никак нельзя было бы разрешить средствами «кабинетных войн» и оружием XVIII столетия.

Основная проблема, с которой столкнулись правительства стран Европы в XIX веке, состояла в том, каким образом создать армии, которые были бы не только политически благонадежными, но и эффективными в военном отношении. Эти две категории выглядели несовместимыми. Первая ратовала за армии на основе старослужащих кадровых военных, вторая – за обязательную для всех граждан всеобщую военную подготовку. Армия, рекрутированная из рабочей силы страны, с политической точки зрения являлась самым ненадежным инструментом. В такую армию могли затесаться революционные элементы, такая армия неизбежно

[5] Автор не упомянул про Русско-иранскую войну 1826–1828 гг. и Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., когда русские войска вышли к Константинополю (Стамбулу), в результате чего по Адрианопольскому мирному договору Греция фактически получила независимость, а Сербия, Валахия и Молдавия – реальную автономию. – *Ред.*

отражала бы внутри- и внешнеполитические разногласия, и ее истинная боевая мощь оказалась бы иллюзорной, допусти она политическую слабину. Пока опасность изнутри была серьезнее внешней, правительства предпочитали иметь относительно малочисленные и политически благонадежные армии, на которые они могли опереться в случае необходимости. Аристократия и класс землевладельцев, за исключением постреволюционных государств, таких как Франция и Испания, сохраняли монополию на офицерские чины. Средний класс, гражданский по определению и набирающий экономическую и политическую силу, был настроен отнюдь не против системы, которая не слишком глубоко запускала руку в их кошельки и не спешила призвать на военную службу их отпрысков. Повсюду армия не пользовалась особой популярностью и пребывала в изоляции, и кое-кто из европейских мыслителей, из тех, кто исповедовал материализм и не нуждался в средствах, усматривал в этом повод для сожаления. Даже воссозданная и наказанная французская монархия восстановила свою военную машину на основе максимально далекой от наполеоновской. И, ко всеобщему изумлению, государство, сохранившее неприкосновенным почти весь аппарат революционной военной организации, стало образцом для всех консервативных режимов – речь идет прежде всего о прусской монархии Гогенцоллернов.

Прусская армия в XVIII веке формировалась сменявшими друг друга на троне монархами, которые были и военными экспертами, и политическими деспотами. Офицеры в ней рекрутировались из обедневшего дворянства, следовавшего традициям, подчинявшегося закону и исходившего из экономической необходимости. Эти люди были готовы служить короне как в гражданской, так и в военной ипостаси, и, хотя теоретически эта готовность основывалась на всеобщей воинской повинности, армия состояла из старослужащих наемных солдат и призванных на военную службу крестьян, со свирепой дисциплиной и изнурительной военной подготовкой до тех пор, пока скорость их передвижения и интенсивность их огня не превращала их в непревзойденных мастеров войны на европейских полях сражений, способных обеспечить Пруссии место первой среди равных в окружении более богатых и плотнее населенных стран-соседей. Лишь в 1806 году, когда армия Пруссии рухнула под натиском Наполеона, стало очевидным, что система эта никуда не годится: то, что армия, как персональный инструмент короны, окончательно откололась от остальной части общества и потерпела сокрушительное поражение, было почти повсеместно воспринято с безразличием. Военная комиссия по реорганизации, учрежденная в июле 1807 года, поэтому и не пыталась восстановить старую армию в духе Фридриха II. Вместо этого под руководством Герхарда фон Шарнхорста были разработаны принципы, на которых могла быть построена новая армия. Офицерские школы были реформированы, их двери теперь распахнулись и для представителей среднего класса, и для дворян. Принцип всеобщей воинской повинности был подтвержден, свирепый дисциплинарный устав был упразднен, и еще не пришедшее в себя окончательно армейское командование объединили под началом одного-единственного лица – военного министра. Шарнхорст грезил о том, «чтобы возродить и умножить армейский дух, теснее сплотить армию и державу». В 1813 году был создан ландвер – гражданское ополчение, отдельно вооружаемое и отдельно управляемое, – который сражался бок о бок с регулярной армией ради сокрушения Наполеона в ходе освободительной войны. На пике той войны и консерваторы и либералы, юнкеры и буржуа, позабыв о своих политических расхождениях, объединились под эгидой создания новой армии Пруссии.

Как только война закончилась, король Пруссии Фридрих Вильгельм III стал сожалеть о сделанных уступках, и реформаторов разогнали, хотя они успели внести свой вклад в закон об обороне от 3 сентября 1814 года и в закон о ландвере от 21 ноября 1815 года. В соответствии с первым каждый пруссак по рождению по достижении 20-летнего возраста был «обязан защищать Отечество». Армия должна была стать, как это выразилось во фразе, подводившей итог достижениям реформаторов, «главной военной школой всей страны». Прусский призывник

служил в течение трех лет в армии, два года в запасе и затем до 40 лет в ландсвере, включавшем не только завершивших пятилетнюю

службу в регулярной армии, но и вообще всех пригодных к воинской службе мужчин, которые не ушли в армию в рамках ежегодного призыва. Ландвер имел собственное территориальное деление, и, по аналогии с британским ополчением, офицеры ландвера рекрутировались из местного контингента. Такая система обязательного прохождения службы, сначала в действующей армии, затем в запасе и, наконец, в составе территориальных войск, к XX веку фактически стала повсеместной в западных державах. Она проистекала из двух чисто местных соображений: потребности объединить постоянную армию, достаточно малочисленную с тем, чтобы не обременять ограниченный бюджет содержанием достаточно многочисленной армии, которая позволила бы Пруссии фигурировать в Европе в статусе великой державы, и стремления реформаторов увековечить дух Шарнхорста и сплавить воедино армию и страну.

В последнем аспекте хвастаться им было особенно нечем. После 1819 года армия вернулась к прежнему, фридриховскому состоянию. Офицерский корпус вновь закрылся для представителей буржуазии. Различие между регулярной армией и ландвером углубилось. Экономный подход к бюджетным расходам вкупе с политической осмотрительностью позволял поддерживать на низком уровне ежегодные расходы и численность регулярной армии. В период 1815–1859 годов численность ее редко переступала границу в 200 000 человек. В 1830–1831 годах, когда Польское восстание угрожало восточным границам Пруссии, а революции в Бельгии и Франции – западным, Пруссия оказалась в военном отношении бессильной. Только призвав в основном неподготовленный контингент ландвера, удалось мобилизовать достаточное количество людей для достижения необходимой численности. Подобная ситуация была оскорбительна для регулярной армии и раздражала гражданских лиц, из которых рекрутировался ландвер, что негативно сказывалось на боеспособности войск. Укомплектованный большей частью плохо обученными офицерами ландвер не мог соперничать с регулярной армией, и в ходе серьезных волнений в стране в 1848 году зарекомендовал себя несостоятельным. Когда в июне 1859 года Пруссия провела мобилизацию резервистов в поддержку Австрии в ее войне против Франции, один британский наблюдатель писал, что «полки ландвера были в никудышном состоянии и не могли идти в бой, поскольку маневренность их могла сравниться разве что с батальонами ополченцев нашего графства»[6]. Пруссия на самом деле до 1859 года располагала и слабой регулярной армией, и слабым ландвером. Ее вооруженные силы не отличались ни политической благонадежностью, ни возможностью во весь голос заявить о себе в Европе. А ведь в XIX столетии, как и испокон веку, именно военная машина считалась главенствующим критерием непоколебимости государственной и политической власти.

В 1859 году на вопрос, какая из европейских держав доминировала в Европе, имелся готовый ответ: Франция, и еще раз Франция. Французская армия закалилась за 30 лет непрерывной борьбы в Африке, породивших принципиально новые пехотные части – зуавов и *turcos (tirailleurs indigenes*), а также кавалерийские – *spahis* и *chausseurs d'Afrique*, кроме того, выковавших целую плеяду блестящих командующих: Бюжо, Канробера, Мак-Магона, Бурбаки – тех, кто продолжил традиции наполеоновских маршалов. Эти *beaux sabreurs* имели мало общего с пожилыми выходцами из прусского юнкерства, командовавшими прусскими войсками, как и опытными ветеранами войн, руководившими гражданскими резервистами, составлявшими основной костяк прусской армии. Они снискали лавры в Крымской кампании в 1854–1855 годах, а в Италии в 1859 году повторили победы раннего Бонапарта у Маджженты и Сольферино. Превосходство Наполеона III в Европе, возможно, в конечном счете и объяснялось разногла-

[6] А вот французские наблюдатели были впечатлены увиденным в ходе мобилизации, в особенности использованием железных дорог и бланками приказов 1840 г., в которые достаточно было вписать дату и поставить подпись для придания им законного характера. – *Авт.*

сиями трех победивших Наполеона I (Российской и Австрийской империй и Пруссии) держав, но в глазах его почитателей оно, как и у его дяди, зиждилось на победах его войск[7].

Военные институты Франции имели мало общего с таковыми в Пруссии. У французов не существовало рекрутированного из дворян офицерского корпуса: между армией и пригородом Сен-Жермен, как считали герои Стендаля, не пролегала почти непреодолимая пропасть. Не существовало таких понятий, как «краткосрочная служба», то есть имелась сравнительно немногочисленная регулярная армия и не было массы обученных резервистов. Франция ранее породила идеал «нации с оружием в руках», но в XIX веке она постоянно отказывалась, по причинам политическим, военным и экономическим, от создания военной организации по образу и подобию своих революционных армий. Суровость наполеоновских призывов на военную службу молодых представителей всех классов, в своем большинстве потом с нее домой и не вернувшихся, представлялась Людовику XVIII достаточным основанием для их отмены. И хотя естественное для послевоенного периода отсутствие волонтеров вынудило в 1818 году вернуться к воинской повинности, эта вынужденная мера была не более чем признанием универсальной ответственности, насаждаемой правительством, проводившим ее в жизнь максимально сдержанно. Повсеместное же введение краткосрочной службы породило бы армию куда более многочисленную, чем та, в которой действительно нуждалась или которую могла бы позволить себе страна. Идея эта в равной мере не привлекала ни самих военных, которые, будучи профессионалами, считали, что лишь долгие годы практики могут воспитать необходимые для солдата качества, ни гражданское население, заинтересованное в том, чтобы уберечь своих чад от тягот и лишений воинской службы, а их самих – от расходов на содержание огромной военной машины. Подход французов периода 1818–1870 годов состоял в том, чтобы путем голосования решать, сколько призывников и каких возрастных групп должны определять численность армии, а потом взять и закрепить результаты голосования в виде закона. И намного большая часть контингента призыву не подлежала, так и оставаясь необученным в военном отношении резервом. «Первая порция» служила не один год (сроки колебались от шести до восьми лет) до тех пор, пока в 1832 году не был установлен семилетний срок, просуществовавший до реформ маршала Ниеля в 1868 году. Долгосрочная служба предназначалась для того, чтобы выбить из призывника все ненужное гражданское и превратить его в истинного солдата. Прослужив семь лет, демобилизованный солдат уже с трудом адаптировался к гражданской жизни и рано или поздно принимал решение вновь вернуться в армию, но уже в качестве волонтера. И, таким образом, в рамках универсальной ответственности за службу росла армия достаточно долго прослуживших профессионалов, которая удовлетворяла всех – и военных, заинтересованных в квалифицированных наставниках и инструкторах для необученного пополнения, и представителей среднего класса, желавшего и далее оставаться спокойным за то, что их наследников мужского пола не поставят в строй.

Единственные, кто пострадал от этой системы, так это сами призывники, и «вытащить неверный номер» считалось нешуточной бедой. Но государство и здесь обеспечило лазейку. Призываемый вовсе не обязан был служить лично, если имел возможность вместо себя послать еще кого-нибудь, военные власти не возражали, – на самом деле, если вместо неопытного и необученного новобранца в армию являлся уже накопивший соответствующий опыт за годы прежней службы человек, что ж – тем лучше. Таким образом, сформировалась и бесперебойно функционировала «система замены», ставшая одной из главных отличительных особенностей военной машины Франции. Были учреждены соответствующие агентства, обеспечивавшие поступление замен, и воинская повинность стала риском, застраховаться от которого было куда проще и надежнее, чем, скажем, от пожара или наводнения. Возможность достичь такой

[7] Турция (1856) и Япония (1868) нанимали французских офицеров в качестве консультантов в ходе реформирования своих армий. – *Авт.*

договоренности позволяла высшим сословиям и среднему классу избежать тягот военной службы, а истинные республиканцы рассматривали ее как несправедливую. «Желать, чтобы беднота выплачивала этот налог на кровь, – как заявила комиссия, занимавшаяся изучением этого вопроса в ходе составления конституции Второй республики, – с тем, чтобы богатые уклонялись от его уплаты, предложив деньги, представляется нашей комиссии чудовищной несправедливостью». Но консервативное большинство в ассамблее успешно выступило против запланированной республиканцами реформы. «Трудности должны быть равными, – соглашался Адольф Тьер, – но если вы желаете приложить те же условия и тот же образ жизни к совершенно разным людям, как раз вы и нарушаете тем самым принцип равенства… Общество, где все – солдаты, – варварское общество». Принцип замены пережил республику, превратившись в неотъемлемую часть французской военной системы.

Французы, с тревогой взиравшие на моральную ущербность подобной системы в сравнении с прусским обязательным призывом в армию независимо от социального происхождения[8], успокаивали себя тем, что, по крайней мере, данная мера, вероятно, обеспечит более компактные и опытные вооруженные силы. Разумеется, армия сознательно отделялась от остальной части общества, презирая все штатское, и будучи сама презираема штатскими. Жюльен Сорель был не единственным амбициозным молодым человеком, кто почувствовал это в постнаполеоновской Франции *le merite militaire n'estplus a la mode* и решил избрать для себя мирную и более прибыльную профессию. Аристократия смотрела свысока на армию как на когорту наполеоновских выскочек, средний класс – как на варварский и рудиментарный пережиток в эпоху всеобщего мира и процветания. Это отношение изменилось после 1848 года, когда имущие классы стали рассматривать армию как необходимого защитника общественного строя от пролетарской революции, и успехи армии в Африке вместе с наводнившими литературу идеями бонапартизма призывали к возрождению национальной гордости галльскими традициями воина. В блеске Второй империи армия, роскошно обмундированная, увешанная орденами за Крым, Ломбардию и Дальний Восток (участие в англо-франко-китайской «опиумной войне» 1856–1860 годов), вновь снискала уважение общественности. Но она оставалась вне остальной страны, и Наполеон III сознательно поддерживал статус-кво, отведя войскам роль своей «преторианской гвардии». «Идеальная конституция, – объявил генерал Трошю, самый рьяный из всех военных реформаторов, – та, которая создает армию, верования и привычки которой составляют корпорацию, отличную от остальной части населения». При столь сомнительном режиме, каковым являлась Вторая империя Наполеона III, резко отрицаемая активным и образованным меньшинством и покоившаяся на общественной апатии, а не на всеобщем согласии, армия обязана была исполнять и полицейские функции, что усиливало тот, вероятно, неизбежный и в какой-то степени востребованный в армии мирного времени дух землячества. Но во Франции он был подпорчен бедностью, в которой вынуждены были жить офицеры, и это в обществе, которое лихорадочно и успешно следовало призыву Гизо «Богатейте!». Офицерство Франции, как и также обедневшее прусское, было лишено каких-либо утешений в виде социального престижа, даруемого принадлежностью к армии. Не было у них за все 40 лет после Ватерлоо и перспектив успешно сокрушить кого-нибудь из своих могущественных европейских соседей, чтобы таким образом обеспечить себе почет, славу и основания возгордиться своей профессией. О качестве военного образования не заботились: уровень обучения

[8] Решение пруссаков решить проблему, примирив принцип обязательности призыва с интересами и пожеланиями высших классов и профессионалов, выразилось в учреждении статуса «добровольно поступившего на службу на годичный срок», закрепленного в законе Бойена в сентябре 1814 г. Молодые люди, получившие образование достаточно высокого уровня, могли по прохождении соответствующего тестирования поступить на армейскую службу «добровольцами на годичный срок». Они носили отличную от других форменную одежду, не находились на казарменном положении и в свободное от службы время имели право переодеваться в штатскую одежду. По истечении одного года их демобилизовывали. Эта практика сохранилась вплоть до роспуска рейхсвера в 1918 г. – *Авт.*

в крупных военных училищах и в Сен-Сире, и в Меце, и в Сомюре был прискорбно низок, и интеллектуальный калибр высокопоставленных офицеров никоим образом не соответствовал их щегольству. «Если задумаешь что-либо, – сетовал Наполеон III, – только офицеры специальных служб и способны это воплотить в жизнь, но стоит только дать обычным офицерам мало-мальски важное поручение, как они тут же начинают жаловаться».

Но даже эти сомнительного уровня подготовки военные училища были доступны лишь выходцам из богатых семей и получившему неплохое образование меньшинству, и поступление туда стоило немалых денег. Подавляющее большинство дослуживалось до званий в ходе службы в войсках, и, несмотря на приобретенный практический опыт, им все же недоставало теоретических знаний. Маркиз де Кастельян жаловался, что на десять новых капитанов, прибывших на службу в его часть в Перпиньян в 1841 году, всего двое умели читать и писать, а в 1870 году немцы поражались неграмотности французских офицеров, оказавшихся в прусском плену. Эти выслужившиеся из рядовых офицеры, как правило, не соответствовали высоким занимаемым должностям[9]. Они вполне соответствовали статусу полковых офицеров: хоть и пожилые, но бесстрашные, испытанные в боях и пользовавшиеся уважением подчиненных. Именно из их рядов вышел по крайней мере один маршал: Ашиль Франсуа Базен.

Может показаться любопытным, что такие промахи коренились и углублялись в армии, которая начиная с 1830 года почти непрерывно участвовала в активных боевых действиях. Но на самом деле африканский опыт лишь усугублял упомянутые промахи и недостатки. Военные операции в Африке проводились небольшими подразделениями, и от их командиров требовались не столько глубокие теоретические знания, сколько отвага, сметливость и навыки внезапных атак – качества, считавшиеся во французской армии присущими ей, и только ей. Не было необходимости глубоко вникать в изучение военного дела или овладевать навыками взаимодействия войск в бою в ходе сражений. Не было потребности и в тщательно продуманной организации войскового подвоза: солдаты везли все необходимое на вьючных лошадях или тащили на своих спинах. Эти же привычки они распространяли и на европейские кампании. Французские солдаты шли в бой в 1870 году, таща на себе около 70 фунтов груза (более 30 килограммов), включая провиант на несколько дней. Непосредственно перед сражением все сваливалось в кучу, и если бой был проигран, солдаты, разумеется, оставались ни с чем.

Все порочные командные стереотипы, отличавшие наполеоновские армии, крайне негативные последствия которых сводил на нет лишь стратегический гений самого Наполеона, прочно укоренились у французов. Но, невзирая ни на что, эта армия продолжала одерживать победу за победой. Главный принцип, которым руководствовались французские военные, был и оставался – *le systeme D: on se debrouillera toujours* — «как-нибудь, да выкарабкаемся». И выкарабкивались, хоть и немалой ценой. Полнейшая неадекватность французского военного командования стала очевидной с началом войны против европейских врагов: России в 1854 году (в ходе Крымской войны 1853–1856 годов) и Австрии в 1859 году. Ставка командования, войсковой подвоз и административные службы отсутствовали как таковые, и все приходилось создавать, как говорится, на ходу. Войска транспортировали в Черное море на пароходах, а потом они вынуждены были дожидаться прибытия вооружений, боеприпасов и провианта. В 1859 году для участия в войне с Австрией, о которой политики твердили вот уже четвертый год, французская армия прибыла в Ломбардию в состоянии вопиющей неготовности. У солдат передовых частей, переходивших границу, отсутствовали одеяла, палатки, кухонный инвентарь, фураж, а иногда даже и боеприпасы. Обувь приходилось заимствовать у итальянцев, в качестве перевязочного материала в Сольферино использовалось разорванное обмундирование, а тем временем необходимое медицинское оборудование скапливалось в доках генуэз-

[9] Примерно две трети офицеров, от капитана и выше, начинали службу рядовыми. Соответственно, такие кадры составляли до 25 % офицеров, занимавших командные должности и приблизительно 15 % дивизионных генералов. – *Авт.*

ского порта. И это еще не все – участок, где предстояло вести боевые действия, был хорошо известен наличием там и крепостей, однако армия так и не получила необходимого оснащения для их штурма. Наполеон III телеграфировал из Генуи: «Мы послали в Италию армию в 120 000 человек, но не позаботились о необходимых поставках для них. Это, – продолжал он, – прямая противоположность тому, что мы планировали».

Тем не менее французы выиграли обе войны. Какими бы ни были все присущие им и ставшие уже традиционными недостатки, вероятно, у их противников дела в этом смысле обстояли еще хуже. Не приходится удивляться тому, что французская армия победила, по словам одного из ее служащих, за счет «всесильной выучки ее солдат, столь же удачливых, как и бесстрашных и в открытую презиравших военное искусство». Некоторых более проницательных командующих во главе с самим императором серьезно волновали огрехи французского военного командования, вскрывшиеся в ходе кампании 1859 года. Но, по мнению большинства в армии, да и во всей стране, одержанная победа гарантировала любые оправдания, необходимые для сохранения системы, которая, невзирая на все ее недостатки, все же выдержала испытание временем.

Реформа прусской армии

К 1860 году французская армия разбила двух из своих главных европейских противников. Что касалось третьего, Пруссии, то ее Франция опасалась меньше. И это было оправданно – французы на тот момент вообще не воспринимали всерьез прусскую армию. Во французской армии главенствовало мнение о том, что прусские вооруженные силы не более чем «учебка ландвера». Без проведения всеобщей мобилизации прусская армия была слишком малочисленной и неспособной на проведение серьезных военных операций, а после всеобщей мобилизации представляла собой плохо обученное и недисциплинированное ополчение, которое, как не без основания считали французы, ветераны Африки и Италии, было достойно лишь презрения. Ни в отношении управления, ни боевой выучки прусская армия, судя по всему, не обладала преимуществами перед французами. В ходе королевских маневров в 1861 году один французский наблюдатель выразился: «Это компрометирует профессию».

К 1861 году очевидная слабость вооруженных сил уже не один год тревожила и самих пруссаков. Даже либералы, принципиальные противники любого усиления монархии, от которой им крепко досталось в 1848 году, и те были обеспокоены неспособностью Пруссии противостоять гегемонии Австрийской империи в Германии – гегемонии, как они считали, куда более опасной для национального единства, чем гегемония монархистской Пруссии. Достаточно проницательные консерваторы, как Альбрехт фон Роон, один из самых ярых сторонников абсолютизма Гогенцоллернов, видели всю нелепость военной системы, которая во время кризисов зависела от поддержки как раз тех гражданских элементов, которым у короны имелись все основания не доверять, а больше остальных был заинтересован принц Вильгельм Прусский, ставший в 1857 году королевским регентом вместо своего страдавшего прогрессирующим психическим заболеванием брата Фридриха Вильгельма IV.

Принц Вильгельм был первым из кадровых военных, кто занял прусский трон после смерти Фридриха II Великого (1712–1786 годы, король Пруссии с 1740 года). Он в составе прусской армии принимал участие в антинаполеоновской кампании 1814 года, он командовал прусскими силами, подавлявшими восстание либералов в Бадене в 1848 году, и он любил армию ничуть не меньше своего предка Фридриха Вильгельма I (1688–1740 года, король с 1713 года). И как и у Фридриха Вильгельма I, боеспособность вооруженных сил всегда стояла у него на первом месте. Ничто не говорило о том, что он в 1858 году считал свою армию гарантом прусской гегемонии в Германии, не говоря уже о Европе в целом. Но масштабные реформы, без которых прусская армия смогла бы претендовать на могущество и способность выстоять в европейской войне, были возможны лишь при условии фундаментальных политических перемен, ввергнувших Пруссию в конституционный кризис, столь же мучительный, как и тот, который пережила Англия в 1640-х и 1660-х годах и результат которого стал решающим для будущего государственного устройства.

Проект общей реформы прусской военной организации был в общих чертах представлен в меморандуме, составленном Альбрехтом фон Рооном для регента летом 1858 года. В упомянутом документе фон Роон указывал на потребность Пруссии, если она и дальше претендует оставаться великой державой, в «недорогостоящей, но в то же время весьма боеспособной армии», и вновь подчеркивал, что в этом смысле никак нельзя полагаться на ландвер. Разногласия по поводу проводимой государством политики неизбежно отражались на ландвере и исключили любые «добровольные политические компромиссы». Но подобная «добровольность, – продолжал фон Роон, – являлась первейшим условием для создания сильного независимого правительства», а добиться этого было возможно лишь при условии полного подчинения ему вооруженных сил, не рассуждающих, а беспрекословно выполняющих его распоряжения. Необходимо «более тесное сближение» ландвера и армии. Необходимо упразднить

ландвер, как автономно функционирующую гражданскую организацию. Вместо него предстоит сформировать «территориальные команды», укомплектованные армейскими офицерами, на которых будет возложено обучение ландвера как основного резерва. Более того, контингент ландвера необходимо формировать из уже прошедших армию и прослуживших в ее рядах не менее семи лет солдат – это обеспечило бы регулярной армии прирост в семь возрастных групп и минимизировало бы необходимость вообще призывать ландвер. Таким образом, создание регулярной армии необходимо ускорить, увеличив численность офицерских и унтер-офицерских кадров, пересмотреть условия поступления на службу, боевой подготовки и самой службы.

Сама суть этих предложений у Вильгельма никаких возражений не вызывала. Хаос и неэффективность мобилизации 1859 года диктовали безотлагательные решения по данному вопросу, и он создал комиссию, возглавил которую сам Роон, для изучения и систематизации предложений по законодательству. Немалая политическая сноровка требовалась для проведения через ландтаг предложений касательно увеличения военного бюджета и аннулирования автономии ландвера, и регент был готов к бескомпромиссной борьбе. И действительно, он отказался поддержать идею Роона о том, что общественность не будет протестовать против сокращения срока службы в действующей армии до двух лет. «Дисциплина, слепое повиновение воспитываются и становятся плотью и кровью далеко не сразу, а по прошествии времени, – утверждал он, – поэтому и необходим более длительный срок службы». Увеличение численности вооруженных сил не должно приводить к ослаблению ее традиций Гогенцоллернов, и гарантией тому будет лишь длительный срок службы.

При условии внесения подобных изменений предложения Роона могли вызвать лишь яростные протесты. Военный министр генерал Эдуард фон Бонин настолько вяло поддержал их, что Вильгельм в декабре 1859 года назначил на его должность самого Роона. Отставка либерально настроенного фон Бонина и замена его реакционером послужила вызовом либералам и обусловила конфликт между королем и ландтагом, не утихавший целых восемь лет. Роон не позволил вмешиваться в ход инициированных им реформ. К сентябрю 1862 года парламентская оппозиция достигла точки, когда ландтаг отказался от всех дальнейших уступок армии, и Вильгельм I (вступил на престол в 1861 году), по рекомендации фон Роона, назначил премьер-министром (министром-президентом) лишенного и следа ортодоксальности Отто фон Бисмарка (1815–1898). Теория Бисмарка о «пробеле» в конституции, в результате которого в случае патового конфликта между троном и ландтагом трон был наделен правом принять все необходимые меры для сохранения стабильности государства, что позволило ему увеличить налоги, за что ландтаг проголосовать отказался. В сентябре 1863 года ландтаг был распущен. Вскоре, в 1864 году, Бисмарк вовлек Пруссию в войну с Данией (напав на нее в союзе с Австрией), и военный конфликт, как это обычно происходит, укрепил позиции правительства и ослабил оппозицию. Поскольку конфликт с Австрией продолжал обостряться, либеральный сектор, выступавший за объединение Германии под началом Пруссии, склонился к поддержке Бисмарка, и конституционный кризис был фактически разрешен 3 июля 1866 года на поле битвы при Садове (Кениггреце). Два месяца спустя ландтаг предоставил правительству полную компенсацию за свои неконституционные расходы за прошлые четыре года, и на следующий год печать парламентского одобрения была приложена к армейским реформам армии. 20 октября 1867 года Роон торжественно заявил королю о том, что борьба наконец завершена. Мало того что прусская армия была реформирована согласно его проекту, но появились и вооруженные силы нового Северогерманского союза, создание которого и стало возможным благодаря победам армии.

Так, к 1868 году, то есть спустя десять лет после того, как кронпринц Вильгельм сменил своего брата, прежняя армия Пруссии была преобразована в армию Северогерманского союза, а военное законодательство упомянутого союза было полностью скопировано с прусского.

Король Пруссии стал главнокомандующим федеральной армии. Срок обязательной воинской службы был снова установлен, и армия – с добавлением военно-морского флота – снова считалась «военной школой всей страны». Но имелись и существенные различия. Срок службы был установлен в три года с призывным возрастом в 20 полных лет, но призывники тогда служили с запасом четыре года вместо двух, прежде чем попасть в ландвер. На первом году службы в ландвере они могли все еще быть призваны вместе с запасниками. Таким образом, регулярная армия в случае мобилизации состояла, в дополнение к кадровому составу, из семи призывных возрастов, в случае необходимости и из восьми призывных лет. Служба в ландвере сократилась с семи лет до пяти. Контроль со стороны регулярной армии ужесточился настолько, что ландвер по праву мог считаться вторым эшелоном регулярных вооруженных сил. Непосредственный контроль осуществлялся территориальным командованием (армейскими корпусами), на которые была поделена Пруссия и которые затем были увеличены из расчета покрытия всей территории.

Такая организация облегчила расширение прусской военной системы на остающиеся государства Германии. Власти в каждом армейском корпусе были в значительной степени самостоятельны. Они привлекали новобранцев в местном масштабе, обучали собственный ландвер и отвечали за мобилизацию во время войны. Суверенные государства могли таким образом стать новыми армейскими корпусами без ущемления чувства местной гордости. Но расширение прусской военной системы не обходилось без трений, в особенности с такими государствами, как Ганновер и Саксония, сражавшимися в 1866 году на стороне Австрийской империи. Централизацию и однородность необходимо было смягчить. Должности союзного военного министра не существовало, армии государств были связаны с прусским военным министром отдельными военными соглашениями, а Гессен, Саксония, Брауншвейг и Мекленбург сохраняли за собой значительную степень автономии военной администрации. Государства, расположенные южнее Майна, находились в неустойчивом равновесии между Пруссией, Австрией и Францией и заметно отставали. Баден, встревоженный французскими планами в Рейнланде, с большим энтузиазмом встретил инициативы Пруссии, приняв ее систему фактически в целом. Вюртемберг, принимая прусские инструкции и вооружение, сохранил прежнюю военную форму и организационную структуру ландвера, а Бавария, хотя в январе 1868 года и ввела у себя и воинскую повинность, и многие другие особенности прусской административной политики, упрямо цеплялась за свою независимость по вопросам вооружений, военной формы и тактической организации. Но даже без южных государств армия Северогерманского союза весьма впечатляла. В 1870 году ее общая численность, включая резервистов, оценивалась в 15 324 офицера и 714 950 солдат, кроме того, ландвер предоставил еще 6510 офицеров и 201 640 солдат. Когда подошло время проверки, Роон выставил 1 183 389 солдат и офицеров, 983 064 из которых были от Северогерманского союза, – неслыханная сила, как с грустью отметил один французский историк, начиная с легендарных армий Ксеркса (численность которых греческими историками сильно преувеличивалась. – *Ред.)*.

Численность войск и их боеспособность не всегда синонимы. Развертывание сил и снабжение таких масс связаны с огромными проблемами. Как говорится, меч иногда бывает тяжеловат, чтобы ловко владеть им. Наполеон вторгся в Россию с армией численностью чуть больше половины от упомянутой выше, и вскоре выяснилось, что управлялся он с ней с великим трудом, тогда как в 1797 году и позже, в 1814 году, он сумел малочисленными силами разъединять и побеждать значительно превосходящих противников (в 1814 году недолго – дело закончилось взятием Парижа русскими и их союзниками). Именно этот аргумент успокаивал французов, следивших за ходом реформ Роона за Рейном[10]. Однако он не учитывал достижений в науке и промышленности, работавших на войну.

[10] Сам Мольтке признавал: «Весьма крупные скопления войск – головная боль. Сосредоточенные в одном месте мно-

Было бы неверно прийти к заключению, что прусская армия в целом в совершенстве владела всеми новыми методами ведения войны. И в организации железнодорожных перевозок, и в мобилизации резервистов, и в обучении было допущено множество ошибок – не только в 1864 и 1866 годах, но и в 1870 году. Но и противник Пруссии допускал еще более серьезные ошибки. Пруссаки, по крайней мере, изучили свои ошибки и сделали из них соответствующие выводы, пересмотрев подготовку и организацию войск. Они поступили так не потому, что прусские генералы были умнее или работоспособнее, чем у противника, а потому, что пруссаки завели у себя в Генеральном штабе структуру, занимавшуюся как раз этими вопросами: подбор исследований по ведению войны, анализ прошлого, понимание будущего и непрерывное обеспечение командующих необходимыми сведениями и проведение консультаций.

В других армиях Генеральные штабы представляли собой всего лишь сборище адъютантов командующего. Большего и не требовалось в периоды, когда численность войск редко достигала шестизначных чисел и фронт сражений был соответственно ограничен. Но рассредоточение армий на марше, ставшее возможным благодаря железной дороге и телеграфу, а также рассредоточение в ходе сражения, ставшее возможным благодаря современному огнестрельному оружию, повышало требования к нижестоящим командирам и создавало технические проблемы поставок и связи, решение которых оказывалось под силу лишь хорошо подготовленным специалистам в данной области. Командующим высоких рангов требовались не просто адъютанты, а профессионалы-консультанты, способные предложить нужное решение проблем, связанных с техническими трудностями связи и войскового подвоза.

Однако оперативный простор в значительной степени ограничивал прямое управление. Штаб армии мог располагаться в нескольких днях марша от своих передовых частей, командующему оставалось уповать лишь на то, насколько верно будут подчиненные ему командиры следовать ранее данным им инструкциям, то есть даже в его отсутствие они должны были реагировать на нештатные ситуации именно так, как требовал этого он. Трудно было ожидать подобной слаженности от командующих корпусами и армиями, не прошедших соответствующей подготовки, и тех, кто нередко по званию был старше начальника Генштаба, да и был настроен к нему не всегда дружелюбно. Но офицеров-штабистов можно было соответствующим образом подготовить, и хотя офицеры-штабисты подчинялись командующему, это было подчинение по форме и оттачивалось самим начальником штаба. Таким образом, прусский Генштаб действовал подобно нервной системе, приводящей в движение неповоротливое тело армии, обеспечивая ему необходимую гибкость, позволявшую войскам действовать наиболее эффективно. Ту самую гибкость, которой были лишены французы, кое-как стянутые в одно место и не имевшие возможности рассредоточиться в нужный момент, когда численность сил перестает быть фактором успеха, а превращается в свою противоположность.

То, что прусский Генеральный штаб оказался способен выполнить эти функции, объясняется прежде всего формой, которую придал этой структуре Гельмут фон Мольтке, с момента своего назначения на должность начальника Генштаба в 1857 году сделавший упор на обучении. Его заслуга состояла не в инновациях, а в личном контроле за подбором офицеров и их подготовкой. Сыграли роль и незаурядные качества самого Мольтке. Действительно, склонность Мольтке к самоанализу, широта его кругозора и даже его внешность ассоциировались скорее с миром искусства, чем с полями сражений, и свидетельствовали о присущем этому человеку гибком уме. Преданность и уважение его подчиненных объяснялись прежде всего характером отношений, больше напоминавших учителя и ученика, чем вышестоящего к нижестоящему. По характеру Мольтке был либеральным гуманистом, но строгая самодисциплина превратила его в добросовестного, даже педантичного специалиста, и Генеральный штаб он

гочисленные силы труднее снабдить провиантом, почти невозможно расквартировать…» (Verordnungen ftir die hoheren Truppenftihrer vom 24 juni 1869' in Tak-tisch-strategische Aufsatze 173.) – *Aem.*

сформировал по своему собственному подобию. Он набирал сотрудников из числа самых незаурядных своих учеников, ежегодно заканчивавших военную академию. Из приблизительно 40 человек, отобранных его советниками из 120 ежегодных выпускников, фон Мольтке отбирал лишь 12 человек, но лучших из лучших. Однако и им предстояло выдержать испытательный срок, работая под постоянным личным контролем Мольтке и сопровождать его в штабных выездах, которым он всегда отводил центральную роль в обучении. Если тот или иной кандидат стопроцентно не удовлетворял Мольтке, он направлялся в войска. Офицеры-штабисты в любом случае должны были какое-то время до обучения в военной академии прослужить в действующих войсках – именно это и обеспечивало постоянную связь штаба и войск, распространяло идеи и подходы фон Мольтке в вооруженных силах. Таким образом, к 1870 году армия была в основном сформирована согласно его концепции. Многие командующие бригадами и дивизиями обучались у него, и ядром каждого корпуса и каждой армии становился проницательный и лишенный авантюризма начальник штаба соединения, отдававший продуманные распоряжения, сформулированные в предельно простой форме. Этот начальник штаба перебрасывал силы до самого последнего момента компактно, не рассредоточивая их, и постоянно обращал внимание на необходимость взаимовыручки.

Подготовка штаба и через него армейского командования в целом была лишь одной из стоявших перед Мольтке задач. Кроме того, он отвечал за составление оперативных планов – жизненно важную и весьма сложную составляющую безопасности и военной мощи государства, имевшего столь уязвимые границы, как Пруссия. Исход войны зависит от быстрого принятия решений и верного развертывания сил, от умения командиров повести за собой войска, от проявленного в ходе сражений мужества. Но и перечисленные факторы не стоят ничего без своевременной переброски подразделений, частей и соединений, необходимой численности на нужный участок. «Ошибка в первоначальном сосредоточении войск, – писал Мольтке, – может едва ли быть компенсирована всем дальнейшим ходом кампании». Во-первых, необходимо было следить за бесперебойной мобилизацией сил; во-вторых – за доступностью необходимых железнодорожных линий и их готовностью к использованию и, наконец, располагать продуманно составленными планами развертывания сил, которые соответствовали бы любой мыслимой политической чрезвычайной ситуации.

Сложности мобилизации 1859 года убедили фон Мольтке в масштабах проблемы, с которой ему предстояло столкнуться, и впредь он неустанно работал над ее разрешением. Один административный метод облегчал задачу: децентрализация мобилизационных мероприятий до уровня корпусных территорий, командующие которых находились в тесном контакте с соседями и где удобно было иметь под рукой все необходимые списки резервистов и склады обмундирования и оружия. В 1866 году мобилизационные мероприятия были проведены достаточно оперативно, позволив отыграть время, потерянное из-за нерешительности короля Вильгельма I, долго колебавшегося, прежде чем напасть на Австрийскую империю, к которой он питал такую глубокую симпатию. К 1870 году военная машина была усовершенствована. Все армейские соединения, части и подразделения, все боевые единицы ландвера, все службы, отвечавшие за транспорт и связь, располагали заранее заготовленными приказами – оставалось лишь, получив соответствующее распоряжение сверху, проставить дату и приступить к их исполнению.

Были также тщательно изучены ошибки, связанные с организацией железнодорожных перевозок в 1866 году. В той кампании пруссаки совершили множество ошибок, как и французы в 1859 году. Поставки отправлялись без учета наличия разгрузочных средств в пунктах назначения, а разгруженные вагоны, срочно требовавшиеся в другом месте, скапливались, блокируя запасные пути и целые станции. Железнодорожные линии функционировали сами по себе, и командующие фронтовыми формированиями отдавали распоряжения местным железнодорожным служащим без ссылки на Мольтке или на кого-либо еще. Все эти огрехи исчезли с

созданием при Генштабе специального отдела связи и гражданско-военной централизованной комиссии, заранее составлявших планы на случай использования железных дорог в военное время. Детально описанные мероприятия были также децентрализованы до уровня корпусных территорий, но главный инспектор по вопросам связи в полной мере нес ответственность за все поставки, а один из трех главных заместителей фон Мольтке отвечал исключительно за связанные с железнодорожным транспортом вопросы. Даже в 1870 году далеко не все шло гладко. По-прежнему избыток пустых вагонов блокировал линии, и поговаривали даже, что, дескать, лишь захват французских припасов избавил армию вторжения от «условий, граничащих с голодом». Но те воистину ужасные условия, в которых оказались французские войска вследствие некомпетентного управления железнодорожными перевозками, служат неоспоримым доказательством важности усилий, прилагаемых фон Мольтке по созданию специального отдела транспортных перевозок и контролю за его деятельностью, что в конечном итоге позволило добиться пусть даже относительного, но успеха германских войск, своевременно получавших все необходимое для ведения боевых действий.

Наконец, были разработаны планы развертывания войск – всем известный *Aufmarsch,* обусловленный центральным положением Пруссии в Европе, определявшим ее стратегию. Железные дороги значительно облегчили проблему войны с тремя потенциальными противниками, но не решили ее окончательно. Открытым оставался вопрос, против кого из противников бросить главные силы и какие минимальные силы оставить для прикрытия границ. Для разрешения этой наиглавнейшей проблемы было необходимо точно выяснить, какими доступными коммуникациями располагали Франция, Австрия и Россия и сроки их мобилизации и доставки в оперативные районы. Кропотливая работа Генерального штаба выкристаллизовалась в создании планов развертывания, разработанных фон Мольтке в период 1858–1880 годов. Они содержали полученные разведкой достоверные данные о неприятельских ресурсах, о ресурсах потенциальных союзников, необходимые меры для усовершенствования эксплуатации германской железнодорожной сети, усилия по обеспечению самой быстрой в Европе мобилизации. Кроме того, эти планы служили своего рода барометром, чутко реагировавшим на все изменения напряженности политической ситуации в Европе, очевидных угрозах Пруссии, из года в год менявшихся. Оценка Мольтке этих угроз неизбежно была подвержена влиянию его собственных политических воззрений. Конфликт с Австрией он рассматривал как необходимую, но прискорбную «кабинетную войну» в старом добром стиле, целью которой было восстановление баланса сил. С Францией он, судя по всему, не считал возможным поддержание постоянного мира, как до, так и после 1870 года, а исходившая от России опасность время от времени казалась еще большей. Следовательно, постоянное составление и переработка планов относительно войны на два фронта и озабоченность безопасностью – все это досталось в наследство его преемникам и в конечном итоге возымело фатальные последствия для мира в Европе.

Пост начальника Генерального штаба в тот период, когда Мольтке занял его, большого значения не имел. Никто с Мольтке не консультировался в период составления и осуществления армейских реформ, как и в начале войны с Данией в 1864 году. Командующим вооруженными силами Пруссии в начале этой кампании был 80-летний фельдмаршал фон Врангель, который уже водил их в бой в неудавшейся кампании 1848 года и чье здравомыслие внушало сомнения. Своим начальником штаба он назначил тоже некомпетентного генерала Фогеля фон Фалькенштейна. Рекомендации Мольтке о том, что датчан необходимо окружить и уничтожить на передовых позициях, не позволив им отойти на недоступные острова, были проигнорированы. Лишь после трехмесячных ни к чему не приведших сражений Фалькенштейн и Врангель были заменены на фон Мольтке и на племянника короля, человека, способного к принятию гибких решений и разбиравшегося в военных вопросах принца Фридриха Карла. После этого операции проводились умело, продуманно, что навсегда обеспечило фон Мольтке благосклон-

ность короля. Но Мольтке предстояло приложить еще массу усилий, чтобы стать единственным и общепризнанным военным советником короля и, таким образом, теневым главнокомандующим вооруженными силами Пруссии во время войны. Его план кампании против Австрийской империи должен был быть ратифицирован неким военным советом, раскритиковавшим его. Предложенное фон Мольтке распределение сил было изменено по настоянию Бисмарка военным министерством ради обороны Рейнланда, и для поддержки первоначального плана фон Мольтке потребовалось личное вмешательство короля. Даже статус Мольтке как главного военного советника короля не способствовал повышению к нему доверия. «Почти 70-летний король во главе войск, – выразился один офицер, сын великого Бойена, – а рядом с ним этот убогий Мольтке. Ну, и каков будет результат?» Армейские командующие были на грани прямого неповиновения. Фогель фон Фалькенштейн, командуя войсками, наступавшими на Ганновер, презрев наставления Мольтке, впоследствии имел проблемы. Кронпринц, командуя продвинутой дальше остальных на восток одной из трех армий, силами которых

Мольтке запланировал вторгнуться в Чехию, изменил планы ради усиления обороны Силезии и таким образом нарушил практически весь план кампании. Фридрих Карл, продвигавшийся в центре, еле тащился, и в один прекрасный момент даже показалось, что командующий силами Австрийской империи Бенедек, воспользовавшись численным превосходством, вот-вот атакует силы кронпринца и разгромит пруссаков. Решение Мольтке вести армии отдельно друг от друга и объединить их только на поле битвы вызвало резкую критику большинства его коллег. В конце концов, когда австрийцы оказались в сложном положении, когда Фридрих Карл (1-я армия) с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом (2-я армия) развернулись против правого фланга австрийцев, а Эльбская армия стала угрожать с тыла их левому, Фридрих Карл, вместо того, чтобы малыми силами сдержать противника, бросил все имеющиеся силы в явно преждевременное наступление, которое, окажись оно даже успешным, дало бы возможность австрийцам отойти на безопасное расстояние и не оказаться в клещах ловушки фон Мольтке. Посыльный Мольтке добрался до командующего резервным подразделением генерала фон Манштейна как раз вовремя. И тот произнес знаменитую фразу: «Все, кажется, в порядке. Но кто такой генерал фон Мольтке?» К вечеру австрийская армия была разбита, потеряв 24 000 человек убитыми и ранеными и 13 000 взятыми в плен. Больше подобных вопросов никто не задавал.

Реформа французской армии

Кое-кто из французских военных присматривался к действиям Мольтке. «Можете считать эту армию армией адвокатов и окулистов, – предупреждал генерал Бурбаки в 1866 году, который двумя годами ранее посетил Берлин, – но она доберется до Вены когда пожелает». Но в целом французы не считали равноценными прусскую и австрийскую армии – последняя сражалась с французами в Италии в 1859 году, – и новость о разгроме при Садове была для них громом среди ясного неба. Очевидное объяснение прусской победы, той, которая была воспринята на ура, состояло в том, что сражение было выиграно благодаря прусским игольчатым нарезным ружьям Дрейзе[11], и как только французы вооружили свою армию новыми ружьями Шаспо, заряжавшимися с казенной части, они не сомневались, что превосходство вновь будет на их стороне. Но некоторые, поумнее, и к ним принадлежал император Наполеон III, понимали, что корни побед Пруссии лежат глубже: в ее успехах в боевой подготовке армии, организованной по принципу призыва на относительно короткие сроки службы, в способности молниеносно провести мобилизацию резервистов, оперативно перебрасывать войска, в организации бесперебойного войскового подвоза к полям сражений, не допуская при этом хаоса, ставшего повсеместным явлением во французской армии в Италии в 1859 году. Чтобы справиться с таким противником, Франция должна была бы достичь новых стандартов эффективности управления войсками и ей, возможно, даже пришлось бы пересмотреть свой главенствующий принцип: относительно немногочисленная армия призванных на длительные сроки профессионалов, потому что именно на нем вплоть до настоящего времени базировалась ее военная организация.

Когда осенью 1866 года военные власти Франции исследовали ситуацию, они оценили, что потенциальная численность армии Пруссии приблизительно 1200 000 обученных солдат и офицеров. Во Франции же, согласно одной официальной оценке, под ружьем находилось 288 000 человек, часть которых вынуждены были выполнять боевые задачи в Алжире, Мексике и Риме. Необходимо было значительно увеличить численность личного состава, и Наполеон III поставил целью мобилизовать в армию миллион человек. Когда в ноябре 1866 года в Компьене состоялось совещание гражданских и военных руководителей по рассмотрению проблемы и выработке способа ее разрешения, там обозначились две диаметрально противоположные точки зрения. Одна сторона, к которой принадлежал и сам император, выступала за прусскую модель армии. Против этого возражали и военные, и гражданские. Военный министр маршал Рандон возглавил оппозицию военных и выразил глубокое профессиональное недоверие резервистам. «Основу военной организации, – аргументировал он, – составляет армия, профессиональная армия», и если в данный момент было невозможно резко увеличить ее численность, оставалось одно – продлить срок службы, в случае необходимости до девяти лет. В то же время предложение Наполеона III подверглось критике со стороны штатских. Призыв на обязательную военную службу противоречит конституции, и только *Corps Lëgislatif* (позднее – палата представителей) вправе определять численность регулярной армии. Министры указали на урон, который неизбежно будет нанесен сельскому хозяйству универсальным налогом. Отчеты префектов доказывали, что любое увеличение поборов на содержание армии вызовет резкое недовольство электората, от которого все больше и больше зависела самолиберализующаяся империя.

С политической точки зрения все верно – вряд ли император мог выбрать более неподходящий момент для реформ. Либеральные учреждения, которыми Наполеон III разбавлял свою

[11] Ружье Дрейзе перезаряжалось пехотинцем и в положении лежа, тогда как австрийское нарезное ружье Лоренца заряжалось с дула только в положении стоя. – *Ред.*

авторитарную империю, достаточно укрепились и не могли просто игнорировать общественное мнение, но память о его притеснениях еще была слишком свежа для оппозиции, чтобы согласиться с ним и предлагаемыми им мерами по укреплению вооруженных сил, с помощью которых он осуществил в декабре 1851 года государственный переворот (и в декабре 1852 года провозглашен императором), и которые продолжал использовать как инструмент правления. Более того, фиаско в Мексике тоже не выветрилось из памяти общественности – где гарантия, что и армия нового типа не окажется вовлеченной в новые аналогичные авантюры? Вокруг ядра протестующих группировались те, чьи коммерческие, экономические, аграрные да и просто гедонистические интересы оказались бы неизбежно задеты увеличением военных расходов, в то время как эти силы в течение пяти лет боролись за их сокращение.

Для процветающей и просвещенной буржуазии середины XIX века во Франции война представлялась немыслимой. Превалировали обвинения в ее адрес, все чаще и чаще раздавались голоса за полный отказ от военных действий, как способа решения политических проблем. Международная лига мира[12], среди членов которой были наиболее уважаемые представители общественности Франции, проводила ежегодные конференции протеста против бремени гонки вооружений и за растущее содружество наций. Наполеон столкнулся с оппозиционными настроениями, с теми же, с которыми пришлось столкнуться и королю Вильгельму I в Пруссии шестью годами ранее и справиться с которыми он сумел лишь при помощи жесткой позиции Бисмарка. Десятью годами ранее Наполеон III, возможно, действовал бы так же, но теперь было уже слишком поздно. Сам император был пожилым и больным человеком; герцог де Морни, единственный, кто, возможно, и мог его поддержать, уже умер, да и сам Наполеон III зашел слишком далеко по пути конституционной системы правления, чтобы попятиться. Французским военным приходилось действовать в узких рамках политически возможного – народ считал каждый потраченный на армию су, не доверял правителям и не проявлял единства внутри себя.

Конференция в Компьене зашла в тупик, но выход подсказывал один из ее участников, маршал Ниель, не отделявший военные проблемы от политических и чье умение вести аргументированные дебаты обеспечило ему репутацию одного из немногих, кто был способен осуществить военную реорганизацию в необходимых масштабах. Решение, предложенное Ниелем, состояло в том, чтобы возродить национальную гвардию, которая выполняла бы те же задачи, что и ландвер в Пруссии. Традиции национальной гвардии были несколько другими. Основанная как буржуазный инструмент в целях поддержания порядка в начале Французской революции, а позднее вошедшая в состав революционной армии, она реформировалась и Наполеоном I, и Людовиком XVIII, и Луи Филиппом, но всегда ее роль сводилась к обеспечению порядка и защиты собственности внутри страны, то есть борьба с «внутренним врагом». Членство в ней ограничивалось имущими классами до 1848 года, когда это ограничение было отменено, и части из Фобур-Сент-Антуана в июньские дни ожесточенно сражались против правительственных войск. Для диктатуры Луи Наполеона (который после переворота стал Наполеоном III) национальная гвардия была постоянным источником проблем и как инструмент средних классов, но больше всего как нация с оружием в руках; и вскоре после совершенного им в 1851 году государственного переворота он решил вообще распустить ее.

---

[12] Ligue Internationale de la Paix. Была основана в 1867 г. В целом, в 60-е гг. XIX столетия деятельность пацифистов достигла невиданной до сих пор активности. В 1864 г. Великобритания подала заявление в арбитраж по вопросу об инциденте в Алабаме. В 1864 г. М. Дюран созвал в Женеве конференцию, результатом которой стала Женевская конвенция о нейтралитете медицинских служб. В 1867 г. на следующей конференции были вскрыты все уязвимые места упомянутой конвенции, обнаружившиеся в ходе австро-прусской войны, и были добавлены новые статьи. Однако гуманитарные тенденции так и не возобладали над шовинистическими: Пьер де ла Горе произнес свою прозорливую фразу: «La plus grande marque de chauvinisme etait de croire qu'il sufflsait que la France ne vouldt point la guerre pour que la paix fut assuree» – «Величайшим признаком шовинизма было убеждение, что этого достаточно, чтобы Франция не желала никакой войны ради обеспечения мира». – *Авт.*

И, следовательно, национальная гвардия не могла являться аналогом ландвера, однако Ниель все же предложил задействовать ее в тех же целях. Согласно его замыслу, принцип ежегодного призыва небольшого по численности контингента сохранялся, и призывники должны были служить в течение шести лет в составе регулярных войск, но все остальные лица призывного возраста, и те, кто избежал призыва, и те, кто легально от него освободился, должны были отслужить и пройти соответствующую подготовку в составе мобильной гвардии *(Garde Mobile).* Это же касалось и отслуживших. С этой идеей выступил сам Наполеон III и в качестве пробного шара официально довел ее до сведения в «Универсальном вестнике» 12 декабря 1866 года. Такая организация, считал он, создаст армию численностью в 824 000 солдат в случае мобилизации, а мобильная гвардия обеспечит еще 400 000 человек. Таким образом, обретал реальные очертания его план выставить миллионную армию. Жак Луи Рандон скептически отнесся к этому плану. «Это лишь даст нам новобранцев, – считал он. – А нам нужны солдаты». С возражениями Рандона можно было согласиться, но император отстранил его от должности, и в январе 1867 года на пост военного министра был назначен Ниель. Но план этот показался слишком радикальным и трусливым бюрократам из Государственного совета *(Conseil d'État),* и проект, представленный в конечном счете в Законодательный корпус *(Corps Legislatif*), являл собой весьма урезанную версию первоначального проекта Наполеона. Потенциальная численность армии увеличивалась за счет уменьшения срока службы в кадровой армии до пяти лет. Армейский запас создавался по прусскому образцу частично из призывников, обязанных отслужить там четыре года после 5 лет службы в регулярных войсках, и частично из «второй части» контингента, проходившего лишь начальную военную подготовку. А мобильная гвардия должна была рекрутироваться из мужчин призывного возраста, обеспечивших себе освобождение от службы за деньги, и контингента «второй части» после их четырех лет службы в резерве.

Проект без особого энтузиазма был принят Законодательным корпусом. Традиционалисты были недовольны ослаблением принципа профессиональной армии. «Вместо того чтобы потратить 30 миллионов в год на мобильную гвардию, – как предлагал Тьер, – деньги идут на регулярную армию». Сторонники правительства, предполагавшие, насколько непопулярным будет этот вариант среди населения, тоже восприняли его без особого восторга. Надо признать, что принцип замены был сохранен, но предложение превратить мобильную гвардию в эффективный обученный резерв влекло за собой элемент принуждения, против которого ни деньги буржуа, ни «счастливый номер» крестьянина не принес бы пользы. Отчеты полиции и префектур сообщали о повсеместной оппозиции этому замыслу: «Мы должны проголосовать за этот закон, поскольку императору так захотелось, – ворчал один депутат, – но мы сделаем так, что он не будет работать». Что касается республиканской оппозиции, те потребовали вообще упразднить регулярную армию, как источник огромных и непродуктивных расходов, и передать функцию обороны страны ополчению на швейцарский манер – то есть рекрутированному из всех, кто способен носить оружие. Дебаты продолжались до конца года, и сражения в прусском ландтаге по вопросу о предложениях фон Роона повторились и во Франции. Ниель выступил против обязательного призыва на двухлетнюю службу на том же основании, как и Вильгельм I в Пруссии: дескать, двух лет слишком мало, чтобы превратить призывника в настоящего солдата. Либералы убеждали всех, что армия профессионалов хуже «народа с оружием в руках». Что касается предложений относительно мобильной гвардии, они видели в ней просто план милитаризации Франции. «Вы хотите превратить Францию в казарму?» – выкрикнул Жюль Фавр во время речи военного министра войны. «Что касается вас, – ответил возмущенный Ниель, – лучше заботьтесь о том, чтобы благодаря вам она не стала кладбищем!»

Закон, в конце концов, был передан в Законодательный корпус в январе 1868 года, а 1 февраля большинством голосов (199 за и 60 против) вступил в силу. Что касалось армии, Ниель получил максимум того, к чему стремился: срок службы пять лет в кадровой армии и

четыре года в запасе. Ежегодный контингент был все еще разделен на две части, из которых вторая часть служила лишь пять месяцев. Учитывая ежегодный контингент в 172 000 человек (включая предусмотренные потери), согласно подсчетам Мольтке, планировалось к 1875 году в случае мобилизации поставить под ружье 800 000 человек. Мобильная гвардия обеспечила бы еще 500 000 человек, доведя общую численность до более 1 000 000, как и планировал Наполеон. Но первоначальные предложения Ниеля относительно мобильной гвардии были основательно урезаны. Она должна была состоять, как было запланировано, из мужчин призывного возраста, которые избежали призыва, и прослужить в ней пять лет, но ежегодный срок подготовки был уменьшен с трех недель, как предлагал Ниель, до двух недель, а те, кто продемонстрировал соответствующие военные знания и навыки, могли быть вообще освобождены даже от двухнедельной подготовки. Кроме того, ради избежания возможной милитаризации французской молодежи двухнедельная военная подготовка должна была осуществляться не более одного дня за один раз и не дольше 12 часов в день и при условиях, позволявших возвращаться домой в тот же самый вечер. Ни одну ночь гражданское лицо не должно было подвергаться тлетворному влиянию казармы. Даже Законодательный корпус не считал подобные условия приемлемыми для эффективной военной подготовки, как заявил его докладчик, «но надо надеяться, независимо от продолжительности современной войны, на необходимое время для набора резервистов из запаса, формирования из них воинских частей и подразделений, сосредоточения и отправки в районы боевых действий. Это представляется нам более чем достаточным при подготовке национальной мобильной гвардии.

Ниель решил согласиться с этими предложениями, так сказать, за неимением лучшего. Как водится, отсутствовали фонды даже для проведения первичных мероприятий, без которых о становлении мобильной гвардии и думать было нечего. А деньги можно было получить, лишь сократив соответствующие расходы на регулярную армию. Немногие военные тоже, как и Ниель, надеялись на учреждение мобильной гвардии, а генерал Лебёф, сменивший Ниеля на посту военного министра после его внезапной кончины в 1869 году, не скрывал неприятия мер по созданию мобильной гвардии. Политические соображения также задержали внедрение плана Ниеля. Императорские офицеры сомневались относительно целесообразности вооружать тех, кого ораторы-республиканцы и писатели постоянно подстрекали против правительства. Первый «день приема» ознаменовался разгоном демонстраций. Офицеры мобильной гвардии были назначены префектами, так что их проимперские настроения гарантировались, хотя нередко за счет их способностей как военных, а сержантский состав отбирался в армии. И единственные полки, которые были полностью укомплектованы, то есть полки из департамента Сена, показали столь революционный и непокорный характер, что правительство отказалось начать организацию мобильной гвардии. «Организовать мобильную гвардию, – утверждали многие высокопоставленные офицеры, – означает подготовить армию к антиправительственным выступлениям».

И с началом войны в июле 1870 года 500 000 бойцов мобильной гвардии, на которую так рассчитывал Ниель, как помощь регулярной армии, оставались неорганизованными, необмундированными, невооруженными и неподготовленными.

Улучшений добивались в других направлениях. Введение заряжавшейся с казенной части винтовки (игольчатого нарезного ружья Шаспо) натолкнулось на бюрократические препоны. Пехота слишком быстро расходовала боеприпасы – было необходимо продолжить испытания этого оружия. Одна модель могла быть запросто заменена другой, более усовершенствованной. И потом, в любой войне победа достигается, как говорили, не за счет более совершенных видов оружия, а при наличии боевого духа личного состава. Все эти аргументы Рандона и его подчиненных были доведены до сведения военного министерства. Но доказательства в виде битвы при Садове были слишком неоспоримы. Было известно, что А. Шаспо 10 лет работал над созданием заряжающейся с казенной части винтовки без официальной санк-

ции, и его изобретение рассматривалось с 1863 года. В 1866 году сам Наполеон отверг возражения Рандона и приказал, чтобы винтовка была пущена в производство. Это было великолепное оружие. Основным недостатком прусской винтовки была недостаточно герметичная казенная часть. Шаспо решил эту проблему, введя резиновое кольцо, уменьшил вес винтовки и повысил безопасность ведения огня из нее. Создав винтовку меньшего калибра (11,43 миллиметра против 15,43 миллиметра у игольчатого ружья Дрейзе), изобретатель существенно увеличил скорострельность и дальность стрельбы. Игольчатое прусское ружье Дрейзе имело дальность стрельбы лишь до 600 метров, винтовка Шаспо – до 1500 метров. Ниель ускорил ее производство, и миллион стволов успели изготовить уже к внезапному началу войны в 1870 году. Этого вполне хватило для перевооружения всей французской армии. И боевой дух, и боевой опыт, и традиции – все во французской армии было на более высоком уровне, чем в прусской. А теперь к перечисленным достоинствам прибавилось и более совершенное оружие. И французы могли с полным основанием оптимистично смотреть в будущее.

Другой вопрос – артиллерия. Прусские орудия, заряжавшиеся с казенной части, как известно, были достаточно эффективны, но вследствие сложностей тактического применения они сыграли лишь незначительную роль в достижении победы над Австрией. Скорее австрийская артиллерия, отличавшаяся меткостью огня, нанесла большой урон 1-й армии Фридриха Карла в начале сражения при Садове[13]. Французская армия благодаря опыту и предпочтениям Наполеона III по части артиллерии была вооружена в 1858 году дульнозарядными нарезными бронзовыми орудиями Лагитта, хорошо зарекомендовавшими себя в Италии, и перевооружение французской артиллерии было весьма дорогостоящей затеей. Правительство потратило 113 миллионов франков на винтовки Шаспо. 13 миллионов, которые оно запросило для артиллерии, получены не были по причине отказа, а одобренных 2 миллионов просто не хватало на радикальные реформы. Да и сама армия не видела в этом необходимости. Когда в 1867 году французские офицеры явились с визитом в бельгийскую армию, они почтили присутствием испытания новых видов орудий Круппа, заряжавшихся с казенной части, и направили в военное министерство пугающие отчеты о превосходстве бельгийцев по меткости упомянутых орудий, однако Франция так и не приняла никаких необходимых мер. На следующий год сам Фридрих Крупп почтительно доложил о превосходстве своего оружия французскому правительству, но Лебёф усомнился в надежности артиллерийских орудий, изготовленных из стали. Брошюру Круппа и его отчеты положили под сукно с резолюцией *Rien a faire* («Тут ничего не поделаешь, с этим нужно мириться»). Даже император Наполеон III, с его особым вниманием к военным вопросам и неослабевающим интересом к артиллерии, не видел необходимости в быстром перевооружении артиллерии. Он получил винтовки Шаспо. Он имел и митральезы (картечницы), предшественницы пулеметов. С ними он экспериментировал с 1860 года, производство митральез началось в условиях повышенной секретности в 1866 году. Внешне они напоминали фасции римских ликторов: собранные в связку 25 стволов, по очереди выпускавших заряд. Устройство приводилось в действие поворотами рукоятки. Дальность – около 1500 метров и скорострельность – 150 выстрелов в минуту. Как и винтовка Шаспо, это было превосходное и соответствовавшее времени оружие, но оно было окружено такой секретностью, которая зачастую делала невозможным овладение им[14]. Митральезы использовались при дальнобойной стрельбе, располагались побатарейно. Меткостью они не отличались, зато пожирали боеприпасы. Немцы оценивали их довольно высоко (поскольку несли от их огня большие потери), но их качество не соответствовало ожиданиям Наполеона III.

---

[13] Эта армия, 84 000 человек, с 8 до 11 часов утра противостояла всей австрийской армии (215 000), имевшей все шансы ее разбить до подхода Эльбской армии, и с 13–14 часов 2-й армии. – *Ред.*

[14] В одной из дивизий в канун боя при Фрёшвиллере сумели отыскать лишь одного сержанта, умевшего обслуживать митральезу. Guerre II 27. – *Авт.*

Реформы в областях пополнения и вооружения, как бы мудро они ни были задуманы и как быстро ни осуществлялись, в любом случае заняли бы не один год, прежде чем были достигнуты весомые результаты. Существовали и другие, более быстрые пути усовершенствования военного механизма. Состояние воинской дисциплины, уровень боевой подготовки, организационная структура, использование железных дорог, методы проведения мобилизации войск и их сосредоточения – все это никак не соответствовало прусским стандартам. Эти пункты были поставлены в центр внимания новой комиссии, учрежденной в конце 1866 года после зашедшей в тупик Компьенской конференции. Отчет этой комиссии был представлен императору в феврале 1867 года в виде секретного документа, но его содержание было передано в анонимной публикации одного из членов комиссии, генерала Трошю.

Документ этот носил название *L'Armée française en 1867,* он был переиздан 16 раз за три недели и вызвал не только сильное раздражение в армии, но и всерьез заинтересовал общественность. Трошю был способным и амбициозным бретонцем с прекрасным послужным списком в Африке, Крыму и Италии, офицером, выдающиеся способности которого выделяли Трошю из среды его куда более приземленно мыслящих коллег. Его публикация была вдвойне одиозна, и как пример злоупотребления доверием, и как атака на все мифы и традиции, составлявшие основу самовосхваления французской армии: армию эпохи Наполеона III и военное превосходство французов над всеми остальными нациями, некритичную убежденность в способности преодолеть все недостатки боевой подготовки, управления и обучения. Трошю соглашался с убежденностью консерваторов в том, что реформа армии должна осуществляться не путем увеличения ее численности, а «исправления определенных ошибок и совершенствования военных методов». Подобный подход вызвал резкое недовольство у его коллег. «Человек, разрушающий легенду, разрушает веру, – объявил один из них и отнюдь не самый глупый, – а тот, кто разрушает веру, разрушает силу, являющуюся залогом любой победы». То, что публикация Трошю снискала ему популярность среди оппозиционеров, лишь изолировало его в армии, и даже его потенциальные сторонники отшатнулись от него, узнав, что генерал, даже по нормам тех дней, когда во Франции процветала болтология, был слишком уж велеречив. Его несомненные способности так и остались незамеченными, а с началом войны Трошю был назначен на должность, которую любой мало-мальски уважавший себя военный счел бы личным оскорблением, – в «армию наблюдения», состоявшую в основном из мобильной гвардии в Пиренеях.

Наполеон не нуждался в заверениях Трошю о настоятельной необходимости реформирования войск. Он настаивал на создании Генерального штаба на прусский манер. Полковник Штоффель, находившийся в Берлине, напрямую заявил о существенной роли, которую прусский Генеральный штаб сыграл в недавних победах, и сам Наполеон III не тешил себя никакими иллюзиями по этому поводу. Но что было ясно ему и полковнику Штоффелю, пока что не стало всеобщим достоянием, и консерватизм военных цеплялся за *Corps D'État-Major* — главный корпус. Даже такая чисто паллиативная мера попытки устранения изолированности штаба, отправляя полковых офицеров на курсы штабистов, вызвала такую неприязнь, что было решено от нее отказаться. Таким образом, эффективность прусской мобилизации, еще один несомненный успех Мольтке, была также недооценена. Предостережения Наполеона III о том, что Пруссия могла бы бросить против Франции 500 000 солдат за всего лишь неделю и что единственный способ противостоять этой угрозе состоял в том, чтобы противопоставить этому созданную во Франции в мирное время сопоставимую организацию, так и остались незамеченными. К 1869 году полученные разведкой данные о силе пруссаков произвели соответствующее впечатление даже на Ниеля, и он уже не мог больше делать вид, что не замечает их, однако было уже слишком поздно. Ниель, как и сам Наполеон III, мучительно страдал мочекаменной болезнью и в августе месяце внезапно умер.

Но не следует придавать такое большое значение безвременной смерти Ниеля. Наполеон III отыскал в лице генерала Лебёфа деятельного и компетентного преемника, который пусть даже и не обладал политической хваткой, как Ниель, зато отличался энергичностью и, вероятно, снискал даже большую популярность у Законодательного корпуса. Часть проектов Ниеля Лебёф отбросил за ненадобностью – это касалось не только мобильной гвардии, но и даже еще более серьезной Центральной комиссии по железнодорожной переброске вооруженных сил, учрежденной Ниелем в марте 1869 года, которая до ее упразднения все же успела провести кое-какую полезную предварительную работу. Но он считал проблемы мобилизации и обороны границ безотлагательными и, невзирая на всю неразбериху, отличавшую его пребывание в должности, сумел решить часть вопросов. Законодательный корпус в период 1868–1870 годов постоянно урезал военные расходы, уменьшая ассигнования на постройку фортификационных сооружений и производство вооружения и увеличивая квоту увольнений из армии и либеральное министерство, которое пришло к власти при Эмиле Оливье в январе 1870 года, было настолько оптимистично настроено относительно возможности всеобщего разоружения в Европе, что 30 июня предложило сократить ежегодный контингент до 10 000 солдат и офицеров. Дебаты по этим предложениям вновь пошли по уже знакомому пути. Бремя военных расходов было непосильным для страны. Французская армия, мол, и так постоянно провоцирует своих миролюбивых соседей. А вооружения, дескать, не способны предотвратить войну, а, напротив, способствуют тому, чтобы развязать ее. Лебёф легко опровергал эти доводы одной лишь ссылкой на угрозу из-за Рейна, и Наполеон разделял его точку зрения. Он даже направил депутатам письмо и подготовил брошюру под названием *Une mauvaise Economie*, в которой сравнил военную мощь Франции и Германии и которая предсказала будущую войну. Даже Тьер, старый противник режима, и тот пустил в ход всю отпущенную ему власть. «Чтобы рассуждать о разоружении при нынешнем положении в Европе, нужно быть глупцом, причем неосведомленным глупцом», – объявил он. Но ему было суждено проиграть сражение. Лебёф был вынужден уменьшить военный бюджет на 13 миллионов франков.

И все же к июлю 1870 года у Лебёфа были основания для удовлетворенности достигнутыми успехами минувших четырех лет. Численность войск резерва, по его подсчетам, составила 492 585 солдат и офицеров, из которых он рассчитывал мобилизовать 300 000 человек за три недели. Численность мобильной гвардии составляла (на бумаге) 417 366 человек, из которых 120 000 могли быть призваны на службу немедленно. Положение со снабжением было также вполне удовлетворительным: обмундирование, провиант, боеприпасы, нарезные игольчатые ружья (винтовки) Шаспо имелись в разумном и необходимом количестве (на 1 июля 1870 года – 1 037 555, тройной комплект для действующей армии), а военное министерство разработало новую схему мобилизации. Цветистые и гибельные заверения министерства Лебёфа о том, что французская армия вполне боеготова, на самом деле не были безосновательными. В сравнении с прошлыми кампаниями французская армия была боеготовой, как писал позднее Трошю, «так же, как она была готова к Крымской войне, к войне в Италии, к войне в Мексике, ко всем войнам и кампаниям того времени, то есть готовой успешно, а иногда и блестяще сражаться против армий, по численности и выучке не превосходивших ее саму». Трагедией французской армии и самой Франции было то, что французы так и не поняли, что военная организация вступила в совершенно новую эпоху.

Глава 2
Внезапное начало войны

Военные планы

Поиск «ответственных» за войну 1870 года давно не тема для исторических исследований. Нет никаких сомнений в том, что именно Франция выступила в роли агрессора, как и в том, что Бисмарк с готовностью на эту агрессию ответил. Однако объяснение, суть которого заключается в том, что конфликт этот был запланирован самим Бисмарком как необходимый кульминационный момент давным-давно назревшего замысла объединения Германии – объяснение, которому хвастовство Бисмарка на закате жизни обеспечило широчайшую популярность, – ныне уже не воспринимается как бесспорное. Истина куда сложнее. Войну между Францией и Пруссией не предрекал лишь ленивый, когда после поражения Австрии в 1866 году был сформирован Северогерманский союз. Изменения в европейском равновесии сил в результате этого могли стать приемлемыми для Франции лишь в том случае, если ее собственное положение гарантировалось компенсациями в виде регионов левобережья Рейна и Бельгии, что немедленно потребовал Наполеон и от чего Бисмарк наотрез отказался. После 1866 года французы поддались самому опасному из всех капризов – приписали себе роль великой державы, которую явно старались превратить во второразрядную. Во всех прослойках французского общества войну с Пруссией считали неизбежной. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, что основывавшаяся на престиже страны французская внешняя политика была несовместима с набирающим силу германским национализмом, к которому Бисмарк так искусно приспособил монархию Гогенцоллернов. И чем на большие уступки во внутренней политике шел Наполеон III под влиянием роста либеральных настроений в обществе, тем больше ярились на него империалисты, возглавляемые столь влиятельной императрицей, желавшие более решительной позиции касательно компенсаций за рубежами империи. Бисмарк мог полностью надеяться на то, чтобы спровоцировать французов, чья военная машина набирала обороты, на выступление против Пруссии, а он в этом случае мог как принять брошенную перчатку, так и не заметить ее. Выбор был за ним.

В Германии война с Францией также воспринималась как рано или поздно неизбежная, и большинство немцев считали ее справедливой, в отличие от войны с Австрией. Прусские консерваторы так и не избавились от травмы 1806 года под Йеной и Ауэрштедтом и своего унижения: австрийцы и британцы вмешались в 1814–1815 годах, лишив их возможности совершить акт справедливого отмщения. Для либералов Национального союза Франция, с ее неудовлетворенными аппетитами в отношении левобережья Рейна и провинции Эльзас, которую Людовик XIV выхватил из старой империи, была и оставалась заклятым врагом германского единства. Хотя для немцев в целом – как на самом деле и для британцев того времени – Франция, если принимать во внимание ее недавние агрессии и бесконечные революции, являлась нарушителем европейского мира. Привести ее в состояние бессилия и в то же время вернуть себе Эльзас означало бы удовлетворить требования и практической политики, и националистического идеала.

Никто не придерживался этого взгляда с большим убеждением, чем сам Мольтке. Для него Франция являла собой извечного противника, и так было начиная с кризиса Рейнской области в 1831 году. Безопасность Пруссии, по его мнению, никогда не могла бы быть гарантирована, пока существовала Франция, способная поставить ее под угрозу. Война 1859 года в Италии представлялась ему просто уведомлением о грядущей агрессии. «Франция, – писал

он тогда, – до сих пор боролась за других; теперь же она намерена бороться и завоевывать для себя». В 1866 году, сразу же по завершении войны в Австрии, он стал убеждать Бисмарка в желательности – и полной осуществимости – агрессии против Франции, причем немедленно, пока силы пруссаков не были еще демобилизованы. Год спустя, на переговорах о будущем Люксембурга, он снова убеждал в необходимости войны. Герцогство Люксембург было членом старой германской конфедерации, управляемой теперь королем Нидерландов в статусе великого герцога. Наполеон ш видел в этом кусочке старой Германии весьма разумную компенсацию ради повышения престижа Франции, и Бисмарк, поскольку король Нидерландов выразил свое желание не видеть герцогство частью нового Северогерманского союза, был готов по крайней мере провести переговоры по этому вопросу. Но сам город Люксембург представлял собой крепость с правительством и с прусским гарнизоном. И Мольтке пришлось бы отвечать на вопрос: был ли его отказ совместим с военной безопасностью Северогерманского союза? Мольтке энергично протестовал. Переговоры стали достоянием общественности, и депутаты рейхстага (германского парламента с 1867 года в Северогерманском союзе) и националистические органы печати вознегодовали. Это, заявил Мольтке, блестящая возможность. Война с Францией была неизбежна в течение пяти лет, и все это время военное превосходство над Францией постоянно уменьшалось. «Представившаяся возможность хороша, – доказывал он, – она носит националистический характер, и мы должны использовать ее в наших интересах». Бисмарк олицетворял взгляд государственного лица, и все завершилось мирно – пруссаки отозвали гарнизон из крепости и нейтрализовали Великое герцогство, взяв его под свою защиту. Мольтке не мог отрицать политическое здравомыслие решения Бисмарка, как и приоритет политических соображений над военными, но сетовал, что «он будет стоить нам многих жизней в свое время».

Именно будучи убежденным в неизбежности войны с французами, Мольтке при вступлении в должность в 1857 году приступил к составлению планов относительно наступления в западном направлении. На протяжении многих лет политика была чисто оборонительной. В 1858 году наиболее вероятной возможностью было вторжение в Германию агрессивной наполеоновской Франции, и принятие соответствующих мер Мольтке рассматривал, как и прусские консерваторы начиная с 1815 года, в виде вступления в тесный союз с Австрией. Но в отличие от других прусских консерваторов Мольтке понимал, что руководство этого союза должно быть прусским. Только Пруссия, сосредоточив значительную часть сил на Майне, получила бы возможность оказывать прямую поддержку подвергшимся агрессии государствам Южной Германии. Мольтке с удовлетворением заключил: «Сложный и в той же мере важный вопрос о верховном главнокомандующем решится сам собой». Но левый берег Рейна предстояло оставить. Пруссии потребовалось бы 33 дня для мобилизации сил, способных отразить нападение французов, и около семи недель для достижения соответствующего равновесия сил. Поэтому единственная надежда оставаться в обороне за Рейном и Майном – на позициях, удобно расположенных как раз на фланге французского наступления как на Рейнланд, так и на Южную Германию. Но такая защита и тактически и стратегически не могла быть решающей без наступления. Но как такое наступление провести?

К 1861 году, когда реформы Роона затронули кадры, Мольтке получил возможность рассмотреть этот аспект войны с Францией и заняться планированием сосредоточения сил за Рейном. На случай нападения французов через Рейнланд-Пфальц Пруссия смогла бы начать с охвата их сил с фланга и перехода в наступление севернее или южнее. Маршрут через Бельгию был маловероятен. Предстояло миновать цепочку крепостей Северной Франции и при этом ничего ценного не захватить ни для собственного использования, ни в качестве козыря при ведении мирных переговоров. Наступление южнее открывало бы лучшие возможности. «Если бывшие германские области Эльзас и Лотарингия будут захвачены, – размышлял он, – возможно, мы сможем удержать их» как минимум для того, чтобы было с чем выторговывать

условия мира на переговорах. Из контекста ясно, что перечисленные схемы вторжения были не более чем весьма смутными домыслами в плане, который почти целиком ориентировался на оборону германской территории, но тем не менее они указывали направление, в котором мыслил Мольтке, – по мере увеличения численности вооруженных сил его уверенность крепла.

События 1866 года внесли коррективы в планы Мольтке. Доказанная эффективность прусских войск и увеличение их численности за счет дополнительных контингентов Северогерманского союза позволили ему отказаться от идеи пассивного выжидания агрессии французов из-за Рейна. Все теперь зависело от скорости, с которой могли быть сооружены железные дороги, с тем, чтобы ввести в игру превосходящие по численности войска Северогерманского союза. С сооружением еще четырех железнодорожных линий, как он заявил Роону, время, необходимое для сосредоточения 13 корпусов Северогерманского союза, могло быть уменьшено с шести недель до четырех. Между тем он осенью 1867 года учел, что сможет сосредоточить группировку в 250 000 человек за 25 дней, даже при том условии, что 65 000 человек будут оставаться для осуществления прикрытия австрийской границы. Следующей весной Мольтке всерьез занялся разработкой планов вторжения во Францию. Рассчитывая на поддержку государств Южной Германии, он имел бы в распоряжении 360 000 человек уже по истечении трех недель и 430 000 – по истечении четырех недель. С такими силами стратегия значительно упрощалась: массированный удар четырьмя армиями через границу Рейнланд-Пфальца между Рейном и Мозелем в направлении Нанси и Понт-а-Мусона, сметающий на своем пути силы французов. Даже если бы на помощь французам пришла Австрия, то ей потребовалось бы не менее восьми недель на проведение мобилизации и к тому же 110 000 немцев вполне могли бы сдержать ее войска. 385 000 человек вполне хватало для ведения боевых действий против французов, которые, по расчетам Мольтке, вряд ли смогли выставить больше 343 000 человек. Сколько бы французы ни бросили в бой на бельгийском или же южнонемецком участках, их силы были бы неизбежно отброшены германскими армиями вторжения. Кроме того, из-за расположения французских железнодорожных линий им в качестве баз оставались бы лишь Мец и Страсбург, но в результате наступления германских войск упомянутые населенные пункты неизбежно оказывались отрезанными друг от друга. Французская армия потерпела бы поражение, династия пала бы, и, «поскольку мы ничего не желаем от Франции, – заключил Мольтке, – это позволило бы нам, скорее всего, без промедления заключить мир с новым правительством». Очевидно, даже на том этапе у Мольтке не было никаких обоснованных расчетов относительно Эльзаса и Лотарингии.

Зимой 1868/69 года Генеральный штаб довел планы до завершения. Шесть железнодорожных линий были теперь доступны для переброски сил Северогерманского союза в Рейнланд – общее количество 300 000 человек, за три недели. Если бы Австрия не предприняла никаких действий, а государства Южной Германии выполнили бы свои договорные обязательства, общее количество достигло бы 484 000 человек. Максимальная численность французской армии с учетом всех ее резервистов достигала численности в 343 000 человек, но, что более вероятно, в действительности она смогла бы выставить против немцев лишь 250 000 человек. Возможно, французы решились бы на быстрое контрнаступление против наступающих германских сил в целях дезорганизации противника и нарушения графика его мобилизации, выставив силы численностью мирного времени – 150 000 человек. В этом случае германские войска, выйдя из железнодорожных составов на правом берегу Рейна, встретили бы наступающих французов превосходящими силами. Если бы этого не произошло, германская армия сосредоточилась бы в Рейнланд-Пфальце – 1-я армия в районе Витлиха, 2-я – в районе Хомбурга, 3-я, включая южногерманские контингенты, – в районе Ландау, 4-я армия оставалась бы в резерве[15]. Железнодорожные расписания были составлены таким образом, что каждая

[15] В 1870 г. 4-я армия слилась со 2-й. – *Авт.*

часть в точности знала день и час, когда надлежало покинуть казармы для переброски в районы сосредоточения. Мобилизация и развертывание следовали друг за другом в рамках единого, тщательно выверенного плана. К июлю 1870 года Мольтке понимал, что в его распоряжении одна из самых мощных военных машин, когда-либо известных миру, и сгорал от нетерпения запустить ее в действие.

Французский народ и армия в целом не спешили дать оценку всем последствиям угрозы, которую означали для них приготовления Мольтке, но один или два голоса попытались предостеречь нацию. Одним из них был барон Штоффель, французский военный атташе в Берлине, отчеты которого отличались детальностью, проницательностью, и атташе неустанно напоминал об их срочности. Другой принадлежал командующему 6-м военным округом в Страсбурге генералу Дюкро, который оттуда и во время частых визитов в Южную Германию имел возможность проследить за развитием событий в Германии почти так же детально, как атташе Штоффель. Дюкро преувеличивал мощь и степень агрессивности намерений немцев, как и Мольтке – французов. Осенью 1866 года Дюкро представил предупреждение о неизбежности вторжения армий численностью до 600 000 человек и в августе 1868 года, уже с большей степенью вероятности, предсказал намерения Пруссии вторгнуться во Францию силами численностью в 160 000 человек по прошествии 48 часов и 500 000 человек по прошествии 11 дней. Он, как и Мольтке, считал главным нанесение внезапного удара. Быстрое наступление застало бы пруссаков врасплох, переманило бы к Франции всех колеблющихся из Южной Германии и сделало бы возможным соединение с силами Австрии. Французы, как неоднократно убеждал Дюкро, должны форсировать Рейн, захватить Гейдельберг (Хайдельберг), продолжить наступление до соединения в Вюрцбурге с силами австрийцев, и затем, с дружественной Южной Германией в тылу, наступать на Берлин. Одновременно с этим морские силы по Везеру дойдут до Ганновера. В сочувствии немцев Рейнланда и Южной Германии к французам Дюкро не сомневался. Великий герцог Гессенский уверял его, что даже «малейший [французов] успех убедит все государства Южной Германии присоединиться к вам». Но необходимо действовать очень быстро. А не то весь юг Германии в течение нескольких лет будет безвозвратно объединен с прусской военной организацией и будет слишком поздно.

Никаких сопоставимых с планами Мольтке документов во Франции до самого кануна войны не разрабатывалось, и виной тому отсутствие организации. Военный министр в Париже, как и его коллега в Берлине, имел уйму хлопот с реорганизацией и перевооружением армии, а штаб представлял собой не более чем копилку сведений, рьяно занимаясь сбором военной информации и производством карт Германии. Больше никаких функций штаб не выполнял. Единственный генеральный план кампании, по-видимому разработанный между 1866 и 1870 годами, был выполнен на чисто добровольной основе генералом Фроссаром, занимавшимся подготовкой войск к войне, и был оборонительным. Немцы, как считал Фроссар, вторгнутся во Францию через границу в Рейнланд-Пфальце силами в 470 000 человек и будут наступать на долину Мозеля и Эльзас. Численно меньшие силы французов сумеют их удержать. Рейнская армия защитит рубеж у Фрёшвийера в Эльзасе, угрожая флангу немцев при их наступлении через Лотербур на Страсбург. Войска на Мозеле у Каданброна и Форбака перерезали бы им путь на Мец. Резервную армию необходимо было сформировать в лагере в районе Шалона, а второй эшелон, в основном силы мобильной гвардии, – в Париже. Этот меморандум послужил основой плана, который Наполеон III составил в 1868 году для сосредоточения сил французов (численность которых он оптимистично оценивал в 490 000 человек) в составе трех армий, базировавшихся в Меце, Страсбурге и Шалоне. Именно эта предпосылка до самого 1870 года служила основой разработки всех военных планов.

Весной 1870 года все изменилось. До этого времени французские планы разрабатывались с учетом сражений с Северогерманским союзом, но у Франции был влиятельный потенциальный союзник в лице Австро-Венгрии (с 1867 года Австрийская империя стала двуединой

Австро-Венгерской), канцлер которой, саксонец граф Бейст, с 1866 года был полон решимости отомстить победителям и своей родины Саксонии, и принявшей его Австрии. Политические соображения вынуждали австрийцев проявлять осторожность. Венгры были решительно настроены против всяческих авантюр в отношении Германии, и государственные деятели в Вене очень не хотели ввязываться в войну, которая, вероятно, столкнула бы их не только с Пруссией и ее германскими союзниками, но благодаря дипломатическим усилиям Бисмарка и с Россией тоже. Но отношения между австрийскими и французскими военными оставались самыми сердечными. Имели место неофициальные встречи, начиная с воплощения в жизнь масштабной программы военной реформы в Австрии в 1868 году, и в феврале 1870 года австрийский военный министр доложил французскому военному атташе, что отныне его силы готовы к действию. Австро-венгерские арсеналы и склады были полны, резервисты обучены, и шесть недель спустя он мог выставить готовую к боевым действиям армию численностью в 600 000 человек. Встречи эти носили скорее даже полуофициальный характер, когда, в том же месяце, эрцгерцог Альбрехт Австрийский, сын эрцгерцога Карла и победитель битвы при Кустоце, посетил Париж. Эрцгерцог был еще более обеспокоен, чем Бейст, стремясь не уронить честь своих армии и династии, и предложил Наполеону союзническую стратегию Австрии, Италии и Франции, которая открывала реальные перспективы победы. Согласно его плану, каждый из союзников должен был направить силы численностью в 100 000 человек в Южную Германию для создания базы в районе Вюрцбурга – Нюрнберга. Этот щит обеспечивал возможность сосредоточения главных сил союзников и намеревавшихся присоединиться к ним государств Южной Германии, а позже, после соответствующей подготовки, нанести удар по Берлину. Согласно расчетам эрцгерцога Альбрехта Австрийского, союзники могли увеличить численность войск почти до миллиона человек, в то время как Северо-германский союз, даже при условии присоединения к нему сил южногерманских государств, при самых благоприятных условиях мог рассчитывать лишь менее чем на 475 000 человек – цифра, не подтвержденная ничем, кроме как безудержным и некритичным оптимизмом эрцгерцога. Если включить в эту схему Францию, ей бы пришлось разделить свои силы на две армии: одна для форсирования Рейна у Страсбурга с последующим соединением с союзными силами в Южной Германии, а другая, сосредоточенная в районе Меца, была бы готова к отражению возможного вторжения немцев из Рейнланд-Пфальца или же для отвлекающего наступления на Майнц.

Позже, разрабатывая планы в Вене, эрцгерцог настоял в беседе с эмиссаром Наполеона генералом Лебрюном на том, что вопрос этот – чисто академический. Но даже в таком виде план нуждался в серьезных доработках. Французский штаб считал, что армии требовалось всего 16 дней для проведения мобилизации и сосредоточения армии, а Австрия и Италия рассчитывали на срок от шести до восьми недель. Эрцгерцог не считал эту трудность непреодолимой. Пруссии, по его подсчетам, понадобилось бы до семи недель, чтобы организовать вторжение во Францию силами 8 корпусов, а объявив состояние «вооруженного нейтралитета» при внезапном начале войны, Австрия и Италия будут в состоянии разгромить большую часть сил пруссаков, если им придется вступить с ними в бой. Отсюда Франции, как уверял императора эрцгерцог, совершенно не о чем тревожиться: с армией в 400 000 человек (согласно данным самих же французов) она легко выдержит боевые действия, которые займут не более шести недель. Но французские генералы не разделяли подобной уверенности. Лебрюн подозревал, что срок в шесть недель, провозглашенный Австрией, был продиктован политическим, но не военным расчетом – что Франц Иосиф никак не отважится взять на себя риск третьей неудачной войны. На совещании 19 мая 1870 года весь план был критически рассмотрен генералами Лебёфом, Фроссаром, Лебрюном и Жаррасом, начальником «Бюро картографии французской армии». По их мнению, в плане недооценивалась и скорость прусской мобилизации, и надежность южногерманских государств, и они настояли, что, только если все три союзника выйдут на поле битвы одновременно, план имеет перспективы на успех. Когда Лебрюн посетил Вену

в следующем месяце, сам Франц Иосиф прояснил, что подобная одновременность и в политическом, и в военном отношении невозможна. Но он заявил о том, что, если бы Наполеон III появился в Южной Германии «не как враг, а как освободитель, я, со своей стороны, вынужден действовать сообща с ним». Наполеон III трогательно цеплялся за то, что осталось от плана эрцгерцога. Он совпадал с французскими политическими и военными традициями наступления – давал возможность заручиться поддержкой новых союзников в Германии, а ценнее всего была хотя бы возможность блестящего военного успеха, в котором империя нуждалась как никогда и который так и не был достигнут вследствие осторожной стратегии Фроссара. Разрывавшийся между проектами Фроссара и эрцгерцога Наполеон III избрал наихудший для своей армии.

Кандидатура Гогенцоллерна

Таково было состояние военного планирования во Франции и Германии, когда в июле 1870 года как гром среди ясного неба разразился кризис кандидатуры Гогенцоллерна.

30 июня Эмиль Оливье, председатель правительства, объявил в Законодательном корпусе, что «не было такого периода, когда поддержание мира было гарантировано прочнее». Он не был одинок в своем оптимизме. 5 июля в Англии лорд Гренвиль, вступая в должность министра иностранных дел в первом кабинете г-на Гладстоуна, был проинформирован постоянным заместителем министра о том, что «он никогда в ходе своей деятельности не наблюдал такого затишья на международной арене». И все же проблема, нарушившая мир, была не нова. Испанцы начиная с революции, вспыхнувшей из-за не устраивавшей их королевы Изабеллы в 1868 году, были заняты поисками монарха, и имя Леопольда, кронпринца Гогенцоллерн-Зигмарингена, фигурировало среди первых в списке возможных кандидатов. Он был католиком, женатым на португальской принцессе, и являлся почтенным отцом семейства. Его брат Карл недавно принял корону Румынии. Его отношение к прусским Гогенцоллернам благотворно сказалось бы на ситуации в Европе, и поскольку в его жилах текла кровь Мюрата и Богарне, можно было надеяться, что и Наполеон III будет удовлетворен. Однако этим надеждам было суждено рухнуть. В сентябре 1869 года его главный испанский сторонник дон Эусебио ди Салазар навестил Леопольда и его отца, принца Карла Антона, чтобы представить ему все перечисленные и убедительные аргументы. Но принц не имел желания взойти на самый нестабильный в Европе трон, и Салазар вернулся от него ни с чем. В феврале 1870 года, однако, после дальнейшего сбора голосов агентами Бисмарка, маршал Прим, президент испанского Совета министров, снова отправил его в рамках официальной попытки повторить предложение и на сей раз попытался включить в список и Вильгельма I как союзника. Это был резкий жест. И Карл Антон, и Леопольд были дисциплинированными Гогенцоллернами, всегда готовыми последовать приказу из Берлина. Ни один из них до сей поры не изменил взглядов на непривлекательность этого замысла, но Леопольд написал Вильгельму I: «Я считаю своей обязанностью, как Гогенцоллерн и как солдат, подчиниться особому желанию Его Величества, нашего короля, принимая его указания как руководство линией моего поведения, если соображения большой политики, расширение властных границ и величие нашего дома потребуют этого».

Вильгельм I не считал восшествие на трон насущной необходимостью. У него не было желания видеть свою родню на шатких тронах, свержение которой он воспринял бы как личное унижение. Но реакция Бисмарка была другой. Он видел не только преимущества династической связи с Испанией, преимущества как коммерческие, так и военные, но и недостатки, неизбежно возникшие, окажись трон в руках стороны, недружелюбно настроенной к Пруссии. 28 мая 1870 года он пишет Карлу Антону довольно резкое письмо, указывающее на жизненно важную услугу, которую он окажет Германии, приняв трон для его сына. Карл Антон уступил, и его сын Леопольд, правда без особой охоты, тоже согласился. За Салазаром послали, и 19 июня Леопольд сообщил Вильгельму I, что решил внять призыву взойти на испанский трон. Вильгельм I, естественно, был задет тем, что переговоры по столь важному и семейному вопросу проводятся без его ведома или согласия, но все же одобрил решение Леопольда, «хотя с очень тяжелым сердцем». К 21 июня все было урегулировано, и Салазар телеграфировал добрые вести Приму.

Вильгельм I мог заявить и впоследствии заявил в преддверии агрессии французов, что, мол, рассматривал вопрос как частный и семейный и отнюдь не принуждал Леопольда принимать корону. Однако канцлер Бисмарк заявил в рейхстаге совершенно другое и не соответствовавшее действительности. Идея кандидатуры Гогенцоллерна, возможно, родилась в Испании, но всю предыдущую зиму Бисмарк активно продвигал ее. Но пыл Бисмарка решили охладить

сами принцы Гогенцоллерны. Однако попытки Бисмарка не должны расцениваться, как считают многие французские (и не только французские) историки, как «ловушка», сознательно расставленная перед Францией. Бисмарк очень хорошо понимал, что Гогенцоллерн на троне Испании не будет приветствоваться Францией, но, если бы все пошло согласно его замыслу, восшествие на трон завершилось бы прежде, чем Наполеон III успел бы вмешаться. «Возможно, что мы наблюдаем мимолетное брожение во Франции, – писал он в июне одному из своих агентов в Испании, – и, без сомнения, необходимо избежать всего, что может усугубить его… несомненно, они будут вопить «это – интрига», они взъярятся на меня, но предлога для атаки им не найти». Как только выборы завершатся, у Франции уже не будет оснований для вмешательства, которое серьезно не затрагивало суверенитет испанцев, и Наполеон III будет вынужден, как в 1866 году, воспринять это как свершившийся факт.

На самом же деле все вышло вопреки расчетам, и все шло к тому, что если бы французы сохранили самообладание, то Бисмарк был бы публично пристыжен. Пока Салазар вел переговоры, Прим держал Кортеса в его длительной миссии в Мадриде до тех пор, пока новости о принятии Леопольдом предложения не открыли путь формальным выборам. 21 июня Салазар телеграфировал о том, что все хорошо, добавив, что вернется в Мадрид 26-го числа. При расшифровке указанной в телеграмме даты произошла ошибка – 26-е прочли как 9-е число, и вместо того, чтобы заставлять Кортеса изнемогать от жары впустую еще две недели в Мадриде, Прим отложил дела до осени[16]. В результате выборы проведены не были, пришлось бы дожидаться их следующего созыва, а из-за возникшей паузы все надежды на то, что попытка посадить на трон Леопольда останется в тайне, практически сводились на нет. Именно это и произошло – сведения об этом просочились наружу в течение нескольких дней после возвращения Салазара, и 2 июля Прим пытался сделать хорошую мину при плохой игре и официально сообщил французскому послу о том, что Леопольд готов принять корону.

Эта новость взбудоражила Париж. Было ясно, что канцлер Германии как минимум полгода плел паутину компрометирующей и разрушительной интриги, и французское правительство сочло себя глубоко оскорбленным. Герцог де Граммон, профессиональный дипломат, лишь недавно принявший руководство министерством иностранных дел, заявил британскому послу, что дело было «не чем иным, как оскорблением Франции». Вкрадчивое и, скорее всего, лживое утверждение фон Тиле, госсекретаря Бисмарка, о том, что «в той степени, в какой в этом вопросе заинтересовано прусское правительство, упомянутого вопроса вообще не существует», только подлило масла в огонь, накалив обстановку в Париже до опасных пределов. Другие державы Европы были в той же мере потрясены случившимся, которое «Таймс» заклеймила как «вульгарный и наглый государственный переворот в полном противоречии с принятой дипломатической практикой при решении таких вопросов», и если Граммон все же сумел сохранить лицо, действуя как представитель Священного союза, то Бисмарку, вероятно, было не так-то просто оправдать свои действия. Но Граммон не был Талейраном. Оливье и его коллеги были склонны к примирению, но императрица, рука которой водила рукой и пером Наполеона III в течение следующих десяти дней, ни с чем подобным примириться не желала. Лебёф заверил правительство, что армия готова сражаться, и 6 июля с одобрения императора Граммон зачитал заявление министров в Законодательном корпусе, которое наполнило восхищением сердца всех шовинистов. Признавая за испанцами право выбирать короля, он утверждал, что это право не распространялось на те случаи, когда выбор короля мог негативно повлиять на равновесие сил в Европе в ущерб Франции и «представлял опасность интересам и престижу Франции». «Для предотвращения этого, – продолжал он, – мы полагаемся и на мудрость

[16] Ошибку обнаружил один служащий дипломатического представительства Пруссии в Мадриде. Выяснилось, что все задержки Прим воспринял чуть ли не с радостью, ибо, в отличие от Бисмарка, не так близко к сердцу принимал вероятную реакцию Франции, кроме того, Прим рассчитывал использовать паузу для того, чтобы заручиться поддержкой Наполеона III. – *Авт.*

немцев, и на дружбу испанцев. Но если все произойдет иначе, – продолжил он фразу, как ни странно, вставленную вполне мирным Оливье, – в таком случае, с опорой на вашу поддержку и поддержку страны, мы знаем, как исполнить наши обязательства без каких-либо колебаний или проявления слабости». Правое крыло и правая печать взревели от восторга, и Бисмарк, ознакомившись с текстом речи, прокомментировал ее следующим образом: «Это, конечно же, похоже на войну».

На чисто дипломатическом уровне перспективы урегулирования все еще казались вполне мирными и законными. Вильгельм I, который не особенно благоволил к кандидатуре Леопольда и, разумеется, не желал войны, находился в Эмсе в сопровождении лишь чиновника министерства иностранных дел Абекена и, таким образом, был вне влияния Бисмарка, отправившегося в свое померанское имение Варцин. Карл Антон и Прим негодовали, причем по своей же вине, и обоих не надо было долго уговаривать, чтобы они отказались от своих замыслов. Но хотя Вильгельм I был готов конфиденциально и как глава семейства посоветовать своим кузенам уйти подобру-поздорову, король не уставал повторять, что он, дескать, вообще, как король Пруссии, не имеет ко всему этому отношения, однако Граммон категорически отказывался принять точку зрения короля. Как докладывал граф Бенедетти, 9 июля Вильгельм I якобы заявил, что без разговоров согласится с отказом Леопольда, так же как он ранее без разговоров согласился с его желанием принять корону. На что Граммон ответил: «Если король не порекомендует принцу Гогенцоллерну дать задний ход, тут же разразится война, и мы несколько дней спустя будем на Рейне». Он сам был ведом страхом и общественным мнением. Если бы они тянули и дальше, как заявил он, пруссаки начали бы подготовку к войне, и 11-го числа отправил Бенедетти телеграмму несколько напыщенного содержания: «Вы не можете вообразить, насколько взволновано общественное мнение… Счет идет на часы». Он обвинял Бенедетти в мягкотелости, и, если до 12-го числа от короля не последует внятного ответа, это будет рассматриваться как отказ от удовлетворения.

В глазах Граммона и его сторонников вопрос о самой кандидатуре, таким образом, превратился во вторичный в сравнении с более существенным моментом – получения «сатисфакции» от Пруссии, которую Вильгельм I, под влиянием срочно вмешавшегося Бисмарка, был полон решимости не давать. И когда 12 июля Карл Антон, осаждаемый посланниками из Мадрида, Парижа и Эмса и письмами от королевы Виктории и короля Бельгии, отказался от трона по поручению своего сына, новость эта была воспринята Граммоном, депутатами правого крыла и правой печатью со смесью смущения и раздражения. Оливье и император открыто выразили восхищение тем, что они восприняли как честное и благородное решение, но большинство в Париже отнюдь не восхищалось. Большинство считало, что ограничиться такого рода урегулированием – позорно. И в стенах Законодательного корпуса и за его стенами раздались требования «гарантий». Депутаты предложили, чтобы Пруссия эвакуировала гарнизон крепости Майнца. По сравнению с этим требования Граммона были умеренными, но депутаты страстно желали щелкнуть Пруссию по носу. Граммон предложил прусскому послу барону фон Вертеру, чтобы Вильгельм I написал Наполеону личное письмо-«объяснение», и велел Бенедетти добиться от Вильгельма I не только заявления, в котором король Пруссии вновь подчеркнул бы факт отказа Карла Антона, но и гарантий, что впредь он не позволит рассматривать эту кандидатуру. Именно это требование и привело в конечном счете к войне. Потому что если бы такая гарантия не была дана, то Франция рассматривала бы, что Пруссия ее требования просто-напросто проигнорировала и стала бы готовиться к войне.

В интервью в Эмсе 13 июля весьма трудно отыскать драматические элементы. Бенедетти встретился с королем Вильгельмом I утром в парке. Вильгельм I с присущей ему любезностью прибыл на встречу с послом и передал ему добрую весть об отказе Леопольда. Но Бенедетти были даны указания не заметить эту оливковую ветвь – в полном соответствии с полученными в Париже наставлениями он потребовал гарантий, что король не станет выдвигать никаких

новых кандидатур. Король отказался связывать себя какими бы то ни было обещаниями и заверениями, в результате чего расставание вышло прохладным. Несколько позже Вильгельм I получил официальное письмо Карла Антона об его отказе от короны и послал своего адъютанта сообщить об этом Бенедетти и сказать ему – что было существенной уступкой со стороны прусского монарха, – что он «полностью и безоговорочно одобряет такое решение», однако, когда Бенедетти повторно упомянул о предоставлении Франции неких гарантий, король ответил, что ему более обсуждать нечего.

Бенедетти, как явствует из его отчетов Граммону, никоим образом не почувствовал себя ни униженным, ни оскорбленным, но король и его окружение тем не менее были возмущены происшедшим. Они узнали о затребованных Парижем гарантиях и просьбах Граммона к королю в письменном виде изложить ему все объяснения по этому поводу. Вертер был срочно вызван для консультаций. Отчет, который Абекен телеграфировал Бисмарку о событиях того дня, оказался выдержан в куда более резких выражениях, чем послание Бенедетти к Граммону.

«Его Величество [по его словам], сказав графу Бенедетти, что ждет новостей от принца, решил… не принимать еще раз графа Бенедетти, а информировать его через адъютанта… Его Величество уже получил подтверждения от принца тех сведений, которые Бенедетти уже получил из Парижа, и не имел ничего больше сообщить послу, [и в заключение сказал], Его Величество предоставляет Вашему Превосходительству самому решить, следует ли передавать последнее требование Бенедетти и полученный им отказ и нашим послам, и представителям печати».

Из телеграммы Абекена можно сделать два вывода: во-первых, то, что король был весьма возмущен требованием Бенедетти и отказом французов считать вопрос исчерпанным; во-вторых, что у самого короля были намерения предать гласности его отказ Бенедетти. Бисмарк представил свою версию событий, вплоть до их искажения, но не он был их автором.

Бисмарк рассматривал ухудшение отношений с нескрываемым удовлетворением. Мирное решение об отказе от кандидатуры означало бы явный провал его политики, и если война с Францией должна была произойти, теперь для нее был наилучший момент. Сообщение об отказе Карла Антона, принятое им по прибытии, крайне расстроило канцлера. Это было унижение, как позже напишет он, «хуже, чем Ольмюц». Но, как и Граммон, Бисмарк понимал, что вопрос закрыт. Предполагая, каким будет следующий шаг Граммона, он телеграфировал в Эмс, убеждая короля вообще ничего Бенедетти не объяснять. Если уж кому-то и необходимо объясниться, так это Франции. Бисмарк добавил, что «растущее возмущение общественности по поводу самонадеянности Франции» вынуждает нас «адресовать Франции требование объяснить свои намерения в отношении Германии», и с этой целью Бисмарк настоятельно рекомендовал королю вернуться в Берлин.

События достигли этой стадии, когда Бисмарк во время ужина с Мольтке и Рооном получил телеграмму Абекена из Эмса и увидел, что если чуть-чуть «подправить» сказанное Абекеном, который и так выражался достаточно резко, то упомянутый текст вполне сможет спровоцировать французов на объявление войны. Мольтке подлил масла в огонь своими заверениями, что Пруссия к такой войне готова, – он на самом деле поддерживал идею о том, что будет лучше вступить в бой именно сейчас, чем несколько лет спустя, когда французские военные реформы начнут приносить плоды. И Бисмарк поэтому решил «подправить» текст телеграммы. Ни о какой фальсификации речь не шла, но все же демарш Бенедетти был представлен слишком уж высокомерным, и несогласие короля принять его было вполне логичной на него реакцией. «Его Величество Король, – завершалась версия Бисмарка, – после свершившегося факта принял решение не принимать посла Франции и через адъютанта попросил передать послу, что Его Величеству нечего заявить послу». Это, как уверял Бисмарк свое окружение, произведет эффект красной тряпки на галльского быка. Уже несколько часов спустя специальный выпуск «Норддойче цайтунг» с помещенной на первой полосе телеграммой в версии Бисмарка прода-

вался на улицах Берлина. И в качестве последнего штриха текст телеграммы разослали всем прусским представителям за рубежом с наставлениями о том, что они должны были сообщить правительствам стран, где были аккредитованы. Так что были использованы все средства для втягивания Франции в войну.

Эффект был для Бисмарка ожидаемым. И в Берлине, и в Париже собирались толпы, оравшие «На Рейн!». Прочитав телеграмму, Вильгельм I воскликнул: «Это – война!» Также отреагировали Оливье и Граммон. Война, по-видимому, была не столь отдаленной перспективой, раз Бисмарк сумел перетянуть на свою сторону короля в требованиях к Франции о «сатисфакции», но печальная ирония в том, что 14 июля, когда новости из Берлина достигли Парижа, во французском правительстве ненадолго возобладала сторона, ратовавшая скорее за мир. 13 июля собравшиеся на встречу министры впервые услышали об указаниях, которые Граммон отправил Бенедетти предыдущим вечером. И хотя они без особого энтузиазма одобрили их, все же решили внести дополнение следующего содержания: «Требование о гарантиях может быть и смягчено, и любая благородная инициатива будет приветствоваться». Было зачитано срочное послание от британского министра иностранных дел лорда Гренвиля, рекомендовавшего имперскому правительству выразить удовлетворение отказом Леопольда. Оно произвело надлежащее впечатление – и предложение об объявлении мобилизации было провалено, к великому огорчению Лебёфа, восемью голосами против четырех. Только когда на следующий день послание Бенедетти и сообщение о «Телеграмме Бисмарка из Эмса» добрались до Парижа и затем, сравнив их, министры в полной мере осознали внесенные коррективы Бисмарка, как и агрессивную их цель. После этого они единодушно высказались за мобилизацию, ив 16.40 были изданы соответствующие указы. После этого, поняв, что все не так просто, они в течение шести часов обсуждали обращение к Законодательному корпусу. Был составлен проект обращения, и Наполеон III подготовил письмо к Лебёфу с тем, чтобы тот затянул призыв резервистов. «Я сомневаюсь, – мрачно прокомментировала императрица, присутствовавшая на заседании Государственного совета, – соответствует ли это настроениям в палатах (то есть в Законодательном корпусе, Сенате и Государственном совете) и в стране». Обеспокоенный Лебёф грозился подать в отставку. Но в тот же вечер стало известно, что Бисмарк официально разослал текст телеграммы из Эмса правительствам государств Европы. Перед лицом такой провокации идеи достичь компромисса улетучились. К ночи французское правительство, как сам Бисмарк, приняло решение воевать.

И когда на следующий день, 15 июля, Граммон и Оливье, обращаясь к Сенату и к Законодательному корпусу соответственно, потребовали необходимые военные кредиты, заявила о себе оппозиция, ее голос был услышан. Ветеран Тьер, патриотизм которого, талант политика и военные знания сомнению не подвергались никем и который, выступая против кандидатуры Гогенцоллерна, использовал все свое влияние для поддержки правительства, поднявшись на трибуну вслед за Оливье, и, невзирая на неоднократные прерывания, осудил войну. «Вам хочется, чтобы вся Европа заявила, что, хотя суть конфликта устранена, вы решили пролить реки крови ради проформы?» Лидеры левых поддержали его – Гамбетта, Араго, Гарнье-Паже, Жюль Фавр, однако на правых и центристов речь Тьера впечатления не произвела. Мастодонт от политики Гюйо-Монперу витийствовал: «Пруссия позабыла Францию под Йеной, и мы должны напомнить ей об этом!» Подобные высказывания куда больше пришлись им по душе. Оливье в ответе Тьеру с легким сердцем (*d'un coeur leger)* взял на себя бремя войны. И тут же поторопился загладить неудачную фразу: «Я имею в виду, с сердцем, не обремененным раскаянием, а уверенным сердцем. Но это высказывание ему напоминали до самого конца его долгой жизни. Комиссия Законодательного корпуса поспешно потребовала у него, а также Граммона и Лебёфа уточнений. Лебёф твердо заверил комиссию, что армия готова. Лучше воевать сейчас, заявил он, сам того не желая повторив Мольтке, чем несколько лет спустя, когда пруссаки усовершенствуют свои винтовки и скопируют картечницы, и еще добавил, пока оппозиция в

палатах не успела окончательно развалить армию. Граммон, когда комиссия поинтересовалась его мнением о том, может ли Франция положиться на союзников, ответил замысловато: «Если я заставил комиссию ждать, то потому, что у меня в министерстве иностранных дел были послы Австрии и Италии. Надеюсь, комиссия не будет больше задавать мне вопросы». Палаты были удовлетворены типичной для человека военного грубоватостью Лебёфа, как и характерной для дипломатов изворотливостью Граммона, и подавляющим большинством голосов военные кредиты были приняты. На улицах Парижа толпы людей не скрывали восхищения, а демонстрации, организованные республиканцами, просто потонули в восторженных воплях.

Таким образом, в результате трагического стечения обстоятельств, недальновидности и невежества руководства Франция ввязалась в войну с самой мощной в то время в военном отношении державой в Европе, имея небоеготовую армию и без единого союзника. Представители Австрии и Италии, как и России, Великобритании и государств Южной Германии, заявили, что они не в состоянии поддержать Францию в этой войне. Общественное мнение в Англии, естественно отличавшееся галлофобией и сочувствующее союзнику по Ватерлоо (пруссакам), сильно поколебалось после опубликованного в «Таймс» заявления Бисмарка, в котором он детально изложил идею поглотить Бельгию, которую Наполеон III столь неразумно поддержал в 1866 году. Но Франция оказалась в одиночестве отнюдь не из-за происков Бисмарка[17].

[17] Франция формально не объявила войну правительству Пруссии до 19 июля, однако заявление французского правительства от 15 июля создавало все предпосылки для войны. – *Авт.*

Мобилизация в Германии

Пока дипломаты вели переговоры, военные обеих держав принимали первые предупредительные меры. Уже 11 июля прусский военный атташе в Париже граф Альфред фон Вальдерзее сообщил королю, что французы приступили к скрытной подготовке к войне. В Америке размещались заказы на фураж, в железнодорожные компании направлялись военные комиссии, военно-морских офицеров отзывали из отпусков, в Тулоне готовили транспортные средства для переброски сил из Алжира и Рима, закипела бурная деятельность и на складах боеприпасов. Король Вильгельм I, у которого были все основания для тревоги, тут же телеграфировал соответствующие распоряжения в военное министерство – вооружить гарнизоны крепостей в Майнце и Зарлуи и принять меры для обороны Рейнской области. Роона эти распоряжения привели в замешательство. Не существовало планов подобной частичной мобилизации, а импровизации всегда дезорганизуют всеобщую мобилизацию и, как следствие, наступление войск, которое никак нельзя было исключать. С другой стороны, всеобщая мобилизация, автоматически переходившая в сосредоточение сил, а последнее – во вторжение, означала войну. Столь безукоризненно продуманные Мольтке меры поставили пруссаков перед той же дилеммой, с которой столкнулись генеральные штабы европейских армий в июле 1914 года. Мольтке, который, как и Бисмарк, пребывал в отпуске у себя в имении, был послан к королю, и Роон после консультации с Советом министров объяснил Вильгельму I, что «военные полумеры с нашей стороны вызовут аналогичные меры на стороне врага и нас неизбежно втянут в войну. Если Ваше Величество полагает, что полученные из надежных источников сообщения о принимаемых французами мерах означают, что они готовят войну против нас, в таком случае может быть рекомендована лишь всеобщая мобилизация армии». Но время для такого шага еще не настало, хотя военное министерство уже проверяло действенность мобилизационного механизма, и 12 июля Подбельски доложил, что механизм этот «полностью дееспособен». Все распоряжения проверены, и они будут разосланы, как только французские палаты одобрят военные кредиты или приступят к призыву запасников, или же Австрия обнаружит признаки подготовки к войне.

Новости об этих предупредительных мерах достигли Франции и там прибавили волнений. 12 июля префект в Маконе сообщил, что пруссакам, находящимся в Лионе, входящим в ландвер, приказано срочно вернуться на родину. 14 июля французский консул во Франкфурте-на-Майне сообщил, что в регулярную армию скрытно призывают резервистов. Поступили и сообщения о прусских агентах, закупающих лошадей в Бельгии. Таким образом, меры военного характера обеих сторон, хотя и оборонительные, принимались, что лишь приближало день начала войны, и когда 14 июля французы стали призывать своих резервистов, вопрос о предстоящей войне уже не вызывал ни у кого сомнений. 15 июля король Пруссии возвратился из Эмса в Берлин, и в Бранденбурге в его поезд сели Бисмарк, Роон и Мольтке, которые вместе с кронпринцем все оставшееся до прибытия в столицу время потратили на уговоры объявить мобилизацию. Даже такому представительному квартету было весьма нелегко убедить осторожного и престарелого короля, склонного дождаться хотя бы заседания Совета министров, намеченного на следующий день. Но по прибытии в Потсдам они узнали, что в Париже уже проголосовали за военные кредиты. Стало быть, королю ничего не оставалось, как объявить всеобщую мобилизацию, и сам кронпринц зачитал приказ о мобилизации ликующей толпе.

Немцы приветствовали предстоящую войну не столь эмоционально, как парижане, скорее, серьезно, что диктовалось высокими моральными соображениями. Война представлялась немцам в первую очередь как в высшей степени справедливая, и они искренне уповали на «бога сражений» как на своего союзника. Лютеранские гимны смешались с патриотическими песнями на торжествах. Британским военным корреспондентам не раз пришлось услышать

напоминание о конниках Кромвеля. Письма всех участников войны, от Роона и Мольтке и до младших офицеров и солдат, дошедшие до нас, пронизаны лютеранским благочестием. Хотя усматривается некая отталкивающая самоуверенность, с которой пруссаки сознательно противопоставляли свое напыщенно-уважительное отношение к предстоящей схватке легковесно-атеистическому отношению к ней своих будущих противников. Северную Германию охватило пламя страстного патриотизма, всячески раздуваемое в прессе[18]. На юге страны энтузиазм, как и следовало ожидать, был не столь впечатляющим. Кронпринц оптимистично писал, что «даже в Южной Германии население так прониклось единодушным рвением к этой войне, что правителям и кабинетам министров не удержать его, даже если бы они этого и пожелали», а вот из Швайнфурта докладывали о крестьянах, скашивавших недозрелый урожай – лишь бы он не достался врагу, причем под врагом они подразумевали пруссаков, а не французов. В Майнце три четверти представителей судебной власти, как говорили, ждали французов как избавителей, из Ганновера докладывали об «открыто изменнических настроениях», и даже официальный историк мобилизации был вынужден признать, что существовали круги, которые «шли собственным путем, злобно ворча на ненавистных пруссаков и даже симпатизируя открыто или втайне противнику». Но надо всем довлел *casus foederis* — случай, при котором вступают в силу обязательства, вытекающие из союзного договора: у южногерманских государств не могло быть никаких оправданий для возможного уклонения от исполнения договорных обязательств. Бавария и Баден объявили мобилизацию 16 июля, а Вюртемберг – 17 июля. В течение 18 дней 1 183 000 человек (и резервистов, и кадровых военных) прошли через казармы в Германии, составив вооруженные силы военного времени, а 462 000 человек были переброшены к французской границе для начала кампании.

Большую часть работы Мольтке проделал заблаговременно, но оставалось выполнить одну жизненно важную задачу: провести назначения на высшие командные должности в штабах и в действующей армии. Двое уже были на постах в армии: сын короля и его племянник, кронпринц Фридрих Вильгельм и принц Фридрих Карл, оба победители битвы при Садове. Из политических соображений кронпринц принял 3-ю армию, рекрутированную также и из южногерманских государств (5-го и 11-го, 1-го и 2-го баварских корпусов, вюртембергской и баденской полевых дивизий и 4-й кавалерийской дивизии). Это послужило утонченным комплиментом очень уж восприимчивым королям Баварии и Вюртемберга, которым кронпринц без промедления нанес визиты вежливости, но назначение на эту должность вселило в него тревогу. Войска Южной Германии, которые он считал «плохо настроенными в отношении нас и довольно слабо подготовленными в нашем прусском духе», вряд ли, как он считал, смогут успешно противостоять опытным и хорошо подготовленным французам.

Фридриху Карлу дали 2-ю армию (которая включила в себя 4-ю армию, как первоначально планировал Мольтке), состоявшую из четырех корпусов (гвардейского, 3, 4 и 10-го) и двух независимых кавалерийских дивизий – слишком большое оперативное объединение, и даже сам Фридрих Карл жаловался на сложности, связанные с управлением такой махиной. Однако принц проявил себя вполне надежным командующим – если не сказать слишком надежным. Его прозвище «Красный принц» объяснялось гусарской формой, которую он обычно носил. Принц Фридрих Карл производил обманчивое впечатление порывистого и энергичного. На самом же деле он был солидным кадровым военным, склонным к самоанализу, умным, но очень осторожным, что и продемонстрировал в 1866 году и что вновь подтвердилось позже на Луаре.

[18] «Фактически война на севере приобретает необратимый общенациональный характер; все отдельные очаги сопротивления ее идее сломлены. Г-ну Бисмарку удалось своими умелыми и продуманными маневрами возбудить чувство справедливости, столь глубокое среди немцев, и на этой стороне Рейна нет никого, кто не был бы уверен, что война неотвратима…» – *Авт.*

Весьма трудно было упрекнуть в чрезмерной осторожности командующего 1-й армией генерала фон Штейнмеца, назначение которого было встречено людьми сведущими с удивлением. Разумеется, генерал, которому было за 70 – он родился в 1796 году, – проявил себя в ходе кампании 1866 года блестяще, не считая самого Мольтке. Его корпус при Находе сдержал натиск превосходящих сил австрийцев (пруссаки потеряли здесь 1122 человека, а австрийцы – 5719), более того, сумел отбросить их, а на следующий день преследовал их, одерживая победу за победой, которые, собственно, и подготовили почву для триумфальной развязки при Садове. Личная отвага и решительность фон Штейнмеца сыграли в этом решающую роль, как справедливо считалось. Некоторые видели в нем Блюхера (полководца 1813–1815 годов) новой кампании. Но фон Штейнмец был своеволен, упрям и нетерпим к любым попыткам контролировать его действия. В куда меньшей степени, чем другие старшие офицеры, он был склонен усваивать уроки, которые Мольтке терпеливо пытался вбить в их голову. «Куда подевались его рассудительность и энергичность, – писал один офицер-штабист, не скрывая недоброжелательства, – одно только упрямство и осталось». Одним из объяснений назначения фон Штейнмеца – опасение Мольтке, что сравнительно малочисленная 1-я армия, развернувшая в начале кампании всего два корпуса (7-й, 8-й и 3-я кавалерийская дивизия), возможно, примет на себя основной удар наступления французов в нижнем течении Мозеля и, конечно, Штейнмец – именно тот, кому под силу справиться со столь критической ситуацией. Но, как оказалось, фон Штейнмец стал истинным бедствием. Мольтке ничего не мог поделать с упрямым стариком. Его неповиновение нарушало планы Мольтке, вызывало массу проблем и как минимум однажды едва не привело целую немецкую армию к катастрофе.

О королевской ставке. Сам король, хорошо осведомленный и деятельный командующий, которого при принятии важных решений ограничивал лишь его возраст – Вильгельму I было 73 года. Положение Мольтке, как единственного советника короля, теперь (кроме Штейнмеца) никто и не пытался оспорить. Генерал-лейтенант фон Подбельски находился на должности генерал-квартирмейстера, а генерал-лейтенант фон Штош – главного интенданта, и этот пост, принимая во внимание его службу на протяжении нескольких лет начальником военно-экономического отдела военного министерства, полностью ему подходил. Непосредственно подконтрольными фон Мольтке были трое: полковник Бронзарт фон Шеллендорф, отвечавший за переброску войск, полковник фон Бранденштейн – за железнодорожные перевозки и войсковой подвоз, и полковник Верди дю Вернуа – за ведение разведки. Эти трое офицеров и были проводниками Мольтке в осуществлении его стратегии. Через фон Шеллендорфа и фон Бранденштейна поступали все приказы на переброску и войсковой подвоз, а Верди, в дополнение к своим основным обязанностям по ведению разведки, Мольтке использовал как флигель-адъютанта, что наделяло его невиданной в прусском Генеральном штабе ответственностью. В войсках эту троицу прозвали «полубогами» Мольтке и не особенно жаловали. Но благодаря длительному обучению у Мольтке они исполняли свои обязанности быстро и рационально, тем самым установив планку, к которой офицеры-штабисты стремились, однако отнюдь не всегда достигали. Всего при штабе числилось, кроме упомянутых троих офицеров, 11 офицеров, 10 картографов, 7 помощников низкого ранга и 59 других служащих: не столь уж и раздутая единица, контролировавшая всю армию, численность которой к концу войны составляла около 850 000 человек.

Этот рабочий штаб составлял лишь небольшую часть свиты, которая должна была сопровождать короля, когда он выехал из Берлина в свою новую ставку в Майнце вечером 31 июля. Вильгельм I был не только главой государства, но и главнокомандующим вооруженными силами, и при нем должны были находиться органы управления – как гражданские, так и военные кабинеты, Бисмарк и ответственные лица из министерства иностранных дел, Роон вместе со своими заместителями и помощниками. Существовали и эксперты, как гражданские, так и военные, они решали вопросы, связанные с комиссариатом и связью. Были офицеры и

для назначения управляющими оккупированными территориями. И наконец, существовала масса своего рода привилегированных зрителей, требования которых к расквартированию и средствам связи действовали на нервы офицерам штаба, вынужденным в спартанских условиях планировать и вести непростую и широкомасштабную войну. Дружелюбные и занимавшие нейтральные позиции военные корреспонденты, которых Бисмарк не обошел гостеприимством, всегда были желанными гостями. Как и военные атташе иностранных держав. Но вот для всякого рода придворных князьков мест не находилось, тех самых князьков, которые вместе с их лакеями, лошадьми, камердинерами и поварами примазывались к войскам с таким видом, будто спешили на очередной светский раут. Невольно почувствуешь ностальгическую симпатию к этим изящным и бездумным «болельщикам», которые в эпоху, когда война превращалась в науку, столь же тоскливую и точную, как экономика, все еще воспринимали ее как прогулку, развлекательную и бездумную, под стать войнам Людовика XIV. Они воспринимались таким же анахронизмом, как позолоченная резная фигура над носовой частью современного линкора, но этот анахронизм лишний раз подчеркивал утилитарную эффективность остальных элементов механизма войны. И эта эффективность не шла ни в какое сравнение с французской.

Мобилизация во Франции

Планы, разработанные Лебёфом для мобилизации, основывались на проекте обороны Фроссара 1868 года, предусматривавшем формирование трех армий – в районе Меца, Страсбурга и Шалона. Армией в Эльзасе (район Страсбурга), с тремя сильными корпусами, должен был командовать маршал Мак-Магон, герой Крымской кампании и генерал-губернатор Алжира. В эту же армию должны были войти и силы, дислоцированные в Алжире. Армией в районе Меца, также включавшей три корпуса, должен был командовать маршал Базен, руководивший до этого злополучной мексиканской экспедицией, а Шалонской армией, состоявшей из двух сильных корпусов, – маршал Канробер, репутация которого после Крыма и Италии затмила даже репутацию Мак-Магона. В течение пяти дней все приготовления были завершены, затем 11 июля император распорядился о полной реорганизации. Согласно распоряжению Наполеона III под его личным командованием должна была остаться лишь одна армия из восьми корпусов, а трое прежних командующих в качестве своего рода компенсации получали весьма многочисленные корпуса – в составе трех дивизий вместо двух. Это было первым из тех нерешительных, почти спонтанных вмешательств Наполеона III, которые до основания потрясли армию, ту армию, которую он так стремился создать. Внесение изменений в план было осуществлено не в последнюю очередь благодаря стараниям императрицы: мол, Наполеон III, император, должен командовать своей армией лично, а правительство оставить в Париже. Но Лебёф приписывал это инициативе эрцгерцога Альбрехта Австрийского, считавшего, что устранение промежуточной ставки будет способствовать тому, что армия сыграет более гибкую и подходящую ей роль в союзнической наступательной стратегии, которую он обрисовал в общих чертах. Конечно, это убедило и армию, и в особенности самого Лебёфа в том, что австрийцы все же собирались вмешаться, хотя идея эта не имела под собой никаких объективных оснований, а одни только домыслы.

Надежды на такое вмешательство не угасали до самого августа. Канцлер Австрии Бейст не скрывал удивления и раздражения тем, что Франция бездумно и преждевременно объявила Пруссии войну, к которой Австрия (Австро-Венгрия) – как ее армия, так и общественное мнение были совершенно не готовы, причем в тот момент, когда Россия, лояльная к Бисмарку, как и тот к ней во время Польского восстания 1863 года, в случае объявления мобилизации Австро-Венгрией грозилась объявить ее у себя. Но он мог одним махом отказаться от союза, который на протяжении трех лет создавал. Бейст сопроводил заявление Австро-Венгрии о нейтралитете от 20 июля многочисленными посулами и заверениями в преданности Франции, и австро-венгерская армия тоже втайне приступила к подготовке к войне. Италия, оставшаяся без средств, не имевшая возможности получения кредитов, с армией, сил у которой хватало лишь на решение внутренних вопросов, ни при каких условиях не могла взять на себя риск участия в большой войне. Даже если здесь и существовала влиятельная партия, которая помнила то, чем Италия была обязана Франции в 1859 году, то существовала и другая, не менее влиятельная, помнившая и о том, чем Италия была обязана Пруссии в 1866 году. В любом случае в Италии не нашлось бы государственного деятеля, который отважился бы подписать соглашение с Францией, пока французские штыки обороняли временную власть папства в Риме. Но Франция, вынужденная по крупицам собирать армию для войны с пруссаками, уже отправила транспортные средства для своего римского гарнизона, и военный союз не стал бы слишком высокой ценой, которую пришлось бы заплатить за гарантию того, что сей гарнизон в Рим не возвратится. В течение июля австрийские и итальянские дипломаты консультировались по вопросу того, что они в состоянии предпринять для помощи Франции, и 3 августа итальянский военный атташе в Париже доставил в ставку Наполеона III в Меце проект соглашения, включавшего ряд предложений, с которыми выступал эрцгерцог Альбрехт минувшей

весной. А он предлагал следующее: Австро-Венгрия и Италия объявляют состояние вооруженного нейтралитета и частично осуществляют военные приготовления на тот период, пока не смогут предложить либо вооруженное посредничество, либо вступление в войну. Австро-Венгрии пришлось использовать все свое влияние для урегулирования римского вопроса. Но Наполеон ш счел этот проект неприемлемым. Вмешательство, настаивал он, должно произойти немедленно, и касательно римского вопроса император Франции продемонстрировал упорство отчаявшегося. Уступить Рим королю Италии означало бы оттолкнуть своих сторонников-католиков, самые фанатичные из которых открыто заявили о том, что предпочтут «скорее пруссаков в Париже, чем итальянцев в Риме». Они являлись последней точкой опоры, когда наплыв либералов и республиканцев грозил потопить его. Это был финальный трагический поворот в политике перемен и компромиссов, начавшийся с его вмешательства в дела Италии в 1859 году и в конце концов обернувшийся бедой для него.

Рассматривая перспективы войны с пруссаками, Наполеон III поначалу надеялся, что Австрия при определенных обстоятельствах пришла бы к нему на помощь. Именно эти надежды и оправдывали изменение планов 11 июля и дополнительный груз, который свалился на плечи уже и так работавшего на пределе сил военного министерства. У самого министра Лебёфа было хлопот полон рот. В дополнение к своим министерским обязанностям Лебёф стал начальником штаба Рейнской армии, которой командовал император, заняв пост аналогичный Мольтке при Вильгельме I. Однако весьма сомнительно, чтобы Мольтке работал бы и за себя, и за Роона. Помощниками императора были генералы Жаррас и Лебрюн, офицеры, которые впоследствии всячески открещивались от ответственности за проведение военных операций, якобы налагаемой на них занимаемыми должностями помощников императора. В военном министерстве, когда Лебёф отправился в ставку Наполеона III в Меце, он оставил за себя своего заместителя генерала Дежана, и задачи, выполняемые Дежаном, проистекали из памятной записки, направленной Наполеоном III Лебёфу 23 июля. Восемнадцать пунктов, которые император определил необходимыми для уделения им особого внимания министра, включали перевод на военные рельсы железных дорог, организацию войскового подвоза, учреждение служб реквизиции, предоставление транспорта и снабжение гражданских специалистов и наблюдателей при армии и предоставление медицинских и ветеринарных услуг артиллеристам и саперам. Любой из пунктов в этом длинном списке требовал месяцы, если не годы подготовки. Неудивительно, что ошибки в планировании и подготовке французами мобилизации и сосредоточения сил обернулись и возымевшими трагические последствия несоответствиями в ходе выполнения упомянутых планов.

Подобная небрежность преобладала и при назначении на ответственные командные должности. Наполеон III, в отличие от короля Пруссии, не имел военного кабинета, занимавшегося учетом и отбором наиболее компетентных и работоспособных офицеров, да и сам не обладал ни знаниями Вильгельма I, ни его заинтересованностью, позволявшими сформировать опытный генералитет. Пропуском на высокую должность служили бесстрашие в бою и личное обаяние. Из генералов, назначенных на должности командующих корпусами в Рейнской армии, за исключением, пожалуй, одного, все были адъютантами императора. Базен, командующий 3-м корпусом, был довольно прохладно принят при дворе вследствие своего поведения в ходе обернувшейся катастрофой кампании в Мексике. Но пресловутое прохладное отношение двора вкупе со скромным образованием обеспечило ему ореол героя у представителей оппозиции, и если бы император попытался обойти его при назначении на высокую должность, это неизбежно вызвало бы бурю протестов, настолько сильную, как и та, которая в конечном счете вознесла его на пост командующего Рейнской армией. Мак-Магон командовал 1-м корпусом, воевал хоть и бесстрашно, но позже на посту командующего армией проявил себя абсолютно некомпетентным военачальником. Мак-Магон добился бы куда большего успеха, последуй он примеру Канробера, который, почувствовав, что достиг пика карьеры в

должности командующего 6-м корпусом, решительно отказался принять командование Рейнской армией, когда ему был предложен этот высокий пост. Из других командующих корпусами Фроссар (2-й корпус) был и оставался военным инженером, сапером, никогда не командовавшим ни одним соединением или даже частью. Файи (5-й корпус), оборонявшего ранее Рим от Гарибальди и разбившего его в 1867 году при Ментане, ненавидели буквально все за его полнейшую некомпетентность. Ладмиро (4-й корпус) и Феликс Дуэ (7-й корпус) полностью соответствовали занимаемым должностям, в то время как Бурбаки, повсюду прославляемый за его деяния в Крыму и в Африке, как и Байар, если бы не его Галаад, проявил себя совершенно лишним человеком на должности командующего императорской гвардией – резервными силами, не участвовавшими ни в одном из крупных сражений последующих полутора месяцев. Как генералы они были, возможно, не хуже средних командующих прусскими корпусами, и окажись они, как их коллеги-пруссаки, под началом старших офицеров выучки фон Мольтке, а не таких безнадежно несведущих военачальников, как сам Наполеон III и Базен, то они, возможно, зарекомендовали бы себя несравненно лучшими командирами.

Однако не промахи французского стратегического планирования, не бездарность французских командующих, не даже значительное численное превосходство пруссаков над французами обеспечили немцам явное преимущество уже с самого начала войны. Главной причиной была хаотически проводимая французами мобилизация. Согласно оценке Лебёфа, Франция могла выставить против Пруссии 300 000 человек и 924 артиллерийских орудия уже по прошествии первых трех недель[19].

Такие силы, оперативно сосредоточенные и немедленно и напористо атаковавшие, возможно, смогли бы нанести весьма значительный урон многочисленным и хорошо вооруженным германским войскам. Если бы эти силы были размещены соответствующим образом на позициях, как рекомендовал Фроссар, то они, имевшие на вооружении винтовки Шаспо и митральезы (картечницы), при условии умелого и максимально полного использования этих вооружений могли бы на неопределенное время остановить армию вторжения, что обеспечило бы подтягивание отмобилизованных сил резерва, прошедшей ускоренную подготовку мобильной гвардии, переброску войск из Африки, Рима, да и Австрия и Италия, под влиянием не столь успешных, как ожидалось, действий пруссаков, вполне могли активно вмешаться. Все зависело от того, насколько быстро была бы сосредоточена армия, и Ниель, и Лебёф прекрасно это понимали. Вот только с быстротой сосредоточения сил дело у французов обстояло из рук вон плохо. Полки французской армии не были ни размещены в основных областях получения пополнения, ни в мирное время не собраны в бригады и более крупные соединения. Они были рассеяны погарнизонно по всей стране, часто меняли место дислокации. Армия для обеспечения выхода на оперативный простор должна была на ходу формировать боевые единицы из рассеянных по всей Франции частей. Солдаты не знали своих командиров, как не знали и тех, кому предстояло обеспечивать их самым необходимым, – то есть французская армия мало походила на прусскую, которая уже в мирное время была сформирована для ведения боевых действий. И французской армии, чтобы рассчитывать на победу, предстояло в кратчайшие сроки завершить мобилизацию, и поэтому Лебёф решил, что мобилизация и сосредоточение должны осуществляться не последовательно, а одновременно в рамках единого плана. Полки не возвращались к месту дислокации для набора резервистов и вооружения, а формировались в боевые части непосредственно перед отправкой на фронт у самой границы. И полки эти по возможности распределялись по ближайшим корпусам. 1-й корпус в Страсбурге получил войска из Африки, 7-й корпус в Бельфоре – с юга Франции, 5-й корпус – из района Лиона, 2-й

[19] После проведения мобилизации численность войск достигла 567 000 человек, включая гарнизоны в Алжире, Риме и крепостях Франции, а также силы охраны городов и складов. На складах имелось 3000 артиллерийских орудий, однако нехватка опытных артиллеристов и необходимого снаряжения не позволила использовать их более чем на треть. Имелось и около 190 митральез. – *Авт.*

и 3-й корпуса – из Меца и Сент-Авольда, из Парижа и Шалона и 4-й корпус – из Лилля и с севера Франции, где Ладмиро уже принял над ними командование. Рассчитывалось, что все резервисты будут призваны по истечении 14-го дня после начала мобилизации. Если бы все осуществлялось в соответствии с этим планом, у французов были все основания рассчитывать на возможность начать наступление через Рейн еще до завершения военных приготовлений пруссаков.

Лебёф осознавал безотлагательность подобных мер ничуть не хуже чем фон Мольтке. 9 июля был издан приказ для отзыва войск из Алжира, и 11 июля Лебёф приступил к проверке принятых мобилизационных мер. Два дня спустя он умолял Совет министров объявить мобилизацию – так же, как Мольтке и Роон вынуждены были умолять своего суверена 15 июля и, как мы убедились, даже угрожали отставкой в случае отказа. Вечером 14 июля, на день раньше немцев, приказ наконец был издан.

Результат был прискорбным. Планы военного министерства включали переброску большого количества личного состава во всех направлениях по железным дорогам, по сути не подчинявшимся военным. Полкам предстояло покинуть места расквартирования и направиться в районы сосредоточения, резервистам – покинуть местожительство и следовать на полковые сборные пункты, а оттуда – в полки, а войсковой подвоз осуществлялся из центральных складов по сборным пунктам и полкам. Например, были полки, сборные пункты которых располагались в Лионе, а сам полк дислоцировался в Дюнкерке, другой, тоже дислоцированный в Лионе, имел свой сборный пункт в Сен-Мало. Резервисты, которым предстояло вступить в полк зуавов, должны были прибыть на сборный пункт в Оране, а уже потом следовать в свой полк в Эльзасе. Неудивительно, что группа резервистов, выехавшая из Лилля 18 июля на сборный пункт 53-го полка в Гапе, так и не явилась в свой полк: упомянутая группа подверглась нападению пруссаков у Седана, то есть еще по пути в часть, и в конце концов их включили в состав Луарской армии. Как только резервисты достигали своего сборного пункта, их распределяли по батальонам группами по 100 человек, но сомнительно, что их успевали нормально вооружить и снабдить всем необходимым, поскольку дезорганизация на центральных складах и на железных дорогах обуславливала постоянные задержки с доставкой вооружений на полковые сборные пункты; командиры упомянутых сборных пунктов буквально разрывались между доукомплектованием регулярных батальонов и естественным стремлением дать добро на отправку их только при поступлении вооружений и по работавшим без сбоев железным дорогам. В результате к 6 августа, то есть на 23-й день мобилизации, лишь около половины резервистов добрались до своих полков, и многие из них остались без самого необходимого на войне – без пайка, без оружия и даже без обмундирования. Остальные, если они покидали сборные пункты, застревали по пути следования из-за перебоев в работе железных дорог, коротая время в пьянстве, выклянчивании еды у местного населения и налетах на армейские склады.

Что касалось мобильной гвардии, ее существование в основном ограничивалось бумагой. В теории существовало 250 пехотных батальонов и 125 артиллерийских батарей, но на практике кадров и вооружений набиралось лишь на малую часть из приведенных цифр, и изданные 17–18 июля приказы приступить к формированию полков, бригад и дивизий явились всего-навсего стремлением выдать желаемое за действительное. Призванные на службу не получили ничего – ни расквартирования, ни обмундирования, ни вооружения. В лучшем случае они могли получить кепи и блузы, и в Париж от военных властей со всех концов Франции летели отчаянные телеграммы, содержавшие один и тот же вопрос – как быть с ордами рассерженных и агрессивных молодых людей, вдруг свалившихся на голову командующих с требованиями разместить, вооружить, обмундировать и накормить их. Господствовало почти единодушное мнение, что служащих в мобильной гвардии, происходивших из местных жителей, надлежит отправлять как можно дальше от родных мест, распределять их в других частях

страны, где они служили бы в условиях более крепкой дисциплины и где легче было подыскать им занятие. Интендантская служба, и так изнуряемая бесконечными требованиями со стороны войск, утверждала, что, мол, вопрос о вооружении мобильной гвардии не в их компетенции, а поскольку иного источника поставок вооружений кроме интендантской службы не существовало, призыв мобильной гвардии с 4 августа был и вовсе приостановлен. Полки из Парижа, которые были уже организованы, послали в лагерь в Шалоне, где Канробер собирал 6-й корпус, и маршал, убедившись, что даже его личное обаяние не в силах побороть их разнузданную недисциплинированность, настойчиво потребовал отправки их в гарнизоны крепостей – пусть, дескать, вкусят прелестей гарнизонной службы. Но командующие крепостями наотрез отказывались от такого пополнения, таким образом, они так и оставались в Шалоне, пока Трошю 17 августа не забрал их с собой в Париж.

Все это создавало невероятную напряженность на железнодорожном транспорте. Более того, поскольку о рекомендациях комиссии Ниеля позабыли, приказы отдавались наугад чиновниками как квалифицированными, так и совершенно неподготовленными, в зависимости от ситуации. Переброска частей осложнялась отсутствием у личного состава необходимой подготовки, его недисциплинированностью и – в особенности это касалось частей, выезжавших из Парижа, – пьянством и асоциальным поведением в пути следования, а еще и тем, что полковых офицеров интересовало одно: как можно скорее бросить личный состав в бой, а все остальное командиров просто не волновало. Самой основной причиной задержек было то же самое, что так досаждало пруссакам в 1866 году и даже давало о себе знать и в 1870 году: дороги, забитые груженым транспортом, посланным по маршруту без согласования возможностей для его разгрузки в пункте назначения. Даже там, где разгрузка была возможна – как, например, в Меце, – транспортные средства все же не разгружались по причине неизвестности пункта назначения. Это вызывало путаницу, когда все элементы организации присутствуют: подвижной состав в достаточном количестве, склады в достаточном количестве, пространство для разгрузки тоже в достаточном количестве – и все же вся структура забита неразгруженными транспортными средствами, доставляющими все, что позарез необходимо на том или ином участке, как необходимы и порожние транспортные средства для последующих загрузок. Пруссаки столкнулись с этой проблемой, однако окончательно ее так и не решили. Что же касается французов, те осознали наличие этой проблемы с большим запозданием.

Таким образом, план, ошибочный уже с самого начала, продолжал громоздить сбои, и сосредоточившиеся вокруг Меца и Страсбурга войска испытывали острую нехватку не только личного состава, но и страдали от отсутствия войскового подвоза. Проблема заключалась не в отсутствии резервов, а в принятых для их распределения мерах. В отчете Лебёфа от 8 июля приведены отдельные причины. Сложности заключались в отсутствии необходимого транспорта и организации интендантской службы. Не хватало лошадей, да и вообще транспортных средств. Значительная часть транспортных средств оказалась непригодной для перевозок, и командующим корпусами приходилось довольствоваться закупками самого необходимого на местах. Медицинские склады разместили в централизованном порядке в *Hotel des Invalides,* и уже вскоре после начала кампании удалось организовать для фронтовых частей кареты скорой помощи. Снаряжение для палаточных лагерей ограничивалось крохотными палатками, рассчитанными на двоих, но и их не хватало. Не хватало полевых кухонь, посуды. Отсутствовали финансовые средства для выплаты жалованья. Не хватало топографических карт, за исключением карт Германии и крупномасштабных карт-схем. «Все дороги ведут к Рейну», – как отшучивались оптимисты. Приходилось заимствовать карты в близлежащих школах и гражданских государственных учреждениях. Короче говоря, интендантская служба расписалась в своей полнейшей несостоятельности.

Но самым болезненным явлением стала нехватка провианта. Довоенные данные о поступлении на склады в Меце и Страсбурге запасов продовольствия оказались просто фик-

цией, несмотря на полные оптимизма отчеты, предоставленные в военное министерство. Начальник интендантской службы телеграфировал из Меца 20 июля: «В Меце нет ни сахара, ни кофе, ни риса, ни воды, ни соли, ни жиров, ни хлеба». В донесениях Дюкро из Страсбурга говорилось то же самое. Запасы в Шалоне было невозможно развезти вследствие заторов на железных дорогах, и когда офицеры-интенданты попытались приобрести продовольствие на местах, вскоре убедились, что из-за коллапса железнодорожной системы оборвались контакты местных подрядчиков с их источниками поставок. Войскам оставалось рассчитывать на собственные ресурсы, и, исчерпав щедрое гостеприимство жителей Эльзаса и Лотарингии, они перешли к открытым грабежам. И без того низкая дисциплина французской армии стремительно падала. Жители Фрёшвийера в районе, где Мак-Магон сосредоточил свои силы, с удивлением взирали на расхристанных, униженных и не скрывавших презрения к своим офицерам солдат, и это в считавшихся лучшими во французской армии полках. «Все делали что им заблагорассудится, – вспоминал приходской священник из Фрёшвийера, – солдаты расхаживали, где хотели, вне своих частей, возвращаясь туда тоже когда заблагорассудится». Когда таким солдатам, как эти, было позволено самим заботиться о пропитании, они быстро превратились в банды мародеров, подобные тем, которые терроризировали мирное население Европы во время Тридцатилетней войны. При условии надлежащего командования они вполне могли одерживать героические победы, но при отсутствии такового были изначально обречены на поражение.

И все же сосредоточение сил, согласно плану, на границе от Люксембурга до Швейцарии было под временным командованием Базена осуществлено, пока Наполеон и Ле-бёф добирались до границы из Парижа. К 18 июля, спустя четыре дня после объявления мобилизации, части четырех корпусов расположились у Меца. 4-й корпус Ладмиро контролировал Мозель в Тьонвиле силами выдвинутой к Сверку дивизии, Фроссар с 2-м корпусом находился на границе у Саарбрюккена, дислоцировавшись в Сент-Авольде вместе с 3-м корпусом Базена у себя в тылу, непосредственно в Меце. В Страсбурге 1-й корпус находился в стадии формирования под временным командованием Дюкро до прибытия Мак-Магона из Алжира, а между ним и левым флангом армии у Саргемина и Битша метался 5-й корпус Фейи. Бурбаки формировал гвардию в Нанси, а 7-й корпус Феликса Дуэ подтягивался к Бельфору с юга для осуществления контроля над верховьями Рейна.

Лотарингия и Рейнланд-Пфальц

Сосредоточение представляло собой обычный кордон прикрытия границы в ходе продолжавшегося сосредоточения сил, и 20 июля Базен высказал мнение о том, что до завершения сосредоточения всякие операции нежелательны. Кавалерийские патрули курсировали вдоль границы, атаковали таможенные посты и время от времени обменивались выстрелами с уланами противника, но их активность была ограничена указанием Базена: «Наша разведка не должна быть агрессивной». У них не было ни карт, ни медикаментов, прибывавшие с другой стороны границы говорили о сосредоточении крупных сил немцев на берегах Лаутера (Лотера) и Саара, однако робость французских кавалерийских патрулей неблагоприятно контрастировала со смелостью немцев. Немецкие пограничные части, не обнаружив французов у себя, высылали патрули на их поиски: не эскадронами в полном составе, как французы, а небольшими группами – один офицер и два-три солдата. Они приводили в негодность телеграфные линии, совершали рейды на железные дороги, закладывая основу того боевого духа, который всегда был присущ германским кавалеристам. Приключения молодого графа Цеппелина, который силами крохотного патруля сумел на 8 миль углубиться на территорию Эльзаса и вдоба-

вок явился в местную харчевню отужинать, служили образцом дерзости, немало удивившей французов, которые, однако, предпочли не подражать графу.

23 июля Лебёф накануне отъезда в Мец направил приказы Базену на выступление армии согласно принятому стратегическому плану. Они предусматривали сосредоточение сил на оси Мец – дорога на Саарбрюкен – главной линии продвижения немецких сил, которые сосредоточивались у Майнца. Это сосредоточение не помешало бы французам начать наступление, но означало, что если бы они стали наступать, то в северо-восточном направлении на Пфальц, а не на восток через Рейн на Баден, как настаивал Дюкро в Страсбурге в соответствии с планом эрцгерцога Альбрехта. Но поскольку Австро-Венгрия не собиралась приходить на выручку французам, наступление в восточном направлении на Рейн предпринимать не следовало. В военном отношении куда разумнее было бы обнаружить и разгромить основные германские армии, сосредоточившиеся для сражения у Майнца. 24 июля произошла передислокация – 4-й и 5-й корпуса приблизились ко 2-му корпусу Фроссара, оставив фланговые части в Сьерке и Билле, 3-й корпус дошел до Буле, следуя по пятам Фроссара у Сент-Авольда, а гвардейцы заняли место 3-го корпуса в Меце. К вечеру пограничный кордон превратился в клин для нанесения удара по Саарбрюккену, и Лебёф прибыл в Мец для завершения последних приготовлений перед прибытием самого императора и начала широкомасштабной наступательной операции.

Перед отбытием из Парижа, однако, Наполеону предстояло очертить направления для ведения войны на море, ибо Франция располагала не только армией, но и военно-морским флотом, претендовавшим на статус самого результативного в мире. Французский флот смело вводил новинки: орудия малого калибра, паровые двигатели, бронированные корпуса кораблей. Даже британцы в течение 12 предыдущих лет рассматривали его как смертельную угрозу своему традиционному превосходству на море. На момент внезапного начала войны французский флот располагал 49 броненосными кораблями, 14 из которых были фрегаты, способные передвигаться со скоростью 14 узлов и с возможностью установки на них 24 орудий, а также 9 корветами, вооруженными 160-миллиметровыми и 190-миллиметровыми артиллерийскими орудиями. Против этой силы Пруссия могла выставить лишь 5 броненосных кораблей – один из которых, «Король Вильгельм», был мощнее французских – и около 30 других кораблей, базировавшихся на относительно небольших базах германских ВМФ в Киле и Вильгельме-хафене, к тому же находившихся в стадии строительства. Кроме того, вплотную к побережью Северной Германии располагалась Дания – страна, настроенная куда более решительно, чем даже Австрия, на полный пересмотр результатов своего недавнего поражения. В ходе предварительных переговоров выяснилось совпадение точек зрения французов и датчан по многим вопросам: если бы французы направили морским путем силы численностью около 30 000—40 000 человек на побережье Северного моря Германии, то Дания была готова добавить еще 30 000 человек. Эти союзные силы смогли бы продвинуться до Киля, а возможно, даже до Гамбурга, кроме того, нанести удар и внутри страны по Ганноверу и там обрести союзников. Это была угроза, которую сами пруссаки воспринимали более чем серьезно. По мере приближения войны Роон упорно работал над завершением возведения и вооружения фортификационных сооружений, от которых зависела оборона побережья как Балтийского, так и Северного морей. На этом участке – у Гамбурга, Бремена и Ганновера – пруссаки держали одну армейскую дивизию и две дивизии ландвера – силы, вместе с резервистами и гарнизонными войсками насчитывавшие 90 000 человек под командованием генерала Фогеля фон Фалькенштейна. Кроме неофициальных франко-датских переговоров, никаких шагов для подготовки вторжения с моря не предпринималось. Когда война вспыхнула, французский военно-морской министр имел уйму хлопот с перевозкой морским путем французской армии из Алжира и опасался, что эскадра из четырех прусских броненосцев, только что вышедших из Плимута,

предпримет атаку на французские транспорты. На самом деле прусская эскадра с двумя поврежденными кораблями торопилась добраться до Вильгельмсхафена, куда направили единственного в Пруссии адмирала, принца Адальберта, прикомандировав его к сухопутным войскам, а вместо него поручили командование прусским флотом вице-адмиралу. Как только стало ясно, что французским транспортам из Северной Африки ничто не угрожает, для несения службы на Северном море была сформирована эскадра под командованием графа Буэ-Вильоме, прибывшего из Шербура 24 июля.

Между тем идею соединить сухопутную и морскую операции пытался возродить энергичный кузен императора, принц Наполеон. На совещании 19 июля он вызвался возглавить такую экспедицию вместе с адмиралом де ла Ронсьером в статусе командующего военно-морской частью операции и Трошю – сухопутной. Император отреагировал без особого энтузиазма, дуэт либерально настроенного кузена и орлеаниста Трошю вряд ли понравился бы императрице. Лебёф твердо заявил, что армия не в состоянии предоставить ни одного батальона – это следует осуществлять, если в подобной операции вообще есть необходимость, силами в 12 000 морских пехотинцев, однако министр флота адмирал Риго наотрез отказался предоставить командование своими кораблями принцу Наполеону. Больше этот вопрос не поднимался. Риго продолжил подготовку транспортных средств и подбор морских пехотинцев, пока события 6 августа не заставили его приостановить всю деятельность и вместо этого бросить все имевшиеся в его распоряжении ресурсы на оборону Парижа. Французские эскадры на Балтийском и Северном морях опасливо курсировали вдоль немецкого побережья в попытке поддержать блокаду, пока правительство национальной обороны не отозвало их назад во Францию.

Все же французский флот не бездействовал. Всю войну коммерческая деятельность во Франции процветала, во французских владениях за рубежом царила безмятежность, и статус Франции как колониальной державы ничуть не пострадал. Французское правительство смогло закупить вооружения за границей и свободно импортировать их. Пруссия так и не смогла воспрепятствовать погрузкам на суда военных грузов, направляемых в Брест, Бордо и Марсель в течение второй половины года. Этот урок был учтен старшим поколением немецких моряков. Но для континентальной страны, сцепившейся с тоже континентальным соседом, морской флот был и оставался вспомогательным оружием. Он мог содействовать условиям, при которых война могла быть выиграна, но сам по себе не мог выиграть ее. Франко-германский конфликт предстояло улаживать методами Клаузевица, но не Альфреда Тайера Мэхэна.

Глава 3
Первые беды

Сосредоточение армий

В военных кругах Европы, как информированных, так и неинформированных, само собой разумеющимся считалось, что война начнется с удара Франции по Германии, наступлением на север на Пфальц или на восток на Рейн. «Лондон стандарт», представившая 13 июля объемный анализ направлений, по которым мог бы следовать Наполеон III, даже не рассматривала вторжение Пруссии во Францию. «По нашему мнению, не представляется возможным, – заявила газета, – чтобы пруссаки успели подготовиться и взяли бы на себя инициативу», и как указал Фридрих Энгельс в «Пэл-Мэл газетт» от 29 июля, если французы не запланировали наступление, объявление ими войны не имеет смысла. Сами немцы, естественно, ожидали вторжения. Кронпринц опасался, что оно помешает проведению мобилизации в государствах Южной Германии, генерал фон Блюменталь, его начальник штаба, считал, что удар может быть нанесен по нескольким направлениям и направление главного удара будет избрано севернее, на Майнц. Король Пруссии полагал, что нет необходимости запасаться картами Франции на начальном этапе кампании. Сам Мольтке придерживался мнения, что передислокация французских частей к границе даже еще до поступления в войска резервистов дает основания предположить, что Наполеон III рассматривал возможность нанесения упреждающего удара этими силами численностью в 150 000 человек, которых он имел под рукой, и перспективы явно не беспокоили его. Этим силам необходима была подготовка продолжительностью как минимум шесть дней до пересечения границы, и еще восемь дней ушло бы на сражения с прусскими войсками прикрытия в долине Саара и на выход к Рейну. К тому времени Мольтке сосредоточил бы 170 000 человек и к 5 августа смог противопоставить агрессору силы, вдвое его превосходящие по численности. Каждый день промедления склонял чашу весов в пользу немцев, и к началу августа, поскольку поезда со всех концов Германии непрерывным потоком устремлялись к Рейну, Мольтке даже не верилось в подобную удачу. Он не раз выражал свое удивление правительством, объявившим войну за две недели до готовности к ней. Кронпринц писал, пока его армия беспрепятственно сосредотачивалась за рекой Лаутер: «Вполне может случиться и так, что невзирая на бряцание оружием французами и все наши приготовления к внезапному нападению выступить в роли агрессора выпадет нам. Кто бы мог подумать?»

Когда Лебёф 24 июля отправился в Мец, он не сомневался, что такое наступление возможно. Механизм мобилизации был запущен, проблемы, неизбежно возникающие в связи с этим, отчасти были быстро решены, а если решить их не удавалось, Лебёф был уверен, что его подчиненные проявят смекалку и выйдут из положения, как это имело место 11 годами ранее при подготовке армии к вторжению в Италию. Но ситуация, с которой он столкнулся в Меце, расстроила его. Ни на железнодорожных станциях, ни на складах не хватало личного состава для осуществления огромного количества поставок: боеприпасов, провианта, доставляемых по железной дороге. Грузы просто складывались на грунт вокруг станции, а ведь где-то они срочно требовались, но оставались неосмотренными, неинвентаризированными, и в конечном счете о них просто забывали, включая миллионы патронов для винтовок Шаспо, которыми французам так и не пришлось стрелять. Но если склады стремительно заполнялись, то вот с личным составом дело обстояло по-другому. К 28 июля, то есть на 14-й день мобилизации, Лебёф рассчитывал, что его армия численностью в 385 000 человек будет стоять у Рейна. Но численность на тот день не превышала 202 448 человек. К 31 июля общая численность сил все

еще составляла 238 188 человек, и поскольку ни 6-й корпус в Шалоне (33 701 человек), ни значительная часть 7-го корпуса в Бельфоре (20 341 человек) так и не были готовы к началу операций, в распоряжении Лебёфа было менее 200 000 человек. Наступать с ними было бы просто неблагоразумно, а то и вообще невозможно, но при условии умно организованной обороны все же можно было рассчитывать на успех.

Тем не менее дневной приказ Наполеона III, изданный сразу по его прибытии для принятия на себя командования войсками 28 июля, казалось, подтверждал предполагаемое всеми наступление. «Что бы нас ни ожидало, мы перейдем границу, – писал он, – мы пройдем славный путь наших отцов. И будем достойными их. Вся Франция думает о вас, страстно молится за вас, к вам прикованы взоры всего мира. Наш успех решает судьбу свободы и цивилизации».

Сомнения относительно осуществимости наступления, однако, усиливались. Сведения, полученные разведкой о состоянии немецких войск, были весьма отрывочны, впрочем, как и следовало ожидать ввиду полного отсутствия организации по сбору сведений о противнике. Общее впечатление было достаточно объективным – скопление неприятельских войск в районе Майнц – Трир – Кобленц с частями, продвигающимися к рубежу рек Саар и Лаутер. Но были данные и о значительных силах в Шварцвальде, и, что еще любопытнее, поступали донесения о том, что северная армия генерала Фогеля фон Фалькенштейна угрожает левому флангу французов. 26 июля Фроссар сообщил о перемещении 60 000 солдат немецких войск от Кёльна к Саару. Лебёф прокомментировал: «Не принимая этот отчет как бесспорный, считаю необходимым как можно скорее начать наступление». Но в то же время он признавал, что пока что подобное наступление не рассматривается: «Наши намерения скованы отсутствием подготовки, и мы теряем драгоценное время в малозначительных операциях». И хотя вопрос о необходимости наступления дебатов не возникал, высокопоставленные офицеры французской армии уделяли крайне мало внимания тактическим проблемам, с ним связанным. «Что касается наступления, – писал Фроссар Базену 27 июля, – мы пока что не располагаем соответствующими директивами, поэтому не можем сказать заранее, в каком конкретном направлении выступим». План отсутствовал, после событий 1859 года повсеместно преобладало нежелание наступать без плана, никто и пальцем не шевельнул, пока 28 июля Наполеон III не прибыл лично в Мец вместе с сыном для принятия на себя командования войсками.

Прибытие императора не положило конец недоразумениям. Французская армия, верная традициям, ждала проявления воли, однако Наполеон III ни морально, ни физически не был способен эту волю проявить. Кампания 1859 года показала полное отсутствие у него таланта полководца даже при наилучшем самочувствии, а теперь он мучительно страдал от камней в почках. Сесть на лошадь было для императора пыткой, он не мог сосредоточиться по причине недуга. Императрица больше не желала направлять его действия, но никто из его заместителей не мог сделать это вместо нее. Единственным человеком, способным внести разумные предложения, был Фроссар, которого Наполеон III и Лебёф посетили в Сент-Авольде 29 июля. Фроссар всю минувшую неделю призывал к взятию Саарбрюккена – не в качестве прелюдии к наступлению, а ради улучшения положения французских сил, подтянув их на участок между Мозелем и баварским Пфальцем. Он не представлял себе, куда двигаться дальше: его целью было просто-напросто положить конец бездействию. «Пока планы врага не оформились достаточно четко, у нас есть возможность передислоцировать наши силы ближе к границе». Наполеон одобрил план, и, несомненно, поступил так за неимением лучшего.

Приказы Лебёфа от 30 июля предписывали лишь более интенсивную передислокацию сил: 2-й и 3-й корпуса последовательно направляются в долину Сент-Авольд— Форбак, с 4-м корпусом слева вокруг Буле и 5-м корпусом справа в Саргемина – теперь войска выстроились в ромбовидном боевом порядке вокруг железной дороги Мец – Саарбрюккен. Но маршей, начавшихся 31 июля, оказалось достаточно, чтобы продемонстрировать полнейшую неспособность командования французской армии задумать более амбициозную операцию. Командующие кор-

пусами забросали Лебёфа жалобами на нехватку необходимых вооружений, боеприпасов и отсутствие войскового подвоза. Офицеры повсюду проклинали бездеятельность, связавшую им руки. Но не интенданты были виноваты в возникавших в ходе маршей проблемах, когда 31 июля армия выступила, – и это были лишь первые в бесконечной цепочке нараставших проблем и которые в конечном итоге, будучи итогом бессмысленных, а порой и преступных решений, и привели армию Франции в прусский плен – в Седане через месяц, в Меце – через три месяца. Не предпринималось никаких попыток скоординировать передислокацию дивизий, а то, что в пути следования части и подразделения не натыкались друг на друга, вызывая многочасовые задержки, можно было считать просто благоприятным стечением обстоятельств. Расстояния, которые предстояло покрыть, не были значительными – не больше 15–20 километров, но вместо того, чтобы расположиться биваком вдоль дорог, экономя время и наиболее эффективно используя преимущества местности, армия практиковала приобретенную в Африке привычку размещать на ночь следовавшие в голове колонн войска подивизионно в лагерях. И поскольку головные подразделения редко отправлялись раньше 9 часов утра, следовавшие за ними батальоны не имели возможности тронуться в путь ранее полудня и в результате прибывали в пункты назначения лишь к ночи. Но офицеры были настроены оптимистично: «Общераспространенное мнение, – писал один из них, – то, что мы форсируем Рейн и что великая битва произойдет где-то в районе Франкфурта». Но рядовой состав, в особенности резервисты, потевшие в своих нелепых киверах, сгорбившиеся под тяжестью пока что непривычного обмундирования и снаряжения, хмуро тащившиеся по раскисшим от летнего дождя дорогам, воспринимали все по-другому.

2 августа произошел небольшой бой у Саарбрюккена, где немецкие подразделения были атакованы 2-м корпусом Фроссара. Приказы были детализированы до дотошности, но в них ничего не содержалось ни о диспозиции противника, ни о цели наступления. Не упоминалось и о разведке, и об авангарде – корпус должен был в полном составе наступать, как на параде, от долины Форбака и высот Шпихерна на расположенные в 900 метрах выше Винтерберг и Реппертсберг, доминировавшие над Саарбрюккеном. Над пунктами приказа все еще продолжала довлеть атмосфера мирного времени: «офицерам и солдатам предлагалось прихватить с собой провиант, поскольку не было известно, когда именно они вернутся и расположатся лагерем вечером». Следует отдать должное Базену – он понимал всю малозначимость операции, но Наполеон III считал ее крупной. Донесения об увеличении численности германских войск за предыдущие дни встревожили его, и если французы вообще собирались овладеть Саарбрюккеном, император полагал, что это должно было произойти лишь в самый последний момент и операция по овладению этим городом должна была стать значительной. Именно поэтому он и прибыл в расположение 2-го корпуса утром 2 августа вместе с принцем и отважился даже на пытку верховой ездой с тем, чтобы лично видеть, как его войска идут в атаку.

Французы наступали с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Три немецкие роты и две батареи легких полевых орудий, размещенных на высотах к югу от Саарбрюккена, открыли интенсивный огонь, а потом расчеты их бежали. К полудню французы овладели высотами, что обошлось им в 88 человек потерь – 11 из них убитыми. Немцы оставили город, отступив за реку. По мостам французы решили не идти – они могли быть минированы. Не попытались даже вывести из строя телеграф за рекой в деревне Санкт-Иоганн, и прусские телеграфисты четыре дня спокойно передавали в тыл сообщения о передислокации французов. Никто из принимавших участие в этой операции не заблуждался на счет ее значимости. Но даже в самых лучших и организованных армиях степень важности операции преувеличивается по мере удаленности от передовой, и вся Франция жаждала вестей о начале долгожданного наступления. И ставка в Меце, и парижские газеты ухватились за эту кроху новостей с жадностью изголодавшегося человека. «Наша армия, – объявила *Journal Officiel* от 3 августа, – перешла в наступление, пересекла границу и вторглась на территорию Пруссии. Несмотря

на хорошо укрепленные позиции врага, нескольких наших батальонов оказалось достаточно, чтобы овладеть высотами, доминирующими над Саарбрюккеном». Вполне хватило запустить печать, и она принялась подробно освещать «факты»: дескать, 3 прусские дивизии разгромлены, а Саарбрюккен сожжен дотла. Ожидания парижан были вроде как удовлетворены.

Между тем сосредоточение германских войск осуществлялось согласно плану. Мольтке разделил свои силы на два крыла. Правое включало 2-ю армию численностью в шесть сильных корпусов под командованием Фридриха Карла (3, 4, 9, 10, 12-й и гвардейский корпус (всего 134 000 человек), продвигавшихся от Рейна между Майнцем и Бингеном через горы вокруг Кайзерслаутерна и Санкт-Венделя на Саарбрюккен, в то время как 1-я армия численностью в три корпуса направлялась в район Штейнмеца (1, 7, 8-й: 50 000 человек), выступая из расположенного ниже Мозеля у Трира и Витлиха с тем, чтобы выйти на линию вблизи 2-й армии на Сааре ниже Зарлуи. 3-я армия под командованием наследного принца (кронпринца Фридриха Вильгельма) – 5-й, 11-й, два баварских корпуса и по одной дивизии из Бадена и Вюртемберга соответственно, всего 125 000 человек, составляла левое крыло. Отделенное справа на 80 километров горами, оно сосредоточилось в баварском Пфальце вокруг Ландау и Шпайера, угрожая Эльзасу и Страсбургу, а правое крыло угрожало Лотарингии и Мецу. Военные обозреватели отметили довольно любопытный контраст между немецким рассеиванием сил на полторы с лишним сотни километров между Карлсруэ и Кобленцем и сосредоточение французов между Саарбрюккеном и Мецем, однако упомянутое рассеивание было тщательно продумано, как и то, которое Мольтке в свое время запланировал у Садовы. Это в значительной степени облегчало войсковой подвоз на марше и позволяло продвигающимся охватить противника с флангов, откуда бы он ни появился.

Мольтке первоначально не задумывал одновременного наступления: именно 3-й армии предстояло нанести первый удар. Дело в том, что 2-й армии Фридриха Карла потребовалось бы несколько дней для проведения шести корпусов через узкие проходы в горах между Рейном и Сааром, тогда как сосредоточенная у Ландау 3-я армия за день маршем достигла бы границы с Эльзасом. И как раз вовремя добралась бы до Саара для нанесения флангового удара основных сил французов, в то время как 2-я армия ударила бы им в лоб. Таким образом, открывалась возможность повторить триумф при Садове. Поэтому вечером 30 июля Мольтке послал генералу фон Блюменталю, начальнику штаба 3-й армии, приказ о передислокации сил. Приказ этот был воспринят в штыки – Блюменталь пока что не был готов. Даже его прусские части еще не получили все свои батареи и обозы, а ни у одного из баварских корпусов не было обозов вообще. До 7 августа он не собирался переходить границу, и разумеется, до 3 августа вряд ли можно было что-то предпринять. Такая ситуация нервировала даже хладнокровного Мольтке, и он срочно составил довольно раздраженную телеграмму, в которой приказывал 3-й армии атаковать врага. Однако во избежание конфликтов в армейской среде Мольтке долго раздумывал. Верди дю Вернуа съездил в штаб командования 3-й армии и, к своему удовлетворению, убедился, что раньше 4 августа ни на какие атаки рассчитывать было нечего. Блюменталь пообещал пересечь границу в тот день, но надежды Мольтке на скорую и убедительную победу понемногу улетучивались.

Действительно, понемногу становилось ясно, что планы Мольтке скорее будут нарушены его же подчиненными, нежели противником в лице французов. Он все еще ожидал наступления французов, и его главная озабоченность в первые дни августа коренилась в сосредоточении сил 2-й армии у Кайзерслаутернского леса вплоть до ее завершения. Это оказалось непростым делом: 3 августа, например, силы 2-й армии Фридриха Карла растянулись вглубь на почти 80 километров между кавалерийскими аванпостами в долине Саара и тыловыми частями, спускавшимися от Рейна. По завершении сосредоточения 2-я армия устояла бы перед атакой французов в случае удара к северу от Саара, 3-я армия развернулась бы из Эльзаса для нанесе-

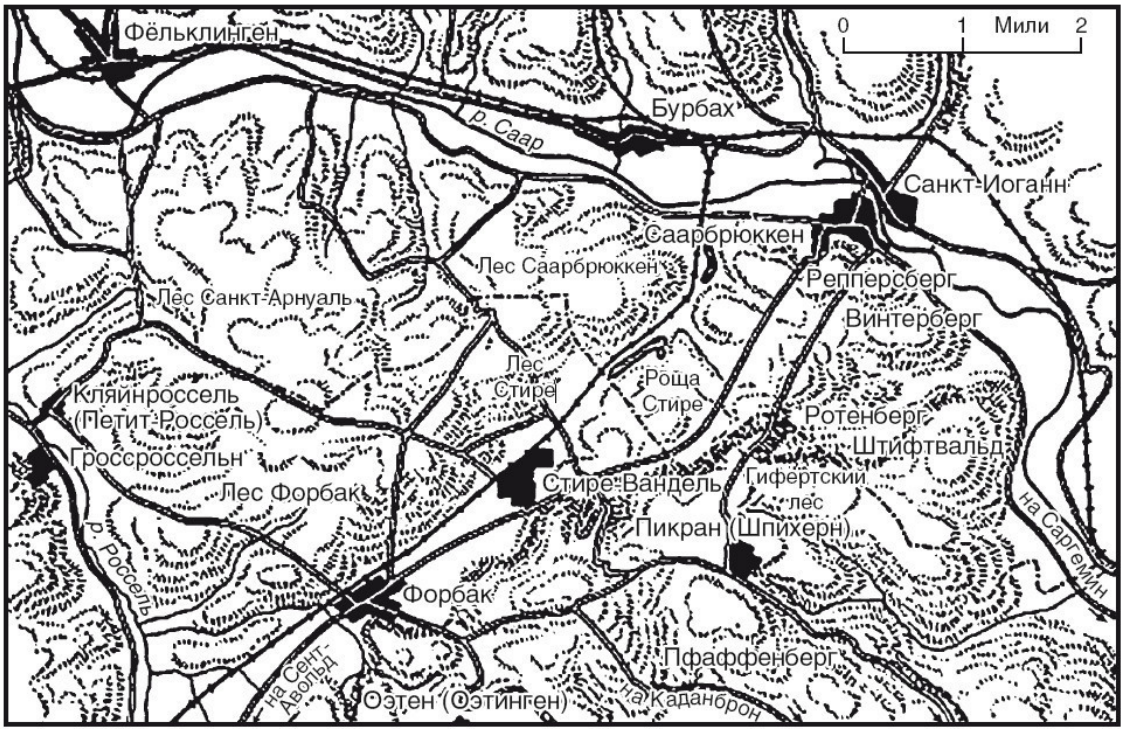
ния удара в правый фланг французам, а 1-я армия ударила бы со стороны долины Мозеля, и, таким образом, ловушка захлопнулась бы. При подготовке к этому последнему удару Мольтке 3 августа приказал Штейнмецу сосредоточить силы вокруг Толая. Но у Штейнмеца были иные замыслы. С огромным трудом Мольтке сумел убедить его сосредоточить силы: Штейнмец не мог уразуметь стратегию Мольтке и не собирался осуществлять ее. К 3 августа его армия была готова, и он собирался атаковать. Данные конной разведки Штейнмеца подтверждали, что риска нет. Он доложил Мольтке, что на следующий день планирует двинуться на юг к Зарлуи и Сен-Авольду, а вместо того, чтобы задержаться у Толая, он решительно выдвинул свое левое крыло вперед, к дороге Санкт-Вендель – Оттвайлер – то есть непосредственно поперек линии наступления 2-й армии.

Формальная вежливость переписки никоим образом не скрывала глубокую взаимную неприязнь двух военачальников. Мольтке, едва поняв, что французы не собираются продвигаться дальше Саарбрюккена, принял предложенную Штейнмецем диспозицию, но запретил ему форсировать Саар. Штейнмец в ответ сетовал на запрет воспользоваться благоприятнейшей возможностью для перехода в наступление. «Не понимаю, – добавил он, – стратегических идей, которые оправдывали бы отказ от Саара, такое вообще не диктуется ситуацией». На следующий день, 5 августа, он обратился к королю через голову Мольтке. Дескать, если ему предписывается оставаться у Толая и если Фридрих Карл будет продвигаться на Нойнкирхен и Цвайбрюккен, аргументировал Штейнмец, то 2-я армия займет позиции впереди 1-й армии. И высокомерно завершил: «Поскольку у меня нет приказа перейти в наступление, я не знаю, смогу ли я вообще сыграть в нем на самом деле полезную роль». Ответ последовал тотчас же, причем не от короля, а от Мольтке. 2-я армия до 8 августа не будет выдвигаться дальше Нойнкирхена и Цвайбрюккена. Штейнмецу надлежит убрать войска от Санкт-Венделя и дороги на Оттвайлер, чтобы позволить им пройти. Он сможет продвинуться до Саара не ранее 7 августа и должен быть готов форсировать реку 9 августа, но под конец Мольтке добавил: «Его Величество без обиняков заявил, что пока не готов воспользоваться прерогативой отдания приказов на выполнение данной операции, поскольку способ ее осуществления и заданное ей направление будут зависеть от того, как пойдут дела у 3-й армии».

Мольтке таким образом надеялся уберечь от краха хотя бы часть своих планов. Медлительность Блюменталя и отказ Наполеона III от наступления вынудили его отказаться от первоначальных намерений разгромить французскую армию в сражении на окружение севернее реки Саар, но он все же мог достичь своей цели и южнее реки, если бы Фридрих Карл атаковал через нее на участке между Саарбрюккеном и Саргемином, а Штейнмец форсировал бы реку ниже по течению в Зарлуи и Фёльклингене, нанес бы удар в левый фланг французов и оттеснил бы их из Меца прямо в объятия ожидавшей их 3-й армии. Однако Штейнмец свел на нет его последнюю надежду. 5 августа он распорядился об отводе сил с дороги на Санкт-Вендель, но, как он объяснил Мольтке на следующий день, это включало и передислокацию «войск не только на запад, но и на юг». То, что он предпринял вечером 5 августа, так это приказал двум своим ведущим корпусам, 7-му и 8-му, приступить к передислокации к Саару, что ему запретили, и он передислоцировал их, но не на юго-запад от Зарлуи с тем, чтобы, согласно планам Мольтке, окружить противника, а на юг на Саарбрюккен, где им предстояло не только вновь пересечь путь следования 2-й армии, но и оказаться втянутыми вместе с ней в бездумную фронтальную атаку французов – атаку хоть и успешную, но не оттеснявшую врага к исходным рубежам. Планы Мольтке были нарушены еще до ввода в действие главных его сил.

Шпихерн

С наступлением на Саарбрюккен 2 августа инициатива главных французских сил была исчерпана. Неспособность их армии предпринять наступление свидетельствовала об отсутствии воображения у французских командующих, и донесения о том, что германская армия продвигается через Пфальц, сковывали инициативу командующих всех уровней. Три дня, последовавшие за наступлением на Саарбрюккен, французские корпуса провели в Лотарингии в бесцельных, как оказалось, маршах, что отражало нерешительность их командующих. Трудно подвергнуть анализу намерения ставки французов в Меце с 3 по 6 августа из-за калейдоскопической скорости смены планов, но для самих войск результат этого был ясен. По утрам они просыпались в биваках, разбитых предыдущим вечером или поздно ночью, и, прихватив снаряжение и оружие, отправлялись в очередной марш – нередко по той же дороге, что и днем раньше. Никто, от командующего бригадой и до младших командиров, не мог с определенностью сказать, куда они шли и для чего. У них отсутствовали карты, а поступившие из Меца приказы, в которых дотошно перечислялось все: характер биваков, меры предосторожности и даже обмундирование, но не содержалось сведений ни о конечном пункте марша, ни о диспозиции своих войск, ни о диспозиции противника. Источниками новостей в войсках служили слухи и всякого рода домыслы, исходившие от местного населения. Эти марши вслепую, эти нелепые переходы редко предписывали следовать на очень большие расстояния, но на палящем солнце или в проливной дождь войска застревали из-за скопления на дорогах пеших колонн. Личный состав был измотан, все дни походили друг на друга как две капли воды – сначала марш, потом ближе к ночи остановка, сон на голодный желудок, потому что не было сил даже на то, чтобы разложить костры для приготовления скромной трапезы и обогрева. Подобные тяготы легко и быстро забываются уже с первой одержанной победой, но если солдаты терпят поражения, в этом случае их запоминают, и вину за них возлагают на верховное командование.

Шпихерн и Саарбрюккен

Первоначальное намерение Наполеона III и Лебёфа после легкой победы с взятием Саарбрюккена заключалось в том, чтобы повторить ее, пройдя далее вниз по течению силами 4-го корпуса на Зарлуи с тем, чтобы собрать в кулак все силы французов в долине Саара. Но этот последний всплеск инициативы французов так и оказался мертворожденным, ибо то, что представлялось осуществимым в Меце, оказалось совершенно неприемлемым для Ладмиро. Находившийся со своими силами на левом фланге французской армии в Буле, он, как и Дуэ в Страсбурге со своим 7-м корпусом на правом фланге, был встревожен слухами о немцах, сосредотачивающих силы по фронту. Ладмиро понимал на основе поступавших из Люксембурга донесений, что 1-я германская армия, численностью около 40 000 человек (на самом деле больше – вскоре к 6 августа уже 96 000), надвигалась на него со стороны Трира. Что, если эти силы, не встречая на пути сопротивления, доберутся до долины Мозеля, охватив его с фланга у Тьонвиля и ударив ему в тыл? На свою ответственность Ладмиро послал дивизию на ликвидацию бреши в долине Мозеля у Сьерка, в 30 километрах к северу от Буле, и в этом случае его корпус расположился бы на гораздо большем пространстве, что значительно облегчало сосредоточение сил для наступления. От намерения наступать на Зарлуи пришлось отказаться. Теперь налицо были явные признаки сосредоточения крупных сил немцев к северу от Саарбрюккена. Причем сведения об этом исходили не только от разведки, но и из английской прессы, большинство самых видных корреспондентов которой были прикомандированы к прусским войскам и безо всякой цензуры передавали сведения. Поэтому 4 августа Наполеон и Лебёф изменили свои предписания 4-му корпусу, приказав ему сосредоточиться за Саарбрюккеном под командованием Базена для возможного отпора пруссакам. Но Ладмиро был упрям. Если бы он повернул вправо, как требовал Лебёф, оголил бы долину Мозеля. Сьерк, утверждал он, являлся «ключом к ситуации, и важно было оставить его у себя». Лебрюн, уже посланный Наполеоном для изучения ситуации на левом фланге, встал на сторону Ладмиро. Таким образом, Базену было приказано принять командование 3-м корпусом и частью сил занять фронт 4-го корпуса, чтобы дать возможность Ладмиро сосредоточить силы далее на севере. Ладмиро, таким образом, вынудил Наполеона отказаться от завоеванного 2 августа: Базен мог занять позиции 4-го корпуса, лишь отведя войска на левый фланг 2-го корпуса. Одновременно с этим Фейи на правом фланге изымал бригаду 5-го корпуса в Саргемине, а Фроссар, считая себя в опасной изоляции, отступил 5 августа с высот Саарбрюккена на укрепленные позиции вокруг Шпихерна и Форбака, которые он второпях оставил тремя днями ранее. Этот отвод сил, как мы еще убедимся, будет иметь далекоидущие последствия.

Наполеон отказался от своих планов оборонительного сосредоточения сил, родившихся у него всего лишь за несколько часов до описываемых событий. Пока он проявлял нерешительность на Сааре, кронпринц Фридрих Вильгельм взял на себя инициативу на Лаутере и пытался окружить французскую дивизию в районе пограничного пункта Висамбур (Вейсенберг) (в этом бою французская дивизия оттянула на себя 3 немецких корпуса и после упорного сопротивления отступила; немцы потеряли более 1500 человек).

Когда 4 августа новость об этом дошла до главной ставки французов, там отреагировали на нее и гневно, и обеспокоенно. Не только с политической точки зрения было необходимо компенсировать допущенный промах, причем как можно скорее. Было важно и в военном отношении атаковать немцев немедленно, еще до завершения ими сосредоточения сил. Рейнская армия достигла численности свыше 270 000 человек. Пришло время наступать.

Сбросив с себя оковы нерешительности, Лебёф и его советники с головой ушли в планирование этой новой авантюры, пока главный интендант Вольф холодно не указал им, что стоит французской армии форсировать Саар, как она лишится всего самого необходимого. О реквизициях нечего было и думать – Пфальц уже будет разорен немцами, а если они рассчитывают, что Вольф будет снабжать их со складов в Меце, то там запасов хватит лишь на два дня. И новые планы улетучились столь же быстро, как и появились. Штаб разработал еще одно

оборонительное развертывание сил – на сей раз сулившее беду. Французские корпуса теперь растянулись вдоль границы, следя за всеми лазейками, но они были слишком рассеяны, чтобы рассчитывать на поддержку друг друга. Ладмиро предстояло сосредоточить силы 4-го корпуса у Зарлуи, Фроссар с 2-м корпусом оставался, где был – у Саарбрюккена, Базен, сохранив штаб 3-го корпуса в Сент-Авольде, должен был поддержать войска Фейи в Саргемине, а Фейи предстояло сосредоточить весь 5-й корпус в Биче. 1-му корпусу немцев, наблюдавшему за проходами в Вогезах у Фрёшвийера, и 7-му корпусу, рассредоточившемуся вдоль верховьев Рейна, французы могли противопоставить лишь 2 резервных корпуса – «Императорскую гвардию», которая уже перемещалась вверх из Меца вдоль дороги на Сент-Авольд, и плохо обученный и недисциплинированный 6-й корпус Канробера из лагеря в Шалоне, который 5 августа был вызван в Нанси. Не требовалось даже свойственной Мольтке проницательности, чтобы предугадать полнейший разгром столь распыленных сил, да еще при наличии численного превосходства. И все же немцы, как ни парадоксально, решились атаковать на единственном участке обороны французов, где существовал достаточно обоснованный риск потерпеть поражение.

В целях облегчения задач управления своими разбросанными формированиями Лебёф решил разделить их надвое. Правое крыло – 1, 5 и 7-й корпуса – перешло под командование Мак-Магона, левое крыло – 2, 3 и 4-й корпуса – под командование Базена. Но многое так и осталось недоработанным. Новые командующие продолжали управлять и собственными корпусами. Не было придано дополнительного личного состава, не было издано ни одного приказа, не был установлен административный контроль над своими формированиями. Ставка императора в Меце была не в курсе, и Наполеон III самолично командовал гвардией и 6-м корпусом. Неудивительно, что Базен считал себя просто каналом для рассылки приказов императора по войскам под его командованием и продолжал заниматься своим корпусом, да и некоторые другие командующие корпусами, Фейи в частности, не знали толком, в какой степени приказы их нового командующего отменяли ранее полученные ими из Меца: два источника хаоса, возымевшие катастрофические последствия для французской армии 6 августа и позже.

И на германской стороне командная цепочка также оставляла желать лучшего. Штейнмеца все больше и больше беспокоила, как он выражался, нерасторопность главной ставки короля в ответ на донесения его конных дозорных о перегруппировках французов, что свидетельствовало об их отходе. Мало хорошего было в том, что неприятель без единого выстрела вошел в Пфальц, еще невыносимее была мысль о том, что ему без боя позволят и уйти оттуда. Вечером 5 августа, вопреки категорическим запретам Мольтке, Штейнмец распорядился, как мы уже убедились, направить свой ведущий корпус вперед на Саарбрюккен через Гюхенбах и Фишбах – что отрезало пехоту 2-й армии от ее кавалерийских дивизий, проводивших выдвинутую вперед разведку в долине Саара. Мольтке он объяснил, что его цель – облегчить продвижение 2-й армии, отвлечь французов на себя и дерзко атаковать их. Мольтке в двух словах охарактеризовал этот жест Штейнмеца: «И обречь 1-ю армию на поражение».

Ранним утром 6 августа две следовавшие внахлестку немецкие армии, таким образом, продвигались на Саарбрюккен. Если бы Фроссар оставался на позициях на холмах над городом, ничего, возможно, и не произошло бы в тот день. Но едва рассвело, как конные патрули 2-й армии заметили, что горевшие всю ночь на французских позициях бивачные костры служили отвлекающим фактором: высоты были оставлены неприятелем. Чтобы прояснить ситуацию, они, переправившись через реку, продвинулись вверх по холму и вскоре разглядели палатки и заметную сине-красную форму французов на высотах Шпихерна примерно в миле к югу. Патрульные доложили об отходе французов, и, руководствуясь ошибочными данными, германские командующие и 1-й и 2-й армий тут же позабыли о детально разработанных планах Мольтке, дали сигнал к преследованию противника и оказались втянутыми в бой, внезапный и находившийся в явном противоречии с намерениями Мольтке, как, впрочем, и операция во Фрёшвийере, которую 3-я армия одновременно с этим начала в 65 километрах юго-восточнее.

Фроссар и не собирался отступать. Если бы он отступил, Форбак был потерян, а вместе с ним и войсковой подвоз для наступления французов. Он занимал просто великолепные позиции, которые, будучи сапером, мог оценить по достоинству и которые описал еще за три года до этого в своем знаменитом отчете. Высоты Шпихерна почти отвесной скалой выступали в долину Саара, и отсюда предгорья и река были как на ладони, а местность просматривалась на 30 километров вокруг. Восточные склоны высот были покрыты Штифтвальдским и Гифертским лесами, и решившийся атаковать из этих лесов противник сразу же оказывался на гребне горной гряды и мог воспользоваться лишь одним спуском в долину – к селению Шпихерн. Западные склоны спускались в долину Форбак-Стире, лесистый узкий проход, через который проходила дорога и железнодорожная линия Саарбрюккен – Мец, и над входом в эту долину с севера господствовала еще одна выгодная особенность рельефа местности – круто вздымавшийся от высот Шпихерна уступ горы, прозванной из-за обнажения красной почвы Ротенбергом. От Ротенберга французы получали возможность беспрепятственного выхода в долину между их позициями и высотами над Саарбрюккеном, который они недавно оставили. А наступавшим предстояло пересечь узкую седловину гряды Пфаффенберг, расположенной за деревней, высота которой в отдельных местах достигала сотен метров. С другой стороны, в случае потери Ротенберга утрачивалась и возможность вести наблюдение за долиной Форбака. Здесь высоты также имели крутые спуски в долину, и их без труда можно было оборонять огнем. Кроме того, наступавший, если он форсировал Саар в районе Фёльклингена, мог обойти позиции и ударить с юга вдоль долины Росселя и войти в нее в районе Форбака и Морсбака. Таким образом, безопасность не гарантировалась одним лишь занятием высот. Было необходимо иметь войска и в долине, и, разрабатывая эту диспозицию, Фроссар никогда об этом не забывал. Одну из своих трех дивизий, ту, которая была под командованием Верже, Фроссар расположил в долине, вторую дивизию под командованием Лавокупе развернул на высотах. Две роты окопались на Ротенберге, а третью дивизию, которой командовал Батай, Фроссар оставил в резерве в Оэтене (Оэтингене), откуда она могла отражать атаки на Форбак со стороны Фёльклингена. Никаких аванпостов не было, как не было и постов наблюдения за рекой, а конница располагалась далеко в тылу пехотных позиций. Первым признаком подхода главных немецких сил, замеченным французами, было появление около 6.30 утра патрулей уланов на холмах у Саарбрюккена, не так давно находившегося в руках французов.

Первым немецким пехотным соединением, узнавшим об отступлении французов, была следовавшая в авангарде 1-й армии 14-я дивизия 7-го корпуса, продвигающаяся на Саарбрюккен. Ее командующий, генерал фон Камеке, просил командующего корпусом разрешения атаковать: чисто формальная просьба, поскольку он продолжал следовать с явным намерением нанести противнику удар. Фон Камеке хорошо знал своего непосредственного начальника генерала фон Цастрова. Фон Цастрову было 70 лет, и он с трудом переносил все тяготы кампании. Цастров ответил так: действуйте по обстановке. Это был странный ответ. Такая неопределенность и даже пассивность была совсем не в духе конкретики и решительности, отличавшей приказы пруссаков. Что еще хуже, это обнаруживало полнейшее незнание стратегических намерений Мольтке – незнание, в котором отчасти был повинен и сам Мольтке. Отказ Цастрова взять на себя ответственность развязал руки Камеке, и, не позаботившись о поддержке операции, он отдал дивизии команду атаковать неприятеля.

Теперь Камеке, в своем настырном энтузиазме, бросил вызов не только всему корпусу французов. Он напал на единственный пункт на границе, где у французов было сосредоточено больше сил, чем один-единственный корпус, и им было чем ответить на атаку Камеке. Позади Фроссара, дугой радиусом около 25 километров, считая от Саарбрюккена, рассредоточились 4 дивизии 3-го корпуса Базена: дивизия Декана в Сент-Авольде, Метмана – в Марьянтале, Кастаньи – в Пюттеланже и Монтодюна – в Саргемине. В 25 километрах от Шпихерна сосредоточилось 54 900 французов и лишь 42 900 пруссаков, и если бы французы пустили в ход все

имевшиеся в их распоряжении силы в Шпихерне, 1-я армия, возможно, была бы разгромлена, чего так боялся Мольтке и чего вполне заслуживал незадачливый Штейнмец. Каким образом пруссакам удалось избежать подобного финала?

Это произошло, безусловно, не по причине внезапности атаки немцев. Тем же утром, еще до появления патрулей прусских уланов, Лебёф телеграфировал и Базену и Фроссару, предупредив их о возможном наступлении немцев. Фроссар ворчливо подтвердил сообщение: «В таком случае почему бы не приказать маршалу Базену занять мои позиции и взять на себя объединенное командование?» Но Базен в Сент-Авольде был не только вышестоящим офицером по отношению к Фроссару, у него были и свои собственные обязанности как командующего корпусом, и он понимал, что Саарбрюккен – не единственный участок, где можно было ждать вражеской атаки. Уланы проявляли активность по обе стороны от города, совершив рейд на линии коммуникаций между Саргемином и Битшем и углубившись в лес Санкт-Арнуаль. Самая мощная атака врага могла быть осуществлена в обход сил Фроссара и с нанесением удара по левому или правому флангу самого 3-го корпуса. Неудивительно, что Базену не помешало бы проявить осмотрительность, передавая все имевшиеся у него силы для поддержки Фроссара, и убедиться, что атака из Саарбрюккена на самом деле достаточно серьезна, однако до 18 часов никаких сообщений от Фроссара, подтверждавших это, не поступало.

Действительно, почти весь день Фроссар, отражая нападение более слабого врага, ни в каких силах поддержки не нуждался. В его донесениях фигурировали вопросы о разведке, упоминалось и о возможном ударе неприятеля слева через лес Санкт-Арнуаль. Базен сообщил ему в 11.15, что для контроля над ситуацией на левом фланге послана бригада драгунов, что направлены дивизии Метмана и Кастаньи (в тыл в 6,5 километра от передовой). Кроме того, Базен предложил, чтобы Фроссар в случае необходимости мог отойти на линию к ним в Каданброн. Кастаньи действительно проявил инициативу, редкую среди французских командующих, и двинулся на звук канонады. Но по мере продвижения огонь стихал, местные крестьяне сказали ему, что, мол, сражение закончилось, и он возвратился ждать дальнейших распоряжений. В 13.30 Базен получил от Фроссара еще один приказ. Сражение развивалось. Нельзя ли на правый фланг перебросить силы Монтодюна? Базен не стал спорить и распорядился, чтобы Монтодюн следовал куда приказано, однако приказ этот был передан через посыльного, а не по телеграфу. Монтодюн получил его в 15.30, и он в течение пяти часов собирал свой авангард, после чего направился в расположенный в 10 км Шпихерн. Еще одним командующим, с которым Фроссар общался непосредственно, был Метман, которого он вызвал к себе в 16.00. К сожалению, никто не поставил Метмана в известность, что он теперь в распоряжении Фроссара, и пока он получал указания от Базена и был готов выступить, было уже почти 18.30. Между тем ожила телеграфная связь между Форбаком и Сент-Авольдом, большую часть дня молчавшая. В 17.30, в ответ на запрос от Базена, Фроссар сообщил, что бой вроде как утих, однако десять минут спустя он послал совершенно безумное сообщение: «Мой правый фланг на высотах вынужден отступить. Я серьезно скомпрометирован. Без промедления… пошлите ко мне войска». На это требование Базен откликнулся быстро. Монтодюн и Метман, насколько он знал, были в пути. Оставался лишь Кастаньи, которому он тут же приказал выступать, и Декан – его единственный резерв на случай угрозы с севера. Тем не менее Базен выделил полк и направил его в Форбак поездом. В 18.30, когда от Фроссара прибыло второе сообщение о том, чтобы «ускорить продвижение ваших войск», у Базена уже больше никого не оставалось, и прибывшее на место подкрепление обнаружило лишь остатки 2-го корпуса, отступавшего с высот Шпихерна.

Не будет излишним пояснить, почему все так произошло, – если любое соединение немцев, не важно какое, едва заслышав шум боя, тут же подтягивалось на участок, обеспечивая таким образом численное превосходство в бою, то Фроссар до сумерек сражался вообще без всякой поддержки. Однако медлительность прибытия сил пруссаков и стала для него фаталь-

ной, поскольку из-за нее французы с большим запозданием поняли, что обречены. Кроме того, немцы понимали, что им предстоял только один бой – тот самый, о котором они узнали по грохоту артобстрела, ознаменовавшему поворотный пункт в единоборстве. У французов же подобной уверенности не было. Из дивизий 3-го корпуса только Метман и Монтодюн по вполне объяснимым причинам не торопились оставлять позиции, оба приняли соответствующие меры против возможных немецких атак еще до получения сверху прямого приказа. Единственным, кто имел возможность идти прямо на огонь, был Кастаньи, и неблагоприятное стечение обстоятельств помешало его намерениям. Ни Базен, ни Фроссар не были виноваты в том, что фактически все соединения их корпусов образовали истонченную линию обороны, не располагавшую резервами.

Утро у Шпихерна прошло без особых событий, за исключением разве что обмена артиллерийским огнем, что сразу же продемонстрировало явное превосходство немецких орудий по части меткости стрельбы. Только уже около полудня ведущая бригада Камека была готова наступать – два батальона, направляемые в обход обоих флангов французов в лесу Стире и Гифертском лесу, а еще два остававшихся атаковали непосредственно Ротенберг. Эта атака силой 6 батальонов и 4 батарей фронтом около 3500 метров была решительно отбита. Благодаря своим большим силам следовавших поротно колонн и не всегда срабатывавшим взрывателям французских снарядов немцы сумели миновать открытое пространство перед высотами Шпихерна (немцы понесли большие потери от огня митральез. – *Ред.).* Их левое крыло под покровом деревьев пробилось к южной опушке Гифертского леса, но интенсивный огонь стрелков Лавокупе у Шпихерна не позволил им продвинуться дальше. Правое крыло, ища прикрытия на лесистой местности, через которую проходила железнодорожная линия Форбак – Саарбрюккен, блуждало в стороне от направления атаки и было остановлено у Стире дивизией Верже. Что касается атаки Ротенберга, мы можем лишь предполагать, что Камеке понятия не имел, что требует от своих людей. Наблюдателю, засевшему на высотах Саарбрюккена, неприступность позиций показалась бы не столь очевидной. Оттуда высота Ротенберг особого впечатления не производит. Плато на вершине выглядит вполне заманчиво, якобы открывая беспрепятственный доступ к высотам, а очень крутые склоны скрыты за деревьями. И, лишь подобравшись почти вплотную к холму, к его скалистым и крутым склонам, немцы убедились, какими сложностями чревата атака. На какое-то время они засели внизу у основания высоты и укрылись, воспользовавшись рельефом местности, но потом, подгоняемые офицерами, атаковали и даже каким-то образом сумели овладеть вершиной, и яростные контратаки французов, пытавшихся выбить пруссаков оттуда, так и остались безрезультатными.

Сам Фроссар, возможно, с запозданием отреагировал на атаку немцев, зато его подчиненные едва ли не слишком поспешно. Мало того что Верже и Лавокупе оперативно пополнили численность сил авангарда, а Батай, не дожидаясь приказов, задействовал дивизию резерва, разделил ее надвое и направил на помощь своему авангарду – действие, хоть и достойное всяческих похвал: командующий силами французов не побоялся пойти на штыки пруссаков, – но оставившее Фроссара без резерва и впоследствии лишившее возможности маневрировать, хотя, судя по всему, маневры не входили в намерения Фроссара. Возможности открывались необычайные: к 15.00 авангард Камеке растянулся по фронту более чем на 5 километров. Измотанные солдаты служили отличной мишенью для контратаки противника. Когда Лавокупе выдвинул войска для зачистки Гифертского леса, два находившихся там прусских батальона, тоже измотанные и без всякой поддержки, очень быстро были выбиты. Но французы так и не предприняли попыток продвинуться – предпочли остаться на позициях, дожидаясь, как поведут себя немцы, благо ждать пришлось недолго.

Когда в утренние часы оптимистичные и вводящие в заблуждение донесения конных патрулей поступили в штабы 1-й и 2-й армий, и Штейнмец, и Фридрих Карл отдали приказы на генеральное наступление через Саарбрюккен. Штейнмец лицемерно заявил, что «в интересах

2-й армии» изгнать французов с высот Шпихерна и воспрепятствовать им закрепиться в Форбаке. Фридрих Карл, разъяренный тем, что 1-я армия собралась перейти ему дорогу, предоставил все полномочия командующему частями своего авангарда генералу фон Штюльпнагелю, чтобы тот убрал всех лишних с дороги. К счастью, его подчиненные не стали осуществлять упомянутое распоряжение на практике. Орудийная канонада будто магнит притягивала немецкие дивизии на поле боя еще задолго до получения официальных приказов. Камеке пожертвовал последней бригадой для усиления правого крыла в лесах у Стире, Цастров приказал своей оставшейся 13-й дивизии форсировать реку в Фёльклингене и продвинуться по флангу на Форбак, чего так опасался Фроссар. Подтянулся авангард 8-го корпуса, 16-я дивизия, и командующий корпусом генерал фон Гёбен отозвал командные полномочия у Камеке. В то время как эти соединения 1-й армии сходились севернее Саарбрюккена, соединения 2-й армии приближались с северо-востока. Командовал ими предприимчивый и способный офицер, командующий 3-м корпусом, действующим в авангарде, Константин фон Альвенслебен. Альвенслебен по званию был ниже Гёбена и Цастрова, хотя и старше по возрасту. Но зато этот офицер был куда опытнее, и ему можно было без опаски доверить управление любой операцией, не рискуя при этом услышать в ответ сетования на нехватку сил.

Поэтому уже с 15 часов немецкие войска устремились на подмогу своим оттесняемым французами товарищам – причем по-настоящему выручили немцев не пехотинцы, а артиллерия. Если французская пехота сдерживала немцев своими винтовками Шаспо, то немецкие артиллеристы быстро разделались с французскими. Перекрыв французам все подходы к Ротенбергу, они сводили на нет все их попытки подтянуть подкрепление или контратаковать. Они имели возможность оказать поддержку силам своего правого фланга, атаковавшим в направлении Стиринга, и, оттесняя силы французской пехоты от края высот, значительно облегчили немецким пехотинцам продвижение вперед для атаки[20]. Но атаки желаемого результата не давали. Альвенслебен направил свой авангард в Гифертский лес – напор первой волны атаки ударивших оттуда немцев значительно ослабел. Контратаки французов привели немцев в замешательство, на подмогу им подтягивались подкрепления, как части их дивизии, так и из 8-го корпуса, и к 19.00, когда начало темнеть, Гифертский лес был полон плохо управляемой массой солдат – около 30 немецких рот 1-й и 2-й армий находились бок о бок и были не способны сдвинуться с места, поскольку южная опушка леса была не только отделена от Шпихерна широким ущельем, но и простреливалась почти в упор французской артиллерией и стрелками-пехотинцами.

Атаки Ротерберга также дали мизерные результаты. И здесь части 3-го и 8-го корпусов подоспели на помощь уцелевшему 7-му корпусу, все еще цеплявшемуся за край обрыва. Под прикрытием артиллерийского огня их колонны, едва различимые в дыму свежие силы, штурмовали уступ горы с обеих сторон и наконец оттеснили французов. Позиция была отбита у противника, и, поскольку в соответствии с устоявшейся тактикой требовалось введение в бой конницы для преследования разгромленного и в беспорядке отступавшего противника, гусарский полк попытался пробраться через узкий проход, который вел к вершине горы. Это возымело катастрофические последствия: французы сосредоточили огонь на колонне, и в результате возникшего хаоса всякое передвижение вообще стало невозможным. Затем немцы ввели в бой артиллерию, и, надо сказать, в этом они добились успеха. С помощью пехотинцев они втащили вверх по склону 8 орудий и открыли огонь с вершины по плато, упредив контратаку неприятеля. К 17 часам немцы закрепились на Ротерберге столь же надежно, как и в Гифертском лесу, – и с той же минимальной пользой для себя. Все, чем они овладели, представляло

[20] Новая тактика пруссаков введения в бой большого количества орудий отлично зарекомендовала себя. Французы же тяготели к наполеоновской технике держать большую часть артиллерии в резерве – многие из батарей Фроссара так ни разу и не выстрелили. – *Авт.*

собой лишь внешнюю позицию, потому что основные позиции французов до сих пор оставались на обширных склонах Шпихерна и на высотах Форбака, и, чтобы подобраться к ним, необходимо было пересечь узкое дефиле, простреливаемое артиллерийским огнем из Пфаффенберга, находившегося за пределами досягаемости оружия немцев. Продолжать наступление означало нести огромные потери, попросту гнать изнуренных солдат на убой, на что германское командование не отважилось.

Таким образом, у Фроссара имелись все основания быть довольным собой, если это касалось обстановки на его правом крыле, – он понимал, что реальная опасность исходит слева, оттуда, где дивизии Камеке и Верже вели кровопролитные бои с непредсказуемым исходом у пакгаузов и фабрик Стире-Ванделя. Для Верже существовала угроза не только с фронта, но и с фланга – немецкая 13-я дивизия продвигалась от Фёльклингена вниз по долине Росселя. Его резервная бригада находилась в Форбаке, обороняя этот фланг, но ее срочно требовалось направить в Стире, где угроза была еще серьезнее. Фроссар решил направить ее туда и по телеграфу попросил Метмана прибыть на его участок для обороны Форбака. Одновременно Батай, командуя дивизией резерва, понял, что угроза левому крылу становится опасной, и перебросил полк с высот на помощь Верже. Таким образом, усиленные французские войска предприняли попытку контратаки в долине. Немцы в панике разбежались, и все, кроме горстки бойцов, устремились назад, к Саарбрюккену. К 18 часам все правое крыло немцев рухнуло.

Альвенслебен считал сложившееся положение критическим. О правом крыле ему мало что было известно – никто из его людей там в боях не участвовал, но силы левого фланга и центрального участка были измотаны, нечего было и пытаться перебросить их. Если бы французы контратаковали, то без труда прижали бы немцев к реке. Предстояло предпринять последнюю попытку сломить сопротивление врага на высотах Шпихерна, и это было осуществимо, но не с помощью вброса сил, еще более усугубив вызванный переполнением хаос у Ротенберга и Гифертского леса, а атакой непосредственно вверх по склонам из долины Стире фланга Лавокупе. Но даже эта атака, в которой участвовали шесть батальонов, не оправдала ожиданий Альвенслебена. Первая волна была встречена интенсивным огнем левого крыла Лавокупе и рассеялась. Вторая волна, взбиравшаяся по поросшим деревьями склонам Шпихернского леса, была обстреляна обороняющими фланг силами, отходившими столь медленно по склонам, что немцы добрались до гребня горы только к наступлению темноты. Их приход совпал с последней попыткой французов выбить немцев из Ротенберга и Гифертского леса с помощью плохо подготовленной и, судя по всему, импровизированной контратаки, и огонь подоспевших немецких войск сослужил добрую службу в отпоре, сдержавшем французов, которые были вынуждены вернуться на исходные рубежи. Но когда, приблизительно в 19.30, Лавокупе решил отвести свои войска назад, на сильные, укрепленные позиции выше Шпихерна, это диктовалось не тем, что он понял, что его фланг рухнул. Усталость войск, невозможность осуществления эффективного управления в условиях наступившей темноты, заявившие о себе проблемы войскового подвоза – именно это и послужило ему мотивом, но уж никак не блестящий в тактическом отношении удар Альвенслебена обусловил организованный отвод сил правого крыла французов.

Таким образом, и в сумерках французский фронт продолжал давать отпор превосходящим силам противника, и это стало возможным не только благодаря стойкости солдат, но и энтузиазму офицеров, сплотивших бойцов и поднимавших их в контратаки, а также и умению, проявленному Фроссаром и его командирами дивизий при выборе позиций. Отпор пруссакам стал возможным только благодаря чувству ответственности всех, кто находился под командованием Фроссара, и это притом, что подкрепление частями 3-го корпуса, на которое он рассчитывал для усиления своего левого крыла, так и не прибыло. Напротив, около 19 часов на холмах над Форбаком был замечен

авангард 13-й дивизии генерала фон Глюме. Силы для обороны города отсутствовали. Находчивый офицер сумел наскрести бойцов из числа резервистов, но при всем своем умении он не мог задержать продвижение противника больше чем на час, и к 19.30 Фроссар убедился, что вынужден оставить Форбак. Поскольку вследствие этой атаки с севера отступить на запад к Сент-Авольду было уже невозможно, оставалось отходить на юг к Саргемину и холмам вокруг Каданброна. Верже и Батай вынуждены были оттянуть войска из густых лесов и домов Стире, что было нелегкой задачей, учитывая, что немцы возобновили атаку и наступали им на пятки. Войска сосредоточились на темных склонах за Шпихерном, раненых и санитаров пришлось оставить в деревне, а прибывшее с запозданием подкрепление из состава 3-го корпуса обнаружило на холмах колонны отступавших – измученных и деморализованных солдат.

Один французский военный историк использовал сражение у Шпихерна в качестве доказательства того, какую архиважную роль играет на войне боевой дух личного состава. «Генерал Фроссар, непобедимый военачальник, вообразил, что разгромлен, смирился с этим и действительно потерпел поражение. Генерал фон Цастров чудом не потерпел поражение, но отказался это принять. Вот в чем секрет победы пруссаков». Пруссакам досталось не на шутку, они потеряли 4500 человек (в том числе 843 убитыми) против 2000 человек (в том числе 320 убитыми), потерянных французами. Но французы сообщили о более чем 2000 человек, пропавших без вести, в основном это были взятые немцами в плен; солдаты Фроссара, всю ночь отступавшие, конечно же, чувствовали себя побежденными, в то время как немцы, расположившись лагерем вокруг бивачных костров прямо на поле битвы, чувствовали себя победителями. Они не знали, что Фроссара обратила в бегство с поля боя не их лобовая атака, в результате которой все склоны были усеяны сотнями убитых пруссаков, а не очень серьезная угроза с тыла. Задним числом можно считать стратегию пруссаков безупречной: вклинивание фронтальной атакой в резервы французов с последующим оттеснением их и возникшей вследствие этого угрозой их флангу, но подобных намерений не было в умах немецких командующих, а Фроссар с его несуразно малыми силами был практически обречен на отступление и отступил бы и так, если бы немцы смогли отыскать способ обойти его фланг. Если бы разведка немцев сработала лучше и более детально выяснила, что за позиции занимают французы, тогда бы немцы изгнали бы Фроссара с высот Шпихерна, не пролив и капли своей крови. Но прусские генералы были истинными учениками Клаузевица: для них сражение всегда было оправданием. И хотя великая стратегия Мольтке рухнула в результате преждевременного и не доведенного до конца сражения, удар вывел из сомнительного равновесия и французское верховное командование, это был удар, от которого оно так и не оправилось.

Фрёшвийер

Между тем начальник штаба 3-й армии фон Блюменталь выполнил свои обязательства, и 3-я армия пересекла французскую границу в Эльзасе к северу от Висамбура утром 4 августа.

Блюменталь знал, что ему противостояли всего два корпуса: 1-й корпус Мак-Магона, дислоцированный в районе Страсбурга, и 7-й корпус Феликса Дуэ в районе Бельфора. 7-й корпус находился далеко, и на его подмогу Мак-Ма-гон вряд ли мог рассчитывать. Части Мак-Магона были к тому же опасно рассеяны. Поэтому он решил не оборонять границу, а закрепиться на позициях на восточных склонах Вогез в районе Фрёшвийера, как рекомендовал Фроссар в 1868 году. Оттуда Мак-Магон остающимися войсками мог оборонять линии коммуникации и представлять угрозу флангу любой силы, которая будет продвигаться к югу на Страсбург. План этот был разумным, но детали были плохо продуманы. Четыре дивизии Мак-Магона были рассеяны в четырехугольнике в 30 с лишним километрах друг от друга, то есть слишком далеко, чтобы оказывать друг другу в случае необходимости эффективную помощь. Штабы корпусов и дивизия Лартигю располагались в Хагенау (Агно), дивизия Рауля заняла укрепленные оборонительные позиции на низкогорной гряде во Фрёшвийере, где предстояло сосредоточиться целому корпусу, а Дюкро, командовавший и своей дивизией, и дивизией Абеля Дуэ, брата Феликса Дуэ, сам занял позицию в Лембаке на дороге Битш – Висамбур, направив Дуэ вперед в приграничный Висамбур. И таким образом 3 августа одна-единственная дивизия французов численностью около 8600 человек, располагавшаяся в 30 километрах от ближайших сил поддержки, заняла позиции в нескольких сотнях метров от границы на участке, где уже на следующий день должны были появиться четыре немецких корпуса.

Нелепая диспозиция Мак-Магона определялась двумя факторами. Первый уже обсуждался – неспособность интендантской службы обеспечить надлежащий войсковой подвоз. Войска были вынуждены тратить силы на самообеспечение, и их собственные запасы и ресурсы гостеприимной, но неплодородной сельской местности были вскоре исчерпаны. И корпус, таким образом, рассеивался, обеспечивая себя всем необходимым, а уж потом думал о перестроениях в боевые порядки и просто не мог отказаться от скромных ресурсов такого городка, как Висамбур, приткнувшегося среди малонаселенных и покрытых лесами холмов. Висамбур лежит у подножия Вогез, с севера к нему подступают низкие (до 673 метров) горы Хардт, а с северо-востока за рекой Лаутер находился баварский Пфальц, откуда постоянно можно ждать нападения. Укрепления и оборонительные сооружения Висамбура XVII века – известные как линия Висамбура – представляли собой в конце XIX века лишь архитектурную достопримечательность. Город этот и в тактическом, и в стратегическом отношении являлся гиблым местом, и из тактических соображений Абелю Дуэ следовало бы держаться подальше от него и закрепиться, что он вполне мог, на позициях на холмах у дороги на Климбак. Но его первостепенной потребностью было пропитание, и только город мог обеспечить его. Таким образом, один батальон занял город, другие расположились палаточным лагерем на склонах за Висамбуром, дожидаясь, пока интенданты изучат возможности города.

Вторым фактором была катастрофическая ошибка Дюкро при оценке сил и намерений немцев. «Сведения, которые я получил, – сообщил он Дуэ 1 августа, – заставляют меня предположить, что у врага нет значительных сил в непосредственной близости от его аванпостов и он не обнаруживает намерений предпринять наступление». Отчеты и из штаба корпуса, и гражданских властей Висамбура о том, что по ту сторону границы происходит сосредоточение войск противника, не поколебали его уверенности, основывающейся, скорее всего, на впечатавшейся за многие годы в разум идее, что, дескать, только французы предпринимают наступательные операции и форсируют Рейн. 3 августа, согласно известной точке зрения полковника де Пижонье, наблюдавшего в подзорную трубу равнины Пфальца, он, как доложил Мак-Ма-

гону, так и не смог «разглядеть ни одного вражеского поста… мне представляется, что пресловутые угрозы баварцев – не более чем блеф». Его вышестоящие командиры были настроены куда менее оптимистично. Ранним утром 4 августа Ле-бёф, встревоженный наступлением немцев на Сааре, предупредил Мак-Магона о возможном нападении. Мак-Магон телеграфировал Абелю Дуэ, настоятельно рекомендовав ему быть настороже и в случае атаки врага отступить вдоль дороги на Лембак. Мак-Магон сам собрался в Висамбур, но и маршал, и его телеграммы явно запоздали.

Немцы напали на Висамбур утром 4 августа. Баварские войска, следовавшие в авангарде сил пруссаков, чувствовали себя уже победителями, пересекая границу. Всю ночь лил дождь, и они спали в отвратительных условиях, на размокшей земле, большинство солдат были резервистами, которых оторвали от семей и погнали на войну по милости их будущих врагов, что явно не способствовало сочувствию к ним, сапоги натирали ноги, вино и фрукты, в столь обильных количествах получаемые от доброжелательно настроенного местного населения на железнодорожных станциях по пути на фронт, начинали давать неприятные результаты. Что же касалось французов, те вообще ни о чем не подозревали. Даже когда стали падать первые баварские снаряды, а это произошло примерно в 8.30 утра, Дуэ не мог поверить, что это не разведка боем, а кое-что посерьезнее. Он торопливо развернул войска – одну бригаду расположил вокруг стоявшего на склонах в 2,5 км к югу от города замка Гайсберг, оборонять который особого труда не составляло, а оставшиеся силы – вокруг железнодорожной станции Висамбур и непосредственно в городе. Их огонь остановил пехоту баварцев, а баварские артиллеристы, неуклюже пробиравшиеся среди виноградников, так и не смогли открыть плотный ответный огонь. Поэтому они решили дождаться подхода пруссаков, следовавших левее, чтобы те обеспечили хотя бы ложную атаку, которая позволила бы баварцам продолжить движение.

Два прусских корпуса, находившиеся в распоряжении кронпринца Фридриха Вильгельма, – 5-й (под командованием генерала фон Кирхбаха) и 11-й (под командованием генерала фон Бозе), добрались до реки Лаутер ниже Висам – бура как раз тогда, когда грохот орудий баварцев возвестил о вступлении их в бой. 5-й корпус атаковал позиции французов в лоб, а 11-й охватил позиции с фланга южнее с тем, чтобы ударить им и во фланг, и в тыл. На прусском правом крыле полк был направлен от Альтенштадта к южным воротам Висамбура – атака по идеально прямой, длиной около 2 километров дороге, обсаженной тополями и проходящей по заливным лугам с минимальными возможностями для укрытия. Оборонявшие железнодорожную станцию алжирцы трижды останавливали пруссаков, переходя в контратаки, но те бесстрастно продолжали удерживать позиции, вести артиллерийский огонь, на который французские стрелки никак не могли дать адекватный ответ, поэтому пехотинцы колониальных войск оставляли позиции в зданиях и канавах, позади железнодорожных путей и вскоре после полудня станция в результате очередной атаки была взята противником.

Между тем Дуэ, пытаясь организовать войска для отступления, погиб от осколка снаряда, и когда его преемник принял командование, 11-й корпус немцев атаковал отступавших французов. Усиливавшийся артиллерийский огонь подавлял сопротивление французов. Все, кто мог, разбегались. Остальные пытались укрыться во дворах и садах замка Гайсберг, превратившийся в опорный пункт сопротивления французов.

Город Висамбур пал между 13 и 14 часами[21]. Гайсберг продержался еще час или чуть дольше. Пруссаки непрерывно атаковали его. Пехотинцы взбирались по склонам в авангарде прусских сил, а ехавшие верхом генералы и старшие офицеры гнали их на верную гибель под ружейный огонь засевших в бойницах и окнах французов до тех пор, пока немцы не развернули

[21] Командующий французскими частями попытался договориться о беспрепятственном отводе своих сил, однако один из командующих силами баварцев указал ему, что подобное возможно лишь в тех случаях, если речь шла об оборонявших крепости или укрепленные позиции, и что Висамбур еще с 1867 г. крепостью не считался. – *Авт.*

шесть батарей на склонах выше и не открыли огонь по внутренним дворам замка. Сопротивление было безнадежным. К 15 часам сражение завершилось. Около 1000 человек французов попали в плен, еще 1000 погибли или были ранены, остальные бесславно бежали по дороге на Сельс.

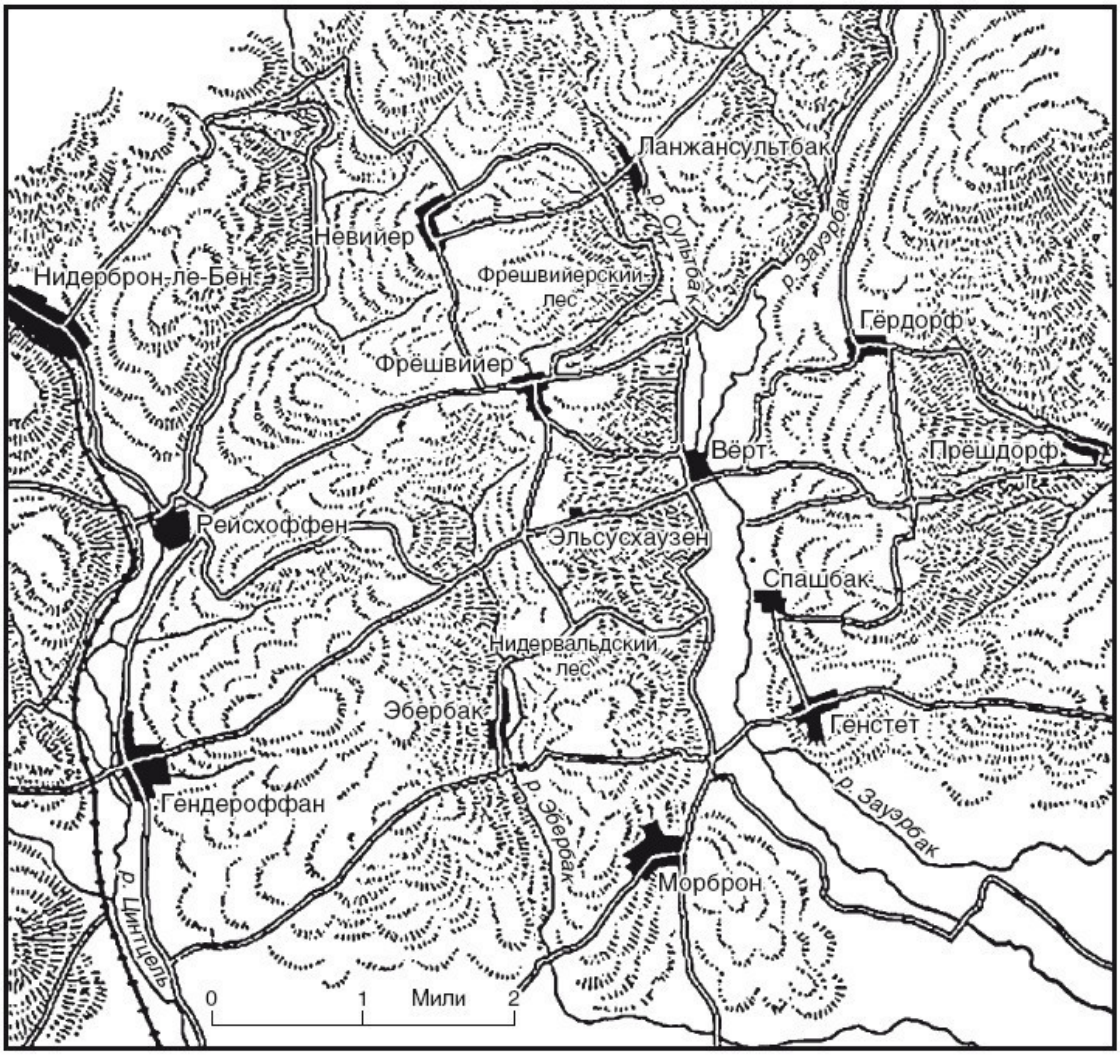
В сражении, когда 50 000 человек внезапно атаковали 6000, причем там, где оборона была невозможна в принципе, иного результата и быть не могло. Битва была проиграна, и не беднягой Абелем Дуэ, а Мак-Магоном и Дюкро, потому что именно они оба несут ответственность за то, что разместили своих бойцов на позициях, где могли уповать лишь на их бесстрашие. Один батальон удерживал баварский корпус в течение пяти часов, а два прусских корпуса, атаковавшие французские позиции у Гайсберга, заплатили за победу почти 1000 убитых. Робость баварцев и стремительность пруссаков в ходе боя остались незамеченными после одержанной убедительной победы. Следует упомянуть и о явной слабости немецкой кавалерии, которая не только не стала преследовать отступавшего противника – кстати, самая распространенная на войне ошибка, – но и вообще перестала обращать на него внимание. Все эти уроки будут извлечены позже, и обойдутся куда дороже. И действительно, несколько часов сражения за Висамбур в миниатюре продемонстрировали все отличительные черты крупных сражений следующих нескольких недель, в результате которых была наголову разбита империя под названием Франция: вначале наступление численно превосходящими силами, широкое развертывание сил, позволявшее без труда окружить неприятеля, потрясающая эффективность ружейного огня при отражении атак противника и несокрушимая вера немецких пехотинцев в свою артиллерию, способную вывести французские винтовки Шаспо из игры.

Мак-Магон и Дюкро своими глазами видели, как из-под Висамбура улепетывал полковник де Пижонье. Он ничем не мог помочь своим бедным подчиненным – он все прекрасно понял, едва заметив темные колонны, наползавшие со всех сторон по дорогам через границу, и в результате оказался в весьма опасном положении. Но он сохранил спокойствие. Взяв из 7-го корпуса дивизию, Пижонье надеялся выстоять на укрепленных позициях Фрёшвийера, как он и намеревался, и будь у него еще один корпус, как полковник телеграфировал в Мец той ночью, он бы перешел в наступление. Император ответил тем, что отдал 5-й корпус Фейи под его командование, а 5 августа, когда дивизии 1-го корпуса сосредоточились вокруг Фрёшвийера и Феликс Дуэ направил дивизию Дюмениля 7-го корпуса поездом из Бельфора, Мак-Магон вызвал Фейи и приказал ему передислоцировать свой корпус на юг через Вогезы.

Фейи не торопился с этим. Его части дислоцировались вдоль границы от Саргемина до Битша, и он придерживался мнения, что ни одна позиция не будет оставлена до прибытия смены. Войска из Битша не сдвинутся с места, пока не прибудет замена из Рорбака, и находящиеся в Рорбаке войска не уйдут оттуда до прибытия смены из Саргемина, а войска в Саргемине не покинут город, пока не прибудет смена из 3-го корпуса Базена. Все эти непростые перестроения произвели бы, следует отметить, только одну высвободившуюся дивизию. Мак-Магон вечером 5 августа отправил раздраженное сообщение с требованием о присылке целого корпуса, на что последовал безучастный ответ, да и то по истечении нескольких часов. Его информировали, что, дескать, есть всего одна дивизия, но и она будет отправлена следующим утром. И в конце приписка: «как только части будут сосредоточены и как только позволят обстоятельства».

Последующие события кампании не оставляют сомнений в том, что Фейи был поразительно неповоротливым командующим, но два момента следует представить в его защиту. Его личный состав уже совершил долгий и утомительный переход 5 августа, и солдатам полагалось отдохнуть, а уж потом двигаться дальше, не говоря уже о боях, и, во-вторых, его нежелание оставить участок границы без всякой защиты следует рассматривать как вполне естественное. Надо сказать, что его делом было не поддаваться всякого рода опасениям, а исполнять приказ,

но командная цепочка во французской армии была, как мы уже видели, ненадежной, да и слепое повиновение никогда не было отличительной особенностью французов.

Фрёшвийер

Если бы Фейи, согласно распоряжению, предоставил бы свой корпус, Мак-Магон имел бы в распоряжении около 77 600 человек и с ними разгромил бы равного по численности противника. Но ему пришлось довольствоваться всего приблизительно 48 000 человек. Невзирая на это, он не терял надежды хорошо себя зарекомендовать. Гряда в районе Фрёшвийера, как и высоты у Шпихерна, представляли собой позиции, о которых можно было только мечтать. Всем, кто приближался к Вогезам с востока по дороге на Сельс, эта гряда казалась неприступной стеной. Но если подъехать ближе, гряда уже не казалась стеной, а скорее плотным частоколом уступов шириной 5–6 километров, напоминавшим бастион. Это была возведенная самой природой крепость, готовая обрушить на врага смертоносный перекрестный огонь из всех видов оружия. Перед ней, совсем как ров вокруг замка, протянулась долина Зауэрбак: зеленые заливные луга, по которым несла воды речка, преодолеть которую можно было и вброд, но которая ограничивала проход артиллерийским орудиям. Несколько мостов через нее располагались в пределах досягаемости обстрела французами. Отсюда склоны поднимались отлого, и укрыться здесь было негде – сплошная идеально простреливаемая полоса шириной в 1,5 км, протянувшаяся до самого гребня гряды, увенчанной компактной деревянно-кирпичной деревушкой под названием Фрёшвийер.

Конфигурацию этих склонов лучше всего сравнить с трезубцем, направленным на восток в виде буквы «Е». Самый северный из зубцов расположен почти вплотную к северу от Фрёшвийера, его северные склоны густо поросли деревьями – это и есть Фрёшвийерский лес. За ним в северном направлении до самой долины в Ланжансультбаке простирался покрытый зеленой травой альпийский луг, а дальше снова находились покрытые лесами высоты Вогез, исключавшие возможность передвижения войск. Защита этого участка фронта, французского левого фланга, была поручена дивизии Дюкро. Центр позиций французов, занимаемый дивизией под командованием Рауля, расположился через следующие две высоты: от Фрёшвийера вниз в расположившийся в долине городок под названием Вёрт, а на другой, на 550 метров дальше на юг, приютилась деревушка Эльсусхаузен. Южнее Эльсусхаузена зеленеет Нидервальдский лес. И именно здесь находился самый уязвимый участок в линии обороны. За оборону Нидервальдского леса отвечала дивизия под командованием Лартигю, считавшаяся самой слабой во всем корпусе. Здесь отсутствовали какие-либо объекты, на которых можно было бы расположить оборонительные позиции, как отсутствовали и сами секторы обстрела. Площадь леса составляла чуть больше 2,5 квадратных километра, и его редкие сосны никак не препятствовали проходу пехоты и кавалерии. За лесом в южном направлении к деревне Морброн протянулись открытые склоны, слишком широкие для создания эффективной обороны французами. Лартигю предстояло рассредоточить 7000 своих солдат по фронту шириной свыше 3200 метров, и еще, быть может, и вокруг лесной опушки, выдвинув один из батальонов вперед, в деревню Морброн. Дивизия Дюмениля, по частям прибывавшая по железной дороге Хагенау (Агно) – Рейсхоффен (Решоффер), предназначалась для усиления левого крыла Рауля в Эльсусхаузене, а остатки дивизии Дуэ разместили на склонах за Фрёшвийером как резерв на самый крайний случай.

Личный состав Мак-Магона достиг Фрёшвийера 5 августа, причем прибытие его войск отличалось беспорядочностью. Из дивизии Консея в тот день прибыла только одна бригада, остальные подошли лишь на следующее утро, а артиллерия вообще так и не появилась. Многие резервисты, добравшиеся до своих полков со значительным запозданием в самый канун битвы, и в глаза не видели винтовок Шаспо, не говоря уже о том, чтобы уметь их заряжать. Отсутствовала взрывчатка для подрыва мостов через Зауэрбак, не было никаких сведений ни о противнике, ни о намерениях Мак-Магона – содержание входящих и исходящих сообщений из Фрёшвийера, где Мак-Магон решил устроить ставку, не дошло даже до командиров дивизий; и что самое главное – что всегда случается при столь внезапных сосредоточениях и передислокациях войск – отсутствовал провиант. Ресурсы местных жителей, столь неумеренно и неблагоразумно щедрых к войскам в течение первых дней кампании, были на исходе, а интендантская служба располагала провиантом из расчета на 6000 человек, но никак не на 40 000. К 6 августа провиант все же прибыл и был распределен, но полные кастрюли, обнаруженные немцами сразу по завершении сражения, говорили о том, что они застали французов как раз в момент приготовления первого настоящего обеда за четыре дня.

Это не означало, что французы пребывали в растерянности. Мак-Магон верил в свою счастливую звезду и в свои великолепные войска и сомневался в нападении немцев. Они вообще могли пошуметь-пошуметь, а потом скрытно отступить на запад и там соединиться со своими остальными силами на Сааре. Поэтому и посланную им Фейи ранним утром 6 августа телеграмму можно считать ответом на его уклончивые донесения. Телеграмма эта содержала вопрос: «В какой день и где Вы соединитесь со мной?» Мак-Магон считал наступление немцев настолько невероятным, что даже не заставил своих солдат окапываться. Что касается его армии, то, по словам одного служащего, «никогда еще не было армии, настолько уверенной в себе и в своей победе». Французы не видели оснований для принятия мер предосторожности на случай наступления пруссаков, они, наверное, скорее поверили бы в то, что их атакуют, скажем, китайцы. Поражение Дуэ рассматривалось просто как неудача, которая может случиться

с кем угодно, и вид грязных, но веселых уцелевших в битве солдат и офицеров, тащившихся в тыл из Сельса, чтобы занять позиции и снова сражаться, пробуждал во всех, кто их видел, решимость продолжать борьбу с ничуть не меньшим упорством, чем раньше, и добиваться победы над врагом. Французы не выставляли посты боевого охранения, не рыли траншеи, они таскались по питейным заведениям Вёрта или поили своих лошадей в Зауэрбаке, и именно с изумлением они 5 августа взирали на гарцующие за рекой мелкие группы прусских кавалеристов.

Вера Мак-Магона в то, что кронпринц Фридрих Вильгельм не решится атаковать его, почти оправдалась. Благодаря медлительности и неспособности немецкой кавалерии, так и не сумевшей начать преследование отступавших от Висамбура французов, 3-я армия 5 августа имела весьма смутное представление о местонахождении французов. Приказы начштаба Блюменталя – и в свете намерений Мольтке для 3-й армии они изумляли – касались продолжения наступления на юг к Агно (Хагенау) и Страсбургу. Если кавалерия вела разведку в южном и западном направлениях, то армия развернулась неправильным четырехугольником, основание которого составлял 5-й корпус, 11-й корпус помещался в центре в Сельсе, а налево – вюртембергская и баденская дивизии под командованием генерала фон Вердера, подтягивавшиеся от Лотербура до Ашбака. В 5 милях к северу от Вердера находился 1-й Баварский корпус. В 5 милях к северу от 5-го корпуса – 2-й Баварский корпус медленно продвигался, нависая над силами полковника де Пижонье, контролировавшего правый фланг у Лембака по дороге на Битш. Такая диспозиция была избрана из расчета почти на любое непредвиденное обстоятельство. Кавалерийские патрули, обнаружившие французов у Зауэрбака днем, к вечеру в авангарде 5-го корпуса заняли место у их фронта. Но всю важность их донесений штаб армии, судя по всему, оценить не смог. В приказах, изданных на следующий день, Страсбург фигурировал как цель, и о присутствии французов во Фрёшвийере вскользь предупредили 2-й Баварский корпус, чтобы тот был готов прийти на помощь 5-му корпусу в случае атаки последнего. В приказах двум корпусам на левом фланге и словом не обмолвились о том, что армия может изменить направление и повернуть на запад. Ни в одном приказе штаба армии вообще не говорилось о желательности или вероятности сражения. Армия устала – долгий переход в условиях жары по забитым войсками дорогам возымел негативные последствия для резервистов, организация войскового подвоза была явно неудовлетворительной. Блюменталь рассчитывал, что 6 августа станет для его сил днем отдыха и переформирования.

Таким образом, то, что силы немцев и в Эльзасе, и на Сааре одновременно вступили в первые крупные сражения этой войны, объясняется лишь серией ошибок и стечением обстоятельств. Мы убедились, как ведущий корпус 1-й и 2-й армий ринулся в нелепый бой в Шпихерне вследствие импульсивности Штейнмеца и Камеке. Во Фрёшвийере 3-я армия втянулась в сражение, будто подхваченная гигантским водоворотом. Аванпосты обеих армий, находясь на противоположных берегах Зауэрбака, всю ночь в проливной дождь обменивались выстрелами, но то, насколько прочно закрепились немцы в деревнях и зданиях за рекой, французы, похоже, до самого рассвета 6 августа так и не выяснили. В 5.00 утра изрядно уставшие части дивизии Лартигю, презрев всякую опасность, спокойно спустились к Зауэрбаку набрать воды и немало изумились, когда вдруг у них над головой засвистели пули немцев. Дальше на севере аванпосты 5-го корпуса у Вёрта доложили о шумной активности французов в городе – активности, связанной явно не с выполнением служебных обязанностей. Целая толпа французов, как ни в чем не бывало, ринулась в питейные заведения деревни согреться после ночной непогоды. Командир бригады пруссаков приказал своим стрелкам открыть огонь, французы поспешно убрались на позиции, и прусский пехотный полк, направленный очистить город от солдат неприятеля, обнаружил его опустевшим. К 8.30 пруссаки отступили на свои позиции на склонах на востоке долины, и, казалось, снова наступило затишье.

Эта непродолжительная перестрелка и стала тем камешком, который в горах вызывает обвал. Ее оказалось достаточно для вступления в ожесточенную битву решительно всех сил, которыми располагали обе стороны, – битву не на жизнь, а на смерть. В 3 километрах севернее, около деревни Ланжансультбак, командующий 2-м Баварским корпусом услышал стрельбу, окинул взором французские биваки на склонах выше и тут же пришел к заключению, что 5-й корпус атакуют. Находясь в узкой, поросшей лесом долине Сультбака, он мог лишь весьма приблизительно судить о местонахождении позиций французов, но, будучи верным присяге и воинскому долгу солдатом, командующий без промедления бросил свою ведущую дивизию вверх по склону именно в тот момент, когда аванпосты 5-го корпуса уходили из Вёрта. Момент для начала наступления был избран не самый благоприятный – поросшие густолесьем горные склоны, где баварцы, утратив способность ориентироваться, стали беспорядочно блуждать, а позже, выйдя у южной опушки леса у Ланжансультбака, увидели простреливаемый массированным огнем из винтовок Шаспо стрелками Дюкро участок открытой местности. К 10.30 фактически вся 4-я баварская дивизия вытянулась в линию растерянных солдат, которые безо всякой поддержки со стороны вели беспорядочный огонь и которую Дюкро ничего не стоило сдержать.

Обстановка накалялась и на другом конце французской линии обороны, где Лартигю около 8.30 открыл артиллерийский огонь. 11-й корпус переместился на оставленный 5-м корпусом фланг. Как и баварцы, авангард 5-го корпуса, привлеченный шумом боя и наличием линии обороны французов вокруг Фрёшвийера, бросился туда как раз в тот момент, когда Лартигю уже готовил к стрельбе орудия. Четыре немецкие батареи, в полной готовности развернутые на склонах выше Гёнстета, тут же ответили беглым прицельным огнем, так ужаснувшим французов дальностью. К счастью, грунт размягчился вследствие прошедших недавно дождей, и взрыватели ударного действия многих немецких снарядов не сработали, но уже буквально несколько минут спустя орудия французов умолкли, и на поле боя доминировала артиллерия немцев. И в 8.30 утра, хотя в самом Вёрте и царило спокойствие, с севера и с юга доносился грохот интенсивного артогня, отчего не на шутку встревожился начальник штаба 5-го корпуса, поскольку бой этот вполне мог обернуться полномасштабной атакой его фланга. У него не было намерений самому начинать атаку, но чтобы припечатать к земле французский центр и удержать Мак-Магона от атаки, он приказал артиллерии 5-го корпуса открыть огонь. 14 батарей, развернувшись на север и на юг от главной дороги, в 9.30 открыли огонь по позициям французов. Им попытались ответить лишь две французские батареи, но их огонь был настолько неточен и неэффективен, что им тут же приказали прекратить стрельбу и не тратить попусту боеприпасы, а приберечь их на будущее.

К этому времени командующий 5-м корпусом подошел к батарее. Генерал фон Кирхбах был одним из самых несдержанных прусских командующих. Двумя днями ранее он был ранен, сам пойдя в атаку на Гайсберг, и до сих пор не мог сесть на лошадь. Однако это ничуть не охладило его боевой пыл. Волнующий грохот его артиллерии, урон, явно наносимый ею французам, ободряющий треск выстрелов на флангах – все это возбуждало генерала. Он велел своим пехотинцам начать атаку, те должны были не только овладеть Вёртом, но и «высотами за его пределами». Одновременно авангард пехоты 11-го корпуса, вдохновленный успехом своих стрелков, бросился в атаку через речку у Гёнстета. К 10 часам, без соответствующих приказов штаба армии, без необходимости обороняться от наступавших французов, три корпуса, то есть больше половины сил 3-й армии, неожиданно оказались вовлечены в сражение.

Французы уже заняли позиции в ходе предыдущих боестолкновений с пруссаками тремя часами ранее. Командиры дивизий расположили части в лесах и виноградниках, как обычно, двумя линиями и под прикрытием застрельщиков и с подразделениями резерва поблизости в тылу. На левом фланге позиции Дюкро прекрасно подходили для сдерживания баварцев, Рауль контролировал склоны между Фрёшвийером и Вёртом, даже Лартигю, разместивший своих

бойцов разреженной линией у восточного края Нидервальдского леса, сумел отразить первые попытки 11-го корпуса перейти речку, а кавалерийские подразделения генерала Боннемана и части дивизий Дуэ и Дюмениля составили весьма внушительный резерв. Таким образом, французские войска не только имели возможность удержать позиции, но и в результате предпринятых последовательных контратак быстро оттеснили немцев назад на склонах и за реку. Ни баварцы, ни пруссаки не смогли устоять в штыковых атаках зуавов Мак-Магона. В полдень позициям французов ничто не угрожало.

Как раз немцы почувствовали себя под угрозой. Командующий в Вёрте передал срочные приказы Кирхбаху выслать подкрепление, и Кирхбах пока что имел в запасе дивизию. Правда, ему запретили ею воспользоваться. Кронпринц и Блюменталь в ставке в Сельсе с недоумением и недовольством услышали шум сражения на фронте 5-го корпуса, и шум этот усиливался начиная с рассвета. Тут же Кирхбаху был отправлен сформулированный в категоричной форме приказ, предписывавший командующему «выйти из боя и избегать всего, что могло бы вызвать новый». Но этот приказ ко времени поступления утратил силу, ибо не учитывал сменившуюся обстановку. Немцы слишком втянулись в сражение, чтобы просто взять и выйти из него, и Кирхбах сделал вид, что вообще не понял, о чем шла речь в приказе вышестоящего начальства. Он приказал баварцам на правом фланге усилить натиск. От командующего 11-м корпусом на левом фланге последовали заверения в том, что поддержка непременно будет оказана; таким образом, Кирхбах отправил в ставку командующему армией хотя и почтительное, но все же достаточно жесткое донесение, после чего в надежде на скорый и благоприятный исход сражения решил ввести в бой и силы резерва.

5-й корпус, вероятно, смял бы позиции французов выше Вёрта, но на фронте 11-го корпуса ситуация была еще более многообещающей. Лартигю с тревогой взирал на надвигавшиеся с востока на его истончившуюся линию обороны колонны и предупредил Мак-Магона о растущей угрозе. Мак-Магон ничем помочь не мог – Лартигю обязан был выстоять и приложить все усилия для этого даже в наихудшей ситуации, однако в этом случае он мог рассчитывать на бригаду кирасиров генерала Мишеля. Но к полудню фон Бозе собрал фактически весь свой корпус вокруг Гёнстета, и французы видели «черный рой пруссаков, устремившихся с гёнстетского моста… От этого муравейника, как будто по волшебству, отпочковались колонны, быстро перестроившиеся в безукоризненный боевой порядок». Правое крыло, овладев Нидервальдским лесом, где ему не угрожал ружейный огонь французов, оттеснило противника обратно на холм, левое крыло атаковало Морброн, откуда две роты французов предпочли убраться подобру-поздорову, едва завидев врага, и продолжило атаку уже за Морброном. Заметив это, Лартигю бросил в атаку кавалерию.

Лартигю понял, что его единственной надеждой удержать позиции станет перемещение линии обороны с востока на запад вдоль южной опушки Нидервальдского леса. Поэтому целью введения в бой кавалерии было не отбить у противника Морброн, а сдержать немцев, пока его пехота не доберется по склонам до своих новых позиций. Никто из французских командующих не тешил себя иллюзиями относительно опасности этого маневра, но начальник штаба Лартигю заявил, что иного выхода для спасения дивизии не было, и всем пришлось с этим согласиться. Бригада Мишеля устремилась вниз по склонам к Морброну с решимостью, перед которой, казалось, рассеянной и едва переводившей дух прусской пехоте не устоять. Однако приблизившись к деревне, кавалеристы наткнулись на преграды – виноградники, стены, деревья, – из-за которых пруссаки обрушили на них интенсивный и меткий огонь. Артиллерийский огонь из-за реки пробивал бреши в боевых порядках наступавших конников. Добравшиеся до деревни эскадроны оказались в ловушке – улица была забаррикадирована с обеих сторон, а из окон пруссаки хладнокровно в упор расстреливали конницу. По завершении сражения улица оказалась настолько забита убитыми лошадьми и телами всадников, что любая попытка пробраться по ней была обречена на провал. Остальные эскадроны попытались с двух сторон

обойти деревню, но попали под винтовочный огонь пруссаков, либо были окружены прусской конницей, либо просто бесславно отступили на исходный рубеж. В ходе этого сражения было уничтожено девять эскадронов французов, но весьма сомнительно, что пал хотя бы один прусский пехотинец.

Было уже около 14 часов. Часом ранее кронпринц прибыл на поле битвы выяснить, почему шум сражения не затих согласно его распоряжению, а, напротив, усилился, и, узнав, что Кирхбах передал 5-й корпус без надежды на возврат, кронпринц, изучив обстановку, все же попытался придать сражению хоть какую-то форму. Резервов на центральном участке уже не оставалось: в случае разгрома пехоты Кирхбаха пришлось бы для отражения контратаки положиться на свою артиллерию. Но все оставшиеся у него армейские корпуса располагались в пределах досягаемости. Вызвали генерала фон дер Танна, чтобы тот переместил баварский корпус на правый фланг Кирхбаха. Генерал Вердер уже послал вюртембергскую дивизию на левый фланг фон Бозе, и французам теперь грозило угодить в клещи между двумя группировками сил по 40 000 человек каждая. Этот план разработали в штабе армии, и соответствующие приказы были разосланы командующим корпусами. Но план не сработал. Его успех исключался вследствие непредсказуемости событий на войне.

Во-первых, Кирхбах не мог тянуть с атакой, дожидаясь, пока подкрепление доберется до его флангов. Его дивизия резерва уже продвигалась вверх через Вёрт и Шпахбак, чтобы без промедления атаковать французов. В результате контратаки она была отброшена, но Кирхбах бесстрашно бросил в бой все имевшиеся в его распоряжении силы. Солдаты, сражавшиеся с самого утра, и новые, только что подошедшие полки – всех собрали вокруг Вёрта и бросили колоннами поротно на склоны. Немецкие артиллеристы на другом берегу реки перетащили орудия по мостам, наскоро наведенным саперами, развернули орудия вдоль шедшей через долину дороги и с дистанции около 500 метров открыли огонь по едва различимым в дыму французам. Не остался в стороне и 5-й корпус, зажатый на склонах ниже Фрёшвийера и Эльсусхаузена и отчаянно сражавшийся безо всякой поддержки с французами, которые, невзирая на постоянно предпринимаемые ими бесстрашные контратаки, мало-помалу были оттеснены в результате численного перевеса и постоянного артобстрела.

И на правом крыле все шло не так, как рассчитывал кронпринц Фридрих Вильгельм. 2-й Баварский корпус не спешил вновь атаковать, а 1-й Баварский корпус, сражавшийся на крутых и скользких от грязи склонах, как показалось особо нетерпеливому командующему армией, до абсурда долго подтягивался для атаки. Баварский военный атташе провел пять неприятных минут с кронпринцем, после чего был послан убедить своих соотечественников не подвести своих союзников и не опозориться. Справедливости ради нужно сказать, что задача баварцев была не из легких. На том участке местности, по которому они передвигались и на котором вели бой, склоны были намного круче, и деревья на них росли гуще, чем на левом фланге армии. В результате контролировать обстановку было намного сложнее, к тому же было меньше места и для развертывания артиллерии. Но контраст между боевой выучкой баварцев и пруссаков, ставший уже очевидным в Висамбуре, теперь стал еще более отчетливым. Солдаты фон дер Танна сбивались с дороги, иногда стреляли друг в друга и в панике отступили, чем не замедлили воспользоваться зуавы Дюкро.

В конце концов, все же заявило о себе и численное превосходство. Для обороны Фрёшвийерского леса французы располагали лишь частью дивизии Дюкро и полком левого крыла Рауля, а баварцы, весь день бросавшие против них большую часть двух корпусов, постепенно разрушили позиции французов, и продолжать защищать их было просто бессмысленно. Лес простреливался насквозь. Жертвы множились, боеприпасы заканчивались, направленным командирами бригад и дивизий в тыл посыльным повторялось одно и то же: удержаться любыми средствами. Дюкро направил последние резервы для удержания леса, буквально заваленного трупами так, что «они, казалось, образовали еще одну линию обороны», в нескольких

метрах от первой, но не было никакой возможности противостоять широкому охвату с фланга, предпринятому баварцами у Невийера, и прусскому 5-му корпусу, продвигавшемуся от Вёрта до виноградников прямо в тыл французов. К четырем часам бойцы Дюкро оказались в таком положении, что не могли даже отступить.

Только на левом фланге атака немцев прошла, как и ожидалось, но поскольку 11-й корпус атаковал на свой страх и риск, командующий армией особенно на него не рассчитывал. 11-му корпусу потребовалось более часа, чтобы пробиться через Нидервальдский лес. Прусской пехоте нечего было и надеяться на поддержку своей артиллерии, а зуавы были в своей стихии – вели ружейный огонь, укрывшись за деревьями. Потери французов были огромны – в одной только 3-й дивизии зуавов пали 45 офицеров из 66, 1775 человек из 2200 были ранены или убиты, но Лартигю, удержав контроль над оставшимися в живых, отвел их на северо-запад за Эбербак, избежав немецкого левого фланга, угрожающе изгибавшегося у его тыла. Примерно в 14.30 солдаты 11-го корпуса от северной опушки Нидервальдского леса стали выходить на участок открытой местности, их артиллерия поддержки вплотную следовала за ними. Немцы направлялись к правому флангу французов, изо всех сил пытавшихся удержать Эльсусхаузен, отражая атаку за атакой 5-го корпуса с востока.

К 15 часам силы Мак-Магона были стиснуты в четырехугольник площадью около 2,5 квадратных километра, каждый метр которого простреливался немцами. На севере и на востоке солдаты Дюкро и Рауля все еще сдерживали численно превосходившие их силы неприятеля, но южнее малочисленные и впопыхах сформированные группировки не смогли помешать пруссакам штурмовать пылавшие дома Эльсусхаузена, а на западе создалась угроза для отступавших французов, причем не только со стороны кавалерии правого крыла 11-го корпуса, но и вюртембергской дивизии, посланной кронпринцем для нанесения удара с юга в тыл французам. Но на счастье Мак-Магона, вюртембергская дивизия при подходе оказалась втянута в бой у Эльсусхаузена: если бы они пошли прямо на Рейсхоффен и если бы баварцы, оказавшиеся севернее, ускорили бы фланговый охват французов через Невийер, вполне возможно, что Мак-Магон был бы полностью окружен, как это произошло три недели спустя в Седане. Возможности спастись выглядели сомнительно, и Мак-Магон обратился, как и Лартигю двумя часами ранее, к последнему средству: к кавалерии.

Дивизия кирасиров генерала Бонмена так и оставалась в течение всего дня невостребованной, перемещаясь по склонам за Фрёшвийером, чтобы не попасть под артобстрел противника. В 3 часа Мак-Магон, не поставив точной цели, приказал 1-й бригаде задержать атаку немцев с юга. Как и Лартигю, он рассматривал конницу как средство внезапного удара – то есть ее воздействие ошеломит врага, и пока он будет приходить в себя, это даст возможность пехоте перестроиться и отойти. Но на данной местности, изобилующей виноградниками и стенами, на засеянных хмелем полях и перегороженной заборами, ничего подобного осуществить было невозможно. Да и прусская пехота, рассеянная малочисленными группами, обеспечившими себе прикрытие, не представляла удобной цели. Кирасиры неоднократно пытались атаковать их, но всякий раз откатывались, обстреливаемые невидимым неприятелем. Судя по всему, французам так и не удалось подобраться к пруссакам и сокрушить их саблями. Все проявленное ими мужество лишь подтвердило факт того, что кавалерии на простреливаемом огнем скорострельных винтовок поле битвы делать нечего, и этот урок был преподан задолго до 1914 года.

Мак-Магон все еще располагал резервами. У него было восемь артиллерийских батарей, которые он разумно и экономно использовал, пока немецкая пехота была в пределах досягаемости, и еще дивизия Абеля Дуэ, которая, правда, после Висамбура почти утратила боеспособность и могла быть использована лишь в самом крайнем случае. Артиллерию Мак-Магон развернул у Фрёшвийера, но слишком поздно. Прусская пехота успела подойти достаточно близко, чтобы сразить артиллеристов ружейным огнем, и, дав буквально несколько залпов, ору-

дийная прислуга разбежалась по укрытиям. И Фрёшвийер пришлось оборонять только солдатам Дуэ, они же обеспечивали доступность дороги на Рейсхоффен на случай отхода сил французов. Приблизительно в 15.30 Мак-Магон привел один из своих полков по гребню горы. Но обрушившийся на них огонь вынудил солдат в панике разбежаться, впрочем, довольно скоро опомнившись, они снова устремились вниз по холму мимо Эльсусхаузена на Нидервальдский лес. Этот маневр выглядел красиво, но был совершенно безнадежной затеей, как и кавалерийская атака. Три раза их атаки захлебывались, и каждый раз офицеры снова бросали солдат в бой, и когда они все-таки отступили, то оставили всю свою мощь на поле битвы. Тела погибших лежали вплотную друг к другу, все в своих синих мундирах, и, по словам одного из очевидцев, поле битвы напоминало поле цветущего льна.

К тому времени 25 батарей немецких орудий были развернуты дугой к югу и к востоку от Фрёшвийера, и их снаряды перепахивали участок, все еще обороняемый французами. Приблизительно в 16 часов их сопротивление было сломлено. С севера, с юга и с востока торжествующие баварцы и пруссаки устремились в деревню. Мак-Магон вместе со своим штабом оставался до последнего момента. Немногие из скрывавшихся во Фрёшвийерском лесу спаслись бегством. Из одного полка численностью в 2300 человек уйти удалось лишь троим офицерам и 250 солдатам, и еще долго после падения Фрёшвийера баварцы прочесывали лес в поисках оставшихся в живых французов. К 16.30 все было кончено, кронпринц верхом проехался по виноградникам, и стоявшие у объятых пламенем домов Фрёшвийера его солдаты охрипшими голосами выкрикивали приветствия в его адрес. Кронпринц не затевал этой битвы, кронпринц не стремился к тому, чтобы она обернулась именно так, но это была победа, полная победа, и теперь дорога через Вогезы в Лотарингию была открыта[22].

Немцы дорого заплатили за эту победу – свыше 10 500 убитыми и ранеными, и примерно шесть седьмых из них были из двух прусских корпусов. Но и Мак-Магон лишился половины своих сил. Он потерял убитыми и ранеными 11 000 человек – примерно столько же, сколько пруссаки, но, кроме того, 200 офицеров и 9000 солдат оказались во вражеском плену. Все склоны ниже Фрёшвийера были сплошь усеяны телами погибших, это было ужасное зрелище. Потребовалось три дня совместных усилий французских и немецких лекарей доставить в пункты первой помощи всех раненых, лежавших в лесах и виноградниках, и еще неделя ушла на то, чтобы жители Фрёшвийера и близлежащих деревень похоронили убитых в этом сражении.

В Рейсхоффене Мак-Магон обнаружил долгожданные войска 5-го корпуса, которые подошли как раз вовремя, чтобы развернуться по обе стороны узкой долины в Нидерброне и сдержать преследовавшую французов вюртембергскую дивизию, в то время как остатки 1-го корпуса уже были далеко. Фейи послал всего одну дивизию, но она двигалась не спеша. У Фейи не было оснований считать этот вопрос срочным. Из посланий Мак-Магона за день до этого и утром не было ясно, что немцы непременно нападут, а Фейи был всецело поглощен обороной узких проходов Вогез от возможных угроз. Грохот канонады, доносившийся весь день из-за гор, вынуждал Фейи сидеть и ждать нападения, и полученное им в 15.30 сообщение от Лебёфа, в котором говорилось, что Фроссар в Саарбрюккене подвергся массированной атаке, ввергло Фейи едва ли не в паралич. Весь день он просидел в Битше сложа руки, а со всех сторон доносился грохот орудий. В 18.30 поступило сообщение от одного железнодорожного чиновника: «Враг в Нидерброне. Полный крах». В панике Фейи решил оставить Битш и отойти через Вогезы к Фальсбуру. Он даже не связался с частями флангов: одну бригаду оставили в Саргемине для соединения с силами Базена, а дивизия Лепарта в Нидерброне соединилась с дивизией Мак-Магона. Багаж, склады, кареты скорой помощи, даже финансы корпуса так и

[22] Мак-Магон имел 35 000 человек пехоты и 3700 кавалерии. Немцы же (3-я армия), силы которых он ошибочно оценивал в 43–60 000 человек, имели на самом деле 110 000 штыков и могли подтянуть еще несколько соединений. – *Ред.*

остались в Битше – отступать было решено налегке. Даже не увидев неприятельский корпус, Фейи бросился отступать, и это было даже не отступление, а скорее бегство – поспешное и неорганизованное бегство после проигранного сражения.

Мак-Магон, который весь тот день сохранял самообладание, направил Наполеону III весьма откровенное донесение: «Я проиграл сражение, мы понесли большие потери в живой силе и вооружениях. В настоящее время отступаем, частично на Битш, частично на Саверн. Я попытаюсь добраться туда и там переформировать войска». Это было самостоятельное решение, никоим образом не зависевшее от стратегических требований французской армии в целом. И все же кое-что Мак-Магон мог предпринять. Он мог попытаться соединиться с Базеном через Битш, и тогда все его силы оказались бы в единственном дефиле, где обороняться уже невозможно. Естественно, что куда безопаснее было бы отойти на юго-запад через Энгвиллер и Саверн к верховьям Мозеля, и для этого он заготовил приказ. Но силы Мак-Магона были слишком рассеяны, чтобы эффективно их контролировать. В ту ночь не было в Вогезах ущелья, которое не заполняли бы разрозненные группы отступавших – солдат, лошадей, фургонов и орудий; 1-й корпус смешался с 5-м и 7-м – все вслепую брели на запад. Так выглядела разбитая наголову армия.

Трагедия Шпихерна и Фрёшвийера крылась в отваге французов. Их отпор был жесток, они ни на шаг не отступали, они шли в одну контратаку за другой и отошли лишь потому, что в Шпихерне в результате маневрирования они оставили позиции, а во Фрёшвийере столкнулись с явным численным превосходством противника. Французская армия полностью оправдала ожидания тех, кто верил в нее. Не подвели и винтовки Шаспо. В Висамбуре городской гарнизон пять часов сдерживал наступавший баварский корпус. Два прусских корпуса, штурмовавшие Гайсберг, заплатили за победу огромными потерями – счет шел на тысячи солдат и офицеров. В Шпихерне главный участок фронта французов на протяжении всего дня пруссаки не штурмовали, а во Фрёшвийере, когда дивизии Дюкро и Рауля все же не выдержали восьмичасовой бой, их разгромили не немецкие пехотинцы, а немецкие артиллеристы.

Следует отметить, что немецкая пехота на самом деле не оправдала возложенных на нее надежд. Колонны атаковавших рот рассыпались под огнем французов, залегали, и ни прусские унтер-офицеры, ни даже офицеры так и не смогли вынудить их продолжить атаки. Искушение «затеряться» где-нибудь в лесах и на местности вблизи позиций французов было слишком велико. Только сомкнутый боевой порядок вселяет веру в пехотинцев, но сомкнутый строй против винтовок Шаспо – чистейшее самоубийство. И решением проблемы, как в этом убедились сами немцы в ходе дальнейшей кампании, было не полагаться на пехоту, если ее оружие уступало неприятельскому, а рассчитывать на свою полевую артиллерию, которая зарекомендовала себя в целом достаточно умелой и могла постоять за себя. Дальнобойность орудий, меткость их огня и скорострельность обеспечили пруссакам полное превосходство в начале обоих сражений, превосходство настолько убедительное, что и французские стрелки – включая и тех, кто вел огонь из страшного оружия под названием митральезы – предшественники пулеметов, – умолкали считаные минуты спустя. Даже если французы и прибегали к помощи артиллерии, ее эффективность сильно ограничивалась дистанционными взрывателями – снаряды рвались только на дистанциях в 1200 и 2800 м. Немцы же, использовавшие снаряды с взрывателями ударного действия, с подобными явлениями не сталкивались. Их снаряды взрывались от соприкосновения с целью, хотя бывало, что и они просто застревали в мягком грунте, причем настолько глубоко, что уже не могли причинить заметного урона. Благодаря дотошным методам боевой подготовки генерала фон Хиндерзина прусские артиллеристы добивались совершенно феноменальной меткости стрельбы. Войны редко выигрываются одним только более совершенным оружием, но моральное удовлетворение, которое немцы испытывали от своей превосходной артиллерии, по-видимому, сыграло далеко не последнюю роль в достижении ими победы над французами.

Наконец, если успехи немецких артиллеристов 6 августа предвосхитили новую эпоху прикладных технологий в войне, то постигшие французскую кавалерию беды подчеркивали, что эпоха кавалерии в войне завершается. Бригада Мишеля в Морброне и дивизии Бонмена при Фрёшвийере являли собой пример совершенно бессмысленной жертвы, никакой военной необходимостью не оправданной. На этом поле битвы, как впредь на всех других в Западной Европе, кавалеристам приходилось выбирать между бездействием и самоубийством. Но уроки, которые теперь по прошествии времени представляются столь очевидными, армиям Европы приходилось осваивать в течение полувека. Лишь весьма проницательные сумели разглядеть тройной смысл в событиях 6 августа 1870 года: крах кавалерии, преобразование пехоты и триумф артиллерии.

Глава 4
Рейнская армия

Вторжение

Поражения 6 августа не были сами по себе катастрофой. Верно, что один французский корпус был разбит превосходящими силами немцев после упорной обороны, а другой просто благополучно отступил с уже непригодных для обороны позиций, нанеся заметный урон врагу. Но последствия оказались далекоидущими. Теперь агрессия французов и стремление повторить триумф 1806 года уже ни у кого не вызывали сомнений, но постепенно впервые неясно вырисовывалась возможность вторжения и позора, сопоставимых по значимости с 1814 и 1815 годами. Союзники, готовые стать на сторону Франции, если бы начало кампании ознаменовалось бы шумными победами, забормотали извинения и понемногу дистанцировались. Граммон уже оставил всякую надежду на Австро-Венгрию. Россия, судя по всему, вмешиваться не собиралась, что позволило Мольтке снять три корпуса с австрийской границы и перебросить их в Пфальц. Новость о боях у Висамбура вызвала в Вене тревогу, развеять которую могли лишь победы, и к 10 августа армия Австро-Венгерской империи прекратила все военные приготовления, начатые без особого энтузиазма. Но Граммон все еще рассчитывал на Италию и 7 августа предложил Риму послать во Францию армейский корпус. «Он мог бы соединиться с нашими силами в Мон-Сени, – писал он, что звучало даже чуточку трогательно, – то есть на том же маршруте, которым следовали мы на помощь Италии в 1859 году». Но у итальянцев совершенно не было намерений разделять с Францией ее поражение. Хотя Рим и принял кое-какие военные меры, направленные на то, чтобы в трехнедельный срок собрать силы, способные противостоять «как угрозе извне, так и изнутри», но дальше этого там решили не заходить. И, наконец, министр иностранных дел Дании, к которому Граммон направил герцога де Кадора, чтобы договориться о союзе, и кто сначала позволил себе ободряющее высказывание, что, мол, наступит момент, когда «для королевского правительства станет возможным отказаться от нейтралитета», теперь же откровенно сожалел о «неожиданностях, не позволивших королевскому правительству решиться на подобный шаг». Франции оставалось действовать на свой страх и риск.

В Париже шок после поражения был тем сильнее, что вначале приходили вести о блестящих победах. Когда выяснилось истинное положение дел, и печать, и население дали гневную отповедь режиму. Кризис, с которым вот-вот предстояло столкнуться правительству, был как политическим, так и военным. А что, если внять шумным призывам о созыве Законодательного корпуса, вооружении населения, поднять массы на борьбу? Или все же попытаться сохранить или, скорее, восстановить имперский деспотизм? Или же подчиниться требованиям о диктатуре народа в лучших революционных традициях? Первый вариант имел своих застрельщиков: не расставшиеся со своими воззрениями империалисты жаждали ареста самых влиятельных депутатов левого толка, и им Оливье сочувствовал. Но это внесло бы раскол в министерство, и императрица, к ее чести, не захочет и слышать ни о чем подобном. Не было иной альтернативы, кроме как пойти навстречу требованию о созыве Законодательного корпуса, что возымело бы легко угадываемые последствия – министерство будет распущено. Даже до созыва Законодательного корпуса депутация солидных бойцов центра и правых потребует отставки Оливье и назначения Трошю министром обороны. Но Оливье уже подходил к Трошю, и тот был согласен принять этот пост при условии, что ему позволят с трибуны открыто заявить обо всех ошибках, допущенных правительством начиная с 1866 года. Однако даже сторонники

Трошю считали, что сейчас было не до подобных разбирательств. Когда Оливье 9 августа предстал перед Законодательным корпусом, он объявил о программе эффективных военных мер. Собрать резервы, а это в общей сложности 450 000 человек. Сформировать в Шалоне 12-й корпус под командованием Трошю и 13-й под командованием генерала Винуа в Париже. Объявить в городе осадное положение и привлечь к его обороне морских пехотинцев и военно-морскую артиллерию. Это не спасло Оливье, впрочем, он и не рассчитывал на благоприятный исход, но корпус заявил о готовности «поддержать кабинет, способный обеспечить оборону страны». Тогда Оливье объявил, что уходит в отставку и что предстоит сформировать новый кабинет, но этим займется не Трошю, а фигура, равновеликая ему по части военных заслуг, – генерал Кузен де Монтобан, граф де Палико, герой китайской экспедиции 1860 года, который будет действовать не только как председатель совета, но и как министр обороны. Законодательный корпус не стал возражать.

Левые, как журналисты, так и политики, в ходе войны сменили позиции. «Родина в опасности!» *(La patrie en danger)* – и весь пацифизм и интернационализм предыдущих 20 лет испарились неведомо куда, теперь вспоминали о великих вождях революции, которые спасли страну в час опасности 70 лет назад. Режим атаковали со всех сторон, и не за его деспотизм, а за его несостоятельность и некомпетентность. Часть депутатов оппозиции потребовала поднять массы и учредить некий комитет с диктаторскими полномочиями. Жюль Фавр призывал вооружить парижан со страстностью, о которой впоследствии будет сожалеть. Леон Гамбетта объявил, что «вооруженной нации мы обязаны противопоставить тоже вооруженную нацию!». Новое правительство сразу же приняло решительные меры. Все здоровые холостяки и бездетные вдовцы от 25 до 35 лет были объявлены подлежащими призыву в армию. Военные кредиты в размере 500 миллионов франков, за которые уже проголосовали, решили удвоить, был одобрен выпуск 600 миллионов франков новых денег, и обязательное принятие банкнот к оплате было установлено декретом. Народ Франции вместе с правительством были полны решимости противостоять врагу и готовы к самопожертвованию, совсем как их деды в 1792 году и как их дети в 1914 году.

Только вот если говорить о ставке императора в Меце, там все выглядело несколько по-иному.

Утром 6 августа, когда первые выстрелы прусских орудий загремели у Лаутера и Саара, в штабе Наполеона III как раз разрабатывали очередной план долгожданного наступления. На этот раз войскам предстояло сосредоточиться в Битше и оттуда ввести их в бой. Телеграммы, поступавшие в течение дня от Базена из Сент-Авольда, не поколебали решимости Наполеона III наступать. Фроссар, судя по всему, исходил из собственных замыслов – он хоть и отступил в ту ночь, но рассчитывал на более выгодные и сильнее укрепленные позиции в Каданброне. Единственным изменением, внесенным в диспозицию, было то, что местом сосредоточения сил избрали Сент-Авольд, куда вызвали 4-й корпус и куда уже направлялась гвардия. Уже оттуда силы французов – четыре сильных армейских корпуса – нанесут удар по противнику, обладая, по крайней мере на данном участке, численным превосходством. Лучшим свидетельством в пользу этого плана послужило мнение такого эксперта, как Мольтке: в своем письме Блюменталю от 7 августа он заявил, что это – лучшее, на что способны французы. «Но, – тут же проницательно добавил он, – столь энергичное решение едва ли соответствует их настроениям, которые они продемонстрировали до настоящего времени». Мольтке не ошибся в своих оценках неприятеля: не потребовалось много времени, чтобы и этот план постигла участь многих, уже рождавшихся в голове императора. Рано утром 7 августа Наполеон III и Лебёф сели на поезд в Меце и отправились в Сент-Авольд обсудить план с Базеном с учетом полученных от Мак-Магона сведений, но не успели они отъехать, как прибыло донесение о том, что немцы взяли Форбак, сам Сент-Авольд оказался в опасности, а судьба Фроссара неизвестна. Это донесение разрушило последние сомнения Наполеона III. Даже не выходя

из вагона, он приказал вернуть войска в Шалон, а сам вернулся в ставку, подавленный как морально, так и физически.

Фроссар сначала возвратился в Саргемин. Там он услышал о поражении Мак-Магона при Фрёшвийере и после этого без каких-либо консультаций с Лебёфом или Базеном решил, что нет смысла оказывать противнику сопротивление. Единственная возможность, как считал Фроссар, – возвратиться в Мец, затем забрать бригаду, которую Фейи держал в резерве в Саргемине, и продолжить марш, но не в соответствии с расчетами Базена, для соединения с силами 3-го корпуса в Каданброне, а на Пюттеланж, находившийся в 13 км юго-западнее, куда он добрался лишь днем 7 августа. Его солдаты взмокли от пота, они еле держались на ногах от голода и недосыпания. Палатки, снаряжение и полевые кухни так и остались на поле битвы, и, поскольку колонны следовали в другом направлении, через Сент-Авольд, ни о каком войсковом подвозе и мечтать было нечего. Провиант поступил лишь 8 августа, да и то за счет закупок на местах, но при отсутствии возможности надлежащего приготовления пища была практически несъедобна. Неудивительно, что боевой дух солдат Фроссара упал до нуля. «Сосредоточение в Меце, с его огромным и изрытым траншеями лагерем, – писал он Базену 8 августа, – необходимо, как залог нашей безопасности. То же самое можно сказать и относительно Лангра, три корпуса из Эльзаса должны сосредоточиться там, и только там. Я надеюсь, что только так мы выберемся из этого хаоса. В противном случае, – мрачным прогнозом заключил он свое послание, – империя потеряна».

Своим решением, принятым в железнодорожном вагоне на вокзале в Меце утром 7 августа, Наполеон III фактически признал свое поражение. После этого он, уйдя в себя, предался горестным размышлениям, и это почувствовали в войсках, воспринявших жест императора не как сложение с себя командных полномочий и перепоручение их другим, более решительным и компетентным военным, а как решение о дальнейшем проведении кампании. В Меце не было тех, кто подобрал бы бразды правления, брошенные Наполеоном III. Даже Базен, когда они оказались у него в руках, так и не удосужился понять, что ему доверили контроль над вооруженными силами, и этот вакуум власти способствовал нагнетанию во французской армии пораженческих настроений, причем не оправданных военной обстановкой. Решение, принятое в главной ставке французов, было панической реакцией морально сломленных военных, ищущих безопасность в поспешном отступлении.

Но такое решение только лишь породило новые проблемы. Куда идти армии? Она уже была расколота натрое решением Мак-Магона отступить не на Битш, а к верховьям Мозеля, где он оказался отрезан и от Дуэ в Бельфоре, и от Базена на Сааре. Одни только стратегические соображения диктовали Базену отступать на юг, на Лангр, где войска могли бы сосредоточиться и угрожать флангу любого немецкого наступления на запад и, возможно, даже наголову разбить 3-ю армию, разгромить ее так, как пруссаки Мак-Магона, что привело бы в истинный восторг кронпринца. Но стоило Базену предложить этот план Наполеону III, как тот даже отказался выслушать маршала. Это было невозможно с политической точки зрения: это означало бы отказ от Парижа, а удержание и сохранение Парижа, еще с дней Ришелье, составляло основу французской военной мысли. Наполеон III, как представляется, забыл, что Париж был укреплен весьма основательно, и вопрос о его защите не зависел столь сильно от стараний войск. Но если Базену не нужен был Мак-Магон, то Мак-Магону нужен был Базен. И заручись он поддержкой Базена, смог бы сосредоточить силы восточнее Шалона, потому что сосредоточить войска в Меце означало вынудить Мак-Магона предпринять рискованный фланговый марш через фронт наступающего противника. Если бы Базен остановился в Меце, а Мак-Магон отступил бы к Шалону, это просто заставило бы окончательно разделить войска французов на две неравные группировки, предприятие опасное уже в силу того, что они не могли оказывать друг другу поддержку. Но вернуться в Шалон всей армии, что так настойчиво рекомендовал Оливье в своей телеграмме 7 августа, возымело бы весьма негативные политические послед-

ствия, по своей значимости ничуть не уступавшие сдаче противнику Парижа. Целую неделю французы не могли принять одно из двух нелегких решений. На какой-то момент Наполеон III был готов позволить возобладать внутриполитическому фактору, излагая свою стратегию. Он принял протесты Оливье и отменил приказ на отступление войск на Шалон. Вместо этого он избрал целью Мец. Добраться туда было бы непросто для Мак-Магона и совершенно невозможно для корпуса Феликса Дуэ в Бельфоре. В результате Дуэ велели остаться там, где он находился. Канробер же вернется в Париж и там сформирует костяк новой армии.

Это перекраивание плана, которое не могло не потянуть за собой неразбериху в войсковом подвозе, происходило предельно неумело. Лебёф узнал о нем только на следующий день, когда все приказы на отступление к Шалону уже были составлены. О Базене в командной цепочке просто позабыли, так что в итоге Л ад миро получил противоречивые приказы: от Базена – присоединиться к нему в Сент-Авольде и от Наполеона III – отступить непосредственно к Мецу. Чуть позже Лебёф сам запамятовал, что гвардия подчинялась не Базену, а являлась частью резерва императора, и когда Базен осведомился, можно ли ему выслать гвардию вперед, обогнав свои измученные переходами и еле ползущие в Мец войска, Лебёф раздраженно бросил ему в ответ: «Вы – единственный человек, отдающий приказы, – делайте то, что считаете необходимым в данных обстоятельствах». Таким образом, когда 9 августа его командование 2, 3 и 4-м корпусами было подтверждено указом императора, а генерал Декан принял командование 3-м корпусом, у Базена были веские основания поставить под сомнение рамки предоставленных ему командных полномочий.

К 9 августа Базен и Лебёф получили четыре армейских корпуса, дислоцированные на левом фланге на позициях вдоль реки Нид в 15 километрах к востоку от Меца. Хотя операция по преследованию французов проводилась силами одних лишь кавалерийских разъездов, отступление больше напоминало паническое бегство. Постоянные ложные тревоги не давали солдатам как следует поесть и вынуждали постоянно хвататься за оружие. Отсутствовал надлежащим образом организованный арьергард: кавалерийские полки, обученные в традициях кампаний в Африке, в соответствии с которыми небольшим группам не рекомендовалось отходить слишком далеко, постоянно оставались под защитой пехотинцев, препятствуя или невыносимо замедляя передвижение. Несмотря на все увещевания командующих корпусами, конница оказалась не способной ни предоставить сведения о противнике, ни защитить собственные войска, и, таким образом, прусские разведчики отслеживали передвижения французов, причем делали это демонстративно и даже дерзко, что приводило французов в бешенство. И, наконец, к всеобщей растерянности, физической усталости, голоду и страху прибавилась новая беда – ненастье. Вечером 8 августа, когда еще одна дивизия прибыла в район расквартирования, ее направили на огромное поле, на котором полкам предстояло разбить лагерь. «Поле это напоминало озеро глубиной сантиметров пять. Солдаты, едва передвигавшие ноги от усталости, просто клали походные ранцы и усаживались на них, а многие просто так и заснули, невзирая на то, что промокли до нитки… посты боевого охранения никто не выставлял, полки сбились в кучу». Жалобами на невыносимые условия в биваках и на марше пестрят все донесения. Командиры дивизий по завершении изнурительных маршей вдруг обнаруживали, что район расквартирования уже занят другими дивизиями, они пытались протестовать против вопиющей нерадивости штабистов, но тщетно. В конце концов заявили о себе зловещие признаки падения дисциплины. Один командир дивизии сообщил «о некоторой тенденции к недисциплинированности, мародерству и даже грабежам местных жителей, которые, как мне представляется, остановить уже невозможно. Когда солдаты прибывают в деревню, усталые, голодные, вполне естественно, что они стремятся заполучить дрова для костров, солому, чтобы было на чем спать». Вот до какой степени может деградировать армия даже до вступления в бой.

В таких условиях солдаты Базена отступали по хорошим дорогам к Мецу. Армейские корпуса Мак-Магона и Фейи, хаотично пробивавшиеся через Вогезы, деморализованные пора-

жением, некомпетентностью и нерешительностью командующего, оказались в еще худшем положении. В Савер-не, благодаря энергии Лебёфа и министерству обороны, Мак-Магон организовал в достаточном объеме поставки для удовлетворения самых необходимых потребностей солдат, однако они все равно не могли успешно противостоять врагу, конные разъезды которого двигались за ними по пятам. Вечером 7 августа 1-й корпус и дивизия 7-го корпуса под командованием Консея следовали дальше к Сарбуру, где соединились с силами Фейи. Главной целью Мак-Магона, по его собственному признанию, было любой ценой избежать боевого соприкосновения с врагом, а так как конные разъезды 3-й армии кронпринца, судя по всему, вели разведку направления к западу, на Мозель, и Мак-Магон повернул свой корпус еще дальше на юг, не обращая внимания на попытки Лебёфа заставить его отступить на северо-запад к Мецу. К 10 августа корпус Мак-Магона оказался в Люневиле, откуда он по железной дороге отправил часть своих самых измотанных маршем солдат в Шалон. Остальные прошли дальше и переправились через Мёз (Маас), а когда дожди прекратились, когда стал поступать провиант, воспоминания о Фрёшвийере начали стираться из памяти и настроение в войсках стало подниматься.

Если бы немцы решили устроить передышку в два-три месяца после одержанных побед, как это имело место в прошлых войнах, французы, возможно, все же сумели бы собрать достаточно многочисленные и обученные силы, способные серьезно осложнить немцам наступление и тем самым доставить массу политических неприятностей Бисмарку и, кроме того, побудить к вмешательству до сих пор соблюдавшие нейтралитет державы. Но немецким армиям передышка не требовалась. Им требовалось всего три дня, чтобы прийти в себя после двух столь неожиданных и кровопролитных сражений. Нейтральным наблюдателям – да и самой армии – пыльные и забитые солдатами и лошадьми дороги из Пфальца в Эльзас и Лотарингию казались зримым воплощением хаоса. Но ум и намерения Мольтке оставались ясными, и, имея в распоряжении работающий как часы штаб и дисциплинированные войска, он сумел, невзирая на ворчание Блюменталя, неукротимую дерзость Штейнмеца и на все связанные с войной неисчислимые сложности, удержать армию в нужных ему рамках: она неуклонно и организованно продвигалась вперед, достаточно разреженно для передвижения и реквизиций и в то же время достаточно сплоченно для оказания взаимной поддержки: словно щупальца гигантского осьминога протянулись по равнинам Франции, любое из которых могло схватить и не выпускать добычу, пока остальные в это время смыкались для ее удушения.

Разумеется, это продвижение имело свои проблемы и недостатки, ставшие предметом самого тщательного и вдумчивого изучения для военных историков на последующие 40 лет. Излюбленной мишенью критики стала очевидная слабость немецкой кавалерии, так и не сумевшей войти в боевое соприкосновение и с Мак-Магоном, и с Фроссаром. Кронпринц был озабочен отправкой конных разъездов через проходы Вогез, в то время как продуманный отвод сил Фроссара позволил 2-му корпусу вообще избежать всякого соприкосновения с противником. Таким образом два самых уязвимых корпуса французской армии беспрепятственно отступали. Лишь постепенно, далеко не сразу, германские командующие сумели применить в бою кавалерию с присущей молодым офицерам дерзостью, как того требовал сам Мольтке. Пресловутая неповоротливость немецкой кавалерии обусловила нехватку у Мольтке сведений о передвижениях французов. Где Мак-Магон? Ушел на север к Битшу или же на запад к Саверну? Куда направился Базен? На юг к Лангру или на запад в Мец? До самого 9 августа Мольтке не знал, отступали ли французы на запад, и поэтому не мог дать соответствующие распоряжения, а потом все-таки упомянутые распоряжения были даны, но носили самый общий характер – действия войск должны быть достаточно гибкими, чтобы разделаться с французами везде, где бы они ни были обнаружены.

Эти приказы требовали, чтобы 3-я армия продвинулась через Сар-Юньон и Дьёз, 2-я армия продолжила переход вдоль главной дороги на Сент-Авольд, в то время как 1-й армии предстояло вернуться к первоначальной линии продвижения через Зарлуи на Буле. Было непросто высвободить последние две армии и пустить их по двум дорогам, проходившим так неудобно близко друг к другу. Штейнмец явно не облегчал ситуацию. С 6 августа его отношения с Мольтке и с Фридрихом Карлом оставляли желать лучшего. Он предоставлял о своих передвижениях лишь абсолютный минимум сведений и общался с Мольтке, только когда считал необходимым пожаловаться на то, что, дескать, 2-я армия занимается браконьерством в его районе реквизиции и пользуется предназначенными для него дорогами. В целом немцы куда сильнее ощущали неувязки административного характера при вторжении, чем пользу от него. Проливной дождь еще сильнее осложнял им жизнь, чем французам. У них был более высокий процент не используемых в ходе кампании резервистов, у них не было ничего похожего на бивачные палатки, которые так облегчали жизнь их противнику, соответственно достаточно высока была и заболеваемость в течение этих первых двух недель августа. Проблем, связанных с переброской такого количества войск на таком узком фронте, было великое множество. Девять армейских корпусов, идущих на Мец, располагали лишь двумя хорошими дорогами для своих сражающихся войск и для конвоев войскового подвоза, полицейских, административных и медицинских служб, плетущихся в хвосте. И потом, существовали ведь и гражданская администрация, телеграф, почтовая и курьерская службы, железнодорожники и тыловые медицинские эшелоны. Была и ставка короля, раздутая до невозможности, как мы уже убедились, не только из-за придворных гостей, но и административного костяка, который решили прихватить с собой Бисмарк и Роон для решения внутренних административных вопросов, а также связанных с международными отношениями Пруссии.

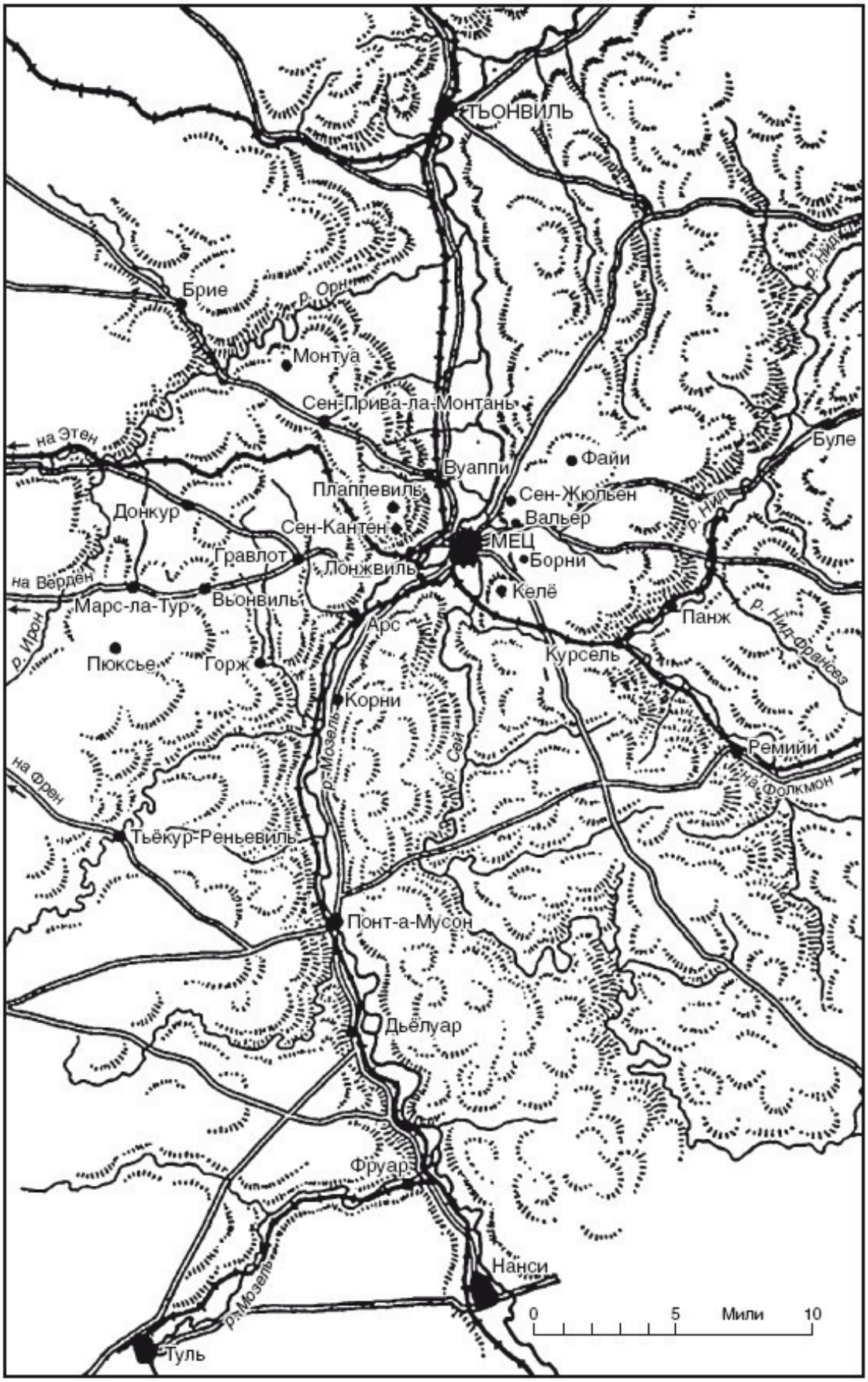
Были и немецкие принцы, и их камердинеры, иностранные военные атташе и представители прессы. В границах Германии никаких проблем не возникало. Проблемы появились с необходимостью переброски этой массы по никуда не годным дорогам и в непосредственной близости от армии противника, то есть во Франции. Официальная история признает, что «иногда огромная толпа недисциплинированных извозчиков повозок превращала передвижение в совершенно безнадежную затею», и Блюменталь, человек по натуре вспыльчивый, будучи вконец измученный необходимостью 3-й армии постоянно преодолевать перевалы в Вогезах, брюзгливо писал в своем дневнике: «Я не могу больше делать вид, что не замечаю того, что генерал фон Мольтке загнал всех нас в такой жуткий хаос, и думаю, что он не совсем понимает, на что способны войска, а на что неспособны, и что невозможно сохранить организованность в подобных условиях. Этот дикий марш просто без нужды изматывает солдат». Задача регулярного снабжения и переброски армии подобной численности железнодорожным транспортом едва оказалась под силу даже прусскому Генштабу. Так что нечего удивляться тому, что в подобных условиях французское командование просто не выдержало напряжения.

Ввиду сложности переброски сил и сохранения в этих условиях надлежащего управления ими было тем более жизненно важно, чтобы впереди продвигавшихся войсковых колонн шла кавалерия, в задачу которой входило не только поднимать жуткую пыль, но и собирать сведения о противнике и своевременно предупреждать о готовящейся им атаке. Но Штейнмец, находившийся на правом фланге фронта прусских армий, всегда воздерживался посылать в разведку вперед две свои кавалерийские дивизии – одну он держал для прикрытия правого фланга, другую перебросил через Саар позади своей пехоты, вынудив кавалеристов совершать столь же изматывающие переходы, какие выпадали на долю французских конников. Во 2-й армии инициатива конницы также сдерживалась, но эта идея принадлежала самому командующему двух кавалерийских дивизий генералу фон Райнбабену, тому, чья пассивность и инертность совершенно не подходили для занимаемой им должности и которого постоянно приходилось побуждать к действию генералу фон Фойгтс-Ретцу, командующему 10-м корпусом, то

есть его непосредственному начальнику, забрасывавшему Райнбабена распоряжениями. Его аванпосты в Фолкмоне, жаловался Райнбабен 10 августа, оголены, а это опасно. Фойгтс-Ретц выслал вперед офицера-штабиста, который доложил, что, дескать, ничего подобного, никакой опасности нет. «Увидев сегодня столько французов, – сообщил он, – я в это не верю. Враг полностью деморализован. Мне кажется, наоборот, чем чаще мы наступаем ему на пятки, тем больше французов окажется у нас в плену…Я считаю, что перерезать железную дорогу из Нанси в Мец труда не составит».

Верность этой оценки была подтверждена действиями нескольких смелых молодых командиров конных разъездов, действовавших далеко впереди своих частей.

Один из них, продвинувшийся в направлении Нанси на 70 с лишним километров впереди своей пехоты, запугивал жителей деревень, через которые следовал, очень просто – предупреждал их о скором размещении большого количества войск в их населенном пункте, которые якобы должны были прибыть уже нынешним вечером. Другой разъезд, приблизившись к главным позициям французов у Меца, открыто разведал местонахождение лагеря противника, подобравшись к нему на 800 м. Третий доехал до распахнутых ворот крепости Тьонвиль, которые, правда, тут же захлопнулись прямо перед носом прусских кавалеристов. 12 августа два конных разъезда достигли Мозеля у Фруара и у Понт-а-Мусона, перебрались через реку и стали разбирать рельсы на железнодорожной линии, связывавшей Мец с Нанси, Шалоном и Парижем. Однако подоспевшие вовремя французы спугнули их, и немцы так и не успели нанести серьезного урона, но в Понт-а-Мусоне кавалеристы даже взяли в плен француза. Моральное воздействие от самоуверенных действий этих конных разъездов сравнимо с появлением танков бронированного клина Гудериана во Франции в 1940 году и совершенно не соответствовало их численности. Десятка решительно настроенных солдат и офицеров с избытком хватало, чтобы создать панику, – мол, «пришли безжалостные, кровожадные уланы, и от них некуда деться». То же самое повторилось и сорок с лишним лет спустя в 1914 году в той же Франции.

Долина Мозеля вокруг Меца

И вскоре немецкие войска убедились, что их никто не остановит, разве что собственная необходимость в отдыхе и пополнении припасов. 3-я немецкая армия, видевшая лишь отступающие остатки разгромленных 1-го и 5-го французских корпусов, без труда продвинулась к Мозелю. 14 августа ее кавалерия без какого-либо сопротивления французов заняла Нанси, а два дня спустя пехотинцы прошли вверх по течению реки до Байона, а штаб командования 3-й армии спокойно проследовал в Люневиль. На фронтах 1-й и 2-й армий сопротивление казалось более вероятным. Прусский разъезд обнаружил главные позиции армии Базена вдоль реки Нид 10 августа, и в ответном письме Фридриха Карла на послание Мольтке проскальзывало волнение. Здесь, указывал он, кроется шанс второй Садовы. В то время как Штейнмец атаковал левый фланг французов, кронпринц мог сдерживать их на центральном участке относительно слабыми силами, а больше сил сосредоточить у их правого фланга. «Нам придется считаться со значительными потерями, – бодро пророчил он, – и, возможно, с двухдневным сражением». Но Мольтке не видел необходимости в таких дерзких операциях. Если бы немцы задержались на пару дней, они смогли бы сосредоточить 10 боеготовых корпусов, и поэтому он вечером 11 августа отдал приказы на сосредоточение чисто оборонительной группировки к востоку от Нида между Буле и Фолкмоном. Но эти приказы устарели еще до их подписания: в ставку короля уже летело донесение от кавалерийских разъездов – французы оставляли позиции на Ниде и возвращались в Мец.

Лебёф вскоре убедился во всех недостатках позиций на Ниде. Армейские корпуса Базена располагались тактически благоприятно, но у них не было возможности удержаться без прибытия на подмогу сил Мак-Магона и Фейи, однако оба командующих, будто не слыша призывов Лебёфа, как мы уже убедились, еще дальше отвели свои корпуса. Правительство направляло поток тревожных сообщений о силе и намерениях немецких войск. Рапорты из Брюсселя говорили о том, что немцы обрушат на французов 450 000 солдат, донесения из Люксембурга утверждали, что вся немецкая армия, включая ландвер, сосредоточена на границе, оголив, таким образом, внутренние районы; в Базеле силы пруссаков оценивали в 550 000 солдат, другой агент представил цифру в 700 000 человек. И, наконец, шли тревожные сообщения из прибрежных провинций Пруссии, где губернатором был генерал Фогель фон Фалькенштейн, – будто бы 150 000 человек сосредоточивались на правом фланге для нанесения удара по французам через Тьонвиль, и именно эта воображаемая угроза их левому флангу и побудила французов 11 августа снова и снова отступать на позиции в нескольких километрах западнее Нида, где имелась возможность обороняться, прибегнув к орудиям самой крепости.

В Париже императрица оценивала угрозу куда хладнокровнее, но в сообщении от 9 августа она убеждала Наполеона III ожидать наступления 300 000 солдат и советовала ему стянуть все имевшиеся силы из Шалона на его отражение. Таким образом, 6-й корпус был направлен не на Париж, как было первоначально запланировано, а на Мец, по весьма уязвимой железнодорожной линии, шедшей сначала в Фру ар, а затем в долину Мозеля, и на протяжении последних 40 километров эта дорога вообще никак не была защищена от нападения разъездов прусской кавалерии. Несмотря на постоянные угрозы, разрывы в колоннах следования и мелкие стычки в Понт-а-Мусоне, большая часть пехоты Канробера без каких-либо проблем добралась до Меца, но незадолго до прибытия частей кавалерии, артиллерии и вспомогательных служб железнодорожная линия оказалась перерезана. Лебёф послал за морскими пехотинцами, но они выступили с запозданием и вынуждены были вернуться для соединения с 12-м корпусом, направлявшимся в Шалон. В общей сложности к 13 августа французы собрали в Меце почти 180 000 человек и развернули большую часть этих сил вдоль фронта протяженностью 11 километров. Ситуация с войсковым подвозом улучшилась: по словам интендантской службы, запасов муки хватало на три недели, хотя нехватка полевых пекарен обусловила зависимость от поставок хлеба из Парижа. Других запасов должно было хватить на неделю или даже больше.

Удовлетворительным был и подвоз боеприпасов. Если чего-то и не хватало, так это как раз не поставок, а транспорта для их развоза по войскам на марше, тем более в условиях постоянно менявшихся распоряжений.

Такая неопределенность и нерешительность стратегии французов была неизбежна, пока Наполеон III оставался пусть даже номинально главнокомандующим. Его ближайшие военные советники Лебёф, Лебрюн и Базен представляли варианты решений чисто военных вопросов – и при подготовке и проведении контрнаступления, и сосредоточения сил в Шалоне или, как предлагал Базен, у фланга немецкого наступления из Лангра, – и это были разумные варианты действий. Но прибывавшие из Парижа рекомендации основывались на чисто политических соображениях, точнее, на чисто династических. Правительство, раздавая подобные рекомендации, по сути, ничем не рисковало, но Наполеону III при принятии соответствующих решений приходилось согласовывать и уравновешивать и военные, и политические факторы – в точности так же, как позже в ходе кампании, и Вильгельм I был вынужден балансировать между порой диаметрально противоположными доводами Бисмарка и Мольтке. Как Вильгельм I, так и Наполеон III был в одном лице и главнокомандующим вооруженными силами, и верховной гражданской властью в стране. Но решение всех гражданских вопросов он передал регентскому совету, во главе которого стояла императрица. Но с каждым днем становилось все более очевидным, что император не способен и к решению военных вопросов. Офицеры, работавшие непосредственно с ним, считали Наполеона III «человеком преклонных лет, весьма слабым физически и не обладающим ни одним из качеств, свойственных людям военным, тем более тем, кто возглавляет вооруженные силы». Один из приближенных императора как-то в тактичной форме намекнул ему, что он больше физически не способен командовать войсками. И в Париже крепла уверенность в том, что именно так и было, причем не только в печати и в палате, но даже и в министерстве обороны. Но разве мог Наполеон III отказаться от поста главнокомандующего? Мог ли он возвратиться в Париж, опозоренный двумя проигранными сражениями, и при этом не ускорить крах режима? Императрица даже мысли о чем-нибудь подобном не допускала. «Вы оцениваете все последствия Вашего возвращения в Париж после двух поражений?» – вопрошала она, да и он сам сознавал неоспоримость этого аргумента.

Но в Меце император стал подумывать о компромиссном решении. Он мог отправиться не в Париж, а в Шалон и посвятить себя организации новой армии там. Если бы он решился на это, пришлось бы назначить главнокомандующего Рейнской армией. Кандидатура Лебёфа вполне подходила, но тогда уже Париж, помня его голословные утверждения о якобы готовности армии к войне, возжаждал его крови. Законодательный корпус потребовал отставки Лебёфа, и 9 августа, несмотря на протесты Наполеона III, регентский совет проголосовал за нее. Это было безжалостное и несправедливое решение – что не было редкостью, – один из самых способных и преданных военных был просто не в состоянии за считаные недели преодолеть глупость, косность и несостоятельность целого поколения. Не было никого, кто смог заменить его, и после этого обезглавливания французская армия так и не пришла в себя. Лебёф недолго пробыл не у дел, гибель генерала Декана в Борни 14 августа создала вакансию командующего 3-м корпусом, он ее и заполнил, но в политическом аспекте это поставило крест на том, чтобы Лебёф мог рассматриваться как возможный преемник Наполеона III. Двое других кандидатов были герои Крыма и Италии – Мак-Магон и Канробер. Однако репутация Мак-Магона после Фрёшвийера была подпорчена, а Канробер, настоявший на прибытии в Мец вместе со своим корпусом, несмотря на предложение императрицы занять должность губернатора Парижа, тоже исключался. Он был командующим, не только объективно оценивавшим свои возможности, но и достаточно умным, чтобы не преступать их границ. Он был готов служить в должности главнокомандующего войсками своему императору, которому был безгранично предан, но не желал вторгаться в сферы высокой стратегии, тем более политики, в которые

неизбежно вторгался командующий армией, – он не желал рисковать. Таким образом, из всех маршалов оставался лишь Франсуа Ахилл Базен.

Если судить Базена справедливо, нам следовало бы закрыть глаза на трагическую участь, уготованную и ему, и его войскам в ближайшие месяцы, и ненависть не одного поколения французских историков, военных и политиков, которые видели в нем не просто инструмент, но махинатора, сознательно способствовавшего национальной трагедии. Следует также абстрагироваться и от его явно отталкивающей внешности: маленькие, злобные глазки, жирная, неприметельная физиономия, тяжелая, бульдожья челюсть, дородная, отмеченная неуклюжестью фигура, что бросалось в глаза, в особенности если он восседал на лошади в окружении других офицеров. О нем судили, как о командующем, дослужившемся до высокого поста (маршал с 1864 года) из самых армейских низов по причине везения и присущего ему бесстрашия. Отчасти благодаря своей карьере, отчасти тому, что он представлял собой «человека из народа», и отчасти вследствие охватившей и прессу, и политиков в Париже чисто иррациональной мании – все кругом, независимо от политических пристрастий и партийной принадлежности, ратовали за назначение Базена верховным главнокомандующим. Наполеон III вполне готов был уступить, и 12 августа назначение состоялось. «Общественное мнение, – как заявил он Базену, – и мнение военных определили мой выбор вас». И этот выбор Базен был готов принять как приказ.

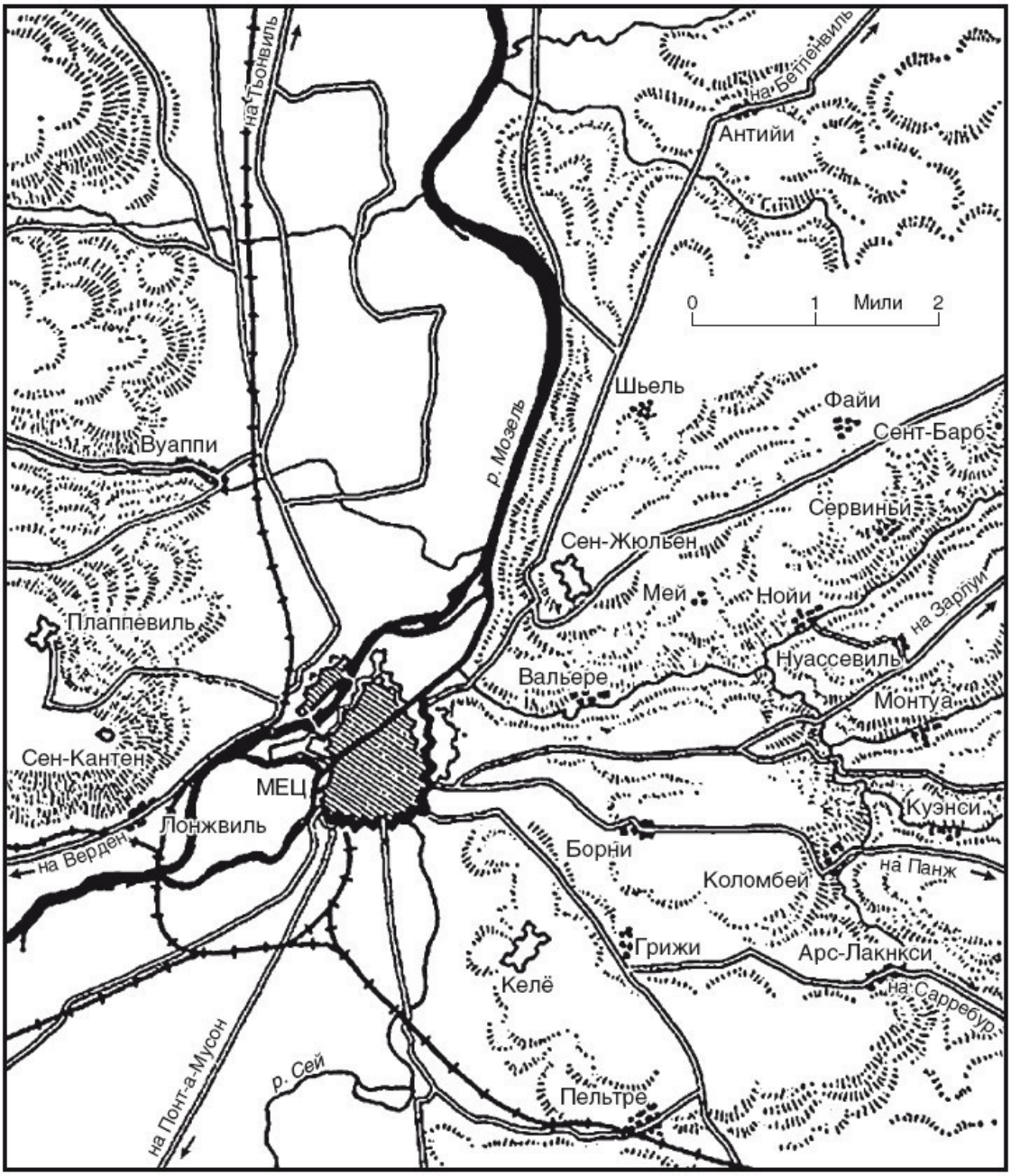
Однако одновременно с назначением полномочия Базена, как главнокомандующего, были далеко не безграничными. Первооснова любого командующего – хороший начальник штаба, но тогда Базен, естественно, хотел видеть на этой должности того, кого знал и на кого мог положиться, Наполеон III ничуть не меньше хотел иметь на этой должности офицера, который был бы в курсе общей ситуации. Так что все кандидаты от Базена были отметены, и должность начальника штаба досталась помощнику Лебёфа генералу Жаррасу, который в тех обстоятельствах тоже, естественно, руками и ногами отбивался от нее. Базен, как многие командующие высшего ранга, начиная с его тезки Ахиллеса, мог при случае поддаться настроению, что куда лучше оказалось бы к месту в опере, но никак не на поле битвы. Он в упор не видел Жарраса и, судя по всему, мнения своего менять не собирался. Базен непосредственно рассылал приказы подчиненным или, в лучшем случае, приказывал Жаррасу доработку малозначительных административных деталей планов, если чего-то недопонимал сам. Неудивительно, что при решении вопросов, связанных с переброской сил, сосредоточенных вокруг Меца, и войсковым подвозом, возникал хаос, и хаос этот лишь усугублялся неуверенностью в том, действительно ли Базен мог считаться полноценным главнокомандующим. Маршал и сам, похоже, воспринял свое новое назначение формально: Наполеон ш, пока пребывал в войсках, так и оставался де-факто главнокомандующим. Ставка императора в Меце не разбрасывалась сведениями ни о передвижении противника, ни о резервах, ни об общей обстановке, ни о войсковом подвозе, без которого не составить ни один мало-мальски вменяемый план, а что касается Базена или Жарраса, ни тому ни другому и в голову не приходило эти сведения затребовать. О том, насколько безразлично Базен относился к своей должности и к связанным с ней командным полномочиям, свидетельствует тот факт, что он даже не находился в Меце, где располагался Жаррас вместе со своим штабом. Таким образом, в то время, как Базен оставался с 3-м корпусом в пограничной деревне Борни, занимаясь там биваками, огневыми позициями и раздавая детальные и полные благих намерений, однако запоздалые распоряжения своим командующим корпусами о проведении операций, Наполеон III пребывал в Меце, играя ту же роль при составлении планов, что и раньше. Единственное видимое различие состояло в том, что он больше не отдавал приказы, а скорее высказывал определенные пожелания, но пожелания эти, как справедливо жаловался Базен, были просто «той же самой идеей, но выраженной другими словами». Нелегко было отказаться от диктатуры по прошествии двадцати лет.

По поводу его назначения Наполеон III писал Базену: «Чем больше я думаю о положении армии, тем более важным нахожу его, поскольку, если бы нам на этом участке пришлось бы беспорядочно отступить, наличие фортов никак не изменило бы общего хаоса». Если принять это высказывание за оценку ситуации, оно было вполне верным, хотя и совершенно бесполезным, и это наглядно свидетельствовало о том, как мыслил Наполеон III. Невозможность сосредоточить 1-й и 5-й корпуса вместе с остальными и наступление немцев широким фронтом говорили о том, что, если войска так и останутся в Меце, они неизбежно окажутся охвачены с фланга и разгромлены. Возможность нанесения контрудара, нежелание отказаться от такой гигантской базы, как Мец, куда были стянуты все силы и все армейские склады (и те из читателей, которые помнят ситуацию в Тобруке в 1942 году, вполне поймут автора данной книги), составили круг вопросов, по которым мнения в ставке императора резко разделились. Все продолжалось по-прежнему, пока не стало слишком поздно бежать оттуда. Уже 8 августа Наполеон распорядился о наведении достаточного количества понтонных мостов через Мозель и его приток Сей для отвода сил, но только 13 августа, то есть когда доложили о немецкой кавалерии в Понт-а-Мусоне и о том, что она вот-вот достигнет Тьонвиля, Наполеон III, наконец, решил убраться подобру-поздорову. Тогда он и написал Базену, чтобы тот немедленно отступил – больше терять времени было просто нельзя.

Каким бы инертным и нерешительным командующим ни был Базен, но он достаточно долго пробыл генералом и понимал, что армия численностью в 180 000 человек, собранная в группировку на фронте длиной в 20 километров, с ее аванпостами, уже вступившими в боевое соприкосновение с противником, не может просто так взять и удариться в бега с форсированием водной преграды, предоставлявшей весьма ограниченное число пригодных для переправы участков. Ситуация усугублялась неблагоприятными обстоятельствами, с которыми сталкиваются все армии мира и которые способны разгромить войска не хуже опытного противника. Проливные дожди вызвали повышение уровня воды в реках предыдущим вечером, и понтонные мосты, за четыре дня до описываемых событий наведенные саперами, были смыты. Ни один из них так и не удалось восстановить до полудня 14 августа, пригодными для перехода оставались лишь четыре, да еще были три участка реки, где ее можно было перейти вброд. Таким образом, войсковая группировка сжалась до бутылочного горлышка, максимум в 5 км шириной, и штабистам пришлось бы попотеть, чтобы без осложнений провести такое количество личного состава через узкий проход. Трудно было ожидать подобного решения от вконец растерянного и не владевшего ситуацией Жарраса, и Базен доверил ему только контроль над передвижением 6-го корпуса, армейской артиллерии, саперов и интендантов, причем большая часть их уже успела переправиться. Остальным войскам Базен отдал прямые приказы, но по недосмотру один из мостов – тот, который находился в Лонжвиль-ле-Мец, – он упустил. Таким образом, и без того узкий проход еще более сузился (до 2,5 километра), а количество мостов уменьшилось до шести. Но даже эти скудные средства переправы нельзя было использовать полностью: пути к временным мостам пролегали через затопленные луга, абсолютно непроходимые для гужевого транспорта, поэтому лишь пехота могла безопасно воспользоваться ими. Лошадям и повозкам оставалось протискиваться через узкие и кривые улочки Меца к двум постоянным мостам за городом. С подобной проблемой вряд ли справился бы и наилучший Генштаб, не говоря уже о французском.

Базен ясно видел все эти беды. Преисполненный сознания долга, он отдал приказы на отвод сил, который должен был начаться либо вечером 13 или утром 14 августа в зависимости от готовности мостов, но конфиденциально высказал протест против самой идеи такого отступления, доложив Наполеону III, что немцы наблюдали за ними, находясь вплотную, и что куда честнее было бы не лезть в воду, а продолжать обороняться или вообще контратаковать. В ответ Наполеон III отправил сообщение от императрицы о том, что не только 3-я армия кронпринца Фридриха Вильгельма обходит Мец с юга, но и Фридрих Карл охватывает их с фланга

на севере для соединения с ним в Вердене. Времени терять уже было нельзя, если и *начинать наступление*, настаивал он, то нельзя создавать помех отходу.

Крепость Мец

Поэтому 14 августа Базен приступил к отводу сил. Уже несколько часов спустя стало ясно, насколько из рук вон плохо был подготовлен этот отвод. Войска были готовы отойти еще в 4.30 утра. Перед отступлением пехотных частей необходимо было пропустить вещевые обозы, но, поскольку им пришлось пробираться по улочкам Меца, возникли заторы, из-за которых стало почти невозможным дальнейшее продвижение войск. Две кавалерийские дивизии, которые должны были следовать впереди, несколько часов (до самого полудня) не могли сдвинуться с места, и к тому времени, когда пришла в движение пехота – шесть огромных колонн, – солдаты, изнемогая от жары, в полном снаряжении (30 килограммов на пехотинце), убедились, что все подходы к мостам забиты лошадьми и повозками, которых, по идее, там уже не должно

было быть. Затем, в 16 часов, когда, едва ли не полсуток спустя после начала марша, войска наконец стали переправляться через реку, со стороны только что оставленных ими позиций внезапно загремели орудийные залпы. Пруссаки открыли огонь.

Весть о том, что французы оставили рубеж реки Нид и при отступлении попали под огонь у Меца, дошла до Мольтке в ночь с 11 на 12 августа и положила конец всем его колебаниям. Так как французы, судя по всему, не планировали наступление, можно было спокойно их атаковать. 12 августа Мольтке издал приказы, но не на сражение на окружение, к чему призывал Фридрих Карл, а на широкомасштабное наступление, включавшее 3-ю, а также 1-ю и 2-ю армии. Немецкие силы должны были развернуться веером и овладеть переправами на Мозеле фронтом свыше 80 километров от левого крыла 3-й армии кронпринца в Байоне до правого крыла 1-й армии Штейнмеца значительно ниже Меца. Трудно было вообразить себе более впечатляющий контраст: беспорядочной толпой отступавшие французские войска, сгрудившиеся вокруг крепости, и организованно наседающие на них пруссаки. Но вновь планы Мольтке в последний момент были изменены. Фридрих Карл распорядился захватить переправы через Мозель в Понт-а-Мусоне и Дьёлуаре, что и было сделано 13 августа, после чего выдвинуть свои весьма решительно настроенные кавалерийские отряды вдоль реки до ворот крепости Туль, но конница 1-й армии, не получив столь ободряющих распоряжений из своего штаба, не предприняла попытки форсировать реку ниже Меца. После выговора в Шпихерне Штейнмец командовал своей армией подчеркнуто неуверенно. 13 августа, в то время как 2-я армия, смело развернувшись широким фронтом, устремилась к Мозелю по обе стороны от Понт-а-Мусона, 1-я армия приблизилась к Мецу опасливо, без той свойственной ей решимости, какую она продемонстрировала во время атаки высот Шпихерна. Несмотря на приказы Мольтке, она не предприняла попытки обойти крепость кавалерийскими силами с севера. Таким образом, угроза левому (северному) флангу французов, которой так опасалось французское командование, так и не нависла над ним.

Результат этого для немецкой стратегии был далекоидущим. Наступавшие армии вместо того, чтобы продвигаться линией, перестроились в нечто ей подобное, только намного большее, в полном соответствии со знаменитым «приказом Фридриха II о продвижении вкось», когда левое крыло (Фридрих Карл) смело наступало, а правому (Штейнмец) весьма деликатно предписали воздержаться. Такое развертывание сил объявили примером стратегического гения Мольтке, и совершенно неверно. Гениальность Мольтке состояла в осознании преимуществ, по воле обстоятельств свалившихся на него и вместо перестроения вытянувшихся в линию войск, диктовавшегося заранее подготовленным шаблоном, он, мгновенно приспособившись к совершенно иной, новой ситуации, обратил ее себе во благо, причем не мешкая, без каких-либо колебаний, что так напоминало известного всем Бисмарка, который неизменно извлекал выгоду для себя из внезапно изменившихся обстоятельств и нештатных ситуаций, если это касалось политической сферы. Задним числом изоляция армии Базена в Меце и разгром сил Мак-Магона в Седане, столь естественно проистекающие из того самого «приказа Фридриха II о продвижении вкось», стратегу представятся как результат кропотливого планирования, как опытному политику представлялось объединение Германской империи. На самом деле Мольтке, как и Бисмарк, сумел достичь своих целей, прибегнув к блестящему оппортунизму. Он сумел извлечь пользу даже из огрехов Штейнмеца.

Узнав 13 августа о том, что французы до сих пор топчутся на правом берегу Мозеля, пруссаки немало удивились. Мольтке и в голову не могло прийти, что присутствие неприятеля объяснялось нерешительностью его командиров и административным бездействием, и Мольтке задался вопросом, а не замышляли ли французы наступать. Если замышляли, в таком случае весьма неосмотрительно было бы для Фридриха Карла беспечно идти вдоль Мозеля, поручив Штейнмецу в гордом одиночестве отбивать атаки врага. Поэтому вечером 13 августа

Мольтке решил изменить приказы. 2-я армия должна была теперь сделать паузу в наступлении и переместить два своих, находившихся дальше всего на севере корпуса, – 3-й (Константин фон Альвенслебен) и 9-й (фон Манштейн) – к югу от Меца, откуда они в случае необходимости смогли бы поддержать Штейнмеца, ударив французам во фланг. Штейнмец никаких четко сформулированных указаний на этот счет не получил и, смирившись, воспринял это как приказ его армии остановиться. И 14 августа пехота 1-й армии отдыхала в местах расквартирования на реке Нид. Но конные разъезды были высланы, как обычно, для наблюдения за позициями французов, их отчеты последовали незамедлительно – французские лагеря сняты, мосты через Мозель забиты войсковыми колоннами, дороги за рекой заполнены транспортом, поднимавшим огромные облака пыли. Короче, французы уходили.

Наступил момент, когда с принятием решения тянуть было нельзя. И это в первую очередь касалось двух корпусов 1-й армии – 1-го корпуса генерала фон Мантейфеля, который с запозданием соединился с армией и не принял участия в сражении у Шпихерна, а теперь следовал по главной дороге Саарбрюккен – Мец, и 7-го корпуса генерала фон Цастрова, следовавшего по дороге Сарбур – Мец и дальше на юго-восток. Мантейфель сразу же подготовился к сражению и испросил разрешения Штейнмеца наступать. Ему было отказано. Штейнмец не рискнул повторно навлечь на себя гнев короля, причем за тот же проступок; таким образом, Мантейфель, оставаясь в полной боевой готовности, ждал указаний. Но Цастрову сама судьба повелела быстро продвигаться вместе со своими подчиненными. Его головной бригадой командовал решительный и инициативный генерал-майор фон дер Гольц, по природе своей человек независимый и умный, которого служба при Генеральном штабе наградила бесценным опытом. И фон дер Гольц, окончательно убедившись, что французы без единого выстрела отходят, просто не мог более сдерживать себя. Безо всяких согласований с вышестоящими инстанциями он принял решение атаковать, и Мантейфель, едва заслышав стрельбу слева от себя, нимало не смущаясь, присоединился к фон дер Гольцу. И вновь 1-я армия форсировала события, но на сей раз вопреки желанию ее незадачливого командующего.

Со своих позиций немцы имели возможность панорамно обозревать французов. Западнее Мозеля возвышался почти отвесный холм, увенчанный выдвинутыми вперед фортами Плаппевиль и Сен-Кантен, а на север и на юг, насколько хватало глаз, протянулась цепочка поросших деревьями высот. У начала ее расположился город Мец, компактная масса домов с возвышавшимся над ними изящным шпилем собора. Крепость за тысячу лет выдержала не одну атаку врагов, которым она отрезала путь к сердцу Франции от Пфальца и Среднего Рейна. Старые фортификации постоянно перестраивались, возводились выдвинутые вперед форты для сдерживания осаждавших и воспрепятствования обстрелу ими города, но в 1870 году строительство этих фортов – Келё на юге, Сен-Жюльена на севере, Плаппевиля и Сен-Кантена на западе – было еще не завершено. В восточном направлении местность поднималась от Мозеля пологими холмами, хорошо обозреваемыми на многие километры с высот западнее реки, и среди них, приблизительно в шести с лишним километрах к востоку от города, французы заняли свои позиции. Их фланги упирались в форты Келё и Сен-Жюльен, перед которыми развернулись соответственно 2-й и 4-й корпуса, а 3-й корпус, расположившийся как раз между ними, фронтом упирался в берег речушки Вальере, протекавшей в 3 километрах севернее Арс-Лакнкси по глубокой долине, а потом поворачивавшей на запад и сбегавшей в широкую долину Мозеля севернее Меца. Дальше на восток долина эта разветвлялась на три долины поменьше, и вдоль двух гористых уступов, разделявших их, протянулись дороги из Зарлуи и Саарбрюккена, по которым и наступал Мантейфель. По высотам на юге проходила дорога поменьше от Панжа, пересекавшая речку Вальере на ферме Коломбей, и именно по этой дороге, а также по главной, Сарбурской, дороге через Арс-Лакнкси и прибывали колонны 7-го корпуса под командованием фон дер Гольца.

Когда Гольц принимал решение атаковать, Фроссар и Ладмиро уже покинули свои позиции, и теперь силы 3-го корпуса здесь стали уменьшаться. Но лишь французские аванпосты в долине Вальере отошли под ударом немцев. Опомнившись, солдаты 3-го корпуса упорно оборонялись. Их огонь доминировал в долине, и французская артиллерия вернулась на поле битвы, чтобы воспрепятствовать натиску пруссаков. В течение часа силы Гольца так и не смогли пробиться в долину Вальере, и 1-й корпус, войдя в бой справа, тоже не смог. Мантейфелю удалось продвинуть обе свои дивизии вперед, первую – через долину Монтуа и вторую – через Нойи, но дальнейшему продвижению помешал винтовочный огонь французских стрелков и артиллерия. К 17 часам все повторилось по примеру Шпихерна. Авангард немцев, атаковавший весьма бесстрашно, был остановлен силами, не только численно его превосходящими, но и ничем не уступавшими ему по меткости стрельбы с умело выбранных позиций, и их решительная контратака, возможно, сокрушила бы немцев даже до прибытия французских сил подкрепления.

Но у Базена не было намерений контратаковать. У него в ушах звучали мольбы императора поторопиться, и он был взбешен этой неожиданной и несвоевременной атакой немцев, которую вынужден был отражать. «Я отдал приказы не вступать сегодня в бой, – бушевал он. – Я категорически запрещаю даже на метр продвинуться вперед!» Его противник, Штейнмец, тоже был разъярен не на шутку: услышав о сражении, он запретил командующему 8-м корпусом отвечать на любые обращения за помощью и безапелляционно приказал, чтобы Цастров и Мантейфель немедленно остановили бой. Но они не могли выполнить такой приказ. Мантейфель вел ожесточенный бой, а Цастров уже отправил оставшуюся часть своего корпуса для поддержки фон дер Гольца. Кроме того, 9-й корпус 2-й армии, продвигавшийся слева от Штейнмеца на Пельтре, посчитал эту стрельбу просто сигналом к тому, что это и есть атака 1-й армии, со всех ног устремился к Мецу и вышел к левому флангу сражавшихся у Грижи. К 18 часам масштабы этого боя уже не позволяли остановить его – оставалось либо победить, либо ждать наступления темноты, которая точно положила бы ему конец.

Сражение оказалось безрезультатным и ничего не дало. Пруссаки смогли ввести в бой подкрепления, лишь нащупав слабые места в линии французов, и вообще действовали едва ли не наугад, 7-й корпус пытался выйти из долины на плато, 1-й корпус продвигался по долине Вальере и взбирался по склонам на север к деревне Мей. Между двумя командующими корпусами, судя по всему, не было связи. Французский корпус также сражался совершенно автономно, но Базен выехал на поле битвы под огнем с присущей ему заразительной невозмутимостью. Будучи ранен в плечо осколком прусского снаряда, он и бровью не повел. Французский 2-й корпус на правом крыле не полностью вернулся в бой, и здесь его позиции, с наступавшими под прикрытием густолесья вокруг Арс-Лакнкси пруссаками, оказались под угрозой, но пруссаки развили наступление на Грижи только с наступлением темноты, и только тяжелые орудия форта Келё сумели сдержать их натиск. Действовавшие в центре по фронту 7-го вестфальского корпуса части явно не были склонны к проявлению прежнего мужества, как при Шпихерне, – неудивительно, на войне чаще всего предпочитают не повторять однажды проявленный героизм, – и дивизия генерала Кастаньи, развернутая в плотные боевые порядки в районе Борни, без труда сдержала их. Наиболее ожесточенный характер бой принял на французском левом фланге на высотах к северу от долины Вальере. Здесь корпус Ладмиро подоспел как раз вовремя, чтобы занять деревню Мей и окружающие склоны, угрожая правому флангу Мантейфеля и сводя на нет все попытки пруссаков выбраться из долины на открытое место. Войска Мантейфеля яростно атаковали французов. Мало-помалу они закрепились в небольшом лесу к востоку от Мей, их пришлось отбрасывать яростными контратаками французских войск, которым пруссаки так и не смогли ничего противопоставить, и схватка за этот лес затянулась до наступления темноты.

В 20 часов Штейнмец, добравшись до поля битвы, приказал Мантейфелю и Цастрову отойти назад к Ниду. Это было серьезным шагом. Пока прусские войска могли расположиться биваком на позициях, которыми такой нелегкой ценой овладели, они могли претендовать на победу – и претендовали: их полковые оркестры вовсю наяривали *Heil Dir im Siegerkranz,* и звуки марша гремели над бивачными кострами в долине Вальере. А тихо проследовать назад к Ниду означало бы признать полное поражение. Цастров просто проигнорировал приказ Штейнмеца, Мантейфель вообще отказался получать его, разве что лично из рук Штейнмеца, а приняв, до следующего дня не спешил его выполнять. И в довершение всего ставка короля недвусмысленно дала понять, что одобряет действия подчиненных Штейнмеца. Король приказал войскам оставаться там, где они находились, и на следующий день явился лично поздравить фон дер Гольца. Сам Штейнмец, по-видимому, здорово ломал голову над тем, каким образом неповиновение вышестоящему командиру встретило такое одобрение, в то время как у Шпихерна его инициатива была расценена как злоупотребление.

На следующее утро, 15 августа было в высшей степени непонятно, чего добились пруссаки в бою у Борни (так называемое сражение при Коломбей – Нойи. – *Ред.).* Они, если считать по числу потерь, были в явном проигрыше: почти 5000 офицеров и солдат, в то время как французы потеряли приблизительно 3500 человек – включая генерала Декана, вновь назначенного командующим 3-м корпусом, скончавшегося от полученных ран. Обе стороны утверждали, что победили: пруссаки, овладевшие позициями французов, и сами французы, успешно оборонявшие то, что представлялось им жизненно важным. Истинный итог сражения оказался куда прозаичнее и важнее, чем оборона или захват территории. Базен в ходе своего отступления из Меца потерял 12 крайне важных для него часов (по мнению других военных историков, сутки. – *Ред.).*

Вьонвиль-Марс-ла-Тур

Французы не видели оснований для недовольства событиями 14 августа. Они сражались, как подобает солдатам, и успешно сражались. Хаотичное отступление приостановилось, пруссаков отбросили, и Базен показал себя на поле боя хладнокровным и бесстрашным офицером, и французы теперь воспринимали его как главнокомандующего. Его назначение, как оказалось, и положило начало тем изменениям к лучшему, которых так ждали все. Базена в тот вечер восторженно приветствовала свита императора, а Наполеон III обратился к маршалу со словами: «Вы переломили ситуацию». То, что сражение, пусть и тактически выигрышное, было бедствием в стратегическом аспекте и что задержка, которую оно фактически вызвало, развеяла все надежды на успешный отвод сил на Маас, кажется, никому и в голову не приходило. Начиная с командующих корпусами, ни один офицер французской армии не имел или предположительно не имел представления о намерениях главнокомандующего. Французская традиция, состоявшая в том, что, дескать, военные формирования суть инструмент в руках их главнокомандующего, по-прежнему была в ходу, и, поскольку французской армии не полагалось знать причины ее наступлений и контрнаступлений у границы, она представления не имела о целях битвы, а просто участвовала в ней. Армия понимала лишь то, что не опозорилась, что действовала достойно, а уж углубляться – нет, в этом нужды не было.

Именно в духе этой традиции и был воспитан Базен, именно это и объясняет его не всегда адекватные поступки. Взоры армии, страны и самого императора были теперь устремлены на него в ожидании следующего шага, но маршал все еще не верил, что именно ему сейчас предстояло принять решение, что именно он, а не император осуществлял командование на высшем уровне. И в тот же вечер договорились о продолжении марша на Верден, и Базен уснул с этой мыслью. Как маршал впоследствии заявит, он тогда безумно устал, он несколько дней не слезал с лошади, да и рана здорово досаждала ему. И до 10 часов утра 15 августа приказов на продолжение отступления не поступало, а потом именно они послужили наглядным свидетельством полной неспособности Базена на посту главнокомандующего вооруженными силами страны.

А приказы были таковы. Дивизия 2-го корпуса под командованием Лавокупе, принявшая на себя главный удар в сражении у Шпихерна, остается в гарнизоне крепости. На левом фланге 2-й и 6-й корпуса направлялись по дороге на Верден к Марс-ла-Туру и Резонвилю соответственно, на правом фланге 4-й и 3-й корпуса должны были переместиться в Донкур и Верневиль. Гвардии предстояла переброска в тыл, в Гравлот, а две кавалерийские дивизии должны были прикрывать фланги. Таким образом, вся французская армия, свыше 160 000 человек, включая артиллерию, понтонные мосты, лошадей и 4000 повозок и фургонов войскового подвоза, да еще и повозок, принадлежавших мирному населению, бежавшему из Меца, следовали одной гигантской и плохо охраняемой колонной по одному и тому же маршруту – дороге, извивавшейся по крутым откосам над Мозелем и высотам Розрийо к плато Гравлот. Только в Гравлоте дорога разветвлялась. Сам город Мец являлся достаточно серьезным препятствием для прохода армии, тем более что из памяти не стерлись события, последовавшие за битвой, когда измотанные французские войска очутились в лабиринте узких улочек, где застряли на многие часы в ночь после сражения. И пытаться протолкнуть эту массу по узким проходам города означало задержку, позволившую бы следовавшим ускоренным маршем немцам достичь Меца задолго до французов. Как заявил впоследствии Базен, это дело штабистов проложить маршрут перехода, собственно, так это и было. Вот только он ни словом не обмолвился об этом тем самым штабистам. Приказы поступили непосредственно командующим корпусами, и Жаррас, который и не встречался с Базеном, узнал о переброске только после того, как она уже началась. Лаконичный комментарий Канробера по поводу этих событий, возможно, наиболее точно и

вместе с тем доброжелательно отражает их ход. «Не все могут командовать армией в 140 000 человек, – заявит он позже, – трудно с ней управляться, в особенности если это дело для тебя непривычное».

Головной 2-й корпус мог без труда добраться до Марс-ла-Тура уже к 15 августа, но вследствие противоречивых приказов он вынужден был остановиться в Резонвиле, задержав при этом и 6-й корпус, и гвардию, лагеря которой в Лонжвиле уже оказались под обстрелом немецкой конной артиллерии из-за Мозеля. Лебёф, принявший командование 3-м корпусом минувшей ночью, смог получить лишь его авангард в Верневиле, да и то миновав изрядный участок местности, в то время как Ладмиро решил, что загруженность дорог и усталость его войск свели на нет все надежды на переброску сил 4-го корпуса куда-либо. Можно ли ему, спросил Ладмиро у Базена, воспользоваться дорогой, проходящей на северо-запад через Вуаппи и Брие? Базен ответил, что нельзя. Несмотря на то что гражданские власти посылали сообщения о немецкой кавалерии на Мозеле между Мецем и Тьонвилем, Базен, повинуясь инстинкту, гнал войска ближе и ближе.

Но если угроза с севера была скорее гипотетической, то об угрозе с юга этого сказать было нельзя. Немецкая кавалерия прочно закрепилась на левом берегу Мозеля южнее французских войск, продвигаясь в направлении дороги Мец – Верден. Кавалерийская дивизия генерала Фортона имела задачу прикрывать этот фланг и на ощупь продвигалась к Марс-ла-Туру утром 15 августа, когда на нее обрушились снаряды немецких конных батарей, развернутых на холмах южнее, вокруг Пюксье. Фортон в нерешительности остановился около Марс-ла-Тура, а немецкие конные дивизии галопом примчались на гул канонады. К 11 часам командующий кавалерийскими войсками немцев фон Редерн, поняв, что располагает достаточными силами, стал продвигаться на север, стремясь перерезать главную дорогу на Верден, но его командир дивизии генерал фон Райнбабен, на чью медлительность при принятии решений и отсутствие смекалки уже не раз и не без оснований сетовали немцы, прибыл как раз вовремя и наложил запрет на столь дерзкую операцию. Таким образом, дивизии фон Редерна так и остались стоять, наблюдая за французской кавалерией, и Фортон, поняв, что его от пехотинцев отделяют несколько досадных километров, возвратился в Вьонвиль. Как обычно, французы не предприняли попытки пробить заслон кавалерии и заодно узнать их диспозицию, но не французы, а именно немцы упустили 15 августа великолепную возможность. Другой, куда более решительный командующий, генерал Константин фон Альвенслебен, воспользовался ею на следующий день и исправил ошибки фон Райнбабена.

Базен позже жаловался, что полное отсутствие сведений от гражданских властей о немецком наступлении слева от его войск полностью его дезориентировало и даже носило угрожающий характер, но то, что угроза действительно существовала, было ясно из донесений штабов 1-го и 6-го корпусов, полученных им в тот вечер. Однако ни один из них не побудил его к действию: изданные им вечером 15 августа приказы просто оповещали командующих корпусами быть готовыми к переброске на следующее утро и указывали на необходимость уведомить его относительно их позиций так, чтобы его приказы – «если у меня появится что-либо, чтобы передать вам» – как можно быстрее доходили до них. В ответ на этот приказ Ладмиро указал на невозможность перемещения его корпуса, напрямую заявив, что лучше будет дожидаться наступления немцев, не сходя с места, а не пытаться хаотически наступать, и Базен в 5.15 утра 16 августа нехотя с этим согласился. Марш отложили до полудня, и солдаты 2-го и 6-го корпусов, покончив с приготовлениями, стали ждать команды выступить, которой так и не дождались.

Эта отсрочка, которая и привела к блокированию армии Базена в Меце, объясняется его современниками и некоторыми историками как первый шаг к осуществлению хитроумного, коварного, изменнического плана. Те, кто объявил некомпетентность Базена своего рода предательством, ухватились за то, что отсрочка передвижения армии последовала сразу же после

того, как Наполеон III наконец оставил армию и отправился в Шалон, и поэтому в решении Базена усматривают его стремление оставить войска вообще без командующего, включая и его самого. Нерешительность Базена, его тяга ко всякого рода отсрочкам при принятии решений не нуждаются в столь заумном объяснении, как приведенное выше, но нет никаких сомнений в том, что Базен был от души рад избавиться от императора с его депрессивным фатализмом, его нерешительными попытками вмешаться и длиннющим обозом императорской свиты, который только добавлял проблем с передвижением по уже до предела забитой единственной дороге, вызывая раздражение и презрение военных. Колонны тянулись мимо измученного старика, молча сидевшего возле гостиницы в Пуэн-дю-Жур, и молчание это резко и мрачно контрастировало с шумным восторгом, с которым приветствовали императора при его прибытии в Мец двумя неделями раньше. На рассвете 16 августа Наполеон III оставил свою армию. Когда император заехал попрощаться к Базену, он настаивал на скорейшей переброске войск в Верден, где достаточно припасов. Эскорт драгунов и егерей сопроводил Наполеона III до Вердена через всю местность, где разъезды прусских уланов были повсюду, и там император сел на поезд до Шалона. А позади него уже гремела битва при Вьонвиле – Марс-ла-Туре.

Немцы ничуть не уступали французам, претендуя на победу 14 августа. На следующее утро французы оставили свои позиции и все, что представляло собой поле битвы, и стали отходить. Облака пыли над холмами за Мецем говорили о том, что они решили отступить еще дальше. Сам Мольтке соблюдал осторожность. Возможность мощной французской контратаки по силам 1-й армии нельзя было исключать, и пока угроза существовала, он не желал, чтобы главные силы 2-й армии, стоявшие вдоль Мозеля от Фруара до Меца и настоятельно требовавшие приказа о наступлении, продвинулись еще дальше на запад. Вперед была выслана только конница, и то на разведку для сбора дополнительных сведений и преследования, возможно, отступавшего по дороге на Верден противника. Но к полудню 15 августа Мольтке почувствовал облегчение. И снял все ограничения на продвижение 2-й армии и 10-го корпуса Фойгтс-Ретца, а также 3-го корпуса Константина фон Альвенслебена, продвинувшихся вдоль реки к Тьёкуру и Горжу, едва поступили соответствующие приказы.

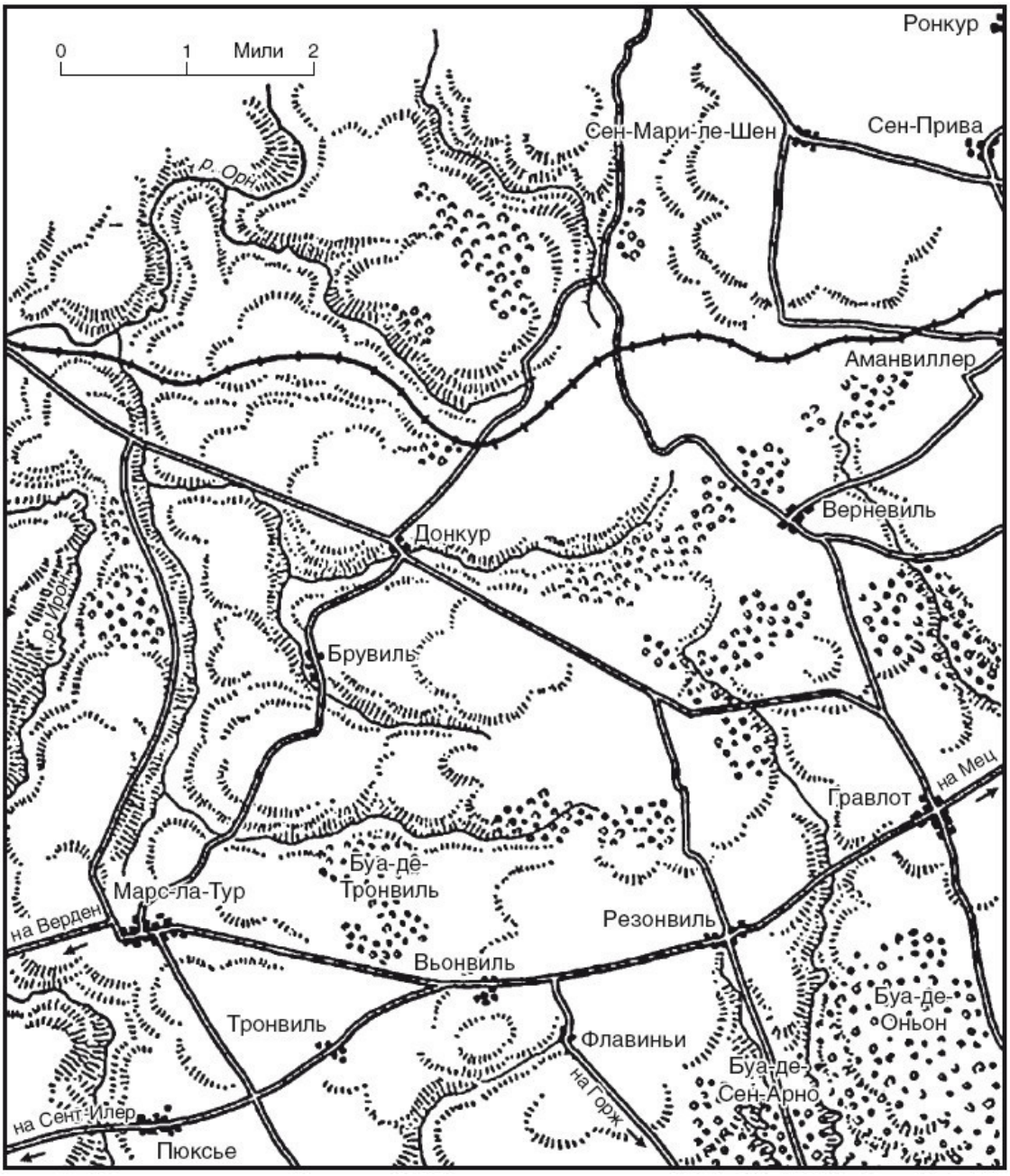
Затем Мольтке, ознакомившись с донесениями, подтверждавшими отступление французов, и увидев обстановку в совершенно ином свете, приступил к планированию переброски сил для решающего и неизбежного сражения. Надежды отыскать решение у Саара улетучились, и он целую неделю просто продвигал вперед перестроенные в боевой порядок и готовые к любому развитию событий войска. Теперь, судя по всему, решение напрашивалось само. В 18.30 Мольтке приказал Фридриху Карлу перейти в решительное наступление на Верден через Френ и Этен, атаковав французов на дороге между Верденом и Мецем. Штейнмец, оставивший армейский корпус на правом берегу Мозеля в Курселе для осуществления контроля над Мецем, должен был с оставшимися частями 1-й армии переправиться через реку, чтобы иметь возможность прийти на помощь своему соратнику. Базену, таким образом, пришлось бы оборонять линии коммуникаций или же оказаться оттесненным дальше от Парижа. Из путаного перечня возможностей наконец вычленилась отчетливая стратегия кампании.

Цель, поставленная Мольтке 2-й армии Фридриха Карла, была весьма туманной, поскольку он знал о войсках противника лишь то, что они находились где-то между Мецем и Верденом, и, отдавая этот приказ, Мольтке не мог рассчитывать на исчерпывающую точность. Увы, но и Фридрих Карл был осведомлен ничуть не лучше. Конные отряды Редерна, хотя и дерзко атаковавшие врага при случае, все-таки не могли представить точных сведений о местонахождении противника. Они обнаружили конницу Фортона во Вьонвиле, но что это были за силы – клин наступления, арьергард, части фланга, – с определенностью утверждать не мог никто. Разумеется, в штабе 2-й армии все были непоколебимо уверены в том, что Базен точно убрался из Меца и на данный момент приближался к Маасу, а возможно, даже и вышел к реке.

И в результате Фридрих Карл в тот вечер издал приказы не на наступление на север, как распорядился Мольтке, а на продолжение преследования противника в западном направлении к Маасу всеми имеющимися силами, исключая лишь части, размещенные у самой оконечности правого фланга. Только 3-му корпусу и следовавшему за ним в значительном отдалении 9-му корпусу было приказано двигаться на север к позициям французов вокруг Вьонвиля: 10-й корпус, следовавший по левую сторону, был перенаправлен на северо-запад к Френ-ан-Вёвру, в то время как 12-й и 4-й корпуса и гвардия продолжали двигаться на запад, удаляясь от противника.

Оплошность эта была легко объяснима. Если мыслить категориями пруссаков, французская армия, использовав в полной мере все имеющиеся в распоряжении и доступные дороги, разумеется, должна была 16 августа добраться до Мааса, и ошибка Фридриха Карла направить свою армию слишком далеко на запад и таким образом обогнать Базена была куда простительнее, чем если бы он направил их слишком далеко на восток и вообще потерял бы из виду. После сражения 16 августа для левого крыла 2-й армии еще оставалась возможность, в полном соответствии со стратегией Мольтке, завершить окружение врага, причем окружить его даже надежнее и быстрее, чем предполагал сам Мольтке. Тем не менее допущенная ошибка возымела серьезные последствия. 16 августа двум корпусам правого фланга немцев, 3-му и 10-му, предстояло безо всякой поддержки сразиться со всей армией Франции. Будь Базен инициативнее, изолированные немецкие соединения, вполне возможно, были бы сокрушены еще до подтягивания ими подкрепления, и французы, одержав победу в отместку за поражение в Шпихерне, возможно, повернули бы либо к Штейнмецу, либо к остаткам 2-й армии и также разгромили бы их. Но подобные сулящие успех решения были не по зубам Базену, но даже ему удалось 16 августа одержать вторую тактическую победу в обороне и закрепиться. Путь к его окончательному краху был вымощен убедительными успехами.

Так выглядела обстановка 16 августа, когда Наполеон III, оставив свою армию, отправился в Шал он. Кавалерийская дивизия Фортона лагерем расположилась во Вьонвиле. В нескольких километрах дальше на восток у Резонвиля расположились 2-й и 6-й корпуса – тоже двумя лагерями, на север и на юг от главной дороги на Верден соответственно. Гвардия оставалась в тылу в Гравлоте. Лебёф собрал большую часть 3-го корпуса севернее в Верневиле – две кавалерийские дивизии, одна из которых следила за подходами с запада, другая осуществляла контроль восточного направления, а Ладмиро, будучи все еще в Меце, пытался перебросить 4-й корпус сразу по всем доступным дорогам. Из немецких войск 1-я армия и с ней 9-й корпус все еще остаются восточнее Мозеля, половина 2-й армии находится южнее Понт-а-Мусона, и в непосредственной близости от французов располагалась кавалерийская дивизия Райнбабена в Пюксье, препятствующая их возможным атакам, около половины 10-го корпуса Фойгтс-Ретца на юго-западе в Тьёкуре, а 3-й корпус Альвенслебена, который, переправившись через Мозель в Корни, пробирался к долинам, ведущим через крутые, покрытые виноградниками холмы выше реки и через деревню Горж к обширному плато между Вьонвилем и Гравлотом, на котором расположились лагерем войска французов.

Вьонвиль – Марс-ла-Тур

Отсрочка Базеном марша привела к всеобщему расслаблению во французских лагерях. Пехота повторно разбивала палатки. Распряженных лошадей вели на водопой. Несколько патрулей, высланных вперед, доложили только об отдельных конниках противника поблизости. Офицеры дивизии Фортона отдавали себе отчет о передвижениях значительных сил у своего западного участка приблизительно в 8 часов утра, но кто-то посчитал, что это, дескать, 4-й корпус своих, и такое совершенно немыслимое объяснение повсеместно приняли за чистую монету. Миновал без малого час, пока темные массы на горизонте подошли достаточно близко, чтобы понять, что это все-таки немцы, и потом, не успели французы опомниться, как вокруг Вьонвиля загремели разрывы их снарядов. Изумлению французов не было границ.

Эти немцы оказались 5-й кавалерийской дивизией Райнбабена. Потребовались все командные полномочия Фойгтс-Ретца, чтобы убедить его сдвинуться с места. Стоит добавить, что Райнбабен понимал, что имеет дело не с арьергардом, а со всей французской армией. Фойгтс-Ретц думал иначе, но его начальник штаба полковник Каприви разделял мнение о том,

что большая часть французской армии еще не миновала Марс-ла-Тур. Отсюда у немцев было даже больше оснований атаковать французский лагерь во Вьонвиле, и соответствующие приказы на эту атаку Каприви передал Райнбабену лично в руки в ночь на 15 августа.

Райнбабен выразил протест. Подобные проявления неповиновения начальству вообще-то были для него нетипичны, и, только узнав о том, что 3-й корпус стал перемещаться на его правый фланг, он согласился выступить. На взгляд нетерпеливого, умного и амбициозного Каприви, который в свое время сменит Бисмарка на посту имперского канцлера, атака была проведена невыносимо медленно и нерешительно. Артиллерийский обстрел все-таки напугал французов, и попыток контратаковать они не предпринимали. И атаки лагеря французов, о проведении которой распорядился Фойгтс-Ретц, так и не последовало, и когда около 9 утра авангард конницы Альвенслебена появился на высотах к югу от Резонвиля, он обнаружил, что весь лагерь французов приведен в готовность, и был вынужден отойти под интенсивным огнем врага.

Константин фон Альвенслебен, самый способный из командующих корпусами Фридриха Карла, не сомневался, что французы вовсю продвигаются к Вердену и лучшее, что мог предпринять 3-й корпус, – отрезать их арьергард. 6-я кавалерийская дивизия, расчищавшая дорогу его пехоте, продвинувшись севернее Горжа, доложила о сосредоточенных все еще крупных силах у его фронта, и огонь, заставивший отступить их аванпосты, подтвердил это. Тем лучше: чем больше французов отрезано от своих главных сил, тем успешнее исход боя. Поэтому Альвенслебен бодро двинул в бой свой корпус, не потрудившись выяснить численность французов. В то время как его 5-я дивизия атаковала врага в лоб с юга, 6-я дивизия, круто повернув на запад, перерезала дорогу Верден – Марс-ла-Тур.

Операция могла считаться успешной даже при условии, что командующий верно оценил численность сил противника как незначительную. Но ввиду того, что на самом деле численность французов была намного большей, бросаться в атаку было со стороны фон Альвенслебена чистейшим самоубийством, и благодаря канонаде Райнбабена, толку от которой было мало, эффект внезапности был безвозвратно утрачен. К тому времени, когда пехота Альвенслебена появилась из долины в районе Горжа и стала развертываться на плато, французский 2-й корпус был готов отразить нападение пруссаков. Дивизия Батая удерживала деревню Вьонвиль и крохотную деревню Флавиньи, расположенную в 800 м юго-восточнее, а дивизия Верже, рассредоточенная на полях к юго-востоку от Резонвиля, левым флангом уперлась в глубокую долину, отделявшую плато Резонвиля от Буа-де-Оньон на востоке. 6-й корпус был развернут справа от них к северу от дороги на Верден, а 3-й корпус с гвардией составили дополнительные эшелоны поддержки обороны на северном и западном направлениях.

На фоне сосредоточения таких сил 3-й корпус немцев всерьез принимать было нельзя. Альвенслебен сначала попытался развернуть артиллерию на отлогих и голых высотах к югу от Флавиньи, однако решительная атака французских пехотинцев убедила командующего в том, что это несколько опрометчивый шаг. Подоспевшая пехота фон Альвенслебена не смогла существенным образом повлиять на обстановку. В подлеске Буа-де-Сен-Арно правое крыло немцев успеха не добилось, в то время как на открытых склонах дальше на запад части 5-й дивизии фон Штюльпнагеля, появившиеся из долины у Горжа и предпринявшие пять попыток атаковать, понесли тяжелые потери вследствие контратаки французов и их артобстрела. От немецких офицеров потребовалось немалое мужество, чтобы убедить своих солдат устоять перед надвигавшейся на них массой французов. Враг бесстрашно наступал, помогая себе метким и интенсивным огнем. Под натиском атаковавших французов пруссаки вынуждены были отойти назад в долину у Горжа. Но у Фроссара, перестроившего свой корпус в одну линию, не было резервов для подобной операции, да и Базен не предоставил ему ни приказов, ни резервов для ее выполнения. Поэтому его контратаки носили характер локальных и чисто оборонительных. И невзирая на то, что солдат Штюльпнагеля отогнали, своими атаками они сумели

добиться одного весьма важного результата – к 11 часам на высотах, расположенных южнее и юго-восточнее Флавиньи и доминировавших над позициями французов, были развернуты артиллерийские позиции – 15 батарей немцев.

Между тем Альвенслебен все же изыскал способ решения столь гигантской задачи, которую вначале недооценил. Он встретился с Райнбабеном, который упавшим голосом заверил его, что они, мол, в клещах врага, без арьергарда, а противостоит им вся французская армия. И если все так и есть, единственный способ избежать катастрофы – это убедить французов в том, что и перед ними вся германская армия, а это возможно лишь одним способом – смелыми, дерзкими атаками компенсировать малочисленность сил и вооружений. Трудно вообразить себе более ответственного и оправданного обстановкой решения, тем более принимаемого на поле битвы, причем безо всякого промедления, не говоря уже о том, чтобы выполнить его. Марш 6-й дивизии на север к Марс-ла-Туру был остановлен в Тронвиле, но Альвенслебен, вместо того чтобы направить силы в восточном направлении, распорядился ударить французам в лоб, атаковав их позиции во Вьонвиле и Флавиньи. Условия для атаки были неплохими: силы были равномерно распределены по численности, и преимущество французов в их винтовках Шаспо перевешивалось снарядами, которыми теперь немецкие артиллеристы беспрепятственно осыпали со своих удобных позиций ничем не защищенные толпы французов. Сам Вьонвиль удерживал лишь егерский полк – точку соединения сил Фроссара и Канробера, причем оба норовили спихнуть друг на друга ответственность за его оборону, – и деревня пала после непродолжительного боя. Но французы сразу же повернули интенсивный огонь артиллерии на нее, что не позволило немцам там удержаться. Немцам следовало поторопиться, если они вообще намеревались оборонять Вьонвиль, и, продвигаясь к Резонвилю, они натолкнулись не только на дивизию Батая из 2-го корпуса, но и на не участвовавший в бою и повернутый на север 6-й корпус Канробера. Атаковавшие овладели несколькими пылающими хибарами деревни Флавиньи, но дальше продвинуться не смогли. Наступление 3-го корпуса было остановлено.

Было уже около 11.30, и стороннему наблюдателю могло показаться, что положение немцев отчаянное. 3-й корпус полностью был в бою и нес большие потери, и только 10-й корпус, срочно вызванный Каприви, смог прибыть к нему на помощь. Во французской армии уцелевшие линии 2-го и 6-го корпусов усилились с подходом 3-го корпуса из Верневиля и гвардии из Гравлота, и к тому же далее на севере Ладмиро, заслышав шум боя, привел в движение свой 4-й корпус и вскоре смог атаковать незащищенный левый фланг Альвенслебена. Французам всегонавсего был необходим командующий, который разобрался бы в сложившейся обстановке и, исходя из нее, издал бы разумные приказы, которые привели бы их к победе. Такой командующий, способный, едва взглянув на столь обширное поле битвы, с ходу определить, что к чему, вероятно, был бы фигурой из области фантастики, если не считать великого Наполеона I. Совершить маневр сил такой численности – 5 корпусов или, в общей сложности, 160 000 человек – во встречном бою, разыгравшемся на площади около 75 квадратных километров, выступив против решительно настроенного врага, к тому же неизвестной численности, – для этого требовались незаурядные умения даже от выдающегося полководца, каковым маршал Базен не был. Ведь на самом деле Базен вновь продемонстрировал свойственные ему отвагу и бесстрашие, но, в то же время, полнейшую несостоятельность как командующий. Присущая ему одна только храбрость, по признанию одного из его командующих корпусами, обернулась скорее против него, ибо никто никогда не мог найти его на поле битвы. Он ни на минуту не задумывался, что способен разгромить немцев. И даже не попытался зачистить от противника дорогу на Верден, перекрытую вследствие захвата Альвенслебеном Вьонвиля. Вместо этого он был одержим угрозой своему левому флангу – то есть возможным ударом противника, который отрежет его от базы в Меце. Имея крепость в тылу, он не мог допустить подобного, но бросить ее и наступать, будучи уверенным в победе, означало бы забыть о безопасности, поставив

под угрозу армию, которую – и это Базен к тому моменту уже понимал – он не был способен повести за собой. Таким образом, на 16 августа Базен все силы бросил на оборону коммуникаций с Мецем, игнорируя правый фланг, где победа, вполне возможно, могла бы достаться ему без особого труда. Он сосредоточил внимание на том, чтобы избавить себя даже от намека на угрозу удара слева, накапливая вокруг Резонвиля огромное количество войск – гвардии, 2-го корпуса, левого крыла 6-го корпуса и даже бригады 3-го корпуса – с тем, чтобы отразить «неприятельские массы», которые, по его мнению, вот-вот должны были устремиться из долины с юга, то есть на него.

И Фроссар не смог усмотреть благоприятной для французских сил ситуации – его корпус все утро поддерживал главный удар атаки, и его правый фланг, выдавленный из Вьонвиля, удерживался с величайшим трудом. Батай был ранен, и позиции его дивизии, казалось, с минуты на минуту рухнут. И, что странно, Фроссар запросил у Базена подкрепление не в виде пехотинцев 6-го корпуса, готовых действовать, а кавалерию – то есть войска, которые в подобных обстоятельствах бросают в бой лишь в самом крайнем случае, когда уже просто никого больше не остается.

Базен не стал возражать и приказал полку кирасиров гвардии поддержать полк уланов, уже имевшихся в распоряжении Фроссара. Полковник гвардии, как явствует из одного отчета, категорически возражал против конной атаки на пехотинцев, на что Базен ответил со свойственным французам неуместным драматизмом: «Жизненно необходимо остановить их: мы должны пожертвовать полком!» Таким образом, сначала атаковали уланы, а потом и кирасиры, подняв сабли с криками *Vive Г Empereur!* прямо по пашне, что несколько нарушало их парадный строй, устремились на немецких пехотинцев, дожидавшихся атаки французов у Флавиньи. Несколько залпов мигом превратили величавых кирасиров в бесформенные груды истекающих кровью тел, в то время как уцелевшие неслись как безумцы по полю битвы, пока их не окружили и не отбросили к исходным рубежам немецкие гусары и драгуны бригады фон Редерна, на всем скаку контратаковавшие французов. Базен, наблюдавший за разгромом своей кавалерии, собрался было ввести в бой артиллерийские батареи для отражения контратаки, но был внезапно окружен сначала немецкими всадниками, затем французскими кавалеристами, примчавшимися ему на выручку, и невольно оказался в самой гуще вспыхнувшей схватки. Теперь уже настала очередь немцев отступить. Атаки кавалеристов, как французских, так и немецких, представляли собой захватывающее зрелище, однако толку от них не было никакого.

Базен мог и не догадываться об уязвимости левого фланга немцев севернее Вьонвиля, но для Альвенслебена это обернулось кошмаром. Каприви уверял его, что 10-й корпус уже на подходе и именно здесь его присутствие и сыграет роль, но уже миновал полдень, и клубы пыли на севере говорили о том, что как минимум еще один французский корпус вот-вот атакует никем, кроме разве что конницы, не обороняемый фланг. Фон Альвенслебен торопливо увел свои последние батальоны в Буа-де-Тронвиль (Тронвильский лес), лежавший к северо-западу от Вьонвиля, и уже на выходе из него немцы попали под огонь 6-го корпуса. Действительно, артиллерия Канробера, развернутая вдоль склонов к северу от дороги Вьонвиль – Резонвиль, в упор расстреливала немецкое левое крыло, и, чтобы предотвратить крах, Альвенслебен, уже почти лишившийся пехоты, решил призвать на подмогу кавалерию. Обе немецкие кавалерийские дивизии были сосредоточены позади левого фланга на пике кризиса, и доступнее всего оказались солдаты из бригады фон Бредова. Заряжать орудия не входило в круг обязанностей командующего кавалерийскими силами. Бредов не стал сетовать на это, но не торопился выполнить свою миссию. Необходимо было организовать силы бригады, не позабыть о прикрытии флангов, и только к 14 часам фон Бредов был готов к бою.

«Лихая атака фон Бредова» стала, вероятно, последней успешной кавалерийской атакой в истории войн Западной Европы. Успех этой операции неоднократно отмечали в течение следующих 40 лет военные историки, постоянно приводя рейд фон Бредова в качестве доказа-

тельства тому, что конница не была анахронизмом в сражении, что катастрофы в Морброне и Седане и участь французской гвардии в Резонвиле были скорее исключениями, а успех фон Бредова – правилом. Его победа, вне всякого сомнения, заслуживает самого пристального внимания. Шесть эскадронов фон Бредова, частично укрытых в лощине к северу от Вьонвиля, сумели приблизиться на несколько сотен метров к французским батареям, и, вырвавшись из облаков дыма, атаковать их в лучших традициях Наполеоновских войн. Французская пехота, сильно поредевшая вследствие артиллерийского огня немцев, на отдельных участках стала отходить от батарей, а оставшиеся солдаты уже не могли ответить противнику плотным огнем. Немецкие кавалеристы, добравшись до развернутых на склоне артиллерийских позиций, овладели ими, но превосходящие по численности конников французы – две бригады кавалерийской дивизии Фортона – нанесли фон Бредову удар во фланг. Оставшиеся в живых, выйдя из рукопашной схватки, вернулись на свои позиции под ураганным огнем пехотинцев. Из 800 вступивших в бой кавалеристов фон Бредова осталось лишь 420. Но цель была достигнута: разгромленные артиллерийские позиции 6-го французского корпуса уже так и не оправились от нанесенного им удара, и угроза немецким позициям у Вьонвиля была на какое-то время ликвидирована.

Едва завершилась эта рукопашная схватка, как Альвенслебен понял, что над его левым флангом нависла куда более серьезная угроза. Ладмиро наконец перебросил 4-й корпус на правое крыло французской армии, и его солдаты вытесняли прусскую пехоту у себя по фронту из рощи Буа-де-Тронвиль за дорогу на Верден и назад до самого Тронвиля. Отступила и кавалерия, прикрывавшая немецкий фланг. Кавалерийская дивизия генерала Дю Бареля, прикрывавшая правый фланг французов, сумела, не встречая сопротивления, продвинуться к Марс-ла-Туру. Немцы оказались охвачены с фланга. Ладмиро выдвинул свой авангард к дороге на Тронвиль. Овладеть Тронвилем ничего не стоило, но генерал Гренье, его командующий головной дивизией, колебался. Разумнее было дождаться подкреплений: пруссаки собрали всех, кто у них был, и вполне могли оказать упорное сопротивление. Ладмиро согласился с этим. Было бы неразумно вводить его войска по частям, а его вторая дивизия подтянется лишь полчаса спустя. И эта непродолжительная задержка похоронила победу французов. Еще до прибытия второй дивизии 4-го корпуса численность колонн войск противника вокруг Тронвиля стала увеличиваться, и Ладмиро, толком не понимая, что это могло бы предвещать, задержал своих солдат и занял выжидательную позицию. Наконец, на поле битвы появился 10-й корпус.

Сам Фойгтс-Ретц был радом в течение нескольких часов. В то время как его армейский корпус прошел на Сент-Илер, он двинулся по следам полковника Каприви, скорее из-за утверждения его начальника штаба о том, что французы все еще остаются на северо-востоке. Приблизившись к полю битвы, определив его по шуму боя, он убедился в правоте Каприви. Фойгтс-Ретц тут же приказал своим войскам атаковать артиллеристов. 20-я дивизия, только что вышедшая к Тьёкуру из Понт-а-Мусона, подошла сразу и приблизительно в 15.30 после почти 20-километрового марша вступила в бой, придя на помощь прусским частям, все еще державшимся в углу тронвильского редколесья. Вторая дивизия 10-го корпуса, 19-я, под командованием генерала фон Шварцкоппена, следуя из Сент-Илера, была направлена в атаку на фланг Ладмиро.

Этот приказ возымел почти катастрофические последствия. Солдаты Шварцкоппена, в сомкнутом строю, без авангарда, не встречая сопротивления, миновали Марс-ла-Тур, но, пройдя еще 800 метров на север, внезапно на расстоянии менее 300 метров увидели синие мундиры расположившихся на зеленой траве долины французских пехотинцев. Оказалось, что немцы, хоть и собирались нанести фланговый удар Ладмиро, вышли не к его флангу, а прямо к фронту. Это были солдаты части дивизии Гренье, отдыхавшие под деревцами рощи Буа-де-Тронвиль после победного боя, и вторая дивизия под командованием Сиссе немедленно явилась им на выручку. Времени на артобстрел уже не оставалось, немецкая пехота широкими

колоннами с ходу атаковала французов в долине. Но ни один солдат так и не сумел перейти эту долину – французские винтовки Шаспо пригвоздили их к земле. Солдаты, спустившись в долину, залегли там, не отваживаясь и шевельнуться. И французы минут десять расстреливали эту инертную, бесформенную массу, после чего по команде офицеров с барабанщиками впридачу с криками стали преследовать по усеянным телами погибших склонам спасавшихся бегством пруссаков.

На мгновение показалось, что целое немецкое крыло вот-вот рухнет. Беглецы вперемежку с лошадьми заполнили шоссе, а в Тронвиле Каприви приказал сжечь всю документацию 10-го корпуса. Это был самый подходящий момент для французской конницы атаковать. Однако Ладмиро снова колебался. Ему не хватало одной дивизии, но эта нехватка еще больше украсила бы его победу. Хотя перейти в наступление в целом было рискованной затеей. И снова Фойгтс-Ретц принял быстрое решение, которое выставило напоказ слабость его противника. Он не позволил отступать ни на шаг. Вместо этого он, как Альвенслебен тремя часами ранее, послал за конницей. Три дивизии гвардейских драгунов и две кирасиров не спеша последовали на север в дыму, навстречу спасавшимся бегством солдатам дивизии Шварцкоппена, и натолкнулись на французских пехотинцев – как раз когда те выбирались из долины, намереваясь преследовать противника. Солдаты Сиссе тут же перешли к обороне и открыли огонь, но из-за этой вынужденной остановки пыл преследования улетучился. Ладмиро через нарочного отдал им приказ возвратиться через долину, и последняя надежда на зачистку дороги на Верден рухнула.

У Ладмиро на самом деле были все основания для волнений за участь его собственного фланга, упиравшегося в дорогу, проходившую севернее Марс-ла-Тура. За этой дорогой далеко на запад к долине реки Ирон протянулась поросшая травой полоса, – казалось, идеальное место для кавалерийской атаки, и к такой атаке уже готовился Райнбабен. Ладмиро было чем ответить Райнбабену – он располагал и собственной кавалерией, дивизией Дю Бареля 3-го корпуса, оборонявшей фланг всей армии, и при виде надвигавшихся колонн Райнбабена приказал ввести в бой эту дивизию. Правда, он поторопился с приказом: французская кавалерия прикрывала полосу примерно 700 с лишним метров и атаковала колонны немцев в довольно хаотичном порядке, но эффект внезапности был налицо, а ведь это была только первая волна атаки французов. Все больше эскадронов, французских и немецких, сходились в гигантском единоборстве, и в конце концов число их достигло 40 – егеря, уланы, драгуны, гусары. В этой неразберихе мудрено было разобраться, где свои, а где чужие. Как только схватка достигла пика, стало невозможно понять, кто кого побеждает. Немцы утверждали, что именно они оттеснили французов к Брувилю, французы – что, заслышав горн где-то в тылу, они сознательно вышли из боя[23]. Как бы то ни было, ни о каком преследовании отступавших и речи не могло быть. Постепенно огромная масса неравными группами стала отходить, отступали и опьяненные победой немецкие эскадроны, направлявшиеся к Марс-ла-Туру.

Уже было 19 часов, и день клонился к вечеру. Сражение разыгралось по всему фронту, начиная от склонов южнее Резонвиля, где утром того же дня 5-я дивизия Штюльпнагеля наступала на Вьонвиль и Флавиньи, обороняемые и удерживаемые 6-й дивизией, от склонов к северу от дороги на Верден, где фон Бредов нанес удар по артиллерийским позициям Канробера, через редколесье у Тронвиля, вдоль долины к северу от Марс-ла-Тура, усеянной телами вестфальцев, и до самого поля у реки Ирон, где и разыгралась описанная выше невиданная схватка сил кавалерии. После битвы на линии противостояния наступило почти затишье. Пехота время от времени постреливала, не дремали и артиллеристы, однако по мере истощения запасов боеприпасов интенсивность артогня падала. В этой перестрелке немецкие артиллеристы, едва

[23] Однако Journal de Marche дивизии Клерембо, которая слишком поздно пришла на подмогу, утверждает, что французская кавалерия уподобилась «беспорядочно отступавшей запуганной массе». – *Авт.*

выстроив орудия дугой, обрели явное преимущество. И хотя доставка боеприпасов была и оставалась их головной болью, да и их снаряды нередко не разрывались, увязая в раскисшей земле, но ни одной батарее французов так и не удалось устоять под их огнем. При поддержке артиллерии немцы удерживали захваченные утром позиции до самого вечера. Но и французы не уступали – продолжали удерживать позиции, и когда во второй половине дня подкрепления из состава 10-го корпуса подтянулись к правому крылу немцев на помощь 5-й дивизии и попытались вновь штурмовать гребень высот к югу от Резонвиля, они во второй раз были отброшены интенсивным огнем винтовок Шаспо.

Утихнув на западной оконечности фронта, сражение с новой силой возобновилось к югу от Резонвиля, то есть там, где началось. Обеспокоенность Базена судьбой своего левого крыла оказалась оправданной. За Мозелем Штейнмец, заслышав шум боя, поспешно выдвинул свой 8-й корпус через узкий мост в Корни, и его головное соединение, за которым следовали части 9-го корпуса, около 17 часов начало подъем через долину Горжа. Сил, сосредоточенных Базеном вокруг Резонвиля, было вполне достаточно для сдерживания только что подоспевших немцев, и бой затянулся до наступления темноты.

В конце концов, атака немцев на этом участке получила еще один стимул. Приблизительно в 16 часов на поле битвы появился командующий 2-й армией Фридрих Карл, который до полудня не знал, что от Альвенслебена зависела участь всей французской армии. По прибытию он распорядился о начале серии атак на левом фланге, которые Фойгтс-Ретц, пытаясь удержать Тронвиль под ударами Ладмиро, не мог провести. Командующий армией, как и кронпринц Фридрих Вильгельм при Фрёшвийере, никак не мог повлиять на ход сражения, но когда появились 8-й и 9-й корпуса, он ориентировочно на 19 часов назначил атаку на Резонвиль в попытке окончательно решить вопрос с овладением городком до наступления следующего дня. Атака вышла беспорядочной – пехота на правом крыле уже вела бой, а командующий силами артиллерии уже приказал отвести орудия, – но на удивление эффективной. Французы на дороге на Вьонвиль были захвачены врасплох. Две бригады прусской конницы вклинились в ряды французов, вызвав панику среди солдат, бросившихся врассыпную и заполнивших улицы Резонвиля. Но уже наступила темнота – на самом деле стало слишком темно и для атак, и для контратак, и сражение по всему фронту – от Резонвиля до Марс-ла-Тура – утихло.

Потери обеих сторон были большими. Немецкая официальная история приводит цифру своих потерь в 15 780 человек, французы своих – 13 761 офицеров и солдат[24], но вновь обе стороны были уверены в своей победе. Два немецких корпуса высокой ценой сдержали всю французскую армию. Об этом расхождении цифр французы пока что не знали. Они выстояли, успешно защитили свои позиции и завалили местность грудами вражеских трупов. Вновь они разгромили силы немцев, вновь Базен продемонстрировал на поле сражения чудеса храбрости, так что вполне можно было ожидать наступления уже на следующий день, добить врага и продолжить марш на Верден.

Базен между тем, пробиваясь через необозримые толпы раненых и нераненых, устремлявшихся по дороге из Резонвиля в Гравлот, возвратился в гостиницу, где минувшей ночью останавливался Наполеон III, и оценил обстановку. Маршал по крайней мере не тешил себя иллюзиями относительно исхода сражения. Немцы перерезали дорогу к Вердену через Марс-ла-Тур, свободен был путь лишь в северном направлении через Этен, и почти не оставалось надежды на то, что в ходе марша на север его армия не встретит сопротивления. Более того, хотя его армия только что оставила Мец, вся система войскового подвоза рухнула окончательно. Длинная, беспорядочная колонна повозок – почти 5000 – рассыпалась при грохоте раз-

[24] Германский Генштаб, изучив приведенные французами цифры, посчитал их заниженными и привел свои – 744 офицера и 10 743 солдат убитыми и ранеными, 93 и 5379 пропавшими без вести (Kriegsgesch. Einzelschr. XI 664–665). Такое большое число пропавших без вести объясняется лишь поспешным отступлением французов на следующий день, оставивших своих раненых немцам. – *Авт.*

рывов вражеской артиллерии. Кое-кто из нанятых возницами мирных жителей тут же повернул назад в Мец, прихватив с собой лошадей и бросив повозки, перекрывшие единственную дорогу. В другом месте с повозок сбрасывали на землю груз, чтобы облегчить передвижение или же чтобы уложить раненых. Безхозный груз был свален вдоль обочин дороги, а потом его сжигали, не желая оставлять врагу. Корпуса Фроссара и Канробера в тот день остались без подвоза, а припасы, палатки и многое другое попали в руки противника. И потом существовала проблема с боеприпасами, в особенности с артиллерийскими зарядами. Генерал Солейль, командующий артиллерией армии, был крайне обеспокоен расходом боеприпасов в ходе сражения и требовал пополнить их запасы из арсеналов в Меце. Наконец, в армии воцарился хаос, и для наведения порядка требовался как минимум день. Лад-миро подтянул 4-й корпус к исходным рубежам в Донкур, но на центральном участке части 3-го и 6-го корпусов перемешались, и на 3-километровой полосе территории между Гравлотом и Резонвилем теснилось около девяти пехотных дивизий, трех кавалерийских и огромное количество артиллерии. Казалось, упорядочить такую массу и подготовить ее к организованному маршу к следующему утру было просто невозможно. Базен принял решение и в 23 часа отписал Наполеону III. Нехватка боеприпасов и всего необходимого, объяснял он, вынудила отступить к линии, проходящей с севера на юг от Сен-Прива до Розерёля для пополнения запасов и переформирования перед маршем, который пройдет, вероятно, по дороге на Этен. Час спустя командующим корпусами поступили приказы: армии отступить, марш начнется через четыре часа.

Утром 17 августа французская армия, раздраженная и даже озлобленная, отступала назад к Мецу. У Жарраса не было времени разрабатывать маршруты и графики следования для колонн, так что неразбериха была еще большая, чем неделей ранее. Пройти требовалось 5–7 километров, но армии потребовалось на это свыше восьми часов. Многие части и подразделения добрались до мест назначения лишь поздно ночью, потратив целый день на перенаправления и задержки. Голодные и злые солдаты, маршировавшие вдоль своих же маршрутов войскового подвоза, захватывали все съестные припасы, которые интенданты тщетно пытались защитить. Путь отступления отмечался подожженными и опустевшими складами, а в Резонвиле бросили не только склады, но и раненых и врачей из-за отсутствия транспорта. Командующие корпусами в донесениях Базену жаловались на грабежи, на недисциплинированность, на отсутствие боеприпасов и провианта. Канробер, в частности, оставивший большую часть своей артиллерии в Шалоне, сообщал об острой нехватке всего необходимого и возражал против позиций, выделенных ему вокруг Верневиля, которые оказались выдвинуты вперед, дальше остальных войск вдоль гребня от Аманвиллера до Пуэн-дю-Жура. Защищать такие позиции на ровной и перемежавшейся лесами местности представлялось почти невозможным. А может, все же можно, осведомлялся Канробер у Базена, попытаться разместить корпус в деревне Сен-Прива, расположенной на гребне высоты к северу от Аманвиллера, где весьма благоприятные возможности для обстрела? Базен не мог не уступить старому герою и позволил Канроберу действовать на свое усмотрение. Поэтому французские позиции, первоначально эшелонированные в глубину, теперь вытянулись в линию. Их сектора обстрела располагались прямо по фронту – вести огонь по вытянутым в длину голым склонам, типичным для этой части Лотарингии, было весьма удобно. Левый фланг упирался в крутые лесистые долины, прорезавшие плато от долины Мозеля. Но правый фланг в Сен-Прива как бы повис в воздухе. И обороняло его самое слабое и малочисленное соединение Рейнской армии, к тому же соединение это прибыло к месту назначения затемно, солдаты изнывали от недосыпания, усталости и голода, ни времени, ни сил для рытья траншей даже при наличии лопат, которых, кстати, не было, просто не оставалось.

Базен, которого до сих пор тревожила оборона его левого фланга, развернул ставку позади своего левого крыла в Плаппевиле. Распределение поставок для его неорганизованных сил предоставило маршалу отсрочку в несколько дней перед тем, как приступить к планиро-

ванию активных операций, и он 17 августа буквально завалил Шалон сообщениями, высылаемыми и нарочными, и по телеграфу в ответ на тревожные запросы Наполеона III. Он, по его словам, собрался прибыть в Верден через два дня, «если это не скомпрометирует армию». Но, признавал Базен, предпринять сейчас операцию означало бы столкнуться с серьезными трудностями. А что, он на самом деле рассчитывал попасть в Верден? Это же противоречило тому, что он сам утверждал. Следственной комиссии правительства национальной обороны он впоследствии заявил, что да, он действительно на это рассчитывал. «Я подумал, что, проводя одно или, возможно, даже два оборонительных сражения на позициях, которые я считал неприступными, я измотаю противника, вынуждая его нести тяжелые потери, которые в случае, если он не оставит своих попыток, ослабят его настолько, что он пропустит меня, не имея возможности создать для меня серьезных помех». Однако судьям на процессе Базен заявил, что «верил, как верил и сам император, что, предоставив Шалонской армии время на переформирование, он значительно увеличит ее численность, которая позволит ей дойти сюда и освободить нас». Легко поверить, что эти заявления были не больше чем мудростью задним числом, и трудно поверить в то, что у Базена 17 августа вообще имелись какие-либо планы. Этот человек жил одним днем, ограничиваясь рутинным администрированием, решением вопросов, суть которых понимал, свято веруя в сопутствующее ему везение[25].

Мольтке впервые услышал о сражении у Вьонвиля, прибыв в Понт-а-Мусой днем 16 августа. В донесениях из штаба 2-й армии его значимость по-прежнему преуменьшали: до сих пор считалось, что речь шла об установлении местонахождения «крупных сил противника», с которыми правое крыло армии вполне в состоянии справиться, и Штиле предложил оставшимися у него силами оттеснить французов, как и было оговорено ранее, к Маасу. Но Мольтке усматривал в создавшейся обстановке больше возможностей. Маас был не столь важен: самым главным сейчас было вынудить силы французов пойти севернее Парижа, и чем значительнее будут силы в распоряжении Альвенслебена, тем лучше. «Чем больше неприятельских сил выступит против 3-го корпуса, тем больший успех ждет нас завтра, – писал он, – когда мы сможем развернуть против неприятеля 10, 3, 4, 8, 7-й корпуса и в конечном счете даже 12-й». В приказах Мольтке в тот вечер фигурировали куда более амбициозные цели. Французов предстояло гнать «до люксембургской границы, а потом и по их собственной территории». Так формировалась стратегия окружения.

Поэтому 17 августа Штейнмец выдвинул силы своей 1-й армии за Мозель, и Фридрих Карл повернул всю свою 2-ю армию к северу к полю битвы предыдущего дня. Там измотанные дивизии Альвенслебена и Фойгтс-Ретца, с волнением ожидавшие возобновления французами атаки, изумились и восхитились, когда, вместо того чтобы атаковать, неприятель исчезал где-то в северо-восточном направлении. Куда они шли? Назад в Мец, на север от Тьонвиля, или у Этена на Верден? Немцы, что любопытно, и не попытались в точности выяснить это. На правом фланге к востоку от Резонвиля обе армии поддерживали тесный контакт, и Штейнмец, направив свой авангард за Мозель, ясно видел позиции французов на склонах вокруг Пуэндю-Жура, защищенные глубокой впадиной долины Мане. Но на другом участке контакт был полностью потерян, и немецкая конница слишком поредела после операций предыдущего дня, чтобы думать о его восстановлении. Мольтке, кроме того, стремился избежать раньше времени ввязываться в бои, прежде всего необходимо было сосредоточить все имеющиеся у него силы, и Штейнмецу было недвусмысленно заявлено об этом, чтобы старый упрямец не мог истолковать приказ по-своему. 1-я армия по обе стороны Мозеля южнее Меца должна была действовать

[25] Как считал Жаррас, «не умея установить план действий, он брел на ощупь, без четкой и конкретной цели, не желая идти на компромисс, ожидая, когда события откроют новые горизонты, которые позволили бы ему, прибегнув к более или менее сомнительным средствам, сберечь если не свою армию, то хотя бы себя и свои интересы. Разве ему не везло даже, казалось, в безнадежных ситуациях? За неимением лучшего он отказался от риска, как последнего средства тех, кто больше не полагается на себя». – *Авт.*

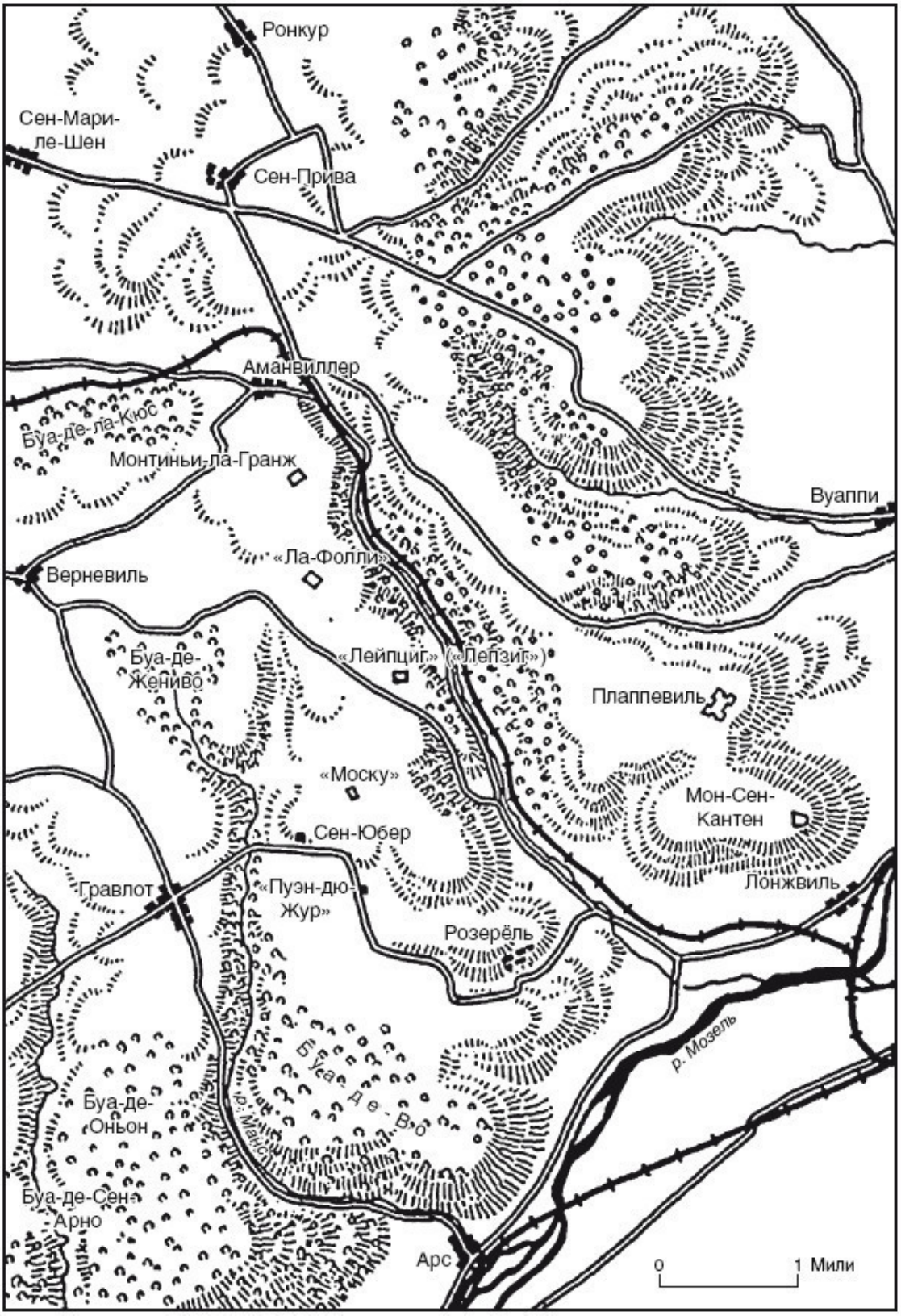
просто как некая опорная точка, вокруг которой 2-я армия должна была с юга совершить заход широким фронтом.

От высот к югу от Флавиньи Мольтке видел клубы пыли, поднятые войсками французов, нерешительно направлявшихся через равнину в северном и восточном направлениях. Слишком далеко они отойти не могли, и разосланные на следующий день Мольтке и Фридрихом Карлом приказы предусматривали, что корпуса 2-й армии продвинутся на север в роли загонщиков, с неглубоким эшелонированием по левому флангу от линии Резонвиль – Марс-ла-Тур, и будут готовы встретить противника и с севера, и с востока. Такая диспозиция была весьма разумной, но если бы Мольтке все-таки провел разведку, то убедился бы, что французы останавливаются вдоль линии, проходящей точно под прямым углом к направлению его удара, занимая позиции, с которых они уже на следующий день при наличии инициативного командующего смогли бы нанести немцам мощный фланговый удар. Мольтке крупно повезло, что и в тот день, и в ходе кампании в целом у французов не нашелся военачальник, который стал бы достойным противником Мольтке, способным мгновенно воспользоваться допущенной им ошибкой.

Гравлот-Сен-Прива

Сражение между Гравлотом и Сен-Прива 18 августа отличалось от предыдущих и масштабами, и типом. И дело было не только в том, что в этом единоборстве впервые сошлись колоссальные по численности войсковые группировки обеих сторон – немцы: 188 332 солдата и офицеров и 732 артиллерийских орудия, французы: 112 800 человек и 520 артиллерийских орудий, – это сражение было преднамеренной и ожидаемой акцией. Битвы при Шпихерне, Фрёшвийере, Коломбее и Вьонвиле были неожиданностью для верховного командования обеих армий, обусловленной спонтанными переменами уже подготовленных планов. Битва же при Гравлоте замышлялась немцами: приказы Фридриха Карла его войскам от 17 августа предписывали «выступить завтра утром в северном направлении, обнаружить врага и вступить с ним в бой», то есть было запланировано сражение, и французы тоже ожидали его, если не сразу, то в ближайшее время, находясь на своих позициях, делавших честь топографическим умениям Базена и которые он, не без веских оснований, считал неприступными[26].

[26] В 1944 г. несколько немецких учебных подразделений использовали эти же позиции для сдерживания частей 3-й американской армии генерала Паттона в ходе его наступления в Рейнланд-Пфальце. – *Авт.*

Гравлот – Сен-Прива

Левый фланг был особенно силен. В полумиле к востоку от деревни Гравлот главная дорога от Вердена до Меца пересекала под прямым углом глубокую долину, через которую между крутыми и густо покрытыми лесом склонами на юг протекал Мане, впадавший дальше в Арсе в Мозель. Угол наклона этих поросших густым кустарником склонов представлял собой

трудно преодолимое препятствие для войск, наступавших сомкнутым строем, а поднимавшаяся в восточном направлении из долины дорога, окаймленная высаженным в ряд тополями, о которых в недалеком будущем благодаря художникам-баталистам суждено будет узнать миру, минуя глубокие выемки, почти по всей длине тянулась вдоль стены одной из ферм Сен-Юбера, к которой поднималась по идеально прямой линии. Вдоль гребня высоты на восток долины располагались еще три фермы «Леп-зиг» («Лейпциг»), «Моску» («Москва»), «Пуэн-дю-Жур»: укрепленные оборонительные позиции выше ущелья Манса, снабженные бойницами и забаррикадированные французами, связанные друг с другом линиями траншей с оборудованными в них окопчиками для стрелков, таким образом, французская пехота и артиллерия господствовали над раскинувшимися ниже протяженными склонами. 2-й корпус Фроссара контролировал южную половину этого фронта с центром в «Пуэн-дю-Жур», бригада Лапассе из 5-го корпуса обороняла оконечность левого фланга со стороны Арса, а северный участок от Сен-Юбера до «Лепзига» («Лейпцига») был в надежных руках Лебёфа. За позициями Лебёфа характер местности менялся. Долина Манса выравнивалась, леса на ее склонах переходили в густой лес Буа-де-Жениво, тянувшийся до правого фланга позиций 3-го корпуса на ферме «Ла-Фолли». На север от Буа-де-Жениво раскинулись равнины, фактически лишенные какого-либо естественного прикрытия, отлого повышавшиеся к востоку в направлении позиций, занимаемых 4-м и 6-м корпусами и группировавшихся соответственно вокруг деревень Аманвиллер и Сен-Прива. Для французских винтовок Шаспо и митральез позиции эти было лучше не придумаешь, возможно, именно благодаря специфике рельефа местности Ладмиро и Канробер, чувствуя себя неуязвимыми, не стали даже окапываться, в отличие от расположившихся по левую сторону от них Лебёфа и Фроссара.

Уязвимость позиций войск, как мы убедились, обнаруживалась на правом фланге в Сен-Прива, ибо, хотя из этой деревни и можно было держать под наблюдением окружавшие ее склоны, противник имел возможность без помех охватить их фланг с севера. Сам Базен ни за что бы не выбрал такую позицию для своего правого фланга и в ходе событий 18 августа направил приказ Канроберу отойти в тыл и занять там куда более надежные позиции, разведанные утром того же дня одним из его офицеров. Возможно, даже самим фактом подобного отвода сил в тыл в конце дня Базен пытался хотя бы частично скрыть разгром сил Канробера. Но расположенная в 3 километрах в тылу за левым крылом в Плаппевиле и приблизительно в 6,5 километра от Сен-Прива его ставка, с гвардией под рукой в резерве, лишь усугубляла фатальную слабость его правого крыла.

Немцы были прекрасно информированы о французских позициях к югу от Пуэн-дю-Жура, где бригада Лапассе втянулась в Буа-де-Во в перестрелку с сильно поредевшей 1-й армией на весь день 17 августа и на всю ночь на 18 августа, но что касалось остальных позиций, о них они понятия не имели. 18 августа Фридрих Карл приказал своей 2-й армии, сосредоточенной между Марс-ла-Туром и Резонвилем, продвинуться к северу сомкнутым боевым порядком – прямо через фронт позиций французов – с тем, чтобы убедиться, какова обстановка. «Есть ли, в конце концов, необходимость передислокации вправо или влево, сейчас не решишь… Сейчас можно решиться лишь на отвод сил на небольшое расстояние, на несколько километров». 9-й корпус (Гессенский) находился справа, 12-й корпус (Саксонский) и гвардия вперемежку расположились слева[27], в то время как пострадавшие от потерь в боях остатки 3-го и 10-го корпусов следовали в пределах досягаемости в резерве. Настолько плотная масса солдат едва ли могла переместиться незаметно для противника. Лебёф заметил около 9 часов утра вздымавшиеся в безоблачное небо клубы пыли и доложил об этом Базену. На Базена эта новость не произвела впечатления. Он не желал поддаваться искушению и покинуть прекрас-

[27] Фридрих Карл изменил порядок марша частей своей армии, что серьезно осложнило их передвижение. Он разместил гвардейцев на центральном участке линии фронта вместо саксонцев, в стойкости которых сомневался. – *Авт.*

ные позиции ради сражения, сулившего ему непонятно что. Лебёфу было приказано выжидать, и войска 2-й армии Фридриха Карла по-прежнему в уязвимом для атаки сомкнутом боевом порядке беспрепятственно проследовали на север.

К 10 часам немцы уже гораздо лучше ориентировались в обстановке. Белые палатки французов протянулись вдоль гребня на востоке до самого Монтиньи-ла-Гранжа и к югу от Аманвиллера, кроме того, видимость была сильно затруднена, так что разобрать что-то было весьма сложно. Да Фридрих Карл и не собирался особо вникать в обстановку. Будучи уверенным в том, что большая часть французской армии уже отступила, он предположил – как и Альвенслебен двумя днями ранее, – что столкнулся с флангом их арьергарда. Поэтому он в 10.15 утра развернул свои войска. 9-му корпусу предстояло наступать на Верневиль при поддержке гвардии и атаковать позиции французов, замеченные дальше Верневиля. Но четверть часа спустя, в 10.30, Мольтке издал приказ на атаку обеими армиями. Штейнмец должен был обрушиться на позиции французов у Гравлота, а 9-й корпус вступить в бой, как уже было приказано, в Верневиле, но оставшаяся часть 2-й армии должна была развернуться и обогнуть с севера предполагаемый фланг французов в Аманвиллере. Был ли Фридрих Карл готов скорректировать свои планы в соответствии с полученной директивой или же нет, но почти одновременно с приказом Мольтке поступили сведения, которые, разумеется, подтверждали необходимость кое-что изменить. Лагерь французов был замечен в Сен-Прива, было очевидно, что Фридрих Карл и близко не подошел ни к какому флангу противника. Адъютант помчался в расположение 9-го корпуса с приказом дождаться подхода гвардии и саксонцев слева, чтобы вместе с ними атаковать, но дело зашло достаточно далеко. Незадолго до полудня артиллерия гессенцев заняла позиции за Верневилем и открыла огонь по линии обороны французов с дистанции в 900 м. Были выпущены первые снаряды сражения при Гравлоте.

Французская артиллерия тут же открыла ответный огонь.

«Везде [как писал один немецкий офицер] по всему сектору обстрела орудия изрыгали огонь и плотные облака дыма. Град снарядов и шрапнели, последнюю можно было легко отследить по белым, напоминавшим воздушные шары облачкам, замиравшим в воздухе на пару мгновений после разрыва, был ответом на воинственное приветствие с нашей стороны. Рокот митральез перекрывал шум боя…»

Дивизии Ладмиро ринулись на позиции севернее и южнее Аманвиллера, бросив в спешке и свои палатки, и ранцы, которые им уже не было суждено увидеть вновь, и обрушили на артиллерийские позиции гессенцев всю мощь огня. На защиту артиллеристов Манштейн бросил своих пехотинцев, но их встретил огонь ружей Шаспо, на который они не имели возможности адекватно ответить. Французы могли вырваться вперед и захватить четыре ведущих немецких артиллерийских орудия, а остальные тут же были бы оттянуты в тыл, и после этого схватка между солдатами Ладмиро и Манштейна вылилась бы за день в артиллерийскую дуэль, в ходе которой французские пехотинцы стоически противостояли бы обстрелу из орудий, в результате которого нанесенный им урон был бы на удивление небольшим, а гессенцы тем временем расширили свою батарею и дожидались прибытия гвардейцев слева и 3-го корпуса с тыла, что позволило бы им возобновить атаку.

С первыми залпами артиллерии 9-го корпуса Мольтке, находившийся на высотах южнее Флавиньи, понял, что его ловушка грозила захлопнуться слишком рано. Мольтке спешно направил Штейнмецу депешу, в которой предупредил, чтобы тот своими действиями не ухудшил положения.

Все, что происходит в Верневиле, утверждал Мольтке, было второстепенными акциями, и Штейнмецу незачем вмешиваться. А если уж он вмешался, ни к чему было развертывать столько пехоты: для подготовки к атаке необходима была артиллерия. Однако войска в Гравлоте, по сути, и не были частями Штейнмеца, хотя он продолжал вести себя, как будто они подчинялись только ему, но это были части 8-го корпуса фон Гёбена, который Мольтке изъял из

непосредственного подчинения Штейнмецу. Заслышав артиллерийские залпы из Верневиля, 8-й корпус тут же вступил в бой[28]. Гёбен выдвинул свою головную бригаду через Гравлот и далее вниз в долину Манса для атаки французов, которые были хорошо видны в «Моску» и «Пуэн-дю-Жур». Его артиллерия была развернута к северу от Гравлота, и вскоре подтянулась и артиллерия 7-го корпуса, таким образом, батарея вытянулась на юг. Три часа спустя в его распоряжении оказалось свыше 150 артиллерийских орудий, которые с полудня до наступления сумерек беспрерывно обстреливали позиции французов на противоположных склонах. На следующий день немцы получили возможность своими глазами взглянуть на результаты обстрела.

«Среди огромных груд руин [писал один из них], простиравшихся от «Пуэн-дю-Жура» до «Моску», тела защитников, в особенности у «Моску», лежали вокруг, изуродованные до неузнаваемости снарядами немцев… Повсюду камни, окровавленный песок и лужи крови. В «Моску» и «Пуэн-дю-Жур» часть французов заживо сгорели прямо на позициях… Артобстрел обусловил огромное количество раненых, в изорванной форме, с оторванными конечностями. Везде разбросанные винтовки, сабли, ранцы и патроны, изуродованные взрывами остатки орудий, лафеты и колеса и, кроме того, очень много изувеченных мертвых лошадей».

И все же это не дало немцам ничего. Французы так и оставались на своих основных позициях у Гравлота до следующего дня, и ни немецкие снаряды, ни их пехота не смогли выбить их оттуда. Любая попытка атаковать французские позиции у «Моску» и «Пуэн-дю-Жур» без особых усилий отражалась. Только в Сен-Юбере можно было говорить об успехе немцев, но этот аванпост располагался ниже гребня горы и не был виден с позиций французов. Удерживал аванпост один-единственный батальон. Батальон этот не выдержал натиска около 14 рот немцев и пал примерно в 15 часов. Таков был самый большой успех 1-й армии. Все дальнейшие попытки продвинуться сводились на нет огнем из «Моску» и «Пуэн-дю-Жур». По обе стороны склоны были достаточно крутыми и заросли деревьями, что сковывало маневренность войск; таким образом, солдаты Гёбена и присланные им на подмогу спасались от пуль в неглубокой выемке и скопились на дороге позади, что привело к катастрофическим последствиям.

Штейнмец несколько часов был убежден, что французы у него по фронту и за долиной Манса – лишь арьергард, прикрывавший общее отступление. И теперь падение Сен-Юбера, казалось, говорило именно об окончательном крахе противника, которым обязан воспользоваться каждый командующий. Вдохновляемый стремлением не упустить представившуюся возможность, Штейнмец стал отдавать приказы, в поспешность и необдуманность которых даже сейчас верится с трудом. Позиции французов так и не были серьезно затронуты. К ним можно было приблизиться только по одной узкой дороге, с которой было практически невозможно сойти и которую уже переполняли изрядно потрепанные остатки 8-го корпуса. Но Штейнмец бросил по этой дороге в атаку всех имевшихся в его распоряжении пехотинцев 7-го корпуса Цастрова, всю артиллерию 7-го корпуса и, вдобавок, 1-ю кавалерийскую дивизию, которой был дан приказ преследовать сокрушенного противника до самых фортов Меца.

Из сил артиллерии четыре батареи достигли Сен-Юбера, где три из них, едва развернувшись, были одна за другой выбиты. Из конницы всего одному полку удалось пробиться к Сен-Юберу, да и он быстро рассеялся под огнем французов, а оставшиеся подразделения так и застряли в ужасающем хаосе, воцарившемся в долине. Вот свидетельство очевидца:

«Вообразите себе непрерывную стену дыма и пламя чуть ли не до небес горящих «Пуэн-дю-Жур» и «Моску», 144 ведущих огонь артиллерийских орудия чуть дальше в долине… а впереди массы пехотинцев, кавалеристов и артиллерии, пытающихся втиснуться в долину, одни пытаются надавить, другие, напротив, отступить под натиском огня врага, все перемеша-

[28] Если верить биографу Гёбена, «эта атака, начавшись, носила черты сдерживающей, как он посчитал необходимым ее организовать в изменившейся обстановке. Вследствие этого генерал фон Штейнмец счел возможным неоднократно повторить приказ 8-му корпусу во вполне конкретной форме». – *Авт.*

лись, раненые и уцелевшие солдаты, пехотинцы, действующие непонятно по чьим приказам, то отступающие, то наступающие, доносящиеся из леса разрывы, свист пуль повсюду, и страшную непроглядную пыль, окутавшую все и затмившую даже солнце».

Конница пыталась вырваться из этой толчеи. Лошади без всадников уносились прочь, и людская масса хлынула назад к Гравлоту. К 17 часам стало ясно, что атака 1-й армии провалилась. Позиции немцев по всему фронту оказались под мощным и хорошо спланированным по времени контрударом французов.

Какое-то время Базен не мог поверить в подобное. Слышимость в Плаппевиле оставляла желать лучшего, и он не сразу разобрал шум боя, а впоследствии не понял, насколько ожесточенный характер носило сражение. В любом случае Базен, будучи уверенным, что избрал наилучшие позиции для своих войск, счел свою работу завершенной, и, мол, теперь настала очередь командующих корпусами защищать себя самим. В изданных после войны обоснованиях своей позиции в ответ на все возможные обвинения, которые мало помогли восстановлению его репутации во французской армии и в стране в целом, Базен привел оправдывавшие его доводы. Но судьям эти доводы представлялись неубедительными, как и его ссылки на страдания от ран, на то, что он, дескать, не мог взобраться на лошадь, и на то, что «начиная с 1 августа он не имел возможности отдохнуть положенные 8 часов в день». Последнюю тяготу, в конце концов, испытал не он один, но все его подчиненные, да и противник тоже. Но нет никаких сомнений в том, что этот человек был и морально, и физически измучен, что бремя ответственности сковывало его, сводило на нет его силы и волю. В тот день он на поле битвы не выехал. Когда Лебёф доложил маршалу о вражеском наступлении, Базен велел ему оставаться на удобных позициях и обороняться. Когда к Базену явился за распоряжениями Жаррас, тот отослал его с каким-то малозначимым чисто административным поручением. Когда Канробер сообщил главнокомандующему об угрозе правому флангу, Базен ограничился тем, что выслал часть сил артиллерии на помощь, заявив Канроберу, что вообще подумывает о том, а не приказать ли частям правого фланга отступить. И когда Базен во второй половине дня наконец уехал из Плаппевиля, он отправился не к плато, которое обороняли его войска, а в противоположном направлении, в Мон-Сен-Кантен, удостовериться, что батареи там были соответственно расположены, чтобы ответить на угрозу его левому флангу, которой он упорно дожидался. Можно, конечно, хотя и достаточно сложно, отыскать оправдание поведению главнокомандующего: впрочем, французская официальная история и не пытается. Его поведение, утверждает она, «лучше всего сравнить с поведением простого солдата, который сбегает перед лицом врага».

Все вышеизложенное объясняет и отсутствие попыток французской стороны добыть разведданные, свидетельствующие о том, что атака немцев захлебнулась, выродилась в хаос, и извлечь из этого преимущества для себя. Стремительно отходивших немцев преследовать никто не собирался. Но не только этим объясняется поражение французов. На левом фланге Фроссар и Лебёф должны были во что бы то ни стало удержать свои позиции до сумерек. А вот на правом фланге отсутствие инициативного и смелого командующего обернулось фатальным исходом для французов. Атака Манштейна, как мы знаем, была отбита на склонах за Верневилем, но в течение дня, пока его пехотинцы залегли и стали дожидаться более благоприятной возможности, а его артиллеристы молотили батареи французов, оставшаяся часть 2-й армии разворачивалась для подхода слева. Едва миновав Верневиль и лес Буа-де-ла-Кюс, препятствовавшие обзору в северном направлении, в штабе 2-й армии убедились, насколько ошибочно их представление о величине позиций французов. Те самые белые палатки вдоль высот и до самой Сен-Прива говорили о том, что 9-й корпус ударил не во фланг французской армии, а почти точно в ее центр, и что для флангового охвата противника следует развернуть не только гвардейцев, но и Саксонский корпус короля. И Фридрих Карл призвал к осторожности не только 9-й корпус, но и гвардейцев. До прибытия саксонцев воспрещалось атаковать даже француз-

ские заставы в Сен-Мари-ле-Шен у брустверов Сен-Прива. Так что гвардейцы, как и гессенцы, заняв огневые позиции, развернули артиллерию и стали ждать прибытия саксонцев.

Саксонцы атаковали приблизительно в 15 часов и при поддержке гвардейцев и многочисленной артиллерии уже полчаса спустя выбили французов из Сен-Мари. После этого артиллеристы развернули позиции к югу от Сен-Мари, саксонцы – севернее, для поддержки артиллерии 3-го корпуса прибыли артиллеристы из 9-го корпуса, и к 17 часам французская артиллерия, которую фактически оттеснили с поля битвы, уже не могла больше защищать многочисленные формирования французской пехоты вокруг Сен-Прива от сосредоточенного огня 180 немецких орудий. Что касается самой Сен-Прива, «шум взрывов, перемежаемый жутким грохотом обрушивавшихся крыш и стен, стонами и воплями раненых, пронзительным свистом пуль и унылым уханьем пушек превратил улицы деревни в ад, невиданный и ужасный». И Саксонский корпус, предусмотрительно избегая открытых склонов ниже деревни, продвинулся к северу, к деревне Ронкур, и здесь корпусная кавалерия развернулась полукругом на восток, а пехотинцы, устремившись в направлении расположенной ниже долины Мозеля, атаковали незащищенный фланг французской обороны.

И 2-я армия, атакуя с разумной сдержанностью силами пехоты при поддержке артогнем, маневрируя, пыталась отыскать вражеский фланг, что выгодно отличало ее атаку от кровопролитных и бесплодных попыток порывистого Штейнмеца, она являла собой пример того, как следует атаковать хорошо вооруженного противника на его прекрасно приспособленных для обороны позициях. Но приблизительно в 18 часов командующий корпусом гвардейцев принц Август Вюртембергский принял решение, которому было суждено еще большей кровью, чем Гравлот, вписать и Сен-Прива в германскую военную летопись. Причины этого неясны. Как считают некоторые, внезапно умолкнувшие орудия французов заставили его прийти к заключению, что Канробер в тот момент перебрасывал свои силы в Аманвиллер для атаки 9-го корпуса. Другие же предполагают, что принц ошибочно заключил, что саксонцы уже готовы атаковать, хотя по завершении сражения все утверждали, что принц просто-напросто поддался искушению дать возможность пожинать лавры прусским гвардейцам, а не саксонцам. Но какова бы ни была причина этого, им был отдан приказ продвигаться дальше, причем без заградительного огня артиллерии, и Фридрих Карл, раздраженный медлительностью саксонцев, одобрил его. Генерал фон Папе, командующий 1-й гвардейской дивизией, который, наблюдая за ходом боевых действий из своей ставки, понимал, что саксонцы пока что совершенно не готовы атаковать и что позиции французов в Сен-Прива мало пострадали от артогня немцев, принялся возражать, но принц, оборвав генерала на полуслове, приказал ему наступать. Таким образом, цепи застрельщиков с многочисленными колоннами в тылу рассеялись по обширным полям ниже Сен-Прива и стали пробиваться по склонам под огнем французов.

В результате сражение стало кровавой баней. Ехавшие верхом старшие офицеры пали первыми. Пешие солдаты под звуки горнов и барабанный бой продвигались вперед под ураганным огнем нарезных ружей Шаспо, подгоняемые истошными криками командиров. Соединение распалось: колонны превратились в единственную изломанную линию застрельщиков, медленно, шаг за шагом продвигавшуюся вперед прямо на брустверы, и, в конце концов, оказались примерно в 600 метрах от Сен-Прива. Там они остановились. Ни приказы, ни угрозы были не в силах заставить оставшихся в живых идти дальше. И они залегли и стали ждать атаки саксонцев, которую с ужасом предчувствовали, чтобы с ее началом занять их левый фланг. Потери составили свыше 8000 солдат и офицеров убитыми и ранеными за каких-нибудь двадцать минут, то есть свыше четверти численности корпуса. Если что-то и могло послужить лучшим доказательством эффективности применения ружей Шаспо в бою, так это тела бойцов элитных частей, грудами усеивавшие поля между Сен-Прива и Сен-Мари-ле-Шен.

С началом атаки в 18 часов французы мужественно защищали свои позиции по всему фронту, не уступив ни метра. Их довоенных теоретиков нельзя обвинять в том, что они

предвидели беспрецедентную мощь современного оборонительного оружия. Если французы и уступили, так только с введением в бой немцами артиллерии – в особенности гвардейской, орудия которой, профессионально направляемые командующим принцем Крафтом цу Гогенлоэ-Ингельфингеном, разбили в пух и прах все попытки французов нанести контрудар между Аманвиллером и Сен-Прива, и не приходится сомневаться в том, что мощный натиск атаковавших гвардейцев, пусть даже обернувшийся для самих атаковавших значительными потерями, ослабил войска Канробера и значительно облегчил задачу саксонцам. Но это произошло только после охвата саксонцами фланга французов, именно он убедил последних в непрочности их позиций. К северу от Сен-Прива Канробер сумел уберечь лишь небольшое число солдат для обороны своего правого фланга, и между 18 и 19 часами эти силы смогли лишь задержать продвижение саксонцев через Монтуа и Ронкур. К 19 часам, когда уже начинало темнеть, они оказались оттеснены к Сен-Прива, саксонцы были в Ронкуре, и их развернутые артиллерийские орудия, 14 мощных батарей, были выстроены в линию почти под прямым углом к орудиям гвардейцев, с которыми они соединились для массированного обстрела уже пылавшей и кишащей людьми деревни.

Канробер, с его разгромленной артиллерией и зажатой между двумя вражескими группировками пехотой, уже решил отступать. Он предупредил Ладмиро, действовавшего слева, отправил донесение Бурбаки с просьбой прикрыть его отход и попросил Дю Бареля начать кавалерийскую атаку – таким образом выиграл время, хотя и немного. Последний маневр был безнадежен: огонь немцев сокрушил атаку, едва конники успели продвинуться на 50 метров. Этого явно не хватило для предотвращения атаки прусской гвардии и саксонцев, и в 19.30 они с победными криками ринулись на уже трещавшие по всем швам позиции французов, 50 000 солдат, под звуки горна и барабанный бой, под развевавшимися знаменами. В деревне было около девяти батальонов французов, атакованных примерно 15 батальонами пруссаков и саксонцев. Часть подразделений французов отступали организованно, другие просто разбегались, некоторые продолжали вести ответный огонь из охваченных пламенем домов. Но не прошло и часа, как порядок был наведен, – немцы овладели деревней, а французы отступали по дороге на Вуаппи беспорядочно растянувшейся колонной под прикрытием всего нескольких верных своему долгу батальонов. Но немцы их не преследовали, им самим недоставало организованности.

Между тем подоспел Бурбаки с имперской гвардией – элитными частями, бережно хранимыми французским командованием: французские гвардейцы с начала войны толком и не выстрелили ни разу. С начала сражения Бурбаки придерживал своих солдат в боевой готовности в отдалении у центрального участка французского фронта обороны, дожидаясь приказа от своего апатичного главнокомандующего. Когда в тот день Базен приказал послать бригаду на выручку Фроссару, Бурбаки повиновался, но указал, что неблагоразумно так быстро хвататься за резерв, тем более передавать его по частям. Ответ Базена было легко предугадать: «Можете вернуть их или оставить – как вас больше устраивает» – и до конца дня никаких распоряжений от главнокомандующего не поступало. Пытаясь объяснить подобное бездействие как главнокомандующего войсками и отношение к резерву, Базен впоследствии представил весьма диковинное объяснение: мол, что Бурбаки, как командующий силами резерва, располагал всеми полномочиями действовать на свое усмотрение, – заявление, ни в каких комментариях не нуждающееся. И Бурбаки сидел сложа руки, изнывая от волнения, в ближайшем тылу, не имея приказов, не имея сведений ни о противнике, ни о ходе сражения до тех пор, пока около 18.15 из Аманвиллера не прибыли от Ладмиро два офицера с просьбой о помощи. Ладмиро контратаковал, стремясь ослабить натиск врага на Канробера, и при этом здорово пострадал от огня немцев, но чувствовал, что и враг перед ним тоже на пределе сил: подход свежих сил вполне мог изменить ход боя. Бурбаки колебался с ответом на просьбу прибывших. Подозрительно большое количество солдат, отставших от своих частей, брело в тыл с позиций 6-го корпуса.

В подзорную трубу он наблюдал за ходом бушевавшего вокруг Сен-Прива сражения, и если правый фланг был в опасности, он был единственным, кто мог бы эту опасность устранить. Но посыльные от Ладмиро продолжали настаивать. Бурбаки уступил и отправил одну дивизию по дороге на Аманвиллер.

Бурбаки ничего не знал о ходе сражения, продвигаясь густыми лесами, из которых он вышел на плато приблизительно в 18.45. И тут же убедился, что все его опасения обоснованны. От Сен-Прива по дороге огромной колонной устремились отступавшие, блокируя путь гвардейцам и подрывая даже их крепкую дисциплину. Бурбаки, не стесняясь в выражениях, набросился на просителей от Ладмиро, что было вполне в духе французских генералов того времени. «Вы прочили мне победу, – возмущался он, – а сейчас толкаете меня на бегство! Какое вы имеете право?! Незачем ради этого было вынуждать меня оставить прекрасные позиции!» Кипя от гнева, он развернул свою колонну и, не торопясь, стал удаляться от поля битвы. Результат подобного поведения, куда больше походившего на каприз примадонны, возымел катастрофические последствия. Эта картина – растерянные элитные гвардейцы, взбешенный командующий – не только не подтвердила страхи беглецов из 6-го корпуса, но и деморализовала часть 4-го корпуса. Когда Бурбаки все же взял себя в руки, гвардия уже была охвачена паникой, и не было средства привести ее в чувство. Гвардейцы мгновенно растворились в море отступавших, последние очаги сопротивления 6-го корпуса были подавлены, и Бурбаки только и оставалось, что развернуть свою артиллерию и с ее помощью убедить немцев отказаться от их преследования.

И Ладмиро, так и не получив подкрепления, нашел свой правый фланг оголенным. Делать было нечего, оставалось лишь отозвать и 4-й корпус, обеспечив его отходу хоть подобие порядка, если можно было вообще говорить о таковом, когда немцы наступали французам на пятки. Сгущавшиеся сумерки дали возможность беспрепятственно отойти, но и лишали возможности контролировать ход отступления, и 4-й корпус, подобно 6-му, уподобился бесформенной мешанине солдат, повозок и лошадей, заполнивших собой узкую дорогу на Вуаппи и Мец.

Отступление французов из Сен-Прива, однако, было достаточно упорядоченным и дисциплинированным в сравнении с тем, что творилось на рухнувшем участке немецкого фронта у Гравлота. Там уже ничего нельзя было предпринять для исправления ошибок Штейнмеца. К 17 часам 43 прусских роты из 7 разных полков были сосредоточены вокруг Сен-Юбера, совершенно не способные наступать. Войска, направленные на поддержание атаки, утратили сплоченность, минуя царивший в долине хаос, и их прибытие только усугубило всеобщую неразбериху. Все резервы Штейнмеца были практически исчерпаны, но появился 2-й корпус генерала фон Франзецки, только что догнавший продвигающуюся вперед армию и следовавший длинными сплоченными колоннами. Штейнмец обратился в ставку короля за получением санкции на их использование. Король находился в Гравлоте. Получив от Штейнмеца совершенно не соответствующее действительности донесение о том, что, дескать, высоты удерживаются, Вильгельм 1 выехал из Флавиньи. Теперь, в 19.00, он дал добро на возобновление атаки на том основании, «что теперь, поскольку высоты когда-то удерживались, а затем были потеряны, необходимо предпринять все для их возврата». Мольтке выразил свое несогласие лишь ледяным молчанием: он понимал, что в разгар битвы никак нельзя пытаться возразить двум раздраженным до крайности старикам, и когда 2-й корпус вышел на поле битвы, Штейнмец тут же приказал протестовавшему Гёбену атаковать противника последними резервами.

Французы в Пуэн-дю-Жур различали поблескивавшие на вечернем солнце шлемы солдат 2-го корпуса, продвигавшихся по равнине у Гравлота, и понимали, что вскоре последует. И когда пруссаки атаковали, весь огневой рубеж французов отреагировал как полагается, и

последняя атака Штейнмеца была встречена огнем в упор[29]. Немецкая пехота хлынула назад, в долину, часть лошадей бросились прочь с забитой войсками узкой дороги. Внезапно куда-то подевалась и мужественная сплоченность немцев. Целые эскадроны, тянувшие артиллерийские орудия лошади помчались назад через Гравлот, и пехота, стоически выдерживавшая артобстрелы французов, вопящей неуправляемой массой устремилась из долины по освещенным пламенем деревенским улицам мимо изумленно взиравшего на все это короля. «Мы пропали!» – вопили они. Офицеры штаба, сам король, выхватив сабли, осыпали их проклятиями, но людской поток пронесся через весь Резонвиль и остановился лишь за этим городком. Паника волной прокатилась по всему тылу немцев, для короля стали выбирать пути отхода. Теперь, если бы французы атаковали, если бы у них была конница под рукой, они, вполне вероятно, просто разогнали бы 1-ю армию и окружили 2-ю. Но никто из французов не атаковал немцев. На французской стороне всего одна бригада, судя по слухам, знала о бегстве немцев, и Жоливе, командующий этой бригадой, писал в отчете: «Я и не подумал преследовать их, имея на руках приказ оставаться в обороне». Такая армия победы не заслуживает.

Кошмар долины Мане этим не исчерпался. Вопреки захлестнувшей пруссаков панике 2-й корпус стал готовиться к атаке. Ни о каком развертывании в этой долине и речи быть не могло, и обе дивизии корпуса продвинулись единым боевым порядком. Выйдя из долины, уже можно было приступить к развертыванию сил, и несколько подразделений открыли огонь по темной массе впереди, приняв ее за французов. Но это были не французы: это были остатки 7-го и 8-го корпусов, все еще оборонявшиеся вокруг Сен-Юбера, и после внезапного обстрела в темноте стойкость их изрядно поколебалась. Уже не приходилось говорить о каких-то более или менее согласованных действиях: они «развалились, будто карточный домик, и, сломя голову, в дикой панике устремились в тыл – вопя, утратив всякий самоконтроль, дойдя до такого состояния, которое вообще редко встречается даже на войне». 2-му корпусу только и оставалось, что проворно занять позиции бежавших и отдать приказ о прекращении огня – ведь надо было как-то остановить эту бойню. В 21.30 сражение на этом участке фронта также пришло к бесславному завершению[30].

Король вместе со своим штабом не спеша стали возвращаться в Резонвиль. Там, пока подчиненные подыскивали для них ночлег в крошечных домиках, уже переполненных ранеными и солдатами тыловых служб, они, обступив костер, оживленно обсуждали, как быть дальше. Поводов для восторгов в тот день было мало. 1-я армия, несомненно, понесла ужасающие потери, ее боевой дух упал почти до нуля. От 2-й армии не было никаких вестей вот уже несколько часов. Линия обороны французов, судя по всему, удержалась. В королевском окружении неприкрыто высказывали мнение о том, что немецкие войска исчерпали свои возможности, и только благодаря настойчивости Мольтке король отдал приказ о возобновлении атаки на следующий день. И лишь после полуночи Мольтке наконец узнал от Фридриха Карла о том, что правое крыло французов рухнуло и что этот день оказался для немцев выигрышным.

На следующее утро, даже когда выяснилось, что французы отошли, почти никто не радовался одержанной победе. Слишком кровопролитной оказалась эта битва, и все понимали, что больше досталось немцам. Король был поражен тем, как бездарно использовали его гвардейцев, и когда Бисмарк заявил, что, мол, «люди сыты по горло скотобойней Штейнмеца», он высказался примерно следующим образом: «Я уже даже не справляюсь о тех, кого знаю, – так Верди передает содержание ответа короля, – ибо на все вопросы слышу в ответ одно и то же –

---

[29] Почти все немецкие источники утверждают о контратаке французов, но вот во французских источниках никаких доказательств тому не имеется. Почти во всех из немногих подразделений, правда, были случаи, когда французы набрасывались на подошедших немцев. – *Авт.*

[30] И Бронсар, и Верди сочли, что атака 2-го корпуса была удачной, и Бронсар, согласно своему же отчету, верхом отправился в ставку с криком: «Сражение выиграно! 2-й корпус устремился на высоту с барабанным боем и отбросил врага к Мецу!» – *Авт.*

«убит» или «ранен». На самом же деле Вильгельм I выразился куда резче. Роон, которому было поручено подыскать замену павшим в бою, был особенно потрясен. «У нас даже для армии мирного времени почти не осталось офицеров!» – сетовал он.

Одна только 1-я армия потеряла 4219 солдат, в то время как потери французских соединений, сражавшихся против нее, – 2-го корпуса и 3-й и 4-й дивизий 3-го корпуса – составили, по приблизительным подсчетам, 2155 человек. Гвардия, как мы знаем, потеряла свыше 8000 человек. Официальное число потерь, приведенное немцами, – 20 163 офицеров и солдат. Данные Базена, далеко не полные и приблизительные, составили 12 273 человека. Один только Мольтке, казалось, сохранил хладнокровие – ознакомившись с цифрами потерь по завершении этой бойни и вернувшись в Понт-а-

Мусой на следующий день, он ограничился лишь одним неуместным комментарием. «Я вновь убедился, – пробормотал он, – что понятие «слишком много солдат» ни к одному сражению неприменимо».

«Войска устали в этих бесконечных битвах [скорбно писал Базен 19 августа Наполеону], которые не дают им опомниться *(ne lew permettent pas les soins matériels),* им необходимо дать возможность передохнуть 2–3 дня…Я до сих считаю, что необходимо передислоцировать силы на север и пробиваться через Монмеди на дороге Сент-Мену— Шалон[-сюр-Марн I], если она не слишком забита. Если же забита, то я продолжу продвижение через Седан и Мезьер на Шал он».

То, что немцы вполне могли перечеркнуть его планы, по-видимому, в голову маршалу не приходило. Если французским войскам требовался отдых и пополнение личным составом, это необходимо было соблюсти. Таким образом, 19 августа Рейнская армия, измотанная в боях, но ни в коем случае не разгромленная, отступила на позиции у крепости Мец. Ее активная роль в войне завершилась.

Заманчиво причислить это двойное сражение у Резонвиля – Гравлота к решающим битвам в военной истории Запада. Причем не по причине того, что произошло в его ходе, а, напротив, по причине того, что не произошло. Стратегические и тактические промахи, допущенные немецким командованием, были настолько значительными, что, окажись его противник более умелым и опытным, немцы, вполне возможно, и 16, и 18 августа потерпели бы сокрушительное поражение. Это поражение, вероятно, не изменило бы исход войны, но оказало бы воздействие на боевой дух армии, что могло бы существенно повлиять на характер этой войны в целом и на условия заключения мира. И в этих огрехах вина отнюдь не одного только Мольтке: главная ответственность за неверную оценку сил и состояния французской армии и 16 августа, и 18 августа, а отсюда и за отправку сначала 3-го корпуса на верную гибель, а потом и 2-й армии на нанесение флангового удара лежит на Фридрихе Карле. Даже если французы вследствие пассивности своей обороны и не сумели обратить себе на пользу ни одну из этих возможностей, они по милости Штейнмеца получили еще одну. Ведь Штейнмец бросил свою армию в долину Маис и, таким образом, оголил фланг немецких сил, оставив его уязвимым для контратак. Не следует упускать из виду царившее на более низших командных уровнях безрассудство, с каким прусскую пехоту бросали в лобовые атаки сомкнутым строем против засевшего на непробиваемых позициях и намного лучше вооруженного врага – винтовки Шаспо, картечницы-митральезы. Судя по всему, раздававшие подобные приказы командиры ни на йоту не понимали сути своих отдаваемых солдатам распоряжений. Все это с ужасающей точностью повторилось и в ходе Первой мировой войны. Вина французов состоит в том, что они так и не сумели перейти от успешной обороны к не менее успешным контратакам. Предъявленные Базену обвинения состояли не в том, что он проиграл сражения при Резонвиле и Гравлоте, а в том, что он не смог их выиграть, когда победа сама падала ему в руки.

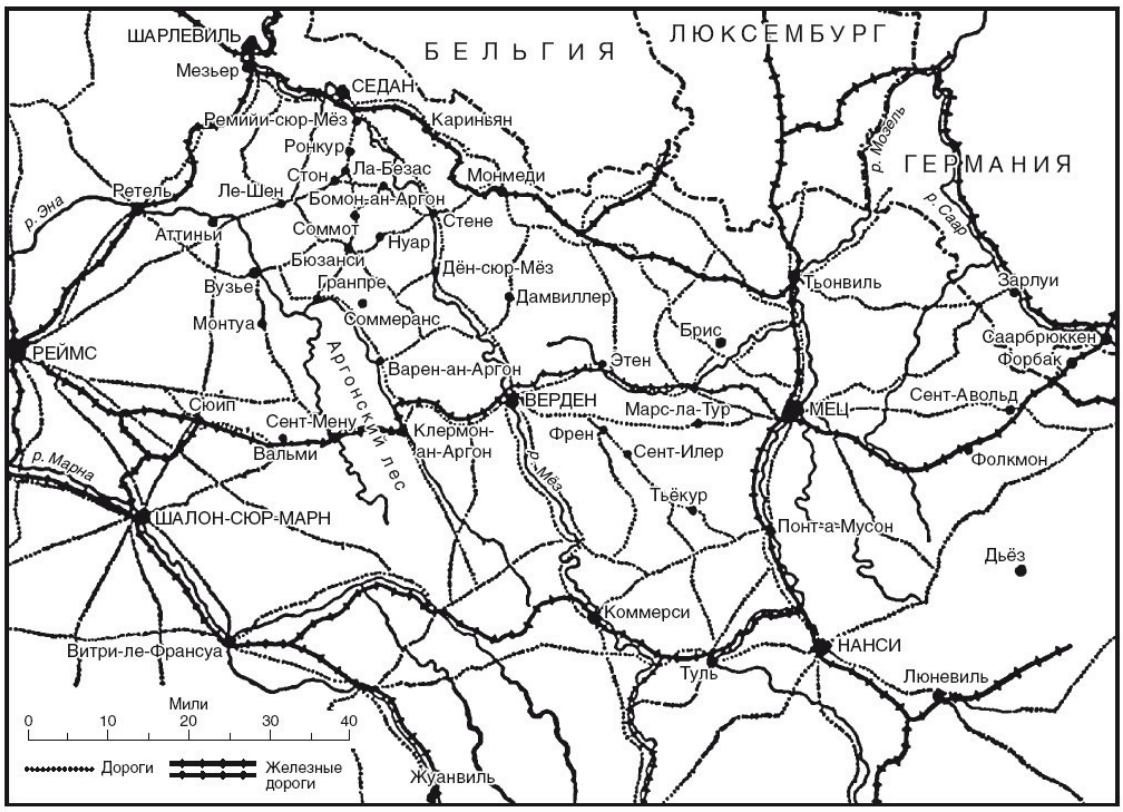
Глава 5
Шалонская армия

Бомон

Наполеон III в железнодорожном вагоне 3-го класса прибыл в Шалон-сюр-Марн вечером 16 августа, и там, как и ожидал, в стадии формирования находилась еще одна армия. Паликао предпринимал героические усилия. Три корпуса правого крыла прежней Рейнской армии, 1, 5 и 7-й, поездами прибыли из Шомона и Бельфора, и их здорово поредевшие части и дивизии были пополнены новичками призыва 1869 года. Вновь сформированный 12-й корпус под командованием Трошю тоже был там – одна из его дивизий сформировалась из обученных регулярных частей, переброшенных с испанской границы, другая – из морских пехотинцев, которых не было возможности использовать для высадки в Германии, и третья – из только что призванных и необученных новобранцев. Доставлялись и вооружения, причем в гораздо больших количествах, чем требовалось. К 21 августа Шалонская армия, начиная под командованием Мак-Магона свою непродолжительную и завершившуюся катастрофой кампанию, насчитывала 130 000 солдат и офицеров, 423 артиллерийских орудия – пример искусства импровизации, которым по праву могла гордиться французская армия.

Несмотря на всю бурную деятельность, такое положение Наполеона III не вдохновляло. Регулярные войска, потрепанные в битвах и изнуренные долгим отступлением, уже не могли адекватно реагировать на распоряжения офицеров. «Это была ко всему безразличная толпа, – писал очевидец, – скорее прозябавшая, но не живущая, люди, едва переставлявшие ноги, даже если их подгоняли пинками, недовольно ворчавшие, когда их вырывали из тревожного сна». В дистрофичный организм влили новую кровь в виде неопытных новичков или тыловиков и хозяйственников, не умевших даже ходить в ногу, не говоря уже об обращении с оружием. За несколько дней, проведенных в Шалоне, нечего было и пытаться превратить их в солдат, и во время привалов на маршах каждую минуту отдыха приходилось использовать для боевой и строевой подготовки. В конце концов, из жителей с берегов Сены было укомплектовано 18 батальонов мобильной гвардии. Парижане принесли с собой весь деструктивизм, всю ненависть к сложившимся стереотипам, столь характерные для жителей столицы. На призыв *Vive l'Empereur!* они отвечали по-военному четко: *«Раз! Два! Три! Дерьмо!»* Они не разделяли стремления призывников из провинций всеми способами увильнуть от участия в сражениях. А Канробера приветствовали воплями: *«Париж!»* «Дети мои, – вежливо ответил им командующий. – Я, наверное, оглох. Вы, случайно, имеете в виду не «на Берлин!»?» Нет, они не имели это в виду, и маршал, как мы уже убедились, рекомендовал Паликао срочно разбросать их по крепостям на севере Франции.

Людей и вооружений было в достатке, но вот войсковой подвоз отсутствовал, не работали и службы. Солдаты 1-го и 7-го корпусов бросили свои ранцы на поле битвы у Фрёшвийера, и им их заменили из расчета один ранец на двоих. Артиллерия 7-го корпуса, задержавшаяся из-за перегруженности железных дорог, добралась до армии лишь незадолго до сражения у Седана, а в нескольких дивизиях почти полностью отсутствовало медицинское обслуживание. К этому следовало бы добавить хроническую нехватку карт.

Марна, Мёз (Маас) и Мозель

При наличии времени и расторопных командующих эти трудности ничего не стоило бы преодолеть, как несколько месяцев спустя Шанзи, д'Орель-де-Паладин и Федерб преодолеют и куда более сложные. По сравнению с армиями национальной обороны Шалонская армия с ее подготовленными командующими, превосходной артиллерией и кавалерией и ядром в лице опытных пехотинцев представляла собой вполне серьезный инструмент ведения войны, который в руках Наполеона I, вполне возможно, нанес бы противнику смертельный удар, и даже сейчас, окажись армия под началом достаточно опытного командующего, придерживавшегося осмотрительной и верной стратегии, она сумела бы надолго задержать немцев, что позволило бы Базену набраться сил для выступления и дойти до стен Парижа. Все огрехи армии, формировавшейся при Мак-Магоне, сами по себе не объясняют катастрофу под Седаном.

17 августа, на следующий день после прибытия, Наполеон III собрал совещание для обсуждения перспективных планов. На нем присутствовали Мак-Магон, Трошю, командовавший недавно сформированным 12-м корпусом вместе со своим начальником штаба Шмитцем, Берто, командующий мобильной гвардией, и принц Наполеон, прибывший в лагерь за несколько дней до этого. Император, как обычно за многие месяцы, был апатичным и немногословным, слушал, не вмешиваясь в дискуссии. До сих пор так и не обсуждался вопрос сотрудничества двух армий, как и о помощи Базену: лишь отчеты офицеров о боях накануне и о победах французов. Политические вопросы представлялись всем важнее военных: положение императора и его режима и то, как этот режим удержать на плаву. Инициативу взял на себя кузен императора: он был, как позже отметил Трошю, единственным из Наполеонов, которого следовало принимать всерьез. Сам император в момент самокритичной рефлексии грустно пробормотал: «Я, кажется, отказался», а принц резко поправил его: «В Париже вы отказались от правления, в Меце теперь отказываетесь от командования армией. Если речь идет о спасении режима, необходимо проявить себя и как император, и как главнокомандующий и возвратиться в Париж. Там уже зреет революция, и лишь одно способно, – подчеркнул принц, –

остановить ее: назначение мэром Парижа Трошю, либерала, наделенного даром предвидения и популярного, чьи предостережения прошли незамеченными». Никто не выступил против этого предложения, и когда император неуверенно предложил согласовать этот вопрос с императрицей, его кузен раздраженно спросил: «Разве вы не император? Это необходимо сделать немедленно». Трошю добавил аргументацию чисто военного характера: дислоцированная вокруг неприступного Парижа армия под командованием Мак-Магона обретет возможность маневра и пополнения своих рядов за счет жителей столицы. На том и порешили: Трошю передает командование 12-м корпусом генералу Лебрюну и возвращается в Париж в тот же вечер в сопровождении мобильной гвардии. Идея распределения мобильных гвардейцев по крепостям севера Франции вызвала возражения императора, но Трошю с упорством доктринера доказывал: «Они должны защищать свои дома, это их долг». Шалонская армия должна была последовать за ними несколько дней спустя.

Но обстановка в тот день изменилась. От Базена поступило донесение – телеграмма, которую он послал глубокой ночью после сражения у Вьонвиля. Формулировка звучала достаточно уверенно: враг отброшен, французы за ночь заняли «захваченные позиции» и возвратятся в Мец для пополнения запасов провианта, а два дня спустя выступят. Сущность сообщения, однако, беспокоила: почему армия должна была отходить? Наполеон III ответил: «Сообщите мне правду о вашем положении, чтобы я мог действовать соответственно». Той же ночью от Паликао поступила телеграмма с просьбой к Наполеону III пересмотреть свои планы. Возвращаться в Париж, утверждал Паликао, будет похоже на бегство. «Разве вы не можете хорошенько атаковать прусские корпуса, уже изрядно потрепанные в нескольких сражениях?» Наполеон III вновь колебался.

Между тем появление Трошю в Париже перепугало правительство. Паликао и император послали его в Шалон в основном для того, чтобы избавиться от него, как и мобильную гвардию, и их одновременное возвращение представлялось самым что ни на есть зловещим политическим предзнаменованием. Паликао, считая, что все его планы перечеркнуты, ни с кем не консультируясь, грозился подать в отставку. Императрица без обиняков заявила Трошю, что о возвращении Наполеона III в Париж не может быть и речи, только его враги, многозначительно добавила она, могут давать ему подобные советы. Паликао также указал, что в случае возвращения армии в Париж всю систему войскового подвоза и снабжения придется менять на ходу – об этом, по-видимому, запамятовали на совещании в Шалоне. В результате Наполеон III кардинально изменил свое решение. Попытка принца Наполеона противостоять влиянию императрицы потерпела крах. Все, что ему удалось, так это отправить в Париж Трошю вместе с мятежной мобильной гвардией.

Таким образом, краткая экскурсия Трошю в высшие сферы стратегии пока что завершилась, а предпринятый несколько дней спустя визит принца Наполеона во Флоренцию, как последняя попытка заручиться поддержкой итальянцев, убрала со сцены единственную фигуру, способную подвигнуть императора на самостоятельность действий. Решение о том, как распорядиться Шалонской армией, целиком теперь зависело от Мак-Магона. Обращение к Базену, своему номинальному начальнику, за инструкциями, никакого результата не дало: «Я предполагаю, что министр даст вам указания, – только и ответил Базен 18 августа, – ваши действия в данный момент совершенно вне моей компетенции». Мак-Магон понимал, что его армия ни при каких условиях не могла выйти на поле битвы. И до 21 августа не было возможности принять какое-либо решение, а после указанной даты решение нельзя было принять из-за Реймса, откуда он мог либо выступить для соединения с Базеном, либо отступить для прикрытия Парижа. Всё зависело от собственных планов Базена, и трудность эти планы выяснить усугублялась не только отвратительной связью, но полнейшим отсутствием у маршала каких-либо планов. Мак-Магон ждал Базена, а Базен – Провидения.

18 августа адъютант Базена добрался до Шалона, доставив детальный отчет о сражении у Вьонвиля и подтвердив намерение его командующего выступить на Шалон после двух дней, необходимых для переформирования, обходом на север. Потом телеграфная линия между Мецем и талоном была перерезана, и вся связь осуществлялась лишь через вестовых, которым предстояло проникать через с каждым днем все тщательнее охраняемую линию блокады немцев. Из-за отсутствия связи Мак-Магон считал невероятным, что Базен сможет так легко и просто сдвинуться с места, как обещал, и 19 августа Мак-Магон высказал свои опасения в откровенном сообщении, направленном в Мец: «Если, как я полагаю, вы вынуждены выступить в ближайшем будущем, я не вижу… возможности прибыть к вам на выручку, не оголив Париж. Если вы видите проблему по-иному, сообщите мне». Еще сутки без ответа явно не прибавили уверенности Мак-Магону. Базен, казалось, вообще бесследно исчез. Целую кипу телеграмм разослали из талона командующим гарнизонами и гражданским чиновникам с просьбой сообщить обо всем, что происходит. Может, Базен двинулся на юг? Мак-Магон вообще не хотел сниматься с места, не располагая конкретными сведениями. Но любой командующий, если он медлит с принятием решений, обречен в один прекрасный день убедиться, что пресловутое решение примет за него противник, – именно так и произошло. Днем 20 августа пришло донесение о неприятельской кавалерии в 40 км от Шалона. Тут уж Мак-Магон был вынужден действовать, и 21 августа, оставив кавалерийскую дивизию забрать отставших и уничтожить остававшиеся в лагере склады, Шалонская армия, все еще толком не понимавшая, какую роль ей предстоит сыграть и куда она направляется, двинулась на Реймс. С ней, в статусе едва ли не гостя, отправился и сам император вместе с громоздким аппаратом своей свиты.

В Париже между тем Совет министров решил, что если Базену грозит опасность окружения в Меце, то его любой ценой необходимо спасать. Это был не только военный вопрос: если бы правительство бросило маршала на произвол судьбы, то ему уже никак не пережить взрыва гнева парижан, который неизбежно последует. И, по словам одного из членов правительства, «непреложным долгом для нас является одно: избежать любых действий, способных спровоцировать революционные выступления». Более или менее рациональное осмысление и разумная стратегия в условиях такого рода давления едва ли возможны, и для гражданских чиновников министерского ранга решение спасти Базена диктовалось отчаянием. Но Паликао считал подобную спасательную операцию выполнимой. Ведь в 1792 году Дюмурье провел потрясающе успешную фланговую операцию в Аргоне против вторгшихся пруссаков. Почему же Мак-Ма-гону, действующему на той же территории и против того же врага, не повторить триумф Вальми? Ради облегчения задачи он предложил хитроумный план расколоть надвое силы немцев. Следовало только подсунуть кронпринцу (3-я армия) фиктивный письменный приказ Мак-Магону, чтобы тот якобы срочно повернул на Париж, и немецкая армия ринется на французскую столицу в полной уверенности, что преследует противника. Между тем Шалонская армия, 130 000 солдат и офицеров, то есть численно превосходящая оставшиеся силы немцев почти вдвое, атакует их. Осада Меца будет тут же снята, Базен перейдет в наступление, и немецкие войска окажутся меж двух огней.

Днем 21 августа Эжен Руэр, председатель Сената и самый влиятельный из всех имперских политиков, поехал в Реймс, чтобы передать новые решения совета Мак-Магону. Мак-Магон, однако, побыв день с армией на марше, все же пришел к заключению, что подобная акция ни в какие ворота не лезет. «Невозможно спасти Базена, – признался он Руэру. – У него ни боеприпасов, ни провианта, ничего, он будет вынужден сдаться, а мы опоздаем». Единственной надеждой оставался поход Шалонской армии обратно в Париж и переформирование под защитой орудий крепости. Руэр, кое-что понимавший в военном деле по собственному опыту, принял суждение Мак-Магона. Он набросал проект распоряжения императора, назначив Мак-Магона главнокомандующим Шалонской армией и всеми войсками в Париже и вокруг него. Также Руэр составил и заявление самого Мак-Магона, в котором говорилось о его намерении

создать из своей армии ядро новых всенародных вооруженных сил по примеру Пруссии, после чего возвратился в Париж, собираясь предстать перед разгневанной императрицей.

Несколько часов спустя и это решение было полностью изменено, и снова причиной тому стал Базен. Его донесение от 19 августа пришло в Реймс, и в нем было ясно изложено намерение с боем вырваться из Меца либо через Сент-Мену, либо через Седан. Теперь все нужно было рассматривать под другим углом. Базен вовсе не собирался запереться в Меце: он, возможно даже, именно в тот момент шел на соединение с силами Мак-Магона. Теперь вопрос стоял не о его спасении, а о соединении с ним, чтобы дать бой на поле битвы. Мак-Магон тут же полностью изменил свое решение. Приказы на отвод сил к Парижу были отменены; вместо этого Мак-Магон сообщил и Базену, и Паликао, что отправится в Монмеди, и два дня спустя уже был на Эне. 23 августа Шалонская армия начала вторую часть своего похода[31].

Немцам не меньше, чем французам, была необходима пауза для отдыха и пополнения войск личным составом после боев у Меца. В своих приказах от 19 августа Мольтке предусмотрел это, но не позволил вырвать у себя из рук инициативу. Теперь он столкнулся с двумя проблемами: сдерживание целой и невредимой армии Базена и преследование с разгромом новых сил, сформированных в Шалоне. Кавалерия 3-й армии кронпринца Фридриха Вильгельма уже наступала на запад от Нанси к Марне, но была слишком слаба, чтобы в одиночку противостоять Мак-Магону, но если бы одну из дислоцированных у Меца армий выделить ей на помощь, в этом случае другая не смогла бы сдержать Базена. Проблему эту можно было решить, лишь отказавшись от трехсторонней организации немецких армий и поделив их на две примерно равные группировки. 2-ю армию поэтому разделили надвое. Гвардия, 4-й и 12-й корпуса вместе с двумя кавалерийскими дивизиями составили отдельную армию, временно названную Маасской армией, и передали под командование кронпринца Саксонии, командующего 12-м корпусом. Назначение это было разумным не только в политическом отношении, но и в военном – принц уже доказал умение распорядиться своими силами у Сен-Прива. Этой армии, о чем можно было догадаться уже по ее названию, предстояло наступать на Маас в ходе преследования Мак-Магона. Оставшиеся четыре корпуса 2-й армии оставались в Меце в составе 1-й армии, и Фридрих Карл принял командование всеми силами, которым предстояло окружить Базена в Меце[32].

Преимущества этой системы имели не только стратегическое значение. Они предоставляли возможность избавиться от Штейнмеца. Все понимали, что он ни за что не согласится подчиняться Фридриху Карлу, и Мольтке предоставил принцу карт-бланш на освобождение Штейнмеца от должности при первом же признаке неповиновения. Три недели спустя такая возможность Фридриху Карлу представилась. 7 сентября он пожаловался на Штейнмеца за то, что тот сознательно игнорировал все правила субординационного такта. Король был этим разъярен, усмотрев в действиях Штейнмеца явное неуважение к принцу королевской династии, и 15 сентября Штейнмец был торжественно отправлен на должность губернатора Познани, что

---

[31] Тем же вечером в ставку Мак-Магона прибыла еще одна депеша от Базена, датированная 20 августа. Она практически повторяла первую (от 19 августа), но содержала следующее: «Враг продолжает наращивать силы вокруг нас, и я, скорее всего, последую за вами для соединения на севере и предупрежу вас о прибытии при условии, однако, что мое прибытие не скомпрометирует армию». Эта депеша вызвала бурю кривотолков. Мак-Магон заявил, что и в глаза ее не видел, а если бы видел, то сразу понял бы, что Базен колеблется выступить и в результате направится на Париж. Барон Штоффель, прикомандированный к ставке Мак-Магона в качестве начальника разведки, который и виноват в том, что послание не добралось до адресата, уверяет, что он якобы передал ее маршалу, но тот просто не придал ей значения. Объяснение Штоффеля звучит довольно убедительно: намерения Базена обрели значимость лишь в свете последующих событий. Штоффеля впоследствии в ходе процесса над Базеном один из докладчиков обвинил в том, что он, дескать, утаил эту депешу по настоянию Наполеона III. Естественный, но несправедливый гнев в отношении Штоффеля вылился для него в трехмесячное тюремное заключение. – *Авт.*

[32] Блокаду Меца осуществляли корпуса 1-й армии (1, 7 и 8-й), 2-й армии (2, 3, 9, 10-й), резервная и 3-я кавалерийская дивизии, всего 200 000 человек – так называемая особая армия под начальством Фридриха Карла. – *Ред.*

было равнозначно уходу в отставку и на пенсию. С исчезновением упрямца со сцены Мольтке наконец сумел выдвинуться на первый план в германской армии.

Завершив реорганизацию, Мольтке 21 августа отдал приказы на наступление, которое должно было начаться два дня спустя. В тот момент французская армия начинала свой марш из Шалона на Реймс. 3-я немецкая армия уже находилась у Мёза (Мааса) южнее Коммерси, а ее конные разъезды добрались до Марны и проходящей вдоль этой реки железнодорожной линии на участке между Витри и Жуанвилем, буквально следуя по пятам за загружавшимися в вагоны французскими войсками, направлявшимися в Шалон. Левое крыло Мольтке, таким образом, уже было эшелонировано вперед, и такое построение он намеревался сохранять и в ходе марша, рассчитывая, что оно поможет отвлечь силы французов от Парижа, где бы он с ними ни встретился. И вновь Мольтке разрабатывал стратегические планы с учетом выгоды для себя на случай сражения, и хотя он не мог предвидеть смену направления, которая не даст ему покоя следующие несколько дней, это предварительное формирование, как оказалось, даровало ему весьма значительное преимущество.

Поэтому 23 августа, пока Фридрих Карл завершал процесс блокирования Базена в Меце, оставшаяся часть немецких войск стала вновь перемещаться на запад, правое крыло – к Сент-Мену, левое крыло – на Витри-ле-Франсуа, кавалерия – в частности, кавалерийские части 3-й армии – была выслана далеко вперед на разведку. Две крупные крепости все еще перекрывали путь – Туль и Верден. Все попытки вынудить их гарнизоны к сдаче посредством артобстрелов полевыми орудиями потерпели неудачу, и теперь предстояло каким-то образом блокировать их, выиграть время до прибытия осадных орудий. Но задержка, вызванная этими крепостями, была обратно пропорциональна численности армии вторжения. От развертываемых Мольтке сил вполне можно было отнять силы блокирования и направить усилия на строительство объездных путей или даже железных дорог, как у Меца.

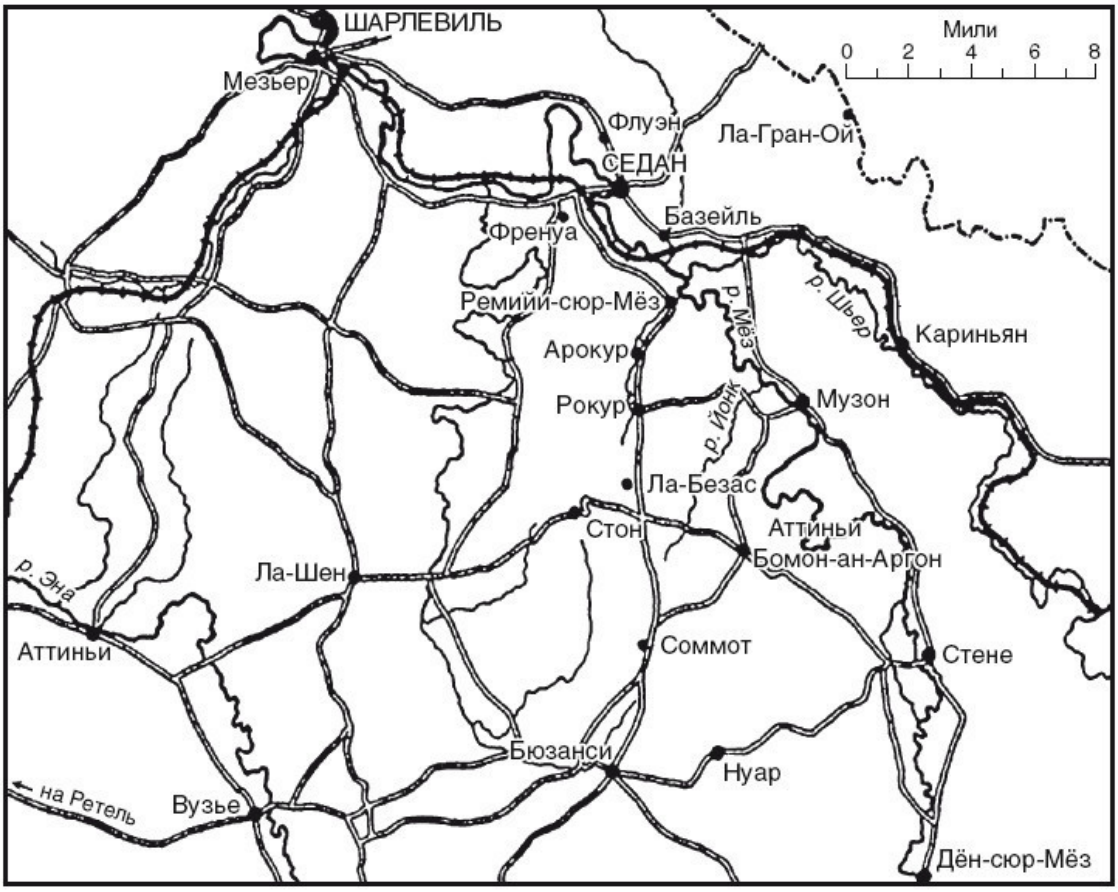
Основная трудность для Мольтке при планировании наступления заключалась в его полном неведении относительно местонахождения вражеской армии. 23 августа, в день начала нового наступления немцев, французы, как сообщалось, покинули Шалон-сюр-Марн. Кавалерийские разъезды немцев, 24 августа добравшиеся до опустевшего французского лагеря, подтвердили сведения, полученные Мольтке из других источников, о том, что Мак-Магон отступил к Реймсу. Но цель этого маневра так и оставалась неясной. В ставке короля предположили, что это – часть плана прикрытия Парижа. Блюменталь считал, что это был заурядный маневр с целью занять позиции на фланге наступавших сил противника. Возможность того, что Мак-Магон будет вынужден позволить возобладать чисто политическим соображениям над военными и придет на выручку Базену, также обсуждалась, однако Мольтке до сих пор не принимал подобный вариант настолько серьезно, чтобы внести соответствующие изменения в свои планы. Приказы, изданные 25 августа, хотя предусматривали проведение глубокой разведки на север и возможность отправки сил к Реймсу, но не предусматривали изменений направления главного удара немецкого наступления. Только к вечеру 24 августа поступили более определенные сведения. И поступили они в форме депеши из Лондона, в которой обобщались сообщения парижской прессы о Мак-Магоне, который «пытается соединиться» с Базеном. Но все же для Мольтке подобный жест представлялся невероятным. Чтобы остановить войсковые колонны и колонны их войскового подвоза и повернуть их на север через поросшую дубовым и буковым лесом низкогорную (до 349 м) гряду Аргон, необходима была куда более точная и достоверная информация. Приказы, которые Мольтке издал на 25 и 26 августа, были продиктованы его стремлением выиграть время. Армиям предписывалось слегка изменить направление, взяв чуть вправо, двигаться скорее на Реймс, чем на Шалон, а кавалерии правого крыла – провести разведку в северо-западном направлении до Вузье и Бюзанси, и 27 августа, если не будет других распоряжений, наступавшим войскам было приказано остановиться вдоль линии Витри-ле-Франсуа – Сент-Мену.

Подготовив себя, таким образом, к любому развитию событий, Мольтке потратил день 25 августа на ожидание более конкретных сведений и проработку комплексного графика следования войск, к которому уже сумел приучить своих штабистов и который позволял ему перехватить Мак-Магона, как рассчитал Мольтке, к 29 августа возле Дамвиллера. Вечером новости, которых он с таким нетерпением дожидался, наконец прибыли – пачка парижских газет, в которых дебатировались не только планы спасения Базена, но и по крайней мере в одном издании – речь шла о газете *Le Temps* от 23 августа – недвусмысленно заявлялось о том, что, дескать, Мак-Магон уже продвинулся к северо-востоку от Реймса, собираясь осуществить задуманное. Картина прояснялась.

Но все же это были лишь косвенные доказательства. Это могло быть просто введение немцев в заблуждение. Донесений от кавалерии Маасской армии, подтверждавших бы это, как не было, так и нет. Мольтке столкнулся с необходимостью принятия решения, которая возникает, как правило, не чаще раза-двух за кампанию, решения, которое может быть принято исключительно верховным главнокомандующим и достоверность которого никак не определяется суммой полководческих умений, а лишь единственным фактором, на который обычно рассчитывают солдаты, любовники и игроки, – удачей. Мольтке решил рискнуть и поверить полученным сведениям. Приказы, которые он направил кронпринцу Саксонскому, содержали пункт о спасении на тот случай, если результаты конной разведки на северо-запад опровергнут упомянутые сведения. Если французы идут на север, рассуждал Мольтке, Маасская армия должна сосредоточиться у его правого фланга между Верденом и Вареном, и оба баварских корпуса на правом крыле 3-й армии также развернутся на север, «но мы не можем решиться на это без донесений, которые получит его королевское высочество и чьего прибытия сюда мы не можем позволить себе дожидаться». Кронпринц Саксонский был, таким образом, уполномочен самостоятельно принять решение, но чтобы облегчить ему задачу, Мольтке ночью направил Верди в штаб Маасской армии с почти той же миссией, которую поручили тремя неделями ранее кронпринцу Пруссии, – чтобы убедиться, что командующий армией действовал в соответствии с распоряжениями Мольтке.

Кронпринц Саксонский долго не раздумывал. Он решил выступить, не дожидаясь донесений кавалерии, и сразу же его четырем пехотным корпусам были разосланы приказы развернуться на север. На следующий день Мольтке подтвердил их. Маасская армия должна была продвинуться на север к Аргону (Аргонскому лесу), имея запас провианта на три дня и оставив все, кроме самого необходимого. 3-я армия также должна была полностью развернуться, поскольку Блюменталь отказался сотрудничать в осуществлении плана, лишавшего его половины войск и всех прав на победу. И, наконец, полетело сообщение к Фридриху Карлу у Меца, в котором его просили выделить два из его корпусов для переброски в район Дамвиллера, где Мольтке все еще ожидал сражения, которое, по его мнению, должно было начаться 28 августа. В случае необходимости он был готов перебросить силы блокирования на правый берег Мозеля, поскольку Мак-Магона можно было разгромить и до того, как Базен с боем прорвется на запад и соединится с ним. Даже если два корпуса на левом крыле 3-й армии и не смогут вовремя подтянуться, у Мольтке все равно оставалось бы семь корпусов против четырех французских. Тогда сам Мольтке вместе со штабом двинулся на север к городу Клермон-ан-Аргон, а его штаб тем временем изыскал бы способ эффективного управления массой войск численностью в 150 000 человек, включая вооружения и колонны войскового подвоза, по нескольким невзрачным дорогам, ведущим на север через Аргон, – дорогам, которые вследствие непрерывных маршей немецких колонн и столь же непрерывных дождей стали непроезжими и даже непроходимыми. Все проблемы вроде бы удалось свести к минимуму, но окончательно устранить их не было возможности. Марши удлинили, сроки их и маршруты накладывались друг на друга, колонны войскового подвоза терялись, и многие немецкие соединения, части и подразделения выбивались из сил. Кроме того, в результате внезапной перемены погоды резко

и пугающе повысилась заболеваемость. Но игра стоила свеч. В тот же день, когда Мольтке развернулся на Клермон-ан-Аргон, саксонская кавалерия, проводившая разведку к северу от Вузье и Гранпре, наконец обнаружила армию Мак-Магона.

Долина Мёза (Мааса)

Как только Мак-Магон решил прийти на помощь Базену со своей деморализованной и неподготовленной армией, вопрос о разгроме уже споров не вызывал. Его единственной благоприятной возможностью было не победить, а хотя бы избежать катастрофы, и зависело это от скорости переброски, а к быстрой переброске его огромные, плохо обученные и снабжаемые колонны были неспособны. Трудности, с которыми интендантская служба столкнулась в связи с необходимостью снабжать такую группировку, следовавшую через неподготовленную страну, множились, во-первых, из-за неспособности французского штаба к планированию, и это позволило немцам оперативно перебросить куда большее число солдат, и, во-вторых, из-за растущей недисциплинированности самих колонн. Большое количество поставок хранилось на вокзале Реймса, – впрочем, они быстро разворовывались, – и Мак-Магон приказал, чтобы его корпус запасся провиантом и всем необходимым на четыре дня перед тем, как покинуть город. Но офицеры-интенданты не имели ни времени, ни штата, ни транспорта для организации распределения, и рабочие команды, посланные на пополнение рационов, свою задачу не выполнили. В первый день марша из Реймса до реки Сюип войска в пути следования разбегались и беззастенчиво грабили гражданское население. Мак-Магон не обращал на это внимания, отделываясь стандартными отговорками: мол, если администрация не справляется, войска должны прокормить себя сами, но даже он понимал, что подобная «инициативность» проблемы не разрешит. Территория, по которой продвигалась армия, сельскохозяйственным районом не являлась. Было не так много городов, а железные дороги и вовсе отсутствовали. Перед оче-

редным продолжением марша войскам было необходимо пополнить припасы, а это было возможно лишь при условии выхода к железной дороге на Ретель, расположенной почти на 30 км севернее, как раз под прямым углом к линии марша. Поэтому 24 августа Шалонская армия круто повернула от направления на Мец к северу – в тактическом отношении совершенно сумасбродная затея, которая, собственно, и объясняет неспособность немецкой конницы определить местонахождение французов в течение еще двух дней. Только 26 августа Мак-Магон смог возобновить свой прерванный марш на восток.

К этому времени сомнения Мак-Магона возросли. О Базене не было вообще никаких сведений, и обеспокоенный этим Мак-Магон послал ему сообщение: «Думаю, что мне не удастся переместиться гораздо дальше на восток, не располагая сведениями от Вас и не зная Ваши планы, поскольку, если [2-я] армия кронпринца направляется на Ретель, мне придется отступить», и 26 августа кавалерия 7-го корпуса на правом фланге армии натолкнулась на конный отряд саксонцев около Гранпре. Дуэ, опасаясь попасть в клещи целой прусской армии, остановился и развернул свой корпус. Мак-Магон послал 1-й корпус к Вузье для поддержки, и вся французская армия застыла в неподвижности. И снова смелость немецкой кавалерии принесла плоды.

Утром французы убедились, что у страха глаза велики, 1-й корпус вернулся той же дорогой, и армия устало продолжала вертеться вокруг 7-го корпуса, застывшего около Вузье и наблюдавшего за действиями саксонских кавалерийских дозоров. В результате этого продвижения на восток французы оказались еще ближе к продвигавшимся к северу через Аргон немцам. Авангард саксонской кавалерийской

дивизии столкнулся с 5-м корпусом в Бюзанси, и после интенсивной перестрелки и немцы, и французы отступили. Основные силы обеих немецких армий все еще с трудом ползли по грязи через проходы Аргонского леса, но саксонцы на их правом фланге достигли в Дёне (Дён-сюр-Мёз) и Стене Мёза (Мааса), и с их подходом исчезла последняя надежда Мак-Магона без боя выйти к Монмеди. К вечеру 27 августа, когда Мак-Магон оказался лицом к лицу с немецкой пехотой по фронту у Мёза (Мааса), немцами в тылу у Шалона и Реймса и немецкой кавалерией, выходившей из Аргонского леса на открытую местность для преследования его правого фланга, все в Ле-Шене поняли полную безнадежность своего положения и решили отказаться от проведения операции. В штаб армии полетели приказы прекратить марш на восток и повернуть на север. Депеши направили и Базену, предупредив его о том, что если в течение следующих нескольких часов никаких больше указаний не поступит, то Шалонская армия будет вынуждена отойти на Мезьер. Наконец, Мак-Магон доложил Паликао о предпринятых шагах и причинах, их обусловивших. От Базена никаких сведений не поступило, указал Мак-Магон, и если бы он продвинулся дальше, то подвергся бы атаке с фронта силами 1-й и 2-й немецких армий, а кронпринц [3-я армия] подобрался бы с юга и отрезал бы все пути отхода. Таким образом, отвод сил на север был единственным спасительным вариантом.

Именно это сообщение поставило точку в трагической участи Мак-Магона. Ответ Паликао был скорым и возымел катастрофические последствия.

«Если Вы бросите Базена [ответил Паликао в сообщении, которое было получено Мак-Магоном в 1.00 ночи 28 августа], в Париже вспыхнет революция и Вы сами подвергнетесь атаке всеми… имеющимися у противника силами. У Вас максимум 36 часов, чтобы уйти от [кронпринца], возможно, 48. У вас по фронту никого нет, возможно, малочисленная группировка, блокирующая Мец… Все здесь понимают необходимость вывода Базена из окружения, и все здесь всерьез обеспокоены Вашими маневрами».

Именно обеспокоенность Паликао и политической ситуацией, и успехом поддержанного им плана отодвинула для него на задний план все военные соображения. В минувшие несколько дней он буквально бомбардировал Мак-Магона полными оптимизма донесениями о низком боевом духе в немецкой армии, о брожениях в среде немецких резервистов, о поли-

тической нелояльности в непрусских формированиях, о разрушительном воздействии дизентерии и сыпного тифа в немецких войсках и о вероятности австрийского вмешательства – донесениями, в которые он, несомненно, был готов поверить сам. Но, в дополнение к уже допущенным вопиющим промахам, Паликао совершил еще один, вполне естественный. Он позволил себе не знать о существовании Маасской армии немцев. Мак-Магон, как ему представлялось, должен был иметь дело лишь с кронпринцем Пруссии, а кронпринц Пруссии до сих пор был занят подтягиванием сил к югу от Сент-Мену, на внешней оконечности поворачивавших согласно плану Мольтке войск. Поэтому Паликао не понимал, чего так страшился Мак-Магон, и сумел убедить Совет министров в том, что эти страхи безосновательны. Несколько часов спустя он подкрепил свое сообщение прямым приказом, в полной мере использовав предоставленные ему полномочия. «От имени Совета министров и Тайного совета я требую, чтобы Вы пришли на помощь Базену, прибегнув к маршу, и использовали фору в 36 часов, которую имеете перед кронпринцем Пруссии». Принимая во внимание тот факт, что немецкая конница уже вгрызалась во фланг французов, последняя фраза вообще утрачивала смысл. Но Мак-Магон был солдатом и понимал, что приказы надлежит исполнять. Он был не тем человеком, кто мог перехватить инициативу или пригрозить отставкой. В резиденции императора едва слышно возроптали, но, поскольку Наполеон III по своей воле решил самоустраниться от командных полномочий, все роптанием и ограничилось. Мак-Магон покорно отменил свои прежние распоряжения и стал справляться относительно удобных для форсирования участков Мёза (Мааса) ниже Стене. Последняя надежда на отход рухнула.

Смысл вынужденного решения Мак-Магона дошел до войск 28 августа, когда они, предчувствуя недоброе, в дождь снялись с места и двинулись вперед на глазах у немецких кавалеристов, стоявших на холмах южнее. Надо сказать, немецкая кавалерия не спускала глаз с идущих след в след между Вузье и Бюзанси 5-м и 7-м корпусами. Немецкая конница вошла в Вузье, едва 7-й корпус успел уйти, и должна была тоже убраться из Бюзанси до прихода туда 5-го корпуса. Получилось, что походные колонны двух французских корпусов, идущих от Ле-Шена на Ла-Безас, испугались дозоров немецких уланов. Мак-Магон все еще не терял надежды форсировать Мёз (Маас) у Стене, но за день его кавалерия выяснила, что все мосты надежно контролируются немцами, таким образом, на 29 августа он приказал армии снова отклониться на север и следовать в Ремийи и Музой для форсирования реки там.

Для двух находившихся севернее корпусов эта задача была несложной. Лебрюн без проблем добрался до Музона с 12-м корпусом, а 1-й корпус Рокура продвинулся на 10 километров дальше к западу. Но для двух корпусов, находившихся южнее, все оказалось труднее. 7-й корпус, преследуемый немецкой кавалерией, смог едва покрыть половину расстояния до Ла-Безаса, а до 5-го корпуса Фейи, продвигавшегося около Бюзанси и самого уязвимого из всех остальных французских соединений для атак противника, приказ об изменении направления и следования на север вообще не добрался. Доставлявший его офицер-штабист угодил в плен к немцам. В результате Фейи продолжал двигаться в восточном направлении к Стене. Вышло так, что эскадрон 5-й кавалерийской дивизии корпуса, проводивший разведку на несколько сотен метров впереди главных сил, поднявшись на взгорье около Нуара, был встречен ружейным огнем пехотинцев противника. Расстреливаемые в упор конники развернулись и бросились назад к своим, но не успели французы и глазом моргнуть, как 12-й Саксонский корпус развернулся к бою.

До этого лишь немецкая кавалерия, рассредоточившаяся отрядами от Мёза (Мааса) до Ретеля на Эне, находилась в боевом соприкосновении с французами, но теперь и немецкая пехота оказалась в пределах досягаемости. К 29 августа все проблемы, связанные с изменением направления, закончились, и конфигурация армий Мольтке вновь обрела порядок. Маасская армия вышла на линию между городами Бюзанси и Дён-сюр-Мёз. Гвардия слева, саксонцы справа, а находившийся в резерве 4-й корпус Густава фон Альвенслебена, занял промежу-

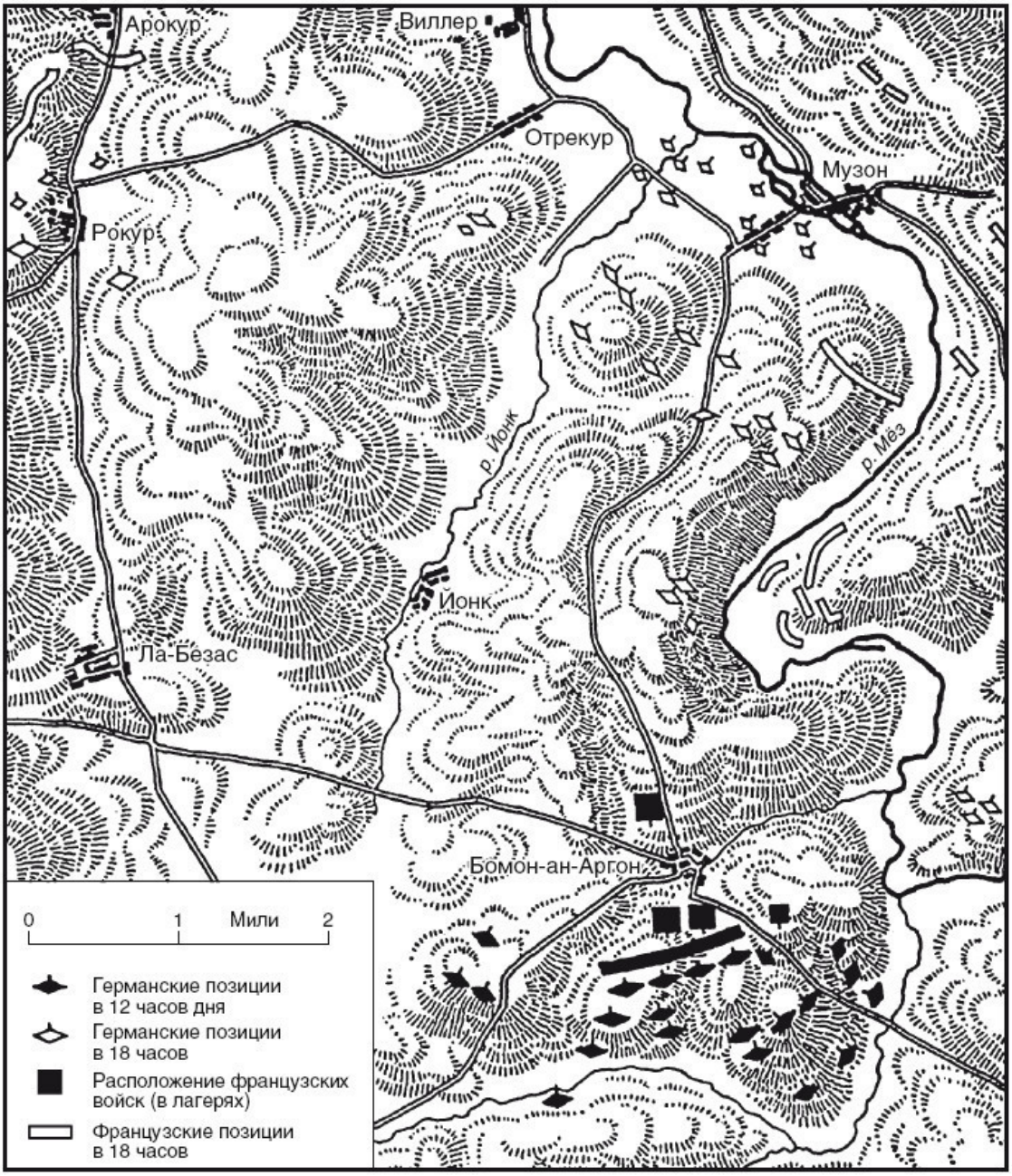
ток между ними. Эшелонированная в глубину слева, 3-я армия подтягивалась между Монтуа и Соммерансом, ее кавалерия проводила разведку на запад к Аттиньи и Ретелю. Авангарды саксонцев удерживали мосты через Мёз (Маас) в Стене, перекрывая дорогу на Монмеди, и Мольтке поэтому мог спокойно отослать назад в Мец два корпуса, предоставленные Фридрихом Карлом. В германском верховном командовании раздавались и голоса скептиков. Блюменталь ворчал о постоянном изменении приказов, осуществлявшемся на основе недостоверной информации, Густав фон Альвенслебен заявил, что вся смена направления была ужасной ошибкой, но сам Мольтке и его штаб, едва поняв, что Мак-Магон отказался от намерения отступить на север, прикинули расстояние до бельгийской границы и увидели преимущества для себя, проистекавшие из ее близости. Приказы Мольтке вечером от 28 августа предусматривали сосредоточение Маасской армии в целях подготовки к вероятному удару французов 30 августа. Маасская армия должна была сыграть роль наковальни для молота 3-й армии кронпринца, заходившей с запада. Но информация, поступившая на следующий день, вынудила его самого перейти в наступление. Маасской армии было приказано наступать на Бомон силами 12-го и 4-го корпусов и гвардией в резерве, в то время как 3-я армия, подходя слева, должна была выдвинуть два своих корпуса к Бюзанси, а остальные расположить вокруг Ле-Шена. Если повезет, появлялась возможность прижать Мак-Магона к Мёзу (Маасу) обеими армиями и по частям разгромить.

Первое столкновение между французской и немецкой пехотой произошло 29 августа, когда, как мы помним, Фейи уткнулся фронтом своей колонны в левое крыло корпуса саксонцев. Обе стороны весь день терзали друг друга в небольшой долине Визеп, и их потери составили около 600 человек. Французы отошли с наступлением темноты к Бомону. Ночь выдалась очень темной, и войскам, с трудом пробиравшимся по лесным тропам, потребовалось свыше шести часов, чтобы одолеть 11 километров до места назначения. Едва выйдя из лесов в Бомоне, они тут же повалились на землю и уснули. Арьергард подошел в 5 часов утра на следующий день, и затем над беспорядочно разбитым лагерем на склонах к югу от селения повисла тишина.

Решение отдыхать оказалось не самым разумным. 30 августа, в соответствии с распоряжениями Мольтке, 1-й и 2-й Баварских корпуса направились на Соммот, 5-й корпус фон Кирхбаха – на Стон, а 12-й и 4-й корпуса правого фланга стали продвигаться через густые леса, ведущие к Бомону (Бомон-ан-Аргон). Главные силы 4-го корпуса и 1-го Баварского корпуса 30 августа, почти одновременно выйдя из леса, увидели Бомон-ан-Аргон и заметили лагерь 5-го корпуса Фейи, в котором французы даже не удосужились выставить боевое охранение. Немцы, убедившись, что лошади распряжены, артиллерийские батареи отсутствуют, просто не поверили своим глазам. Как утверждали сами немцы, было даже как-то не совсем честно открывать по этому лагерю огонь. На мгновение они даже задумались, не выждать ли, пока подтянутся все остальные колонны, а уже потом атаковать всеми средствами, но, поскольку в головной дивизии 4-го корпуса заметили, что французы уже видят их и готовятся к бою, немецкая артиллерия тут же начала обстрел.

Французы отреагировали поразительно быстро. «Как встревоженный пчелиный рой», их пехотинцы поспешно покинули лагерь и открыли интенсивный ответный огонь. Несколько полков под барабанный бой попытались оттеснить немцев назад в лес. На другом участке офицеры спешно собирали людей в импровизированные боевые группы, но в кишевших солдатами и местными жителями лагере и в деревне хаотически сгрудились всевозможные повозки. Офицеры штаба выбегали из домов, где расположились на постой, возницы пытались запрячь лошадей. Улицы были забиты артиллерийскими орудиями, беспорядочно отступавшими военными, охваченными паникой местными жителями – все устремились на север в Музон или на восток к Мёзу (Маасу). Полчаса спустя за ними последовали остатки корпуса, едва ли более организованно. В долине восточнее селения появились саксонцы, а западнее, на высотах, – баварцы. Французы вынуждены были отступить, и в ходе этого отступления они растеряли весь

боевой запал. Лишь в нескольких подразделениях офицеры каким-то образом удерживали под контролем солдат, сумели организовать их отход.

Сражение у Бомона (Бомон-ан-Аргон)

Но все же отдельные полки французов каким-то образом развернули артиллерию и открыли по пруссакам огонь, что вызвало уважение даже у предусмотрительных и обязательных немцев. Артиллерийские позиции развернули на склонах к северу от селения, что не позволило частям 4-го корпуса войти в Бомон-ан-Аргон до 14 часов. Хлынувших из леса баварцев тут же встречал огонь ружей Шаспо из расположенных на склонах выше Йонка крестьянских ферм. Немцы не располагали кавалерией для преследования отступавших французов. Когда приблизительно в 15.30 4-й корпус и гвардия стали продвигаться из Бомона, они убедились, что Фейи успел занять выгодные позиции неподалеку, севернее, и пруссакам предстояло эти позиции атаковать.

Коллеги Фейи мало чем могли ему помочь. Дуэ, в 10 километрах западнее, в Стоне, слышал орудийные выстрелы, но был одержим мыслью о том, как бы переправить свои неповоротливые колонны через Мёз (Маас), и найти оправдание тому, что он ничего не предпринял, труда не составляло. У Лебрюна позиции были более благоприятными, и он приложил все усилия. 12-й корпус был без осложнений переправлен через Мёз в Музоне. Его левое крыло заняло позиции в нескольких километрах вверх по течению реки на ее правом берегу и получило возможность обстрелять немцев из артиллерийских орудий. Одна дивизия собралась возвратиться за реку в Музон для оказания срочной помощи 5-му корпусу Фейи, но Мак-Магон запретил это. И, вероятно, оказался прав. Его задача состояла в том, чтобы переправиться через реку, Фейи предстояло обороняться самому. Если бы войска оказались втянуты в сражение с угрозой оказаться прижатыми к реке, судьба армии была бы практически предрешена. Помощь Лебрюна ограничивалась предоставлением одной-единственной бригады для обороны колонн 5-го и 7-го корпусов, но даже эта помощь запоздала и уже ничего изменить не могла. Немцы успели обеспечить себе точку опоры на склонах у Музона и огнем оттесняли наступавшие полки назад к реке.

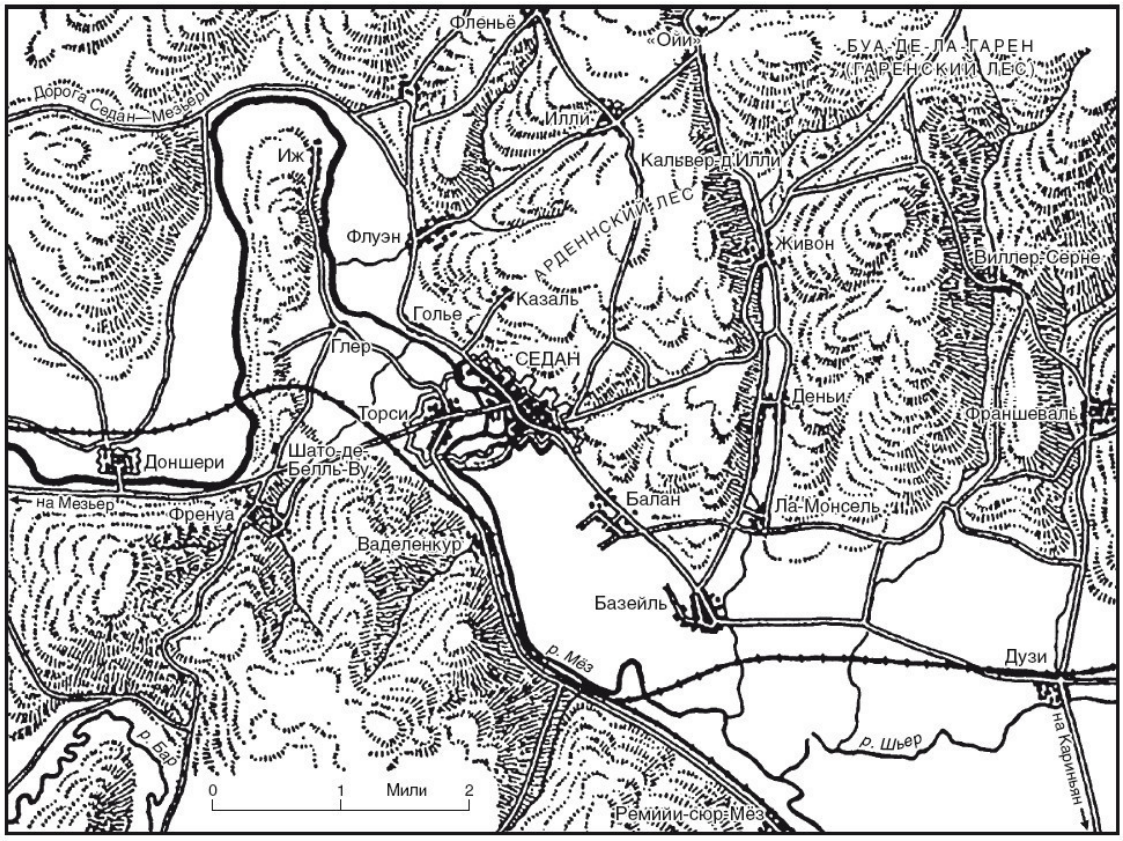
Новые позиции 5-го корпуса Фейи дрогнули под решительным ударом противника. Местность здесь была лесистой и непригодной для маневрирования, с немногими удобными участками для обстрела. Французы так и не оправились от хаоса, а немцы метр за метром постепенно оттесняли их от позиций, гнали через рощи и крутые холмы, не давая опомниться. К 18 часам между немцами и рекой оставался лишь участок ровной местности, усеянный брошенными телегами, повозками, среди которых французы беспорядочными группами устремлялись к мостам в Виллере и Музоне, подальше от артиллерийского огня немцев. Лебрюн пытался переправить часть сил через Мёз (Маас), чтобы создать плацдармы, через которые смог бы отступить 5-й корпус, но из-за царившего вокруг хаоса так и не смог. И его солдатам не удалось продвинуться вперед к мостам из-за наплыва отступавших. Фейи решил прибегнуть к обычному средству всех впавших в отчаяние от натиска противника командующих: бросил в атаку на немцев кавалеристов, чтобы таким образом раздробить их пехотные силы, лишить их сплоченности. Как и следовало ожидать, кавалерия, лихо поднимавшаяся по склонам и по пересеченной местности, снискала славу, но не более того. Ее остатки соединились с частями 5-го корпуса, которые толпились у мостов Музона или же, отчаявшись от бесплодных попыток пробить брешь в рядах теснившего их противника, устремлялись прямо в воды Мёза. Часть артиллерийских батарей следовали их примеру, и, конечно же, это даром не прошло – и лошади, и орудийные расчеты, да и сами орудия шли на дно реки. Лишь огонь частей Лебрюна из-за реки и еще группы пехотинцев и артиллеристов на левом берегу удерживали немцев на расстоянии до тех пор, пока остатки 5-го корпуса Фейи смогли отойти достаточно далеко. Только к 19 часам, то есть с наступлением темноты, немцы смогли вплотную подойти к реке и захватить трофеи – провиант, лошадей, повозки, брошенное оружие и пленных.

В ходе постигшей французов катастрофы они потеряли почти 7500 человек личного состава, в основном из 5-го корпуса. Но и потери немцев выглядели достаточно внушительно – 3500 человек, главным образом солдаты и офицеры 4-го корпуса, предпринявшего быстрое, но изнурительное наступление от Бомон-ан-Аргона до Мёза (Мааса). Это наступление стало для генерала Густава фон Альвенслебена и его солдат первым серьезным сражением, и, надо сказать, они вышли из него с честью. Что касается баварцев, отбросивших французов за Рокур, те бахвалились в открытую. «Величественные пейзажи, – писал их официальный историк, – погожие дни, достойная осмеяния неготовность застигнутого врасплох противника… уверенность в победе – все это способствовало нашему триумфу и восторгу». В главной ставке короля, плетущейся где-то в хвосте войск, наблюдали за сражением лишь мельком и сначала даже не оценили по достоинству потрясающего успеха Альвенслебена. Но в ту ночь расположившиеся огромным полумесяцем костры постов боевого охранения сияли на холмах, и рога этого

полумесяца указывали на протянувшуюся всего в 16 километрах бельгийскую границу, а Мак-Магон в Музоне приказал своим командующим корпусами возвращаться в крепость Седан.

Седан

Французское правительство уже решило заменить Фейи. Ярость в Париже на него за явное предательство Мак-Магона при Фрёшвийере в начале войны была настолько сильна, что императрица убедила своего мужа принять «болезненное, но необходимое решение». Имелся весьма компетентный преемник, которого предложил Паликао, в лице генерала де Вимпфена, губернатора Орана, который, как и все французские офицеры, остававшиеся в Африке, с самого начала войны неоднократно обращался в военное министерство с просьбами отправить его на фронт и кого Паликао на самом деле видел на посту командующего Рейнской армией[33]. Наполеон III подтвердил назначение, и Вимпфен прибыл в Париж 28 августа. Там во время обеда с Паликао Вимпфен выслушал его жалобы о том катастрофическом воздействии, которое фигура императора возымела на Шалонскую армию, и, вероятно, также обсуждались другие вопросы, потому что на следующее утро, когда он сел на поезд в Ретель, в последнюю минуту прибыло послание военного министерства, содержание которого было слишком важным, чтобы претендовать на неожиданность. «Если маршала Мак-Магона постигнет беда, – говорилось в нем, – вы примете командование войсками согласно его распоряжениям». Вооруженный этим фатальным указанием, Вимпфен направился в войска через Ретель и добрался до них на дороге между Седаном и Кариньяном, где они в беспорядке отступали.

Седан

[33] Паликао в книге Un Ministere de la Guerre de 24 Jours пишет о том, что он предлагал кандидатуру Вимпфена вместо Трошю на посту командующего 12-м корпусом, однако, когда 17 августа Трошю сменил Лебрюна, это показалось ему неверным решением. Хотя Паликао отрицает высказывание Вимпфена о том, что это он предлагал назначить его командующим 14-м корпусом в Париже в качестве противовеса фигуре Трошю. – *Авт.*

Единственной целью возвращения Мак-Магона в Седан было выиграть время – хотя бы один день на переформирование и пополнение личным составом рассеявшихся и деморализованных частей и подразделений и для выработки дальнейших планов движения. На самом деле Мак-Магон мог ограничиться не только этим, однако, считая свое положение отчаянным, воздержался. Первым делом он собирался, вероятно, занять оборону. Усталость и хаос, царившие в его войсках, только усилились бы в случае продолжения отступления. Мак-Магон в значительной степени недооценивал силы врага, а окружавшие Седан холмы представлялись ему великолепными оборонительными позициями. Сам Седан представлял собой очень небольшую крепость, которую с ее укреплениями XVII века лишь с большой натяжкой можно было считать таковой и которая представляла для французов исторический интерес, состоявший в том, что некогда она служила центром для мятежного семейства Бульонов (Буйонов) и еще местом, где вырос Тюренн[34]. Долина Мёза (Мааса), широкая и заболоченная, защищала Седан с юга и с запада. Севернее неправильным треугольником от города расходились высоты. Седан лежал как раз в центре основания этого треугольника, а углы его были отмечены деревнями Флуэн на западе и Базейль на юго-востоке, восточная сторона – долиной Живон, а западная – глубокой ложбиной, протянувшейся на юго-запад и соединявшейся с долиной Мааса во Флуэне. Центр треугольника занимал обширный лесной массив Буа-де-ла-Гарен, протянувшийся через гребень холмов и на вершине упиравшийся в расположенное далее на север плато с седловиной, известной как Кальвер-д'Илли. На севере холмы сливались с Арденнами, где поросшие лесом спуски тянулись до самой бельгийской границы, расположенной в 11 километрах.

Подошедшие сюда 31 августа французские войска развернули позиции вокруг этого треугольника. Дуэ провел 7-й корпус до северо-западной стороны – к протяженному и открытому гребню, тянувшемуся из Кальвер-д'Илли вниз к Флуэну. Солдаты 1-го корпуса Дакро расположились, обеспечивая оборону с востока, на возвышавшихся над долиной Живон склонах. Справа от них продолжал линию обороны 12-й корпус Лебрюна, составивший гарнизон Базейля, а оставшиеся части и подразделения 5-го корпуса, принятого Вимпфеном под командование от расстроенного Фейи, составляли резерв на центральном участке, за исключением нескольких частей, направленных Мак-Магоном по настоятельной просьбе Дуэ для удержания Кальвер-д'Илли и прикрытия правого фланга 7-го корпуса. В ответ на возражения Дуэ о непригодности таких позиций и необходимости прорыть траншеи Мак-Магон лишь пожал плечами. Они не задержатся там надолго, успокоил он Дуэ. Мак-Магон не собирался отсиживаться в крепости, как Базен, а предлагал «сманеврировать перед лицом противника». Но этот противник уже наступал ему на пятки. Артиллерия 1-го Баварского корпуса уже обстреливала 12-й корпус французов из-за Мёза (Мааса), и облака пыли грозно поднимались за поросшими лесом холмами на юге. «Мой маршал, – упавшим голосом ответил Дуэ, – завтра враг не даст вам на это времени».

Если Мак-Магон и намеревался занять оборону в Седане, то ненадолго. Боеприпасов оставалось не так много для сражения, которое грозило затянуться не на один день. В Мезьере, в 20 километрах северо-западнее, обосновался генерал Винуа со своим недавно сформированным 13-м корпусом, и Мак-Магон предупредил офицера связи Винуа, что намеревается вернуть свою армию в Мезьер по дороге севернее Мёза (Мааса), только что проложенной и поэтому не обозначенной на картах немцев. Но имелись и возражения против такого маршрута. Императрица до сих пор заставляла Мак-Магона идти на Мец, и в течение дня 31 августа поступили сведения о том, что колонны немцев были замечены у Френуа и даже в Доншери, угрожая отходу французов. Мак-Магон стал подумывать над тем, не лучше ли, в конце концов, переместиться на восток к Кариньяну, но было видно, что подобное решение он не считает

[34] Анри де ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (11 сентября 1611 – 27 июля 1675) – знаменитый французский полководец, маршал Франции (1643), главный маршал Франции (с 1660 г.). Родился в Седане в семье герцога Бульонского (Буйонского).

безотлагательным. Даже если немцы действительно помешают отходу, рассуждал маршал, они тоже не в лучшей форме, сил у них маловато, чтобы помешать серьезной попытке прорыва, да и в любом случае, прежде чем принять решение, необходимо собрать достаточно сведений, а их у него маловато. Поэтому уже на следующий день, 1 сентября, Мак-Магон решил выслать разведку на восток и на запад на предмет проверки численности вражеских сил, а пока что пусть его войска хорошенько отдохнут и приведут себя в порядок. Приказы об этом поступили во все соединения, части и подразделения. В суматохе последовавших событий по крайней мере один из корпусов так и не ознакомился с упомянутым приказом, и только вечером следующего дня среди того, что осталось после самой большой катастрофы, постигшей войска французов за всю историю[35], какой-то дотошный офицер случайно обнаружил этот документ и ознакомился с его содержанием. Он начинался словами: «Всей армии сегодня отдыхать».

Беззаботность Мак-Магона резко контрастировала с четкой и ответственной оценкой ситуации Мольтке. Открывавшиеся перед ним потрясающие возможности стали ясны, когда 27 августа с занятием Стене немцы фактически отрезали французам путь на восток. С этого момента важность бельгийской границы стала выглядеть угрожающе. Вечером 30 августа Бисмарк предупредил бельгийское правительство, что, если французская армия не разоружится на момент пересечения франко-бельгийской границы, прусские силы оставляют за собой право продолжить их преследование, и Мольтке издал соответствующие приказы, не позволявшие французам перейти этот барьер. Маасская армия должна была наступать до выхода на правый берег реки и упереться своим правым флангом в бельгийскую границу, 3-й армии предстояло двинуться широким фронтом на север к реке и окружить французов силами своего левого крыла. «Если враг войдет в Бельгию и немедленно не разоружится, – продолжал приказ, – необходимо немедленно организовать его преследование и там» – предписание, к которому кронпринц Пруссии благоразумно приписал: «Или же всячески избегать нарушения бельгийской границы».

Двое из командующих армиями восприняли приказы с энтузиазмом. 31 августа саксонцы без боя продвинулись за Маас до реки Шьер, а гвардия, подошедшая с правой стороны от них, установила линию постов до самой границы в Ла-Гран-О. Кронпринц широким фронтом продвигал свои силы, пока они не появились на Мёзе (Маасе) и не подвергли обстрелу железнодорожную линию от Ремийи до Седана и даже до Доншери, где авангард 11-го корпуса вышел к неповрежденному мосту через Маас и перешел реку, намереваясь повредить железнодорожную линию. В Базейле (Базее) баварцы также обнаружили неповрежденный мост, но увидели, как французы готовят его к подрыву. Фон дер Танн немедленно атаковал их. Батальон ворвался на мост, отогнал французов, сбросил бочки с порохом в реку и хоть с трудом, но все же сумел удержать точку опоры в Базейле от контратак морских пехотинцев Лебрюна, пока их во второй половине дня не вынудили отойти за реку. В результате артобстрела загорелись дома в селении, и всю ночь столб багрового от огня дыма устремлялся к небу. Мак-Магон, узнав об этом, приказал немедленно взорвать мост, но вследствие еще одной трагической и типичной нестыковки мост подорван не был. Впрочем, это уже не имело значения, потому что с наступлением сумерек саперы-баварцы – по-видимому, не убоявшиеся обстрела французской артиллерии – все же навели два понтонных моста через реку.

Мольтке, прибыв вместе с королем в расположение 3-й армии, довольно потирал руки, изучая карты. «Теперь, – сказал он, – они у нас в мышеловке», а позже, уже вечером, приказал Блюменталю захлопнуть мышеловку, выдвинув 11-й корпус, невзирая на усталость личного состава, за реку для блокирования отхода французов на запад и для запланированной на

[35] Следовало бы здесь упомянуть о гибели армии Наполеона I в 1812 г. – из более 600 000 (444 000 в первом эшелоне), перешедших в ходе кампании русскую границу, обратно ее пересекли только около 40 000 – 15 000 пруссаков на севере, 24 000 австрийцев на юге и 9000— 10 000 в центре, переживших Березину и морозы у Вильно. Половина армии Наполеона 1в 1812 г. – французы, и из 570 000 ее безвозвратных потерь (в том числе 150 000 пленных) французов было больше половины. – *Ред.*

раннее утро атаки. Большего и не требовалось. Французские генералы, наблюдая за кострами боевого охранения немцев, начинали понимать, что их ждет, и Дюкро, изучив карты, подвел итог единственной бессмертной фразой: «Мы сидим на ночном горшке и скоро окажемся в дерьме». Ни о каком сне и речи не шло, – завернувшись в плащ, он уселся у бивачного костра в одном из своих полков зуавов и стоически стал ждать наступления утра.

И снова в ранние утренние часы 1 сентября из-за поспешности нижестоящих разыгралось сражение. Вероятным представляется, что Мольтке предпочел бы выждать, пока оба немецких крыла не сошлись бы теснее вокруг французов, и вот тогда можно было бы атаковать, поскольку фон дер Танну было приказано держать 1-й Баварский корпус на позициях около Ремийи и вступить в бой лишь при приближении Маасской армии с востока. Но, как утверждают те, кто склонен считать действия баварского генерала оправданными, некий устный приказ предписывал ему напасть раньше, если он сочтет возможным, и, опасаясь, что французы сбегут под покровом темноты, он атаковал в 4 часа утра, выдвигая солдат через Маас к Базейлю. Еще не рассвело, и холодный туман расстилался по всей долине Мааса. Французские пикеты покинули берег реки, и устремившиеся через железнодорожную линию[36] и понтонные мосты баварцы успели незамеченными достаточно далеко проникнуть в деревню. Бой завязался еще до наступления рассвета. Базейль был умело забаррикадирован, и его защитники, морские пехотинцы корпуса Лебрюна, считались самыми опытными и стойкими бойцами в Шалонской армии. Укрываясь за каменными стенами домов, они, подбадриваемые местными жителями, самоотверженно сражались с наступавшим противником. Деревня была охвачена пожаром: дома горели не только вследствие артобстрела немцев, ворвавшиеся баварцы поджигали их, чтобы выкурить оборонявших деревню французов. Надо сказать, что сельские жители активно помогали защитникам, что лишь усиливало ярость наступавших баварцев. Все гражданские лица с оружием в руках расстреливались на месте – немцы не церемонились. Вообще этот бой отличала свирепая жестокость. Интересно, понимал ли Мольтке, что из погребального костра Базейля восставал новый противник, куда более страшный, чем имперская армия Франции, – взявшийся за оружие французский народ.

Между 5.30 и 6.00 стало светлее, и бой в Базейле (Базее) готов был зайти в тупик. Генерал Лебрюн, стоя на позициях на склоне над деревней, видел за Живоном колонны приближавшихся с востока немцев, а также развертывавшиеся на спускавшихся в долину склонах артиллерийские орудия. Все они были вне пределов досягаемости французских орудий. Это был саксонский корпус, первый прибывший в составе Маасской армии.

Постепенно атака немцев распространялась на долину Живон. Шестнадцать батарей развернулись на склонах выше Ла-Монселя, одна колонна саксонцев, овладев деревней, соединилась с баварцами, действовавшими у нее на левом фланге, другая – находившаяся на правом фланге – угрожала Деньи. Но здесь Дюкро, едва рассвело, выдвинул дивизию через реку для обороны моста у Деньи, и саксонцев, продвигавшихся по склонам к долине, решительно контратаковали зуавы. Это произошло приблизительно за три часа до того, как саксонцы подтянули достаточно сил и вооружений, чтобы сдержать эту операцию по прикрытию, и Деньи оборонялась почти до 10 часов утра. Французы беспорядочно отступили. Взбираясь по крутым склонам западнее Живона, они потеряли несколько орудий, стремясь вернуть свои главные позиции, и под огнем немцев пали командующий дивизией генерал Лартигю вместе со своим начальником штаба.

---

[36] Мак-Магон выслал отряд войск для разрушения моста, но едва солдаты выбрались из вагона, как машинист рванул состав с места, увозя необходимый инструментарий и взрывчатку. Высланный Мак-Магоном еще один отряд обнаружил мост уже занятым противником. – *Авт.*

Немецкая артиллерия могла записать на свой счет и более высокопоставленных погибших. Мак-Магон верхом отправился к Базейлю, прослышав об атаке баварцев, чтобы, как он объяснил позже, «иметь возможность отдать приказы на продвижение либо на запад, либо на восток». И тут же осколок снаряда угодил ему в ногу, и его доставили в Седан. Ничего не зная о назначении Вимпфена, он избрал своим преемником генерала Дюкро, самого опытного и деятельного и едва ли не самого старшего по возрасту из всех его командующих корпусами. Дюкро несколько дней даже не видел Мак-Магона, уже не говоря о том, чтобы обсуждать с ним планы. Он не знал ни об обстановке в других корпусах, ни о местонахождении немцев, ни о доступных поставках. Но в отличие от Мак-Магона понимал, что, если французская армия продолжит упорно обороняться, она обречена на разгром. И, считал он, следует отступить, пока еще остается возможность. Дюкро тут же издал приказы на немедленное отступление на запад. Дойдя до позиций в тот же вечер, он ничего не знал о немецком наступлении на Доншери. До сих пор немцы наступали только на Базейль и в долине ручья Живон, но, будучи ветераном Фрёшвийера, Дюкро понимал, что это лишь вопрос времени, что вскоре они предпримут маневр на охват, причем бросят на эту операцию все имеющиеся у них силы. Единственной надеждой был немедленный отход. Когда офицеры его штаба стали возражать, убеждая его в том, что, дескать, пока они отбивают атаки немцев, все идет хорошо, и что необходимо выждать, Дюкро отмел эти аргументы. «Ждать? Зачем? – решительно потребовал он ответа. – Ждать, пока нас не окружат? Нет, нельзя терять ни минуты!»

Но возражал и Лебрюн, а доводы генерала, который был его ровесником, Дюкро не мог просто так отвергнуть. 12-й корпус, доказывал Лебрюн, решительно и упорно отбивает атаки противника, и потом, вывод войск из боя всегда сопряжен с немалыми трудностями при условии, что он вообще возможен, и переход корпусов по пересеченной и лесистой местности между Базейлем и Илли займет не один час. «Враг просто играет с нами здесь, а сам тем временем обходит нас с флангов, – парировал Дюкро. – Настоящее сражение разыграется у нас в тылу, в Илли». Но он решил не настаивать на своем. Только полчаса спустя, когда артобстрел немцев усилился и бой сместился на север – как у Фрёшвийера к югу, – он уже больше не мог ждать и в 8 часов в категоричной форме приказал Лебрюну отступить. Лебрюн без слов стал выводить свои силы из Базейля.

Едва Лебрюн стал выполнять этот приказ, как приблизительно в 8.30 утра появился Вимпфен: разъяренный чужак, на лице которого была написана пресловутая *furia francese* и тяготы минувшей недели. Он, заявил Вимпфен, он, а не кто-нибудь приказывает здесь, и не может быть и речи ни о каком отводе войск. Если уж армия и отступит, то на восток, а не на запад, Лебрюн должен оставаться на месте, из 7-го корпуса к нему направляется подкрепление, а потом им предстоит развернуться для наступления. Несчастный Лебрюн согласился остаться и стоять до конца, отменил все свои ранние приказы на отступление. Для Дюкро Вимпфен отправил сообщение, в котором объявил о своем назначении и просил его «приложить все силы и умения для обеспечения победы». Ошеломленный Дюкро пытался разыскать Вимпфена и убедить его в необходимости скорейшего отступления, но Вимпфен был непоколебим. «Нам нужна победа» – таков был его ответ на все приводимые аргументы, и Дюкро оставил попытки убедить Вимпфена. «Вам здорово повезет, мой генерал, – ответил он, – если сегодня вечером у вас еще останется возможность отступить!» И оказался прав. Отвод сил к Мезьеру смог бы уберечь хотя бы часть сил французской армии, хотя даже это было маловероятно – все попытки Вимпфена искупить беды минувшего месяца напрямую способствовали тотальной катастрофе.

В одном Вимпфен был лучше осведомлен, чем Дюкро. В отличие от Дюкро он знал о немецком наступлении на Доншери и поэтому не имел оснований для слишком уж оптимистичных надежд прорваться на запад. Мы помним, что в своих приказах Мольтке настаивал на ускорении наступления. Авангарды 5-го и 11-го корпусов на самом деле в 4 часа утра уже переправлялись через Мёз в Доншери, то есть почти одновременно с атакой баварцев Базейля.

К 7.30 часам, даже не встретив французские конные дозоры, немецкие колонны вышли на дорогу Седан – Мезьер и повернули на восток, откуда доносился гул канонады. Продвигаясь двумя корпусами по единственной дороге, немцы были обречены на задержки и беспорядок, и лишь к 9 часам авангард 11-го корпуса вышел к предместьям Флуэна, а 5-й корпус устремился на холмы левее Фленьё, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг угодившей в ловушку французской армии. Постепенно батареи обоих корпусов занимали позиции на склонах напротив длинного гребня к югу от долины Флуэн-Илли, где солдаты Дуэ находились в полной боевой готовности. Пехота следовала за ними, и когда войска продвинулись по склонам к дороге Флуэн – Илли, долину пересекло многочисленное кавалерийское формирование французов, следивших за их продвижением. Немцы открыли беглый огонь, кавалеристы бросились в разные стороны, и тут же угодили под артогонь немцев, обстреливавших их сразу с двух сторон. Часть кавалеристов и пехотинцев сумели восстановить боевой порядок, но большинство, растерявшись, бросились дальше на север мимо Фленьё в Арденны, пока оставалась эта последняя лазейка. Другие кавалерийские части и подразделения также сумели выбраться через эту узкую брешь, даже толком не соображая в суматохе боя, куда они устремляются. Многие из них погибли под артиллерийским обстрелом 5-го корпуса, другие уцелели и шли непонятно куда, тысячи отставших от своих частей пехотинцев пересекали границу, но лишь счастливчикам удалось без осложнений добраться через лесной массив к Мезьеру и, не попав в плен, продолжить борьбу с врагом.

Брешь долго не просуществовала, потому что гвардейский корпус на правом фланге Маасской армии уже шел с востока для соединения с левым флангом 3-й армии. Их пехота подошла справа от саксонцев для перенесения сражения в долину ручья Живон, и Гогенлоэ, развернув свои батареи на склонах над долиной, приступил к продолжительному обстрелу беспомощных масс 1-го корпуса Дюкро у леса Буа-де-ла-Гарен. Гвардейская кавалерийская дивизия развернулась на север к Фленьё, и незадолго до полудня ее подразделения авангарда увидели авангард 5-го корпуса у фермы «Ойи» на входе в долину ручья Живон. Кольцо окружения замкнулось.

Это был триумфальный день, и штаб Мольтке отыскал для короля идеальное место для обзора, откуда за ходом сражения можно было наблюдать просто как с трибуны. Никто из главнокомандующих европейских армий никогда не имел возможности для подобного обзора. На прогалине одного из покрытых лесом холмов выше Френуа, к югу от Мёза, собрался весь генералитет в форме, куда более подходящей для выхода в театр, нежели для поля сражения. Тем более сражения, которому предстояло решить судьбу Европы, если не всего мира (британский автор несколько преувеличивает. – *Ред.).* Присутствовали король, Мольтке, Роон вместе с офицерами штаба ставки, и все наблюдали триумфальный итог своей работы, а Бисмарк, Гатцфельдт и чиновники министерства иностранных дел наблюдали за ее началом. Здесь был полковник Уокер от британской армии и генерал Кутузов от русской, был генерал Шеридан из США, У.-Х. Рассел из «Таймс» и целая толпа немецких князей и королей – короли Леопольд Баварский и Вильгельм Вюртембергский, герцог Фридрих Шлезвиг-Голштинский и герцог Саксонско-Кобургский, великий герцог Веймарский и великий герцог Мекленбургский и Штрелитцкий и еще с полдесятка других, созерцавших, как их независимость таяла по мере того, как час за часом прусская, саксонская и баварская артиллерия изничтожала французскую армию у Седана.

Сначала утренний туман, дым орудий и от охваченного пожаром Базейля скрывали поле битвы, но позже с восходом солнца прояснилось, и взору наблюдавших предстала сцена сражения во всем ее великолепии: сам Седан, за сверкающим зеркалом воды Мааса. Он был так близко, что в хорошую подзорную трубу можно было разглядеть его запруженные народом улицы и биваки вокруг города, французских солдат в красной форме, столь выделявшейся на фоне местности, протяженную линию леса Буа-де-ла-Гарен, окаймлявшую гребень горы, и

дальше – открытые склоны выше Илли и Живона, где оба крыла германской армии уже начинали развертывать артиллерийские батареи, и темные гребни Арденн, служившие фоном этой сцены. На полях ниже, между Френуа и Ваделенкуром, 2-й Баварский корпус развернул длинную линию артиллерийских орудий, а 4-й корпус разворачивал свою справа у Ремийи: именно эти два корпуса обеспечивали прочный фундамент сил вдоль южного берега Мёза, в то время как крылья смыкались с обеих сторон. В Базейле баварцы к полудню сумели пробиться через деревню и установить орудия на склонах за ней, и теперь начиная от их правого фланга протянулась почти завершенная окружность батарей – саксонцев выше Деньи и гвардейцев выше Живона, силезского 5-го корпуса перед Фленьё, гессенского 11-го корпуса к северу от Флуэна – именно он и свел на нет все попытки французских стрелков принять ответные меры, обрушив град снарядов на линии обороны пехоты, без прикрытия дожидавшейся на открытых склонах атаки, которую она собиралась отразить и которой так и не последовало. Бойня Сен-Привы не должна была повториться, на этот раз немецкие командующие предоставили право решать своим орудиям.

Линия обороны французов постепенно скатывалась к хаосу. Невозможно было понять, какой корпус пострадал больше – Лебрюна от огня баварцев и саксонцев, Дюкро – от огня гвардейцев или Дуэ – от орудий 5-го и 11-го корпусов, но именно на фронте у Базейля был намечен участок прорыва, там, где наседали баварцы, и встревоженный Вимпфен отправился в расположение 7-го корпуса, чтобы самому убедиться, может ли Дуэ выслать подкрепление. Дуэ был полон оптимизма. Он принялся уверять командующего, что удержит позиции, пока будет держаться Кальвер-д'Илли – главная опора его правого фланга. Вимпфен пообещал ему прислать части 1-го корпуса. «Скоро у нас будет больше людей на плато, чем требуется, – заверил Дуэ Вимпфен. – Наступайте, это повысит боевой дух! Ведь нам нужна победа!» Приободренный словами командующего, Дуэ направил большую часть сил дивизии к Буа-де-ла-Гарен на юг. Там Вимпфен пытался собрать людей для прорыва на Кариньян. Он планировал совершить этот прорыв немедленно, потом, передумав, все же решил дождаться темноты, но уже к полудню даже он стал понимать всю отчаянность своего положения. Нельзя было терять ни минуты. У него, конечно, было еще достаточно войск: не только усиленный 12-й корпус Лебрюна, но и правое крыло Дюкро, и целая дивизия 5-го корпуса, пока что в бой не введенная, в то время как 7-й корпус и левое крыло 1-го корпуса могли отразить немцев с тыла. После последнего спора с Дюкро Вимпфен приблизительно в 13 часов отдал приказ и послал вестового в Седан за Наполеоном III, чтобы тот прибыл и встал во главе своей армии.

Наполеон III не появился. Как это уже имело место в подобных случаях, император оперировал более трезвыми категориями, нежели его генералитет, и понимал, что все это предприятие обречено на провал. Мало того, не появился не только император, но и войск отчаянно не хватало. Вимпфен не учел того, о чем предупреждал Клаузевиц, – присущего войне элемента неожиданности. Соединения и части не могли отыскать. Посыльные сбивались с дороги. Командующие, не имея карт, путали направление. Отдельные части и соединения не могли перемещаться под артиллерийским огнем, другие пытались, но выяснилось, что дороги непроходимы – забиты горящими повозками, трупами лошадей и людей, двигавшимися в противоположном направлении войсками. Только в Балане, между Седаном и Базейлем, Вимпфену удалась длительная атака, вынудившая 2-й Баварский корпус послать за подкреплением. Где-то еще умудрились потерять приказы, в другом месте ни о какой переброске сил и мечтать было нечего из-за плотного артогня противника. Вимпфен, взбешенный и настроенный весьма решительно, все еще пытался сплотить свои войска, когда позади него от Буа-де-ла-Гарена вниз гигантской волной устремились охваченные паникой солдаты, обезумевшие от страха лошади, тащившие орудия и повозки, оставшиеся без командиров солдаты – все тщетно пытались найти прибежище в Седане. Фронт 7-го корпуса рухнул.

Дуэ впоследствии объяснил крах его войск захватом Кальвер-д'Илли, потерей «ключевой позиции», но журналы боевых действий его полков указывают скорее на постепенное разрушение обороны вследствие артиллерийских обстрелов немцев. Отправка его сил на помощь Лебрюну совпала с наступлением немецкой пехоты, которая примерно в 13 часов не только закрепилась в Илли, как раз напротив его уязвимого правого фланга, но и поднялась на холм из Флуэна, создав угрозу и для его левого фланга. Озабоченный Дуэ поехал к Кальвер-д'Илли удостовериться, что там все в порядке. Там было отнюдь не все в порядке. Французских войск не было вообще. Если Вимпфен и послал туда кого-либо, то эти силы до сих пор не прибыли, или если они все же прибыли, то успели сбежать в лес Буа-де-ла-Гарен, – и прибывший самолично осмотреть Кальвер-д'Илли Дюкро обнаружил множество отбившихся от своих частей солдат 7-го корпуса. Дюкро также убедился, что самые худшие его опасения подтвердились. Кальвер-д'Илли был беззащитен, и если бы немцы заняли его, то смогли бы вклиниться в позиции французов и рассечь их надвое. К 14 часам в Кальвер-д'Илли уже была немецкая пехота, и теперь немцы получили возможность открыть огонь по лесу Буа-де-ла-Гарен. Дюкро и Дуэ попытались наскрести хоть горстку войск из всех частей, из любого подразделения стремительно сокращавшегося фронта, затем бросили их в брешь, то есть туда, где находились оба командующих. Разгорелась совершенно непостижимая схватка – это был бой вслепую, подразделения разных полков перемешались, ничего нельзя было понять. Следует добавить и артиллерийский обстрел из 90 орудий, развернутых 11-м корпусом к югу от Фленьё. К 15 часам, несмотря на все усилия Дюкро сплотить войска, даже самые бесстрашные из французских частей стали отходить в леса, надеясь обрести в них безопасность, что было более чем сомнительно.

Угроза левому флангу Дуэ у Флуэна была ничуть не менее серьезной. Здесь по его приказу войска укрылись в спешном порядке вырытых траншеях – две линии обороны на дистанции в 200 метров, – и все утро они ружейным и артиллерийским огнем сдерживали немцев, не позволяя им выйти из деревни на открытое место. Но к 13 часам артиллерия французов была подавлена, и немецкая 22-я дивизия стала обходить французов с фланга в мертвой зоне у подножия холма. Несколько контратак французских пехотинцев вниз по холму успехом не увенчались. Две дивизии уланов также атаковали немцев и добились успеха – пусть невероятно тяжелой ценой, – но немцы появились на краю плато, и Дюкро, оставшемуся почти без артиллерии и пехоты, оставалось лишь прибегнуть к последнему, самому великолепному, но в большинстве случаев бесполезному средству – к кавалерийской дивизии генерала Маргерита.

План, который Дюкро обрисовал в общих чертах Маргериту, был отчаянным. Кавалерии предстояло не только отразить атаку немцев, но и выступить в роли тарана – пробить проход для французской пехоты, которая собралась предпринять еще одну, последнюю попытку прорыва на запад. Пока эскадроны дивизии сосредоточивались в лощине выше Казаля, перестраиваясь под артиллерийским огнем в две мощные линии, Маргерит выехал разведать обстановку на склонах, ведущих к Флуэну и Мёзу, где и предстояло атаковать немцев. Здесь он был серьезно ранен: пуля прошла через лицо, раздробив челюсть и разорвав язык, и его потрясенные эскадроны видели, как ведут генерала, поддерживая под руки, двое адъютантов и как командующий из последних сил поднял руку, чтобы указать на врага, и тут же упал без чувств. В рядах кавалеристов послышался сердитый ропот – *Vengez-le!* – и масса конников бросилась вверх по гребню, мимо беспорядочно сгрудившихся пехотинцев, постепенно убыстряя темп до легкого галопа, пока не уподобились устремившейся вниз по склону лавине, которую, казалось, никакая сила не смогла удержать. Но, как это уже было в Морсброне и во Вьонвиле, столкнувшаяся с решительно настроенным противником, вооруженным заряжавшимися с казенной части винтовками, сиявшая анахроничным блеском отважная французская кавалерия рассыпалась в прах. Французы сумели преодолеть позиции немецких застрельщиков, но формирования подкрепления устояли перед ними и встретили надвигавшуюся на них массу залпами.

Линия обороны немцев не дрогнула. Атаковавшая кавалерия разделилась и, огибая ее с двух сторон, пронеслась дальше. Часть конников направилась на север, в сторону Илли, и, возвращаясь туда, откуда начинала атаку, другие хлынули к югу на Голье или прямиком в окружение врага – в долину Глер, оставляя груды убитых лошадей и всадников у позиций немцев.

Когда уцелевшие после попытки атаковать кавалеристы сплотились, Дюкро разыскал их командира, генерала де Галифе, и осведомился у него, нельзя ли «повторить атаку». «Да как пожелаете, мой генерал, – бодро ответствовал Галифе, – пока хоть один солдат не останется». И рассеявшиеся эскадроны сплотились вновь, и вновь наблюдатели у Френуа увидели, как конники понеслись навстречу верной гибели. Король Вильгельм I взволнованно воскликнул, пораженный бесстрашием французских кавалеристов, произнеся фразу, впоследствии увековеченную в камне в мемориале у Флуэна: «Ах! Вот это храбрецы!» Впрочем, король

Германии не собирался проливать слезы по поводу посланных на убой солдат и офицеров. Даже после второй атаки кавалерия не была окончательно разгромлена. В 15 часов Дюкро, фронт которого вот-вот должен был рухнуть, раз за разом продолжал бросать конников в заведомо безнадежные атаки и подгоняя вслед за ней пехотинцев, тщетно пытавшихся смять оборону немцев. Последняя атака французов была отражена столь же решительно, как и предыдущие, и послужила примером невиданного доселе бессмысленного смертоубийства. Имя Галифе обросло легендами, одна из которых повествует о не ведающих страха французских кавалеристах и пехотинцах, из последних сил отбивших у немцев несколько метров обороняемой ими территории. Немцы прекратили огонь, их офицеры отдавали атаковавшим честь, и удостоившимся чести немцев французам было дозволено без единого выстрела шагом уехать прочь.

Теперь уже агонизировал корпус Дуэ. Немецкая пехота, обойдя его с двух сторон – от Фленьё на Буа-де-ла-Гарен, через ручей Флуэн, устремилась в лобовую атаку на французские позиции на высотах, и от Флуэна на восток к Казалю, стремясь отрезать пути отступления на Седан. Линия обороны французов слева направо рушилась. Офицеры, сражавшиеся напротив Кальвер-д'Илли, обнажив сабли, внезапно убедились, что в контратаку вести некого. Армия растворилась в массе беглецов, искавших спасения в лесу Буа-де-ла-Гарен или же торопливо отходивших вниз по холму в Седан. Ворота крепости стояли на запоре, но охваченная паникой людская масса, перемахнув через ров, стала взбираться по стенам под обстрелом артиллерии немцев.

Лавина отступавших надвигалась с северо-востока поля битвы, а также и с северо-запада, поскольку, когда 7-й корпус пал под обстрелом немцев на участке между Фленьё и Флуэном, натиска артиллерии саксонцев и гвардейцев не выдержал и 1-й корпус. Саксонцы пересекли долину ручья Живон, и их пехотинцы вместе с артиллерией закрепились на высотах к западу от Деньи. Далее на севере Гогенлоэ удерживал на месте артиллерию гвардии, методично обстреливавшую лес Буа-де-ла-Гарен. Каждой из его 10 батарей был отведен участок леса, а каждому орудию батареи – своя высота. Лишенная всякой возможности укрыться от смертоносного огня немцев, французская армия стремительно редела. При появлении на опушке леса пытавшихся отступить французов они в упор расстреливались всей мощью корпусной артиллерии. Никогда прежде артиллеристы не демонстрировали подобной точности огня. Когда в 14.30 орудия после финального залпа умолкли, продвинувшаяся в лес гвардейская пехота обнаружила там лишь неорганизованную массу полностью деморализованных французских пехотинцев, совершенно не способных дать отпор. Целые батальоны, поднимая руки вверх, размахивали белыми платками в знак капитуляции. Некоторые части из числа уцелевших пытались сопротивляться по пути из Кальвер-д'Илли, но вскоре убедились, что дорога перекрыта не только противником, но и французскими войсками, не желавшими знать ни о каком продолжении битвы, но пытавшимися остановить ее. 3-я армия постепенно окружала лесной массив, надвигаясь с севера и

запада, а саксонцы – с юга. К 17 часам шум боя утих, лес и тысячи пытавшихся укрыться в нем оказались в руках немцев.

Тем временем Лебрюн, Дуэ и Дюкро отдельно пробирались к Седану, чтобы найти императора. Наполеон III все утро объезжал поле битвы, ища смерти, которая упрямо не желала встречи с ним. Теперь, полный решимости закончить бойню, он поднял в Седане белый флаг. Когда появился Лебрюн, император потребовал от него послать к немцам парламентера с официальной просьбой о прекращении огня. Но кто должен был подписать это обращение? Фавр, начальник штаба Мак-Магона, отказался. Дюкро указал, что он уже не командующий войсками. Таким образом, оставался лишь Вимпфен. Обращение было составлено, оно содержало выдержанную в оптимистичном тоне просьбу о перемирии и призыв к обсуждению условий, «одинаково приемлемых для обеих армий», и Лебрюн приказал одному из своих военнослужащих унтер-офицерского состава с белым флагом сопроводить его на поиски главнокомандующего.

Вимпфен все еще находился на пути в Балан. Заметив белый флаг, он тут же стал протестовать. Нет, о капитуляции и речи быть не может. У них еще оставались удобные позиции, они еще могли сражаться, и Лебрюн должен вернуться в Седан и собрать войска для еще одной атаки.

И Лебрюн снова согласился, впрочем, сейчас это уже вообще не имело значения. И оба вернулись к толпам деморализованных солдат перед укреплениями Седана, убедили около тысячи человек следовать за ними, солдаты прихватили пару артиллерийских орудий и отправились в еще одну, безнадежную и последнюю атаку к Балану. По мере приближения к Балану их численность росла. Предпринятая ими ожесточенная атака относительно спокойного в последний час участка фронта принесла успех. Войска 2-го Баварского корпуса были выбиты из деревни, и встревоженные немецкие командующие привели в готовность свои батареи и резервы по обе стороны Мёза для блокирования попыток атаковать их. Но французы подобных попыток не предпринимали. Непродолжительный всплеск решимости после призыва Вимпфена унялся столь же быстро, как и возник, и когда они с Лебрюном попытались устремиться вперед за Балан, никто за ними не пошел. Тут даже Вимпфен вынужден был признать поражение. Бок о бок с Лебрюном, в окружении горстки оставшихся бойцов он медленно проследовал назад в крепость. Стрельба утихла. Вечернее солнце золотило все вокруг, царила тишина, и наступавшие на пятки отходившим французам баварцы наконец увидели развевавшийся над стенами крепости белый флаг.

Мольтке видел белый флаг. Он послал Бронзарта фон Шеллендорфа, чтобы тот выяснил, что это значит, и Наполеон III отправил его назад с офицером ставки императора генералом Реем, доставившим известное письмо, ставшее для Второго германского рейха отнюдь не малозначительным документом с печатью.

«Господин мой брат!

Не имея возможности погибнуть вместе со своими войсками, я лишь готов отдать свою шпагу в руки Вашего Величества. Я – добрый брат Вашего Величества.

Наполеон».

На склоне над Френуа это послание восприняли с благоговейным трепетом. После получения известия о предстоящем прибытии французского эмиссара кое-кто торжествовал вслух, но их не поддержали: слишком сильны и глубоки были эмоции, чтобы выразить их столь примитивно. Рей, с непокрытой головой прибыв на холм, нашел короля Пруссии, ожидавшего его вместе с принцами, которые, сгорая от нетерпения, полукругом стояли позади монарха. Король и Бисмарк изучили письмо, после чего Бисмарк продиктовал ответ. Рей с ним возвратился к своему сюзерену:

«Господин мой брат!

С сожалением ввиду обстоятельств, в которых мы встречаемся, я принимаю шпагу Вашего Величества и прошу наделить одного из Ваших офицеров в полной мере Вашими полномочиями для заявления о капитуляции армии, столь бесстрашно сражавшейся во исполнение Ваших приказов. Со своей стороны я назначил для этих целей генерала Мольтке».

После отъезда Рея вниз по холму в Седан в главной ставке занялись поиском ночлега. Грандиозность победы ошеломила всех: они едва верили, что подобное действительно имело место, тем более не могли понять, что это означало для Германии и для Европы в целом, как и того, что баланс сил фундаментально изменился. Даже отметить победу и то представлялось неуместным, этот момент куда больше подходил для того, чтобы возблагодарить Господа. Стемнело, и со стороны бивачных костров германских войск доносился один и тот же речитатив: «Так возблагодарим же Господа нашего…» Лишь только слова и музыка старого лютеранского хорала как нельзя лучше подходили победе, как эта.

Вимпфен, как и его коллеги, яростно протестовал против переговоров относительно капитуляции его армии, но не мог ничего поделать. Дюкро безжалостно заявил ему: «Принимая командование, вы рассчитывали на славу и почет… И отказаться теперь вы не вправе». И в тот же вечер в сопровождении генерала де Кастельно из ставки императора, наделенного статусом личного представителя императора, он отправился в дом в Доншери, избранный для встречи полномочных представителей, где его ожидали Бисмарк и Мольтке. Задача предстояла весьма неблагодарная – иметь дело с гением в политике (Бисмарком) и с гением в военном деле (Мольтке), но Вимпфен старался изо всех сил. Требованию пруссаков о пленении всех французских войск Вимпфен противопоставил «благородную капитуляцию»: армия при полном вооружении маршем отправится прочь с поля боя, дав обязательство ни при каких условиях не направлять оружие против Пруссии и ее союзников на период войны. Но подобное цивилизованное условие, куда более приемлемое, если бы речь шла, скажем, о гарнизоне осажденной крепости, едва ли было уместным применительно к национальной армии. Бисмарк подчеркнул, что именно в интересах Пруссии завершить эту войну как можно скорее, и самый удобный способ состоял в том, чтобы полностью лишить Францию ее армии, и когда Вимпфен перешел к угрозам оборонять Седан до последнего солдата, вмешался Мольтке, указав, что французская армия, сократившаяся до 80 000 солдат, с запасом провианта лишь на 48 часов и с весьма небольшим запасом боеприпасов, не сможет продолжать сражаться против армии численностью в 250 000 солдат, вооруженных 500 орудиями.

Тогда Вимпфен попытался подойти по-другому, причем этот подход касался самой сути проблемы и долгосрочных отношений между Францией и Германией и самой природы французского государства. Великодушие, аргументировал он, было бы единственно возможным основанием для прочного мира. Драконовские же методы пробудили бы все недобрые инстинкты, дремавшие в условиях прогресса цивилизации, которые положат начало Франко-прусской войне, которой не будет конца. Ответ Бисмарка на это разумное умозаключение весьма любопытен. Франция, доказывал он, – это не Австрия образца 1866 года – стабильная держава, война с которой могла вестись на основе доктрин XVIII века. Политическая нестабильность Франции подрывала стабильность Европы в течение последних 80 лет, ее военные устремления тревожат Германию вот уже два века. Когда Мольтке подвел итог состоянию французской армии, Бисмарк к сведению Вимпфена подверг анализу проблему французской нации – а на самом деле всех тех стран, где демократия достигла логического предела. «Не стоит в целом полагаться на признательность, – сказал Бисмарк, – особенно на людскую». Если бы Франция располагала солидными институтами власти, если бы французы, как пруссаки, питали бы почтение к этим институтам власти, если бы у нее был монарх, прочно сидящий на

троне, то «мы могли бы попытаться положиться на признательность императора и его сына и установить цену за эту признательность». Но правительства во Франции меняются с калейдоскопической быстротой. «Ни на что нельзя полагаться в вашей стране». Более того – и теперь в аргументации Бисмарка грозили возобладать уже чисто атавистические эмоции – французы, как нация, «вспыльчивы, завистливы, ревнивы и снедаемы гордыней сверх всякой меры. Вы считаете, что победа – собственность, право на которую вы одни имеете, что у вас монополия на военную славу». Немцы были мирными, лишенными агрессивных устремлений людьми, но за минувшие 200 лет французы много раз объявляли им войну. Это слишком. Теперь этому положен конец, немцам тоже необходима безопасность – бруствер между ними и Францией. «У нас должны быть территория, крепости и границы, которые защитят нас от неприятельской агрессии».

В ответ Вимпфен заявил, что подобное представление о французах – явный анахронизм. Это возможно и верно применительно к Франции времен Людовика XIV и Наполеона I, но никак не для Франции Луи-Филиппа и Наполеона III. Ныне французы – страна не военных, а буржуа. «Благодаря процветанию империи все умы повернулись к финансам, предпринимательству, искусствам, все стремятся к растущему финансовому благополучию и удовольствиям и куда чаще думают скорее о личных интересах, чем о воинской славе». Однако на Бисмарка эти словоизлияния Вимпфена впечатления не произвели: минувшие шесть недель, возразил он, явно противоречат аргументам Вимпфена. Восторг, с которым печать и население Парижа восприняли объявление войны Граммоном, доказывает, что Франция не изменилась и что именно это население и этих представителей прессы Бисмарк полон решимости наказать. Поэтому германские войска пойдут на Париж. Тем самым он поставил точку в аргументации о том, что «в ходе сражения нам противостояли лучшие солдаты и офицеры французской армии, и добровольно освободить их, идя на риск, что они в один прекрасный день снова нападут на нас, было бы безумием».

Теперь уже впервые за все время обсуждения подал голос генерал де Кастельно. Император, сказал он, капитулировал только в надежде на то, что сердце короля будет тронуто и он великодушно дарует армии условия, которые она заслужила своим бесстрашием. Де Кастельно затронул весьма важную тему, и тут Бисмарк набросился на него. Шпага, отданная императором, спросил он, принадлежала лишь ему или же всей Франции? Поскольку если она принадлежала Франции, то в таком случае все выглядит по-другому, капитулировала не только французская армия, но и французское государство. В воздухе внезапно повисла напряженность, и когда Кастельно ответил, что капитуляция императора была шагом чисто личным, тут же вмешался Мольтке и объявил выдвинутые им условия окончательными и изменениям не подлежащими. Момент был тут же упущен, но задним числом можно заметить, что произошел первый обмен ударами в поединке между Мольтке и Бисмарком, который по значимости и мощи вполне мог соперничать даже с самой войной.

Обсуждать было больше нечего. Вимпфен предпринял еще одну, последнюю, попытку блефа, но когда Мольтке показал ему на карте кольцо батарей, окруживших обреченную армию, он тут же умолк перед неопровержимостью представленных фактов. Вимпфен попросил время для консультаций со своими коллегами, и перемирие было продлено до 9 часов следующего дня. После этого Вимпфен и Кастельно отправились восвояси в Седан.

Наполеон III в последней попытке уберечь армию от последствий ее же неспособности выполнить поставленную задачу решил обратиться к королю Пруссии непосредственно и лично и ранним утром 2 сентября поехал в Доншери. Встретивший его Бисмарк с непроницаемым лицом выслушал его просьбу и вежливо свел на нет все попытки Наполеона III обойти его. Сославшись на то, что король, дескать, сейчас находится слишком далеко, он сам пригласил императора войти в дом и выяснил его намерения. Убедившись, что Наполеон III считает себя военнопленным и не имеет полномочий на ведение политических переговоров, Бисмарк

потерял к нему интерес. Когда появился Мольтке, император предложил вариант с передачей всей французской армии Бельгии, но Мольтке продемонстрировал стальную несгибаемость. Наполеону III стало ясно, что надежд на личную встречу с королем Вильгельмом I нет никаких до тех пор, пока не будет подписан акт о капитуляции.

Между тем в Седане Вимпфен консультировался со своими генералами, которые приняли капитуляцию как неизбежность, и в 11 часов в Шато-де-Бельвю на реке около Френуа он подписал условия, которые Мольтке представил ему. Они были кратки. Армия должна сдаться в плен со всем оружием и имуществом, включая крепость Седан. Единственная предоставленная уступка заключалась в том, что офицерам под честное слово «не направлять оружие против Германии, не действовать в ущерб ее интересам до завершения существующей войны» была дарована свобода. 550 офицеров воспользовались предоставленным разрешением.

Немцы взяли в плен 21 000 солдат во время сражения, и к ним добавились теперь еще 83 000 человек. Кроме того, они захватили свыше 1000 повозок, 6000 лошадей и 549 артиллерийских орудий. Французы в сражении потеряли 3000 убитыми и 14 000 ранеными. Собственные потери немцев в ходе сражения составили около 9000 солдат и офицеров убитыми и ранеными – всего на 850 человек больше, чем в ходе боя у Сен-Прива. Армия первой линии Франции была все еще в ловушке в Меце, армия второй линии прекратила существование.

Покончив с делами, Бисмарк счел возможным послать за королем Пруссии. Беседа двух монархов вышла краткой и неловкой. Наполеону III было почти нечего сказать, кроме как поздравить Вильгельма I с его армией – прежде всего, с артиллерией – и горько сожалеть о своей неспособности противостоять ему. Он попросил только об одном одолжении – чтобы его отправили в плен не той же самой дорогой, что его армию, а через Бельгию, которая позволит избежать весьма неловкого зрелища – плененного императора проводят по территории Франции. Бисмарк согласился. Наполеон III еще сможет «оказаться полезным, и ничего страшного, если он даже решит сбежать… во всяком случае, нас это не заденет». Все равно предстоит заключать мир, а вести переговоры с плененным монархом – дело неудобное. Наполеон III на свободе, в Лондоне или даже во Франции, не станет упираться и будет готов покончить с этой кошмарной войной. Его слово имело бы больший вес для его соотечественников, и ослабевшая империя будет ничуть не хуже для Франции в Европе, где главенствует Бисмарк, чем любой другой режим[37]. И если Наполеон III больше не был юридическим сувереном Франции, кто был им?

Таким образом, 3 сентября Наполеон III вместе со свитой и форейторами в напудренных париках, с его цугом двигавшимися экипажами, ужасно затруднявшими проход его армии, въехал прямо в плен – во дворец Вильгельма I у Касселя. Его войска, идущие в проливной дождь в импровизированный лагерь для интернированных, спешно созданный для них немцами в излучине Мёза (Мааса) у Ижа северо-западнее Седана – «лагерь страданий», как окрестили его после недели голода в проливной дождь, – воспринимали отъезд Наполеона III с полнейшим безразличием и лишь изредка выражаемым ими недовольством. И Мольтке, и Бисмарк издали лицезрели въезжавшие в парк экипажи. Мольтке спрашивал себя, представив в качестве ответа довольно заковыристую версию, – а может, Наполеон III вообще затеял все это лишь ради того, чтобы под благовидным предлогом самоустраниться от дел? Бисмарк же задумчиво отметил: «Династия на нем завершается». Потом оба вернулись к циклопическим проблемам, которые призвала их решать победа.

[37] Наполеон III и король Вильгельм I утверждали, что Бисмарк заверил Кастельно, что Пруссия не возражает против империи как таковой. «Таким образом, империя по-прежнему подходит нам лучше всего, и мы не стремимся что-либо предпринимать против этой формы правления, и мы очень хотим, чтобы она противостояла кризису, который переживает сейчас». – *Авт.*

Глава 6
Правительство национальной обороны

Ферьер

Известие о Седане ошеломило Париж. Ведь перед этим Паликао с головой ушел в работу по созданию новой армии, по вопросам обороны Парижа и планирования ложных атак на Рейне с тем, чтобы хладнокровно взвесить все возможности Мак-Магона уцелеть. В том, что марш этот ждет успех, Паликао не сомневался, в катастрофу он просто не верил. Несколько дней подряд Париж захлестывали слухи о невероятных победах французской армии, и когда утром 3 сентября в телеграмме агентства новостей «Гавас» из Брюсселя было объявлено о капитуляции французской армии, это казалось совершенно невероятным. Депеши министерства внутренних дел от местных чиновников пестрили сообщениями о бежавших с поля битвы, и на их основе правительство сумело частично создать себе представление о том, что следовало ожидать, и именно в министерство внутренних дел в 16.30 3 сентября директор почты и телеграфа доставил телеграмму, в которой Наполеон III объявлял императрице о том, что он оказался в плену вместе со своей армией. И царившая в Париже атмосфера была такова, что политические круги в первую очередь задумались не о стратегических последствиях катастрофы – ибо никто и нигде не приравнивал их к поражению в общенациональном масштабе, – а о том, как они скажутся на режиме внутри страны.

К 4 сентября министры полностью оправились от шока, к ним даже вернулось былое остроумие, и проворно составили проект передачи властных полномочий в руки Совета регентства и национальной обороны, утвержденного Законодательным корпусом во главе с Паликао в статусе генерал-лейтенанта. Жюль Фавр и депутаты левых, с другой стороны, потребовали свержения Второй империи и создания парламентской комиссии для организации национальной обороны, в то время как Тьер предложил компромиссный вариант, согласно которому вообще было непонятно, низложена ли Вторая империя или нет. На состоявшемся в полдень заседании ассамблеи, собравшейся рассмотреть оба этих варианта, в дворец проникла толпа людей, настроенных пока что скорее на то, чтобы выяснить обстановку, нежели буянить, впрочем, все прорвавшиеся в зал сознавали себя носителями революционных традиций. Заседание было прервано. Как это не раз бывало, жители Парижа парализовали работу правительства Франции, депутаты левых в очередной раз прониклись настроениями 1848 года и намек поняли. Покинув депутатскую трибуну, они через толпу пробились в Отель-де-Виль и там объявили о создании республики, и, как их предшественники в 1848 году, они нашли в Отель-де-Виль своих зловещих единомышленников из парижских клубов – Рошфора, Феликса Пиа, Делеклюза, уже занятых формированием альтернативного правительства. Как и в 1848 году, радикалам и примкнувшим к ним необходимо было выработать взаимоприемлемый кодекс отношений, но депутаты образца 1870 года были куда опытнее своих предшественников по части избавления от конкурентов. Была достигнута договоренность о том, что новое правительство национальной обороны будет сформировано из депутатов, избранных в Париже, – решение, которое имело преимущество, состоявшее не только в отстаивании исконного права парижан рулить всей Францией, но и вручить власть в надежные руки умеренных левых. Прежние министры, тоже не чуждые революционных традиций, улетучились. Императрицу тайно вывели из боковых дверей Тюильри, и она проторенным еще до нее французскими монархами путем двинулась в Англию. Насилия избежали, не было и подобия всенародного бунта: Вторая империя просто тихо растворилась в воздухе, подобно прежним монархиям Карла X (свергнут в

1830 году) и Луи-Филиппа (свергнут в 1848 году), оставив после себя вакуум власти, который предстояло заполнить первым, кто подоспеет.

Без промедлений были розданы и самые внушительные портфели: Жюлю Фавру достался портфель министра иностранных дел, Леону Гамбетте – министра внутренних дел, Эрнест Пикар стал министром финансов, Исааку Кремьё отвели министерство юстиции. Престарелый Тьер отказался от министерского портфеля, но отправился в турне по Европе пополнять списки сочувствующих новому режиму и, по возможности, заручиться поддержкой нейтральных держав. Но еще требовался и коллега, ведающий военными вопросами, скорее даже военачальник, причем имеющий авторитет и в среде военных и к которому прислушались бы парижане. Очевидным кандидатом был генерал Трошю. Трошю был отнюдь не против. Он рассматривал революцию как естественный катаклизм, противиться которому было бы просто абсурдно. Фавр, Гамбетта и их коллеги, понимал Трошю, твердо обещали, как и любой из их соотечественников, встать на защиту Франции против ее врагов, и, получив от них заверения в поддержке трех столпов организованного общества – религии, собственности и семьи, – Трошю согласился войти в правительство на правах председателя совета и, на пике выпавших на долю страны бед, которые он, кстати, давно предвидел, взять на себя заботу о военном статусе Франции.

Было вполне естественно в данных обстоятельствах, что военные проблемы поначалу отойдут на задний план в умах новых министров. *Nous ne sommes pas au pouvoir mais au combat* — объявило правительство в своем обращении к армии 5 сентября, но правительство – это всегда вопрос о власти, и новые министры должны удостовериться, что они ею обладают. Они получили в руки контроль над государственными институтами, состоявшими из имперских чиновников, а консервативное общественное мнение в провинциях еще в 1848–1851 годах сумело удушить одну парижскую революцию. Непосредственная опасность правительству национальной обороны грозила, как оно полагало, справа, и экстремисты из политических клубов сначала рассматривались как лояльные, хоть не всегда послушные союзники. Кремьё, вновь назначенный министр юстиции, не скрывал сочувствия левым, и Этьен Араго, новый мэр Парижа, стал назначать мэрами столичных округов тех, для обуздания экстремизма которых пришлось срочно создавать специальные контрольные комитеты. Министерство внутренних дел, с его необходимым контролем над провинциальной администрацией, из-под носа куда более умеренного Эрнеста Пикара увел Леон Гамбетта, и Гамбетта восполнил недостаток экстремизма своей энергией и молодостью – ему было 32 года – и неуемным стремлением повелевать. Он был прирожденным лидером, тем, кто сознательно избрал путь Дантона. «Даже в его смехе и то чувствовалось властолюбие, – как писал один очевидец, – в его присутствии угасали любые желания возразить, даже если разум этому противился, и всем казалось, что повиноваться этому человеку столь же естественно, как ему повелевать». За считаные недели он выдвинулся в военачальники, снискав славу на этом поприще, но его насущной задачей было ознакомить с предписаниями нового правительства Франции и вынудить к повиновению не только имперских бюрократов, но и республиканцев, самовольно захвативших власть в Лионе, в Марселе и в других провинциальных центрах, выдвинувших программы, угрожавшие даже не общественному строю, а политическому единству Франции в целом.

Первоочередной задачей было назначение новых префектов, и в течение 10 дней их назначили в 85 департаментах. К тому же более консервативно настроенные члены нового правительства прекрасно понимали, что для их полномочий необходим более прочный моральный фундамент, чем избирательное право парижан, на случай заключения мира, продолжения войны, получения или признания их полномочий. Впоследствии они потребовали скорейшего проведения выборов. Доктринеров-республиканцев повсюду критиковали. 1848 год показал, что крестьяне и мелкая буржуазия, составлявшие основной электорат Франции, всякий раз по возможности голосовали против республик, навязываемых им политиками и агитаторами из

Парижа. Выборы смели бы правительство национальной обороны в небытие, как и Первую и Вторую республики, и оставили бы страну беззащитной перед немцами. Но пока оставалась возможность выторговать у противника разумные условия мира, аргументы умеренных о том, что только правительство, снискавшее доверие населения страны и международное признание, вправе подписать мирный договор. В первые недели сентября такое урегулирование представлялось возможным. Это была война императора, император и его министры были низложены, и теперь французы могли прекратить войну и возвратиться к естественному состоянию мира. Поэтому выборы были назначены на 16 октября, а затем ради облегчения поддержания мира, несмотря на яростные протесты республиканцев, они были перенесены на 2 октября.

Мир, который новое правительство готовилось рассмотреть, не предусматривал уступок со стороны Франции, как гласил циркуляр Жюля Фавра, разосланный 6 сентября главам европейских государств, «ни сантиметра территории и ни единого камня крепостей», но, как понимал генерал Вимпфен, таких условий мира нечего было ждать от Бисмарка. Война не проистекала из простого конфликта требований или интересов, которые могли быть улажены признанием Францией поражения. Его корни следовало искать в исторически сложившейся взаимной враждебности обеих наций, которую война не устраняла, а лишь усиливала. Подобное отношение Бисмарк мог трансформировать в требование о пересмотре существовавших границ, которые навсегда избавили бы Германию от ее агрессивного соседа, но даже это едва ли умеряло пыл, разбуженный победой в этой войне, преобладавший в немецкой прессе и умах немецких солдат и населения Германии. Франция должна быть наказана раз и навсегда: эту идею мы находим и в многочисленных военных дневниках немецких офицеров, наступавших на запад. «Их нужно заставить почувствовать, что значит бросать вызов миролюбивому соседу, вынуждая его сражаться не на жизнь, а на смерть, – писал Верди. – Всей Франции необходимо отбить охоту к войне, и не важно, кто будет ею править, Наполеон, или Орлеан, или Бурбон, или кто-то еще». А о мирных переговорах, судя по всему, автор дневника и не задумывался: «Требования, которые мы обязаны предъявить Франции, должны быть настолько тяжелы, чтобы французы не смогли просто так выйти из игры, и не важно, что за правительство окажется у руля». Роон писал в том же духе: «Мы, ради своего народа и своей безопасности, не можем заключить мир, который не расчленил бы Францию, а французское правительство, какое бы оно ни было, не может заключать с нами мир в ущерб своему народу и своим владениям. Отсюда необходимость продолжать войну до полного истощения наших сил». Блюменталь полагал, что «следует рассматривать французов как плененную армию и всеми силами стараться деморализовать ее еще сильнее. Мы должны сокрушить их так, чтобы они и 100 лет спустя не опомнились бы». Подобные мысли, тем более открыто высказывавшиеся в германской печати, уже начинали способствовать тому, что Германия мало-помалу теряла единомышленников среди нейтральных держав, сочувствовавших ей в начале войны. Но не только радикалы в германской армии и в стране в целом ратовали за идею о том, что, мол, завоевание Эльзаса, протестантского, немецкоязычного, который в свое время являлся частью Германской (Священной Римской) империи, является минимальным вознаграждением за пролитую немцами кровь и нанесенный им материальный ущерб. Для либералов, желавших, чтобы германский флаг развевался везде, где говорили по-немецки, владение Эльзасом было предназначением Германии, в то время как все, кого военные вопросы так или иначе касались, видели в Эльзасе и соседней Лотарингии своего рода барьер, защищавший Баден и Пфальц от любой новой агрессии французов, угроза которой была столь актуальна в июле и которая, невзирая на явную небоеспособность французской армии, разумеется, последует. С Эльзасом и Лотарингией связывались две мощные крепости, на которых строилась вся оборонительная система на северо-востоке французской границы и которые ныне были осаждены, – Страсбург и Мец. Надежда Жюля Фавра на то, что победившие немцы все же убавят аппетиты по части трофеев, грешила избыточным оптимизмом.

Но, как бы то ни было, позиция немцев не была столь категоричной, как это могло показаться. Трудно было предположить, что их победа, пусть и бесспорно убедительная, увенчается скорым и во всех отношениях благим для победителей заключением мира. Чем пристальнее Мольтке и Бисмарк вглядывались в уготовленные им этой победой трудности, тем более нелегкой она им казалась.

Во-первых, военные действия пока что были далеки от завершения. Полчаса спустя после подписания капитуляции в Седане 2 сентября Мольтке издал приказы о наступлении на Париж. У Бисмарка имелись сомнения относительно мудрости этого шага. «Мое желание, – признавался он в письме сыну, – это дать им возможность вариться в собственном соку, а нам самим закрепиться как следует в завоеванных областях и уж потом двигаться дальше. Если мы продвинемся слишком быстро, они просто не успеют передраться друг с другом». И все же Бисмарк не стал настаивать, как это было при весьма схожих обстоятельствах после сражения при Садове, когда он отверг аналогичное предложение Мольтке немедленно двинуться на Вену. Возможно, стремление «наказать» парижан, о котором он открыто заявил Вимпфену, возобладало над осмотрительностью и заставило его мыслить категориями солдата, а не политика, – мол, лишь скорое овладение Парижем с корнем вырвет все возможности будущего отпора. Каковы бы ни были причины этого, Бисмарк не стал открыто возражать против намерений Мольтке, когда 7 сентября началось наступление немцев на Париж.

Само упомянутое наступление вряд ли было сопряжено с серьезными проблемами. Германские армии, рассредоточившиеся по территории Франции, в основном кормились реквизициями, которым униженные местные власти и не пытались положить конец. Попытки воспротивиться были не согласованы и пользы от них не было никакой. Все попытки создания опорных пунктов и всякого рода заслонов на пути захватчиков отличались поспешностью, непродуманностью и просто элементарным неумением, так что они вряд ли могли серьезно повлиять на продвижение немцев. В отдельных населенных пунктах были случаи, когда их трезвомыслящие жители вмешивались, не позволяя местным властям разрушить местную инфраструктуру, что было запланировано. К 15 сентября главная ставка короля перебралась в Шато-Тьерри, и там Мольтке издал приказы на осаду Парижа. Маасская армия должна была занять правый берег Марны и Сены, 3-я армия – левый берег, а кавалерийским частям и соединениям предстояло замкнуть кольцо за городом. Об атаках укрепленных районов и фортов вопрос не стоял: Мольтке запланировал осаду *en regie* и со 150 000 солдат в своем распоряжении, составлявшими две армии, считал операцию вполне осуществимой. 20 сентября две его армии беспрепятственно соединились в городе Сен-Жермен-ан-Ле, и, таким образом, Париж был отрезан от внешнего мира.

Именно здесь и начались трудности. Эти силы должны были бы оставаться на позициях либо до развертывания достаточного количества осадных орудий, либо пока голод не вынудит жителей сдать город, а потом придется организовывать снабжение столицы продуктами питания. Только две железнодорожные линии связывали напрямую Германию с Парижем. Одна, расположенная дальше всего на севере и идущая через Реймс, Седан и Мец, оставалась блокирована многими крепостями – Суасоном, Мезьером, Монмеди, Тьонвилем, Мецем, – которые предстояло либо обойти, либо сократить. Другая, идущая через Шалон-сюр-Марн,

Бар-ле-Дюк, Нанси и Люневиль, до 23 сентября была отрезана крепостью Туль. Не только перечисленные крепости, но и уничтоженные мосты и разрушенные тоннели значительно усложняли работы по восстановлению этих дорог и других вспомогательных линий даже для весьма опытного железнодорожного корпуса, предусмотрительно сформированного Мольтке, и их охрана против диверсантов была и оставалась головной болью. Кроме того, и справа и слева от линий коммуникаций оставалось множество вполне боеспособных французских крепостей – Перон, Ла-Фер и Лилль и другие, севернее и западнее – Лангр, Бельфор и Страсбург на юге и востоке. До тех пор, пока они не были нейтрализованы или уничтожены, перечис-

ленные объекты служили для организации рейдов противника и прикрытием для формирования новых армий. Наконец, Мольтке убедился, что правительство национальной обороны уже приступило к формированию еще одной армии за Луарой. Военные ресурсы Пруссии и ее союзников были значительными – войска в Северной Германии, сосредоточенные там на случай необходимости отражения высадки французов, были собраны в 13-й корпус под командованием великого герцога Мекленбург-Шверинского и направлены на оборону линий связи. Существовал и всегда готовый выступить ландвер, однако ни гражданские власти, ни военное командование не приветствовали подобную продолжительную и чреватую всякого рода неожиданностями перспективу, отчего эйфория от победы под Седаном вскоре улетучилась.

Политические проблемы озадачивали еще сильнее, чем военные. Во-первых, с кем заключать мир? Бисмарк, естественно, сомневался в способности правительства национальной обороны проводить переговоры от имени всей Франции. Наполеон 111 находился в плену, императрица – в изгнании, но никакого формального сложения ими с себя полномочий не последовало. Единственная значительная группа войск, остававшаяся во Франции, Рейнская армия, была все еще связана присягой императору. Как сам Бисмарк выразил в своем заявлении, которое было тут же опубликовано в печати Реймса 1 сентября:

«Прусское правительство могло иметь дело с императором Наполеоном III, правительство которого – единственное признанное до настоящего времени или с назначенным им регентом, также оно готово сесть за стол переговоров и с маршалом Базеном, наделенным императором соответствующими полномочиями. Но правительство Пруссии не может вести переговоры с властью, которая до сих пор представлена лишь частью левого крыла бывшего Законодательного собрания».

Когда Бисмарк узнал, что Жюль Фавр желает встретиться с ним, канцлер не стал форсировать события, хотя само-аккредитованный посланник императора Эдуар Ренье, чьи полномочия ограничивались картиной сражения при Гастингсе 1066 года, подписанной кронпринцем, без труда получал доступ к канцлеру. Лишь с большой неохотой и далеко не сразу Бисмарк смирился с тем, что Вторая империя безвозвратно канула в прошлое.

Приключения Ренье мы в свое время рассмотрим. Фавр получил доступ к канцлеру благодаря связям в британском посольстве 18 сентября, когда главная ставка короля обосновалась в огромном дворце Ротшильдов (Шато-де-Ферьер) в Ферьере, он отправился туда из Парижа без ведома своих коллег, которые были менее, чем он, склонны считать, что, поскольку война вспыхнула исключительно из-за амбиций свергнутого режима, пруссаков могли бы убедить подлинные представители французского народа, обратившиеся к ним с просьбой о заключении справедливого и прочного мира без аннексий. Фавр надеялся по крайней мере обеспечить перемирие, чтобы, собрав на заседание Национальное собрание, можно было бы избрать законное и располагающее всеми необходимыми полномочиями правительство, но даже этой его скромной надежде не суждено было сбыться. К своему огорчению и удивлению, Фавр убедился, что Бисмарк расценивает его не как представителя временно пребывавшего в безвластии государства, а как представителя страны, неоднократно выступавшей в роли агрессора, которой поэтому никак нельзя было доверять. Бисмарк был вполне готов признать миролюбивые заявления Фавра подлинными, но он не считал их волеизъявлением всех французов. Поэтому Пруссия, объявил он, не примет мира, который не будет гарантировать неприкосновенность ее границ и отказ от очередной агрессии, продиктованной чувством мести, планы которой будут вынашивать французы. И Германии должен принадлежать Страсбург – «ключ к нашему дому», – провинция Эльзас и часть провинции Лотарингия, включая Мец и Шато-Сален.

Более опытный дипломат, возможно, расценил бы это как завышенное требование, выдвинутое чтобы выторговать как можно больше, и стал бы торговаться, но Фавр лишь разрыдался, сопровождая плач выкриками: «Вы хотите уничтожить Францию!» Что же каса-

ется перемирия для обеспечения возможности выбора Национального собрания, тут Бисмарк настаивал на том, чтобы упомянутое перемирие Франция ни в коем случае не обратила бы в способ добиться военного превосходства для себя. Туль и Страсбург должны быть сданы, а в обмен на возможность обеспечения снабжения Парижа всем необходимым немцам должен быть передан и один из его защитных фортов. Выслушав эти условия, Фавр совсем пал духом. «Я зря сюда пришел, – признался он, – это будет бесконечная борьба двух народов, которым следовало бы протянуть друг другу руки. Я надеялся на иное решение». И в полном отчаянии возвратился в Париж.

Фавр на самом деле совершил ошибку, отправившись в Ферьер и показав себя никудышным переговорщиком, – этого делать не следовало. Тем более что он все же имел на руках карты, позволявшие ему поторговаться с Бисмарком. Только Фавр этого не понимал. Целью Бисмарка было установление мира, который гарантировал бы Германии впредь отсутствие проблем на ее западных границах, и такой мир лучше всего было бы оформить заключением соглашения с надежным и настроенным на добрососедские отношения правительством на условиях, действительно приемлемых для страны. И то, что Бисмарк, сознательно отказавшись от подобного варианта, избрал другой, менее разумный вариант – возвести достаточно мощный военный барьер, который при всех порождаемых им тенденциях к ирредентизму успешно бы им противостоял. Но где отыскать надежное и настроенное на добрососедские отношения правительство? Сумеет ли император добиться реставрации и подтвердить свою власть во Франции? Можно ли довериться режиму, по сути подброшенному охлократией? Сможет ли Национальное собрание учредить министерство, готовое к проведению переговоров и соблюдению заключенного в их итоге соглашения? И до тех пор, пока перечисленные проблемы вызывали у Бисмарка сомнения, он не мог противопоставить националистам аргументы, которые те безоговорочно приняли бы. А националисты требовали Эльзас, военные специалисты, в свою очередь, настаивали на передаче Пруссии крепостей Бельфор и Мец. Талейран, будь он сейчас министром иностранных дел, возможно, и усмотрел бы в позиции Бисмарка слабые места. Возможно, он даже принял бы ненадолго и неизбежное для поверженного противника унижение во имя укрепления роли выборов в Национальное собрание и не покладая рук работал бы над тем, чтобы склонить подобную ассамблею к умеренности, в то время как Бисмарку приходилось сражаться со своими собственными шовинистами, как это уже было после сражения при Садове.

Но, вероятно, к 1870 году времена изменились. Австропрусская война была войной ради обретения власти, не отягощаемой национальной враждебностью. Бисмарк, возможно, видел войну с Францией в том же свете, но вот его соотечественники не желали. Для них она открывала возможность расплаты за 200 лет унижений и способ избавления от досадного комплекса неполноценности, уходившего корнями в минувшее тысячелетие. Что касается французов, Бисмарк судил верно: разве можно было ожидать, что одно только правительство сумеет удержать в ежовых рукавицах своих предшественников. Однако, какими бы тихонями ни казались французские крестьяне, именно благодаря их безразличию к событиям в Париже – если они только не представляли угрозу его собственности – и оставался так надолго государственный механизм в руках у тех, кто первым подоспел к его рычагам, в то время как традиции как левых, так и правых слишком глубоко увязли в воспоминаниях о былой военной славе лидеров и того и другого крыла, чтобы раз и навсегда примириться с соглашением, хоть и вполне умеренным по тональности, но ставившим Францию в разряд второстепенных европейских стран. Поражение армии Второй империи – численно не очень и значимой группы защитников режима, чья популярность более чем сомнительна – нельзя было приравнивать к поражению

Франции как державы до тех пор, пока страна располагала и людьми, и ресурсами для продолжения борьбы. Если немцев не удовлетворяла такая победа, то французы никак не желали принять свое поражение. Фавр был прав. После встречи в Ферьере война уже больше

не должна была быть делом профессиональных армий, сражавшихся в интересах баланса сил: теперь она должна была стать нецивилизованной «битвой народов», народной войной, и мы сейчас должны заняться рассмотрением именно этого ее аспекта.

Нация с оружием в руках

Франция не всегда была готова безоговорочно последовать за лидером, выдвинутым парижанами. В 1830 году она приняла Июльскую революцию достаточно спокойно, но в 1848 году французские крестьяне продемонстрировали и голосами, а в июне того же года и оружием, что завладевшие умами жителей столичных пригородов идеи отнюдь не находят отклика в остальной Франции, и диктатура Наполеона III, как и Наполеона I, опиралась в основном на уступки крестьянских землевладельцев режиму, гарантировавшему им защиту от клерикалов-реакционеров и социалистов-революционеров. И все же новость о Сентябрьской революции была воспринята в провинциях в самом худшем случае спокойно, а в лучшем – с необузданным восторгом. Захватившие власть в Лионе и Марселе республиканцы не дожидались новостей из Парижа, а в Ниме, Ницце, Маконе, Сен-Этьене и Бордо вспыхнули восстания, едва там узнали новости из Парижа. Более бесстрастные области центра и севера Франции приняли изменения, как говорится, *faute de mieux* (за неимением лучшего), и префекты или признали новый режим, или же передали власть местным республиканским комитетам. Пленение императора и бегство императрицы лишили бонапартистов объединяющей силы, в то время как легитимисты и орлеанисты были лишь приверженцами определенных идей, но не готовыми к действию группировками. Отчеты и имперских префектов, и республиканских, немедленно направленных Гамбеттой на их замену, почти единодушно свидетельствуют о «сохраняемом повсюду спокойствии и порядке» и лишь вскользь о всеобщем желании продолжить войну и защищать каждую пядь французской земли. Мудрость правительства, заявившего о себе как о равноудаленном от всех партий, как и лидера правительства национальной обороны, возымела заслуженный успех. Даже в Бретани, цитадели легитимизма, где провозглашение республики было повсеместно встречено с тревогой, намерение дать отпор противнику из-за Рейна возобладало над соображениями внутренней политики, и повсюду звучали страстные призывы взяться за оружие и продолжить партизанскую кампанию в традициях шуанов. Даже когда волна энтузиазма стала спадать, он вновь разгорелся, когда Фавр опубликовал условия, на которых Бисмарк в Ферьере согласился заключить мир. «Не может быть никакого ответа на такие наглые требования, – было заявлено в правительственном коммюнике, – кроме *guerre a outrance* (война до победного конца), и повсюду по Франции, от городов до крохотных городишек в горах, жители на манифестациях требовали довести до конца борьбу.

Новые префекты, многие из них люди с небольшим политическим опытом, были слегка шокированы факельными шествиями, депутациями и заполнявшими улицы демонстрациями. Когда первая горячка пошла на убыль, стало ясно, что энтузиазм по поводу войны и поддержка нового правительства были куда слабее, чем предполагалось вначале. Префекты в Бургундии, Севеннах, Пиренеях и в других местах вынуждены были признать, что крестьяне в сельской местности были настроены куда равнодушнее относительно участия во всенародной борьбе. Префект Нанта 22 сентября жаловался, что, дескать, крестьяне скорее будут за пруссаков, чем за французских солдат, и убеждал правительство: «Заключите мир, если сможете, – плебисцит поддержит мир». Другой префект сетовал: «Дремучую местность ничем не пробудить», крестьяне, мол, «взбешены произволом всесильного местного духовенства». Подобные сообщения пришли и из департамента Сарта. Марк Дюфрес отметил, проехав от Швейцарии до Парижа в начале сентября, «унылость населения, его апатию, своего рода тоскливый и безумный протест». Сам Гамбетта, прибыв в Тур, сообщал в Париж, что «провинции страны инертны, буржуазия в малых городах труслива, а военное командование либо безразлично, либо безнадежно медлительно». Ведь для многих республиканских чиновников, адвокатов или профессиональных журналистов это был первый контакт с тем всепоглощающим безразличием крестьянства, на которое опирались обе наполеоновские диктатуры и которое столь разительно отличалось

от их идеализированной концепции французов. Осознав, что все их прежние оценки и подходы вдребезги разбиваются о повсеместную нерешительность, юридические ограничения и апатию общества, они стали требовать более широкие полномочия для закрытия критически настроенных газет или замены чиновников старого режима, последовательная и проистекавшая из политических убеждений оппозиционность которых, как им представлялось, и объясняла все административные препоны. То есть столичное правительство подвергалось растущему давлению со стороны своих же представителей, осуждавших политическое перемирие, на которое и опиралась его власть. Представлялась неприемлемой, например, возможность сотрудничества с имперскими судьями, по милости которых республиканцы попадали за решетку или оказывались в изгнании, или с муниципальными советами, почти целиком состоявшими из ставленников империи. «Сохраняя на своих постах имперских чиновников, – сетовал один чиновник, – мы теряем Францию… Францию спасет республика, ведомая исключительно республиканцами. Если вы этого не учтете, республиканцы поднимутся и мы получим гражданскую войну».

Правительство на самом деле страдало в равной мере и от энтузиазма своих сторонников, и от безразличия масс. В Ницце, Марселе и Лионе ему пришлось столкнуться с беспорядками, поскольку заговорщики анархистского толка вроде Клюзере и Бакунина балансировали на грани революции, а повсюду во Франции энтузиасты требовали мер, порожденных скорее романтичными мифами 1792 года, нежели трезвым прогнозом того, что на самом деле осуществимо в 1870 году. Местные комитеты обороны, раздраженные бесконечным затягиванием решений центральным правительством, установили друг с другом связь и приступили к созданию региональных ассоциаций. Эти ассоциации – *Ligue du Midi, Ligue du Sud-Ouest, Ligue de l'Ouest, Ligue du Plateau Central* — были полны самых благих намерений, их члены считали возможным, что перечисленные регионы смогут стать неподконтрольными Парижу и в военном, и в политическом отношении. Повсеместно звучали требования оружия для вооружения населения в целях локальной самообороны, везде формировались подразделения добровольцев, рвавшиеся выступить против врага. «Население и комитет местной самообороны хотят оружия, и я должен его получить», – писал префект Бордо, а его коллега из Тарба объявил: «Мое положение сильно пошатнется, если я не сумею распределить как минимум 3000 винтовок, так долго обещаемых мне».

Судя по всему, чего-чего, а уж оружия в военных и военно-морских арсеналах было вдоволь, и первое требование республиканских агитаторов – причем далеко не всегда обоснованное вопросами одной только локальной самообороны – состояло в том, чтобы раздать его населению, что приводило к серьезным конфликтам с местными военными властями. Военные большей частью были выслужившимися из рядовых генералами, которым повсеместно не доверяли, считая их потенциальными зачинщиками реакционного государственного переворота. Даже если отбросить в сторону такого рода подозрения, было в избытке причин для разногласий между намерениями префектов мобилизовать все местные ресурсы оружия и людей для локальной самообороны и отказом местных военных отступить от правил без санкций на то военного министерства, которое, пока не оказалось под началом Гамбетты, было столь же щепетильным, как и сами военные. Префект Верхней Марны, региона, которому непосредственно угрожало вторжение, жаловался, что его военный коллега стал самой значительной помехой любой инициативе касательно самообороны, «с которой я бы ни выступил», в то время как префект Лилля утверждал: «Явно налицо заговор всех этих генералов, которые не хотят и пальцем шевельнуть… в Амьене и Аррасе – то же самое, это – преднамеренный сговор». В городах юга префекты, оказавшиеся между, с одной стороны, толпами, требующими оружия и справедливости к предателям-реакционерам, и, с другой, военачальниками, которые так и не поняли политических проблем, вставших перед ними, и лишь выполнявшими приказы своих начальников, попали в тупик. В Лионе после трех недель беспорядков эти конфликты достигли

самого драматического кульминационного момента. Там способный префект Шальмель-Лакур потребовал от правительства и получил все необходимые гражданские и военные полномочия для разрешения возникших проблем, и когда военачальник генерал Мазюр отказался признать их из-за отсутствия соответствующего уведомления из военного министерства, префект подверг генерала аресту и две недели продержал его в тюрьме, пока общественное мнение не успокоилось, что позволило тайно вывезти его из-под стражи с последующим переводом генерала на другую должность.

Вот с такими и подобными проблемами в провинциях, а также с непосредственной угрозой вторжения пруссаков и организацией обороны Парижа пришлось столкнуться правительству национальной обороны. Но ситуация развивалась постепенно. Телеграммы, поступавшие в первые несколько дней после 4 сентября, были в основном обнадеживающими. Трошю и его коллегам вполне можно было простить неспособность осознать масштабы и сложность проблем, политических и административных, включавших в себя организацию национальной обороны. Они, конечно, не предвидели, что Мольтке низведет до нуля статус Парижа как столицы Франции. Самое большее, как они полагали, немцы изолируют город на неделю. Но дипломатический корпус был настроен куда менее оптимистично, и явное нежелание представителей ведущих европейских держав оставаться в осажденном городе вынудило правительство 12 сентября направить малочисленную делегацию под руководством самого старшего ее члена, Исаака Кремьё, чтобы представлять его в Туре, с высшим должностным лицом, продолжавшим работу каждого министерства. Несколько дней спустя сообщения о революционных событиях в Лионе заставили правительство направить туда двух своих представителей, Гле-Бизуана и адмирала Фуришона, морского министра и министра колоний Франции, для укрепления положения.

Эта делегация рассматривалась как канал связи между правительством и провинциями, не наделенная полномочиями действовать по собственной инициативе. «Привычка к централизации во Франции укоренилась настолько, – писал один из членов делегации, – что никто и не мыслил какой-либо инстанции выше Парижа, и невзирая на предоставленные делегации полномочия, правительство из столицы постоянно присылало распоряжения до последнего момента». Члены делегации выбирались не по своим управленческим способностям. Кремьё и Гле-Бизуан были пожилыми, неопытными и многоречивыми. Фуришон, заботившийся о благе не только своего министерства, но военного, был флегматичен и негибок и не без оснований не верил в способности своих коллег. Совещания отличались затянутостью, сумбурностью и безрезультатностью. Борьба в провинциях между гражданскими и военными властями выражалась в непрерывных конфликтах между Фуришоном и его коллегами, и когда Кремьё и Гле-Бизуан поддержали действия Шальмель-Лакура в Лионе, Фуришон, наконец, 3 октября оставил военное министерство, и Кремьё, воспользовавшись случаем, тут же ухватил его портфель. Делегация эта не годилась ни на роль лидера страны, как не могла подарить ей способных помощников, которые служили бы ей, – полковники Лефор и Тома в военном министерстве, М. Лорье, замещавший Гамбетту в министерстве внутренних дел, М. Стинакерс, директор почты и телеграфа, – перечисленные могли только создать механизм, в то время как главы перечисленных министерств не понимали, как с максимальной пользой работать с ними. Стинакерс высказал в письме Пикару общую неудовлетворенность работой делегации. «Вокруг я вижу одну лишь инертность и неуверенность… анархию, нет и в помине последовательного… стратегического плана», а еще один чиновник резюмировал: «Необходимо пробудить от спячки провинции, но никто об этом и не думает».

Правительство в Париже вначале не тревожилось по поводу некомпетентности своих представителей. Ход войны, в его представлении, решит масштабное сражение у Парижа, и несколько дней спустя управление Францией оттуда возобновится. Но к 15 сентября отчеты из провинций стали вызывать у правительства беспокойство, и, когда делегация от инерции

перешла к решительному неповиновению, оно было вынуждено принять меры. Решение правительства о проведении выборов в федеральные органы 2 октября вызвало у префектов почти единодушный протест. «Вы же знаете наших крестьян, – писал один из префектов, – вы получите бонапартистские муниципалитеты и бонапартистское Учредительное собрание». Префект Нанта прозорливо написал, что выборы «приведут Францию к коалиции орлеанистов и легитимистов». Но когда Гамбетта проигнорировал их жалобы, многие префекты, которых тревожила не столько местная власть, а власть в масштабах страны, подали в отставку и выставили себя кандидатами в Национальное собрание. А потом случилась встреча в Ферьере. В ходе ее выяснилось, что ни о каком мире и речи быть не может, и к республиканцам с их нежеланием обратиться к враждебно настроенному населению присоединились и военные, не горевшие желанием отвлекать внимание от задач по обороне страны. «У нас не может быть выборов без перемирия, – так впоследствии высказался Гамбетта, – и перемирие устранило бы необходимость тратить силы на оборону страны». В результате 24 сентября правительство постановило, что выборы и в местные органы власти, и в федеральные отложены на неопределенное время.

Такое решение вызвало испуг в Туре. Кремьё была нужна ассамблея, которой он мог делегировать власть, с которой, как он понимал, ни ему, ни его коллегам не справиться. Чиновники министерства иностранных дел оплакивали воздействие решения за границей, Лорье, возглавлявший министерство внутренних дел, считал, что оно подстегнет сепаратистов на юге, в то время как пламенные республиканцы боялись, что любая задержка только даст их противникам возможность сплотить ряды, что возымело бы фатальный эффект для них. Все прекрасно понимали, что Париж, последняя связь которого с миром оборвалась вместе с подводным кабелем, который пруссаки вытащили со дна Сены 27 сентября, лишился последней возможности издавать законы для Франции. 29 сентября делегация приняла на себя ответственность и заявила, что выборы, несмотря ни на что, проведены.

Это должно было полностью изменить воздействие декрета, врученного правительством Гамбетты перед его нашумевшим полетом на аэростате 7 октября. Как главе министерства внутренних дел, ему было куда сподручнее заниматься вопросом о проведении выборов, префекты были его кандидатами, многие из них – его личные друзья, а молодость, энергия и превосходные ораторские качества Гамбетты позволяли ему придать нужный импульс для организации национальной обороны, так недостававший делегации. Сама же война на самом деле являлась для Гамбетты куда менее обусловленной зарубежными факторами, нежели его старшим коллегам. Он никогда не разделял их оптимистичных и миролюбивых воззрений: для него традиции республики были и оставались теми же, что и в 1792 году, и он когда-то сетовал, «насколько ослаблены и преданы забвению наши республиканские традиции под влиянием гуманистических доктрин». Гамбетта был едва ли не единственным среди государственных мужей левого толка, кто понимал последствия сражения при Садове и видел неизбежность столкновения с набиравшей силу Пруссией. Его биография, как и его способности, свидетельствовала о том, что Гамбетта – человек сегодняшнего дня.

Воздействие Гамбетты на погружавшиеся в хаос провинции было немедленным. «Он тут же заручился доверием, – отметил один из его заклятых врагов, – как прирожденный оратор». Будучи в Туре, Гамбетта в одном из своих выступлений весьма оптимистично заявил, что победа не только желательна, но и вполне по силам французам. Ему поверили.

«Мы должны заставить работать все наши ресурсы – а они огромны. Мы должны встряхнуть сельскую местность, принять меры против пустоголовой паники, усилить партизанскую войну, действовать против умного врага из засады, застигать его врасплох, наносить ему удары с тыла и с флангов – короче говоря, объявить ему национальную войну… пригвожденные к столице пруссаки вдали от родного очага, лишенные покоя, постоянно выслеживаемые нашим пробудившимся от спячки населением, мало-помалу сломаются и будут обречены на массовую гибель от нашего оружия, от голода, да и от естественных причин».

Столь вдохновляющая энергия и проистекающая из нее вера в Гамбетту заслоняла элементы партизанского республиканизма в его речах. Победа становилась объединяющей целью, когда все действовали сообща – и противники, и союзники, – и, казалось, Гамбетта способен достичь ее.

Гамбетта, заставив делегацию согласиться касательно выборов, собрался принять руководство военным министерством. О министерстве внутренних дел говорилось много, о его ответственности за мобилизацию, вооружение и обмундирование национальной гвардии, из которых теперь и слагались главные силы Франции, и о военном министерстве, ответственном за их развертывание в действии, объединенном в одних руках. Сам Фуришон голосовал за это, и поскольку Гамбетта предусмотрительно предоставил себе решающий голос перед отъездом из Парижа, они с Фуришоном сумели преодолеть сопротивление двух своих коллег по вопросу сосредоточения властных полномочий. Следующим шагом было переломить отношение в самом военном министерстве к введению строгих и неортодоксальных мер, на чем настаивал Гамбетта. «Я решил, – заявил Гамбетта, – отказаться от обычных путей. Я хочу предоставить вам молодых и энергичных руководителей, умных, деятельных, способных обновить подходы 1792 года. Поэтому у меня нет никаких колебаний по поводу разрыва с устаревшими административными подходами». Такое отношение явно не вызывало восторгов у прежних офицеров старой закалки, которыми и было укомплектовано министерство, и полковник Ле Фло, возглавивший министерство после его переезда из Парижа, вскоре подал в отставку. «Гамбетта, – как впоследствии сетовал Ле Фло, – вечно жаловался на задержки. Я сказал ему, что у нас ничего не ускорится, если мы отступим от сложившегося порядка. И добавил, что можно, конечно, ускорить процессы, но это вызовет беспорядок». Беспорядок не заставил себя ждать, и присущая Гамбетте решительность обусловила его колоссальные промахи, однако неплохо было бы спросить себя: а позволил ли пресловутый установленный порядок за остававшееся время достичь необходимых результатов? Другой чиновник министерства, более гибкий, признал, что, дескать, в подобных обстоятельствах нам были необходимы люди, которые вообще не знали бы установленных порядков, а, напротив, послали бы подальше все, что мешает работать. Эти люди сами мало что понимали, но при наличии опытных помощников, умевших перейти от намерений к действию, проще говоря, безо всяких колебаний и не страшась неизбежных трудностей, смогли бы добиться весьма неплохих результатов.

Разумеется, административный аппарат работал с нагрузкой, но тем не менее безотказно, однако из него можно было выжать куда больше, чем предполагали его руководители, до сих пор мыслившие категориями мирного времени. Естественно, что без первого толчка не обойтись, если задумываешь достичь мало-мальски заметных результатов.

Такой первый толчок вскоре последовал. Шарль де Фрейсине по профессии был не военным, а инженером, то есть человеком штатским. Его отличал дисциплинированный ум и огромный потенциал руководителя. Как многие другие профессионалы своего дела в Туре, Фрейсине понимал, что сплотить страну для ведения войны, мобилизовать ее промышленный потенциал и рабочую силу – это отнюдь не только военный вопрос, что его решение требовало широчайшего диапазона навыков и полномочий, куда более широкого, чем просто раздавать распоряжения военным. Свои соображения он изложил в памятной записке в Туре за несколько дней до прибытия туда Гамбетты. В этом документе Фрейсине убеждал, что военный министр должен быть гражданским лицом, что военный совет должен помогать ему в подготовке и проведении военных операций и что все вопросы управления и организации должны быть сосредоточены в руках «делегата», также гражданского лица. Эти идеи во многом совпадали с идеями Гамбетты, и уже несколько часов спустя после своего прибытия он назначил Фрейсине на должность «делегата», которую и создал специально под него. Но имелось одно существенное различие между проектом Фрейсине и тем, как Гамбетта собирался осуществить его на практике. Военный совет Гамбетта решил не учреждать. Фрейсине стал полномочным

представителем Гамбетты как в оперативных вопросах, так и в административных. Гамбетта считал себя не больше чем «стимулятором, движущей силой», и его успехи в значительной степени омрачались катастрофическими неудачами. Более того, вышло так, что он обеспечил себе почти повсеместную неприязнь в армейских кругах, бывших под его командованием. «Он ежедневно портачил, – писал генерал д'Орель де Паладин, – своей резкостью, невыдержанностью, своей надменностью и высокомерными заявлениями и полнейшим непониманием иерархических принципов, которые постоянно пытался свести на нет». Несомненно, д'Орель де Паладин говорил от своего имени и, возможно, от имени немногочисленной группы кадровых офицеров, командовавшими достаточно крупными формированиями, но их мнение на тот период никак нельзя было сбрасывать со счетов.

Прибытие Гамбетты и вступление его в должность, наконец, все же разрешили конфликт между гражданскими и военными. Офицеры высшего ранга, задетые бунтарским тоном заявлений Гамбетты и скептически относившиеся к стратегическим комбинациям Фрейсине и его штатского окружения, вынуждены были подчиняться ему даже при издании приказов, заведомо понимая их абсурдность. В ответ Гамбетта призывал к повиновению необстрелянные войска, которые всегда путали провозглашаемую республиканцами свободу с злоупотреблением ею и элементарной недисциплинированностью. «Во главе вас, – говорил он им, – энергичные и преданные командиры, мудрые и бесстрашные. Им нужно безоговорочно повиноваться. Они постоянно занимаются вами. И за это они имеют полное право требовать от вас повиновения, дисциплины, храбрости: тех республиканских достоинств, которые они постоянно перед вами демонстрируют личным примером». Кадровые военные тем не менее смогли убедительно доказать, что не они несли ответственность за бедствия, постигшие войска национальной обороны. Провалы дилетантов во второй половине войны уравновешивались провалами профессионалов в первой ее половине.

И Фрейсине, и Гамбетта все же понимали один аспект современной войны лучше кадровых военных, как французских, так и прусских. Призыв страны к оружию означал не только превращение штатских в солдат, но и воинскую повинность таких гражданских специалистов, как ученые, инженеры, работники железных дорог, телеграфисты, предприниматели, врачи и архитекторы, для использования их профессиональных навыков в ходе войны, когда переброска войск являлась конечным результатом. Понимание этого

Фрейсине придало организации национальной обороны размах, которого не было у немцев и который наблюдался лишь гораздо позже, уже в ходе Первой мировой войны. Например, все государственные инженеры, архитекторы и подрядчики общественных работ прошли через реквизицию, и все гражданские инженеры-строители заняли место военных инженеров. Были привлечены все компетентные гражданские лица, реквизированы пригодные для расквартирования войск помещения и склады для размещения в них военных госпиталей и объектов интендантской службы; финансовые вопросы, транспорт, поставки стали контролироваться гражданскими чиновниками. Гражданские административные службы и система связи также были переданы в распоряжение *Bureau des Reconnaissances*, занимавшегося не только сбором сведений и проведением разведки, но и диверсиями в тылу противника, а также разрушением важных объектов с тем, чтобы они не попали в руки врага, вывозом имущества и провианта из угрожаемых регионов, а также, где это было возможно, призывом на военную службу в оккупированных провинциях. А *Bureau Supérieur d'études Topographiques* использовало местных фотографов в целях повышения качества необходимых военных карт. В свою очередь, *Commission d'Armement* была учреждена в основном из предпринимателей, во главе которой стоял Жюль Лесен, один из известных деятелей Франции, и занималась осуществлением контроля за распределением военных контрактов в стране и за рубежом. Национальные научные и технологические ресурсы выявлялись, рассматривались и использовались двумя дублировавшими друг друга организациями: *Commission Scientifique de la Défense Nationale* и *Commission d'études des*

Moyens de Défense. Учреждать эти органы и проводить необходимые кадровые назначения требовалось быстро, поэтому они были не всегда продуманными. Перечисленные организации ранее не существовали, что вызывало определенные затруднения управленческого характера, функционировали они в условиях оказываемого на них со всех сторон давления и совершали массу ошибок, а их успехи растворялись в океане неудач, весьма характерных для всего, что было связано с армией и вооружениями во Франции того периода. Но даже если их вклад в общее дело обороны и был ничтожным, тем не менее они служили примером для всех промышленно развитых стран в вопросах планирования и проведения войн в XX столетии.

Было достаточно возможностей для создания новой армии Франции. Быстрота победы немцев лишала возможности проведения полной мобилизации военных ресурсов правительством императора, и хотя большая часть квалифицированных военных Франции была блокирована вместе с Рейнской армией в Меце или находилась по пути в плен, а позже в плену в Шалонской армии, оставалось огромное количество частично обученного или необученного контингента. Численность французских войск на бумаге на 1 июля 1870 года составляла 984 748 солдат и офицеров. К этому следует добавить призывников 1869 и 1870 годов, а также, согласно закону от 10 августа, всех не состоящих в браке мужчин от 25 до 35 лет, отслуживших и не отслуживших в армии, и добровольцев, включая и мобильную гвардию, что в общей сложности составляло до 1 814 320 человек. Если вычесть 500 000 потерь и пленных Рейнской армии и Шалонской армии и 260 000 человек, оборонявших Париж, все равно оставалось еще свыше 1 000 000 человек – солдаты и офицеры, проходившие военную подготовку или же пригодные к военной службе. 2 ноября в духе «Декрета конвента о всенародном ополчении и всеобщей мобилизации во Франции» 1793 года делегацией был издан указ, согласно которому мобилизации подлежало все мужское население в возрасте от 21 до 40 лет, за исключением инвалидов. К концу войны была призвана лишь одна категория этих призывников – холостяки, но они одни составили 578 900 человек. Кроме того, в дополнение к этим силам армии были и подлежащие мобилизации в национальную гвардию, у которых возрастные границы подлежавших призыву были более гибкими. Их мобилизация проводилась в провинциях согласно декрету от 12 октября. Каждый кантон обязан был выставить по батальону, район – по бригаде и каждый департамент – по бригаде. Все эти формирования экипировали за счет гражданских властных структур, а потом передавали в ведение военного министерства для боевой и строевой подготовки.

В стране, находившейся пока что на ранней стадии индустриализации, отправка рабочей силы в армию сама по себе порождала немало сложностей. Самой серьезной проблемой для Фрейсине была именно численность призывников. Прежде всего, откуда набирать для них офицерский состав? 16 сентября командующий одной воинской частью соединения, дислоцированного в Блуа, в письменной форме докладывал, что в настоящее время под его командованием состоят 940 человек, и он ожидает прибытия еще 1500 человек, а у него для них всего 6 офицеров и 19 человек унтер-офицерского состава. В первую очередь Фрейсине предстояло удвоить численность пехотных рот, таким образом, численность офицеров сокращалась вдвое: этот метод он заимствовал из федеральной армии (армии северян) периода Гражданской войны в США. Последствия этого, как и в Соединенных Штатах, были прискорбными. Это в значительной степени затрудняло поддержание на должном уровне воинской дисциплины, да и маневренность на поле боя превращалась в почти нерешаемую проблему. Войска национальной обороны превращались во множество очень больших по численности подразделений и частей, способных к выполнению лишь простейших указаний, да и то крайне медленному. Невзирая на численность, эти подразделения и части с трудом противостояли небольшим, дисциплинированным и управляемым формированиям пруссаков: большие по численности формирования французов были не только сильно уязвимы для винтовочного огня против-

ника, но и для его артиллерии, если находились в обороне. Разумеется, наличие офицерского состава представляло собой проблему, но и подобный подход не разрешал ее. Закон от 10 августа, согласно которому призыву подлежали мужчины в возрасте до 35 лет, уже отслужившие в армии, предусматривал призыв в том числе и офицеров, и унтер-офицеров. Решительный отказ Гамбетты от установленного порядка во многом облегчил задачу. Согласно декрету от 13 октября, были отменены все ограничения на продвижение по службе, что открывало возможность присвоения генеральских званий таким энергичным молодым офицерам, как полковники Билло, Кремер и де Сони. На следующий день, согласно декрету, объединялись все войска, не принадлежавшие регулярной армии, – мобильная гвардия, призывники, «вольные стрелки» – в так называемую «вспомогательную армию», еще один североамериканский образец, в которой любому военнослужащему, независимо от послужного списка или опыта, могли быть присвоены любые звания с последующим назначением на любые должности. Таким образом, стало возможным и присвоение армейских званий даже иностранцам, таким как, к примеру, Джузеппе Гарибальди, или военно-морских офицерских званий, как звание адмирала, Жоре и Жорегиберри. И все же, несмотря на широкий охват, недостаток подходящих кандидатов на командные должности все еще ощущался. В подразделениях, частях и соединениях, сформированных ближе к концу войны, постоянно росло число нареканий по поводу бездеятельности, трусости и равнодушия полковых офицеров, что выражалось в падении дисциплины и некомпетентности штабов. Неаккуратное составление графиков маршей, сбои в работе администрации железных дорог, в войсковом подвозе – все это снижало боеспособность войск национальной обороны.

В национальной гвардии проблема офицерского состава являлась не только чисто командно-управленческой, но и политической. Полковые офицеры стационарной национальной гвардии, задачей которой в первую очередь являлась местная самооборона, по традиции избирались, и в декретах от 10 августа и 12 октября эта традиция была подтверждена. Офицеры мобильной гвардии, сил, предназначенных для участия в боевых действиях, назначались военным министерством, обычно по рекомендациям местных префектов, не всегда надежных в политическом отношении, и присутствие роялистов или верных императорским традициям, несогласных с событиями 4 сентября, растревожило наиболее уязвимые для пропаганды регионы, не говоря уже о самом Париже. Под давлением агитации парижан правительство 7 сентября распространило выборный принцип на офицерский состав и в мобильной гвардии. На незамедлительно последовавшую реакцию гражданских и военных властей в провинциях Гамбетта с оговоркой ответил: «В большинстве случаев мобильная гвардия подтверждает существующий выбор, и офицеры получают новые полномочия». Но он проявил избыточный оптимизм. Последовали жалобы от офицеров, лишившихся должностей по причине возраста или от тех, кто слишком долго прослужил рядовым солдатом, а также тех, кто справедливо возражал, что, дескать, их нельзя лишать званий и должностей без санкции на то военного совета. Делегация оставляла проведение выборов на усмотрение префектов. В большинстве департаментов они не проводились, а в Париже после трехмесячных мук, вызванных действиями никому не подконтрольной мобильной гвардии, правительство, наконец, набралось мужества и 18 декабря отменило выборный принцип в целом.

Существовала и проблема вооружения этих масс. С тех пор как винтовки (нарезные ружья) Шаспо стали производить в достаточных количествах, устаревшие модели нарезных ружей были переделаны под заряжание с казенной части. Одновременно с этим французские торговцы оружием изучали мировой рынок оружия и боеприпасов. Французское превосходство на море открывало неограниченный доступ к арсеналам Великобритании и Соединенных Штатов, где производители были рады случаю избавиться от устаревающих винтовок и начать экспериментировать с новыми моделями. Несмотря на официальные и гневные протесты из Берлина, вооружения и военная техника свободно импортировались из-за Ла-Манша и через

Атлантику. И все же такое многообразие таило в себе определенные сложности. В страну потоком хлынуло оружие самых различных производителей – Enfield, Springfield, Spencer, Snider, Winchester, Scharp, Remington, – в общей сложности 18 видов оружия, каждый из которых нуждался в боеприпасах строго определенного типа. Французские торговцы оружием отнюдь не всегда в нем разбирались, как, впрочем, и их коллеги из-за рубежа, и национальная гвардия, справедливо не доверяя пришедшему на замену оружию, продолжала безуспешно настаивать на винтовках Шаспо.

С артиллерией проблем было меньше. В Бурже, Тулузе, Рене, Нанте, Лионе, Безансоне и Дуэ литейные заводы и арсеналы, появившиеся в период промышленного бума Второй империи, производили вполне достаточное количество артиллерийских орудий, фактически в любом количестве, требуемом правительством. Из общего количества в 1500 заказанных государством орудий 1270 было изготовлено во Франции благодаря перемирию, в то время как импорт из Великобритании и Америки обеспечил недостающее число. По окончании войны армия располагала приблизительно 200 боеготовыми артиллерийскими батареями и орудия для еще 22 батарей лежали на складах – то есть по 2 орудия на каждую 1000 солдат. Иными словами, дефицита орудий не было, зато налицо была нехватка артиллеристов. В сравнении с пехотинцами покрытие нехватки личного состава орудийных расчетов было делом непростым, поэтому даже имевшиеся в наличии орудия не могли быть в полной мере использованы.

Задачу вооружения армии решали и правительство центра, и местные власти. Каждый департамент был обязан предоставить одну полностью укомплектованную артиллерийскую батарею на 100 000 жителей. Префектов побуждали проявлять инициативу в решении связанных с вооружением национальной гвардии вопросов – выплата $^{2}/_{3}$ ведомственных расходов гарантировалась государством. Но такое разделение функций имело и отрицательную сторону. В Великобритании, Америке и Бельгии как местные органы власти, так и центральные оказались в условиях, когда им пришлось конкурировать друг с другом, что вызывало увеличение цен на вооружения. Кроме того, они конкурировали не только в области вооружений, а всего необходимого для войск: форменной одежды, седельных принадлежностей, обуви, другой экипировки и т. д. Обычно они выпускались расположенными в Париже и в его пригородах фабриками, и огромные запасы до сих пор мертвым грузом лежали в осажденной столице. А теперь пришлось поспешно сбывать их на рынке руками не очень опытных и нечистых на руку продавцов, как во Франции, так и за ее пределами, алчность которых обернулась для тысяч солдат в некачественной ткани или разваливавшейся прямо на марше обуви. Как позже выразился один из руководящих членов делегации, «естественно, если изготовлять вещи в спешке, они будут некачественными, но мы оказались перед дилеммой – либо произвести хоть плохие вещи, либо вообще ничего», и в итоге, пока делегация училась на собственных ошибках, кончилась война.

Нормы оснащения и экипировки регулярных войск и национальной гвардии, таким образом, разнились в зависимости от департаментов, от опыта, наличия соответствующих навыков, энергии или просто везения ответственных чиновников. Требования, предъявляемые к боевой подготовке и дисциплине, менялись в зависимости от даты формирования частей и подразделений. Первые два сформированных армейских корпуса, 15-й и 16-й, содержали все, что оставалось от регулярной армии и что помнили большинство старослужащих с времен своей прежней службы. Именно благодаря этому, как и опыту генералов д'Ореля де Паладина, Мартена де Пайяра и Шанзи, войска успешно сражались у Орлеана. Но корпуса, формировавшиеся позже, в страшной спешке, были уже другими. Что же касалось «последних отправленных на поле боя частей», по мрачному высказыванию французского генерала-штабиста, они «состояли из людей, умевших погибать, но никак не солдат».

Попытки делегации обучить свою новую армию потерпели неудачу отчасти по причине отсутствия кадров, но в основном из-за недостатка времени. За боевую подготовку всех частей

и подразделений отвечало военное министерство, организовавшее по всей стране учебно-тренировочные лагеря, куда направлялись войска из департаментов перед переброской в зону боевых действий для вхождения в состав полевых частей. Но лагеря эти обустраивались поспешно, без учета особенностей местности, и почти ни один из них не был готов своевременно принять большое количество личного состава, что приводило к страшной скученности и крайне плохим условиям расквартирования. Сказывалось и отсутствие инструкторов, вооружений… Британский журналист посетил один из таких учебных лагерей в Булони. Он писал:

«Открывшаяся моему взору картина была просто смехотворна. Офицеры, за редким исключением, держались в стороне и были заняты общением с друзьями… Многие солдаты отрабатывали навыки действий на позициях. Из них сформировали батальон, и солдаты выполняли различные приемы настолько неумело, что офицеры, в отчаянии махнув на это рукой, поделили батальон на отделения по 6—10 человек и распорядились все начать снова…» «Трудно преподать то, о чем они никогда раньше и не подозревали», – как заметил один офицер в разговоре со своим коллегой. Если говорить о дисциплине, то она здесь не существовала. Солдаты не отдавали офицерам честь и разговаривали с ними на равных, а временами даже весьма фамильярно… И вообще, все здесь здорово отдавало распущенностью.

В некоторых продиктованных оперативной необходимостью случаях части и подразделения бросали в бой совершенно необученными, невзирая на протесты местных властей. В разгар кампании Бурбаки на востоке Франции, например, был такой случай, когда один полковник наотрез отказался ввести в бой не имевших никаких навыков, необстрелянных солдат. Впоследствии этот офицер был арестован. Участились случаи протестов со стороны местных жителей против отправки призывников, нередки были и случаи массового дезертирства по пути в лагеря и в самих лагерях. Некоторые лагеря власти были вынуждены оцеплять летучими отрядами в целях воспрепятствования бегства новобранцев. Именно благодаря голосам этих людей, поданным после пяти месяцев сражений, Гамбетта и был отстранен от власти, и назначенная вместо него ассамблея была наделена полномочиями принести несчастным французам мир, пусть даже ценой невероятных унижений.

Франтирёры («вольные стрелки»)

Неужели делегации было так необходимо сформировать эти огромные и убогие войска и бросить их в бой с пруссаками? Первоначальным намерением делегации, как могло показаться, было нечто совершенно иное. 21 сентября Фуришон рекомендовал своим командующим прибегнуть к мобильной гвардии в роли партизан, «роль которых состоит скорее в том, чтобы не давать врагу покоя, чем сражаться с ним в бою… Мешать ему реквизировать… А прежде всего, наносить дерзкие и неожиданные удары ему в спину, атаковать и захватывать его конвои войскового подвоза, приводить в негодность железнодорожные линии, разрушать мосты… Эти войска должны вести чисто партизанскую войну, для чего им необходимы инициативность, умение вести разведку и, прежде всего, недюжинная хитрость». Гамбетта рекомендовал то же самое. «Не давайте врагу ни минуты покоя, не позволяйте ему расслабиться, – наставлял он членов делегации из Парижа 26 сентября, – препятствуйте его развертыванию, ограничивайте области его реквизиций, заставьте его убрать силы из-под Парижа, ни днем ни ночью не давайте ему ни минуты передышки всегда и везде – вот ваша цель». И только потом «вы сможете постепенно, после того как мы наберемся сил, перейти к более серьезным военным операциям… непосредственно связанным с обороной Парижа». В его выпущенном тремя неделями позже в Туре заявлении содержались те же идеи. Республиканцы не скупились на заявления о поддержке безжалостной партизанской войны. «Мы превратим Францию в огромную зону партизанской войны, – писал один из них. – Превратим Париж в Сарагосу!» В Туре Стинакер предложил сформировать мелкие группы, «которые будут захватывать колонны транспорта, преследовать врага и вешать на деревьях солдат противника, перед этим хорошенько изукрасив их». Кроме того, он предложил нанять 20 000—30 000 соплеменников кабилов (то есть алжирцев) «и бросить их в Германию с заданием жечь, грабить и насиловать всех, кто и что под руку попадется… Иными словами, я предлагаю развязать войну по типу той, которую развязали против нас испанцы во времена Первой империи и мексиканцы во время Второй».

Если бы делегация выделила бы ресурсы на организацию подобного сопротивления в широких масштабах, эта война стала бы во много раз ужаснее, чем являлась, и хотя итог ее вряд ли сильно отличался бы от уже имевшегося, это, возможно, позволило бы куда эффективнее организовать народ, чем пытаться сформировать из него армию, которой так и не представилась возможность сойтись с пруссаками на поле битвы. Только решимость Гамбетты любой ценой освободить Париж объясняет его отказ от своих ранних идей партизанской войны в пользу создания многочисленных войсковых формирований для проведения настоящей военной кампании. Широкомасштабные партизанские акции могли здорово досадить немцам, вызвать в их рядах многочисленные потери, одним словом, вынудить их прекратить оккупацию, но Париж к тому времени все равно бы пал, а именно деблокирование Парижа и было первейшей стратегической задачей делегации. Таким образом, партизанские операции могли лишь быть частью выполнения стоявшей перед французскими военными главной задачи: формирование и проведение операций Луарской армией.

Сначала идея развязать по всей Франции партизанскую войну была встречена с энтузиазмом. В Эльзасе и Лотарингии еще с времен Люксембургского кризиса 1868 года формировались отряды добровольцев, организовывались их боевая подготовка и обучение, а с началом кампании значительная часть населения не желала предоставить ведение войны одним только кадровым военным. Немцы, к своему неудовольствию, успели столкнуться с партизанской войной, еще не добравшись до Мёза (Мааса). Переправлявшаяся 15 августа через Мозель немецкая кавалерия докладывала о том, что они «постоянно обстреливались» жителями деревень и что они вешали бандитов – или подозреваемых в бандитизме – всякий раз, когда те оказывались у них в руках. Две недели спустя, накануне Седана, кронпринц говорил о войне этих

«вольных стрелков», получившей распространение. «Одиночные выстрелы по нам, обычно коварные, трусливые, они открывают огонь по нашим дозорам, пользуясь тем, что в таких случаях виновников отыскать и изловить трудно, и нам посему ничего не оставалось, как принимать ответные меры – сжигать дотла дома, откуда они вели огонь, или пороть плетьми жителей, или налагать на них дополнительные контрибуции». Когда 9 сентября немецкой кавалерии сдалась недовооруженная и устаревшая крепость Лан, ответственный за склады, собрав все запасы пороха, устроил мощный взрыв, в результате которого погибли или получили ранения 100 вражеских солдат и 300 французов. Снайперы обстреливали дороги между Седаном и Парижем. «Мы безжалостно преследуем их, – говорил Бисмарк Жюлю Фавру. – Это – не солдаты: мы рассматриваем их как убийц». И когда Фавр указал ему, что, дескать, и немцы поступали в точности так же в ходе войн за независимость, Бисмарк на это ответил следующее: «Все это верно, но на наших деревьях до сих пор сохранились отметины – там, где ваши генералы вешали наших людей».

Вдоль главных немецких линий связи спорадическое сопротивление утихло быстро. Оккупационные власти быстро и не всегда разборчиво осуществляли акты возмездия, да и местные власти сотрудничали с ними в подавлении того, что они рассматривали как бессмысленные террористические акты. Население, уступив захватчикам, погрузилось в апатию. Когда в Суасоне 27 октября подвергся нападению немецкий офицер, муниципальный совет в письменной форме официально осудил этот акт – «из соображений лояльности». Но на окраинах оккупированных территорий, куда редко добирались даже дозоры, «вольные стрелки» с каждым днем действовали все более дерзко. В лесах и горах Вогез их активность возросла настолько, что немцы были вынуждены выделять значительные силы из числа войск, осаждавших Страсбург, на затяжную кампанию по зачистке Эльзаса. Лишь с распространением немецкой оккупации на расположенные южнее районы, на Франш-Конте, активность «вольных стрелков» в Вогезах спала, и немецкие территории за пределами Рейна почувствовали себя в безопасности от их набегов. К югу и к западу от Парижа немецкая кавалерия, наступавшая через Уазу и Сену, столкнулась с сопротивлением местных жителей, причем настолько решительным, что немцы оказались перед выбором – либо оставить эту область, либо занять ее *en regie*. В Абли, юго-восточнее Эпернона, кавалерийское подразделение немцев, расквартированное в одной из деревень, было окружено и атаковано «вольными стрелками» и едва сумело уйти. Французы заплатили за эту авантюру сполна – немцы дотла сожгли деревню. Город Шатодён во время атаки на него 18 октября оказал пруссакам сопротивление, ставшее легендой. К концу октября немцам было ясно, что война вошла в этап, в котором террор и контртеррор будут играть весьма важную роль.

Роты «вольных стрелков» формировались по местной инициативе или же по доброй воле отдельных граждан, и сначала правительство ограничивалось лишь моральной их поддержкой, правда выбивая для них фонды для выплаты жалованья. Число их быстро росло. Согласно официальным данным, общее количество таких формирований составляло 300, а численность бойцов в них – 57 600 человек. Не было недостатка во французах, готовых умереть за свою страну, но их совершенно не привлекала перспектива всех тягот, связанных с кадровой армией. Ряды «вольных стрелков» непрерывно пополнялись и сочувствующими иностранцами: испанскими республиканцами, изгнанниками из Польши, американцами французского происхождения, предприимчивыми молодыми людьми из Англии и Ирландии и, конечно же, итальянцами во главе с великим Джузеппе Гарибальди. Роты французских «вольных стрелков» являли собой многоцветье политического спектра – от радикально настроенных «вольных стрелков» с берегов Сены до легитимистов полковника де Кателино из Вандеи, от состоятельных буржуа тиральеров-добровольцев из Жиронды до рот папских зуавов, доставленных во Францию полковником де Шареттом после итальянской оккупации Рима. Даже грумы имперского двора, к великому замешательству местных властей, и те сформировали кавалерийский полк. Они

заполняли улицы Тура, вооруженные и обмундированные по собственному усмотрению. Одна рота была в романтичном, но совершенно непрактичном стиле мушкетеров Александра Дюма, в широкополых шляпах, просторных плащах, высоких ботфортах, со шпагами и кинжалами. «Вольные стрелки» из Ниццы носили серые тирольские куртки и шляпы, «вольные стрелки» из Пиреней прибыли в беретах, партизаны из Жера в Гаскони несли черные баннеры, украшенные скрещенными костями, рота верховых из Южной Америки появилась с лассо, а роты из Северной Африки – в бурнусах. Все эти бойцы воевали очень по-разному: далеко не все дотягивали до Риччотти Гарибальди в Шатийоне, или «вольных стрелков» Липовского в Шатодёне, или до стойких, дисциплинированных и мужественных бретонцев, служивших примером для всех у Кателино. Большинство же оставили о себе отвратительные воспоминания у жителей тех регионов, где они воевали, – алчные, недисциплинированные, распущенные, одним словом, ничуть не лучше оккупантов-немцев. Они, по словам одного очевидца, насаждали «террор и разруху в деревнях, которые должны были защищать». Пришлось применить ряд мер с тем, чтобы поставить их в рамки воинской дисциплины. 29 сентября их по дисциплинарным вопросам приравняли к мобильной гвардии, и 4 ноября Гамбетта назначил их постоянного командующего, потребовав от него обеспечить регулярную отчетность каждого подразделения. Подразделение, не оправдавшее себя с честью перед лицом врага, подлежало расформированию, и в январе были на основании указа приняты жесткие меры в отношении тех бойцов подразделений «вольных стрелков», которые покидали места расквартирования в городах и деревнях и наводили страх на местное население бродяжничеством, бездельем и нередко недостойным поведением.

Среди чаще всего вызывавших кривотолки подразделений «вольных стрелков» были те, которыми командовал ветеран и герой Джузеппе Гарибальди. Его предложение о помощи правительство восприняло с легкой растерянностью. Страдающий подагрой и имевший проблемы со здоровьем, Гарибальди уже миновал пик карьеры полководца и как передовой революционер по причине возраста вряд ли мог составить политический капитал. Гарибальди воспринимал войну в представлениях Мадзини, как борьбу французской секции универсальной республики против сил реакционной монархии и клерикализма, как один из аспектов священного и гигантского конфликта, вызванного Австрией и папством в Италии, и который должен был завершиться освобождением человечества от оков феодализма и фанатизма. Даже Гамбетта и тот колебался. Сотрудничество с Гарибальди ужаснуло бы и консерваторов, и католиков и вызвало бы серьезные проблемы для Тьера в Риме, кроме того, следовало опасаться и того, что Гарибальди потребует цену за освобождение тех владений империи, отказываться от которых республиканцы не собирались, – его родных мест: Ниццу и Савойю. У его главного французского ученика, военно-морского хирурга по имени доктор Бордон, имелось уголовное прошлое. Но от помощи столь выдающегося деятеля никак нельзя было отказываться. Гарибальди прохладно приняли в Туре, но назначили верховным главнокомандующим всеми «вольными стрелками» на востоке Франции. Он поднял штандарт в Лионе вместе со своим начальником штаба Бордоном, и туда к нему устремились революционеры всех полов и возрастов, и оставшиеся в живых после событий 1848 года, и их предшественники-нигилисты, и анархисты 80—90-х годов, поведение которых вызывало постоянные нарекания лионских властей. Обретя очертания, силы двинулись в Кот-д'Ор, избрав штаб-квартирой Отён, где их боеспособности предстояло пройти проверку на прочность. Но отвращение Гарибальди к церкви сослужило им плохую службу, серьезно подмочив репутацию, которую не смог выправить даже их кратковременный успех на полях сражений. Вспоминая пронизанные героизмом дни 1792–1793 годов, французы вынуждены были помнить и о том, что это были не только годы сопротивления захватчикам, но и ожесточенной гражданской войны.

С увеличением числа подразделений «вольных стрелков» разница между военными и гражданскими все сильнее стиралась. Меры же, которые делегация установила декретом для местной самообороны, и вовсе их ликвидировали.

Имперское правительство оставило свои местные властные структуры, чтобы те выработали для себя программу действий с захватчиками, и акции разнились от коммуны к коммуне. Некоторые мэры приказывали, чтобы местные жители принимали немцев дружелюбно, другие, хорошо помнившие события 1814–1815 годов, организовывали бойцов местной самообороны для атак на вражеские патрули, и с энтузиазмом исполняли наставления Паликао вооружить местную национальную гвардию. Похоже, жители Северо-Западной Франции были настроены на отпор врагу, но ими нужно было руководить, и это взял на себя Гамбетта уже два дня спустя после вступления в должность министра внутренних дел.

6—7 сентября он разослал приказы префектам всех департаментов, оказавшихся под угрозой вторжения, для организации обороны их территории силами национальной гвардии, саперов-пожарников, лесничих и «всех мужчин, готовых взять в руки оружие». Им предстояло мобилизовать все имевшиеся местные ресурсы, они были наделены неограниченными полномочиями по всем вопросам реквизиций и должны были оказывать всяческое содействие комитетам местной самообороны. Часть префектов продемонстрировала энтузиазм, о котором Гамбетта мог только мечтать. Спюлле из Верхней Марны ответил 14 сентября: «Я формирую армию национальной гвардии численностью в 40 000 человек, во главе которых поставлю 4000 «вольных стрелков»… этими силами будет нанесен удар во фланг неприятеля, которые отзовутся эхом по всей Франции». Другие префекты проявили меньше инициативы. К западу и к югу от Парижа организация отставала, префект в Осере жаловался, что «почти все мэры и судьи препятствуют обороне, не открыто, но затягиванием». К середине октября успехи немцев к югу от Парижа и Страсбурга доказали, что никакая форма местной самообороны не развита настолько, чтобы противостоять более сильным формированиям пруссаков, чем их рассеянные по местности конные дозоры. Местные власти Дрё и Мондидье передали свои города с готовностью, вызвавшей неукротимую ярость. Согласно декрету от 14 октября, Гамбетта взялся лично рассмотреть этот вопрос. Все департаменты, расположенные в 100 километрах от врага, объявлялись «на военном положении», и военные комитеты были уполномочены организовать их оборону, установить контрольно-пропускные пункты, возвести оборонительные сооружения и баррикады. Последующие приказы предусматривали осуществление программы «выжженной земли». В регионах, находившихся под угрозой вторжения, весь домашний скот и запасы зерновых культур необходимо было доставить в более безопасные места. В случае невозможности эвакуации или вывоза их надлежало уничтожать, а их владельцам государство гарантировало денежную компенсацию. Все население, не способное к участию в боевых действиях, также подлежало эвакуации, а все оставшиеся занимали оборону на баррикадах. Мэр, кюре, учителя и другие лица отвечали за выполнение этих приказов, а все, кто действовал им вопреки, передавались военным судам.

Указания делегации и детальная подготовка в департаментах на бумаге представляли собой впечатляющий проект национальной самообороны, но при выполнении их ждала судьба всех планов, которые зависят от обычных смертных, пусть даже героически настроенных, но невооруженных, необученных и не имеющих понятия о воинской субординации и дисциплине. Всякий раз при появлении немецких войск, причем любой численности, местная самооборона оказывалась несостоятельной. Полковник де Кателино, который должен был сотрудничать с местной национальной гвардией при обороне Орлеанского леса, соглашался с тем, что на бумаге их организация выглядела безукоризненно, «но стоило появиться врагу, как все куда-то исчезли. На всех дорогах, за каждым кустом сидели люди, вооруженные винтовками, но далеко не все явились, услышав залпы». Когда в начале следующего года армия Фридриха Карла проникла на запад к департаменту Сарта, безразличие населения повергло власти в отчаяние.

«Я предупреждаю вас, – писал префект департамента Орн мэру городка Бомон-сюр-Сарт 13 января, – что, если вы по получении этого письма не взорвете оба моста в Бомоне… вы будете немедленно арестованы, предстанете перед военным трибуналом и расстреляны на месте». Четыре дня спустя он приказал заместителю префекта в Аржантане разрушить все линии связи между Аржантаном и Алансоном. «Используйте все средства, реквизируйте инструменты, призовите рабочую силу… если люди не захотят работать, заставьте их с револьвером в руке». Но мосты так и не были взорваны, дороги не были приведены в негодность, смелости Гамбетты и героизма его самых горячих последователей уже не хватало для поддержания боевого духа всей страны. Префект департамента Кальвадос проявил куда больше реализма, когда, будучи информированным о том, что все войска в его департаменте отведены на Шербурский полуостров (полуостров Котантен. – *Ред*.), он ответил: «Очень хорошо, я согласен. Но… в таком случае откажитесь от обороны как главенствующего принципа… И когда вы тыкаете пальцем на того, кто не дает врагу отпора, подумайте о том, что вы лишили нас всех средств обороны…» Французские крестьяне продолжали сбор зерновых, винограда, ухаживали за домашним скотом, заботились о своих детях, в случае необходимости подчиняясь оккупантам, как подчиняются любой силе, такого подчинения требующей, и все сильнее проникались глубокой неприязнью к фанатичному идеализму своих лидеров, и постоянно мечтали о мире, не важно какой ценой, но о мире.

Глава 7
Мец и Страсбург

Занимаясь организацией новых вооруженных сил после 4 сентября, Гамбетта действовал так, будто имперская армия вместе с самой Второй империей прекратила существование.

Это было вполне естественно – безусловно, большая часть профессиональной армии, которой располагал Наполеон III в начале войны и на которую рассчитывал для обороны Франции, так и оставалась на территории страны, организованная, вооруженная, дисциплинированная и сосредоточенная вокруг крепости Мец без каких-либо поставленных ей задач. Она состояла из пяти армейских корпусов, самый лучший из которых вообще не побывал в боях, армия численностью 154 481 человек, полностью вооруженных, включавшая кавалерию и артиллерию, и с достаточным количеством боеприпасов. Гамбетта и Базен почти не встречались и при составлении планов не принимали всерьез факт существования других сил. Изумленная и возмущенная страна впоследствии не могла найти объяснение бездеятельности Рейнской армии, кроме как следствие предательства Базена, и по окончании войны отвела душу, предав его суду и навечно пригвоздив его к позорному столбу в назидание потомкам. Однако доказательств, предъявленных ему судом и в ходе расследования, проводимого Третьей республикой и правительством национальной обороны, было явно недостаточно для предъявления маршалу обвинения в предательстве, их даже не хватило для того, чтобы обвинить Базена в своекорыстии. Представленная картина свидетельствует о некомпетентности маршала, о его беспомощности перед лицом проблем, которые были бы под силу лишь военачальнику, обладавшему воистину незаурядными полководческими способностями и политической прозорливостью. В действительности предъявленное маршалу Базену обвинение относилось не столько к нему, сколько ко всей армейской системе в целом, выпестовавшей его и позволившей ему подняться до поста командующего вооруженными силами страны. Государства имеют в распоряжении тех генералов и те правительства, которых они заслуживают. Но если мы всерьез намерены разобраться, кто в действительности нес ответственность за события в Меце в период с 19 августа по 27 октября, когда и крепость и войска в конечном счете сложили оружие, нам предстоит тщательно их проанализировать. Сначала мы рассмотрим и дадим оценку военным событиям, что особого труда не составит, и уже затем политическим, осудить или же одобрить которые будет значительно сложнее.

Ни немецкое, ни французское командование так в полной мере и не осознали того, что 19 августа они начали осаду. Приказы Мольтке предписывали шести корпусам 1-й и 2-й армий занять левый берег Мозеля для предотвращения прорыва французов на запад. В случае своего прорыва на восток французы натолкнулись бы лишь на силы 1-го корпуса и дивизии ландвера, которым было велено не оказывать серьезного сопротивления. Все эти мероприятия были нацелены на то, чтобы не дать Базену и Мак-Магону соединиться. Что же касается Фридриха Карла, не проявлявшего особого энтузиазма к выполнению столь заурядной задачи, Мольтке заверил его, что это много времени не займет. Либо французы предпримут попытку прорыва, либо сдадутся из-за отсутствия провианта, а затем, как он успокаивал Фридриха Карла, «Ваше Королевское Высочество будет пожинать лавры по случаю капитуляции противника и одной из самых замечательных в военной истории побед над ним».

Довольно быстро вокруг Меца была создана линия укреплений, периметром 40 километров, благодаря прусской дотошности и усердию фактически неприступных и на правом берегу Мозеля, и на левом. Все дороги были забаррикадированы, каждая деревня была превращена в небольшую крепость и связана ходами сообщения с соседними, каждый лесной массив был либо защищен завалами деревьев, либо изрезан просеками, вырубленными с целью обеспече-

ния возможности ведения огня. Повсюду были прорыты траншеи для стрелков и для обеспечения поддержки, на тщательно выбранных территориях оборудованы артиллерийские позиции для полевых орудий. Были изменены направления старых дорог, проложены новые, упрочнено их покрытие, через Мозель были переброшены дополнительные мосты, все наиболее крупные штабы связали телеграфные линии, были возведены и обустроены наблюдательные пункты и башни световой сигнализации, отстоявшие через равные интервалы друг от друга по всему периметру, а главная железнодорожная линия от Парижа до Рейна в районе крепости была перенесена таким образом, чтобы проходила за пределами линий укреплений. Поскольку все места расквартирования вблизи позиций были до отказа забиты войсками, условия проживания личного состава стали невыносимыми. Сначала деревни были переполнены ранеными – и пруссаками, и французами, – и первые вынуждены были соорудить лачуги из хвороста, которые едва защищали от осеннего холода и дождей. Рационы были крохотными до тех пор, пока интендантская служба не дождалась, наконец, когда привели в порядок железную дорогу и она стала функционировать в более или менее нормальном режиме. Сказались и последствия набегов солдат на сады и огороды долины Мозеля – произошла вспышка дизентерии, диареи и других желудочно-кишечных заболеваний. В целом состояние здоровья войск вызывало серьезную тревогу прусских властей. Многие их биваки располагались вокруг Гравлота и Аманвиллера, где поля были усеяны тысячами разлагавшихся трупов, едва присыпанных землей, которая в результате ливней следующих нескольких недель оказалась смыта, что также оказало пагубное воздействие на физическое здоровье и боевой дух немцев. Поэтому пруссаки стали все больше и больше солдат бросать на работу, следя при этом за добросовестным ее выполнением, – на рытье могил, строительство лачуг для временного проживания и укрепление стенок траншей камнем. Дожди затянулись не на одну неделю, и в войсках, принимая во внимание страшную скученность, росло недовольство, но поскольку раненых и тажелобольных отправляли в Германию и в связи с этим высвобождались здания и помещения для войск, а также вследствие улучшения питания и функционирования почты, благодаря чему солдаты стали получать письма из дома, можно было говорить о заметном улучшении условий проживания солдат Фридриха Карла, в то время как жизнь французских солдат армии Базена в крепости ухудшалась.

Французская армия, отступившая в Мец 19 августа, хотя и срочно нуждалась в отдыхе, пополнении личным составом и переформировании, не чувствовала себя побежденной. Лишь 6-й корпус и правое крыло 4-го корпуса понесли серьезные потери в ходе сражения при Сен-Приве – Гравлоте, и планы Базена в какой-то степени проливали свет на то, что беспорядочное отступление французов на самом деле было запланировано. Оставшаяся часть войск, осознавая, что сражалась достойно и к тому же добилась успехов (понеся меньшие потери, нежели противник), отступала, причем явно не понимая почему, и дожидалась возможности снова сразиться с противником. Нехватка вооружений и боеприпасов была вскоре восполнена за счет резервов, в беспорядке складированных вокруг станции в Меце. 21 августа командующие корпусами рассылали в вышестоящие штабы безудержно оптимистичные отчеты о состоянии своих корпусов. Единственное, что вызывало их беспокойство, так это нехватка офицеров, а в корпусе Фроссара она крайне отрицательно повлияла на состояние воинской дисциплины и боевой дух личного состава, в то время как Лебёф откровенно указывал на то, что в его корпусе офицеры были «настроены в известной степени критически, что, впрочем, естественно». Но в целом войска не имели каких бы то ни было планов на будущее. Базен, как они полагали, разгромил немцев при Коломбее и Вьонвиле и возвратился в Мец лишь ради того, чтобы завершить свой хитроумный маневр.

Но вот в чем именно состоял этот маневр, не знал никто. Базен, уединившись у себя в ставке в зажиточном пригороде Сен-Мартен, ни с кем обстановку не обсуждал, даже со своими командующими корпусами, и дисциплинированные генералы, выпестованные в наполеоновских традициях, ничего подобного от Базена не ожидали. Даже сегодня нелегко разобраться

в руководивших Базеном мотивах, да и все его попытки оправдаться, сочиненные им много лет спустя, не могут служить внятным их объяснением, но не имеется и доказательств тому, что маршал, при наличии соответствующей возможности, не предпринял бы попытку прорыва. Верно, что пруссаки перекрыли путь на запад, но ведь оставалось еще два варианта: направиться к северу, как он первоначально и предполагал, и соединиться с Мак-Маго-ном через Монмеди и Седан. Или же прорываться на юг, перерезая линии коммуникаций немцев, и закрепиться на плато Лангра, что позволило бы маршалу беспрепятственно получать все необходимое благодаря войсковому подвозу с юга и с запада страны. Этот последний план был наиболее дерзким и сулил наибольший успех, и именно этот план Мольтке считал наиболее вероятным, но его выполнение потребовало бы и мужества, и решительности, и ясного плана действий, однако маршал Базен ничем из перечисленного не обладал. Согласно полученным им от императора приказам, ему предстояло соединиться с Шалонской армией, что возможно было осуществить, лишь прорвавшись на север, и 23 августа он пробился бы к Наполеону III через все еще слабо обороняемые линии пруссаков в нижнем течении Мозеля. В одном из донесений сообщается о намерении «предпринять марш, о котором я говорил прежде, – через северные крепости с тем, чтобы не рисковать понапрасну *(afin de ne rien compromettre)*».

Прорыв был запланирован на 26 августа и должен был осуществиться в северо-восточном направлении, вниз по правому берегу Мозеля. Штабное обеспечение операции было, как обычно, непродуманным. Жаррас был снова проигнорирован, приказы вышли только в последний момент, не предпринималось попыток скоординировать движение по мостам через Мозель, и – самое удивительное упущение из всех – не было взято соответствующее саперное оборудование для обеспечения войскам возможности форсирования рек. Эти приготовления кое у кого из командующих вызвали нешуточную тревогу. Вечером 25 августа к Базену прибыли два высокопоставленных офицера: командующий крепостью Мец генерал Кофинье де Нордек и командующий армейской артиллерией генерал Солей. Оба решительно возражали против задуманного прорыва. Кофинье указал на то, что, если войска покинут Мец, крепость каких-нибудь пару недель спустя окажется в руках немцев. Базен, вероятно, ответил, что, мол, это никак не повлияет на судьбу Франции, и это его высказывание сыграло фатальную роль для его военной карьеры. Солей страстно убеждал Базена в том, что резерв боеприпасов войск хоть и достаточен для одного крупного сражения, однако его явно не хватит на возможные другие бои, которые неизбежно возникнут до соединения с силами Мак-Магона. И, кстати, поинтересовался он, а где, собственно, находится сейчас Мак-Магон? Все же, может, лучше не бросаться непонятно куда, рискуя при этом быть разгромленным противником, выждать, пока не поступят достоверные сведения из Шалонской армии?

Базен сначала не прислушался к генералам и не отменил операцию, и на следующий день войска в 4 часа утра выступили. Но он отменил приказы своему штабу, вызвал командующих корпусами, представил им аргументы, изложенные ему минувшим вечером. Бедняги генералы, с которыми впервые решили проконсультироваться относительно операции, о замысле которой они ведать не ведали, раздумывали недолго. Фроссар полагал, что боевой дух войск не переживет еще один разгром. Канробер признал, что пробиваться через всю страну в полной экипировке для армии почти невозможно. Ладмиро и Бурбаки против воли, но все же вынуждены были признать, что если боеприпасов, как утверждает Солей, не хватает, то что же, ничего не поделаешь. Лебёф, возможно единственный, кто ориентировался в общей сложившейся обстановке и поэтому мог сформулировать верное суждение, пустился в многословные и бестолковые обоснования и оправдания своей позиции, объявив, что «его уже обвинили во всех смертных грехах за его действия, но никто и никогда не прислушался к нему и не спросил у него совета». Кроме того, Солей не только разъяснил рискованность предлагаемого *manoeuvre*, но и указал на положительные факторы решения оставаться там, где находились. Они вполне смогут парализовать немецкую армию уже хотя бы тем, что будут совершать рейды на их линии

связи, и потом – тут впервые послышались несомненно пораженческие нотки, – если уж Франция и станет выторговывать условия мира, то владение Мецем было бы неплохим козырем в переговорах о судьбе Лотарингии. А тем временем хлынул собиравшийся весь день дождь, нещадно поливавший колонны маршировавших по дорогам войск. Базен не отличался многословием в ходе совещания и теперь, убедившись в уступчивости своих подчиненных, распорядился прекратить операцию. Колоннам было приказано остановиться, потом развернуться, и они стали пробиваться по переполненной дороге назад. Орудийные лафеты застревали в грязи, перекрывая пути следования. Войска под ливнем медленно возвращались, так же медленно, как и начали марш, и только на следующее утро к 6 часам, после 26-часового перехода, последние подразделения вернулись в места расквартирования [38].

Эффект этого фиаско вызывал тревогу, не в последнюю очередь у самого Базена. Возможно, он ухватился за идею Солея, что, даже оставаясь в Меце, войска смогут оказаться полезными, играя роль своего рода швартовых в ситуации, которую маршал расценивал как неподконтрольную. Но по прошествии нескольких дней появился еще один повод для беспокойства. 30 августа окольными путями поступило совершенно неожиданное донесение Мак-Магона из Тьонвиля[39]. Отправлено оно было, следует заметить, 22 августа, когда Мак-Магон получил депешу Базена от 19 августа, и в ней Шалонской армии предписывалось продвинуться для деблокирования Меца. «Я буду на Эне послезавтра, – сообщал он в заключение, – откуда, смотря по обстоятельствам, и приду к Вам на помощь». Сам Базен воспринял эти сведения довольно равнодушно, в отличие от своих куда более эмоциональных штабистов. «Послезавтра» было 25 августа, еще пять дней марша, и Мак-Магон вышел бы в район Монмеди. Доводы Солея, что, мол, прорываться означало бы просто действовать наугад, теперь уже не соответствовали обстановке. Но спокойствие Базена было лишь кажущимся. Планы относительно операции рассматривались начиная с 26 августа, и теперь появилась возможность отдать боевые приказы и на следующий день выстроиться в боевой порядок.

Вновь была предпринята попытка прорыва на слабо обороняемом правом берегу. С пятью армейскими корпусами Базену не составляло труда прорвать фронт, удерживаемый лишь одним-единственным прусским армейским корпусом, на подмогу которому в течение дня могли подтянуться в лучшем случае еще два, и отказ Базена от прорыва плюс его странное поведение в ходе сражения, конечно же, вызывает вопрос: а действительно ли все объяснялось лишь отсутствием у него способностей военачальника? Какой-нибудь достаточно негативно настроенный аналитик мог сделать лишь один вывод: маршал играл какую-то весьма замысловатую игру. Мак-Магона необходимо было не отпускать от себя. Если бы он был разгромлен, конечно же, последовал бы мир, империя пала бы, и Базен, командующий целехонькой и никем не разгромленной армией, стал бы героем дня. Если бы Мак-Магон победил, это гарантировало бы Базену сравнительно легкую победу над силами, ему противостоявшими. Данный тезис не может быть с ходу ни окончательно доказан, ни оспорен, но нет необходимости искать объяснение нерешительности Базена 31 августа и 1 сентября. Если бы прорыв удался, он в этом случае нес бы ответственность за 100-километровый марш своей армии ради сомнительной перспективы соединения с Мак-Магоном, преследуемым более подвижным, более сильным и вышколенным противником, столкновение с которым грозило ему разгромом. Будучи не в состоянии прорваться и при этом сберечь армию, он не просто избежал катастрофы, а смог и

[38] Базен впоследствии заявил, что он отдал распоряжение на передислокацию (D.T. IV 190), «предположив, что противник намерен предпринять попытку [атаковать его] на пути в Тьонвиль и таким образом обязать его показать на той стороне силы, которые он имел в распоряжении». – *Авт.*

[39] Большая часть осуждений Базена впоследствии опиралась на заявление под присягой двух его офицеров-штабистов – барона де Андло и полковника Леваля – о том, что донесение, поступившее 23 августа, превращало отступление 26 августа в преступный акт. Утверждение Базена о том, что он ничего не знал до 30 августа, подтверждается его показаниями на суде над ним. Пала предполагает, что Базен 23 августа получил неофициальное донесение о том, что Шалонская армия отходит. – *Авт.*

внести свой ценный вклад в стратегический паритет, и, в случае удачи, с честью вышел бы из этой ситуации. Именно осторожный, но обнадеживающий фатализм представляется куда более вероятным мотивом действий Базена, нежели хладнокровный политический расчет, приписываемый ему его обвинителями. Однако, какой бы точки зрения ни придерживаться, трудно не прийти к заключению о том, что Базен, издав 31 августа боевые приказы на следующий день, сомневался относительно желательности прорыва вообще и что 31 августа и 1 сентября его искреннее стремление к успеху преуменьшилось.

И вновь Жарраса проигнорировали при составлении приказов. Но уроки 26 августа были свежи в памяти, и командующим корпусами войск Базена пришлось изрядно попотеть, чтобы быстро и организованно перебросить силы с левого берега на правый. Их старания особым успехом не увенчались. Задержки внутри корпусов и, вдобавок, своеволие их командующих привели к еще большему хаосу, чем шестью днями ранее. Таким образом, хотя 3-й корпус, уже стоявший у фронта немцев на прежнем поле битвы между Грижи и Нуайи, как и было предписано, открыл огонь в 8 часов 31 августа и оттеснил немецкие аванпосты из

Коломбея, далее в течение целых восьми часов ничего не происходило. Аванпосты Мантейфеля доложили о сосредоточении французских войск в районах вокруг Борни, с удивлением отметив, что атак противника не последовало, а потом и вовсе были шокированы тем, что грозный противник, составив винтовки в пирамиды, спокойно стал готовить обед. Между тем длинные шлейфы пыли в долине Мозеля и севернее и южнее города говорили о том, что Фридрих Карл вел подкрепления к правому берегу и прибыл вовремя, будучи готовым сразиться с французами, неторопливо направлявшимися в обход пригородов Меца. На эти шлейфы пыли подчиненные обратили внимание Базена, но тот в ответ лишь махнул рукой. «И к лучшему, – безмятежно заметил он, – что [вражеские] войска покидают левый берег». К полудню вся французская императорская гвардия все еще находилась на левом берегу, и в 18 часов армейская артиллерия, которая должна была располагаться в авангарде войсковой группировки с задачей проложить путь пехотинцам через позиции немцев, все еще не переправилась через реку. Базен неторопливо провел оперативное совещание со своими командующими корпусами, в ходе которого отдал им боевые приказы и проинформировал их о том, что атаку начинать только по сигналу выстрела из орудия форта Сен-Жюльен, но никакого сигнала он не дал, пока три тяжелых орудия не были вывезены из Сен-Жюльена и не развернуты под его контролем для обстрела позиций немцев. В конце концов, сигнал все же был дан, но выстрелом не из орудия, а из сигнального пистолета в 16 часов, и французы наконец перешли в наступление.

Целью французов было очистить от пруссаков склоны вокруг деревни Сен-Барб, что обеспечивало доступ к дороге, ведущей через Бетленвиль к низовьям Мозеля. 3-й и 4-й корпуса должны были продвинуться по обеим сторонам долины речки Вальер, 3-й – для захвата Нуайи, а 4-й – для захвата Сервиньи, в то время как 6-й корпус оборонял левый фланг, 2-й корпус – правый, а гвардия, как обычно, находилась в резерве. У французов перед фронтом были лишь 1-й корпус фон Мантейфеля, аванпосты которого насчитывали приблизительно пять батальонов. Мантейфель знал, что помощь уже в пути: 3-я дивизия ландвера оставалась в ближнем резерве, а дивизии 7-го и 9-го корпусов спешно перебрасывались с другого берега, но даже с их прибытием французы все равно имели бы значительное численное превосходство, и мало надежд оставалось на то, что подкрепления немцев подойдут до наступления сумерек. Для отражения атаки целой французской армии Мантейфелю, таким образом, оставалось полагаться исключительно на собственные силы. Он решил перенести тяжесть сражения на свои передовые позиции и бросить все, чем располагал, в бой за Сервиньи и Нуайи, а не отступать на Сент-Барб, и, таким образом, перед Сервиньи он развернул внушительные силы артиллерии, 60 орудий, которые вели непрерывный огонь по французской пехоте, в то время как французская артиллерия все еще пробиралась по переполненным мостам через Мозель.

Это значительно замедлило продвижение Ладмиро, но, в отличие от продвижения сил Лебёфа, могло оказаться куда более впечатляющим.

3-й корпус устремился по прежнему полю битвы. Пробиваясь через долину речки Вальер, он сумел глубоко вклиниться в позиции немцев, что позволило им прийти на выручку 4-му корпусу, атаковав Сервиньи с юга через долину Нуайи. Артиллерийские позиции пруссаков оказались оттеснены, и пехотинцы до наступления темноты вели бой за овладение Сервиньи. Севернее Сервиньи 6-й корпус закрепился в предместьях Файи, и когда приблизительно в 23 часа бой наконец стих, ободренные успешной атакой французы вгрызлись в позиции немцев. Эта победа стала для них своего рода компенсацией за поражения предыдущей недели.

Между тем Базен, не дожидаясь сведений об исходе сражения, улегся спать, и отданные им на следующее утро приказы представились командующим, успешно теснившим более слабые силы противника, по меньшей мере странными.

«Если диспозиция противника у нас по фронту дает нам определенные возможности [как разъяснял он своим командующим корпусами], то нам следует продолжить предпринятую вчера операцию, которая: 1) приведет к овладению Сент-Барбом и 2) облегчит нам марш на Бетленвиль. В противном случае нам следует удерживать позиции, сосредоточить наши силы на них и этим же вечером отойти к Сен-Жюльену и Келё».

Едва эти нудные распоряжения были разосланы, он составил два донесения Наполеону III. Первое, предназначенное для отправки в случае успеха, объявляло о том, что он на марше на Тьонвиль, второе, более длинное и обстоятельное, сообщало о том, что его атака отражена противником и он снова находится в Меце «с небольшим резервом боеприпасов для полевой артиллерии, провиантом и, наконец, в санитарных условиях, далеких от идеальных, ибо крепость переполнена ранеными». Подобную предусмотрительность едва ли можно приписать тому, кто не сомневается в своей победе. С другой стороны, Мантейфель, хотя имевшиеся в его распоряжении силы все еще составляли лишь половину сил французов, за ночь получил достаточное подкрепление, чтобы рассчитывать на успешную атаку по всему фронту. Не дожидаясь, пока рассеется осенний утренний туман, французские войска в Файи, Нуайи и других местах оказались под интенсивным обстрелом. Именно в Нуайи бой был наиболее ожесточенным. Здесь был самый опасный участок из захваченных французами – он представлял угрозу флангу позиций в Сервиньи, который столь непрочно удерживали немцы, и с падением Сервиньи французы продвинулись бы настолько далеко, что окружили бы Сент-Барб. Поэтому Мантейфель и поднял дивизию ландвера и направил ее через долину с северо-востока. Деревня удерживалась дивизией Батуля из 2-го корпуса под командованием Лебёфа, и она упорно оборонялась. Но сосредоточенный массированный артогонь 114 немецких орудий едва ли не стер с лица земли оборонительные позиции, а французы не располагали артиллерией, которую можно было бы бросить в бой. Действительно, пока Батуль и Мантейфель сражались за эти жизненно важные позиции, остальные формирования французской армии сидели, что называется, сложа руки. Ладмиро выбивался из сил у Сервиньи, а Лебёф направил по три дивизии по обе стороны от Нуайи. Но и во 2-м, и в 3-м корпусах имелись не участвовавшие в боях дивизии, артиллерия 2-го корпуса тоже сидела без дела, у Канробера – две дивизии. В сражении не принимали никакого участия ни гвардия, ни армейская артиллерия, ни огромная, весьма представительная и совершенно бесполезная масса французской кавалерии. Базен не предпринял никаких попыток сразиться и за Нуайи, как он сражался при Вьонвиле – Марс-ла-Туре и Сен-Приве – Гравлоте, и когда приблизительно в 11 часов Батуль вынужден был все же отступить из Нуайи, чтобы избежать окружения, Базен посчитал это доказательством того, что никакой прорыв невозможен, и приказал своим корпусам прекратить атаки. В течение дня армии просто смотрели друг на друга в ожидании сигнала к атаке, а вечером французы всей массой двинулись назад в Мец. И в той и в другой армии потери составили примерно по 3000 человек или чуть больше.

Таким образом, попытка прорыва потерпела неудачу, и несколько дней спустя Базен узнал, что никаких надежд на подход Шалонской армии ему на помощь нет и быть не может. 3 сентября облака пыли на севере породили в гарнизоне массу слухов, а еще три дня спустя Фридрих Карл довел до сведения Базена нелицеприятную правду, обменяв группу пленных пруссаков на группу пленных французов, сдавшихся в Седане. На поле битвы французских войск больше не было – Базен остался один, и когда аванпосты пруссаков подтвердили сведения из Парижа о том, что Вторая империя и в политическом, и в военном отношении перестала существовать, армия в Меце уподобилась ампутированной конечности. Ни от Наполеона III, ни от императрицы Евгении перед их исчезновением со сцены никаких наставлений Базену не поступило, а новое правительство в Париже, по-видимому, в упор не замечало его. Армия в Меце осталась островком имперской власти, вдвойне изолированной: в военном отношении – немецкими силами, оккупировавшими северо-восток Франции, и в политическом – в создании республики, которая, судя по всему, позабыла о ее существовании.

Армии – весьма самодостаточные сообщества. Весь *raison d'etre* (смысл бытия) армии в Меце, вероятно, уже и не существовал вовсе, но жизнь внутри ее структур продолжала идти своим чередом, поскольку в ней, как и во всех других институтах, нетрудно было просто забыть о цели ее существования, сосредоточившись на самом его процессе. Выдавались рационы провианта, проверялось и в случае необходимости заменялось снаряжение, в обычном режиме продолжалась боевая подготовка, поддерживалась воинская дисциплина. Стороннему наблюдателю могло показаться, что отныне Базен сознательно сосредоточил внимание на вопросах повседневной рутины, чтобы отвлечь подчиненных от всякого рода опасных размышлений. Предстояли работы по достройке укреплений, и ветераны осады Севастополя, располагавшие ресурсами арсенала Меца, имели возможность усилить средства обороны настолько, что вполне могли рассчитывать на неприступность крепости в случае любых предполагаемых атак сил Фридриха Карла. Предпринимались вылазки на ничейную территорию в целях реквизиции еще остававшихся в заброшенных деревнях запасов провианта, и упомянутые вылазки были успешными, пока немцы сами не начали изымать запасы и сжигать крестьянские фермы. Но к концу сентября даже Базену стало ясно, что, если армия не предпримет решительный шаг, она будет вынуждена без единого выстрела позорно капитулировать.

Поэтому 6 октября Базен созвал совещание командующих корпусами и с некоторой робостью, характерной для него при общении со своими выдающимися подчиненными, предложил план прорыва вдоль Мозеля к Тьонвилю. Почти не обсуждался вопрос о том, что должно произойти в случае его успеха – куда идти армии, что ей делать: это было действие ради действия, действие во избежание полного бездействия. Генералы не выдвинули принципиальных возражений, были изданы предварительные приказы о вещевом обозе, о размещении гарнизона крепости, о том, как поступить с больными и ранеными, и 2 октября были заняты все необходимые для решающего рывка исходные рубежи. И тут снова вмешался Кофинье. У него было 25 000 больных на руках, поступления еще 15 000 раненых следовало ожидать в ходе запланированной операции, и крепость, в которой скопилось столько больных и раненых, при отсутствии врачей и без надлежащего снабжения вряд ли могла продержаться. Необходимо оставить гарнизон как минимум в 20 000 человек. «Да не допустит Бог, – набожно писал он, – чтобы 150 000 жителей и гарнизон, а также ваша армия стали бы жертвами решений, которые вы собираетесь принять». Аргументы Кофинье подкреплялись сведениями из газет, захваченных у немецких солдат аванпостов и повествовавших о переговорах в Ферьере: если мир действительно возможен, то было бы непростительно накануне его жертвовать жизнями французских солдат. Поэтому от замысла прорыва было решено отказаться, и вместо него 7 октября армия в полном составе была брошена на захват провианта, еще сохранившегося на фермах, расположенных сразу же за аванпостами немцев в низовьях Мозеля. Экспедиция вышла не очень уж успешной. Фермы французы захватили, но все попытки заставить батареи по обе стороны

долины замолчать проваливались, артогонь немцев был настолько интенсивным, что французы вынуждены были отказаться от всех попыток загрузить повозки и убраться подобру-поздорову с пустыми руками, потеряв при этом 1000 человек – солдат и офицеров.

И в войсках, и в городах доверие к Базену стремительно падало. Еще 24 сентября гражданская депутация подала прошение о том, чтобы армия все же приняла меры. «Мы верим, – подчеркивалось в этом документе, – что армия… способна на большее, но вместе с тем мы считаем, что настало время, чтобы она проявила свои способности». Можно было бы ожидать, что командующие корпусами Базена призовут его к действию, но отношения маршала с ними были крайне нестабильны, отмечены отсутствием уверенности в себе, отличавшей все его действия. Базен не отдавал ясных приказов, которых командующие так ждали от него, куда чаще он ограничивался лишь общими указаниями и предложениями, которые командующие непременно выполнили бы, будь они пруссаками. На совещании 12 сентября, например, он предложил проводить политику набегов, чтобы держать немцев в напряжении, и предоставил командующим корпусами право самим разрабатывать детали. «Я не могу быть сразу везде», – указывал Базен. Такой подход был рассчитан на людей сообразительных, однако маршал не предпринял ничего, чтобы развить свои первоначальные идеи, и стоило его генералам указать на сложности практического исполнения предлагаемых им замыслов, как Базен послушно умолкал, после чего в узком кругу сетовал, что, дескать, его подчиненные не желают с ним сотрудничать, а только своевольничают. Базен совершенно не умел настоять на своем, был неспособен служить примером волевого и решительного командира, который пользовался бы безграничным авторитетом в войсках. Как отмечал Жаррас, отданные Базеном приказы отличались отсутствием конкретики, расплывчатостью формулировок, а нередко и явной противоречивостью. Складывалось впечатление, что он постоянно старался отыскать для себя лазейку, оправдание на случай провала его замыслов. Командующие корпусами, не получая сверху ясных и четких указаний, пребывая в неведении относительно общей обстановки и постоянно заботившиеся лишь о том, чтобы минимизировать потери личного состава, не были готовы принять на себя ответственность вместо Базена. Скорее они, как и их командующий, предпочитали с головой уйти в решение второстепенных повседневных вопросов.

К тупику в военном отношении следует прибавить и проблемы политического характера, достигшие такого уровня сложности, что их решение было Базену явно не под силу. Он был не просто командующим армией, до сих пор продолжавшей функционировать от имени императора, он был еще единственным представителем имперской власти на территории Франции и, таким образом, в глазах Бисмарка возможным посредником, действуя через которого было возможно прийти к заключению мира. Как и большинство его коллег, Базен без должного уважения рассматривал правительство национальной обороны, в котором такие отвратительные политики из стана левых, как Гамбетта и Рошфор, объединяли усилия с одиозным Трошю, и, как Базен заявил Жаррасу, он не мог присягнуть ему в лояльности до тех пор, пока император самолично не освободит его от присяги на лояльность ему, Наполеону III. Но именно правительство национальной обороны было и оставалось *de facto* правительством страны, признанным таковым гражданскими властями в Меце, и Базен, в ежедневном приказе от 16 сентября, объявляя о формировании этого правительства, продемонстрировав потрясающий пример изворотливости, заявил следующее: «Наши военные обязательства в отношении страны остаются прежними. И посему продолжим служить ей с преданностью и энергией, защищая ее землю от чужеземцев, ее общественный строй от недобрых происков». Чем это было? Декларацией повиновения или же независимости? Возможно, Базен не разобрался в себе. Возможно, последняя фраза была продиктована его стремлением утихомирить своих офицеров, но в ней заключен явный намек на то, что армия сыграет, в случае надобности, и политическую роль – причем вовсе не обязательно, что она бросится в объятия правительства национальной обороны.

И ровно неделю спустя, 23 сентября, загадочный М. Ренье прибывает в Мец. В течение десятилетия французы считали его зловещей фигурой и почти наверняка агентом Бисмарка. Но куда справедливее было бы посчитать его просто шутом. И все же в Ренье есть нечто, внушающее уважение к нему, как к человеку энергичному, инициативному, напористому и уверенному в себе, – шутка сказать, ринуться без приглашения в сферы высокой дипломатии, совсем как кто-нибудь из театральной публики вдруг бросится на сцену пожимать руку оперной примадонне. Он был деловым человеком с сомнительным прошлым и женой-англичан-кой, единственной и несомненной чертой которого, если не считать его неуемной и неуместной дерзости, была лишь страстная преданность Второй империи. Ренье был убежден, и не без оснований, что Бисмарк скорее предпочтет вести переговоры с имперским *regime* (режимом), а не с правительством национальной обороны, и поэтому вдруг написал императрице в изгнании в Гастингс, убедив ее осудить революционное правительство, положиться на флот и призвать лояльную часть армии и страны сплотиться вокруг ее личности. Императрица оставила это предложение без ответа, настолько безответственным показалось все в нем изложенное, и отказалась принять автора послания. Поэтому Ренье решил передать свое предложение самому императору и, чтобы получить доступ к нему, призвал к себе на помощь шапочное знакомство с молодым принцем империи и убедил мальчика черкнуть пару слов о приветствии его отцу на обороте этюда сражения при Гастингсе. Обзаведясь этим замечательным документом, Ренье 20 сентября пробился в главную ставку пруссаков в Ферьере, где принявший его Бисмарк уезжал в Вильгельмсхёэ. Канцлер уже провел переговоры с Жюлем Фавром, но в Ренье видел альтернативный вариант. В конце концов, этот Ренье набивался в посредники, будучи самопровозглашенным эмиссаром вполне законной Второй империи, в то время как Фавр был полномочным представителем самопровозглашенной республики. Поэтому он и принял Ренье особенно уважительно и объяснил свое недоумение с подчеркнутой откровенностью. В ходе их беседы Ренье объяснил свой план. Он мог бы отправиться в Мец и в Страсбург, где находились остатки имперской армии, и там попытался бы убедить генералитет в случае, если они решат сложить оружие, сделать это от имени императора. Тогда императрица вызвала бы – вероятно, под защитой этой армии – членов Сената, Законодательного корпуса и Государственного совета и объявила бы правительство национальной обороны низложенным, взяв бразды правления в свои руки, и провела бы мирные переговоры. План этот не представлялся таким уж и утопичным. Благодаря ему появлялось правительство и *де-юре* и *де-факто*, что было необходимо для заключения мира. И Бисмарк, снабдив Ренье вполне легальным *laissez-passer*, направил его в ставку Фридриха Карла, не забыв присовокупить и напоминание о том, чтобы этому человеку оказывалось всяческое содействие для обеспечения доступа в крепость. И вечером 23 сентября, в статусе чиновника Красного Креста, так и не выпуская из рук этюд битвы при Гастингсе, Ренье предстал перед охраной в Меце.

Базен счел верительные грамоты Ренье не более впечатляющими, чем сам Бисмарк, но проявил куда большую, чем Бисмарк, готовность ухватиться за любую соломинку.

Нельзя сказать, что проект Ренье казался ему таким уж безнадежно плохим. Он не питал доверия к правительству в Париже, а Ренье предлагал ему способ избежать бесславной капитуляции, уже нависшей над ним. Но Базен растолковал Ренье, что если уж его армия и покинет Мец, то исключительно не будучи связанной какими бы то ни было обязательствами перед кем бы то ни было, с вооружениями и обозом, и что не может быть и речи о сдаче крепости. Ренье тут же предложил Базену послать своего представителя к императрице, предпочтительно кого-нибудь из генералов, с которыми она была в самых приятельских отношениях, к примеру Бурбаки или Канробера. Базен был не против, но Канробер, которому было уже не привыкать отвечать отказом на всякого рода досадные назначения, категорически отказался выступить в предложенной ему роли. А Бурбаки, напротив, согласился, когда Базен отдал ему один из своих прямых приказов, что бывало нечасто, и 25 сентября Бурбаки, явно не в своей тарелке,

переодетый в чужой штатский костюм и в форменном кепи Красного Креста, выехал из крепости, чтобы направиться в Англию. Но, добравшись до Брюсселя, генерал стал подозревать всю никчемность порученной ему миссии, и по прибытии в Англию его подозрения подтвердились. Императрица Евгения наотрез отказывалась вникнуть в суть дела и элегантно отказалась связывать себя любыми обязательствами, могущими оказаться во вред действиям правительства национальной обороны. С ее отказом предложенный Ренье план рухнул, и все его хитроумные ходы завели его в тупик.

Однако этот инцидент в значительной степени способствовал стремительному обострению конфликта между Бисмарком и Мольтке, и чувства последнего разделяли многие в штабе 2-й армии. Судьбу армии Базена там относили к кругу чисто военных вопросов, и Мольтке, и Фридрих Карл с тревогой следили, как с легкой руки Бисмарка этот драгоценный трофей ускользает от них. «Ни при каких обстоятельствах принесенные армией у Меца жертвы не должны обернуться отрицательным результатом в военном отношении, – не скрывал сочувствия Мольтке в своем письме начальнику штаба Фридриха Карла генералу фон Штиле и сетовал в беседе с Мантейфелем, что ввиду безоговорочной поддержки королем Вильгельмом I фон Бисмарка руки у него связаны, он вынужден смириться с миссиями и Ренье, и Бурбаки.

Но Фридрих Карл все же сумел малой кровью заполучить очки. Проезд Бурбаки по ошибке неверно датировали, и командование 2-й армии по возвращении Бурбаки из Англии проинформировало его о том, что, мол, его разрешение повторно войти в крепость в связи с истечением срока недействительно. Это было заведомо идиотской отговоркой, и Мольтке прекрасно это понимал. Бурбаки был менее опасен для Пруссии в крепости Меца, нежели за ее стенами, и то, что он собирался сообщить в крепости о состоянии дел во Франции, явно не способствовало бы росту решимости Базена дать немцам отпор. Но приказ Мольтке все же пропустить Бурбаки поступил лишь после 9 октября, а к тому времени было слишком поздно: Бурбаки оставил попытки попасть в крепость и передал себя в распоряжение правительства национальной обороны.

Письмо Бурбаки, в котором он объявлял о провале его миссии, было передано немецкими аванпостами в Мец 29 сентября. К нему прилагалась и вежливая записка Базену от Фридриха Карла, сообщившего маршалу о сдаче Страсбурга 27 сентября.

В течение почти двух веков Страсбург вместе с Мецем считался самым надежным оплотом на северо-востоке Франции и одной из самых крупных в Европе крепостей. На самом же деле эти две крепости нельзя было и сравнивать. Мец по крайней мере располагал удаленными фортами, защищавшими крепость от артиллерийских обстрелов, за исключением, пожалуй, осадной тяжелой артиллерии, исключавшими все попытки взять ее штурмом, разве что ценой сосредоточения колоссальных сил. Что же касалось Страсбурга, то мало что было предпринято со времен Вобана для усиления его обороноспособности. Вобан укрепил город, возведя комплекс взаимодополняющих фортификационных сооружений, позднее усиленных каменной стеной и наполненным водой рвом. Наружная стена была оборудована необходимым количеством бастионов, способных противостоять артиллерии XVII века. Внутренняя цитадель представляла собой отдельную самостоятельную крепость, державшую под контролем периодически затопляемую окружающую равнинную местность. До середины XIX века Страсбург соответствовал статусу крупной крепости, но времена изменились. Во-первых: развитие артиллерии, увеличение дальности стрельбы орудий наряду с усовершенствованием боеприпасов и увеличением их взрывной мощности обесценили достижения Вобана. Отныне город можно было обстреливать даже с территории Германии, причем совершенно беспрепятственно, ибо противостоять подобному обстрелу могли лишь орудия эквивалентной мощности, если бы таковые были установлены в самой крепости. Во-вторых, Страсбург начиная с 1815 года непрерывно разрастался – за пределами крепости как грибы росли пригороды с

промышленными и гражданскими объектами вполне мирного назначения. В-третьих, почти не проводились работы по созданию для жителей города и солдат гарнизона подземных укрытий, а также складов, в частности складов боеприпасов, с тем чтобы можно было дать адекватный ответ на артобстрелы противника средствами современной артиллерии. В целом французские военные власти, парализованные нехваткой финансов и упорно придерживавшихся идеи о том, что кампания будет начата со вторжения в южные районы Германии, практически не предпринимали ничего для подготовки Страсбурга к длительной осаде. Там имелись запасы продовольствия на 60 дней, в том числе хлеба примерно на 180 дней, но крепость располагала лишь примерно 250 единицами артиллерийских орудий 15 различных типов, многие из которых были гладкоствольными и, как следствие, малоэффективными, если ими вооружать батареи на крепостных валах. Личный состав комплектовался из числа двух запасных артполков корпуса Мак-Магона. Не предпринималось и попыток сформировать и обеспечить всем необходимым регулярный гарнизон: Мак-Магон оставил в Страсбурге лишь один полк, усиленный после 6 августа теми, кто в панике отступил после боя при Фрёшвийере. Они вместе с бойцами мобильной гвардии, национальной гвардии, таможенниками и саперами-пожарными и составляли гарнизон страсбургской крепости численностью около 17 000 человек. Во главе гарнизона стоял генерал Ульрих, сменивший Дюкро на посту командира 6-й дивизии: 68-летний генерал старой закалки – благородный, бесстрашный и напрочь лишенный воображения, которому вменили в обязанность обеспечить в случае необходимости храбрую, но полностью безынициативную оборону.

Первыми Страсбург атаковали войска соседнего великого герцогства Баден под командованием генерала фон Вердера, специально направленная кронпринцем для захвата города часть сил 3-й армии после сражения при Фрёшвийере, и еще к ним присоединились согласно распоряжению Мольтке от 13 августа две прусские дивизии ландвера, выполнявшие задачу вести наблюдение за побережьем Северного моря. Таким образом, силы осаждающих достигли численности в 40 000 человек. Авангард атаковавших двинулся на Страсбург сразу же по завершении сражения при Фрёшвийере и уже 14 августа приступил к артиллерийскому обстрелу из полевых орудий укреплений и самого города, в то время как фон Вердер обдумывал наилучший способ атаки. Вариант окружения крепости и выжидания, пока голод не вынудит ее защитников сдаться, не рассматривался вообще. Он связал бы войска, крайне необходимые на другом участке, и Страсбург был слишком ценным трофеем с точки зрения национального престижа, чтобы оставить его на неопределенное время вне пределов досягаемости. Мнения в главной ставке Вердера разделились: одни выступали за осаду *en regie*, то есть в ее традиционной форме, с подходом параллелями, артобстрелом укреплений и, наконец, переходом к атаке через образовавшуюся в результате обстрела брешь. Другие рекомендовали в целях ускорения сдачи крепости подвергнуть артиллерийскому обстрелу сам город и, таким образом, вынудить защитников к сдаче посредством воздействия на боевой дух гражданского населения. Этот последний вариант, в общем-то довольно широко использовавшийся воюющими сторонами в войнах XX столетия, в 1870 году был сравнительно новым. И не по причине якобы присущей атаковавшим города и крепости силам гуманности, просто их вооружение редко обладало необходимой дальнобойностью. Все сомнения морального порядка немцы отбросили после акции французов 19 августа, подвергших артобстрелу объявленный открытым городом Кель на правом берегу Рейна, и, хотя скептики оспаривали эффективность подобного замысла, артиллерийский обстрел начался после отправки формального предупреждения коменданту Страсбурга Ульриху в ночь на 23 августа.

Эффект воздействия на гражданское население вначале полностью совпадал с ожиданиями Вердера. После интенсивного и затянувшегося на четыре ночи непрерывного артобстрела целые кварталы Страсбурга были стерты с лица земли, и густая пелена дыма и пыли заслонила солнце. Главные общественные здания были либо уничтожены, либо подверглись разруше-

ниям разной степени: картинная галерея, знаменитая далеко за пределами Страсбурга, городская библиотека с ее ценнейшими собраниями книг, дворец правосудия, большой собор гугенотов, арсенал – все перечисленные городские объекты были сожжены дотла, и огонь разрушил большую часть крыши самого собора. Население выдержало ужасы артиллерийского обстрела лишь благодаря самоотверженным действиям спасателей. Архиепископ отправился к пруссакам вымаливать у них перемирие, и муниципалитет попросил передать Вердеру, что город готов выплатить выкуп в 100 000 франков за каждый день передышки. Однако все просьбы и мольбы остались без ответа, и генерал Ульрих при этом не уступил повторному требованию о сдаче крепости и города 26 августа. Возникла ситуация, когда комендант проявил несгибаемость солдата, что в дальнейшем вызвало лишь уважение сограждан, сплотившее большую часть гражданского населения на его стороне. В военном отношении, как и в том, что касалось боевого духа, решение коменданта оказалось правильным. 26 августа Вердер, узнав о том, что вследствие задержки с поставками боеприпасов продолжение артобстрела становилось невозможным, вынужден был признать, что попытка запугать население и вынудить его к сдаче потерпела крах. В итоге в ходе последующих аналогичных операций, когда немцы решали прибегнуть к силе, воздействуя на гражданское население ради достижения своих военных целей, это оказывало диаметрально противоположный эффект и шло им лишь во вред. Пример тому – протесты немецкого командования, когда поступило предложение подвергнуть интенсивному артобстрелу и Париж. Вердер до минимума сократил нанесенный городу ущерб, снизив интенсивность артиллерийского огня до уровня беспокоящего и вместо решительного штурма решил прибегнуть к традиционной осаде.

За два десятилетия в области совершенствования артиллерийских вооружений, как и в области фортификационных сооружений, формальная осада стала таким же явным анахронизмом, как и кавалерийские атаки, но в 1870 году методы формальной осады применительно к разработанным итальянскими инженерами-строителями XVI столетии и в точности скопированным Вобаном пока что срабатывали. Немцы заранее определили участок, где должна быть пробита брешь. В ночь с 29 на 30 августа они установили в 500 метрах от внешних укреплений французов 11 артиллерийских батарей для проведения обстрела сосредоточенным огнем в упор узкого участка стен. Три ночи спустя они таким же образом поступили на другом участке линий фортификаций – расположили батареи в 150 метрах от крепостной стены, отражая вылазки отрядов гарнизона французов в тщетной попытке нарушить подготовку немцами обстрела, и 9 сентября с поразившей французов быстротой приступили к развертыванию третьей батареи, уже в нескольких метрах от переднего ската бруствера. И, ведя огонь из без малого 100 тяжелых орудий, пруссаки сумели превратить в груду камней линии фортификации и, таким образом, подготовить участок для предстоящей атаки. 11 сентября швейцарская делегация, пропущенная для обеспечения эвакуации гражданского населения, не участвовавшего в боевых действиях, убедилась, что целый район города к северу от канала превращен в развалины, и к 17 сентября немцы все же пробили брешь в крепостной стене.

«Проходимая брешь» согласно ритуалу осады служила сигналом для благородной сдачи. Стены уже больше не могли служить эффективной защитой, и силы нападения должны были готовиться к бою. Но пока что сигнала начала атаки не последовало. Для принуждения гарнизона к капитуляции Вердер использовал самое эффективное оружие, куда эффективнее артиллерии. Швейцарские представители, которых он пропустил через линии осады, донесли до жителей Страсбурга первые новости о событиях во Франции. Именно от них те узнали и о разгроме Шалонской армии, и о блокировании Рейнской. То есть исчезли всякие надежды на лучшее, а с ними и решимость продолжать сопротивление, и боевой дух населения и защитников города и крепости, закалившийся за месяц бессонных ночей, резко упал. 19 сентября Ульрих отклонил повторное требование муниципалитета о сдаче крепости, но в тот же день немцы захватили первое внешнее укрепление и усилили огонь, исключив тем самым всякую

возможность обороняться. 27 сентября Ульрих, которого проинформировали о том, что брешь вполне проходима и что атака противника неизбежна, спросил об условиях сдачи, и 29 сентября защитники крепости капитулировали. Исправное вооружение немцы захватили в качестве трофеев, а солдаты и офицеры гарнизона были взяты в плен.

Ульрих осуществлял оборону решительно и в то же время не нарушая неписаных законов войны, как, впрочем, и Вердер. Они обменивались вежливыми посланиями, переговоры между оборонявшимися и *parlementaires* проходили в атмосфере дружелюбия, и в процессе сдачи Ульрих удостоился уважительного обращения как хоть и побежденный, но бесстрашно исполнявший воинский долг неприятельский командующий. Подобное соблюдение протокола пришлось явно не по душе личному составу. Гарнизон, которому были дарованы привилегии мужественных защитников, толпой выходил наружу через ворота. Держались солдаты развязно, ни о какой воинской дисциплине и речи не шло, многие из них были пьяны. Солдаты на ходу ломали оружие, предпочитая не сдавать его противнику в исправном виде. Отпущенный под честное слово Ульрих тут же отбыл сначала в Тур, а затем и в Швейцарию и, будучи в изгнании, стал объектом нападок со стороны своих соотечественников, объявивших, что его церемонная любезность в отношении противника, как и «преждевременная» сдача, равноценна измене. В ходе «войны народов» места для подобных благородных жестов не было, и желавших последовать этике Ульриха было крайне мало. В каком-то смысле осаду Страсбурга можно рассматривать как последний пример методов ведения войны, преобладавших в Европе начиная со Средневековья, но целенаправленные обстрелы города и крепости и массовая гибель мирного населения ознаменовали наступление новой эры ведения боевых действий.

А вот для взятия Меца ни артиллерийских обстрелов, ни штурмов не потребовалось. К октябрю и жители города, и военные почувствовали на себе все ужасы начинавшегося голода. В течение четырех недель они жили относительно беззаботно, полагаясь на огромные запасы провианта, накопленные для проведения кампании, и Базен явно не собирался урезать нормы выдачи провианта, что вполне могло бы обернуться массовым исходом войск и жителей города. В дополнение к уже имевшимся запасам мяса оставалось еще много лошадей, которых так и не успели вывести из Меца, забой и распределение мяса которых начались 4 сентября. Но мясо это было съедобно лишь в виде солонины, а вот запасы соли достигли критического уровня – именно соли оборонявшимся отчаянно не хватало. В Меце цена на соль подскочила на 8000 % (в 80 раз), и 20 сентября, после того как весь город обшарили в поисках запасов соли, рацион ее в войсках решено было сократить на три четверти. В течение нескольких дней медицинские службы сообщали об участившихся случаях дизентерии и диареи. Запасы конины постоянно росли – кавалеристы забивали лошадей в связи с нехваткой фуража. Начиная с 30 сентября каждый корпус отправлял на бойню по 55 лошадей ежедневно, а пять дней спустя эта цифра увеличилась до 75 – так стремились избежать падежа животных. Запасы сахара и кофе также истощались, 20 сентября их рационы уменьшились на треть, что было хотя и приемлемо, но в любом случае недостаточно. Состояние лошадей было уже неописуемым, да и состояние самих войск, располагавшихся биваком в лагерях в условиях проливных дождей, было ненамного лучше. Те, кто мог себе это позволить, заполняли городские кафе, где цены на ненормированные продукты быстро взлетели до небес, став практически недоступными и для военных, и для большинства горожан. Кофинье обвинил армию в проедании резервов провианта, предназначавшегося для гражданского населения, командующие корпусами в ответ винили гражданские власти в создании тайных запасов продовольствия. Происходили конфликты и между гражданским населением и военными, и Базен вынужден был призвать на помощь городскую жандармерию в целях их предотвращения. Обострялись отношения и внутри войск – между солдатами и офицерами, последние еще могли осилить вздутые цены, короче говоря, политическое противостояние в Меце усиливалось. Кризис наступил 7 октября, когда Кофинье сооб-

щил Базену, что имеющихся в его распоряжении запасов муки хватит лишь на 10 дней и что, если норму отпуска хлеба уменьшить на две пятых, упомянутых запасов может хватить на 18 дней. В тот же день обернулся неудачей и рейд военных, предпринятый для пополнения запасов продовольствия в район низовьев Мозеля. Обстановка была теперь такова, что уже нельзя было больше скрывать того, что французская армия и без боя сложит оружие.

8 октября Базен снова в письменном виде изложил суть обстановки командующим корпусами. «Близится момент, – утверждал он, – когда Рейнская армия, возможно, окажется в самом трудном положении за всю историю существования… она начинает испытывать нехватку продовольствия, которого хватит лишь весьма ненадолго». Командующие корпусами прекрасно понимали, чем это может обернуться. И Базен, прежде чем принять решение, спрашивал у них совета. Все командующие корпусами, за исключением одного – Лебёфа, – ответили, что ни с оставшимися почти без лошадей кавалеристами, ни с артиллеристами без боеприпасов ни о каких новых военных операциях нечего и думать и что необходимо сесть за стол переговоров, разумеется, на приемлемых условиях. Лебёф выступил за проведение еще одного сражения, и Ладмиро просто из чувства солдатской солидарности заявил, что его войска все еще готовы к бою. Кофинье сообщил, что поставки продолжатся лишь до 20 октября, а 10 октября, когда Базен собрал командующих на военный совет, он повторил свои слова в куда более доходчивой форме, добавив, что под поставками он имеет в виду поставки и для войск, и для населения города. В Меце, добавил он, 19 000 больных, и сообщают о случаях заболеваний сыпным тифом и оспой.

Ввиду сложившейся ситуации военный совет пришел к следующему решению. Армия должна в любом случае держаться до тех пор, пока не исчерпаются все резервы: это сдерживает группировку немцев в 200 000 человек, наступление которой на сосредоточенные на Луаре французские армии может стать решающим. Но переговоры необходимо начать и сразу же попытаться добиться приемлемых условий. Если же это не удастся, предпринять последнюю попытку прорыва. Адъютанту Базена генералу Буайе предстояло ехать в Версаль и там начать переговоры.

Просьба Базена к немцам о принятии посредника вновь углубила кое-как заделанные трещины в единстве в ставке короля. Штиле направил запрос в Версаль с рекомендацией отказаться от переговоров и о том, чтобы решить вопрос чисто военным путем. В ставке Мольтке мнение было тем же самым: решение вопроса необходимо целиком доверить Фридриху Карлу. Король поддержал Бисмарка и отдал распоряжение, чтобы пропустить Буайе, но упомянутое распоряжение прибыло в Мец лишь 12 октября, и хотя Буайе немедленно отправился в Версаль, запасов провианта в гарнизоне хватало только на восемь дней.

Буайе прибыл в Версаль 14 октября и был любезно принят Бисмарком. Мир с республикой это не приблизило, но и не отдалило возможность достижения соглашения, предложенного Ренье. Предложения, с которыми Буайе прибыл от Базена, были лишь переработкой его идей, и стоило Бисмарку услышать их, как он с заговорщическим видом вывел Буайе в сад, где их уже не могли подслушать представители Генерального штаба. «Неподалеку сидят те, кто понимает по-французски, – загадочно изрек он, – у стен, как известно, тоже имеются уши».

Письмо Базена было, по крайней мере, откровенным. В нем признавалось военное поражение, содержался призыв к европейским державам не поддерживать революционное правительство Парижа и заверения в стабильности *regime* во Франции, обеспечиваемой армией императора, как гарантии порядка и прочного мира. И вообще, послание было составлено явно в угоду Бисмарку, кто все еще верил в реставрацию Второй империи, способной предложить больше возможностей для достижения и сохранения мира, чем правительство национальной обороны, но в подобных вопросах последнее слово оставалось не за Бисмарком. Мольтке выступал исключительно за капитуляцию французской армии и сдачу крепости, и даже королю было нелегко воспротивиться ему. Даже если эту военную оппозицию и можно было бы одо-

леть, оставались и другие вопросы. Готово ли регентство принять условия, на которых теперь так настаивало общественное мнение в Германии? И если регентство готово принять упомянутые условия, сумело бы оно провести их в жизнь во Франции, охваченной идеей национального сопротивления? Войска готовы пойти за Базеном на подавление революции, но не взбунтуются ли они, узнав об унизительных условиях достижения мира? В любом случае ничего нельзя было предпринять без выяснения мнения императрицы Евгении. Необходимо было убедиться в том, не изменила ли она хоть в чем-то свою непреклонную позицию. А между тем лишь считаные дни отделяли гарнизон в Меце от голода.

Буайе возвратился в Мец 17 октября и на следующий же день собрался на заседание военный совет, пожелавший выяснить обстановку. Главный вопрос, который на нем рассматривался, заключался в том, можно ли положиться на войска при действиях согласно предложенной схеме. Командующие корпусами полагали, что можно, хотя часть их опасалась того, что армия просто-напросто разбежится, едва оказавшись за стенами Меца. Естественно, иного сулившего успех плана просто не существовало. И Буайе уже на следующий день отправился в Лондон, куда прибыл 22 октября, и без промедления бросился в Числхерст для объяснений всей серьезности положения. Евгения заявила о своей готовности почти на все ради оказания помощи, но какими будут предложенные немцами условия мира? Ответ на соответствующий запрос в посольство Пруссии был уклончивым. И на самом деле пруссаки пока что не пришли к окончательному решению, и было очевидно, что в обмен на регентство императрицу вынуждали дать им карт-бланш. Такое было неприемлемо. Единственное, что могли предпринять Евгения и ее советники, так это тянуть время. Через Буайе она направила послание Бисмарку, прося немедленного перемирия в Меце сроком на две недели, необходимого армии для пополнения запасов провианта, и вновь пожелала узнать условия мира. Король Вильгельм I получил от нее личное сообщение, в котором она взывала к его «…великодушию солдата. Я прошу Ваше Величество проявить понимание к моей просьбе. Ее выполнение, – заключала она с пафосом, – является непременным условием для продолжения переговоров».

Но тщетно. Пруссаки вполне обоснованно желали основательных гарантий, а таковых не было, да и быть не могло. Ответ короля был учтивым, но непреклонным.

«Я всем сердцем желаю [писал он] восстановления мира между нашими странами, но ради его обеспечения необходимо будет закрепить хотя бы вероятность того, что мы сумеем убедить Францию принять результат наших усилий, не продолжая войны с Францией. В данный момент я сожалею, что неопределенность, в которой мы пребываем относительно расстановки политических сил в армии в Меце, а также во Франции в целом, лишает меня возможности сделать шаг в сторону переговоров, предложенных Вашим Величеством».

Базен написал Бисмарку 23 октября, но с тем же результатом. «Предложения, полученные нами из Лондона, в данный момент совершенно неприемлемы, и я с большим сожалением вынужден заявить, что не вижу в дальнейшем возможности на достижение результата путем политических переговоров» – таков был ответ Бисмарка. Миссия Буайе потерпела провал.

24 октября ответное послание Бисмарка обсуждалось на военном совете в Меце. Кофинье, как и предупреждал, прекратил поставки продовольствия войскам 20 октября – ежедневная норма отпуска хлеба для населения составляла теперь 300 граммов, – а собственными запасами военные обходились лишь еще два дня. Военные, если не могли заплатить за еду в городских кафе, вынуждены были довольствоваться похлебкой с кониной. Ко всем бедам добавилась и ненастная погода, которая первые 10 дней октября оставалась прекрасной, хоть и прохладной, но без дождей. Внезапно пошли дожди, превращая лагеря в озера жидкой грязи, где считаные оставшиеся лошади грызли гривы и хвосты друг друга, а солдаты просто лежали в палатках, пытаясь укрыться от непогоды. Некоторые бродили поблизости от мест расквартирования в надежде разжиться хоть картошкой на полях, на что немцы смотрели сквозь пальцы. Другие – и их становилось с каждым днем больше – в отчаянии пытались сдаться в плен пруссa-

кам, однако те их принимать не желали. Все надежды на прорыв рухнули, но Базен предоставил своим командующим корпусами право заявить об этом открыто. 24 октября он созвал военный совет, настаивая на том, что прорыв все-таки возможен, согласно прежней договоренности, и готов был выслушать на этот счет идеи о том, как этот прорыв осуществить. Лишь Дево, сменивший Бурбаки на посту командующего императорской гвардией, несмотря на молодость, быстро завоевавший репутацию самого откровенного из командиров Базена, отнесся к этому серьезно и предложил атаковать Сен-Прива. Ладмиро, Фроссар, Кофинье и Лебёф напрямую заявили, что их личный состав откажется участвовать в подобной операции, а Солей указал, что, даже если и отважиться на прорыв, то прусские орудия тут же превратят французов в фарш еще до того, как они успеют дойти до позиций немцев. Канробер оказался самым большим оптимистом: одна треть армии, считал он, все же сумеет прорваться, но в таком случае она распадется из-за отсутствия войскового подвоза, а пруссаки просто добавят себе еще один лавровый венок победителя. Итог заседания военного совета сомнений не вызывал. Даже сейчас никто не осмелился вслух произнести позорное слово «капитуляция». Просто согласовали, что необходимо оговорить условия, при которых французская армия не потеряла бы лица. Пруссаки должны рассматривать вопрос о войсках и о крепости по отдельности, принять заверения французских генералов в том, что больше никаких атак на пруссаков не последует, и армии спокойно выйти из крепости.

Подобные расчеты были просто абсурдны. Командующий прусскими силами слишком хорошо понимал, что для подобной уловки, вполне в духе XVTII столетия, не было никаких шансов на осуществление в «войне народов», даже если не надо было опасаться удара со стороны Луары. Он был готов освободить офицеров и генералов под честное слово, как это было в Седане, но французы сами отказались принять подобный вариант. Условия, предлагаемые пруссаками, были предельно просты и обсуждению не подлежали. Крепость должна быть сдана, армия должна сдаться в плен, и все вооружения должны быть переданы в исправном состоянии. 26 октября военный совет принял эти условия. Кто-то предложил, чтобы, по крайней мере, привести в негодность оружие, а запасы пороха взорвать, но большинство выступило против. Такое нарушение условий не соответствовало бы принципу *en regie*, оно подвергло бы армию опасности стать жертвами репрессий, что, в свою очередь, привело бы к вакханалии недисциплинированности и, как результат, к распаду, который сам по себе, в глазах солдата регулярной армии, куда позорнее даже поражения. На пике поражения армия обязана принимать удары судьбы с достоинством и не нарушая данных ею обещаний.

Жаррасу, как начальнику штаба, выпало детально разработать церемонию капитуляции. Пруссаки вновь напомнили о том, чтобы все вооружения были собраны и переданы им вместе со знаменами. Готовность Базена принять и соблюсти эти условия, вероятно, вызвала наибольшую ненависть современников и не только их, чем какой-либо еще эпизод всей кампании. В его дневном приказе от 28 октября, в котором маршал ссылался на прецеденты генерала Клебера и маршалов Массены и Сен-Сира, «как и вы, исполнявших свой долг, пока им хватало человеческих сил», он категорически воспретил порчу вооружений. Он дал конкретные приказы насчет знамен, их надлежало сложить в арсенале, а его протесты в ходе суда о том, что он якобы собирался их там сжечь, и что соответствующий приказ затерялся, и что пруссаки помешали ему это сделать, лишь подрывали остатки доверия к нему. Некоторые полки вообще отказались их сдавать и скрыли их в городе. Генерал Дево велел в его присутствии сжечь знамена императорской гвардии.

Наконец Базен завершил картину позора своей армии, отказавшись даже от почетных условий капитуляции, которую неожиданно предложили пруссаки. Французы получили бы возможность маршировать в плен строем, бок о бок, под звуки оркестра и с офицерами верхом во главе колонны. Как объяснял потом пруссакам явно сконфуженный Жаррас, Базен принял бы упомянутые достойные условия, но только в том случае, если бы немцы все же отказались

их выполнить: сославшись, к примеру, на непогоду. Более поздние объяснения Базена лишь ухудшили отношение к нему. Войска явно не годились для подобных спектаклей, их боевой дух был сломлен задолго до капитуляции, да и неизвестно чем бы это все кончилось, пройдись они при оружии перед пруссаками. Трудно удержаться от мысли, что больше всего он опасался за себя – командира, которого солдаты толком и не видели с самого начала осады и чья некомпетентность послужила причиной того, что они оказались в плену. Поэтому 29 октября, то есть в день сдачи крепости, он в одиночестве незаметно прокрался к немецким аванпостам. Раньше вечера его не ждали, и Базен провел весь день на вилле в пригороде, созерцая сад под непрерывным дождем. Таков был финал трагедии человека, единственной положительной чертой характера которого было бесстрашие, не столь часто встречавшееся даже среди французских солдат, финал, состоявший в том, что этот не знавший страха человек в последнюю минуту сплоховал.

Нельзя всерьез обвинять одного только Базена в самом факте капитуляции. С армией, которой отвели роль агнца на заклание, никакого иного решения и быть не могло. И при этом трудно понять, какой цели послужила бы попытка прорыва, если единственная армия, способная кардинально изменить обстановку в лучшую сторону, была разгромлена и пленена в Седане. Именно по этим двум различным пунктам он и должен был ответить. Первое – за свою неспособность настоять на своем плане прорыва в августе, когда его армия была целехонька, а Мак-Магон (и Базен знал об этом) уже спешил к нему на подмогу, и второе – за свою неспособность уже после Седана принять решение, то ли рассматривать армию как военный актив на службе правительства национальной обороны, то ли использовать ее как инструмент для наведения внутреннего порядка и установления международного мира. Его долг француза требовал действовать согласно второму варианту, то есть организовать оборону так, чтобы армия оставалась армией и таким образом как можно дольше умеряла бы пыл Фридриха Карла. Прибегнув к более экономному рационированию провианта в войсках и в самом городе с того самого дня, когда новость о Седане стала известна, Базену, вероятно, удалось бы продлить сопротивление по крайней мере до середины ноября. Поступи он так, весьма вероятно, что Мольтке был бы вынужден снять часть сил из-под Парижа и бросить их против французских войск у Луары, и операция Трошю из Парижа, возможно, произошла бы в этом случае при куда более благоприятных условиях. Аннулирование заключительного военного решения было маловероятно, но провал французов не был бы столь позорным, их военные активы, более или менее разумно распределенные, – все это заметно укрепило бы их позиции в ходе мирных переговоров. И в качестве альтернативы – если Базен считал, что революция 4 сентября освободила его и его армию от всех обязательств в отношении французского правительства, – он должен был действовать еще более решительно и даже жестко. Окажись на его месте командующий, сочетавший в себе патриотизм Дюмурье с умом Талейрана, он, возможно, сыграл бы заметную и отнюдь не постыдную роль в трагедии крушения Франции. А вышло так, что неуверенность Базена придала всем его попыткам столь смехотворный и жалкий характер, как и его военным успехам, в лучшем случае вызывавшим сочувствие. А он, невзирая ни на что, все же достоин нашего сочувствия. Да, другие военные уже после него вынуждены были сталкиваться с обстоятельствами, требовавшими принятия отнюдь не простых решений, но куда менее мучительными, и мало кто из них, пройдя сквозь выпавшие на их долю испытания, оправдал доверие и сохранил репутацию. В конечном итоге они во многом повторили участь маршала Базена.

Глава 8
Сражения за Орлеан

Кульмье

Капитуляция Меца и Рейнской армии 29 октября ознаменовала завершение кампании, которую король Пруссии и его союзники начали в июле против Второй империи. Король и его военные советники могли гордиться поразительным фактом, что вся войсковая группировка, выставленная Наполеоном **III** против немцев, за исключением горстки людей, либо погибла, либо оказалась в плену. В истории современной Европы не было прецедентов подобной победы, и не приходится удивляться тому, что Пруссия была обязана ею тем, кто стоял во главе государства. Прусское правительство недвусмысленно заявило, что у него не было намерений отказываться от крепости, которая впредь должна была быть включена в систему обороны Германии на западе, и король решил отметить победу, присвоив звание фельдмаршала Фридриху Карлу и кронпринцу Фридриху Вильгельму, а Мольтке пожаловав графский титул.

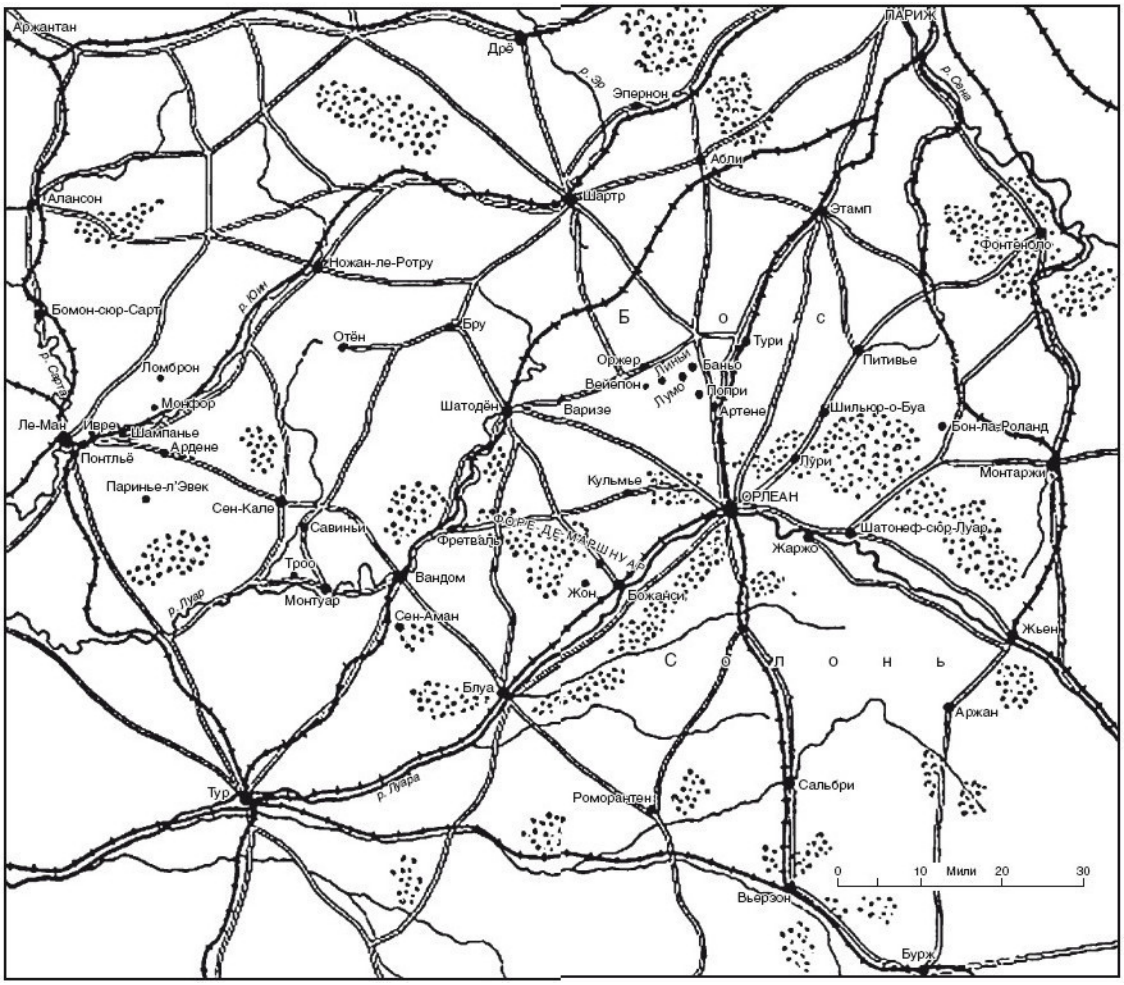
Впрочем, для радости по поводу падения Меца имелась и куда более тривиальная причина чисто практического характера, нежели слава немецкого оружия. Если война со Второй империей завершилась, то война с республикой полным ходом продолжалась. Армии кронпринцев Пруссии и Саксонии были скованы у Парижа, в то время как у них в тылу, широкой дугой от Соммы через Нормандию и Бретань к Луаре и Соне, будто ниоткуда появлялись силы, выкованные Гамбеттой, что сулило немалые трудности для ограниченных людских ресурсов пруссаков. Для Мольтке капитуляция Базена произошла как раз вовремя, и высвобожденные ею силы оказались для него как нельзя кстати.

1-й армии, которой теперь командовал генерал фон Мантейфель, он поставил задачу сократить число крепостей, все еще угрожавших коммуникациям немцев, – а еще продолжали обороняться Верден, Тьонвиль, Монмеди, Мезьер, – после чего выдвинуться на запад к Уазе и разгромить сосредоточенные на севере силы французов. Что касается 2-й армии, то потребность в ней была не столь срочной. Фридрих Карл получил приказы на марш 23 октября, когда капитуляция противника в Меце уже не внушала сомнений, а 3 ноября он намеревался устранить критическое положение на Луаре.

Как только равнины и водные преграды Северной Франции были оставлены, извилистое русло Луары превратилось в естественную преграду и линию обороны: заполненный водой ров, защищавший внутреннюю цитадель Центральной Франции от удара и с севера, и с востока, и с тыла, одним словом, с любого направления. Если бы стратегию диктовали лишь военные соображения, то для французских войск, выбитых из приграничных крепостей, было бы мудрым шагом оставить Париж и север страны и отойти к Луаре, этой сильной мощной линии внутренней обороны, возможно даже сохранив и опорный пункт в Бретани, чтобы нанести врагу удар с фланга. Таковы были планы Наполеона I в 1814–1815 годах, и Паликао уже успел предпринять кое-что для создания такой обороны, но события 4 сентября лишили его власти. Однако военные соображения отнюдь не всегда играют первостепенную роль, нередко на первый план выдвигаются политика и эмоции, и как только Париж свалился в руки противнику, во Франции не стало правительства, способного продолжить войну. Война в провинциях в 1870 году не являлась внутренней обороной: она была всегда подчинена осаде Парижа, и деблокирование Парижа, а не истощение и разгром германских войск было главной целью делегации. *Toute l'armée de la Loire sur Paris! («Всю Луарскую армию на Париж!»)* – таковы были первые слова Гамбетты, обращенные к толпе, приветствовавшей его в Туре. И понять

стратегию делегации можно, лишь осознав этот факт. Решимость оставаться как можно ближе к осажденному городу вынудила цепляться за сомнительный оплот Орлеанского леса. Решимость новых войск прорвать кольцо блокады города до истощения в нем запасов обусловила не одно впопыхах задуманное и отвратительно организованное наступление силами необученных формирований, которые, возможно, могли бы, если бы делегация была способна выждать, стать силой, вполне соответствовавшей их численности. И, наконец, следовавшие одна за другой попытки одним махом устранить кольцо блокады, продолжавшиеся до тех пор, пока не стало слишком поздно взять на вооружение сулившую куда больше возможностей стратегию – к примеру, атаки, причем не на немецкие войска, сосредоточенные вокруг Парижа, а на убогие линии войскового подвоза – пуповину, связывавшую их с Германией. Рассуждения об альтернативных стратегиях, как правило, вводят в заблуждение. Возможный крах луарских армий еще до начала наступления Фридриха Карла кого угодно превратил бы в скептика относительно боеспособности войск национальной обороны, какими бы удобными исходными рубежами они ни располагали, в единоборстве на поле битвы с армиями Мольтке. Тем не менее, напрямую связав исход войны с обороной Парижа, делегация не только сократила время конфликта, но и позволила вычислить его арифметически – его продолжительность измерялась уже конкретными сроками обеспечения столицы всем необходимым, но никак не моральным духом нации и не ее военным потенциалом.

Сражение на Луаре началось спонтанно, до выработки обеими сторонами основополагающих стратегических принципов. Когда немецкие армии продвигались на Париж, их кавалерия на самом краю их левого крыла, проводя разведку и занимаясь реквизицией, оторвалась далеко на юг от основных сил и вошла в область Орлеанского леса, полосу местности, поросшей кустарником и лесами севернее Луары, где приступали к сосредоточению первые организованные войска из французской провинции. Время от времени случались перестрелки, и в панике покинувшие Орлеан французы вскоре вернулись туда, не встречая никакого сопротивления, и к началу октября французские и немецкие форпосты заняли место друг против друга на обрубке линии фронта, протянувшейся в восточном направлении от Артене вдоль северного края Орлеанского леса.

Кампания на Луаре

Силы французов на Луаре были к тому времени собраны в 15-й корпус под командованием генерала де Ла Мотт-Ружа, и делегация, больше задумываясь о газетчиках и общественности, требовавших действий для освобождения Парижа, чем об элементарных реальностях войны, приказала, чтобы генерал атаковал силами, которые сумеет наскрести. Де Ла Мотт-Руж продвинулся 5 октября и без особых проблем оттеснил немецкие конные форпосты к Этампу. Каким непродуманным и преждевременным ни было наступление французов, но Мольтке вынужден был с ним считаться. Он представления не имел ни о конечной цели французов, ни о силах, в нем участвовавших. Мольтке неохотно признал, что необходима сильная группировка из числа тех, кто удерживал тонкое кольцо блокады вокруг Парижа для сдерживания этой угрозы, и ему пришлось уговаривать нерешительного короля санкционировать этот шаг. Ближе всех были дислоцированы 1-й Баварский корпус, который, за исключением боя при Базейле у Седана, в боях почти не участвовал. Репутация этого соединения была далеко не блестящей, а его командующий фон дер Танн, хоть и достаточно умело сражавшийся, считался излишне осторожным командиром. Но на этот раз, как представлялось Мольтке, фон дер Танну не придется противостоять серьезному противнику. Вторым соединением была 22-я прусская дивизия, которой командовал исключительно опытный и талантливый генерал-майор фон Виттих и которую решили добавить фон дер Танну в качестве довеска. Фон дер Танн запросил время на подготовку, но в тревожных донесениях кавалерийской разведки из района Артене сообщалось о сосредоточении сил французов, а приказы Версаля были столь безапелляционны, что 9 октября, расположив по обоим флангам кавалеристов, он двинулся строго на

юг от Этампа с задачей очистить тыл вражеских армий в южном направлении до Орлеана и в западном до Шартра и, по возможности, дойти до самого Тура.

10 октября с 28 000 солдат и 160 орудиями он атаковал позиции французов. К полуночи в ночь на 11-е число он прорвался через французскую линию обороны и захватил город Орлеан со всеми его складами. В качестве трофея немцы завладели и огромным количеством подвижного состава, оставив французов практически ни с чем. Гамбетта сразу потребовал отдать под трибунал генерала де Ла Мотт-Ружа. Офицеры военного министерства с трудом убедили его в нежелательности подобной меры, и Гамбетта довольствовался тем, что снял де Л а Мотт-Ружа с должности командующего, заменив его на этом посту престарелым (66 лет) генералом д'Орелем де Паладином.

Д'Орель де Паладин командовал дивизией еще в Крыму и был прекрасным солдатом, каких было немало во Франции, – простой в общении, религиозный, храбрый, с аурой истинного командира, проявившейся едва он принял командование над деморализованными войсками, собравшимися в географической области Солонь южнее Луары. Д'Орель де Паладин перебросил их в безопасное место – в Сальбри в 53 километрах от немцев в Орлеане – и вплотную занялся восстановлением доверия и дисциплины в армии, которая успела растерять и то и другое. Надо сказать, генерал в этом преуспел. Умиротворяющая рутина четко организованной лагерной жизни, возымевшие положительный эффект наказания проштрафившихся и несговорчивых[40], доступность командующего, объездившего все полки соединения, где он выступал с лаконичными обращениями к личному составу, в которых напоминал им об армейских традициях, и вводил в курс дела относительно стоявших перед войсками на тот или иной момент задач – все это способствовало превращению неуправляемой и деморализованной массы в дисциплинированную армию, на которую уже можно было опереться. Наряду с качествами истинного солдата и командира уместно отметить и подвижнический пыл д'Ореля де Паладина, его преданность армии. В возрожденной Луарской армии появились капелланы, что было восторженно принято поступившими на армейскую службу крестьянами. Под командованием д'Ореля де Паладина новая армия, дисциплинированная и набожная, стала приобретать большую часть признаков войск *ancien regime.*

Разумеется, Гамбетта и Фрейсине были менее всего заинтересованы в армии как в источнике неприятностей, однако без конфликта было не обойтись. В генерале д'Ореле де Паладине профессионально обусловленная неприязнь к политикам сочеталась с антипатией ревностного католика к республиканизму. Гамбетта и Фрейсине были молодыми, энергичными, уверенными в себе доктринерами. Их умы формировали легенды 1792 года, когда, как им казалось, энтузиазм и беспощадность, типичные для молодых людей, какими были они сами, возобладали над нерешительностью и не всегда оправданной лояльностью кадровых военных и помогли им одержать победы там и тогда, когда это было, казалось, невозможно. Кроме того, они были одержимы как можно скорее снять осаду с Парижа. *De l'audace, de l'audace, toujours de l'audace*[1] – это была формула, которая однажды спасла Францию, и они не сомневались, что спасет снова. Таких, как Гамбетта и Фрейсине, профессиональная осмотрительность бывалого генерала приводила в дикую ярость, куда даже сильнее, чем его политический антагонизм. Для д'Ореля де Паладина их отношение к нему лично и к армии под его командованием служило источником сильного раздражения, куда более сильного, чем даже то, которое вызывали в нем их нелепые требования. Гамбетта был отвратителен с его вечным эгалитаризмом, но д'Орелю де Паладину приходилось постоянно сталкиваться не с ним, а именно с Фрейсине, и именно к нему генерал и воспылал ненавистью. Конфликт между военным-консерватором и радикаль-

[40] Изданный 2 октября Делегацией декрет узаконил учреждение военно-полевых судов, наделенных полномочиями выносить смертные приговоры за отдельные виды преступлений – убийство, дезертирство, воровство, мародерство, неповиновение, нарушение воинской дисциплины, отказ взять в руки оружие или умышленная его порча. – *Авт.*Дерзость, дерзость, всегда дерзость (*фр.*).

ным политиком обострился настолько, что порой вызывает удивление, как оба вообще могли вырабатывать и осуществлять на практике общую стратегию.

Местоположение Делегации в Туре и ее сосредоточенность на скорейшем деблокировании Парижа подтверждали факт того, что центр французского сопротивления располагался в низовьях Луары. Из этого центра на север и восток страны полумесяцем изогнулись два неравных крыла, частично окружавшие осаждавших Париж пруссаков, что, вероятно, открывало возможности более гибкой стратегии. Левое крыло протянулось через базы в городах Ле-Ман, Руан и Амьен и опиралось на крепости у северной границы. Правое крыло неравномерно простиралось через верховья Луары и департамент Кот-д'Ор до долины Соны и города Дижон, а оттуда к уцелевшим крепостям Безансон, Бельфор и Лангр и до гористой местности Вогез.

На обоих крыльях французы могли рассчитывать на определенные преимущества. Вогезы, в частности, обеспечивали идеальное прикрытие для «вольных стрелков» – куда лучшее, нежели равнинные и густонаселенные районы Северной и Центральной Франции. Силы, действующие там, представляли угрозу железнодорожной линии Страсбург— Париж, яремной вене прусских войск, сосредоточенных вокруг Парижа, а также держали в страхе жителей великого герцогства Баден перед набегами из-за Рейна. Преимущества этого восточного театра военных действий изначально высоко оценивал военный министр Трошю, а также способный и педантичный генерал Ле Фло, одним из первых шагов которого после вступления в должность стала отправка бригады регулярной пехоты для обеспечения своего рода костяка операций «вольных стрелков» в Вогезах. Командующим силами, сосредоточенными в этом районе, он назначил генерала Камбриеля, получившего тяжелое ранение в голову во время сражения в составе Шалонской армии, из-за которого немцы освободили его из плена по завершении Седанской битвы (генерал сумел бежать из плена. – *Ред.).* В сентябре эти силы действовали настолько успешно, что Вердер вынужден был выделить в Страсбурге из числа осаждавших значительные силы для обороны линий коммуникаций, а после падения города Вердер сосредоточил силы для проведения операции по зачистке района Вогез в целом. Одновременно Камбриель планировал удар сосредоточенными силами по железнодорожной магистрали Париж – Страсбург. Столкновение произошло 5 октября около Сен-Дье, и французы были отброшены через горные проходы сначала к Эпиналю, затем к Безансону, куда они, совершенно деморализованные поражением, добрались 14 октября.

Республиканским властям Безансона неспособность Камбриеля удержаться в Вогезах представлялась необъяснимой. «Он что? С ума спятил? – спрашивали они Гамбетту. – Он на самом деле ни черта не смыслит или же просто предатель?» Гамбетта нанес личный визит в Безансон, и Камбриель растолковал ему кое-какие простые вещи из военной жизни.

«Чтобы предпринять с этими неорганизованными группами мало-мальски серьезную и значительную операцию [предупредил он], означало бы просто залезть в пасть льву. Если вы рассчитываете на такую армию на востоке страны, то она в данный момент на стадии эмбрионального развития, необходимо время для ее надлежащей организации, необходимо ее обмундировать, но, прежде всего, научить основам воинской дисциплины. Тогда, когда придет время, а я точно скажу, когда это время придет, то выступлю с ней и атакую противника».

То же самое Гамбетта уже слышал от д'Ореля де Паладина, но он придавал куда больше значения операциям на востоке, чем в районе Луары, и, таким образом, Камбриеля ненадолго решили пока оставить в покое.

Возникла пауза, которую Вердеру нарушать не хотелось. Погода была отвратительная, его собственные войска устали, а постоянно растягивавшиеся коммуникации были под ударами «вольных стрелков». Проверив боеспособность аванпостов французов на Оньоне, ни о каких наступлениях он уже не мечтал. Вместо этого он повернул на юго-запад в долину верхней Соны и 31 октября после дня боев захватил Дижон – центр, жизненно важный для поставок, коммуникаций и престижа. Этот маневр грозил рассечь коммуникации правого крыла

французов и похоронил все надежды на наступление на север от Безансона. Камбриель, все еще не оправившийся от раны и поэтому *hors de combat* (непригодный для боев), отказался от командования, а его преемник генерал Мишель, представлявший собой кавалерийского офицера старой закалки, куда слабее осознавал как политические, так и стратегические проблемы сложившейся обстановки. Генерал Мишель заявил, что предпринимать какие-либо операции находящимися под его командованием силами совершенно исключалось, и был готов вернуться в Лион. На своем посту он продержался пять дней, после чего Фрейсине снял его с должности. Сменивший его генерал Круза, человек уравновешенный, 8 ноября эвакуировал Безансон, но смог отойти не дальше Шаньи на участке между городами Бон и Шалон-сюр-Сон, что обеспечило ему выгодную позицию, откуда не составляло труда отразить атаки немцев в южном направлении, кроме того, оставаться в контакте с армией Луары. Несколько дней спустя генералу Круза вместе со своими войсками д'Орель де Паладин приказал соединиться с группировкой, созданной для наступления на Париж с целью его деблокады, а основная тяжесть боев с силами Вердера падала на плечи «вольных стрелков» из Кот-д'Ора под командованием Джузеппе Гарибальди. Ниже автор подробнее остановится на описании их акций.

Между тем французская армия на севере Франции, на крайнем участке левого крыла войск из провинций, также связала крупную группировку немецких войск. Равнины Пикардии и Артуа, в отличие от Вогез, явно не подходили для операций «вольных стрелков», однако сеть крепостей на бельгийской границе обеспечивала прекрасную и надежную базу, сокрушить которую могло лишь широкомасштабное наступление, а процветающая промышленная зона вокруг Лилля служила надежной экономической основой военной экономики, и через бельгийскую границу и порты Ла-Манша осуществлялись любые поставки в любом объеме. Не ощущалось и нехватки людских ресурсов, поскольку из занятых областей северо-востока прибывало большое число новобранцев, а ядро кадровых офицеров пополнялось за счет взятых в плен в Меце офицеров армии Базена и сбежавших оттуда или даже из Германии вследствие бесконтрольности с стороны охраны. Этот регион считался в известной мере независимым, и его связь с Луарой была достаточно слабой, и делегация решила назначить генеральным комиссаром Севера доктора Тетлена, врача из Лилля, который был известен как верный республиканец и быстро зарекомендовал себя решительным и умелым управленцем. Что же касалось вооруженных сил, то в октябре их взял под командование не кто иной, как сам генерал Бурбаки.

Бурбаки, потерпевший поражение у врат Меца, удостоился восторженного приема Гамбетты в Туре. Безотносительно своих политических пристрастий Бурбаки все еще считался одним из самых видных полководцев в Европе. Все же уместно было бы отметить, насколько сильно возраст (в 1870 году Бурбаки было 54 года. – *Ред.)* и разочарованность разрушают потенциал способного военачальника, всегда оцениваемый куда выше результатов его деяний. Гамбетта предложил ему командование Луарской армией, но Бурбаки благоразумно отказался от этого поста, который, и он это предвидел, сулил ему лишь сокрушительное поражение. Сам он считал, что уместнее будет взять командование над войсками Севера. Когда Бурбаки 17 октября выехал из Тура в Лилль, он питал надежду, что сможет сосредоточенными там силами оказать помощь находившемуся в Меце Базену. Состояние доступных на севере Франции сил предполагало, что он смог бы сформировать там из них армейский корпус численностью в 12 000 человек, включая артиллерию – 36 орудий, но по прибытии убедился, что его попросту ввели в заблуждение. Во-первых, едва только сформированные части и подразделения без промедления перебрасывались к Луаре, и Бурбаки сумел этому воспрепятствовать, лишь пригрозив отставкой. Во-вторых, бегло осмотрев доступные силы, он, как и д'Орель де Паладин и Камбриель, пришел к заключению, что потребуется не один месяц боевой подготовки для превращения их в солдат, способных сразиться с пруссаками. Пока же они, по его мнению, были способны лишь к участию в чисто оборонительных акциях под защитой артиллерии крепостей. Республиканцам подобный пессимизм, как и взгляды Камбриеля в Безансоне, были явно не

по душе, а Бурбаки предстояло сотрудничать именно с ними. Они, как и Гамбетта, были одержимы лишь идеей как бы поскорее прийти на выручку своим товарищам в Париже и в колебаниях Бурбаки усматривали самые сомнительные побуждения. Он был фаворитом имперского правительства, его свиту все еще составляли придворные императора, к тому же так и не было представлено более или менее внятного объяснения его бегства из Меца. После капитуляции Базена положение Бурбаки стало невыносимым. Молниеносно распространявшиеся слухи о нелояльности Бурбаки находили выражение в клевете и всякого рода демонстративных проявлениях неприязни. С величайшим трудом Бурбаки уговорили предпринять 14 ноября наступление через Амьен на позиции немцев в Бове и Клермоне, но едва он начал это наступление, как Фрейсине, уступив требованиям его противников, отозвал Бурбаки в Тур.

Диспозиция французских армий в течение октября представляет собой множество весьма любопытных стратегических комбинаций. Главным немецким армиям, плотным кольцом окружившим крепость Париж, французы угрожали с трех различных направлений. Каждая из трех групп французских сил была в целом самостоятельна и независима. Французская группировка в Лилле и Амьене рекрутировалась за счет новобранцев и поставок с промышленного севера Франции, Великобритании и Бельгии, луарская группировка – с юго-востока страны и портовых городов побережья Атлантики, войска в долинах Соны и Ду – из Лиона, центральных районов Франции и Марселя. Разгром и устранение любой из этих группировок и занятие отбитых у них территорий, откуда осуществлялось их снабжение, потребовало бы от Мольтке всех имевшихся в его распоряжении сил, за исключением осаждавших Париж, причем разгром одной отдельно взятой группировки французов вовсе не означал, что две оставшиеся будут сидеть сложа руки. Действуя как автономно, так и в унисон, французские армии, при наличии достаточно высокого уровня профессионализма, вполне возможно, смогли бы с треском провалить замыслы немцев, и их многочисленные военные советники были почти единодушны в мнении о том, что нецелесообразно предпринимать военные операции до того, как пресловутый уровень профессионализма будет достигнут. Но времени на достижение и оттачивание профессиональных навыков не оставалось – Париж необходимо было вызволять из лап немцев до того, как голод обречет столицу капитулировать. Еще большее давление на Гамбетту оказало известие от Фавра 21 октября о том, что Трошю на ноябрь планирует прорыв сил из Парижа, рассчитывая на поддержку провинциальных армий. Это требование об оказании прямой помощи шло вразрез с планами Фрейсине бросить основные силы французов на правый фланг на востоке Франции и перейти в наступление, которое не только перережет коммуникации немцев, но и освободит Мец. Такая операция должна была занять слишком много времени. Бросок на левом фланге во взаимодействии с Луарской и Северной армиями, с последующим их соединением в Руане и нанесение их силами удара под командованием Бурбаки в долине Сены представлялись более перспективными – они открывали больше возможностей. Но Бурбаки этот вариант не одобрял. Как он указывал, весьма непросто взять и бросить в бой необученные войска (впрочем, то же самое можно было сказать и в отношении любого наступления, предпринятого силами провинциальных армий), такая операция предполагает продолжительный марш вблизи смелого и инициативного врага на фланге, и успех ее зависел бы от тесного взаимодействия с гарнизоном Парижа, которое, учитывая все обстоятельства, не могло и рассматриваться. Если ему прикажут, заявил Бурбаки, он готов предпринять эту операцию; но, приняв его аргументы, Гамбетта и Фрейсине спасовали. Вместо этого они обратили свое внимание к единственной остававшейся возможности наступления – отбить у противника Орлеан и нанести прямой удар по Парижу с юга.

План этот имел очевидные преимущества. Все очень просто – столица была бы без промедления деблокирована, что позволило бы армии продолжить прикрытие так некстати уязвимого Тура, а в целом предоставило бы недурную перспективу отомстить за потерю Орлеана. У д'Ореля де Паладина теперь имелись в распоряжении приблизительно 70 000 человек,

разделенных между 15-м корпусом, заново сформированным под его неусыпным надзором в Сальбри, и недавно сформированным 16-м корпусом, необученным и недовооруженным, дислоцированным в Блуа для осуществления прикрытия Тура. Этих сил вполне хватало для противостояния 20 000 немецких войск под командованием фон дер Танна в Орлеане. При условии умелого использования железнодорожного транспорта французы получали возможность сосредоточить силы быстро и в любом пункте, и к их численному превосходству – как, по крайней мере, рассчитывал Фрейсине – следовало бы добавить и фактор внезапности. 24 октября он прибыл в Сальбри и объяснил свой план. 15-й корпус, за исключением одной дивизии, необходимо было направить по железной дороге в Тур, чтобы противник подумал, что он продвигается в Ле-Ман с целью испугать немцев появлением с запада у Парижа. Из Тура он должен был направиться вверх по течению Луары для соединения с 16-м корпусом в Блуа и удара по Орлеану с юго-запада. Одновременно его оставшиеся дивизии, 30 000 человек под командованием генерала Мартена де Пальера, продвинулись бы к верховьям Луары в Жьен и перешли бы в наступление вниз по течению для атаки немцев с тыла. Д'Орель де Паладин выдвинул возражения. Он не считал, что его войска готовы к проведению активных боевых действий, и опасался, что наступление вдоль Луары оставит открытым для удара их левый фланг. Лучше было бы занять надежные оборонительные позиции и ждать атаки противника. Но подобное решение, каким разумным оно ни было в военном отношении, в аспекте политическом стояло вне рассмотрения. Д'Орель де Паладин не мог предложить лучшего плана атаки, генерал Борель, его способный начальник штаба, считал, что этот план вполне осуществим, и было решено начать операцию 27 октября. Армия, как представлялось, займет новые позиции к 29 октября и не позднее 1 ноября овладеет Орлеаном.

Переброска войск по железной дороге, как мы уже убедились, – занятие не для дилетантов. Офицеры-штабисты имперской армии проявили вопиющую некомпетентность минувшим летом, и нечего было ожидать, что собранные второпях штаб д'Ореля де Паладина и группа гражданских лиц в военном министерстве справятся с этой задачей лучше. Фрейсине рассчитывал завершить переброску за 36 часов. На самом деле потребовалось трое суток, причем все огрехи, возымевшие катастрофические последствия в минувшем июле, повторились. Движение пассажирских поездов все еще продолжалось. Войска часами дожидались отправки на железнодорожных станциях из-за несогласованности во времени. Расписания нарушались, станции не располагали ни соответствующими помещениями, ни площадками для приема такого количества людей. Лошади днями находились в вагонах, а солдаты – отдельно от багажа, оружия и боеприпасов, и вся эта масса беспорядочно выгрузилась в Блуа. Д'Орель де Паладин с полной серьезностью заявил, что войска ни к каким атакам не готовы. Проливной дождь, превративший дороги в непроходимые и непроезжие и парализовавший всякое движение, был дополнительным источником раздражения и задержек. Фрейсине был разъярен, но ничего не мог поделать. «Поскольку следует отказаться от идеи победить с перевесом 2 к 1, хотя в свое время побеждали и с обратным перевесом, – писал он 29 октября д'Орелю де Паладину, – давайте не будем вспоминать о ней и попытаемся извлечь все лучшее из сложившегося положения… так что, когда почувствуете, что сможете одолеть пруссаков, непременно сообщите нам». Вдохнув с облегчением, д'Орель де Паладин отложил на неделю наступление, которое, по его глубокому убеждению, ничего, кроме разгрома, не сулило.

Эта недельная пауза немало досадила Луарской армии. 29 октября Мец сдался, и две немецкие армии высвободились. Для деблокирования Парижа на первом месте была скорость, именно в скорости и заключалась хоть какая-то надежда на успех. Если бы Базен своей капитуляцией не высвободил войска Фридриха Карла, Мольтке был бы вынужден формировать силы из уже и без того растянувшейся дальше некуда армии осады вокруг Парижа, чтобы сразиться не только с Луарской армией, но и с силами, которые Бурбаки собирал в Амьене. Разумеется, фон дер Танн в одиночку не мог противостоять войскам, которые д'Орель де Паладин собрал

против него. Начиная с захвата Орлеана, проведение операций фон дер Тайном на самом деле вызывало сильное недовольство в Версале. И решение, наступать или нет дальше после взятия Орлеана, оставили на его усмотрение. Мольтке предложил ему наступать на Бурж, один из главных арсеналов правительства национальной обороны, но Танн уже почувствовал себя в изоляции и не имел намерений рисковать дальше, продвигаясь по неуютным просторам области Солонь. Поэтому обеспокоенные баварцы и остались у Луары, а задача продвижения на запад была поставлена 22-й прусской дивизии и сильному кавалерийскому подразделению. Этим войскам предстояло сразиться только с местной мобильной гвардией и «вольными стрелками», которыми командовал из Ле-Мана незадачливый генерал Фьерек, но изолированные части французов оказали упорное сопротивление, на которое немцы дали весьма жестокий, если не зверский ответ. В Шатодёне 18 октября они предприняли полномасштабную атаку против подразделения численностью примерно в 1200 человек под командованием предводителя «вольных стрелков» полковника Липовски и до глубокой ночи сражались, захватывая один пылавший дом за другим. В Шартре два дня спустя еще перед началом боя успели вмешаться гражданские власти, и по их распоряжению город был сдан без боя взамен разрешения на отвод французских войск. К концу октября основная задача сил фон дер Танна была выполнена, и тыл немецких армий был очищен до Шартра и Орлеана. Но немцы понимали, что за пределами этой дуги, патрулируемой их кавалерией, в Ле-Мане, Туре, Бурже, вовсю шла подготовка к широкомасштабному наступлению, отразить которое они явно не смогут. Как и определить, на каком именно участке ожидать удара французов. Ложный план Фрейсине сработал – в главной ставке короля скорее ожидали не атаки Орлеана, а наступления из Ле-Мана на Версаль, и поэтому тревожные донесения фон дер Танна попросту игнорировались.

Мольтке, не желая и дальше изымать силы из осады, больше войск не предоставлял и прямо потребовал, чтобы фон дер Танн проявил активность, высылая ударные группы для помех продвижению французов, как пруссаки, в частности кавалерия, уже практиковали на западе страны.

Подгоняемый не желавшим и дальше ждать Фрейсине, д'Орель де Паладин начал выдвижение 7 ноября. Все трудности марша по утопавшим в грязи дорогам леса Форе-де-Маршнуар, неорганизованные колонны, заторы и многочасовые остановки в проливной дождь подтвердили его опасения, и на следующий день д'Орель де Паладин направил в Тур еще одно донесение, в котором высказывался крайне пессимистично в отношении исхода операции. Но Фрейсине оставался непреклонен, и 9 ноября д'Орель де Паладин с отчаянием фаталиста продолжил марш, и фатализм д'Ореля де Паладина вполне разделял его крайне пессимистично настроенный главный противник в Орлеане.

Теперь к баварцам приближались уже около 100 000 французов. Свой левый фланг д'Орель де Паладин прикрывал «вольными стрелками» под командованием Липовски из Шатодёна. Подразделение продвигалось через Солонь из Сальбри, Пальер был на пути из Жьена в тылу фон дер Тайна, а далеко на западе французские силы, находившиеся в стадии сосредоточения в Ле-Мане, демонстративно сковали правый фланг немцев. 7 ноября сильная ударная группа немцев, продираясь через туманные заросли леса Форе-де-Маршнуар, натолкнулась на 16-й корпус. Немцы были частично окружены, наголову разбиты и вернули занятые ими позиции, потеряв при этом 150 человек. Сведений о наличии сил французов и донесений о продвижении Пальера из Жьена оказалось достаточно для фон дер Танна. Он решил не дожидаться, пока угодит в клещи в Орлеане. В ночь на 8 ноября он оставил город и, в лучших военных традициях, решил сразиться с самой сильной из угрожающих ему двух группировок, в то время как другая по-прежнему находилась вне пределов досягаемости. Если бы он победил, то смог бы вновь овладеть Орлеаном и сразиться с Пальером просто забавы ради, но если бы оказался разгромлен, его линия отступления на север все-таки оставалась вне угрозы. Это был ортодоксальный и верный военный ответ, смешавший всю стратегию Фрейсине: сражение произошло

раньше ожидаемого срока, без участия Пальера и без последующего окружения, на которое нацелились французы.

Немецкие силы заняли позиции 8 ноября вокруг селения Кульмье, приблизительно в 20 километрах к северо-западу от Орлеана, вдоль главной дороги к Ле-Ману. Позиции эти были неплохи для обороны. Селение и замковый парк, которые ничего не стоило превратить в пункты долговременной обороны, с тыла лесной массив, скрывавший подтягивание подкреплений, и мелкая впадина, которую лишь с трудом можно было считать долиной, протянувшаяся на север от Кульмье через Шеминье и Шан, обеспечивала правому крылу достаточный сектор обстрела. На левом крыле, однако, местность изобиловала прикрытиями, рощицы и склоны в большей мере способствовали фактору внезапности, и, вероятно, именно проистекавшая из характера местности уязвимость этого фланга и побудила фон дер Танна сосредоточить именно здесь большую часть своих сил. Три кавалерийские и четыре пехотные бригады составили кулак численностью 20 000 человек, а особые надежды фон дер Танн возлагал на уже проверенную в бою действенность своих 110 артиллерийских орудий. Он не ожидал столкнуться здесь с неприятельской группировкой в 70 000 человек[41], и еще более чреватой катастрофическими последствиями, чем его неверная оценка численности сил врага, стала его ошибка при определении направления их атаки. Он не ожидал французов к северу от Кульмье и не имел фактически никаких войск под рукой, чтобы противостоять им. На самом же деле Кульмье превратился в цель французского левого крыла. Основные силы 16-го корпуса, командование которым недавно принял инициативный генерал Шанзи, были направлены далее на север к дороге на Шатодён. Улыбнись им удача или оцени они обстановку внимательнее[42], французы, возможно, даже добились бы на поле битвы того самого полного окружения, которого так опасался фон дер Танн и стремился избежать, преждевременно вступив в бой.

Утро от 9 ноября было холодным и пасмурным, и французские войска, не разводя ночью бивачные костры по причине близости противника, дрожа от холода, продвигались по голым полям географической области Бос. Но продвигались уверенно. Разгром форпостов немцев 7 ноября доказал, что и немцев, оказывается, тоже можно громить, и возымел гальванический эффект на войска – они атаковали не только с задором, но и демонстрируя неожиданные умения и уверенность в победе. Французская артиллерия оказывала им невиданную ранее в имперские времена поддержку, поскольку делегация избавилась от дистанционных взрывателей, которые так препятствовали эффективности имперской артиллерии, и вместо этого оснастила снаряды взрывателями ударного действия, как в немецкой артиллерии. Баварцы держались на протяжении всего дня, но к 16 часам фон дер Танн решил, что положение весьма ненадежно, и стал отводить войска к Артене и Тури. Наступление темноты и зарядивший дождь со снегом полностью замаскировали его отступление. Французы расположились биваком на отбитых у врага полях, и только с наступлением утра окончательно убедились в своей первой за всю войну победе. Когда д'Орель де Паладин и Пальер ввели войска в Орлеан, город приветствовал их колокольным звоном. Первый раунд в «народной войне», как казалось, был выигран.

---

[41] Автор не склонен принимать приведенную Леокуром меньшую численность личного состава в распоряжении д'Ореля де Паладина – 40 000 человек, возникшую после вычитания «недееспособных», как не склонен и считать за истинную представленную Хедвигом цифру баварцев – 23 500. На самом деле силы баварцев составляли 14 543 пехотинцев и 4 450 кавалеристов. – *Авт.*

[42] Д'Орель де Паладин сумел бы окружить неприятеля, если бы прислушался к совету Шанзи и атаковал бы силами мощного левого крыла, отбросив немцев к Луаре. Леонкур объясняет его просчет «ребяческой тревогой о следовании правилам, когда он разместил справа от войск корпус, следовавший первым согласно диспозиции». – *Авт.*

Бон-ла-Роланд

В Версале новости о поражении фон дер Танна вызвали меньше удивления, чем ожидалось. Пруссаки не могли скрыть удовлетворения неспособностью баварцев выстоять, и Блюменталь возложил вину на Мольтке за то, что тот не направил фон дер Танну подкрепление, как он рекомендовал. Сам Мольтке рассматривал ситуацию с невозмутимостью опытного технического специалиста, которого мало чем удивишь. «Мы сейчас переживаем весьма интересное время, – заметил он, – когда вопрос о том, что предпочтительнее – профессиональная обученная армия или ополчение, – будет решен в ходе боевых действий. Если французам удастся вышвырнуть нас из Франции, все державы введут у себя ополчение, а если мы выйдем из войны победителями, то все государства в подражание нам бросятся копировать призыв на службу в регулярную армию». Особых оснований для опасений у Мольтке не было. Падение Меца предоставило в его распоряжение достаточно сил, чтобы иметь дело с врагом нового типа – изнуренным болезнями, потерями в летних сражениях, численность которого непрерывно увеличивалась за счет необстрелянных новобранцев, пусть даже потоком устремлявшихся в войска.

10 ноября Мольтке вызвал войска Фридриха Карла – 3, 9 и 10-й корпуса – в район Фонтенбло, где они противостояли бы попыткам д'Ореля де Паладина продвинуться к Парижу. Четыре дня спустя, когда ситуация казалась легче и было ясно, что французы не пытаются ни с ходу наступать от Луары, ни штурмовать Париж, он, подведя итог обстановки, изложил свое видение ее в обстоятельном послании Штиле. Луарская армия, считал Мольтке, не располагает достаточными силами для атаки на север, однако она вряд ли будет и дальше сидеть в обороне у Орлеана. Ее самый вероятный план действий – переместиться на запад, соединиться с силами Бурбаки и наступать на Версаль. Подобная атака не ликвидирует осаду, зато сметет все штабы и парки артиллерии германских войск, и политические последствия могут быть весьма серьезными. Посему Мольтке вынужден был на время отказаться от своих первоначальных намерений относительно 2-й армии – от наступления непосредственно на Бурж и Тур. Вместо этого предстояло сосредоточить усилия на обороне дороги Орлеан – Париж. Из сил, до настоящего времени действующих южнее и западнее Парижа – 1-го Баварского корпуса, трех кавалерийских дивизий и 22-й прусской дивизии, – необходимо сформировать под командованием великого герцога Мекленбургского автономную группировку, в которую вошла бы и 17-я дивизия. Упомянутая группировка обеспечит защиту от возможной атаки с запада. Положение было не из легких, и Мольтке откровенно признался, что «мы весьма благодарны за скорое прибытие Его Королевского Высочества принца Фридриха Карла, это помогло нам преодолеть своего рода кризис».

К 24 ноября 2-я армия, стремительно миновав Шомон, Труа и Фонтенбло, занимала свои позиции вдоль северной границы Орлеанского леса, проверяя на прочность оборону Луарской армии д'Ореля де Паладина. Великий герцог Мекленбургский, сосредоточивший силы в районе Шартра, теперь имел возможность искать противника на западе и 17 ноября намеревался обнаружить присутствие французов у реки Эр. Его задача, как признал Мольтке, была не из легких. Трудность состояла «в верном определении главного участка, против которого бросить все имевшиеся силы». Но то, что ему противостояли не организованные силы, а разреженный кордон численностью около 50 000 человек самого разного уровня боевой подготовки, рассеявшихся на около 100 километров, к которым следовало прибавить также рекрутированную из местного населения национальную гвардию, превращало эту задачу в неразрешимую.

Формирования французских войск, заняв оборону, вынудили немцев развернуться и затем поспешно отойти к своим тыловым колоннам войскового снабжения. Перед лицом столь активно действовавшего врага и столь же активного населения, настроенного весьма враж-

дебно к немцам, прусская кавалерия не решилась смело атаковать, как это имело место тремя месяцами ранее в Лотарингии, и в течение почти двух недель великий герцог Мекленбургский кружил по серой, унылой и поливаемой дождем сельской местности от Дрё до Ножан-ле-Ротру и у Ле-Мана в поисках противника, постоянно от него ускользавшего.

Боевой дух войск великого герцога Мекленбургского никогда не был слишком уж высоким, а тут стал стремительно и угрожающе снижаться. Войска, покинувшие открытые равнины Боса, где противник был заметен издалека и его не составляло труда подавить артиллерийским огнем, теперь продвигались по поросшей мелколесьем местности, идеальной для засад. Марши были продолжительными, нередко по вязкой грязи и в проливной дождь. Обувь и снаряжение приходили в негодность, но заменить их было нечем. В конце концов пруссаки дошли до того, что стали переобуваться в крестьянские сабо, подкладывая в них солому, и колонны изо дня в день удлинялись – на реквизированных повозках перевозили тех, кто уже не держался на ногах. Вскоре все убедились, что первоначальная оценка Мольтке намерений французов оказалась совершенно неверной. Центр сил французов не сместился от Луары. Поэтому 22 ноября Мольтке приказал частям великого герцога Мекленбургского, пробивавшимся к Ножан-ле-Ротру, оставить силы прикрытия для осуществления контроля в западном направлении и следовать на юг к Божанси для соединения с силами Фридриха Карла. Если взглянуть на это решение с чисто военной точки зрения, оно было мудрым. Мольтке находился слишком далеко, чтобы осуществлять эффективный контроль над двумя армиями, и назначение Фридриха Карла главнокомандующим всем театром военных действий представлялось разумным выходом из положения. Но оба кузена короля явно недолюбливали друг друга, сотрудничали неохотно и неумело, и когда части великого герцога Мекленбургского возвратились в район Орлеана, операции двух этих группировок явно не отличались скоординированностью.

Теперь французы уже реагировали на маневры немцев. Фрейсине считал наступление великого герцога Мекленбургского довольно масштабной операцией, представлявшей угрозу, главным образом, Туру, и он поспешно сосредоточил в Шатодёне силы для обороны города, получившие название 17-го корпуса. Командующим этим корпусом д'Орель де Паладин назначил энергичного, молодого генерала регулярной армии де Сони, и де Сони понял, что если кто и оказался под угрозой, то сам великий герцог, продвигавшийся на запад через французский фронт со своими настежь открытыми для контрудара с юга коммуникациями. 25 ноября в ходе маломасштабной наступательной операции из Шатодёна де Сони вышел на баварскую колонну войскового подвоза, которую преследовал до самого Бру. В какой-то момент он даже собрался продвинуться к Ножану и перерезать коммуникации великого герцога Мекленбургского. Силы немцев теперь протянулись между Отоном и Савиньи. Де Сони находился в Бру у них в тылу слева, что, по сдержанному заключению баварского официального историка, «было по меньшей мере весьма странным». Но дело было в том, что и у де Сони, и у Фрейсине просто сдали нервы. 26 ноября де Сони поспешно отступил на юг, оставив Шатодён, и загнал свои силы в лес Форе-де-Маршнуар. С почти комической одновременностью великий герцог Мекленбургский, вызванный безапелляционной телеграммой от Фридриха Карла, отвел свои ничуть не менее измотанные войска из выступа, куда их направил, и повернул на восток.

В главной ставке короля за передвижениями великого герцога наблюдали с растущим неодобрением. К 26 ноября, согласно приказу Мольтке от 22 ноября, великий герцог Мекленбургский должен был быть в Божанси и готов принять участие в наступлении на Орлеан. Но вышло так, что он все еще оставался куда ближе к Ле-Ману, нежели к Божанси со своими потрепанными в схватках с французами войсками и опасно пролегавшими через фронт французской армии коммуникациями. Было также ясно, что некомпетентность штаба герцога, состоявшего в основном из представителей его же личного окружения, замедляла передвижение его группировки и усугубляла тяготы солдат и офицеров. Таким образом, 26 ноября Мольтке подчинил великого герцога Мекленбургского непосредственно Фридриху Карлу и на следующий день

направил начальника его интендантской службы генерал-интенданта фон Штоша для вступления в должность начальника штаба великого герцога. После того в деятельности группировки великого герцога Мекленбургского наметилось существенное улучшение.

Великий герцог Мекленбургский был не единственным войсковым командующим, за задержками которого столь пристально следили из Версаля. Авторитет Фридриха Карла также стремительно снижался. Его очередная задача была чисто оборонительной, и он все время колебался переходить в наступление. И в том, что это на самом деле оказалось непросто, даже труднее, чем ему представлялось раньше, Фридрих Карл убедился, проинспектировав сосредоточенные в Орлеанском лесу войска. Ему предстояло атаковать численно превосходящего врага, действовавшего среди сочувствующего населения и занимавшего сильные оборонительные позиции, – врага, весьма отличного от малочисленных, плохо организованных сил, которые фон дер Танн легко и просто отмел в сторону в минувшем месяце. Кроме того, донесения о передвижениях французских войск свидетельствовали о том, что д'Орель де Паладин и сам планирует атаковать. Мольтке, обычно готовый переоценить проницательность противника, считал подобный вариант маловероятным, однако указал Штиле, что куда желательнее было бы противнику атаковать самому. «В этом случае ему придется выйти на открытую местность, – писал он, – где Ваше превосходство в артиллерии и кавалерии проявится наиболее эффективно». И Фридрих Карл ограничился на тот момент патрулированием и сбором сведений, на что Мольтке скрепя сердце согласился.

Имелась и более серьезная причина задержек 2-й армии: принципиальные разногласия Фридриха Карла и Мольтке относительно кампании у Луары в целом. Мольтке был встревожен вопросами обороны линии блокады Парижа и надвигавшимся наступлением Луарской армии д'Ореля де Паладина. Фридрих Карл видел свою задачу в разгроме французской армии, а его никак нельзя было достичь лобовыми атаками, в результате которых д'Орель де Паладин оказался бы просто отброшен за Луару. Только наступление с охватом коммуникаций противника возымело бы желаемый эффект – бросок сил 2-й армии на юго-запад через Шатонеф и Жьен в направлении Буржа и группировки великого герцога Мекленбургского на юго-восток для нанесения удара в тыл д'Ореля де Паладина. Поэтому Фридрих Карл воспринял распоряжения Мольтке о лобовой атаке весьма сдержанно, и, возможно, был прав. Если бы операции осуществлялись, как планировалось, кампания завершилась бы уже к концу ноября и французы, и немцы были бы избавлены от бессмысленных страданий двух страшных месяцев на реках Ду и Сарта.

Эти взгляды не разделяли в Версале. Озабоченность короля положением своих войск росла с каждым днем, и на какой-то момент его доверие к Мольтке пошатнулось. Он решил получить независимое представление о происходящем на Луаре и 25 ноября втайне от Мольтке направил знающего молодого офицера, полковника фон Вальдерзее, бывшего военного атташе Пруссии в Париже и возможного преемника Мольтке на посту начальника штаба, в штаб 2-й армии доложить ему обстановку и указать Фридриху Карлу на серьезные последствия для немецкой армии в целом, если тот позволит себе потерпеть поражение. Прибытие Вальдерзее дало Фридриху Карлу возможность направить королю убедительный отчет о своих действиях и соображениях. О том, что было бы весьма неразумно, располагая силами численностью менее 50 000 человек, ринуться в удерживаемый значительными силами Орлеанский лес. Кроме того, французы с большой долей вероятности могли бы нанести удар из Верхней Луары на Фонтенбло, и это обстоятельство вынуждало его сохранять силы рассредоточенными. Фридрих Карл признался, что не располагает сведениями о местонахождении основных сил французов. Немецкая кавалерия была куда более робкой в разведке, чем летом. Фридрих Карл считал, что со стороны французов было бы непростительной глупостью отважиться на риск, «но мы в ходе этой кампании уже сталкивались с весьма удивительными вещами – я имею в виду приказ от Парижа Мак-Магону выручать Мец, что в конечном итоге привело к Седану. То есть

теперешние распоряжения этих «адвокатов» вполне могут строжайше предписать Луарской армии, невзирая ни на что, предпринять наступление на Париж», и в этом он был, разумеется, стопроцентно прав.

Но если Фридрих Карл сумел убедить встревоженных командующих в своей способности владеть ситуацией, то д'Орелю де Паладину в Орлеане приходилось весьма туго. Разногласия, столь сильно осложнявшие отношения между д'Орелем де Паладином и Фрейсине до Кульмье, с новой силой возобновился после сражения. Для Фрейсине и Гамбетты бой при Кульмье был лишь первым шагом к Парижу. Они поставили в известность Трошю о победе через почтового голубя и убедили его начать прорыв для соединения с ними – оба верили, что необходимость наступления на столицу сейчас куда важнее, чем когда-либо, в противном случае вся операция просто рухнет. Д'Орель де Паладин, напротив, полагал, что подтягивание сил Фридрихом Карлом автоматически ставит крест на любом наступлении. Все, что он мог теперь предпринять, подчеркивал д'Орель, – это усиливать оборону Орлеана и ждать атаки – разумная стратегия, которой, как и предполагал Мольтке, д'Орель и будет придерживаться. Вопрос обсуждался на военном совете в Орлеане 12 ноября. В тот момент для обеих сторон еще оставалась возможность договориться, поскольку даже Фрейсине не мог отрицать необходимость превратить Орлеан в мощный опорный пункт и там собрать достаточно крупные силы для предстоящего наступления. Фрейсине же довольствовался тем, что отвел Орлеану роль базы для проведения набегов на немцев силами сформированных в этом городе сильных рейдовых групп для периодических атак немцев. Гамбетта издал свой нашумевший приказ армии, не оставлявший сомнений относительно отводимой ей роли. «Вы сегодня на пути в Париж, – писал он. – Никогда не забывайте о том, что Париж ждет нас и что честь обязывает нас вырвать его из лап варваров, угрожающих сжечь и разграбить его». Поэтому д'Орелю де Паладину было дозволено остаться в Орлеане, а делегация тем временем по крохам наскребала еще одну свою армию для подготовки к предстоящему наступлению.

Силы д'Ореля де Паладина состояли (на бумаге) из шести корпусов численностью свыше 200 000 человек. 15-й корпус (теперь под командованием Пальера) и 16-й корпус Шанзи располагались в центре у Орлеана, справа и слева от дороги на Париж соответственно, с флангов и с фронта их прикрывали «вольные стрелки». Слева в Шатодёне находился 17-й корпус де Сони, а генерал Фьерек – в Ле-Мане со своим непонятным 21-м корпусом. Справа, в Жьене, стоял 18-й корпус, временно без командующего, обязанности которого исполнял начальник штаба корпуса полковник Бийо, но вскоре его должен был принять Бурбаки, и, наконец, 15 ноября Фрейсине вызвал к себе генерала Круза, командующего силами, противостоящими немцам в долине Соны, и приказал ему доставить поездом лучшие из его частей на Луару, расположиться там на передовой в качестве 20-го корпуса между Бийо (18-й корпус) и Пальером (15-й корпус). Общая численность впечатляла, но на практике лишь 15-й и, вероятно, 16-й корпуса представляли собой в полном смысле слова боевые формирования. 21-й корпус был неспособен выступить из Ле-Мана, 17-й корпус почти распался, когда де Сони спешно перебрасывал его из Шатодёна до леса Форе-де-Маршнуар, в то время как 20-й корпус, офицерский состав которого состоял из отслуживших свой срок отставников, которым присвоили звания, но они им явно не соответствовали, имел на вооружении только набранное вразнобой откуда только можно огнестрельное оружие, подобрать боеприпасы к которому крайне трудно. Лишь бесстрашие и боевой дух превращали упомянутые формирования в нечто более организованное, чем отправляемое на скотобойню стадо баранов, но всерьез полагаться на них не приходилось.

Фрейсине и д'Орель де Паладин по-разному оценивали эти наспех собранные силы. Фрейсине делал упор на численность, которую, скорее всего, склонен был завышать.

Что же касалось д'Ореля, тот, сознавая их слабую боеспособность (но которую, вероятнее всего, он все-таки недооценивал), лишь укреплялся в нежелании покидать Орлеан. Эти солдаты послужили бы отличной мишенью для Фридриха Карла, и д'Орель де Паладин не был

готов рискнуть ими, бросив их даже в предлагаемые Фрейсине локальные наступательные операции. Когда д'Орель неделю просидел сложа руки, Фрейсине 19 ноября написал ему, убеждая его атаковать. Ведь в его распоряжении, подчеркивал Фрейсине, 250 000 человек. «Не можем же мы вечно торчать в этом Орлеане, – настаивал он, – Париж изнемогает от голода и требует нашего вмешательства». Это письмо положило начало обмену посланиями, которые продемонстрировали, насколько глубока была пропасть непонимания, разделявшая гражданское правительство и главнокомандующего его вооруженными силами. Д'Орель де Паладин ответил, что оценка Фрейсине численности войск неверна до абсурдности: «Опасно доверяться иллюзиям, исходя из численности сил на бумаге, а не истинной». Мощь немецких войск и затяжное ненастье исключало возможность любой наступательной операции, кроме того, нечего было и пытаться планировать операции без сотрудничества с Трошю. Фрейсине представил достаточно обоснованный ответ, утверждая, что, мол, подобное сотрудничество невозможно, а что касается численности противника и ненастья, вряд ли и то и другое в один присест изменятся в лучшую сторону до того, как голод вынудит Париж к сдаче. Д'Орель де Паладин, не приведя контраргументов, решил занять позицию, преисполненную достоинства ложной многозначительности. «Вы рекомендуете мне продумать план парижской операции, считая именно ее моей главнейшей задачей, – писал он 23 ноября. – Решение этой задачи вызывает у меня ничуть не меньшую озабоченность. Но для ее решения необходимо сотрудничество и единство мнений правительства и армии, представленных их лидерами, которым Вы оказали доверие».

Фрейсине решил взять дело в свои руки, но это скорее диктовалось опасениями за участь самого Тура, нежели стремлением освободить Париж. Наступление группировки великого герцога Мекленбургского угрожало Туру, и силы на французском левом крыле не были в состоянии противостоять ему. Единственной возможностью вынудить немцев ослабить натиск могло стать нанесение мощного удара на другом участке их фронта. Фрейсине уже решил, что прорыв из Орлеана, когда он последует, должен осуществляться в северо-восточном направлении на Фонтенбло для соединения с силами Трошю на верхней Сене, таким образом, было бы разумно проводить это наступление силами правого фланга французов, а целью его должно стать не просто ослабление натиска противника слева, а с овладением Питивье создать трамплин для прыжка на Париж. По этим причинам Фрейсине 22 ноября направил д'Орелю де Паладину недвусмысленное указание отдать приказы командующим корпусами своего правого крыла на проведение наступления.

Д'Орель отреагировал на это со скрупулезной корректностью. Он отдал приказы и представил яростный протест в Тур. Тон послания Фрейсине говорил о том, что он окончательно потерял терпение в отношении д'Ореля де Паладина. «Если Вы сможете представить мне лучший план или даже если Вы представите мне вообще какой-нибудь план, я смог бы составить о нем мнение и отменить свои приказы, – писал он. – Но за те 12 дней, что Вы пробыли в Орлеане, Вы его мне не представили, несмотря на многократные просьбы М. Гамбетты и меня получить от вас любой план». В своем раздражении Фрейсине, как он впоследствии признался, и решил выступить в роли деятельного главнокомандующего вооруженными силами Франции, то есть взять бразды правления войсками в свои руки.

24 ноября управляемая издалека (из Тура) операция началась, и на первом этапе неудачно. В ходе сражений первого дня немцы перехватили письма от Гамбетты и армейские приказы, что позволило Фридриху Карлу узнать о перебросках сил французов. Переброска трех французских корпусов через лес осуществлялась медленно, отличалась почти полным отсутствием связи, однако дело обходилось без крупных неприятностей до 28 ноября, когда они натолкнулись на главные позиции немцев: в городке Бон-ла-Роланд и других близлежащих деревнях, удерживаемых частями ганноверского 10-го корпуса генерала Фойгтс-Ретца. У этих позиций по приказу Фрейсине соединились силы 18-го и 20-го корпусов, составив группировку численностью около 50 000 человек. У ганноверцев для удержания позиций имелись в рас-

поражении лишь две бригады, то есть всего около 9000 человек, и они были внезапно атакованы целым французским корпусом. Но это были опытные, побывавшие в боях войска, хорошо вооруженные и располагавшие энергичными командирами, имели в составе первоклассных стрелков и большое количество боеприпасов. Они располагались под надежной защитой стен сельских домов, в то время как французы действовали, как говорится, в чистом поле – на открытой равнине. Гарнизон Бон-ла-Роланда был защищен прочной и удобно расположенной городской стеной, по другую сторону которой немцы установили платформы для стрелков, обеспечивавшие ведение максимально эффективного огня. Круза колебался обрушить на них огонь всей своей артиллерии, которая хотя и могла бы сломить их сопротивление, но нанесла бы серьезный ущерб постройкам. Он предпочел доверить штурм массе своей пехоты, которую весь день бросал в атаки, с нетерпением дожидаясь подхода сил 18-го корпуса справа. А 18-й корпус был остановлен у деревень на дороге на Шатонёф и смог соединиться с 20-м корпусом, лишь когда тот проводил свою последнюю атаку, возглавляемую лично Круза уже в сумерках и от которой было больше хаоса, чем пользы. К тому времени немцы уже получили подкрепление. Был момент, незадолго до 14 часов, когда Фойгст-Ретц прилагал отчаянные усилия для удержания позиций, чуть было не отдал приказ отходить, и от этого его с великим трудом отговорили (Каприви). И так продолжалось вплоть до второй половины дня, когда Фридрих Карл все же убедился, что мощь атаки вполне оправдывает отправку им 3-го корпуса из Питивье на подмогу. Подтянувшийся ускоренным маршем авангард к 16 часам и его натиск на левом фланге французов, да еще в условиях наступления темноты, вынудили Круза прекратить атаки. Круза потерял в ходе их 1300 человек убитыми и ранеными, а еще 1800 угодили в немецкий плен, в то время как немцы потеряли намного меньше – около 900 человек.

По мнению французских наблюдателей, имевших возможность следить за ходом войны собственными глазами и высказывавших уравновешенные суждения, результат боя за Бон-ла-Роланд обескураживал. Все надежды, основывавшиеся на легендах 1793 года и на триумфе Кульмье, рассыпались в прах. Было очевидно, что ни численностью, ни отвагой солдат и офицеров не одолеть дисциплинированные и способные противопоставить неприятелю огневую мощь, да еще вдобавок ушедшие в глухую оборону немецкие войска. Но Фрейсине не унывал. Отказ великого герцога Мекленбургского от наступления на юго-запад рассматривался в Туре как прямой результат натиска на немецкий левый фланг, таким образом, бой мог считаться стратегическим успехом, но еще более важным было воздействие донесения, прибывшего в Тур 30 ноября, в котором сообщалось о долгожданной попытке прорыва гарнизона Парижа. Прибывшее из Парижа на воздушном шаре донесение принесло весть о том, что операция начнется 29 ноября. Если верить этому сообщению – а ему вполне можно было верить, – сражение продолжалось уже сутки, и нельзя было терять ни минуты. Фрейсине помчался в Орлеан, где приказал д'Орелю де Паладину подготовиться к наступлению, как только из Парижа поступят более конкретные сведения. 17-й корпус оставался для обороны Орлеана, 15-й и 16-й корпуса должны были наступать на Питивье с запада, 18-й и 20-й корпуса – с востока, а затем победоносная армия численностью в 170 000 человек должна была ударить по лесу Фонтенбло и соединиться там со своими боевыми товарищами из Парижа.

Даже если французские войска и были в состоянии дать бой, подобное наступление тонкой линией соединений и частей, растянувшихся и не имевших резерва, сулило мало успеха. На самом деле они не были в состоянии перейти в наступление. 20-й корпус застыл в неподвижности из-за отсутствия обмундирования и лагерного снаряжения, и Круза упрашивал Фрейсине: «Разрешите мне встать на отдых на несколько дней с тем, чтобы прийти в себя. Боевой дух моих людей высок, но слишком многого им не хватает для этой холодной и сырой погоды». Фрейсине это не убедило. «Мне кажется, – писал он, – вы легко теряете уверенность в себе… Если и дальше я не смогу поручиться за этот корпус, вынужден буду считать лично вас ответственным за это, и вам предстоит отчитаться перед правительством за все последствия, кото-

рые может возыметь такая ситуация». И чтобы уж совсем унизить Круза, его подчинили Бийо, действующему командующему 18-м корпусом, на которого жаловался Круза за неспособность Бийо оказать ему действенную помощь под Бон-ла-Роландом.

Не все было безупречно и на левом фланге. Поспешный отход де Сони из Шатодёна 26 ноября обнажил тыл войск Шанзи для атак с запада, и только стойкость «вольных стрелков» Липовски в Барнзе на реке Кони позволила ему перестроиться для обороны от сил великого герцога Мекленбургского. Переброска на восток на Питивье, которую теперь от него потребовали, включала марш, минуя фланг сил великого герцога Мекленбургского, а под весьма активным командованием Штоша войска великого герцога Мекленбургского вернули себе былую способность к агрессивным и сплоченным атакам. Прежде чем де Сони смог двинуться в восточном направлении для взаимодействия с Пальером, Шанзи предстояло атаковать в северном направлении для устранения прямой угрозы его флангу, и 1 декабря он с этой целью перешел в наступление.

Дожди прекратились, сменившись легким морозом, – во благо артиллеристам и возницам, которым в последнее время приходилось голыми руками вытаскивать орудия и повозки из потоков грязи. Мороз явно содействовал и немецким войскам, находчивые и инициативные интенданты которых получили возможность беспрепятственно распределять захваченные на фермах запасы провианта и фуража, в то время как французские генералы, упрямо цеплявшиеся за африканские традиции, возили припасы за собой и держали их в совершенно непригодных для хранения палатках своих наспех развернутых биваков. Один только Шанзи отказался от этой порочной практики и стал подыскивать места для хранения припасов. И его сытые войска уже к 1 декабря по чуть припорошенным первым снежком и скованных морозом полям сумели вплотную продвинуться к позициям немцев. Им противостояли баварцы, рассеявшиеся среди редких деревень на равнине западнее Артене и оказавшиеся неспособными дать мало-мальски серьезный отпор. Французская артиллерия обеспечивала прицельный огонь, а их пехотинцы – стремительное наступление. Баварцы оставляли одну линию обороны за другой, пока не очутились на окруженной стеной ферме в Вийепоне, ставшей их опорным пунктом, где они получили возможность сосредоточить силы и где Штош организовал надежную оборону с тыла. Но французы были вдохновлены, а баварцы, напротив, запаниковали, и уже с наступлением темноты командир головной дивизии 16-го корпуса Шанзи, адмирал Жорегиберри окружили ферму и, проломив стены, сокрушил силы оборонявших ее немцев. Это стало второй по счету победой Луарской армии и, как впоследствии оказалось, последней.

В тот же вечер Шанзи направил вышестоящему командованию восторженный отчет о бое, в котором превозносил до небес успехи своих войск. Для Гамбетты это стало кульминационным моментом этого дня добрых вестей. Он уже получил из Парижа еще одно послание, как и предыдущее, доставленное ему тоже на воздушном шаре и тоже в восторженных тонах описывавшее итоги первого дня прорыва кольца окружения противника в Шампиньи. В донесении указывалось, что селение Эпине взято – Эпине-сюр-Сен, то есть то, что было захвачено в ходе отвлекающей атаки севернее Сен-Дени. Но в Туре его приняли за другой населенный пункт со схожим названием – за Эпине-сюр-Орж, селение километрах в шестнадцати южнее Парижа в глубоком тылу немцев, и овладение ею могло лишь означать, что Трошю сумел прорваться. 2 декабря Гамбетта сочинил проникнутое лиризмом, но весьма неблагоразумное в аспекте политическом воззвание.

«Гений Франции, пока что скрытно, снова заявляет о себе! [писал он.] Отныне пруссаки поймут, в чем разница между деспотом, сражающимся ради удовлетворения собственных прихотей, и «народом с оружием в руках», не желающим погибнуть… Франция и весь мир никогда не забудут о том, что Париж первым подал пример этой политики и тем самым закрепил ее моральное превосходство, храня верность героическому духу революции. Да здравствует Париж! Да здравствует Франция! Да здравствует единая республика!»

Трудно было бы отыскать способ глубже задеть чувства офицеров, все еще стоявших у руля во французской армии, в основном католиков и выходцев из богатых провинций, где преобладали роялисты. Собственно, именно из этих провинций армия Франции и черпала силу. Лишь полная и окончательная победа смогла бы послужить неким оправданием подобного рода высказываниями, но вот только победы не было, да и быть не могло.

Линьи

Это стало кульминационным моментом «народной войны» во Франции. Событиям следующих двух дней предстояло расстроить планы Гамбетты не только на Сене, где Трошю оставил безнадежные попытки прорваться через немецкие линии, но и на Луаре, где слишком уж оптимистичные ожидания, порожденные Кульмье и Вийепоном, также рухнули. Шанзи пострадал первым. На первый взгляд 2 декабря после очень холодной ночи Шанзи направил войска из Вийепона для атаки главных позиций великого герцога Мекленбургского, протянувшиеся от участка севернее деревни Линьи до шато Гури и через деревни Лумо, Баньо и Попри до дороги на Шартр. Необозримые, покрытые снегом поля, лишенные всякого прикрытия и отлого спускавшиеся от Гури, поставили атакующих в невыгодное положение, хотя на первых порах им сопутствовал успех. Немцы, сами готовившиеся атаковать, оказались захваченными врасплох. Баварцы только и успели занять Гури, и 17-я дивизия по пути в Лумо вынуждена была отбивать атаки противника на своем оголившемся левом фланге. На левом фланге французов натиск дивизии Жорегиберри оттеснил баварцев еще дальше, и огонь французских винтовок Шаспо сводил на нет все попытки немцев контратаковать, но гарнизон Гури держался до тех пор, пока пруссаки 17-й и 22-й дивизий не вернули Лумо и не нанесли удар с фланга французам, атаковавшим шато Гури, обратив их в паническое бегство. Одновременно с этим немецкая кавалерия опасно обходила левый фланг корпуса Шанзи. С угрозой на обоих флангах и с изрядно снизившимся боевым духом 16-й корпус стал отходить к деревне Линьи, и постепенно стала заявлять о себе более высокая боевая подготовка немцев. В принципе, французы смогли бы огнем винтовок Шаспо отогнать немцев, но, поскольку противник оттеснил их самих от Гури, это им не удалось. Французские войска устали, ими плохо управляли, они были деморализованы. Все больше и больше их солдат постепенно направлялось в тыл, а потом и целые полки устремились назад к Орлеану. В результате яростных атак немцы смогли вернуть себе Линьи и отогнать французов к их исходным рубежам в Вийепоне, а там прибывшее подкрепление из частей 17-го корпуса де Сони дало возможность перейти к обороне. Сам де Сони, действуя скорее как командир полка, которым он и был, но не как командующий корпусом, о чем ему не следовало бы забывать, попытался с авангардом из нескольких сотен зуавов провести последнюю перед наступлением темноты контратаку Линьи, но располагавшие резервами немцы оказали сопротивление, и под их огнем атака захлебнулась, а сам де Сони вынужден был отступить, оставив на поле боя свыше половины личного состава и сам получив в этом бою тяжелое ранение.

Шанзи не должен был сражаться в одиночку. Дивизия генерала Пейтавена, левое крыло 15-го корпуса, находилась в считаных километрах восточнее Артене и спокойно совершала марш, прибыв вскоре после полудня и создав угрозу флангу немцев в Попри. 22-я прусская дивизия вынуждена была развернуться для отпора противнику, и в рощах к северу от деревни весь день не утихали идущие с переменным успехом бои. Но у Попри, как и у Линьи, все попытки французов взять инициативу в свои руки и прорвать оборону немцев успехом не увенчались. Удивляться было нечему. 35 000 немцев, располагавших и соответствующим количеством единиц артиллерии, сумели одолеть 45 000 французов, их атаковавших. В целом за тот день французы понесли потери в количестве от шести до семи тысяч – убитыми и ранеными 4139, а в плен к немцам попали еще 2500 человек.

Д'Орель де Паладин между тем провел день в Артене, слыша шум боя, который вел Шанзи, и дожидаясь удобного момента для продолжения наступления на Питивье. По данным Фрейсине, большая часть сил немцев отбыла из района Луары для отражения атаки прорывавшихся из Парижа французов, и весь немецкий фронт составляла истонченная линия войск. Но полученная той ночью новость о поражении, которое потерпел Шанзи, послужила последним

доводом в пользу отказа от продолжения наступления. Д'Орель принял на себя ответственность, которой его гражданское начальство столь долго его лишало, и в надежде на возможность уберечь свою армию, отдал приказ на отвод всех сил к Орлеану. Но опоздал. Оптимистическая оценка Фрейсине намерений и передвижений немцев совершенно не соответствовала истинному положению вещей: Фридрих Карл наконец все же решился наступать. В тот же день, 2 декабря, Мольтке направил ему прямой приказ наступать на Орлеан. У принца все еще имелись сомнения на этот счет – сомнения, которыми он благодаря присутствию Вальдерзее у себя в ставке мог поделиться и поделился с королем. Фридрих Карл не верил, что главные силы французов сосредоточены у него по фронту на главной дороге Орлеан— Париж южнее Артене, и был одержим страхом, что, если он нанесет удар на центральном участке, французы, обойдя его с флангов, направятся на север к Парижу. Но Мольтке наотрез отказывался внять его доводам, и принц распорядился начать наступление 3 декабря. 9-му корпусу была поставлена задача овладеть Артене и наступать по главной орлеанской дороге, 3-й корпус должен был продвинуться от Питивье к Шильюр-о-Буа (Жильер-о-Буа) и через лес на Лури, 10-му корпусу предстояло подойти с левого фланга и оставаться в резерве. Великому герцогу Мекленбургскому было приказано подойти к орлеанской дороге с запада и оттеснить французов к Орлеану.

Штош возражал против этого плана. Он рассчитывал действовать независимо, наступая на юг и на запад с тем, чтобы отрезать 16-му корпусу Шанзи путь к отступлению, но принц отказался изменить стратегию. Все силы немцев необходимо было сосредоточить на центральном участке французов, и, как полагал Мольтке, там была сосредоточена не большая часть сил французов, а лишь растянувшиеся тонкой линией силы 15-го корпуса Пальера. Неудивительно, что немцы, невзирая на их численное превосходство, вынуждены были прорываться прямо через Орлеанский лес и рассекать Луар-скую армию надвое. Но победа далась легко, однако она не была окончательной. Луарская армия была побеждена, но никак не уничтожена.

Погода ухудшалась, и следующие несколько дней и ночей дул ветер со снегом. Сохранять сплоченность необученных, плохо обмундированных французских войск в таких условиях было бы весьма трудной задачей, даже в условиях победного наступления, на которое так рассчитывал Фрейсине. Однако под ударами Фридриха Карла Луарская армия была разбита. 2-я армия атаковала утром 3 декабря, сосредоточив главные силы на двух населенных пунктах – Артене и Шильюр-о-Буа. Сами немцы, наступавшие через густой лес двумя изолированными колоннами по обледенелым дорогам на врага, засевшего на заранее подготовленных позициях и свято уверовавшего в свое численное превосходство, куда сильнее чувствовали опасность своего собственного положения, нежели осознавали угрозу, которую они представляли для врага, но удача сопутствовала 3-му и 10-му корпусам, как это уже было при Вьонвиле. Сыграла положительную роль и более совершенная тактика немцев. С наступлением дня выяснилось, что равнина по фронту позиций французов занята немецкими войсками, и сразу же на селения обрушилась вся мощь артиллерийского огня (что напомнило старослужащим французской армии осаду Севастополя), на который скромные по численности батареи Пальера так и не смогли ответить. Фридрих Карл прибегнул к методам Седана, он не пустил свою пехоту в атаку до того, пока его артиллерия полностью не сокрушила сопротивление врага[43]. В течение большей части дня подразделения французов не выходили из-под контроля, более или менее организованно отступали, и д'Орель де Паладин все еще надеялся, что огнем орудий Орлеана он сможет остановить врага, перегруппировать свои войска и восстановить позиции. Но той

[43] Фридрих Карл в начале ноября записал в свой дневник: «Моя тактика будет заключаться не в том, чтобы воспрепятствовать сосредоточению сил противника, а в том, чтобы выжиданием именно помочь ему собрать как можно больше сил в одном месте и после этого нанести по ним мощнейший удар… Бессмысленных атак с фронта также следует избегать. В ходе всех предстоящих нам боев, в особенности если речь идет об овладении городами и селами, еще шире, чем раньше, необходимо прибегать к использованию артиллерии, выжигая очаги сопротивления врага, и уже в самую последнюю очередь бросать в бой пехотинцев с тем, чтобы потом враг сам кинулся им в объятия». – *Авт.*

ночью, переосмыслив возможности и состояние своих войск, пришел к заключению, что все попытки устоять под натиском противника обречены на провал. Ночь была очень холодной, почти весь вечер шел снег, и армия распадалась. Лишь в нескольких частях личный состав подчинялся офицерам, и д'Орель лично убедился, что дорога назад к Орлеану переполнена охваченными паникой полками, которые, мужественно сражаясь днем, теперь демонстративно покидали поле битвы. Это был 15-й корпус, самый опытный, костяк и ядро его войск, а донесения войск на флангах свидетельствовали о том, что в 17-м и 20-м корпусах дела обстояли еще хуже. Д'Орель де Паладин пришел к единственному в данных условиях возможному выводу о том, что Орлеан предстоит сдать противнику и отвести армии в безопасное место – за Луару в Солонь.

Фрейсине едва верил фронтовым новостям. Не было необходимости отводить армию численностью в 200 000 человек, телеграфировал он, «если только ее командиры не в состоянии вдохновить ее на бесстрашие… личным примером». Почему, вопрошал он д'Ореля де Паладина, он не вызвал Бийо и Круза, которые простаивали без дела на правом крыле? Д'Орель ответил, что было слишком поздно и войска слишком деморализованы для подобного маневра, чтобы он увенчался успехом. Он сам был на месте и мог судить: если не отдать приказ на общее отступление, то никакой армии вообще не останется.

Для Гамбетты и Фрейсине удар этот оказался сокрушительным. Оба возлагали надежды на успех этого наступления, именно от него зависела их репутация, оба лишь с великим трудом могли от него отказаться. Чтобы не оказаться в роли мальчика для битья, Гамбетта впервые проконсультировался с Кремьё и Гле-Бизуаном, которые могли лишь согласиться с создавшимся положением, и утром 4 декабря он официально санкционировал сдачу Орлеана. Но тогда д'Орель снова телеграфировал Фрейсине, полагая, что все же смог бы удержать город. Орлеан был достаточно вооружен, в результате отступления там сосредоточились крупные силы французов, и Пальер, на которого вполне можно было положиться, сумел упорядоченно отвести как минимум одну из своих дивизий. Однако консультация с командующими показала, что подобные надежды иллюзорны. 15-й корпус практически не существовал как организованное боевое формирование. Офицеры и солдаты рассеялись в городе, разбежались по гостиницам, кафе и частным домам, стряхнули с себя и так едва ощутимое бремя служебных обязанностей, ища забвения в пьянстве и стремясь отключиться от кошмарных воспоминаний минувших суток. Везде царили хаос и бессилие, неизменно сопутствующие поражению армии. Когда в 16 часов д'Орель де Паладин наконец решил оставить город и приказал Пальеру сформировать арьергард, этот приказ Пальеру так и не передали. Когда тот узнал о поставленной ему задаче, то быстро убедился, что войска его выполнять не собираются, и наступавших немцев сдерживали лишь отдельные группы постепенно теснимых противником через пригороды пехотинцев и артиллеристов, которые лишь до сумерек хоть как-то сдерживали врага.

От Шанзи никаких известий не поступало. Он отходил на юго-запад под натиском наступавших частей великого герцога Мекленбургского, тщетно пытаясь сплотить свои деморализованные и измотанные силы для флангового удара по войскам Фридриха Карла. Бурбаки, в ходе сражения принявший командование 18-м корпусом, вел свои войска вверх по течению Луары к Жьену, а Круза, перебросивший 20-й корпус через лес с востока, убедился, что отрезан от Орлеана в результате наступления немцев, и чудом провел своих людей по частично разрушенному мосту в Жаржо. К концу дня немцы достигли реки по обе стороны от города. Поезда все еще ходили в западном направлении по железнодорожной линии на Тур, и в одном из этих поездов ехал Гамбетта, направлявшийся ранее к Орлеану, чтобы своими глазами оценить создавшуюся обстановку. Состав попал под обстрел немецкой батареи на конной тяге, и его в самый последний момент пришлось пустить в обратном направлении.

К 20 часам прусская 17-я дивизия продвинулась между французскими 15-м и 16-м корпусами северо-западнее Орлеана, и ее командующий, генерал фон Тресков, выслал офици-

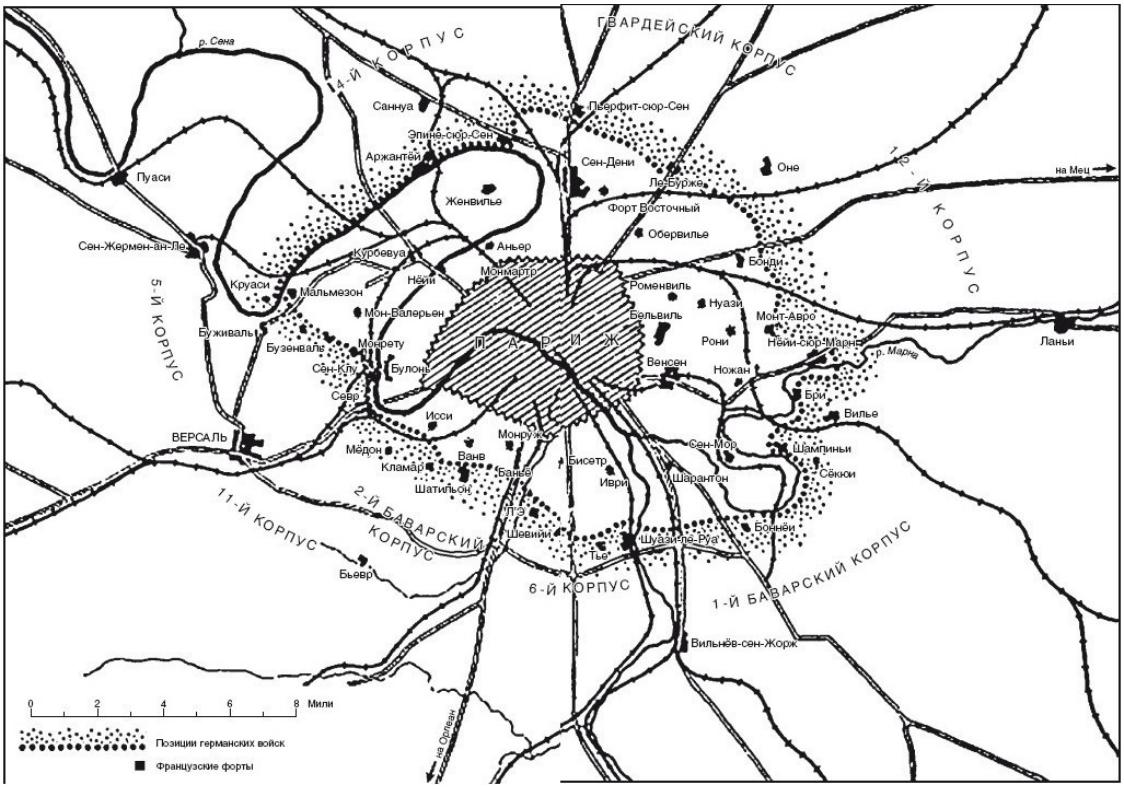
ального парламентера с требованием сдачи города под страхом артиллерийского обстрела. Собственно, фон Тресков блефовал: основным силам немцев было приказано на ночь остановиться, и в его распоряжении оставался только авангард – причем без тяжелых орудий. Но Пальер был рад принять выдвинутые немцами условия сдачи Орлеана, ибо рассчитывал, что это единственная возможность отвести свои силы на почтительное расстояние. Масса отступивших солдат с пьяным безразличием взирала на вступавших в город немцев, и вскоре после полуночи 4–5 декабря Орлеан был уже во второй раз в руках пруссаков. Армия д'Ореля де Паладина рассеивалась в восточном, западном и южном направлениях, потеряв 18 000 человек взятыми в плен, 2000 человек ранеными и убитыми (немцы потеряли убитыми и ранеными около двух тысяч. – *Ред.).* В тот же день армия Дюкро оставила поле боя у Шампиньи и будто полудреме направилась обратно в Париж.

Глава 9
Осада Парижа

Кольцо блокады

С 19 сентября официальное правительство Франции находилось в парижском заточении. Поэтому ход войны для его членов заключался в принятии мер обеспечения обороны столицы и стабилизации обстановки в ней. Этим, и только этим они занимались со дня вступления в должность. Оборона города, по словам Трошю, должна стать «нашей первоочередной задачей. Никто тогда не понимал, – признавал он, – на что способны провинции». В воззвании от 6 сентября, опубликованном в *Journal Officiel*, он утверждал, что «власти должны находиться там, где идут бои… Именно на Париж наступает сейчас армия вторжения, именно на Париже сосредоточены надежды страны». Это воззвание и определило курс правительства до самого окончания войны.

В утверждении о том, что Париж являлся главной целью, объектом, овладение которым должно было решить исход войны, есть своя логика. Стратегия – не вопрос геометрии, но политики, а политика, в свою очередь, – вопрос традиций и общественного мнения. Французские монархи так преуспели с централизацией власти в столице, что даже в XX веке ни одно правительство, лишенное инструментария управления и престижа, не было в состоянии удержать под контролем лояльность страны. С захватом Парижа немцами сопротивление им выразилось бы в спорадических акциях партизанских групп, не более того, и поддержка такого сопротивления в обществе непрерывно снижалась бы. Аргументы в пользу обороны Парижа исходили от подавляющего большинства, но вот доводы в пользу того, что правительство должно оставаться в столице и попытаться организовать национальную оборону из осажденного города, вообще не имели смысла. Ошибочно, однако, утверждать о «решении» правительства остаться в Париже: лишь горстка его членов рассматривала иные варианты, и когда в последний момент делегацию направили в провинции, то целью этой акции было скорее избавить ее пожилых членов от связанных с осадой тягот. Если судить задним числом, подобная позиция может показаться просто смехотворной, но следует принять во внимание не только самомнение, присущее даже нынешним политикам в Париже, но то, что этот «процветающий город» *(ville lumiere*), центр цивилизации и еще совсем недавно, в 1867 году, место проведения Всемирной выставки, во второй половине XIX века мог быть заключен в кольцо блокады, обстрелян и атакован подобно крепостям времен войн Людовика XIV. Здесь имелись фортификационные сооружения, велась подготовка к осаде, не было сомнений и в том, что у немцев хватит солдат для блокирования города, вот только сомнительно, чтобы по железным дорогам возможно было осуществлять бесперебойный войсковой подвоз для осаждавших. Но даже будь такая возможность, осада тем не менее представлялась просто немыслимой, как применение ядерного оружия в наши дни.

Осада Парижа

Подготовка к обороне города, в той или иной форме, продолжалась уже 50 лет. Наполеон 1 горько сожалел, что Париж не был укреплен, именно этому он и приписывал в значительной степени неудачи своих последних кампаний. «Если бы Париж ив 1814 году, ив 1815 году оставался крепостью, способной устоять перед натиском врага какие-то 8 дней, разве это не повлияло бы на ход событий в мире?» – вопрошал он. Были и другие, кто сумел извлечь из этого необходимые уроки, но ничто не предпринималось вплоть до 1840-х годов, когда ближневосточный кризис развязал войну в Европе впервые с 1815 года, позволил Тьеру, восторженному фанатику стратегии, оснастить Париж гигантским количеством фортификационных сооружений, что обошлось казне в 140 миллионов франков. Тогда город был окружен стеной высотой в 10 метров, снабженной 94 бастионами и вдобавок рвом в 3 метра шириной. Лишить противника возможности даже приблизиться к городу, что было обусловлено увеличением дальности артиллерийского огня, стало задачей еще 15 отдельных фортов. Западная часть города, где тройной изгиб Сены служит надежной защитой от вражеских атак, контролировалась с господствующей высоты Мон-Валерьен. Северная часть была защищена превращенной в бастион деревней Сен-Дени, связанной с Парижем двумя фортами поменьше, фортом Восточный и фортом Обервилье. На востоке группа фортов разместилась на высотах правого берега Марны – Роменвиль, Нуази, Рони и Ножан, а между Марной и Сеной расположился форт Шарантон. К югу от Сены находились еще 5 фортов – Иври, Бисетр, Монруж, Ванв и Исси, – в их задачу входило не допустить неприятеля к городской стене. Все верно – они свою задачу выполняли, но высоты Шатильона мешали обзору в южном направлении, имелось лишь одно полевое фортификационное сооружение – редут Шатильон. Периметр укреплений составлял более 60 километров, и для окружения столицы Франции противнику пришлось бы сосредоточить войска на позициях периметром приблизительно 80 километров – задача, практически неосуществимая даже в 1870 году, выполнить которую, вероятно, все же было под силу одной только громадной армии Мольтке.

Есть все основания предполагать, что подготовка к обороне Парижа отнюдь не являлась приоритетной задачей на момент внезапного начала войны, которую рассчитывали вести – и такое мнение превалировало как в народе, так и в правительстве – вообще не на территории Франции, а исключительно в Германии, однако известия о Шпихерне и Фрёшвийере потрясли правительство, вынудив его сменить приоритеты. Был срочно учрежден комитет из гражданских чиновников и военных, который обязали заняться связанными с укреплениями вопросами и президентом которого стал ветеран (родился в 1790 году) и единственный оставшийся в живых член первой комиссии 1840 года (и военный министр в 1854–1859 годах) маршал Вайян (Вальян). Получив кредит в размере 12 миллионов франков, он приступил к работе. Были сооружены дополнительные редуты, проложены дороги, вокруг города были созданы обширные преграды. В целях устранения помех для ведения огня кое-где были вырублены леса, снесены здания. Декоративные леса в Венсене, Мёдоне, Сен-Клу и Булони уберегла от вырубки лишь их величина. Все предполагаемые подъездные пути были заминированы – на них устанавливались мины с дистанционными электродетонаторами. Все карьеры и вырытые котлованы за пределами стены были нанесены на карты и в случае необходимости засыпаны. Въезды в город по железным и обычным дорогам перекрыты, а через Сену протянулись баррикады. С помощью военно-морского флота было собрано свыше 3000 единиц артиллерии, из которых приблизительно половину распределили по фортам, еще 800 установили в пределах стены, а оставшиеся вместе с конной тягой приберегли в резерве. Все арсеналы и пригодные мастерские города были переведены на производство артиллерийских снарядов. Мелкие заводы перепрофилировали для изготовления дульнозарядных винтовок, митральез, а также винтовок Шаспо[44]. Наконец, малочисленная, но боеспособная флотилия, первоначально предназначенная для операций на Рейне, была сосредоточена на Сене для обеспечения мобильной огневой мощи. К середине сентября город стал одной из наиболее сильно вооруженных крепостей, когда-либо существовавших в Европе.

К 4 сентября обеспечение всем необходимым города с его увеличившимся вследствие притока беженцев гарнизоном и населением было организовано достаточно умело. Были созданы запасы муки и зерна на срок, как ожидалось, до 80 дней, а на бойнях Буа-де-Булонь планировалось забить 40 000 голов крупного рогатого скота и 250 000 овец. Для размещения скота не хватало помещений, часть его приходилось забивать сразу, а мясо засаливать. Не хватало кормов для молочного скота – упущение, сильнее всего сказавшееся на парижских детях. Что касалось топлива, то согласно подсчетам газовых компаний на 22 августа запасов угля должно было хватить на 78 дней, и никто не ожидал, что осада продлится всю зиму. Бытовало расхожее мнение, что немцы атакуют столицу. Город смог отражать их атаки ценой огромных жертв в течение приблизительно месяца, а к тому времени в провинциях была бы сформирована вспомогательная армия, которая нанесла бы удар в тыл немцам и обратила бы их в бегство.

Численность войск достигала просто невероятных количеств. Во-первых, Паликао сформировал в Париже два новых корпуса, 13-й и 14-й. Назвать эти силы «регулярными» было бы явным преувеличением – соединения почти полностью состояли из необученных призывников или резервистов, давным-давно позабывших все, чему их когда-то учили в армии. 14-й корпус под командованием генерала Рено вообще никогда не покидал город, и его организация была поначалу настолько плоха, что в течение нескольких дней войскам не доставлялся провиант и солдаты толпились на парижских улицах, выклянчивая у прохожих еду или деньги. 13-й корпус генерала Винуа располагал всего двумя регулярными полками – 35-м и 42-м, ранее составлявшими римский гарнизон. Этот корпус, предназначенный для соединения с силами Мак-

[44] Было произведено 400 орудий, заряжающихся с казенной части, но всего 40 из них, пройдя необходимый контроль, были приняты военными на вооружение. Vinoy, Siege de Paris 287. Винтовок Шаспо в действительности так не производили до самого завершения осады, но зато это обеспечивало занятость рабочих. Рабочие оборонных предприятий почти не участвовали в мятежах, разгоравшихся в ходе осады. – *Авт.*

Магона, находился в Мезьере в день, когда Шалонская армия капитулировала в Седане. Винуа умело увел эти силы из-под носа немецкой кавалерии и вернул в столицу вместе с приблизительно 10 000 сбежавшими из армии Мак-Магона. Кроме того, в Париже находились около 3000 морских пехотинцев, не входивших в состав корпуса Лебрюна в Шалонской армии, и 8000 матросов, дисциплинированных и надежных военнослужащих. Силы регулярной армии и военно-морского флота насчитывали примерно 106 000 солдат и офицеров или даже чуть больше. Потом существовала еще и мобильная гвардия, и не только 18 батальонов, вернувшихся с Трошю из Шалона, а еще 100 000 человек, призванных в провинциях на оборону столицы. Главным принципом стратегии Трошю, вероятно, на самом деле было сосредоточение максимально крупных сил в Париже. По этому вопросу они с Паликао принципиально расходились, военные настаивали на отправке 13-го корпуса для соединения с Мак-Магоном, а теперь в числе коллег Паликао были одни только гражданские лица, настроенные куда радикальнее, чем он сам. И теперь каждый железнодорожный состав из провинции доставлял очередную толпу солдат мобильной гвардии и *sapeurs pompiers*, бойцов деревенских пожарных команд из глубинки Центральной Франции или из региона нагорий (центрального массива) Оверни. Прибывшие слонялись по парижским бульварам в своих совершенно немыслимых шлемах, неразборчиво лопоча на диалектах. В самый последний момент их снова собрали и отправили к себе домой, в родные деревни, причем столь же внезапно, как и доставили в город.

Падение Второй империи и их возвращение в Париж никак не изменило разнузданную недисциплинированность членов мобильной гвардии из департаментов бассейна Сены. Действительно, возобновление контактов с истоками революции в Бельвиле и Фобур-Сент-Антуане лишь способствовало их неуправляемости. Они сыграли значительную роль в событиях 4 сентября: в их лагере в Сен-Море, где постоянно толклись их друзья и родственники, исключалось и подобие дисциплины, и их трогательная вера во врожденное превосходство свободных французов над дисциплинированными ордами прусского тирана возвышала их в собственных глазах, освобождая и от нудной и утомительной боевой подготовки. Ценность их как в военном, так и в политическом отношении была сомнительной, и они смотрели на своих соотечественников – армейских командиров – с более или менее глубоким недоверием, причем это недоверие было взаимным и вполне могло соперничать с отношением даже к вратам-пруссакам.

В дополнение к мобильной гвардии существовала и *Garde Sedentaire* — стационарная гвардия из Парижа: все эти гвардейцы были гражданами в возрасте от 25 до 35 лет численностью, по слухам, около 200 000 человек, вооруженными чем попало. Первоначальные установки о том, что членство должно быть ограничено избирателями, канули в вечность. Национальная гвардия больше не являлась буржуазным контрреволюционным ополчением: это были «парижане с оружием в руках», и правительство, скорее всего, временами задавалось вопросом: а против кого это оружие повернется в один прекрасный день? Наконец, существовала масса других волонтерских формирований, вооруженных и обмундированных на свое собственное усмотрение, с чем военное министерство пыталось с переменным успехом бороться. Был и *Legion des Volontaires de France* (легион добровольцев Франции), состоявший из изгнанников из Польши, *Les amis de France* («Друзья Франции»), организация бельгийских, итальянских и британских подданных в Париже, *Francs-tireurs de la Presse* («Вольные стрелки печати»), литературное объединение, созданное по инициативе писателя Гюстава Эмара, и бесчисленные группы провинциальных, пригородных и столичных партизан, «вольных стрелков» и карабинеров.

Этот разнородный контингент 14 сентября собрали для обозрения на Елисейских Полях, куда собрался приветствовать их почти весь Париж.

«Свыше миллиона человеческих существ [как писал впоследствии Трошю] – солдат и матросов, бойцов национальной гвардии и вооруженных представителей мирного населения, а также зрителей – тесными рядами встали вдоль главных улиц, простиравшихся от площади

Бастилии до Триумфальной арки через бульвары, площадь Согласия и Елисейские Поля! В каждом окне окружающих зданий, на балконах и террасах тут и там пестрели вывешенные флаги, патриотические лозунги и эмблемы. Все кругом кричали, размахивали руками, все это походило на светопреставление!»

«Никогда еще ни один генерал, – так Трошю и упомянул в своем дневном приказе и был отчасти прав, – не удостоился зрелища, которое я благодаря вам наблюдал. – И продолжал: – Порядок, спокойствие и преданность».

Таковы были силы в распоряжении Трошю. Как он предлагал их использовать? Пассивная оборона укреплений представляла собой сравнительно не самое трудное дело. Сами форты удерживались матросами, брошенными на их оборону, и оборонять эти форты они должны были ничуть не упорнее своих кораблей. Окружавшая Париж стена была поделена на девять секций, каждая с собственной артиллерией и саперными командами, и удерживалась силами стационарной гвардии. Мобильная гвардия обеспечивала резерв первой линии обороны, а два регулярных корпуса составляли резерв второй линии обороны. Но не слишком ли велик был столь огромный гарнизон, чтобы просто сидеть сложа руки в городских стенах? Может, все же следовало предпринять попытку задержать немецкое наступление, сразиться за плато Шатильон или даже за выдвинутые вперед бастионы, которые соорудил Лебёф? Может, следовало бы подумать об установлении коммуникаций в южном направлении? А как быть с кавалерией 13-го и 14-го корпусов? Все эти проблемы были решены, поскольку веру Трошю в то, что солдаты под его командованием смогут сразиться с немцами на поле битвы, не поколебало даже повторение событий 14 сентября. Большую часть конницы он направил к Луаре. Остальные войска должны были оставаться в укреплениях и дожидаться атаки немцев. Даже если бы немцы и пробили в этих стенах брешь, город обороняли бы улицу за улицей, и в этих боях ни недисциплинированность, ни отсутствие боевой подготовки французских солдат уже роли не играли бы. А если немцы не станут атаковать? В таком случае, как Трошю заявил Пикару, «осада станет героическим безумием, на которое мы отважимся ради спасения чести нации, когда все уже будет потеряно».

На подмогу Трошю прибыл один полезный союзник – вездесущий генерал Дюкро, успешно избежавший плена во время хаоса, сопутствовавшего эвакуации армии Мак-Маго-на из Седана в Германию. Трошю доверил ему командование дислоцированными в городе двумя корпусами регулярной армии, что было воспринято их прежними командующими как оскорбление. Винуа был на 10 лет старше Дюкро и не скрывал раздражения при каждом удобном случае, что еще сильнее усложняло структуру командования, и без того достаточно сложную. Дюкро и Трошю имели много общего. Оба задолго предвидели и пророчили катастрофу, и оба понимали тщетность операций, которые обязались провести. Но если Трошю ради того, чтобы избежать бессмысленного кровопролития, стремился свести операции к минимуму, удержавшись при этом между оказываемым на него политическим давлением и возможным национальным позором, и пытался вовлечь немцев в бессмысленное и гибельное плутание в лабиринте парижских улочек, то Дюкро, человек горячий, стремившийся отомстить немцам за все те невзгоды, через которые ему довелось пройти, был полон решимости атаковать их, даже балансируя при этом на грани человеческих возможностей. В частности, сдать без боя редут Шатильон, уверенно доминировавший над южными фортами Парижа, представлялось ему в военном отношении чистейшим безумием. В конце концов, если Трошю, несмотря на присущий ему фанатизм ревностного католика, с недовольством принял революцию как неизбежную участь Франции и принадлежал к военным, готовым обрушить карающий меч на чью угодно голову в защиту какого угодно режима, Дюкро был сторонником жесткого курса, человеком декабря (2 декабря 1851 года Луи Бонапарт, племянник Наполеона I и президент Франции, совершил госпереворот, а через год, 2 декабря 1852 года, провозгласил себя императором Наполеоном III), страсть которого к порядку бунтовала против левацких идей и устремлений.

Будучи во главе республиканского правительства, Трошю вынужден был проявлять сдержанность в отношении умеренных левых из уважения к их лидерам. Как мэр Парижа, он чувствовал себя обязанным предотвратить гражданскую войну, умеряя, насколько возможно, пыл левых экстремистов. Такого рода зигзаги претили ему. Если Трошю стремился оттянуть угрожавшую Парижу военную и политическую катастрофу, то Дюкро предпочитал очертя голову нестись ей навстречу, жаждя либо героической победы, либо почетного поражения. Но ни один из них и не мыслил сознательно сдаться на милость угрожавшему нации противнику ради избежания опасности, грозившей Франции изнутри. Политические раздоры носили локальный характер: Дюкро, Трошю, Рошфор и Делеклюз искренне стремились к национальному единству, способному отбросить наступавшего на Париж с востока и северо-востока врага.

Мольтке издал приказы на окружение Парижа из Шато-Тьерри 15 сентября, а 17 сентября обе немецкие армии приступили к окружению. Кронпринц Саксонии, не встретив сопротивления, сосредоточил силы против северных фортов Парижа, составив таким образом северную часть клещей, грозивших городу, а вот для кронпринца Пруссии окружение столицы Франции с юго-востока обернулось серьезными проблемами. 17 сентября его авангард, двигавшийся на запад к Сене, у Вильнёв-Сен-Жоржа вынужден был вступить в бой с крупными силами 13-го корпуса Винуа, который в последнюю минуту все же выступил с целью захвата складских припасов, и немцы встретили маневр французов интенсивным артиллерийским огнем. На следующий день, в то время как кавалерия выдвинулась на разведку к Версалю – мэр которого, исходивший из соображений сохранить лицо и в то же время не утратить здравомыслие, не желал сдавать город, разве что значительно превосходящему по численности врагу, – прусские пехотинцы оказались втянуты в эпизодические, но достаточно неприятные перестрелки с французскими заставами к югу от города, а 19 сентября – и в самое настоящее масштабное сражение. Дюкро убедил Трошю, что необходимо хотя бы попытаться защитить высоты Шатильон, и направил 14-й корпус на участок между Мёдоном и Шатильоном, поставив ему задачу обороняться всеми имеющимися средствами. Линия их застав, угрожавшая направлению наступления немцев от Сены на Версаль, все же позволила врагу спокойно пройти мимо, и подобного Дюкро уже не мог перенести. С неуверенного одобрения Трошю он ранним утром 19 сентября отправил своих солдат в наступление на дорогу на Версаль. Дюкро рассчитывал, что эта порученная им локальная операция им под силу, однако ошибся. Французские войска были слишком неопытны, для успешного развертывания им недоставало офицеров; они наступали на юг в густом тумане сплоченными колоннами, представлявшими собой отличную цель для немецкой артиллерии. Артиллерийский огонь остановил их, правое крыло рухнуло и через леса устремилось к Мёдону, оглашая пригород воплями «Нас предали!». Остальные части корпуса бросились кто куда, и Дюкро сумел собрать лишь горстку частей и батарей, чтобы все же попытаться устоять за стенами редута

Шатильон, усилить то, над чем всю минувшую ночь трудились саперы. Но даже эту позицию оказалось практически невозможно оборонять: вода сюда поступала из укреплений у Шуази-ле-Руа, а солдаты Дюкро в панике, которая всегда сопутствует отступлению, привели в негодность все установки днем ранее, чтобы они не достались немцам. Дюкро во второй половине дня оставил позиции, и его гарнизон последовал за остатками армии вниз по склонам к Парижу, оставляя за собой обильные трофеи для немцев – снаряжение, оружие и т. д. К вечеру немецкие дозоры заняли весь край плато и с удивлением взирали вниз на море домов у своих ног: Париж, король Европы, современный Вавилон, по-видимому, все-таки был у них в руках.

Так началась осада Парижа. 17 сентября немцы перерезали железную дорогу на Орлеан, а 20 сентября конные дозоры обеих немецких армий соединились под Сен-Жермен-ан-Ле, блокировав последний путь на запад. Отныне для связи с внешним миром город зависел от двух не совсем привычных каналов. Во-первых – от реки. С соблюдением всех мер секретности по дну Сены проложили кабель. О его существовании знали лишь несколько членов правительства

и чиновники *Postes et Telegraphes.* До 23 сентября кабелем не пользовались, затем он функционировал без перебоев всего сутки. На следующий день он оказался серьезно поврежден, а 27 сентября немцы подняли его из-под воды, но, так и не сумев расшифровать перехваченные телеграммы, просто-напросто перерубили его. Другой остроумный замысел – отправлять сообщения по воде Сены в полых цинковых шарах, которые адресат улавливал с помощью сетей, – также не удался. Его стали использовать практически лишь в начале зимы, но сети были почти сразу же унесены плавучими льдинами. Парижане, таким образом, впали в полную зависимость от еще одного весьма оригинального проекта – от воздушных шаров.

Воздушные шары на войне уже не были в диковинку. В ходе революционных войн Комитет общественной безопасности, продемонстрировавший недюжинную находчивость при постановке науки на службу военной машине, стал достойным подражания прецедентом для правительства национальной обороны, который вовсю их использовал как для наблюдения, так и для связи. Однако Наполеон I отнесся к ним с полнейшим равнодушием, и вскоре их перестали использовать в армиях Европы. Но к 1870 году с появлением получаемого из каменного угля газа воздушные шары стали более доступным средством, чем за 80 лет до описываемых событий, и в первые годы войны энтузиаст-изобретатель М. Годар сумел обратить на это внимание Военного министерства. Лебёф почти не удостоил их внимания, а Паликао, напротив, заинтересовался. После экспериментов с привязными аэростатами один решительно настроенный воздухоплаватель из Монмартра, поднявшись 23 сентября на высоту в 3000 метров над кольцом окружения, три часа спустя благополучно приземлился на расстоянии 105 километров в районе Эвре. После еще трех экспериментальных полетов с Годаром был заключен контракт об использовании его аэростатов, в первую очередь для отправки почты. Обратные же послания доставлялись почтовыми голубями. 26 сентября заработала регулярная почтовая служба, аэростаты отправлялись два-три раза в неделю. В целях облегчения тиражирования внутренних сообщений использовали фотографию. Все предназначенные для отправки почтовыми голубями сообщения в централизованном порядке собирались в Туре, там перепечатывались колонками, как газеты, и уменьшались до микроскопических размеров. Почтовые переводы обрабатывались таким же образом, как *Moniteur Universel*, и в результате 30 000 сообщений можно было отправить с помощью одного-единственного голубя. Что касается внешних сообщений, то их общим весом в 10 675 килограммов отправили из Парижа на 65 аэростатах. Кроме того, воздушным путем было отправлено 164 пассажира, 381 почтовый голубь и 5 собак. Однако подобный способ был ненадежен. Голуби терялись, а вместе с ними тысячи сообщений. Аэростаты ветер отгонял к морю или же они оказывались в руках немцев с массой ценных сведений о боевом духе парижан. Но в целом город сохранял достаточно устойчивый контакт с внешним миром, и этот контакт в немалой степени способствовал тому, что парижане, после того как улегся первый шок, не впали в отчаяние.

Париж был первым крупным городским сообществом, испытавшим на себе вызванные войной лишения: нормирование провианта, полную и всеобщую регламентацию жизни, что предстояло пережить в XX веке очень многим столицам и городам Европы. Эти тяготы из месяца в месяц становились все более ощутимыми по мере сокращения продовольственных и топливных норм. Правительство почти не принимало мер по регулированию потребления. Зерно было реквизировано, и забой рогатого скота был поставлен под контроль, а в начале октября было введено нормирование мяса. Но продажа хлеба, хотя его качество ухудшилось, оставалась ненормированной до самых последних недель осады. Цены на все продовольственные товары быстро росли, так что городская беднота оказалась перед угрозой голодной смерти. Стада крупного рогатого скота и овец, пасущихся в Буа-де-Булонь, таяли, как сугробы летом, и правительство стало агитировать за конину, чтобы уложиться в рацион. Нет сомнений в том, что предусмотрительные парижане увеличивали запасы продуктов до введения нормирования продовольствия, а дорогие рестораны по-прежнему предлагали то, что и в мирные вре-

мена. Крысы и кошки подавались в качестве блюд в богатых заведениях, скорее *par bravade de dilettantisme*, в меню самых знаменитых ресторанов фигурировали блюда из мяса животных из *Jardin d'Acclimatation* — зебры, яка, слонов, верблюдов, – отправленных на убой, что скорее диктовалось соображениями привлечь к себе в заведения оригиналов, но никак не насущной необходимостью. Но для большей части населения отдельные продукты вследствие высоких цен были не по карману. Свежие овощи и молоко исчезли, мясники вовсю сбывали в бедных кварталах кошатину и собачатину. Очередь, этот повсеместный символ тотальной войны, стала неотъемлемой частью парижской жизни. Городские помещения не отапливались по причине острой нехватки топлива, улицы не освещались из-за экономии газа, и все сильнее и сильнее ощущался голод. Романтичный энтузиазм первых недель, когда все расхаживали в пошитой своими руками форме добровольцев с винтовками, шумно демонстрируя патриотизм в театрах и кафе, постепенно сошел на нет. Кафе понемногу закрывались из-за введенных правительством ограничений, и население только и думало о том, где и каким образом раздобыть поесть, чтобы не умереть от истощения.

В армии нехватка еды не ощущалась столь остро. Армейская карточная система функционировала отдельно от гражданской, и достаточно неплохо. Национальная гвардия получала неплохие пайки от правительства, кроме того, еда предоставлялась и безработным. Но, как это всегда бывает, сильнее всего от нехватки продуктов питания страдали женщины из нижних социальных прослоек: именно они стояли в многочасовых очередях у продовольственных магазинов, именно они воровали молоко для детей, именно они соглашались на любую работу, лишь бы прокормить семью, ибо мужчины не всегда об этом заботились. Число уголовных дел по обвинению в воровстве, грабежах непрерывно росло, а к концу года многочисленные толпы сносили деревянные ограды, спиливали деревья, столбы – одним словом, все, что можно было сунуть в печку для растопки, и полиция не предпринимала ничего, чтобы остановить их. Гнев парижан против захватчиков смешивался с мрачным гневом на собственных правителей, и вряд ли этот гнев улетучился бы тотчас же после заключения мира.

Как правительство, состоявшее в основном из доктринеров-либералов, справлялось с ситуацией, требовавшей в значительной степени государственного контроля? Их беспомощность перед лицом требований, удовлетворить которые было выше их сил и способностей, пробуждала в населении недовольство, а в стане левых просто ярость. Атаки прессы не прекращались, они пестрели постоянно повторяемыми требованиями прибегнуть к методам и средствам Коммуны, как панацее от всех бед, учредить Комитет общественной безопасности. Распространялись совершенно невероятные слухи – то о плененном немецком флоте, то о заговоре с целью всеобщей безоговорочной капитуляции, то об антивоенных демонстрациях в Берлине. Сведения военного характера свободно публиковались, и немцы без труда узнавали о всех намерениях и планах противника. Эрнест Пикар, один из наиболее реалистично настроенных членов правительства, открыто потребовал закрытия всех газет на период осады. Жюль Фавр яростно против этого протестовал, но к концу ноября, по собственному признанию Фавра, газеты едва ли не парализовали деятельность правительства. Но все же правительство не приняло никаких ограничительных мер, отчасти из страха политических последствий, но в основном из нежелания уподобиться недоброй памяти Второй империи. Араго, Ферри, Симон и их единомышленники были фанатичными защитниками идеалов свободы слова и «нации с оружием в руках». И теперь воплощали эти идеалы в жизнь, сознавая при этом, что в условиях вовлеченности в вооруженный конфликт отвлеченные понятия их либерализма не срабатывали.

Трудности политического характера, с которыми приходилось сталкиваться правительству, лишь усугублялись отсутствием всяких надежд на улучшения в ходе войны. Троило, как мы убедились, полагал, что город можно защитить лишь в том случае, если немцы, поддавшись безрассудству, предпримут наступление. Уже по прошествии нескольких дней после начала осады стало ясно, что Мольтке ничего подобного предпринимать не собирался. Его войска

сосредоточились у города исключительно с целью осады. На правом берегу Сены 4-й корпус занял участок от Круаси до Пьерефита как раз напротив орудий Сен-Дени. Слева (восточнее) от них гвардейский корпус на всякий случай удерживал Ле-Бурже, этот не очень надежный опорный пункт, остальные силы гвардейцев расположились в тылу на расстоянии примерно 1,5 километра. Саксонский 12-й корпус занял позиции между Оне и Марной, вюртембергская дивизия – на южном берегу Марны до излучины Сен-Мор, а 1-й Баварский корпус продолжил линию блокады до Сены в Шуази-ле-Руа. Позже на участок между Шуази и Бьевром прибыл 6-й корпус. 2-й Баварский корпус развернулся на плато Шатильон, далее к западу 11-й корпус, а 5-й корпус осуществлял прикрытие Версаля, штаба 3-й армии и, после 5 октября, ставки самого короля. Большинство деревень в оккупированных районах опустели – жители предпочли покинуть дома и направились в осажденную столицу, и так уже страдавшую от переполнения, так что у немцев не было сложностей с расквартированием. Немцы решили всерьез и надолго осесть на своих позициях, укрепляя их ничуть не слабее, чем французы свои неприступные бастионы. Районы севернее Парижа были затоплены вследствие разрушения близлежащих каналов. Деревни были укреплены и связаны ходами сообщения. Леса и сады, украшавшие пригороды у

Сены вокруг Буживаля, Мальмезона и Сен-Клу, были стерты с лица земли 5-м корпусом под командованием генерал-майора фон Зандрарта с тщательностью, закрепившей за этим корпусом прусской армии сомнительную славу «Декоративного объединения Зандрарт». Немногие окрестные виллы избежали разрушения дотла или перестройки в малые бастионы. Дворец в Сен-Клу, удобно расположившийся на обрыве над Сеной, служил идеальным наблюдательным пунктом до 13 октября, пока не был разрушен орудиями форта Мон-Валерьен. Повсюду линия обороны немцев состояла лишь из среднеукрепленных аванпостов, в тылу которых располагались сильно защищенные населенные пункты, – многочисленные эшелонированные в глубину артиллерийские батареи, а в глубоком тылу, в особенности южнее и западнее, сновали кавалерийские подразделения, патрулировавшие уже и более отдаленные центральные районы Франции в целях расширения подлежавших реквизициям регионов и заодно зачистки их от «вольных стрелков» и воспрепятствования формированию любого рода освободительных ополчений французов. Надежно обосновавшись вокруг Парижа, Мольтке предложил просто терпеливо дожидаться капитуляции, тем временем посылая в Германию запросы о присылке тяжелой осадной артиллерии на случай, если вдруг придется вразумлять парижан.

Но французы не давали немцам возможности спокойно проводить работы по укреплению кольца окружения. Их тяжелая артиллерия регулярно открывала огонь, правда, скорее для повышения боевого духа осажденных, нежели для нанесения урона осаждавшим, и немецкие войска вскоре не без презрения могли судить о возможностях орудий противника, что неизбежно в условиях позиционной войны. И между аванпостами обеих армий быстро завязались дружеские отношения. Немецкие часовые сквозь пальцы взирали на то, как француженки рылись на полях в поисках картофеля, были даже установлены часы для посещения расположенных между позициями лавок и пекарен таким образом, чтобы пруссаки и французы не мешали друг другу, и вообще между прусской и французской армиями установились взаимоотношения, на которые немецкий Генштаб махнул рукой. Так, немецкие солдаты из боевого охранения меняли пайки на сведения, коньяк и газеты. В Севре была установлена и почтовая связь для официального ведения переговоров или передачи сведений нейтральными сторонами. Сигнал горниста с французского или немецкого берега означал перемирие. Затем для устных переговоров наделенные полномочиями офицеры пробирались через баррикады каждый со своего конца моста и встречались у его центра. Для более основательных переговоров или для перемещения граждан нейтральных стран в Париж или из Парижа французы выделяли лодку, что тоже было не всегда безопасно, ибо кто-нибудь из не очень дисциплинированных или не очень хорошо информированных солдат (как немецких, так и французских) мог сго-

ряча и пальнуть из винтовки, так что поездка с берега на берег уподоблялась кое для кого переправе через Стикс. Через этот крайне ненадежный канал и осуществлялась связь официального правительства Франции с внешним миром.

Среди первых, кто 1 октября доверился этому «Стигийскому проходу», были двое американских офицеров, генерал Бернсайд, герой сражения при Фредериксберге 1862 года, и полковник Форбс. Официально они прибыли в статусе независимых нейтральных наблюдателей. Их интересовала исключительно техническая сторона осады, и Трошю велел провезти их по всему периметру кольца блокады и осмотреть наиболее мощные укрепления. На самом же деле и Бисмарк, и сам Фавр были отнюдь не против использовать прибывших с визитом двух старших офицеров американской армии для того, чтобы попытаться выйти из политического тупика, но так и не смогли избавиться от пут переговоров в Ферьере. Обе стороны признавали, что необходимо перемирие, именно оно и дало бы возможность собрать делегацию для заключения мира. Но французы настаивали на том, чтобы такое перемирие продлилось две недели и дало бы возможность осажденным парижанам пополнить запасы. Мольтке был категорически против. Все, что удалось достичь в ходе визита двух американцев, – это некоторое взаимное прояснение настроений обеих воюющих сторон. Немцам они разъяснили, что французы пока что не готовы купить мир за счет территориальных уступок. Сам Фавр примирился с потерей Эльзаса, но никогда не согласился бы в нагрузку сдать еще и Париж. Что же касалось Троило, американцы ясно дали понять, что, по их мнению, ему нечего было и надеяться на укрепления: Бисмарк рассчитывал на бунты населения города, которые, собственно, и выполнили бы всю главную работу за него, и, вероятно, был прав. На это Трошю только и мог ответить, что голод будет необходим, чтобы вынудить к капитуляции или же вызвать бунт, но ни одной из сторон не следовало тешить себя иллюзиями, что осады, как она ни изнурительна, все равно не избежать и завершить ее раньше срока тоже не удастся.

План Трошю

Перед лицом очевидного нежелания немцев атаковать Париж Трошю вынужден был пересмотреть свои планы. У него имелось в распоряжении 400 000 человек, вооруженность их постоянно усиливалась благодаря бесперебойной работе оружейных заводов и мастерских. Им предстояло выступить против 236 000 немцев, рассредоточенных тонкой полосой по кольцу длиной в 80 километров. Правда, свыше четверти этих сил составляла национальная гвардия, и гвардейцы компенсировали недостаток боевой подготовки и опыта задором и боевым духом, или, по крайней мере, так считалось. Они со всей ответственностью отдавали себя занятиям по боевой подготовке, проводившимся даже в темное время суток при скупом свете газовых фонарей, и буквально рвались в бой. Однако к этому Трошю был пока что не готов – даже без гвардейцев у него было достаточно сил для нанесения сокрушительного удара по растянутым вокруг города корпусам и дивизиям немцев. Но что бы это ему дало? Трошю не привязал оборону Парижа к какому-то генеральному плану ведения войны. Измотать немцев не входило в общую стратегию войны на изнурение противника, провоцируя тем самым политическое недовольство за Рейном, которое вынудило бы их без промедления заключить мир на благоприятных для французов условиях. «Я понятия не имел, – признавал он впоследствии, – ни о стратегии, ни о тактике. Передо мной не стояло цели, кроме разве что одной-единственной – вовлечь немцев в еще одну Сарагосу[45]. И если немцы упорствовали, не желая оказаться вовлеченными в подобную авантюру, то как Трошю мог форсировать события?

При отсутствии атаки немцев подстегиваемые агитаторами из прессы и политических клубов французские командующие предприняли одну-две локальные наступательные операции. Дюкро после того, что произошло в Шатильоне, оценивал боеспособность войск еще ниже, чем Трошю, и тщетно просился отправиться из Парижа на воздушном шаре с целью организации сил сопротивления в провинциях. Винуа был настроен более оптимистично: его 13-й корпус имел все, что еще оставалось от регулярной армии, и не желал видеть их в растерянности от осознания небоеспособное™ своих товарищей по оружию. Поэтому Трошю 30 сентября разрешил ему приступить к выполнению самой бессмысленной из всех военных операций – провести «разведку боем» на левом берегу Сены. С 20 000 солдат, под прикрытием орудий фортов Бисетр и Иври, он штурмовал селения Л'Э, Шевийи и Тье, в результате чего понес колоссальные потери. Две недели спустя Трошю предпринял еще одно локальное наступление, чуть успешнее первого. Предпринятое Мольтке перестроение сил 3-й армии для высвобождения сил фон дер Танна и направления их на Орлеан, по мнению Трошю, указывало на сосредоточение войск для атаки Парижа, во что Трошю еще продолжал верить. И 13 октября, намереваясь помешать этим предполагаемым приготовлениям, Винуа было приказано предпринять еще одну разведку боем в южном направлении – на сей раз ударить по населенным пунктам Кламар, Шатильон и Баньё, располагавшимся на передних склонах плато Вилакубле и поэтому уязвимым для артиллерийского обстрела орудий южных фортов. Позиции были заняты частями 2-го Баварского корпуса, оказавшими не столь ожесточенное сопротивление в сравнении с пруссаками. Французы успели извлечь определенные тактические уроки. Теперь они продвигались осторожнее, полагаясь в большей степени на огневое прикрытие, и успешно оттеснили баварцев из застав в Кламаре, Баньё, но не сумели выбить из Шатильона. Там они были вне досягаемости вражеских орудий, и батареи, выдвинутые баварцами на край плато для обстрела оттуда французов, также были накрыты огнем тяжелых орудий фортов. И довольные французы во второй половине дня отошли. Они лишь нанесли точечный укол у края немецкой линии обороны, ни о каком наступлении вдоль края плато не было и речи, однако результаты

[45] В 1808 и 1809 гг. Сарагоса прославилась героической обороной от осаждавших город французов. – *Ред.*

операции – примерно 400 убитых и раненых с обеих сторон и еще 200 солдат противника, взятых в плен и торжественно препровожденных в Париж, – все это внушало французам, и не без оснований, мысль об их превосходстве над врагом.

Одержанный успех лишь способствовал обоснованности требований национальной гвардии о ее немедленном боевом применении. Проведение лишь операций по патрулированию, которыми упомянутое боевое применение гвардейцев и ограничивалось, никак не соответствовало «молниеносным операциям» в тылу врага, на проведении которых так настаивала левая пресса. И при этом Дюкро никак не мог примириться с ожиданием атак немцев, которые, как стало окончательно ясно, в ближайшее время так и не состоятся. Национальную гвардию можно было считать бесполезной, но ведь в Париже оставались вполне боеспособные части, и Дюкро впервые стал рассматривать операции в аспекте ведения национальной войны в целом. Прорыв можно считать бессмысленным, если он не приведет к продолжению операций вместе со свежими силами, которые делегация формировала на Луаре; таким образом, если предпринимать попытку прорыва, то лишь в том случае, если его направление предполагало бы соединение с силами Гамбетты. Немецкая линия обороны к югу от города представлялась неприступной, но западнее Парижа обстановка обнадеживала. На первый взгляд тройной изгиб Сены весьма походил на непреодолимое препятствие, и все же именно поэтому немецкая линия обороны на данном участке, на стыке двух армий, была намного слабее. И для группировки численностью около 40 000 человек, под прикрытием орудий Мон-Валерьена и флотилии Сены, было бы вполне возможно пробиться через излучину Сены к Аржантёю, с боем пройти к плато Саннуа и затем, с левым флангом, защищенным Сеной, наступать на Руан и там, в Нормандии и Бретани, создать опорный пункт, прочно связанный морем с Луар-ской армией. Возражения были очевидны, но их было бы не больше, чем в отношении любого другого рассматриваемого плана действий. Это все же, как уныло заметил впоследствии Трошю, был план. Трошю, Дюкро и их ближайшее окружение в условиях строжайшей секретности приступили к его разработке. Однако, как оказалось, пресловутая секретность была отнюдь не строжайшей, ибо слухи о «плане Трошю» просочились на парижские бульвары и в кафешантаны.

Перед тем как предпринять попытку прорыва, Дюкро решил, что необходимо осуществить локальную операцию на выбранном для удара участке – ради проверки обороны немцев, а также ради гарантированной возможности воспользоваться плацдармом и ради укрепления и повышения боевого духа французских войск. Предстояло атаковать хорошо подготовленные позиции, речь не шла о крупномаштабной операции, поэтому и ожидать от нее слишком многого не приходилось. Подобных атак будет еще очень много 45 лет спустя в траншеях Фландрии и Северной Франции. Три колонны солдат, численностью в общей сложности чуть больше 8000 человек, 120 полевых орудий, провели 21 октября на садах и огородах в излучине Сены у Женвилье к юго-западу от Мон-Валерьена напротив длинного взгорья между Сен-Клу и Бужи-валем, где немцы разместили передовые позиции. И вновь они не сумели продвинуться дальше прусских застав, впрочем, поскольку на этом участке линия обороны пруссаков была достаточно мощной и сильно эшелонированной в глубину, было бы мало толку от того, даже если французы и сумели бы пробиться дальше. Авангард их колонн миновал парк в Мальмезоне, овладел Бузенвалем и проложил себе путь через леса к восточному склону оврага Кукуфа. Но на западном склоне и на гребне за Бузенвалем основные позиции пруссаков за баррикадами так и остались неприступными, что тяжело отразилось на тыловых колоннах французов, вынужденных остановиться в чистом поле. При столкновении с подобной обороной численное превосходство французов уже роли не играло, и наступательный порыв был исчерпан, когда подтянулись резервы пруссаков и снова стали оттеснять французов. Спустились ранние сумерки, и французы под их прикрытием ушли, оставив на поле боя 500 человек ранеными и убитыми, кроме того, 120 человек попало в плен. Операция никак не ослабила оборону немцев, но Дюкро был весьма удовлетворен таким исходом. Такую операцию нельзя было отнести

к категории просто неудачных, ибо она изначально не была нацелена на успех, а его войска, даже мобильная гвардия, умело маневрировали, мужественно, если не героически, сражались и смогли устоять под огнем неприятеля. Таким образом, операцию эту можно было считать залогом успеха «плана».

Акция была запланирована на третью неделю ноября. Как выяснилось, Дюкро не чувствовал себя готовым даже к этому сроку, но неизбежные недели ожидания были явно не по душе нетерпеливому Бельвилю и другим районам Парижа. Период становления национальной обороны быстро завершился, прежние опасения, военные и политические, вновь выдвинулись на первый план, и последовавшие в конце октября сразу три события положили конец шаткому перемирию между республиканцами и революционерами, пробудив в стране дух гражданской войны и вырвав Париж из спячки.

Деревня Сен-Дени была укреплена настолько сильно, что ее можно было считать чуть ли не крепостью, отдельным самостоятельным бастионом, прикрывавшим все подходы к городу с севера. Командовал ею генерал Карре де Бельмар, способный, энергичный и амбициозный военный регулярных войск, который не выносил и того, что вынужден подчиняться Трошю, и демонстративной бездеятельности последнего. Под его командой находилось одно из самых воинственных и беспокойных нерегулярных формирований города, «вольные стрелки прессы». В ночь на 27 октября это подразделение провело разведку боем у своих позиций, дойдя до деревни Ле-Бурже, которую аванпост прусской гвардии удерживал в досадной изоляции. Захваченные врасплох пруссаки отступили. «Вольные стрелки», вызвав подкрепление, заняли деревню, Бельмар верхом отправился в

Париж сообщить восхищенному населению и изумленному Трошю о потрясающей победе французского оружия – первой с начала осады, если не с начала войны. Он затребовал подкрепление, артиллерию и – по данным Трошю – немедленного содействия. Трошю отказался. Захваченные позиции не представляли ценности, они не выдержали бы артобстрела немцев, и штабисты с мрачным здравомыслием искушенных в траншейной войне предупредили Бельмара, что такая операция «просто удлинит список погибших». Что любопытно, немцы придерживались того же мнения. Сама гвардия пруссаков так и доложила командующему армией, что, мол, позиции, простреливаемые и контролируемые из форта французов, едва ли стоило возвращать, и когда кронпринц Саксонии распорядился о том, чтобы отбить их у французов, в ставке Мольтке не скрывали дурных предчувствий. Немецкие войска, уютно устроившиеся на квартирах и рассчитывавшие уже к Рождеству вернуться домой, утратили боевой пыл летнего периода. Конец войны был теперь лишь вопросом времени, и они стремились дожить до него. Но, как бы то ни было, ранним утром 30 октября после целого дня артиллерийского обстрела прусские гвардейцы контратаковали, и эта атака стала хоть и небольшим, но все же вкладом в военную науку, заставившим теоретиков впервые призадуматься над проблемами пехоты, наступающей на вражеские позиции, обороняемые стрелками, ведущими огонь из заряжавшихся с казенной части винтовок, как и над тщательной подготовкой такого рода наступательных операций. Поротные колонны, пытающиеся прорваться через линию стрелков, должны были наступать в рассыпанном, а не сомкнутом строе, использовать для прикрытия все возможности рельефа местности, не позволять врагу превратить себя в легкие мишени и оказывать друг другу огневую поддержку – тактика, которой британской армии предстояло дорогой ценой овладеть в ходе Англо-бурской войны 1899–1902 годов, 30 лет спустя, и которую немецкая и французская армии напрочь позабыли к 1914 году. Продвижение расчлененным (рассыпным) строем без прикрытия позволило пруссакам продвигаться по открытой местности и, невзирая на огонь винтовок Шаспо засевших в деревнях французских стрелков, невзирая на артиллерийский огонь из фортов, охватить Ле-Бурже с обоих флангов и, продолжив

наступление уже на улицах, овладеть деревней и пленить 1200 солдат противника. Сами пруссаки при этом потеряли 500 солдат убитыми.

Некритичный оптимизм, с которым овладение Ле-Бурже было встречено в Париже, сменился шоком от его потери. Всю вину за это возложили на Трошю – мол, он так и не сумел подтянуть затребованное подкрепление, и Бельмар не предпринял ничего, чтобы эту версию развития событий опровергнуть. Но падение Ле-Бурже было лишь одной из причин того, что смятение парижан достигло кульминационной точки. Уже циркулировали слухи о том, что Базен якобы начал переговоры относительно сдачи Меца. О капитуляции сообщило по крайней мере одно периодическое издание левых 27 октября, изложив все обстоятельства и детали, а правительство принялось тут же убежденно отрицать этот факт как *infame etfausse* (бесчестное и лживое). Но 30 октября из безупречного источника прибыло подтверждение – от Адольфа Тьера, в тот день возвратившегося в Париж через Стигийский проход у Севра.

Попытки Тьера добиться помощи европейскх держав успехом не увенчались. Его принимали с уважением, любезно выслушивали, но никто не был готов к принятию мер. Русский царь Александр II использовал неудачи французов в своих интересах – для денонсации пунктов Парижского соглашения касательно Черного моря, что никакого понимания в стане республиканцев не вызывало. В Вене эхо залпов Седана развеяло последние надежды Фридриха Фердинанда фон Бейста на отмщение. Во Флоренции Виктор Эммануил обратил хаос в Европе себе на пользу, захватом Рима стремясь способствовать объединению Итальянского королевства, а у Англии, где единодушное восхищение, пробужденное возможной победой традиционного и близкого союзника (Пруссии) в борьбе с традиционным врагом (Францией) мало-помалу шло на спад, способствовав возникновению опасений по поводу новой угрозы равновесию сил в Европе, не было ни желания, ни военных возможностей для вмешательства. Лорд Гренвиль (министр иностранных дел Великобритании в 1870–1874 и 1880–1886 годах) предлагал услуги посредника для достижения перемирия между воюющими сторонами, и это предложение было единственным результатом длительного вояжа Тьера. Он возвратился в охваченную глубоким пессимизмом Францию, и впечатление от состояния Луарской армии, полученное им по пути из Тура, отнюдь не улучшало его настроения.

К прибытию в Версаль Тьер уже был убежден, что мир должен быть заключен на самых приемлемых из всех имевшихся благоприятных условий, и охотно взял бы на себя роль посредника в решении вопроса касательно переговоров о перемирии. Бисмарк обеспечил ему проезд в Париж для выяснения условий французов, и 30 октября Тьер повторно въехал в столицу, где проконсультировался с министрами правительства национальной обороны. Его рекомендации заключались в том, чтобы принять любые условия немцев, если они давали возможность проведения выборов, которые наделили бы правительство полномочиями для заключения мира. Трошю, в принципе, был на это согласен, но настаивал на двух оговорках: выборы должны распространиться и на угрожаемые области, на Эльзас и Лотарингию, и Парижу должна быть предоставлена возможность для самостоятельного пополнения запасов в период перемирия. Последняя оговорка, как понимал Тьер, ставила крест на любых переговорах, но правительство на ней зациклилось, и 31 октября Тьер возвратился отчитаться в Версаль. В то же утро *Journal Officiel* прозрачно намекнул на начало переговоров, объявил о потере Ле-Бурже и, наконец, официально подтвердил факт капитуляции 29 октября Меца и армии Базена.

Новости были хуже некуда и вполне могли стать фатальными для правительства. Стояло холодное мрачное утро, разительно отличавшееся от погожего воскресного, когда Париж свергнул Вторую империю. Делегаты от 20 округов встретились на площади Согласия, маршем прошли до Отель-де-Виль, чтобы объявить о низложении правительства и инаугурации Коммуны. Позор и тревога после публикации в *Journal Officiel* станом левых не ограничивались. Оказавшаяся расколотой национальная гвардия пребывала в сомнениях, и в толпе перед Отель-де-Виль, где совещались министры, скандировавшей призывы *Pa d'armistice!* и *La guerre*

a outrance! («Никакого перемирия!» и «Война до победного конца!»), тон задавали представители явно буржуазной прослойки. Экстремисты использовали в своих интересах беспорядок, чтобы ворваться в Отель-де-Виль. Стремясь успокоить разгоряченную толпу, министры согласились предоставить митинговавшим возможность, ту самую, на которой мэры округов настаивали вот уже несколько недель, а именно возможность проведения выборов в муниципальные органы, невзирая на обуявшие их дурные предчувствия, что присутствие левого большинства возымеет катастрофический эффект для провинций. Это была уже самая настоящая Коммуна, хоть таковой и не называлась. Затем подразделения национальной гвардии ворвались в зал, где заседали министры, чтобы объявить их арестованными, а правительство низложенным. Потом последовали многочасовые дебаты, перепалки, все, кто мог, изощрялись в красноречии, но к вечеру стало ясно, что восставшие понятия не имели, как быть дальше. Власть была уже у них в руках, но сама реальность, то есть происходившее в настоящий момент, привлекало куда меньше, чем перспективы. Настроение толпы менялось, и дружественно настроенный батальон национальной гвардии помог Трошю и еще нескольким министрам тайком покинуть здание.

Между тем Дюкро решил, что пора вмешаться и армии. Для военных настал момент показать, что они способны стать залогом безопасности и стабильности общественного строя. Дюкро при поддержке многочисленного войскового формирования прошел по Елисейским Полям, будучи готов для подавления восставших прибегнуть и к митральезам, и к артиллерии, чтобы выбить их из здания Отель-де-Виль, принудить к сдаче и расстрелять на месте наиболее ярых бунтовщиков. «Репрессивные меры возымели бы действие, – как позже высказывался он, – и все закончилось бы». Но у Лувра Дюкро наткнулся на Трошю, и хотя тот согласился, что решительные действия необходимы, все же настоял, чтобы они были предприняты не армией, а умеренно настроенными батальонами национальной гвардии под командованием Жюля Ферри, префекта департамента Сены. Прямая атака подвергла бы опасности жизни плененных министров, а Ферри, не прибегая к силе оружия, вступил бы в переговоры с восставшими, которые, осознав собственное бессилие и перемены настроений толпы, уже куда меньше тревожились бы по поводу революционности, мечтая скорее о том, как бы не теряя лица благополучно убраться подальше. Таким образом, когда к 4 часам утра 1 ноября Трошю и Дюкро самостоятельно добрались до Отель-де-Виль, они убедились, что все уже кончилось. Отчасти в результате договоренности, отчасти потому что потерявший терпение Ферри призвал на подмогу имевшиеся в его распоряжении силы, повстанцы бесследно исчезли, а министров освободили.

Теперь, именно теперь настала очередь правительства самоутвердиться. Бессилие радикально левых было очевидно, их предводители, как и солдаты национальной гвардии, в буквальном смысле отдали себя на суд военному трибуналу по обвинению в мятеже, и проведенный 3 ноября плебисцит показал, насколько мизерное число граждан поддержали левых – 557 976 голосов за правительство и всего 62 638 против. Результаты плебисцита – и результаты вскоре последовавших муниципальных выборов – послужили демонстративным приглашением министрам к подавлению бунта. При поддержке подавляющего большинства населения правительство брало на себя диктаторские полномочия, те самые, которые Гамбетта без колебаний принял на себя в Туре. Но подобное приглашение менее всего были склонны принять те, из кого состояло правительство национальной обороны Франции. Министрам потребовалось два дня на решение вопроса об аресте предводителей восставших 31 октября, и, когда те были арестованы, Анри Рошфор и префект полиции Эдмон Адам оба подали в отставку. События 31 октября ничего не решили. Политические клубы и пресса по-прежнему агитировали, политические разногласия по-прежнему искажали верную оценку роли национальной гвардии, и под давлением невзгод градус страха и ненависти в расколотом ими обществе, на какое-то время застывший в неподвижности перед лицом общего врага, с каждым днем поднимался.

События 31 октября подтвердили худшие опасения Адольфа Тьера. Он уехал из Парижа в состоянии сильного волнения и не пытался это волнение скрыть от Бисмарка, и тот, естественно, в полной мере воспользовался ситуацией, сулившей ему явную выгоду. Трудно предположить, что Тьера всерьез обеспокоил хаос в столице, подобного развития событий он как раз не исключал, зато они служили весьма благовидным предлогом для отказа от примиренческого отношения, которое он с великим трудом разыгрывал в ответ на нескрываемую враждебность Мольтке и прусского Генерального штаба.

5 ноября Тьер возвратился в Париж с прусскими условиями – перемирие, достаточное для созыва Национального собрания, но без возможности пополнения городом припасов до тех пор, пока в качестве компенсации за причиненный Пруссии вследствие войны урон не будут сданы форты. Трошю, понимая, что ситуация в городе еще недостаточно стабильна и для прибытия Тьера в Париж, и для отъезда его самого из Парижа, послал от своего имени Дюкро, и оба встретились с Фавром в нейтральной зоне, в опустевшем и полуразрушенном доме в Севре. Тьер снова призвал к принятию условий немцев: на провинции рассчитывать нечего, и дальнейшее упорствование приведет лишь к еще более жестким условиям мира. Фавр, в ушах которого не утихли призывы восставших, заявил, что Париж ни за что не примет подобных условий, а Дюкро добавил, что и не надо. Они обязаны, сказал он, продолжать борьбу, смыть позорное пятно Седана и Меца. Тьер вздохнул. «Генерал, – сказал он, – вы говорите как солдат. Это очень хорошо, но вы оперируете не политическими категориями». Но Дюкро продолжал утверждать, что сопротивление послужит и политическим целям – что пруссаки в конце концов тоже устанут и выдвинут более приемлемые условия. В общем, у Тьера на самом деле возникли те же проблемы с Дюкро, что и у Бисмарка с Мольтке. Оба солдата изъяснялись категориями воинской чести, настаивая на победе путем изнурения врага. Первая точка зрения противоречила понятию прочного мира, вторая возымела бы катастрофические последствия для него. Но фронтовики зачастую куда точнее политиков выражают господствующие в стране настроения, и в Париже в тот вечер министры единодушно одобрили мнение Дюкро. Трошю заявил, что их долг перед страной «если не обеспечить победу, то, по крайней мере отважно сражаясь и таким образом сохранив лицо, уступить», и правительство согласилось с этим болезненно «рыцарственным» заявлением. К этому ни Тьеру, ни Бисмарку нечего было добавить, и ситуацию вновь вернули к рассмотрению в чисто военном аспекте.

В условиях постоянных политических и дипломатических коллизий Трошю и Дюкро настойчиво продвигали свои планы операции. Еще очень многое предстояло сделать. Необходимо было не только разместить артиллерийские батареи, накопить боеприпасы и запастись пригодным для наведения мостов материалом, но и осуществить полную реорганизацию вооруженных сил. 100 000 человек, которым предстояло предпринять вылазку, были собраны в три корпуса под командованием Дюкро, 70 000 человек, в основном мобильная гвардия, составили вторую группировку сил под командованием Винуа, отвлекающую внимание противника, а сформированный из частей национальной гвардии корпус численностью около 130 000 человек выступал в роли гарнизона города. Все это, естественно, стало достоянием немцев и тех, кто против воли выступал в роли их принимающей стороны в местах расквартирования в пригородах Парижа. И те и другие с уверенностью ожидали вылазки в середине ноября. Дюкро рассчитывал выступить 15 ноября, но к тому времени приготовления не были еще завершены, и 14 ноября произошли два события, вынудившие Трошю пересмотреть весь план. Первое – внезапно поднялся уровень воды в Сене, что обусловило перенос операции. Второе – из Тура прибыл почтовый голубь, «голубь, возвратившийся на Ковчег», с известиями о победе д'Ореля де Паладина при Кульмье.

Новость о том, что в провинциях сформировали армии, способные сражаться, и не просто сражаться, но и побеждать, вызвали в Париже изумление и восхищение. Трошю сначала

вообще в такое не поверил: для него война начиналась и завершалась в Париже, где были сосредоточены единственные оставшиеся войска регулярной армии, что же касалось армии в Туре, если таковая еще существовала, она могла бы сыграть в лучшем случае чисто вспомогательную роль. Трошю уже направил Гамбетте сообщение с предложением сосредоточить войска в низовьях Сены с базой в Руане, забрать часть сил либо из войск Бурбаки на севере либо из Луарской армии. Кроме того, он дал порученцу, 11 октября вылетевшему из Парижа в Тур на воздушном шаре, краткое содержание своих планов вылазки, чтобы ввести в курс дела членов делегации. Сообщение было передано, но Гамбетта был явно не в восторге от этого плана. По совету Бурбаки он отклонил возможность проведения операций в низовьях Сены и запланировал просто наступление на север из Орлеана. Вслед за сообщением о победе при Кульмье он направил в Париж еще одно, прибывшее в столицу 18 ноября, перечислив в нем позиции, занятые им к северу от Орлеана, и предложив Трошю тоже принять участие в операции, перейдя в наступление в южном направлении. Но Гамбетта соглашался и с тем, чтобы Трошю продолжил бы прорыв в западном направлении: «предприняв энергичную попытку прорыва к Нормандии, что позволило бы Вам вывести из Парижа, до настоящего времени неприступного, 200 000 человек, без которых его оборона возможна и которые на поле битвы послужат сдерживающим противовесом силам, которые принц Фридрих Карл подтягивает из Меца».

Таким образом, в намерениях Гамбетты не было ничего такого, что обязывало бы находившиеся в Париже войска отказаться от первоначальных планов, но одни только причины в чистом виде не всегда играют роль при формулировании военной стратегии. Парижская печать, опьяненная новостями о Кульмье, вопила все сильнее: «Они идут к нам – мы к ним!» *(Ils viennent a nous: allons a eux!)* В воздухе витала безумная надежда, что вот-вот свершится чудо, что «стремительное наступление» *{sortie torrentielle)* осуществимо, что, прорвавшись через прусское крыло, можно будет соединиться с силами д'Ореля де Паладина в лесу Фонтенбло. Трошю, объективно оценивавший успех при Кульмье, не разделял эти взгляды, но остальные министры разделяли. 19 ноября правительство решило приостановить приготовления к прорыву вдоль течения Сены и вместо этого наступать в южном направлении, соединиться с Гамбеттой, и на следующий день это решение передали изумленному и возмущенному Дюкро.

Разочарование Дюкро, именно так он позже в весьма сдержанных тонах охарактеризует свое состояние, «ничуть не уступало замешательству». Поставленная ему задача была абсурдна, она говорила яснее всяких слов и о профессионализме его штабистов, и об энтузиазме парижан. Вот только осуществимость ее вызывала сомнение. По улицам Парижа предстояло провезти 400 тяжелых орудий, 54 понтонных моста, пропустить приблизительно 80 000 солдат вместе с их полевой артиллерией, транспортом и обозами. Эти силы необходимо было перестроить в боевой порядок для атаки немцев на одном из самых сильно укрепленных участков всего кольца окружения. Единственное место, где Дюкро рассчитывал на успех или, скорее, на *вероятный* успех, располагалось на востоке в петле Марны между Шампиньи и Бри, где оба фланга его армии могли бы опереться на реку – полуостров Сен-Мор с одной стороны и Монт-Авро – с другой. Под их защитой и под прикрытием орудий восточных фортов представлялось возможным добраться до плато в районе населенных пунктов Вилье и Сёкюи, дать бой при довольно выгодных условиях и, если фортуна смилостивится, пробиться вперед для соединения с Луарской армией в лесу Фонтенбло. Корпус генерала Экзе слева должен был пересечь реку в Ножан-сюр-Марн и захватить Бри, а дивизия генерала Карре де Бельмара прикрывала его фланг в Нейи. Корпус Рено, выходивший на открытое место из Венсенского леса, должен был продвинуться на Шампиньи, а войскам Винуа предстояло предпринять отвлекающий маневр на левом берегу Сены, атаковав Л'Э и Шуази-ле-Руа, и перехватить резервы немцев, которые они могли бы подтянуть с запада. От вещевого обоза, всегда уязвимого в ходе наступательных операций, было решено отказаться, солдаты несли на себе только шестидневный запас провианта и всего необходимого, а на следовавших за ними повозках перевозили

исключительно боеприпасы для артиллерии. Не были взяты с собой даже одеяла ради облегчения войскам выполнения стоявшей перед ними главнейшей задачи. Дюкро задавал тон, издавая выдержанные в героической риторике ежедневные приказы. «Что касается меня, – писал он, – я принял решение, и клянусь перед вами и всей страной: я вернусь в Париж либо убитым, либо победителем.

Вы сможете увидеть, как меня убьют, но не увидите, как я сдаюсь». Даже Трошю, явно не склонный к патетике в своих публичных заявлениях, счел эту фразу сомнительно мудрой. Парижане не забыли ее, когда несколько дней спустя Дюкро вновь предстал перед ними побежденным и живехоньким.

Атака была намечена на 29 ноября. Французам нечего было и пытаться рассчитывать на эффект внезапности: немцы вот уже 10 дней были начеку, и начиная с 26 ноября артиллерийский огонь с их позиций был настолько интенсивным, что многие подумали, что немцы начали давно ожидаемый обстрел города. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, где именно французы, скорее всего, предпримут попытку прорыва, если они намеревались соединиться с Луарской армией. Угрожаемый участок удерживала вюртембергская дивизия, и кронпринц Саксонии получил недвусмысленные приказы в случае необходимости оперативно подтянуть подкрепления. Кроме того, французы не сумели воспользоваться даже тактическим фактором внезапности. В ночь на 28 ноября Марна вышла из берегов, все собранные понтоны оказались слишком короткими, и операцию пришлось отложить на сутки. А сутки спустя было уже поздно отменять позиционирование артиллерийских батарей на Монт-Авро на виду у немцев, слишком поздно, чтобы скрыть огромное количество живой силы и вооружений под стенами Парижа, и слишком поздно остановить возглавляемую Винуа атаку Шуази-ле-Руа и Л'Э утром 29 ноября. И войска бросились в эту утратившую всякий смысл операцию и отозвали их, лишь когда они успели потерять 300 человек плененными и 1000 человек ранеными и убитыми. Когда, наконец, на рассвете 30 ноября началось главное наступление, были предприняты попытки замаскировать его дальнейшими отвлекающими операциями. Дивизия атаковала в южном направлении между Сеной и Марной, захватив Мон-Мейи и соседнюю деревню Боннёи еще до того, как вюртембергская дивизия сумела сосредоточить достаточно сил, чтобы контратаковать французов и отбросить их артиллерийским огнем к исходным рубежам. На противоположной стороне города формирование морских пехотинцев, под интенсивным обстрелом выходивших на открытый участок местности из Сен-Дени, пробилось в Эпине-сюр-Сен и удерживало этот населенный пункт в течение дня – операция, успех которой, как мы убедились, возымел катастрофические последствия для операций Лу-арской армии. Эти атаки и третья, предпринятая левым крылом Дюкро на Нёйи-сюр-Марн, оказались небезуспешными и связали немецкие подкрепления, а основная операция развивалась согласно плану силами двух полностью укомплектованных корпусов и третьим в резерве, действовавших против разреженных и пока что лишенных подкреплений сил вюртембергской дивизии между Шампиньи и Бри.

Дюкро после разгрома в Шатильоне очень хорошо понимал, что полагаться лишь на численное превосходство сомнительно, если войска рекрутированы из необученного и необстрелянного контингента, как это имело место у него. Он все еще не решался развернуть их в разомкнутый рассыпной строй, который с таким успехом использовала прусская гвардия в Ле-Бурже, из опасений, что солдаты могли бы просто залечь и таким образом выйти из-под его контроля. И солдаты оставались в сомкнутом строе, что делало их уязвимыми для артиллерийского и ружейного огня, и Трошю следил за их продвижением с самыми мрачными предчувствиями. Малоэффективность собственной артиллерии в значительной степени компенсировалась орудиями крепости, но дальность даже их стрельбы была ограниченной. Система обороны вюртембергской дивизии состояла из двух элементов – деревень Вилье-сюр-Марн и Сёкюи, расположенных в полутора километрах друг от друга и доминировавших над пологим плато, перекрывавшим выход из долины Марны. Это плато круто спадало к реке в Шампи-

ньи и Бри, прибрежных селениях, изолированных склонами позади них и обороняемых лишь аванпостами, слишком малочисленными, чтобы воспрепятствовать форсированию французами реки. Таким образом, на начальной стадии атаки все обстояло благополучно. Позиции немцев нейтрализовались артиллерийским огнем, понтонные переправы наведены, и французы, едва занялась утренняя заря, беспрепятственно перешли на другой берег, оба их крыла после непродолжительных боестолкновений в Шампиньи и Бри закрепились, и таким образом вся линия обороны французов протянулась до самого края плато.

Потом начались трудности. Ход наступления замедлился под огнем из двух превращенных в крепости селений, где солдаты вюртембергской дивизии окопались столь надежно, что одолеть их даже арторгнем не было возможности. Дюкро предвидел, что на данном этапе без проблем не обойтись, и задумал ввести в бой свой третий корпус под командованием генерала Экзе, форсировавший реку слева от Нейи. Корпус Экзе должен был, подтянувшись, атаковать Вилье-сюр-Марн с севера, в то время как центральная группировка сил Дюкро наносила удары с юга и запада. Но Экзе не мог навести мосты через Сену до самого полудня и потом, видя катастрофический исход всех атак на Вилье-сюр-Марн, не решался ввести в бой свои силы до тех пор, пока не стало слишком поздно пытаться эффективно взаимодействовать с остальными силами Дюкро. Его атака, когда Экзе все же предпринял ее, вышла вялой, нерешительной, изолированной и столь же бесполезной, как и атаки, ей предшествовавшие. К вечеру поля перед парком и селением Вилье-сюр-Марн были усеяны телами французских солдат. Правое крыло, устремившееся на открытый участок местности из Шампиньи с намерением нанести удар по Сёкюи, не сумело переломить ситуацию, и яростные контратаки с юга вынудили французов в беспорядке отступить к краю плато. От самого Трошю и его подчиненных потребовалось немалое мужество, чтобы вообще удержать линию обороны. Дюкро проявил безрассудную храбрость, вполне в духе сделанного им публичного заявления, а генерал Рено, командующий 14-м корпусом, получил ранение, от которого скончался, не приходя в сознание. В предсмертном бреду он постоянно поносил Трошю. С наступлением темноты французы сражались только ради удержания своих позиций, которые отбили у противника утром того же дня, – Шампиньи, Бри и участок территории у края плато между ними. Дюкро по пути по обледенелой дороге в ставку пришел к заключению, что операция потерпела неудачу. Бесполезно было возобновлять атаку на следующий день.

Как и в ходе всех своих предыдущих атак, французы не преодолели даже первую линию обороны немцев, хотя все же сумели лишить немцев безмятежности. Атака в Нейи задержала прибытие подкреплений, которые кронпринц Саксонии направил к Марне, и яростный натиск французов потеснил вюртембергскую и подоспевшую на помощь саксонскую дивизии. Полетели тревожные донесения в Версаль. Мольтке, обеспокоенный медлительностью, с которой кронпринц Саксонии реагировал на угрозу, приказал Блюменталю отправить 2-й корпус и одну бригаду 6-го корпуса разобраться в возникшей ситуации, и на следующий день он лишил кронпринца Саксонии непосредственного контроля над операциями, передав генералу фон Франзецки, командующему 2-м корпусом, контроль над всеми операциями между Сеной и Марной. Однако возникла непонятная путаница при передвижении упомянутых резервов: хотя 30 ноября они были наготове, чтобы вмешаться и ликвидировать угрозу, но решили вдруг отойти на 15 километров к своим местам расквартирования, и фон Франзецки получил из Версаля приказ немедленно вернуться на поле битвы. Но было уже слишком поздно предпринимать атаки в тот день, и немцы с явным облегчением восприняли остановку французов.

1 декабря, таким образом, стало днем передышки, и обе стороны смогли наконец заняться погребением погибших, бок о бок собирая под свинцово-серым небом ужасный урожай. Поскольку Дюкро не отдавал приказов продолжить наступление, французы посвятили себя приведению в обороноспособное состояние недавно захваченных и не очень надежных позиций. И в целом они правильно действовали, потому что уже на рассвете 2 декабря немцы

их контратаковали. Фон Франзецки подверг сомнению необходимость этой контратаки: основная линия обороны немцев оставалась все еще нетронутой, и ни Шампиньи, ни Бри не могли быть соответственно защищены, даже если бы их удалось отбить у противника. Но кронпринц Саксонии продемонстрировал то же отсутствие гибкости, потребовав их возвращения, как и в Ле-Бурже, и в результате внезапно начавшейся атаки немцы пробились к центру Шампиньи и едва не смяли позиции французов на холмах выше. Видимость была слишком плохой для артиллеристов французской крепости, что не позволило им вмешаться, а орудия в излучине у Сен-Мора, который, возможно, и могли обстрелять неприятельский фланг, были отведены. Сражение вылилось в противоборство пехоты, и мобильная гвардия, оправившись от первого шока не без помощи Трошю и Дюкро, проявила стойкость и мужественно сражалась. Немцы оказались неспособны контратаковать под ружейным огнем французов, как и французы двумя днями ранее, и едва утренний туман рассеялся, артиллеристы из Монт-Авро открыли прицельный огонь в поддержку интенсивных контратак французов. Бои продолжались весь день, ни одна из сторон так и не смогла добиться существенных успехов, и немцы, и французы отличились мужеством и храбростью, и с наступлением темноты сражение все же завершилось. Обе стороны исчерпали силы. Кронпринц Саксонии, прибывший проследить за ходом операций, был потрясен состоянием своих войск и направил Мольтке настолько мрачный отчет об обстановке, что тот даже всерьез поверил в то, что назавтра французы готовят наступление, и собирался принять соответствующие меры.

Но Дюкро наступать не собирался. Его солдаты были на грани исчерпания сил. У немцев, по крайней мере, имелись одеяла и плащи с шерстяной подкладкой для часовых боевого охранения, а их квартирьеры обеспечили постой и ночлег почти для всех войск. Французы же, с тех пор как началась операция, провели три морозные ночи под открытым небом без плащей и даже без одеял, без горячей пищи. Дюкро утром 4 декабря своими глазами увидел, как они лежали «скрючившись на обледенелой земле, обессиленные, голодные и дрожащие от холода, и, даже не завершив осмотра, решил покинуть поле битвы и отступить в Париж. Даже прибывшая от Гамбетты депеша, в которой тот объявил о подходе Луарской армии численностью 120 000 человек, не изменила его решения. Густой туман послужил французам прекрасной маскировкой, позволившей солдатам Дюкро повторно форсировать Марну без потерь. Французы уже не могли воевать – слишком велики были потери, за три минувших дня они потеряли 12 000 солдат и офицеров, и в тот же вечер Дюкро убедил Фавра искать пути к заключению мира.

На следующий день Трошю получил учтивое письмо от Мольтке, в котором тот сообщил ему, что Луарская армия разбита и Орлеан вновь занят. Трошю, не поверив, даже послал своего офицера, чтобы удостовериться, что все так и было. Таким образом, и наступление, и прорыв кольца окружения потерпели неудачу.

Версаль

Немецкие армии с растущим нетерпением ждали падения Парижа, причем недурно устроившись в местах расквартирования. Начиная с прибытия главной ставки короля 5 октября в Версаль этот город очень быстро обрел все свойственные столице черты. В стратегическом отношении Версаль меньше всего подходил для отведенной ему роли главного командного пункта немецких армий. Мало того – он располагался почти вплотную к кольцу окружения Парижа, и любая попытка Трошю атаковать на данном участке вызывала переходившее в панику беспокойство – все бросались укладывать вализы. К тому же Версаль был местом на периферии Парижа, и связь с Германией была из рук вон плохой. Но даже обширные залы дворца Ротшильда в Ферьере оказались не в состоянии вместить штаб Мольтке, придворную свиту, офицеров Бисмарка и толпу «зевак» (*Schlachtenbummler*), число которых по мере приближения войны к завершению непрерывно росло. К концу года сюда прибыли принцы Карл и Адальберт Прусские, принц Леопольд Баварский, великие герцоги Ольденбургские, Саксонско-Веймарские, Баденские, великий герцог Мекленбург-Шверинский, герцоги Голштинские, Ольденбургские, Саксен-Мейнингенские, Саксен-Альтенбургские, Саксен-Кобург-Готские и ландграф Гессенский. По распоряжению короля были зарезервированы дворцы Большой и Малый Трианон на случай прибытия еще более высоких гостей – страдавший от невроза король Баварии все же ответил на приглашения Бисмарка. К этим имевшим более или менее официальный статус гостям следует прибавить и рой приезжих, уже переживших скученность и суматоху в *Hotel des Reservoirs*, военных экспертов, как, например, генерал Бернсайд из Америки, политиков от каждого германского государства, ведущих переговоры по вопросу об объединении, военных корреспондентов, художников, дипломатов и толпы всякого рода знаменитостей. Военная безопасность, в нынешнем ее понимании, практически отсутствовала, трудно было даже осуществлять элементарное управление. «Если бы только король со всеми своими принцами и со своим штатом убыли, – в отчаянии записал в свой дневник Блюменталь, – мы быстро справились бы со всем и в обозримом будущем заключили бы мир». Версаль той поры представлял собой любопытное, яркое, одержимое сплетнями сообщество, но едва ли радостное – с наступлением холодов и из-за бесконечных оттягиваний подписания мира радости здорово поубавилось.

Версаль сочетал в себе интриги и ревность, неизбежные не только при королевском дворе, но и в главной военной ставке, что ничуть не отличало его от аналогичных современных институтов, не только военных. Постоянное соперничество и разнобой мнений по политическим вопросам, едва ли не позабытые в беспокойные победные недели, вновь возродились вскоре после Седана, в немалой мере способствуя разочарованию и непониманию, постепенно завладевавшими немецкой армией в связи с весьма туманными перспективами заключения мира с французами. Не только задержка с окончанием войны и улетучившиеся надежды на возвращение на родину к Рождеству волновали прусских командующих. По мере затягивания боевых действий усиливалась опасность политических осложнений, того самого вмешательства европейских держав, которое не последовало ввиду быстрых и ошеломляющих побед минувшего лета. Французское правительство по-прежнему не скупилось на красноречивые обращения к нейтральным государствам, и хотя они никак не влияли на политику правительств упомянутых государств, все же находили понимание их народов.

«Чем дольше длится эта борьба [писал кронпринц в канун Нового года], тем лучше для врага и хуже для нас. Общественное мнение в Европе не остается равнодушным к тому, что видит. Нас более не воспринимают как невинных жертв несправедливости, а скорее как высокомерных победителей, которым мало просто победы над врагом и которые жаждут втоптать его в землю. Французы в глазах нейтралов уже не презренные лжецы, а люди с душой героев,

которые в благородной борьбе, невзирая на подавляющее могущество противника, пытаются защитить от него самое для них дорогое».

Поэтому к концу года все германские военные и гражданские лидеры пребывали в состоянии с трудом сдерживаемого гнева. Тон задавал сам король. Еще в начале ноября он не скрывал нетерпения и разочарования ходом событий, и к первой неделе января, когда появление сил Бурбаки на востоке Франции, где находился 14-й корпус Вердера, внезапно создало колоссальную новую проблему для немецких войск, он был в состоянии близкого к истерике отчаяния, и даже Мольтке с великим трудом успокоил его. Он уже не мог вдохновить своих подданных, гражданских и военных, на единство, сплоченность и уверенность в победе, и перечисленные качества с каждым днем понемногу ими утрачивались.

Отношения между Мольтке и Роном ухудшались из-за резко возросших потребностей Генерального штаба в людских и материальных ресурсах. Мольтке и его штаб сравнивали результаты деятельности прусского военного министерства с французским, причем в пользу последнего, ибо французы на многих направлениях бросали в бой все новые и новые армии. Общепринятая система замены личного состава достаточна для поддержания полевой армии в боеспособном состоянии, сообщал Мольтке в письме Роону от 8 декабря, но существенным является то, чтобы из Германии перебрасывалось больше сил ландвера для обеспечения надлежащей охраны линий коммуникаций. Роон обеспечил 18 батальонов, прибытие которых позволило освободить два полка от несения тыловой службы в оккупированных районах и отправить их на фронт, однако Мольтке этого показалось мало в сравнении с аналогичными мероприятиями, проводимыми французами. Разве нельзя сформировать новые батальоны? Роон протестовал против такого рода мер, считая их слишком обременительными для имевшихся в распоряжении ресурсов, после чего Бронзарт, записи в дневнике которого стали еще более желчными, отметил: «Да избавит нас Бог от наших друзей!.. Он [Роон] как стратег, по-видимому, стоит примерно на том же уровне, что и граф Бисмарк, но как комик куда на более высоком».

Однако приведенные примеры отнюдь не всесторонне характеризуют степень раздиравшей Версаль вражды. По части ревнивости командующие армиями ничуть не уступали оперным примадоннам. Кронпринц Фридрих Вильгельм не скрывал изумления, когда Фридрих Карл стал фельдмаршалом после падения Меца, «как долго этот присвоенный ему ранг, на который он так претендовал, будет удовлетворять его не ведающие границ властолюбие и тщеславие?». Что же касалось Мантейфеля, писал далее кронпринц, тот был до глубины души оскорблен, когда его обошли при раздаче званий. Мольтке не скрывал критического отношения к умениям кронпринца Саксонии как военачальника при отражении атаки французов 30 ноября, и не было особой любви между ставкой кронпринца и штабом Мольтке, располагавшимися в досадной близости. Блюменталь опасался вмешательства «полубогов», «злых духов, которые вечно норовят сунуть нос куда не полагается». И Бронзарт, и Верди в равной степени подозревали о наличии влияния британцев из окружения кронпринца, склонявших его к чисто штатской мягкотелости и к стремлению к преждевременному миру на слишком уж благоприятных условиях. Это недоверие весьма разделял и Бисмарк, но оно было и оставалось единственной точкой соприкосновения Бисмарка и Генерального штаба.

Неприязнь к канцлеру была солидарной в военных кругах, за исключением разве что Роона и Штоша. Сталкиваясь со своим вечным недругом, даже неизменно хранивший воистину олимпийское спокойствие Мольтке и тот выходил из себя. Командующих бесило само присутствие этого штатского, тщетно пытавшегося разыграть из себя военного в форме офицера резерва, и они не выносили его попыток – или же им так казалось – повлиять на ход операций. Они с отвращением вспоминали, какую роль сыграл этот человек в формировании стратегии в 1866 году, и никак не желали повторения ситуации. К сожалению, сферы гражданской и военной власти накладывались друг на друга, так было всегда, и никто не мог в точности указать линию различия командных полномочий. Сдача Базена в Меце была и политическим,

и в то же время военным вопросом, условия капитуляции Вердена, заявлял Бисмарк, также должны

быть ему известны, поскольку включали вопросы о возвращении захваченного военного имущества по завершении военных действий, и в письме Мольтке к Трошю с объявлением о падении Орлеана Бисмарк усматривал, причем обоснованно, попытку начальника штаба начать политические переговоры.

В целом Бисмарк отплачивал военным той же монетой. Его все сильнее тревожили препоны, создаваемые Мольтке на пути заключения мира с французами на приемлемых условиях. «В течение многих минувших лет, – сетовал канцлер, – он посвятил себя одному-единственному делу, и теперь и слышать не желает ни о чем больше». Бисмарк яростно и постоянно протестовал против того, что его оставляют в полном неведении относительно военных планов и операций: даже газетчики, жаловался канцлер, и те были куда лучше осведомлены, чем он. Эти сетования раздражали Генштаб, который расценивал их как дальнейшие попытки канцлера подмять под себя и решение чисто военных вопросов, и они оставались непреклонными в своем нежелании предоставлять ему доступ к сведениям военного характера и принимаемым по военным вопросам решениям. Лишь повторное вмешательство самого короля вынудило их изменить решение по этому принципиальному вопросу.

Наконец, Бисмарк, как и Роон, обеспокоенно взирал на несуразно большие запросы Генерального штаба касательно ресурсов Пруссии и ее союзников. В октябре Бронзарт уже жаловался на трудности при реквизиции достаточного количества подвижного состава в Германии. «Люди, как правило, склонны забывать в опьянении победами о том, что мы все же пока еще находимся в состоянии войны, – писал он, – и им следует приучить себя переносить все невзгоды, даже если речь идет об ограничении в Германии курсирования пассажирских поездов». Граф фон Иценплиц, министр торговли, постоянно возражал против явно избыточных требований военных, и Бисмарк поддерживал его. Армия каким-то образом разбазарила свои ресурсы: 2600 фургонов простаивали в ожидании скорой капитуляции Парижа, и он категорически настаивал на том, чтобы Иценплиц отказался предоставить больше фургонов. В свою очередь Мольтке, что было совсем неудивительно, жаловался на «произвол и деспотизм Бисмарка. «В военных вопросах, как и в политических, – сетовал он, – федеральный канцлер считает, что все должен решать сам, не обращая ни малейшего внимания на то, что советуют ему ответственные эксперты», в то время как Бисмарк скорбел по тем дням, «когда такие люди, как Фридрих II Великий, которые и сами были генералами и кое-что понимали и в управлении, действовали не хуже собственных министров… А тут эти постоянные выклянчивания и разговоры!» «Я пошел на войну, – как-то полушутя-полусерьезно заявил он, – собираясь ничего не жалеть для военных властей, но в будущем я точно переметнусь к защитникам парламентского правительства, и если и они будут раздражать меня, займу стульчик где-нибудь среди левых, причем на самом краешке». Он во всеуслышание критиковал способы ведения войны: это совершенно никому не нужное наступление в центр Франции, это распыление сил по всей стране, вялое проведение наступательных операций у Парижа и, прежде всего, затягивание с артиллерийским обстрелом города.

Именно по этому, последнему вопросу все разногласия в Версале и достигли кульминации. Идя на блокаду Парижа, Мольтке планировал и подготовку к возможному артобстрелу фортов и укреплений. Ни он, ни Роон тогда и не думали, что в этом на самом деле возникнет необходимость: Мольтке действительно верил, что Париж капитулирует, как только прекратятся поставки молока. Тем не менее было велено доставить из Германии осадные орудия, включая 150-миллиметровые орудия и 210-миллиметровые мортиры производства Круппа, до сих пока что не опробованные в боевой обстановке. Осадные орудия установили в Вилакубле, и боеприпасы для них были добавлены к обширному перечню позиций, каждая из которых претендовала на первоочередность доставки по перегруженной железнодорожной линии,

соединявшей немецкие войска с их базами. 30 октября был разработан план артиллерийского обстрела фортов Исси и Монруж и участка ограждающей Париж стены позади них и вспомогательного артиллерийского обстрела Сен-Дени в качестве отвлекающего маневра, а 9 октября операция была официально одобрена королем. Однако ни

Мольтке, ни его штаб особого рвения по этому поводу не продемонстрировали. В результате артиллерийского обстрела Страсбурга, указывал Бронзарт, лишь впустую были потрачены боеприпасы, к тому же он вызвал гнев населения и ни на день не приблизил капитуляцию. Даже если не атаковать сам город, как полагал Блюменталь, штурмовать форты не представится возможным до декабря, а городские стены – до января, и с этими расчетами соглашался Мольтке, заявив, что «вопрос об артобстреле Парижа так и не встанет, ибо французы умрут от голода задолго до начала обстрела». Кронпринц, армии которого был поручен артиллерийский обстрел, подводя итог общего мнения высокопоставленных немецких военных, 26 октября писал: «Все командующие, включая и меня во главе их, едины в одном – мы должны использовать все средства, чтобы вынудить Париж к сдаче одним только голодом».

Для военных артиллерийский обстрел был чисто техническим вопросом, причем достаточно сложным, так что они ничего не имели против, чтобы, по возможности, этих сложностей избежать. Но этот замысел произвел настоящий фурор в самой Германии. Стремление отомстить за все беды, пережитые немцами по милости французов, чисто протестантское злорадство – вот, мол, сотрем в порошок этот Вавилон наших дней. Это было то же самое злорадство, которым был движим император Священной Римской империи Карл Y (он же испанский король Карл I), разрушавший со своими ландскнехтами Рим в 1527 году, да еще наложившееся на стремление пробудить в Германии отнюдь не достойную похвалы жажду в упор расстрелять Париж, то есть не просто осуществить артобстрел как чисто военную операцию – подавить и уничтожить укрепления противника, одним словом, действовать в контексте проведения осады, а атаковать, по сути, мирное население вражеской столицы, совершить акт национальной мести.

Бисмарк, нимало не смущаясь, способствовал разжиганию этого психоза в немецкой прессе, воспользовавшись своим влиянием на газетчиков. В конце концов, он разделял точку зрения об артиллерийском обстреле – что было отнюдь не чуждо его воззрениям и его характеру, – канцлер, разумеется, полагал, если верить его заявлениям после сражения у Седана, что газетчиков и политических агитаторов Парижа, это средоточие зла в Европе, необходимо привести в чувство. Кроме того, помня о сновавшем от одного королевского дворца Европы к другому Тьере и держа палец на вялом пульсе государств Южной Германии, Бисмарк грезил о скором конце войны. Если французы смогут сопротивляться достаточно долго, то не исключено, что могут вмешаться европейские державы, да и весь союз германских государств окажется под угрозой утраты единства. Лишь падение Парижа обусловит конец войны, и лишь артобстрел, в этом Бисмарк был убежден, ускорит падение Парижа. Всю аргументацию технического характера, исходившую от военных, канцлер отбрасывал. Артиллерийский обстрел откладывался, по его глубокому убеждению, исключительно из-за всех эти бабьих причитаний при дворе и в армии, всячески поощряемых кронпринцем и через него принцессой Викторией (дочерью английской королевы Виктории и матерью последнего германского императора Вильгельма II) и ее английскими приятелями.

«Над всем этим нависает [в приступе откровенности писал Бисмарк 28 октября супруге] интрига, измышленная женщинами, архиепископами и профессорами… А тем временем люди гибнут, мерзнут, заболевают, войне конца не видно, нейтралы транжирят время, обсуждая ее с нами, а время идет, и Франция вооружается сотнями тысяч винтовок из Англии и Америки… И все ради того, чтобы было кого похвалить за спасение «цивилизации».

Одна неделя сменяла другую, а боеприпасы поступали на артиллерийские позиции в Вилакубле невероятно медленно, настолько медленно, что даже штабисты Мольтке считали

этот факт неутешительным, а Бисмарк усматривал в этом куда более серьезные мотивы. Монсеньор Дюпанлу, епископ Орлеанский, оказывал давление на королеву, вольные каменщики тоже не отставали. Были люди, мрачно намекнул он, «для кого главное – не дела немцев и не их победы, а скорее их беспокойство по поводу того, похвалят ли их в английских газетах», и приказал, чтобы послушный Буш не давал остыть страстям в немецкой прессе.

К концу ноября Бисмарк уже не мог сдерживаться и 28 ноября решительно высказался. Высказывание это адресовалось королю. Опасность вмешательства нейтральных стран, считал канцлер, настораживающе растет в связи с предстоящей конференцией европейских держав, которая созвана в Лондоне для обсуждения расторжения Россией черноморских пунктов Парижского соглашения, и чем дольше будет затягиваться эта война, тем сильнее опасность. Падение Парижа – не просто военный вопрос. Армия, вероятно, все же сможет дождаться, пока голод вынудит город к сдаче, и все же, заключил канцлер, «политические соображения делают скорейший обстрел фортов весьма желательным». Король воспринял это с сочувствием. Тремя днями ранее, 25 ноября, генерал фон Хиндерзин и генерал-лейтенант фон Клейст, генеральные инспекторы артиллерии и саперных войск, сообщили ему новость – что, дескать, артиллерийский обстрел, первоначально запланированный на 1 декабря, возможен лишь после Нового года, и Вильгельм I спокойно передал мнение Бисмарка Мольтке, включая и его сформулированное в категоричных выражениях недовольство задержкой. На это Мольтке ответил без задержки и в меморандуме, составленном для него Бронзартом, выразил крайнее нетерпение, широко высказываемое в военных кругах «невеждами в военной форме, засевшими за кабинетными столами». Какой-то историк действительно предложил сознательно преувеличить технические трудности так, чтобы «мирное население поняло, что ход войны не зависел от пожеланий штатских, что сигнал атаковать, как и сигнал прекратить атаку, дается исключительно сражающимися войсками». «Вопрос, – заявил Мольтке, – когда нападение артиллерии на Париж должно будет или сможет начаться, решается лишь исходя из военных соображений. Политические мотивы принимаются во внимание лишь тогда, если не требуют ничего недопустимого или невозможного в военном отношении». Начать артиллерийский обстрел преждевременно было недопустимо, а ускорить накопление боеприпасов – невозможно. В распоряжении Мольтке была всего одна железнодорожная линия, и заканчивалась она в 25 километрах от позиций осадных орудий. «Только в этом, – заявил он, – и заключается единственное объяснение задержки артобстрела». Но тут же Мольтке пояснил, что до сих пор рассматривает артобстрел как дорогостоящий и малоэффективный способ, прибегнуть к которому следует, только если принуждение через голод потерпит неудачу.

Это привело Роона в бешенство. Он был одним из нескольких высокопоставленных военных, кто соглашался с Бисмарком в том, что артиллерийский обстрел желателен и необходим. Он давно понимал, что даже небольшие усилия со стороны 3-й армии ускорят подвоз боеприпасов, и сам взял на себя ответственность за поиски повозок для транспортировки боеприпасов от железнодорожной станции к позициям осадной артиллерии. И потребовал от Мольтке объяснений. С какой стати взваливать на себя колоссальные проблемы, связанные с накоплением боеприпасов для операции, которую верховное командование вообще предпринимать не собирается?

Ответ Мольтке прояснил, что он не считал артобстрел невозможным или бесполезным: он просто подумал о связанных с ним сложностях и тщательной и продуманной подготовке, а за это время голод подтолкнет французов к капитуляции и, таким образом, снимет вопрос. Он был, однако, теперь готов к рассмотрению «чисто политического» артобстрела – то есть изолированной акции, не сопряженной с дальнейшим наступлением немцев. Атаки в конце ноября и из Парижа, и из района Луары показали, что французы сильнее, чем предполагалось в штабе Мольтке, и призывы к действию усилились. Из Дельбрюкка в Берлин прибыла телеграмма, которую Бисмарк глубокомысленно переслал Мольтке, заявив, что ожидает слож-

ностей в ассамблее, если артиллерийский обстрел не начнется без промедления. В другом сообщении из Берлина сообщалось о вере в кругах министерства иностранных дел в то, что французы только и ждут обстрела, чтобы тут же вступить в переговоры о мире. Националистическая печать в один голос ревела, требуя артобстрел. Штабисты Мольтке, понимая роль Бисмарка в производстве материала, который он теперь использовал в качестве оружия, удивились мало. Тем не менее на военном совете 17 декабря – совете, из которого Бисмарк был исключен, – было согласовано, что обстрел южных укреплений города следует начать, как только запас снарядов в Вилакубле достигнет 10-дневной нормы – 500 снарядов на орудие. Было также согласовано, что генеральному артобстрелу будет предшествовать предварительный артобстрел Монт-Авро, изолированных позиций на востоке города, занятых французами перед сражением у Шампиньи. Наконец, командование артиллерийским обстрелом было возложено на потрясающе компетентного принца фон Гогенлоэ, командующего артиллерией гвардейского корпуса, которого король назначил именно для того, чтобы решить вопрос как можно скорее. Вопрос, как ему сообщили, необходимо рассмотреть не с технической точки зрения артиллериста, а стратега – прозрачный намек на то, что технические проблемы уже не рассматривались в качестве оправдания задержки.

Артиллерийский обстрел Монт-Авро представлял мало проблем. Его батареи были размещены второпях и неверно, их буквально подставили под огонь немцев с севера, востока и юга. 27 декабря немцы открыли продолжительный огонь из 76 орудий и не прекращали его в течение двух дней. Французы располагали лишь 45 орудиями, к тому же плохо защищенными, и пруссаки быстро вынудили их замолчать. Снаряды разрывались на затвердевшей как сталь земле, огневые позиции одна за другой были подавлены, и в ночь на 28 декабря Трошю оставил позиции, потеряв свыше 100 человек. Столь быстрый успех удивил самих немцев и заставил большинство скептиков снова задуматься над эффективностью артобстрела. Кронпринц признал, что заблуждался и что «артиллерийский обстрел, вероятно, все же может дать важные результаты». Мольтке также изменил мнение. Его колебаниям положила конец неспособность Фридриха Карла довести войну до конца в провинциях, и теперь необходимо, как он заявил на совещании 31 декабря, использовать все возможные способы и средства для падения Парижа и высвобождения сил немцев для битвы с вновь сформированными армиями Гамбетты. Гогенлоэ объявил о своей готовности, и король распорядился начать артобстрел 4 января. Но случилось так, что густой туман утром 4 января послужил причиной еще одной отсрочки, и только 5 января загремели первые залпы артиллерийского обстрела, которого вся армия ждала, по выражению Бронзарта, «как иудеи Мессию».

Артиллерийский обстрел

Когда Бисмарк стал возражать против письма Мольтке к Трошю с объявлением о падении Орлеана, Бронзарт с насмешкой комментировал, что, дескать, канцлер «почти созрел для сумасшедшего дома». Но французское правительство разделяло взгляды Бисмарка, что это послание было не только актом иронично высказанной любезности. Дюкро видел в нем прелюдию к миру, исполняемую измученным войной противником и адресованную единственному представителю французских властей, с кем этот противник был готов иметь дело, и настаивал не медлить, действуя в отношении Парижа с позиции силы. Умеренные в правительстве, Фавр и Пикар, были того же мнения. Их взгляды в министерстве больше никто не разделял, менее всего Трошю. Мэр не без оснований полагал, что немцы никогда не предоставят приемлемые для непобежденной окончательно страны условия, и, поддержав правительство, он представил уклончивый ответ на письмо Мольтке и настоял на своих планах операции. Неудача в Шампиньи не исключила намерение Трошю прорваться и соединиться с армиями провинций, которые, как он теперь понимал, шли ему на выручку. Д'Орель де Паладин, возможно, и потерпел поражение, и позиции немцев к югу от Марны оказались неприступными, но существовала и другая сила – крупная и не пострадавшая в боях – Северная армия, и сила эта располагалась не там, где к ней было невозможно пойти из-за разлившейся реки и укрепленных холмов, а через голую равнину, на которой немцам, если бы они появились и надумали дать бой, пришлось бы иметь дело с французской артиллерией. И хотя такая ситуация была бы не в пользу французов – им досталось бы ничуть не меньше, но зато возможность, что немецкая пехота проявит стойкость под защитой своих укреплений, как в Вилье, не следовало принимать в расчет. Самое основное состояло в том, чтобы французы перед новым сражением не растеряли боевой пыл, пробужденный в них атакой Шампиньи.

Лишь 21 декабря Трошю перешел в наступление. К тому времени, согласно донесениям и отчетам, его войска успели оправиться и вновь обрели уверенность в себе, и их боевой дух был на удивление высок. Их непосредственной целью был Ле-Бурже, который после повторного захвата прусской гвардией 30 октября представлял собой неудобный выступ в линии обороны французов. Появилась возможность атаковать его с обоих флангов – силами, вышедшими на открытый участок местности из Сен-Дени на западе, и силами, продвигавшимися от Бонди и Нуази на юго-восток, и был подготовлен двойной охват, который должны были осуществить смешанные части регулярных войск, мобильной гвардии, «вольных стрелков» и морских пехотинцев, составляющих левую клешню захвата, и силы под командованием Дюкро – правую. Первой группировке предстояло захватить Ле-Бурже, а вторая, оттесняя противника, должна была закрепить успех. Морские пехотинцы, продвигавшиеся сквозь утренний туман с частями своего левого крыла, достигли деревни, где они закрепились среди домов и стали ожесточенно сражаться. Но немецкая артиллерия свела на нет все попытки подтянуть к ним подкрепление, и когда Дюкро, безуспешно прождав сигнал об успехе боя, наблюдая за колокольней церкви Ле-Бурже, перешел со своими силами в наступление, они не смогли устоять перед прицельным и интенсивным артиллерийским огнем немцев, расстреливавших в упор их плотные колонны. Французские артиллеристы так и не смогли открыть ответный огонь: им стрелять было просто не в кого. Холодная, пустая равнина простиралась перед ними: ни единого пехотинца противника, а его артиллерия демаскировала себя лишь облачками дыма в отдалении.

Трошю с растущим разочарованием наблюдал за всем этим и с наступлением зимних сумерек приказал войскам возвращаться на свои позиции. Он все еще не был готов признать окончательное поражение, понимая, что это в аспекте политики просто недопустимо, что его крах отзовется беспорядками на парижских улицах, которые и так совсем недавно с таким трудом подавили. Поэтому и отдал приказ наступать на Ле-Бурже, рыть траншеи, как будто

для формальной осады. Такие приказы были нереалистичны. Никто не смог бы копать промерзлую, окаменевшую землю, и боевой дух его солдат, потрясенных разрывами снарядов немцев, усугублялся муками холода, который предстояло вынести в течение ночи и на следующий день. Разложить костры было не из чего, на мерзлой земле нельзя было даже разбить палатки, солдаты лежали под открытым небом, кое-как обмундированные, продуваемые порывистым северным ветром. Около тысячи человек пострадали от обморожений. Все, кто окинул бы взглядом армию Трошю, без слов понимали, что это последний всплеск борьбы, что войска небоеспособны и никогда больше боеспособными не будут.

Трошю был совершенно прав, предсказывая политические проблемы в случае неудачи атаки Ле-Бурже. Клубы все еще поддерживали то, что Трошю именовал «дадаизмом вооруженной милиции Парижа», приписывая генералитету Трошю провалы в Шампиньи и Ле-Бурже. «Теперь мы пойдем в бой без генералов Трошю, – заявил кто-то, – у нас нет нужды в генералах. Как только мы выйдем на поле битвы, пусть генералы сами о себе позаботятся». Но теперь правительство теряло доверие в военных кругах. Капитуляция, принимая во внимание обстановку в Париже, представлялась просто немыслимой: военные операции должны были быть успешными. А если они таковыми не будут, то не мешает продумать и самые немыслимые варианты, и после Шампиньи даже кое-кто из вполне умеренных членов правительства стал готовить себя к принятию весьма неприятных решений. Поставки хлеба для населения, как подсчитали 15 декабря, продолжатся до 10 января, для армии – на пару недель дольше. Фавр отправился в Венсен, где Трошю подальше от суеты Парижа учредил ставку, чтобы предупредить мэра о том, что правительство национальной обороны не возьмет на себя ответственность за то, чтобы обречь город на голод. Уверенный вид Трошю, его заверения в том, что немцы сами на пределе сил и возможностей, выглядели неубедительно, оба поговорили о том, чтобы подчинить его комиссии генералов, даже если он уйдет в отставку в знак протеста. В то время не было предпринято ничего, но неудачи у Ле-Бурже вынудили правительство принять меры. Фавр поехал в ставку Трошю после сражения, лично убедился в ужасном состоянии войск и по возвращении твердо объявил, что правительство должно взять контроль над проведением военных операций в свои руки.

Однако это не избавило бы от необходимости назначения военного советника, который консультировал бы правительство по военным вопросам и исполнял его распоряжения. Да, но где такого военного найти? Трошю был вполне готов уйти в отставку. Но Дюкро не мог последовать за ним: он теперь открыто считался капитулянтом, и его враждебность к либералам исключала подобное назначение. Винуа оставался наиболее оптимистично настроенным из старших командующих, упрямо утверждая, что ударом достаточно многочисленных сил на важном участке («Где, на каком участке?» – язвительно осведомился Дюкро) можно будет достичь кое-каких успехов, но Винуа считался приверженцем Второй империи, что ставило его вровень с Дюкро. Левые члены правительства не доверяли никому, кроме Трошю: Араго напрямую заявил, что «первым делом он позаботится о том, чтобы кандидат на командную должность торжественно заверил бы всех в преданности идеям республиканцев». Все, что они могли сделать, так это убедить Трошю попытаться «приложить все возможные усилия, позабыв об ортодоксальных военных принципах», и Трошю смог лишь на это ответить, что войска слишком измотаны для дальнейших операций, но он, разумеется, представит план сражения, как только сможет, а затем со всей торжественностью так и поступил.

Больше капитуляций не будет. «Когда в последний час мэр Парижа предложит вам потрясающий вариант, который, вполне возможно, обернется бедствием, но который имеет шанс привести и к неожиданным результатам». Фавра это не убеждало, и в канун Нового года, когда на встрече мэров округов от него потребовали учреждение военного совета с гражданскими членами для надзора за Трошю и за наступательными операциями, которые вот-вот последуют, он неожиданно очутился в союзе с ними против своих собственных коллег.

Таковы были настроения во Франции, когда 5 января немцы начали артобстрел. Сначала огонь был нацелен на форты на востоке и на юге, но в течение вечера одно орудие стало обстреливать и сам город. Для ударов по мирному населению, как до этого в Страсбурге, не было никакой военной необходимости. Единственным оправданием, и к нему все чаще и чаще прибегают «ястребы» всех стран и народов, хотя и без особого успеха, было то, что, воздействуя таким образом на боевой дух парижан, немцы довольно скоро сумеют склонить этих упрямцев к миру. Руки всех стран теперь в крови жертв, представителей мирного населения, – в крови, пролитой под этим и другими аналогичными предлогами, что изначально делает все попытки рассуждать о моральной стороне вопроса лицемерными, а уж о пользе данной акции и рассуждать нечего. Как уже ряд командующих до них, и немцы недооценили боевой дух гражданского населения и переоценили разрушительный эффект от разрывов в зоне застройки. Радиус поражения новых осадных орудий, конечно, удивил обе стороны: выпущенный с высот Шатильона снаряд падал на Иль-Сен-Луи (остров Сен-Луи, восточнее острова Сите) – хотя такая дистанция требовала зарядов повышенной мощности, от которых страдали сами орудия, – означал до сих пор невиданный успех. Невзирая на то что ежедневно на город обрушивалось 300–400 снарядов, они нанесли на удивление мизерный ущерб. Большинство из них взорвалось, не причинив вреда, на пустырях, но даже если здания и были поражены, а часть общественных зданий все же пострадала, включая Сорбонну, Пантеон, больницу Сальпетриер и женский монастырь Святого сердца Иисуса, – повреждения не были серьезными. Любопытные парижане сначала стекались к левому берегу, на который пришелся основной удар артобстрела, и даже были удивлены, увидев, что разрушения не везде даже и заметны. Мальчишки вовсю торговали осколками снарядов, а эффект от артобстрела сыграл только на руку правительству. Трошю, в котором восторженность явно перевешивала осмотрительность, сочинил воззвание в честь святой Женевьевы, покровительницы Парижа, которая «чудесным образом внушила противнику мысль об артиллерийском обстреле, опозорившем немецкие войска и тем самым цивилизацию», но радикально настроенные рабочие типографии бурно протестовали против публикации упомянутого воззвания, да и коллеги мэра сумели убедить Трошю не бежать впереди поезда со своими воззваниями. Даже у парижан чувство юмора имеет пределы. Вот когда Трошю обратился к Мольтке с протестами против обстрела парижских больниц, жители столицы его поняли, и саркастический ответ Мольтке, когда он пообещал вскоре подтянуть свои батареи поближе, чтобы артиллеристы получили возможность видеть флаги Красного Креста на зданиях, явно поколебал общественное мнение в странах Европы, с самого начала осады склонявшееся к поддержке французов.

Обещания Мольтке развернуть батареи поближе к городу не были пустыми. Падавшие на Париж снаряды были лишь малой частью того, что обрушивалось ежедневно на внешние форты, в особенности на Исси, Ванв и Монруж. Военные моряки, из которых состояли гарнизоны фортов, в соответствии с инструкциями палили в ответ, и, надо сказать, не впустую – их снаряды изрядно портили кровь немцам на их ничем не прикрытых батареях, но все равно силы были слишком неравны и по части калибра, и по количеству задействованных орудий. Французы по ночам восстанавливали разрушенное за день, но постепенно, в течение первых двух январских недель, их фортификации превратились в руины, а их ответный огонь утратил регулярность. По прошествии трех дней немецкие батареи смогли приблизиться к городу. Когда они приблизились, сектор обстрела увеличился. С востока огонь переместился на север, и 21 января Сен-Дени пал. Немцы овладели Сен-Дени отнюдь не без боя – французы сопротивлялись отчаянно, – но и там оборона рухнула под сосредоточенным огнем противника, и жители этих городов потянулись в Париж.

Эффект от артобстрела Парижа подействовал на его жителей совершенно не так, как ожидал Бисмарк, и Блюменталь, яростный противник этой операции, не упустил возможности вновь изложить свои контраргументы. Однако артобстрел нельзя было считать совсем уж про-

вальной акцией, кое-какие результаты он принес, причем результаты эти были в пользу немцев. Весь Париж настаивал на том, что необходимо предпринять какие-то меры. Город не отапливался и голодал; смертность возрастала каждую неделю. Но пока ничего особенного не происходило, большая часть населения города погрузилась в угрюмую апатию. Немецкие снаряды действовали на них, как жалящие осы, и вызывали сильнейшее желание отомстить. «Вас 400 000, – возмущались парижанки, – и вы позволяете им обстреливать нас!» Требования клубов перейти в стремительное наступление не утихали, и теперь членами правительства выдвигались различные планы. Разве все [вооруженное] население не смогло бы парализовать немцев, предложил один, одновременно начав прорыв по всему периметру кольца блокады? Другой, которому, возможно, не давали покоя смутные воспоминания о временах давно минувших, предложил, чтобы члены правительства вместе с духовенством, религиозными объединениями и хорами девственниц возглавили бы процессию, направлявшуюся прямиком на позиции немцев. Из военных Дюкро мог предложить лишь прорыв небольшими группами вооруженных людей, чтобы развернуть сопротивление в провинциях. Дюкро все равно собирался в отставку и оставался на своем посту лишь благодаря мольбам Трошю. Сам Трошю был полон решимости придержать свой вариант прорыва на самый крайний случай и не отказывался от своей идеи даже после поступившего 9 января послания от Гамбетты, повергшего остальных членов правительства в состояние исступленного энтузиазма.

В этих датированных 22 декабря посланиях сообщалось о наступлении Бурбаки на линии коммуникации немцев, которые могли бы привести «к небывалым результатам», а если выразиться образнее, повторении наступления Луар-ской и Северной армий на Париж. «Пруссаки, – утверждалось в послании, с большой долей вероятности, – еще не испытав на себе горечи поражения, все же деморализованы». Ввиду такого развития событий бездеятельность Трошю тем более невыносима, и продемонстрированный им скептицизм в отношении возможности и эффективности этих разработанных в провинции планов лишь ухудшает из без того непростое положение. Ходили упорные слухи, что он был в контакте с немцами. И на самом деле слухи эти распространились настолько широко, что Трошю был вынужден выступить с их опровержением. Его попытка успехом не увенчалась – Трошю просто не поверили. «Ничто и никогда не заставит нас бросить оружие… – объявил он, – мэр Парижа не сдастся!»

Между тем 12 января Трошю заявил коллегам, что Париж едва дотянет до того момента, когда наступление Бурбаки возымеет эффект, ибо скоро нужда заставит решиться на драконовские меры по обнаружению тайных запасов провианта по подавлению общественного недовольства.

Если проблема с продовольствием так обострилась, беспомощно пытался разъяснить он, то это произошло по вине правительства, не решившегося вовремя принять жесткие меры, на что Фавр ответил, что, дескать, по вине губернатора не были достигнуты военные успехи. В любом случае, настаивал Пикар, меры, которые оправдывал Трошю, выполнимы лишь в том случае, «если гул орудий заглушит бормотание людей», с чем единодушно согласились его коллеги.

Трошю и Дюкро изо всех сил настаивали на проведении дальнейших военных операций, но были и генералы помоложе, кто был готов представить планы. Когда прибыло послание Гамбетты, правительство уже располагало составленными генералом Берто и поддержанными начальником штаба Трошю, генералом Шмитцем, планами прорыва из Мон-Валерьена через линии обороны немцев на перешейке излучины Сены к Версалю. Это было атака на сильнее всего укрепленном участке обороны немцев, и Трошю с Дюкро понимали, что с войсками под их командованием подобный план не имел ни малейших шансов на успех. Но правительству, как и членам политических клубов, уже осточертели бесконечные прикидки военных. Наступление необходимо было предпринять, пусть даже в последнем безумстве отчаяния, пусть даже ради того, чтобы единственно возможным способом убедить энтузиастов в полнейшей безна-

дежности их положения. Сигнал о начале операции должен был поступить не позднее, чем в ночь с 18 на 19 января.

Нетрудно расценить это как пример того, как политики потребовали от военных заведомо неосуществимого, сравнив это с инструкциями Гамбетты д'Орелю де Паладину, однако сомнительно, справедлива ли подобная оценка. Штаб Трошю рассматривал данную операцию как необходимое кровопускание ради исцеления трясущихся в лихорадке политических клубов, и, возможно, энтузиазм, проявляемый отдельными членами правительства в отношении начала операции, свидетельствовал скорее не об убежденности в ее успехе, а о стремлении доказать парижанам, что ни на какой успех на данном этапе рассчитывать не стоит, а вот готовиться к ставшей теперь неизбежной капитуляции стоит. А раз это так, то чем раньше грянет испытание, тем скорее завершится, а то, насколько мучительным окажется провал, уже не суть важно. На встрече 15 января министры впервые всерьез обсудили вопрос о капитуляции, и Фавр признал, что пытался сделать мэров округов причастными к правительственным решениям минувших недель с тем, чтобы и на них возложить часть ответственности. С тем, что капитуляция неизбежно вызовет в городе беспорядки и всплеск насилия, никто не спорил, но беспорядки, скорее всего, будут не такими, как после «стремительного наступления», так горячо продвигаемого и так бесславно и кровопролитно завершившегося.

Сражение у Бузенваля, как его назвали, определило участь Парижа. Более того, оно раз и навсегда похоронило веру в то, что «народ с оружием в руках» способен одолеть хорошо обученного противника одним лишь численным превосходством и бесстрашием в бою. Об этой операции в политических клубах грезили давно – о «массовом подъеме». В сражении участвовали около 90 000 человек, примерно половину из которых составляла национальная гвардия, и на рассвете 19 января они вышли на открытую местность из Мон-Валерьена и фронтом шириной в 6500 метров продвинулись к линии обороны немцев на участке между Буживалем и Сен-Клу. Дюкро уже предпринимал здесь попытку атаковать тремя месяцами ранее и оказался отброшен, поскольку Зандарт стоял насмерть на своих знаменитых позициях. Позиции немцев протянулись вдоль высот Монтрой-Бузенваль, держа под контролем низину у Мон-Валерьена, по которой и собирались идти в наступление французы. Фланги все еще упирались в Сену, и продолжались работы по усилению обороны в глубину, лабиринт траншей, редуты, ограждения и препятствия тянулись до самого Версаля. План французов включал одновременную атаку тремя колоннами – левая под командованием Винуа наносила удар по высотам Монтрой в Сен-Клу, центральная под командованием Бельмара на парк Бузенваль и высоты Ла-Бержери и правая под командованием Дюкро, наотрез отказавшегося от планирования операции, атаковала на прежнем поле битвы у Мальмезона. Атаки предполагалось начать одновременно по сигналу – выстрел из орудия форта Мон-Валерьен по приказу Трошю в 6 часов.

С самого начала все пошло не так, как планировалось. План предусматривал, что проход 90 000 человек по двум доступным мостам – дорожному мосту в Нейи и железнодорожному в Аньере – займет всю ночь. Но все отчего-то позабыли, что все подъездные пути к этим мостам были перекрыты баррикадами с проходами, позволявшими проехать одновременно лишь повозке или пройти нескольким солдатам. Ничего не было предпринято для обеспечения прохода необозримой колонны повозок, сопровождавших войска и служивших передвижными лазаретами. Никто не мог предвидеть и задержку из-за прошедшего незадолго до этого проливного дождя, превратившего дороги в ужасающее месиво. К 6 часам, после ночи под ливнем, ни одна из колонн не добралась до исходных рубежей, и сам Трошю, изо всех сил пытаясь пробиться через хаос, так и не смог даже приблизиться к Мон-Валерьену. Трошю не появился и час спустя, и колонна Дюкро, которой предстояло преодолеть самое большое расстояние, все еще оставалась далеко от исходных рубежей. Светало, левая колонна на позициях у Мон-Валерьена оказалась в опасной зоне видимости артиллерии противника, и комендант крепости, взяв на себя всю полноту ответственности, произвел выстрел из сигнального орудия.

Левая и центральная колонны вплотную друг к другу перешли в наступление, воспользовавшись эффектом внезапности, они быстро продвигались в ледяном тумане и дошли до аванпостов немцев. Слева у высот Монтрой они охватили передовые немецкие позиции с фланга и сумели с боем пробиться в Сен-Клу. На центральном участке перемахнули через крутой гребень высот и через парк Бузенваль, пока не были остановлены у немецкой цитадели Ла-Бержери, в лесу между замком Бузенваль и оврагом Кукуфа, мощным ответным огнем немцев. Но как только первый наступательный порыв спал, все застопорилось. Немецкая пехота, оттесненная наступавшими французами с передовых оборонительных позиций, возобновила огонь с позиций, расположенных в глубине. Французские командующие вызвали на помощь артиллерию, но подход орудий затянулся на долгие часы, и с их прибытием они не смогли одолеть крутизну высот у Бузенваля. Пробравшиеся вперед саперы попытались подорвать полосу препятствий врага, но динамит на морозе не действовал. Атака захлебнулась, перейдя в позиционную перестрелку, в ходе которой плотные колонны французов сбивались в кучу и блуждали по склонам под огнем немецкой артиллерии, их боевой дух упал до нуля, а вскоре перерос в панику. В левой колонне Дюкро, с четырехчасовым опозданием добравшейся до позиций, ситуация складывалась еще хуже. Немцы в Мальмезоне были готовы к их появлению и не уступили ни метра территории. Везде французское наступление пруссаки сдержали, и без того не очень высокая дисциплина в национальной гвардии рухнула.

Трошю, наблюдая за сражением из Мон-Валерьена, уже ничего был не в силах изменить. У него не было резервов ни артиллерии, ни пехоты, как и не было надежды на обход флангов противника. Отпор противника он, бесспорно, предвидел и принял как должное. Сам Трошю проявил незаурядное личное мужество, верхом отправившись к высотам Монтрой, где резко осложнилась обстановка, рискуя жизнью, он личным примером пытался вдохновить и повести за собой дрогнувших бойцов национальной гвардии, но так и не сумел. Проведя день с войсками, видя как они обороняются, успешно отражая контратаки противника, с наступлением темноты он хмуро отдал приказ отступить.

Сам выход из боя был проведен достаточно умело. До одной изолированной группировки, сражавшейся в центре Сен-Клу, приказ не дошел, и на следующий день она была вынуждена сдаться, но в остальных случаях французы сумели выйти из боя так, что немцы даже и не догадались об этом. И к лучшему, потому что едва французские части приблизились к своим позициям, как тут же пережили самый настоящий шок. Пока их авангард в течение долгих часов безуспешно пытался прорвать оборону немцев, в тылу скопилось множество повозок: кареты скорой помощи, войскового подвоза, боеприпасов, оружия и артиллерийских орудий, забившие дороги в ожидании наступления. И теперь эта масса, тщетно пытаясь развернуться в узких, грязных переулках и отступить, превратилась в сплошной непреодолимый хаос, и боевые части оказались буквально стиснуты им. Наступление из Парижа предыдущей ночью было истинным чудом по сравнению с нынешней ситуацией. На счастье, зимние ночи продолжительны, и та ночь выдалась лунной, но последние части арьергарда смогли отступить лишь к 6 часам утра, а когда еще пять часов спустя туман рассеялся, немцы увидели огромные колонны, занимавшие дороги к узкому перешейку излучины Сены в Курбевуа, оставляя на равнине не только тела погибших, но и брошенные кареты скорой помощи, повозки и вооружение.

Потери французов были относительно невелики – в общей сложности приблизительно 4000 убитыми и ранеными, которые, если их сравнить со смехотворно малыми потерями немцев – чуть больше 700 человек, – являются достаточным доказательством стремительно упавшего боевого духа, с которым французы шли в первую атаку. Но хаос, в котором оказались его силы вследствие этого сражения, вдохновил Трошю потребовать перемирия на два-три дня для уборки трупов и повозок с поля битвы. «Нам для этого потребуются время, силы, очень много повозок, людей для переноски тел на носилках», – как заявил он Фавру. Для Фавра это послужило последней каплей. 19 января он получил пространное и полное горечи послание от

Гамбетты, обвинявшего Париж в бездеятельности, в то время как армии провинций истекали кровью. Пруссаки выделили 200 000 человек на Шанзи, аргументировал Гамбетта, 100 000 на Бурбаки: чего ждут парижане? Не приходится удивляться тому, что Фавр не пожелал терпеть эти обвинения. Убедившись, что Трошю открыто настаивает на неизбежности капитуляции, он потребовал снятия Трошю с его поста и немедленного наступления. Но несколько часов спустя прибыло еще одно донесение, причем от более надежного источника, чем жизнерадостный Гамбетта, – от Клодорди, поверенного в делах министерства иностранных дел в Бордо. Тот откровенно признал, что силы делегации потерпели сокрушительное поражение при Ле-Мане (9—12 января 1871 года), потеряв при этом десятки тысяч солдат, попавших в плен, и что вся армия здесь разбита (у Шанзи было 150 000 солдат, в ходе битвы 7000 было убито и ранено, 22 000 попали в плен, 50 000 дезертировали; немцы (Фридрих Карл), имея 73 000 солдат, потеряли 3650 человек убитыми и ранеными). Так что выступить для деблокирования столицы войск не было. И после этого Жюль Фавр наконец уступил, осознав неизбежность капитуляции, это слово было теперь у всех на устах на улицах Парижа.

Фавр не нашел поддержки у своих коллег. Пикар поддержал его, но остальные твердили о попытке еще одного наступления, о том, что, мол, можно продержаться в случае необходимости и на конине, после того как запасы хлеба будут исчерпаны. Пресса и политические клубы неутомимо клеймили позором Трошю, возлагая на него, и только на него ответственность за поражение у Бузенваля. Этого взгляда придерживались и мэры, с которыми Фавр и Трошю встретились днем 20 января. Их не смягчили ни приведенные Фавром аргументы относительно поражения при Ле-Мане, ни витийствования Трошю на тему военной ситуации. После стольких бед, потерь и жертв они не желали принять идею капитуляции. Вместо того чтобы сложить оружие, утверждали они, лучше погибнуть голодной смертью или оказаться погребенными под руинами Парижа, иными словами: лучше умереть от голода, чем жить в позоре. Они потребовали еще один «стремительный бросок»: Бузенваль в счет не шел. Национальная гвардия хочет только одного, как убеждали они, чтобы ее повели в бой с врагом: и уж на этот раз их победа будет бесспорной.

Только один из их пунктов можно было считать разумным – требование отставки Трошю. Трошю отказался. Такой курс, считал он, недостоин солдата. Возложив на правительство ответственность за отстранение его от должности, он 21 января выехал в Сен-Дени искать смерти от немецкого снаряда, которая упрямо не желала настичь его, в точности так же, как в свое время Наполеона III в Седане. Но правительство было далеко от подобных проблем. Оно упразднило должность мэра Парижа и убедило Трошю остаться на посту председателя Совета, а вечером того же дня предложило передать командование войсками, от которого отказался Дюкро, Винуа. Может показаться неожиданным, что республиканцы все же преодолели свои сомнения касательно бывшего имперского сенатора, и еще более неожиданным, что Винуа все же принял на себя командование армией. Но назначение это никоим образом не предполагало продолжения войны. Задача Винуа состояла в том, чтобы справиться, с взрывом народного негодования в Париже, с которым, как считали, не мог бы справиться никто кроме него. Винуа была уготована роль нового Кавеньяка (подавившего Июньское восстание 1848 года), и эту роль он был готов с удовольствием сыграть.

Беспорядки, как таковые, начались 22 января и ни в коей мере не оправдали ожиданий тех, кто их замышлял. Лишь политические клубы крайне левого толка приняли в них участие: на мэров округов Парижа, вероятно, более сильное впечатление произвели Трошю и Фавр, причем сильнее даже, чем они были готовы признаться, все сомнения рассеялись окончательно после встреч со многими младшими офицерами, ничуть не менее убежденными, чем старшие, в тщетности дальнейшего сопротивления. Демонстрации 22 января, таким образом, инспирировались меньшинством, хотя и малочисленным, но склонным к безрассудному насилию. Заключенные в тюрьмы революционные лидеры были освобождены предыдущей ночью, и

утром Отель-де-Виль окружили толпы народа. Жюль Ферри принял делегатов, которые потребовали, чтобы муниципалитет взял на себя контроль и руководство проведением операций, а один из делегатов без обиняков попросил сделать его главнокомандующим. «Есть во мне закваска Клебера, Марсо», – пояснил он. В конце концов перед Отель-де-Виль появилось подразделение национальной гвардии и внезапно открыло огонь по стоявшей у дверей группе людей. Из окон последовал ответный залп, и площадь опустела. Залпы отзывались эхом на соседних улицах весь день, а правительство, заседавшее в Отель-де-Виль, узнало, что поставки муки продолжатся всего два дня. «Мы были в шаге от гражданской войны, – впоследствии писал Фавр, – и от голода нас отделяли считаные часы».

Этот внезапный, бездумный залп повстанцев был похож на прорыв давно воспалявшегося гнойника. Длительное подчинение чужой силе подтолкнуло правительство самому к ней прибегнуть, и в откровенном обмене мнениями, состоявшемся 22 января, стало ясным, насколько слаба поддержка экстремистов среди населения. Картечь Винуа восстановила свободу действий правительства и приободрило его, чтобы сделать ставший неизбежным шаг: просить у немцев условия капитуляции. Париж был на исходе ресурсов.

Как, впрочем, и вся Франция. Теперь мы должны вернуться и проследить за ходом войны в провинциях с тех пор, как в начале декабря войска Гамбетты были выбиты из Орлеана.

Глава 10
Война до победного конца

Углубление конфликта

При всех сложившихся способах ведения войны, практикуемых регулярными войсками и склонными к традиционализму государственными деятелями Европы, испытания, выпавшие на долю Франции, должны были подтолкнуть правительство национальной обороны к поискам мира. Так предполагали и немцы, да и остальные страны Европы. Настроения в провинциях, как в узком кругу признавали члены делегации, склонялись к окончанию войны. Стоявшие во главе французской армии командующие, за исключением разве что незначительного меньшинства, либо брезгливо отмахивались от идеи продолжения войны, либо, повинуясь чувству долга, понуро продолжали бессмысленную и совершенно бесперспективную бойню. Исходя из логики войны, никаких перспектив разбить немцев наголову не существовало, как не было смысла, затягивая войну, рассчитывать выторговать у противника более благоприятные условия заключения мира. Боевые действия продолжались лишь благодаря воле и энергии немногих наделенных властными полномочиями лиц, не допускавших и мысли о поражении.

По мере продолжения войны поддерживать политическое затишье, на которое опиралась власть делегации, становилось день ото дня труднее, да и делегация на деле не очень-то и стремилась к этому. Для Гамбетты и его последователей победа Франции была неотделима от учреждения республики, и любое отступление от этой идеи расценивалось ими как фактическое или потенциальное предательство. Гамбетта всячески дистанцировался от радикальных республиканцев юга страны или даже вовсе от них открещивался, но на сдачу Меца он отозвался риторикой, целью которой было вызвать взрыв возмущения не просто соотечественников-французов, а французов-республиканцев. «Есть одна страна, которая не может и не должна капитулировать, – объявил он, – и это – Французская республика… Пока у нас под ногами остается хотя бы сантиметр священной земли, мы не выпустим из рук наш славный триколор Французской революции!» Взрыв возмущения не замедлил последовать и выразился в беспорядках и демонстрациях по всей стране, а Гамбетта ухватился за них, как за доказательство того, что «тех, кто за войну до победного конца, подавляющее большинство». «Сочетание военной и политической обстановки в стране, – в заключение добавил он, – требует, чтобы терпимость… уступила место более решительным действиям, чтобы расстроить планы сторонников свергнутого режима». Взвинченная этими призывами, делегация принимала все более жесткие меры. Местные советы были распущены, институты судей и преподавателей подверглись чистке, была учреждена «правительственная газета», распространяемая с целью «донести до каждой коммуны известия об официальных декретах и содействовать политическому просвещению народа». Мало того что этот принцип насаждался повсеместно, еженедельно проводились и обязательные лекции, и учителя местных школ обязаны были особо выделять те статьи, в которых недвусмысленно излагалось стремление «ясно дать понять, что именно республика, ее учреждения способны гарантировать свободу и великое будущее Франции».

Однако подобные суждения едва ли могли претендовать на понимание и поддержку меньшинством правительства, пусть даже если оно и вело страну к победе. Когда после падения Орлеана стало ясно, что Гамбетта, при всей своей энергичности и при всем своем бесстрашии, так и не смог избежать поражения, число оппозиционеров делегации возросло. Атаки прессы множились, местные власти проявляли все большее упрямство, порядок призыва в армию ужесточился, что, впрочем, способствовало лишь росту числа дезертиров. Гамбетта никак не хотел

поверить в то, что Франция не разделяет ни его воззрений, ни чаяний, ни его политическое кредо и что препятствия, с которыми ему пришлось столкнуться, возникли не на пустом месте и не по заурядной причине неприязни к нему малочисленной политической клики, а потому, что для этого имелись куда более серьезные основания. В начале нового, 1871 года он высказал все накипевшее в душе в пространном письме Жюлю Фавру:

«Вся страна осознает необходимость и желает войны до победного конца – войны, не знающей милосердия, пусть и после падения Парижа, если эта ужасная участь не обойдет нас. Даже простолюдинам ясно, что, если война превратилась в войну на уничтожение, втайне подготавливаемую Пруссией в течение тридцати минувших лет, мы обязаны ради сохранения чести Франции и ради нашей собственной безопасности в будущем покончить с этой одиозной державой… Именно потому, что враги республики боятся, что она послужит гарантом освобождения нашей страны, они в своем злорадстве всеми средствами пытаются, воспользовавшись безграничной свободой, подавить, исказить и скомпрометировать принимаемые правительством военные меры…

По существу, Франция все более склоняется к республиканскому режиму. Масса людей, даже в сельской местности, под давлением разворачивающихся событий понимает, что именно республиканцы… и есть истинные патриоты, истинные защитники страны, прав человека и гражданина… Мы продолжим борьбу на истребление, мы гарантируем, что во Франции не останется ни одного человека или ассамблеи, которые придерживались бы принципа победы с опорой на силу, и, таким образом, одержим победу ненасильственными средствами».

Сопутствуй Гамбетте успех, он оправдал бы его, как успех оправдал негибкость Джорджа Вашингтона, Дантона, Троцкого или, если уж избрать куда более близкую аналогию, Шарля де Голля. Но поражение относит его к категории личностей вроде Гитлера, Наполеона I или короля Швеции Карла XII, беззастенчиво жертвовавших жизнью людей и озлобивших потомков погоней за несбыточными идеалами, не разделяемыми большинством их соратников. В какой момент благородство становится непростительной гордыней? Разве не долг государственного деятеля представлять стремление соотечественников к безопасности, убеждать, но не принуждать их приносить жертвы, благом от которых, если таковое вообще реально, воспользуются лишь грядущие поколения? Невозможно дать ответ на эти вопросы, вставшие и перед Вашингтоном, и перед Джефферсоном, и перед Черчиллем, и перед Гитлером, и перед Гамбеттой и де Голлем. Оценку исторических явлений нельзя представить изолированно, ибо даже самое благое и верное в контексте отвлеченной морали решение способно возыметь катастрофические последствия для страны. Политика как в военное, так и в мирное время есть искусство возможного, и великий государственный деятель, как и великий полководец, усматривает или же сам создает возможности, незаметные глазу других, и с непостижимой остротой обнаруживает и уязвимые места противника, и скрытые источники силы своих народов. Он не действующий вразрез со здравым смыслом герой, который, движимый лишь абстракциями, бросает вызов судьбе, не взвешивая за и против и увлекая за собой целые народы в бездну собственной трагедии.

И все-таки, могла ли быть решена стоявшая перед Гамбеттой задача? Немцы, разумеется, не столь остро ощущали безнадежность борьбы французов в сравнении с огромным напряжением, обусловленным истощением их собственных и без того порядком исчерпавшихся ресурсов, и продержись Мец еще несколько недель, трудно предвидеть, чем бы обернулось это напряжение. Введение в бой 1-й и 2-й армий избавило Мольтке от серьезной дилеммы, и даже этих сил едва хватило на решение массы задач, вставших перед ними вследствие усиливавшегося отпора французов. Для противостояния Луарской армии потребовалась вся 2-я армия в полном составе. И всего три корпуса 1-й армии Мантейфеля обеспечивали нейтрализацию крепостей, все еще перерезавших линии коммуникаций немцев, оборону уязвимого промежутка между Фридрихом Карлом (2-я армия) на Луаре и Вердером (14-й корпус) в верх-

нем течении Соны, а также разгром сосредоточенных на севере и северо-западе французских войск, представлявших угрозу тылу Маасской армии. Кроме перечисленных активных операций сохранялась необходимость и в операциях скорее пассивного характера: охране растянувшихся армейских коммуникаций в связи с участившимися атаками на них «вольных стрелков», что представлялось возможным лишь с привлечением формирований ландвера из Германии. О царившей в Версале напряженности, вызванной усложнившейся обстановкой, автор уже упоминал на страницах данной книги.

Для снятия угрозы, исходившей от организованных Бурбаки на севере сил, Мольтке в начале ноября направил туда Мантейфеля с двумя корпусами, 1-ми 8-м, и кавалерийской дивизией, в общей сложности свыше 40 000 человек плюс 180 артиллерийских орудий. Следуя на запад через Реймс и Компьень, пруссаки вряд ли встретились бы с серьезными затруднениями при разгроме стоявшей у них на пути сравнительно малочисленной Северной армии (17 000 человек), но 24 ноября при Виллер-Бретоннё, на протянувшемся строго на восток от Амьена уступе, подготовленные Бурбаки войска продемонстрировали стойкость, заставшую немцев врасплох и обернувшуюся для них внушительными потерями – около 1300 человек. Но одного дня боев оказалось достаточно, чтобы разрушить все надежды французов на наступление на Бове и оттеснить их, деморализованных и разгромленных, в поисках укрытия к крепостям Арраса и Лилля. Что касалось Мантейфеля, то он даже не счел необходимым организовать их преследование. Головной болью пруссаков стал и еще один центр, вокруг которого группировались силы сопротивления, – в Руане, и Мольтке приказал покончить с ним сразу же после взятия Амьена. 5 декабря немцы, не встречая сопротивления, заняли Руан, и пытавшиеся сосредоточиться там французские войска отступили в район Гавра. Мольтке рекомендовал нанести мощный удар по этой последней цитадели на северо-западе, но Мантейфель по причине нехватки личного состава не смог выделить на это людей. Силы французов в Аррасе представляли серьезную угрозу его флангу, и к середине декабря их действия вынудили его перебросить 8-й корпус в район Амьена, оставив 1-й корпус усмирять весьма враждебно настроенных к немцам жителей Руана и «вольных стрелков», наводнивших низовья Сены.

К декабрю немецкие войска достигли расположенного на юге Дижона, на юго-западе – Орлеана и на северо-западе, выйдя к Ла-Маншу, оказались в районе Дьепа. Пруссаки зависели от до сих пор не восстановленной железнодорожной системы, вынуждены были принимать в расчет уцелевшие крепости и бесконечные атаки «вольных стрелков». Отсталость французских железнодорожных коммуникаций теперь оказалась на руку французам. Всего три железнодорожные линии проходили через франко-германскую границу – в Саарбрюккене, Висамбуре и Страсбурге. Южная линия протянулась до Парижа через Мюлуз, Везуль и Шомон, но крепости Бельфора и Лангра не позволяли немцам ею воспользоваться на протяжении войны. Северная линия шла до Парижа через Мец, Мезьер и Реймс, но она перекрывалась крепостями Тьонвиля, Монмеди и Мезьера, и только падение Мезьера 2 января обеспечило доступ к ней немцам. Поэтому весь немецкий железнодорожный транспорт должен был следовать по единственному участку железной дороги между долиной Мозеля у Фру ара и городом Блем, затем по долине Марны на запад. Но даже эта линия не была полностью свободна вплоть до падения Туля 25 сентября, да и после этого уничтоженные мосты и заваленные тоннели в долине Марны лишали пруссаков возможности еще целых два месяца выдвинуть вперед за Шато-Тьерри склады (станции) снабжения. Движение на последнем перегоне этой линии облегчилось с падением Суасона 15 октября, что позволило снабжать Маасскую армию и позже 1-ю армию через Реймс, и падение Ла-Фера 27 ноября открыло еще один перегон для обеспечения армии Мантейфеля провиантом в ходе ее наступления на северо-западе. Войсковой подвоз 2-й армии на Луаре был связан с куда большими трудностями. До 9 декабря станция снабжения находилась в Шомоне, поскольку в результате повреждений железнодорожное сообщение в долинах Сены и Йонны до Монтро-Фот-Йон и Монтаржи было невозможно. Тогда станцию снабжения

перенесли в Труа, откуда поставки следовали по дорогам через Сане и Немур. Вся трасса снабжения проходила в пределах атакующей «вольными стрелками» зоны от плато Лангр и гористой местности в департаменте Кот-д'Ор, и 28 ноября остающийся корпус 1-й армии, 7-й корпус Цастрова, решено было выделить специально для обороны трассы войскового подвоза со ставкой в городе Шатийон-сюр-Сен.

Уменьшение числа французских крепостей было лишь вопросом времени и укрупнения. Все они, за исключением Бельфора, где были, по крайней мере, начаты существенные усовершенствования, пострадали от наличия уязвимостей, о которых упоминалось при описании осады Страсбурга. Фортификационные сооружения Страсбурга устарели, их вооруженность уступала немецкой, они испытывали нехватку надежно защищенных от разрывов снарядов казематов, и – самое главное – они были укомплектованы, как правило, недисциплинированным личным составом из числа бойцов мобильной гвардии. В отдельных случаях гражданское население не могли сломить даже интенсивные артобстрелы или военные губернаторы не желали уступать давлению гражданских властей, когда те требовали сдачи, едва начинался обстрел. И в этом смысле Страсбург был единственным исключением. Как только немцы, развернув батареи осадных орудий, открывали огонь, суток, как правило, хватало, чтобы вынудить гарнизон к капитуляции. Но поскольку осадных орудий было недостаточно, приходилось обстреливать ими бастионы по очереди – сначала один, потом другой, что в значительной степени замедляло их штурм пехотинцами. Таким образом, даже устаревшие бастионы существенно снижали вероятность победы противника. Урок не прошел даром в Европе, и после войны военные специалисты с прежним рвением принялись усиливать фортификационные сооружения.

Даже если железнодорожная линия пролегала вдали от крепостей, обеспечение ее бесперебойной работы было связано с серьезными трудностями. Диверсанты действовали зачастую весьма умело, и нанесенный ими ущерб оказывался достаточно серьезным. Разрушение виадука полностью перерезало железнодорожное сообщение между Дижоном и Люневилем. В городке Нантёй-сюр-Марн в результате взрыва шести шахт железнодорожный тоннель оказался засыпан почти 4000 кубических метров песка, а постоянные оползни сводили на нет все попытки восстановить его. В конце концов, пришлось прокладывать объездную колею, которая не была закончена до 22 ноября, таким образом, в течение двух месяцев 3-я армия у Парижа – именно она несла ответственность за накопление необходимых для осады материалов – была вынуждена осуществлять все поставки по дороге из Шато-Тьерри, который был в 80 километрах. Позже, когда железнодорожные линии все же понемногу стали приводить в порядок, потребовался персонал и подвижной состав. Поскольку французских железнодорожников не хватало, 3500 специалистов надлежало доставить из Германии. Было реквизировано всего 50 французских локомотивов и 280 требовалось также доставить из Германии, что вызвало там весьма ощутимую их нехватку и, как следствие, сбои в железнодорожном сообщении. И, наконец, железнодорожную сеть приходилось постоянно оборонять от набегов «вольных стрелков».

Пресловутые набеги не были столь многочисленными и успешными, как, возможно, ожидалось, отчасти из-за слабых мест в рядах самих «вольных стрелков», о чем уже говорилось, отчасти по причине своевременности принимаемых немцами соответствующих контрмер. Все же их отдельные случайные успехи и непрерывная угроза вынудили Мольтке не ослаблять внимание и держать диверсантов в страхе. Объектом диверсий «вольных стрелков» в Вогезах была железнодорожная линия Висамбур – Нанси. Так продолжалось до тех пор, пока Вердер не провел в сентябре продолжительную операцию по зачистке этого района Эльзаса. Лесистая местность между Сеной и Марной южнее Эперне так и не была очищена от «вольных стрелков», и нападения на транспортные пути, включая железные дороги в верхнем течении Сены, в долине Армансона и в долине Йонны прекратились лишь с прибытием 7-го корпуса в Шатийон-сюр-Сен в конце ноября, и даже тогда тщательно спланированные и разрушительные набеги про-

должались до конца войны. Самый успешный из всех произошел в ночь на 22 января 1871 года, когда небольшая группа, проделав путь в 90 километров из Лангра, взорвала виадук в Фонтенуа-сюр-Мозель на крайне важном участке между Фруаром и Блемом, через который осуществлялись и переброски сил немцев, и войсковой подвоз. Увы, но героические усилия французов оказались бесполезными. С падением Мезьера северные линии оказались в распоряжении немцев, а операция французов произошла за считаные дни до этого. Если бы французы провели акцию тремя месяцами ранее, как часть запланированной программы затруднения действий противника, трудно даже предсказать, что смогло бы уберечь систему войскового подвоза немцев от полного паралича, пусть даже временного.

Ответственность за оборону линий коммуникаций была частично возложена на тыловые службы армий и частично на генеральных губернаторов, назначенных Мольтке для управления оккупированными районами. Генеральные губернаторы были назначены для Эльзаса, для Лотарингии, еще один постоянно находился в Реймсе и отвечал за провинции между Парижем и Лотарингией, еще один пребывал в Версале и занимался провинциями к северу, к югу и к западу от столицы. От генеральных губернаторов Мольтке постоянно получал запросы направить в их распоряжение большее количество войск, которые ни Мольтке, ни Роон, скорее всего, не могли выполнить. Согласно имеющимся данным, общее количество человек, занятых в тыловых службах и осуществлявших общий контроль над оккупированными территориями, к концу войны насчитывало свыше 110 000, и почти все они были в составе ландвера. Частично интенсивной охраной линий, частично усаживая в поезда видных французов в качестве заложников, частично возлагая на мирное население окрестностей ответственность за акты саботажа на их территории – так, на жителей Фонтенуа-сюр-Мозель наложили штраф в размере 10 миллионов франков – немцы поддерживали более или менее бесперебойное функционирование служб, но сумели обеспечить войсковой подвоз лишь в минимальных объемах.

Что же касалось «вольных стрелков», Мольтке еще в начале кампании объявил, что если национальную гвардию следует рассматривать как полноценную воюющую сторону, то «вольные стрелки», не имевшие никаких законных прав на ношение оружия, подлежали расстрелу на месте. Позже это распоряжение было ужесточено. В тех случаях, когда обнаружить виновных не представлялось возможным, ответственность за чинимые ими диверсии автоматически возлагалась на коммуны. «Как показывает опыт, – писал Мольтке в штаб 2-й армии, – уничтожение принадлежащей диверсантам собственности и есть наиболее эффективный способ взять ситуацию под контроль. Если же участие в диверсиях носит массовый характер, разрушению подвергать целые деревни». Он писал в Бургундию Вердеру: «Самая суровая кара должна быть избрана в отношении жизни виновного и принадлежащей ему собственности, это и рекомендуется Вашему Превосходительству, когда целые округа должны нести совокупную ответственность за деяния отдельных жителей в случае невозможности доподлинно установить их личности».

Немцы тщательно исполняли упомянутые распоряжения, что, разумеется, никак не способствовало добросердечному к ним отношению местного населения и что оставило после себя самые недобрые воспоминания, отравлявшие отношения не одному поколению жителей обеих стран. Суровость вынесенных учрежденным в Нанси судом приговоров по обвинению в совершении преступлений против немецких войск вызывала протесты даже в Берлине. Но в то же время все их действия нельзя втиснуть в прокрустово ложе «репрессий». Вторгшиеся во Францию немецкие войска, согласно неоспоримым свидетельствам не только наблюдателей от нейтральных стран, но и самих французов, отличались дисциплинированностью, выдержкой и трезвомыслием. Сами французы вынуждены были с грустью признать вопиющие отличия в поведении немцев на марше – аккуратность, исполнительность, собранность, проявляемое при проведении реквизиций понимание – от толп пьяных мародеров, которым уподоблялись

их собственные войска[46]. Это был контраст не просто между тевтонцами и римлянами или – как в более широком смысле утверждала немецкая сторона – между дисциплинированным лютеранским благочестием и вырожденцами-революционерами, вольнодумцами, но и между двумя различными способами ведения войны. Французские войска вели себя так, как европейские армии 400 лет назад, – грабили, насиловали, пьянствовали. Ни Тюренн, ни Мальборо, ни Мориц Саксонский, ни Наполеон I, ни Веллингтон не усматривали в этом ничего странного. Но при наличии штаба и функционировавшей как подобает службы войскового подвоза Мольтке подобное поведение было просто излишним, и впервые в истории появилась возможность избежать его. Планы маршей разрабатывались теперь с научной точностью, всякого рода отщепенцы и отставшие от своих частей солдаты сурово наказывались. Регулярные и обильные поставки устраняли грабеж населения как необходимость. Немецкие войска состояли не из изнуренных тяготами сверхсрочной службы лиц, а из резервистов, совсем недавно расставшихся с гражданской жизнью, не успевших позабыть ее нормы и эти нормы соблюдавших – неприкосновенность собственности и женщин своих врагов. Но никакая армия на вражеской территории не ведет себя безупречно, в каждой армии всегда были и есть исключения. Продвижению немецких войск по Франции – как и таковому французских войск – сопутствовал беззастенчивый грабеж, продвижение это сопровождалось в целом отдельными нетипичными и ужасными фактами, запечатлевшимися в умах мира и на долгие годы замаравшими облик дисциплинированного и сдержанного солдата.

Кроме того, с затягиванием войны до зимы и в связи с резкой активизацией «вольных стрелков» немцы ощутили еще более глубокую ненависть к стране, с которой воевали и которая всеми способами, в том числе и нечестными, пыталась продлить бессмысленное кровопролитие. «Война, – писал один немецкий офицер, участник кампании на Луаре в ноябре, – постепенно приобретает все более и более отвратительный характер. Убийства и поджоги – теперь повестка дня с обеих сторон, и все наши мольбы к Всемогущему Богу в конце концов положить ей конец, похоже, безответны». «Мы с каждым днем ненавидим их больше и больше, – писал другой служащий прусской армии, вполне нормальный и цивилизованный человек, с ужасом взиравший на падение морали войск, обусловленное горечью и ожесточенностью. – Могу Вас заверить, что и в интересах нашего народа положить конец этому воистину расовому смертоубийству. За жестокие атаки мстят злодеяниями вполне в духе Тридцатилетней войны». Дисциплинированность, которая еще летом вынуждала немецкие войска уважать собственность мирного населения, постепенно падала.

«Сначала нам запрещали под угрозой суровых наказаний разводить костры из сухой виноградной лозы, и горе было тому, кто набивал тюфяки необмолоченными колосьями! Детская невинность! Теперь никто не спрашивает, из чего ты раскладываешь костры – из заборов садов, или из дверей домов, или из крестьянских телег, и только безудержные идеалисты считаются с тем, чтобы ненароком не подбросить в огонь соломы с крыши деревенского дома, сами же французы уже не обращают на это внимания…»

Таким образом, за осень и зиму 1870 года терроризм «вольных стрелков» и репрессии немцев постепенно достигли новых глубин дикости. Если французы отказывались признать военное поражение, то следовало найти иные средства для подавления их воли к сопротивлению. С той же проблемой столкнулись и Соединенные Штаты, воюя с Конфедерацией шестью годами ранее, и Шерман решил ее неустанным маршем через Юг. Мольтке полагал, что суть

[46] 8 августа в дневном приказе было объявлено о том, что «долг каждого верного понятиям воинской чести солдата защищать частную собственность и не позорить доброе имя нашей армии даже отдельными проявлениями нарушений воинской дисциплины. «Фридрих Карл напомнил своим войскам о том, что не население Франции повинно в творимых [в прошлом] армией Наполеона [I] бесчинствах, и убеждал их доказать, «что в наш век оба культурных народа не позабыли законы человечности». E.g. Du Barail, *Souvenirs* III 221. Lehautcourt, *Cam-pagne du Nord* 31. – *Aem.*

войны состояла в движении армий, но американский генерал Шеридан, видевший войну не из кабинета при главной ставке, указывал, что это было лишь первым требованием победы.

«Надлежащая стратегия [объявил Шеридан после Седана] состоит в нанесении наиболее ощутимых ударов по войскам неприятеля, а затем в обречении мирного населения на такие муки, чтобы они стали жаждать мира и вынудили бы правительство просить его. Людям нужно оставить только их глаза, чтобы они могли рыдать от войны».

Бисмарк отнесся к этому совету куда серьезнее Мольтке. Чем больше французов пострадает от войны, указывал он, тем больше будет число тех, кто захочет мира любой ценой. «Дойдет до того, что нам придется перестрелять всех жителей мужского пола». Каждая деревня, требовал он, в которой совершен акт предательства, должна быть сожжена дотла и все жители ее повешены. Всякое проявление милосердия было бы «преступной ленью убивать». Письма Бисмарка и беседы в Версале переполняли именно такие идеи. «Несомненно, жестокость вполне сочетается с его инстинктами, – писал Бамбергер, – как я уже заметил в 1866 году. Предпочитаю действовать с помощью силы». Однако по поводу гнева Бисмарка следует отметить два момента. Во-первых, гнев этот был только на словах и никоим образом не распространялся на его действия. Французские переговорщики в Версале в январе 1871 года увидели в нем столь же хладнокровного и учтивого человека, как и в Ферьере в сентябре, и если ему докладывали о случаях проявления немцами актов жестокости, он наказывал виновных, причем с той же суровостью, с какой расправлялся с «вольными стрелками». Во-вторых, его высказывания ничем не отличались от тех, которые были в ходу у всех остальных штатских немцев. Даже Бисмарк выразил протест по поводу идей жены «пристрелить или проткнуть штыками всех французов, включая грудных детей», да и в немецкой прессе было полным-полно высказываний в том же духе. И сами французы не отставали от своих оккупантов, избирая для них новые и новые способы обречь на мучительную гибель. Обе страны были свято уверены, что именно они – цивилизованные люди, вынужденные противостоять варварам, которых можно принудить к подчинению лишь прибегнув к грубой силе. Сорок четыре года спустя, в 1914 году, эта убежденность вновь возродилась в еще более катастрофических масштабах.

Шанзи

Общеизвестно, что Гамбетта не рвался выпрашивать мир после падения Орлеана – правительство находилось в Париже, и его действия были продиктованы не военной необходимостью, а давлением со стороны «политических клубов» крайне левого толка. И все же Гамбетта расценивал падение Орлеана и поражение его войск не более чем досадный эпизод. Французские армии были побеждены, но не уничтожены, позиции делегации в Туре были шаткими, и 10 декабря ядро правительства переместилось в Бордо, но никто не подвергал сомнению факт того, что война должна продолжаться и что в кратчайшие сроки необходимо подготовить еще одно наступление. Д'Орель де Паладина, который отступил вместе с остатками 15-го корпуса в Сальбри, сделали козлом отпущения за потерю Орлеана, и его главнокомандование было отменено. Армия так и должна была оставаться разделенной на те две части, на которые ее разделили силы Фридриха Карла. Генерал Шанзи должен был сохранить пост командующего 16-м и 17-м корпусами и отступить вдоль северных берегов Луары, в то время как 15, 18, и 20-й корпуса, в результате стремительного отхода оказавшиеся на юге, были объединены во вторую армию, командование над которой принял Бурбаки (до 27 декабря в составе Луарской армии, затем так называемая Восточная армия).

Только 6 декабря Гамбетта узнал о поражении Дюкро, а до этого верил, что войска Парижа направляются на юг для соединения с Луарской армией, и ничто, даже утрата Орлеана, не могло заставить его отказаться от намерения атаковать пруссаков. 5 декабря Бурбаки и Пальер, проводя свои спешно отступавшие войска через Луару, получили приказ сосредоточиться в Жьене и нанести удар в северном направлении на Фонтенбло, в то время как 16-й и 17-й корпуса должны были вернуть Орлеан. Генералы были ошеломлены этими приказами. Их войска, как они указали, были предельно измотаны и понесли существенные потери, и подобные операции были вне рассмотрения. На сей раз их протесты были приняты. Гамбетта в ходе поездки в Сальбри сам убедился в состоянии 15-го корпуса и понял, что командующие не пытаются ввести его в заблуждение. В любом случае известия о неудаче Дюкро сняли с повестки дня вопрос о срочном наступлении. Поэтому 7 декабря Гамбетта уполномочил Бурбаки отойти в Бурж, где он должен был принять командование 15, 20 и 18-м корпусами, встать там на отдых и для пополнения личного состава, но, «как только вы получите все необходимое, – добавил Гамбетта, – считаю, что вы действительно готовы к решительным действиям». Пальер, как только его солдаты оказались в безопасности в Бурже, отказался от командования. Ничто, заявил он, не заставит его и дальше оставаться «в распоряжении военных фантазий телеграфа из Тура».

Пока Бурбаки возвращался в Бурж, Шанзи занимался переформированием своей армии у Луары близ Божанси. Было несколько причин, почему его войска должны были быть в лучшем состоянии, чем силы Бурбаки. Они не испытали в полной мере удара немцев, как 15-й корпус, и не были деморализованы и измучены длительным отступлением, как 18-й и 20-й корпуса. Но все причины бледнеют в сравнении с компетентностью и яркой индивидуальностью самого Шанзи. Как большинство его коллег в Луарской армии, Шанзи с запозданием прибыл из Африки и был назначен на командную должность в войсках империи до окружения их в Меце и Седане, но, в отличие от своих коллег, он не был обескуражен состоянием личного состава, которым теперь был назначен командовать. Шанзи не пытался втиснуть своих плохо обученных и только что пришедших с гражданки солдат в рамки регулярной армии, но и не стал от них отказываться. Шанзи понимал, чего от них ожидать и как этого добиться: если другие командующие доводили своих солдат до того, что те просто разбегались, Шанзи чувствовал момент, когда они могли дать врагу отпор. Шанзи был, вероятно, единственным из генералов, кто никогда не позволял себе усомниться в возможности окончательной победы. До самого

конца войны он без устали ковал планы и был убежден в их осуществимости. Генерал уже имел возможность не раз проявить себя способным вдохновить своих солдат. Он мог повести их в атаку, однако в полной мере его незаурядный талант раскрывался в умении ждать, в терпении, решимости и стойкости в бою, что и позволило его войскам в течение долгих семи страшных недель в зимние холода организованно отступить с минимальными потерями. Шанзи заслуживает куда большей похвалы, нежели многие из тех, чьи имена красуются в списке самых выдающихся маршалов и других военачальников Франции, но всегда бывает так, что держава помнит только тех, кто вел ее к победам, но никак не тех, кто отдавал себя тому, чтобы облегчить для нее горечь поражения.

Новая диспозиция Шанзи была благоприятной: его правое крыло упиралось в реку, а левое – на лес Форе-де-Маршнуар, но он остановился, как впоследствии признался, в основном потому, что дальнейшее отступление означало бы полнейший разгром его сил. Это было мужественное решение, и его правильность можно оценить, сравнив условия его сил с таковыми войск Бурбаки, когда они достигли Буржа. Бой при благоприятной диспозиции имел все шансы для поднятия боевого духа солдат, а продолжение отступления, напротив, подрывало его. Значительная часть соединений 16-го корпуса уже устремилась в Блуа и была вне досягаемости, но у Шанзи осталось достаточно войск, чтобы занять позицию вдоль дороги Бина – Божанси. Это был 21-й корпус, подтянувшийся по его распоряжению для соединения с его силами, дислоцированными в лесу слева от него, а в тылу этих позиций Шанзи разместил кавалерийский кордон, в чью задачу входило не допустить бегства войск.

Шанзи не пришлось долго ждать. Мольтке убеждал Фридриха Карла оперативно организовать преследование, рекомендовав надавить на Бурж и Невер, в то время как части великого герцога Мекленбургского, независимые командные полномочия которого были к тому времени восстановлены, продвинулись вниз по течению Луары к Туру. Было необходимо как можно скорее разгромить и уничтожить французов у Орлеана и гарантировать на случай мирных переговоров, чтобы у французов уже не оставалось в запасе армии численностью до 100 000 человек в этом районе. Но Фридрих Карл не мог избавиться от опасений, что Бурбаки возобновит наступление, ударив ему в левый фланг, и только 7 декабря он стал выдвигаться из Орлеана. 2-я армия развернулась веером со стороны города, 3-й корпус направился вверх по течению Луары к Жьену, а 9-й корпус и кавалерийская дивизия – на юг в Солонь. Группировка великого герцога Мекленбургского уже прощупывала путь вниз по течению реки к Божанси и Блуа. 6 декабря его конница натолкнулась на аванпосты Шанзи за городком Менсюр-Луар, и 7 декабря он решился атаковать. Но атака эта вышла нескладной, силы герцога рассеялись, не ожидая сильного отпора со стороны французов после их отступления из Орлеана, так что французские войска без труда сдержали явно озадаченные таким оборотом немецкие войска в виноградниках на подходах к Божанси. Конница немцев не могла развернуться в гуще виноградных лоз, его артиллерия оказалась беспомощной перед массивными стенами построек фермы, и вновь сказали свое веское слово винтовки Шаспо. В общем, день завершился постыдным для пруссаков провалом атаки.

Поэтому 8 декабря великий герцог Мекленбургский бросил в бой все имевшиеся в его распоряжении силы – 17-ю дивизию на левом крыле у Божанси, баварский корпус в центре и 22-ю дивизию на правом крыле. К северо-западу от Луары местность была открытой и холмистой, прикрытие на этих голых и заснеженных равнинах обеспечивалось лишь за счет деревень и ферм, и бой, как ожидалось, складывался бы из отдельных боестолкновений за жизненно важные опорные точки, господствующие над местностью по всем направлениям. Шанзи не ждал атаки своих позиций. Наступавшие немецкие войска были встречены плотными колоннами пехоты под прикрытием артиллерийского огня, скорострельность и прицельность которого поразили немцев. Разыгралось ожесточенное сражение за селение Краван в центре позиций французов, сражение это бушевало весь день, в то время как между Кравaном и Ле-Ме

баварцы подверглись атаке 17-го корпуса и едва не отступили. Лишь сумерки и артиллерийский огонь предотвратили их разгром, и на поле битвы осталось множество солдат, измученных сражением до такой степени, что они не были в состоянии даже отступить. Эти чрезвычайно ожесточенные атаки сдержали натиск немцев везде, кроме Божанси, где, о чем не знал Шанзи, встревоженный немецким наступлением на южном берегу Луары Фрейсине приказал отвести гарнизон из небезопасного дефиле на более благоприятные с точки зрения обороны позиции за городом. Это решение, достаточно логичное в аспекте маневрирования, возымело катастрофические последствия в аспекте личного состава и его боевого духа. Войска в городе упорно сражались до тех пор, пока находились на благоприятных неподвижных позициях. Как только они их покинули и отошли, то тут же запаниковали, и большинство их устремилось в Блуа. Немцы таким образом смогли пробиться к Божанси уже к вечеру и воспользоваться достигнутым как плацдармом для продолжения наступления на следующий день.

В ту ночь Шанзи доложил, что его войска «на пределе сил и неспособны предпринять серьезные действия на следующий день». И все же он снова на рассвете 9 декабря атаковал, тщетно пытаясь отбить у противника Божанси, причем на центральном участке действовал настолько упорно, что немцам пришлось срочно наскребать силы для отражения атаки Шанзи. Удивляет, что немецкие историки упоминают и об атаках их правого фланга, где на самом деле Шанзи вел себя достаточно сдержанно, не дав своим плохо обученным солдатам 21-го корпуса выйти на открытое пространство из леса Форе-де-Маршнуар, и это уменьшило чисто иллюзорное давление, о котором распорядился великий герцог Мекленбургский, приказав своей 17-й дивизии атаковать Божанси, нанеся удар по правому флангу французов. Там они не встретили сопротивления и внедрились глубоко в тыл французам – успех, позволивший 22-й дивизии надавить на центральный участок французов и даже продвинуться чуть ли не к ставке Шанзи в Жоне. Наступление темноты остановило их. Если бы они не обратили на это внимания, то, возможно, смогли бы записать на свой счет один из наиболее впечатляющих успехов войны, поскольку не только Шанзи, но и Гамбетта находились в ставке в Жоне – как говорится, протяни руку и схвати.

Гамбетта прибыл в Жон для оценки возможностей продолжения сопротивления, и возможности эти, увы, представлялись весьма скромными. Шанзи признал, что его солдаты измотаны в боях. Он был готов удерживать позиции, если это необходимо, но при условии, что ему будет предоставлена возможность отступить. Поскольку правительство покидало Тур и оборона здесь уже особой роли не играла, лучше всего было отвести силы на запад на базу в Ле-Мане, где армия могла передохнуть, пополнить припасы и потери и довооружиться. И Гамбетта с Шанзи решили сдерживать атаки немцев еще один день, а затем отступить на запад к Ванд ому в долине реки Луар (правый приток реки Луары).

Но необходимости в сдерживании немцев 10 декабря не было. Мольтке теперь понял, что великий герцог Мекленбургский поставил задачу, для выполнения которой у него не было ни сил, ни возможностей. Располагая войсками численностью в 24 000 человек, он не мог ничего предпринять против сосредоточенной здесь группировки противника численностью в 100 000 человек. В какой-то момент великий герцог Мекленбургский упавшим голосом упомянул об отступлении, и Штош вынужден был призвать на выручку всю свою способность убеждать, чтобы развеять опасения герцога. Фридрих Карл был все еще загипнотизирован присутствием Бурбаки в Бурже и страшился подставить под удар ничем не прикрытый фланг, придя на помощь великому герцогу Мекленбургскому. И приписал отпор, оказанный французами силам великого герцога Мекленбургского, просто-напросто неспособности их командующего. «Великий герцог – весьма храбр, но как командующий – ничто, – заявил Фридрих Карл Вальдерзее. – Поверьте, перед ним нет никого и ничего. У него просто недостает решимости атаковать». Разумеется, это умозаключение в значительной степени диктовалось и личной неприязнью, но было бы все же разумнее, если бы герцог оценивал угрозу со стороны 16-го и 17-го

корпусов под командованием какого-то безымянного командующего как менее серьезную, чем таковую, исходившую от сил большей численности и к тому же ведомую в бой овеянным славой генералом. Штош, в припадке отчаяния, вынужден был телеграфировать непосредственно Мольтке, который мгновенно оценил обстановку – план немцев развернуть силы веером для преследования противника следует оставить, вместо этого они должны сосредоточиться для сражения. Поэтому 9 декабря Фридрих Карл по приказу из Версаля вновь взял под командование силы великого герцога Мекленбургского, направил 10-й корпус для оказания поддержки со стороны Орлеана и приказал 3-му корпусу, следовавшему вдоль реки вверх по ее течению к Жьену, развернуться и ускоренным маршем продвигаться на Блуа. Великий герцог Мекленбургский должен был остаться там, где находился на 10 декабря, и дожидаться подкреплений.

Таким образом, на 10 декабря все для Шанзи сложилось куда легче, чем он ожидал, и он задал себе вопрос: а стоит ли вообще отступать? Единственная серьезная угроза теперь исходила от немецкого наступления к югу от Луары, где в сумерках предыдущего вечера пехота гессенцев вырвала из рук бойцов мобильной гвардии замок Шамбор, а 10 декабря гессенская кавалерия появилась у Блуа, но это наступление было весьма уязвимо для контрудара Бурбаки из Буржа.

Начиная с его прибытия в Бурж Бурбаки оказался под шквалом предписаний из Тура, призывавших его к действию, но на все подобные требования он отвечал, что его люди не в состоянии сражаться. «Люди, – сообщал он, – пребывают в подавленном состоянии, они деморализованы, с ними невозможно осуществить ни одну операцию». Его силы состояли из наименее опытных войск в армии, и даже не поражение столь пагубно подействовало на их боевой дух, а продолжительное и поспешное отступление. Гамбетта, направившийся прямо в Бурж из Жона, был вынужден признать, что Бурбаки не преувеличивает. Его войска, телеграфировал он Фрейсине, пребывали в «состоянии самого настоящего распада: самое жалкое зрелище, которое мне доводилось видеть». 12 декабря Бурбаки действительно делал попытку ограниченного наступления, в результате которого немецкий кавалерийский аванпост оставил Вьерзон, а ускоренное продвижение гессенского корпуса на Тур было прервано, но после этого Бурбаки окончательно потерял самообладание. Большая часть немецких войск, телеграфировал он Гамбетте, сосредоточилась против него, а не против Шанзи. И какое-то время было непонятно, намерен ли Бурбаки вообще остаться в Бурже. Утратив надежду на его помощь, Шанзи мог лишь отступить, и 11 декабря он вывел свои войска из боя.

Опасения Шанзи относительно последствий отвода своих сил не замедлили подтвердиться. Наступила оттепель, и растаявший снег превратил землю в грязь, а войска промокли до нитки от дождей. Даже холод был лучше, чем эти связанные с оттепелью мучения, и войска Шанзи тысячами бросали оружие и уходили куда глаза глядят. Немцы обнаружили лес Форе-де-Маршнуар, переполненный французами, которые оставили свои части – промокшими, изголодавшимися и дрожащими от холода. Местные крестьяне и пальцем не шевельнули ради того, чтобы хоть как-то уменьшить страдания своих соотечественников. Они продемонстрировали совершеннейшее безразличие к войне, бессмысленно продолжаемой правительством, которое терпеть не могли, и вообще предпочли иметь дело с немцами – те хоть платили за все, что брали у них. Лишь сдержанность, проявленная прусскими кавалеристами, уберегла армию от уничтожения и позволила ей уйти, когда она 13 декабря, обходя с обеих сторон Ванд ом на реке Луар, по истоптанной в грязь равнине направлялась к своим новым позициям. 16-й корпус обеспечил неприступность Вандома, а на правом фланге генерал Барри с войсками, удерживавшими Блуа, отступил к Сен-Аману. Стратегически французы расположились совсем неплохо.

Они угрожали флангу любого немецкого наступления на Тур, перекрывали линию отступления к Ле-Ману и были угрозой линиям коммуникации между силами немцев и Пари-

жем, и Шанзи решил не продлевать ужасы отступления, а остаться и наблюдать за ходом событий[47].

Но Шанзи не предполагал численности сил, которые Фридрих Карл теперь смог бросить против него. Войска великого герцога Мекленбургского, находившиеся в близком к французам состоянии, удерживались на реке Луар во Фретвале, но 3-й и 10-й корпуса подошли с левой стороны и 15 декабря стали теснить французов, которым соперничать с ними было трудно, если вообще возможно. Шанзи все еще боролся с решением снова отступить, но в самый разгар сражения 15 декабря ночью его солдаты пережили невообразимые лишения – ночевка под открытым небом, под снегом и дождем, и командиры корпусов на следующее утро доложили о полной неготовности их соединений и дальше продолжать сопротивление. Шанзи поэтому отдал приказ отступить к Ле-Ману, оставив надежды и на взаимодействие с Бурбаки, и на прикрытие Тура, и висевший над рекой непроглядный туман позволил его силам беспрепятственно отойти. Как Шанзи и опасался, оставшиеся 70 с лишним километров до Ле-Мана завершили процесс распада его войск. Местность, которую им предстояло миновать, была холмистая, перегороженная повсюду высокими живыми изгородями, изобиловала перепадами высот с небольшими полями и лугами. Пехота была вынуждена лавировать по полям и продираться через виноградники, артиллерийские орудия и повозки перегораживали узкие поля, превращая поросшую травой почву в трясину, в которой намертво увязало все, что способно было двигаться. В конце концов, войска Шанзи все же добрались до Ле-Мана, но солдаты были обессилены многочасовым переходом по крайне неблагоприятной местности. Едва ли они выглядели лучше прибывших в Бурж частей Бурбаки.

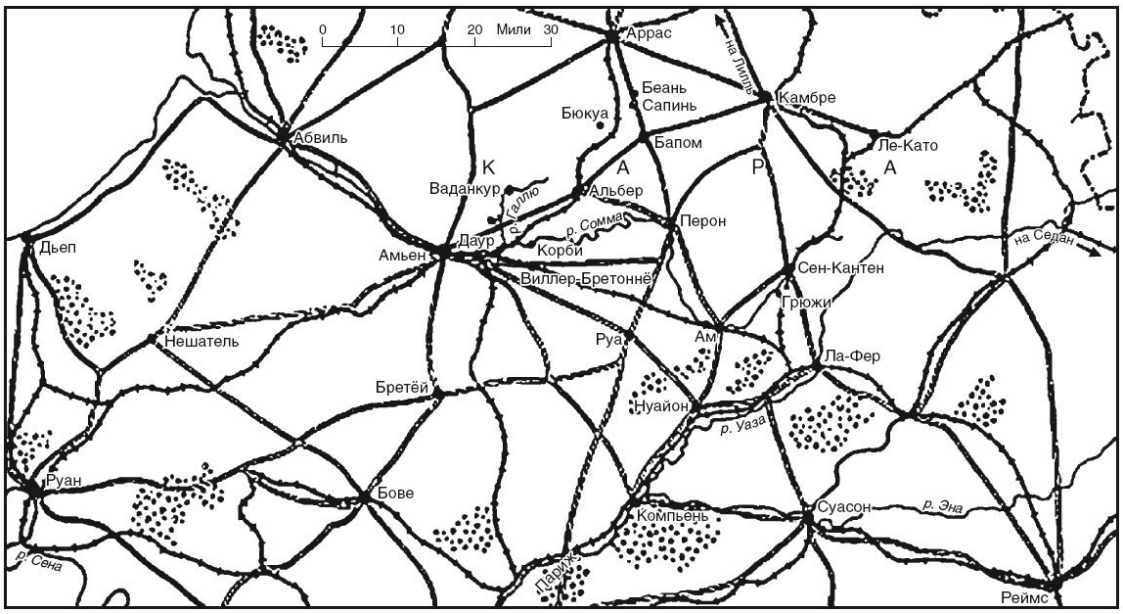
Если бы Фридрих Карл продолжил преследование, еще неизвестно, добрался бы Шанзи до Ле-Мана вообще. Но и немецкие войска были измотаны ничуть не меньше французов. Значительная часть их теперь состояла из молодых новобранцев, второпях кое-как обученных, физически слабых, уставших, больных, в разбитой обуви. Более того, чем дальше они отходили от Орлеана, тем сильнее росла неуверенность принца. Он понимал, чем чревато такое растягивание коммуникаций, и постоянно чувствовал нависшую над собой угрозу того, что Бурбаки все же нанесет роковой фланговый удар слева. И в конце концов 15 декабря, как раз когда 2-я армия находилась в процессе сосредоточения для атаки Вандома, поступили тревожные, причем безосновательные, сообщения якобы об атаке Жьена в глубоком тылу принца. Фридрих Карл поэтому, по сути, прекратил преследование противника и направил вслед Шанзи одну лишь кавалерию, а еще два дня спустя Мольтке официально подтвердил, что преследование следует прекратить.

[47] Блуа был оставлен 12 декабря. Лишь прямое вмешательство Гамбетты предотвратило от сдачи его гражданскими властями еще 10 декабря, когда гессенцы призвали их капитулировать под угрозой артиллерийского обстрела, – угрозу эту принц Гессенский не выполнил. – *Авт.*

Федерб

Между тем в Версале Мольтке изучал сложившуюся обстановку. Армии республиканской Франции были разгромлены столь же решительно, как и армии империи. Дюкро, д'Орель де Паладин, Шанзи, Бурбаки – все генералы, пытавшиеся дать отпор немецким войскам на поле боя, проигрывали сражения. Однако и признаков мира не было. Ни одна из французских армий не была уничтожена. Дюкро отступил за крепостные стены Парижа, который немцы пока что не могли попытаться взять штурмом, армии провинций удалились на почтительное расстояние, а в оккупированных немцами районах приходилось быть настороже из-за набегов на линии коммуникаций «вольных стрелков». Слава Седана постепенно улетучивалась, а с ней – надежда на скорое заключение мира, такого же благоприятного, как после битвы при Садове. Дилемма представлялась неразрешимой: крайне необходима была скорая победа, именно она смогла бы удержать от вмешательства нейтральные державы Европы, однако упомянутой скорой победы можно было добиться лишь ценой вливания огромных людских ресурсов, что могло не только поставить под удар лояльность союзников Пруссии, но и вызвать уже давно назревавший в прусской армии кризис. Бисмарк считал, что в немецкой прессе необходимо постоянно поддерживать атмосферу военного психоза и требовать немедленного артиллерийского обстрела Парижа, именно это, как полагал он, и подтолкнет французов к сдаче столицы и покончить с войной. Мольтке, как известно, не верил в чудодейственность артобстрела столицы Франции, но принимал тезис о том, что операции в провинциях послужат прелюдией к штурму Парижа и что капитуляция Парижа будет означать конец войны. Следовательно, основные усилия немецких войск должны быть сосредоточены именно на Париже, а операции в провинциях нужно свести к необходимому для обороны и удержания кольца блокады минимуму.

Средства для осуществления этой стратегии Мольтке были изложены в общих чертах в посланиях командующим 1-й и 2-й армиями 15 и 17 декабря. Врага, как пояснял Мольтке, преследовать лишь в случаях крайней необходимости, чтобы разбить их главные силы и тем самым на длительный срок исключить возможность их повторного сосредоточения. Немецкие армии не могли следовать за противником к его базам в Лилле, Гавре или Бурже, а отдаленные провинции, такие как Нормандия или Вандея, не могли быть постоянно заняты немцами. Немецкие армии должны при необходимости оставлять ненадежные позиции и сосредоточивать силы в нескольких надежно укрепленных пунктах, откуда удобно организовывать эффективный отпор «вольным стрелкам». Следовательно, 1-я армия должна расположить свою базу в Бове, с сильными формированиями в Сен-Кантене, Амьене и Руане. Великий герцог Мекленбургский, силы которого базировались в Шартре и Дрё, должен снова взять под контроль западное направление, а 2-я армия в Орлеане должна оставить левый берег Луары и занять только Жьен и Блуа. 7-й корпус Цастрова в городе Шатий – он-сюр-Сен и силы Вердера в долине Соны завершали работы по устройству оборонительного рубежа. Так что все расположенные дальше французские войска армии могли до поры до времени спокойно зализывать раны.

Кампания на севере Франции

Гамбетта и Фрейсине не замедлили воспользоваться в своих интересах наступившим затишьем. Их ресурсы, правда все еще пребывавшие исключительно на бумаге, были огромны: без малого миллион человек, находившихся в армии или же пригодных к службе, да еще к этому следовало прибавить и тех, кто в достаточном количестве ковал вооружение на отечественных военных предприятиях, в то время как поток импортированного из Америки и Великобритании оружия беспрепятственно устремлялся в страну через морские порты. Принимая все это во внимание, не было нужды впадать в отчаяние при мысли о возобновлении наступления. Гамбетта не отчаивался. Бурбаки в Бурже уже повторно сумел набрать целых три корпуса, способные к еще одному наступлению. Шанзи потребовалось менее недели в Ле-Мане, чтобы выставить несколько колонн и как следует припугнуть немцев на реке Луар и убедить Гамбетту возобновить наступление. И, наконец, генерал Федерб взял на себя командование Северной армией.

Падение Руана практически изолировало северные департаменты Франции от провинций центра и юга страны, служивших ядром отпора противнику. После этого Лилль стал фактически столицей северных департаментов, связанной с Бордо только телеграфными линиями, проходившими через Англию и Гавр. С их ограниченными ресурсами, северные провинции были напрасной головной болью для немцев, сплошной досадой, но если бы эти ресурсы с умом использовать, то это была бы уже не просто досада, а кое-что посерьезнее. Существовал промышленный потенциал Лилля и окружавших этот город районов, как мог убедиться Бурбаки, там преобладал здоровый республиканский дух, там существовал замысловатый барьер в виде крепостей, штурмовать которые немцы не рисковали, а поток сбежавших из Германии военнопленных французов предоставлял войскам армии кадровых военных. Эти силы уже весьма умело приводил в надлежащее состояние полковник Фарр, начальник штаба у Бурбаки, и они уже весьма положительно проявили себя в Виллер-Бретоннё, когда в начале декабря генерал Федерб взял над ними командование.

Федерб, как и Шанзи, в начале войны находился в Алжире. Ранее он был губернатором Сенегала, и эта колония под его умелым руководством обогатилась, обеспечив ему достойное место в созвездии военных-администраторов, которых в изобилии плодила Франция в течение XIX столетия. Пребывание в Африке пагубно сказалось на его здоровье, и зимняя кампания в Пикардии обернулась для него истинным мученичеством. Страдающий лихорадкой Федерб вынужден был ежедневно ложиться спать уже в 5 часов вечера, а в полночь вновь под-

ниматься, чтобы продиктовать приказы. Если ему и не хватало присущей Шанзи поразительной способности быстро восстанавливать прежнее физическое и душевное состояние, он, как и Шанзи, обладал способностью хладнокровно оценить как достоинства, так и недостатки находившихся под его командованием войск. К этому следует добавить и выдающуюся смелость мышления. В отличие от Шанзи, Федерб на победу не надеялся: он просто готов был тянуть свою лямку военного до самого конца, до тех пор, пока правительство не остановит его в приказном порядке. Но, как и Шанзи, он завоевал доверие офицеров-республи-канцев и сотрудничал с ними без всяких разногласий. Качества, востребуемые в дисциплинированной армии, указывал он, были теми же, которые Гамбетта требовал от страны в целом: презрение к смерти, дисциплинированность и строгость моральных норм *(austerite des moeurs),* именно их, как он заявил, он и намерен насаждать. От тех, кто считал строгость моральных норм превыше своих сил – а таких было более чем достаточно, – он требовал, «по крайней мере, достоинства и в особенности умеренности». Малейшие проявления насилия, грабежи и мародерство, объявил он, будут наказываться предельно строго. В отличие от Луарской армии, где дисциплина упала, не выдержав напряжения постоянных сражений и тягот кампании, Северная армия, пребывавшая в безопасности в стенах крепостей и проводившая лишь операции локального характера, и, как правило, успешные, была во власти своих унтер-офицеров и офицеров, неблагодарной задачей которых было не только осуществление командных функций в ходе боевых действий, но и обеспечение у себя в тылу повиновения личного состава и привития ему тех самых чисто военных качеств, без которых немыслима ни одна армия мира. Но на все это требовалось время, а его у Федерба постоянно не хватало. Федерб знал пределы своих сил и возможностей. «Моя армия – 35 000 человек, – сказал он Гамбетте 5 января, – половина из которых способна бесстрашно воевать. И с каждым сражением число их уменьшается. Остальные лишь создают эффект присутствия на поле боя». У него не хватало оружия и снаряжения: ни англичане, ни бельгийцы, с которыми были заключены контракты, в достаточном количестве ни того ни другого не производили. «Мы прилагаем огромные усилия, – заверял он Гамбетту, – но ведь очевидным является то, что такая масса невооруженных, лишенных командиров, необученных солдат – источник слабости и причина бессмысленных потерь. Невежественные и бездеятельные офицеры – угроза, они способны дезорганизовать всё». Один из командующих дивизиями Федерба, генерал Робен, бывший капитан из военно-морских сил, печально известный коррумпированностью, «свободой нравов» и некомпетентностью, однажды дошел до того, что разместил штаб своего соединения в местном борделе. Федерб вступился за Робена лишь потому, что тот был инициативным командующим и понимал солдата и что, по крайней мере, он был лучше своего начальника штаба, который даже не умел сесть на коня.

Как и Бурбаки в Бурже, Федербу необходимо было время для приведения войск в норму, но, в отличие от Бурбаки, он понимал, что время в тогдашних обстоятельствах было недоступной роскошью. 7 декабря Гамбетта напрямую приказал Федербу «направить свой армейский корпус на возможное соединение с армией генерала Дюкро, которая намерена прорываться через Сен-Дени и следовать на северо-восток», Мантейфель к тому времени уже был в Руане, и возможности для проведения этой операции представлялись благоприятными. Данный маневр смог хотя бы остановить немцев на пути к Гавру, последнему связующему звену между севером и югом Франции, и Федерб сразу ответил, что три дня спустя в его распоряжении будут на Сомме три дивизии в готовности к наступлению. Он был человеком слова или даже еще надежнее, поскольку направил колонну, которая 9 декабря, в темноте, в метель, атаковала город Ам и, с успехом воспользовавшись фактором внезапности, разгромила немецкий гарнизон и вернула крепость в руки правительства национальной обороны.

За этой блестяще проведенной дерзкой операцией, перерезавшей железнодорожное сообщение между Реймсом и Амьеном, на следующий день последовало появление Федерба с целой армией, что здорово перепугало немцев. Из Ама Федерб вполне мог нанести удар по

Амьену, по Парижу или даже по важному центру войскового подвоза Реймсу. Мантейфель в Руане не раз приказывал графу фон дер Гёбену, которого поставили ответственным в Амьене, немедленно отбить у французов Ам, но Гёбен решил, что у него ничего не выйдет. Хуже того, он решил, что появление Федерба на Сомме ставит под удар Амьен, и 16 декабря вышел из города, оставив там лишь гарнизон в цитадели. Разъяренный Мантейфель обратился к генералу фон Куммеру, выше которого в Бретёе никого не было, чтобы тот возвратил Амьен и воздействовал бы на Гёбена до прибытия генерала фон Гёбена с 8-м корпусом из Дьепа и исправления положения. Между тем Мольтке был не на шутку встревожен этой новой угрозой и некомпетентностью, с которой на нее отреагировали, и взял обстановку под личный контроль. 13 декабря он приказал Мантейфелю сосредоточить все имевшиеся у него силы в районе Бове, откуда он имел возможность ответить на наступление на Париж с любого направления. Это было мудрое решение. Сосредоточение армии обеспечило Мантейфелю время, чтобы разобраться в том, что Федерб нацеливался не на Париж, а на Амьен, и как только это стало ему ясно, он сумел оперативно выставить необходимые по численности войска на опасный участок.

Федерб из Ама сразу направился на восток к долине Уазы, где было легче атаковать линии коммуникаций немцев. Но на своем пути он натолкнулся на крепость Ла-Фер, которую стремительным натиском взять было невозможно и которую он не захотел подвергать обстрелу. И Федерб решил вернуться и прошел вниз по течению Соммы к Амьену. Эти марши уже мало напоминали шествия подавленных и деморализованных солдат Луарской армии. Погода стояла хоть и холодная, но благоприятная – под ногами меловые холмы, и войска всегда имели возможность ночевки в местах временного расквартирования. «Чувствовать свою принадлежность к сильной, надлежащим образом управляемой и организованной армии всегда приятно, – писал один из бойцов мобильной гвардии под командованием Федерба, – и мы убеждены, что генерал Федерб одержит убедительную победу в первом же сражении». Разумеется, Федерб не желал идти на риск гибельного поражения. Возврат города Амьен в значительной мере связал руки немецкому командующему цитадели, предусмотрительно собравшему в крепости известных граждан Амьена и служащих высокого ранга, дабы воспрепятствовать артиллерийскому обстрелу французов, и, таким образом, представлял угрозу надвигавшимся силам Федерба, и подход Мантейфеля со всеми имевшимися войсками 1-й армии свел на нет повторную попытку занять город, если, конечно, Федерб не замышлял самоубийственного шага. У Федерба было мало надежд нанести поражение Мантейфелю, но он, как и Шанзи, понимал, что даже оборонительный бой, в случае ведения его в благоприятных условиях, сослужит его армии куда лучшую службу, чем бесславное отступление. Он решил сражаться и выстоять.

Выбранные им позиции располагались приблизительно в восьми километрах к северо-востоку от Амьена вдоль дороги на Альбер, и Федерб вряд ли мог найти лучшие. Его фронт и правый фланг прикрывались течением Галлю, северным притоком Соммы, а левый фланг защищала сама Сомма ниже Корби. Аванпосты располагались в деревнях долины Галлю от Ваданкура до Даура, а главные позиции лежали на холмах за ними – голые меловые склоны, чуть припорошенные снегом, представлявшие собой идеальное место для ведения огня из винтовок Шаспо и митральез (и пулеметов, как это имело место 45 лет спустя, когда 60 000 британских солдат в один день пали под огнем, пытаясь атаковать вверх по таким же склонам долины). Для обороны своего фронта шириной в восемь километров Федерб располагал примерно 40 000 человек и 80 артиллерийских орудий – силами, собранными в два корпуса – 22-й и 23-й. Одна дивизия 23-го корпуса состояла из плохо обученных бойцов национальной гвардии, к тому же под командованием неумелого Робена, и Федерб предпочел оставить ее в резерве в тылу своего правого крыла. Другие дивизии он развернул двумя линиями – первую линию составляли регулярные части, а вторую – мобильная гвардия. 22 декабря Федерб со своими солдатами провел репетицию занятия этих позиций и лишь потом отправил их в места расквартирования, а 23 декабря маршем вывел их на поле боя.

Для проведения атаки этих позиций Мантейфель располагал 8-м корпусом и бригадой 1-го корпуса. Еще одна бригада выдвигалась из Руана, Мольтке также вызвал из Мезьера 3-ю дивизию ландвера, но, не дожидаясь подхода этих подкреплений, Мантейфель решил атаковать сразу 25 000 солдатами и 108 орудиями, имевшимися в его распоряжении. Разведка доложила о наличии позиций французов на холмах между Дауром и дорогой на Альбер, но, как и Мольтке у Гравлота, Мантейфель также не мог определить, насколько далеко протянулись эти позиции на север. И как Мольтке, направил часть своих сил – 15-ю дивизию – против лежавших в пределах видимости неприятельских позиций, а оставшихся развернул на север для отыскания правого фланга французов. Как и атака Мольтке, атака Мантейфеля не удалась. 15-я дивизия, атаковавшая утром 23 декабря, без труда зачистила аванпосты в деревнях долины у центрального участка позиций, но растратила силы в бесплодных попытках наступать на простреливаемых склонах за ними, в то время как действовавшие на краю левого фланга французов морские пехотинцы удерживали деревню Даур, перекрывавшую долину Соммы. 16-я дивизия кружным путем прибыла около 15 часов в деревни Монтиньи и Бехенкура и дальше вверх по реке Галлю, однако фланга французов не обнаружила, зато подверглась ожесточенной лобовой атаке. На протяжении всей долины атаки пруссаков сдерживались. Даже их сокрушительный орудийный огонь не выручил их, поскольку французские артиллеристы, которые вели огонь снарядами с взрывателями ударного действия, сумели достойно и эффективно ответить им. К 16 часам, когда короткий зимний день шел к концу, Федерб убедился, что наступательный порыв врага исчерпан и наступил момент для контратаки. По всей линии обороны французы поднялись в атаку и устремились вниз по склонам в покрытую туманом долину. Этот маневр оказался непродуманным. Атака сосредоточенными силами на один-единственный пункт, возможно, и произвела впечатление на пруссаков, но она захлебнулась, вылившись в беспорядочные стычки на улицах пылающей деревни, пока Федерб, дождавшись, когда по-настоящему стемнеет, отозвал войска назад выше на склоны.

В ту ночь французы не вернулись в места расквартирования. Федерб заставил их спать на поле битвы, единственном определенном критерии победы, и сам спал среди них. На следующее утро Мантейфель, понимая, что его войска слишком устали для возобновления атаки, убедился, что французы все еще остаются на холмах выше его, и стал готовиться к оборонительному сражению за Амьен. Но атаки французов не произошло. Федерб достиг цели, дав успешный бой, он понимал, что подкрепления немцев уже в пути и его армия не смогла бы выдержать еще одну ночь на морозе на тех же холмах. В ночь на сочельник он вместе со своими войсками отступил вдоль дороги на Альбер на безопасное расстояние в сторону Арраса. Обе стороны потеряли приблизительно по 1000 человек убитыми и ранеными, но Федерб потерял еще 1000 человек, попавших в плен к немцам при отступлении или дезертировавших. Мантейфель не организовывал дальнее преследование, приказы Мольтке на этот счет от 15-го числа были ясны. Кроме того, его отбытие из Руана послужило сигналом для активизации акций «вольных стрелков» в том районе, и 1-й корпус срочно запросил подкреплений. Мантейфель поэтому возвратился в Руан, поручив оборону Амьена и Соммы командующему 8-м корпусом генералу фон Гёбену.

К Рождеству немцы, таким образом, имели относительно стабильные фронты на реке Сомме, реке Луар и на реке Луара и хотели лишь одного – чтобы их оставили в покое. Гамбетта и Фрейсине отказались от планов наступления по сходящимся направлениям на Париж, сделав ставку на противостояние в ходе амбициозной кампании Восточной армии Бурбаки на востоке страны. Запад и север Франции поэтому застыли почти в неподвижности, но если понимать натуры Шанзи и Федерба, можно было не сомневаться, что пресловутая неподвижность надолго не затянется. Гёбен в особенности был мучим дурными предчувствиями. Крепость Перон, окруженная дивизией ландвера, все еще находилась в руках французов, угрожая коммуникациям немцев на участке между Амьеном и Реймсом. Гёбен занял позицию в Бапоме,

чтобы застраховать себя от попыток Федерба прорвать кольцо блокады, но признавал, что, если бы Федерб двинулся на Перон, у него не оказалось бы сил остановить его. Федерб понимал, что его войска не в том состоянии, чтобы выдержать такую переброску, но без подкрепления Перон неизбежно падет, и военные и политические соображения требовали любой ценой предотвратить падение этой крепости. И 2 января Федерб готовился перейти в наступление.

Силы Федерба насчитывали два сильных корпуса, а немцы, блокировавшие ему путь в Бапом, располагали лишь одной дивизией и несколькими частями кавалерии. Перечисленные силы были развернуты для противостояния атаке со стороны Камбре, а не Арраса. Но Федерб недооценил и позиции неприятеля. Он рассчитывал обнаружить большую их часть западнее Бапома в Бюкуа и направил свой лучший корпус, на самом деле свой единственный по-настоящему боеспособный корпус, 22-й, на тот участок. Только его 23-й корпус двинулся непосредственно на Бапом, и половина этого корпуса, дивизия Робена, была бесполезна. Местность явно не подходила для атак: заснеженная и пустынная равнина Пикардии, и немцы в редких деревнях находились под прикрытием. Таким образом, слабая немецкая бригада, занявшая позиции в деревнях Сапинь и Беань, смогла сдержать одну французскую дивизию на главной дороге Аррас – Бапом, в то время как дальше на восток Робен позволил остановить свою дивизию всего-навсего горстке немецких кавалеристов. Лишь 3 января Федерб смог направить на Бапом 22-й корпус, но к тому времени немцы, успев сосредоточиться и закрепиться, судя по всему, были готовы сражаться за каждый дом в городе. Не желая подвергать опасности мирных жителей в ходе прямой атаки, Федерб решил воспользоваться численным превосходством для охвата с фланга и окружения гарнизона немцев. В течение 3 января 22-й корпус выдвинулся окольным путем через деревни западнее Бапома, чтобы к наступлению темноты перерезать дорогу на Альбер. Но дивизия Робена из 23-го корпуса, обеспечивавшего левый клин клещей, не высылая разведки, продвигалась вперед и была остановлена огнем нескольких артиллерийских батарей, под огнем которых французское левое крыло дрогнуло и в панике отступило.

Федерб, будучи и сам обессилен, понял, что не может требовать большего от своих войск. Позже он объяснил, что подкрепления немцев уже находились на пути и что он, считая, что уже достиг цели, снял на время осаду с Перона. Подобные действия соответствовали его подходу – проводить операции исходя из боеспособности своих войск, но его приказ об отводе сил был получен успешно действовавшим 22-м корпусом с удивлением и на самом деле оказался фатально неподходящим. Французы численно превосходили немцев, кроме того, немцы были измотаны в боях, им не хватало боеприпасов. 15-я дивизия, с тех пор как покинула Мец, не выходила из боев и находилась на пределе сил, и пока Федерб отдавал приказы на отмену атак на Бапом, Гёбен эвакуировал город и снимал осаду с Перона. Если бы Федерб не отказался от взятия Бапома, возможно, уже 4 января он овладел бы городом и, таким образом, одержал бы еще одну равноценную Кульмье победу, что умерило бы горечь финального поражения. Французы и немцы отступили на север и на юг, разойдясь по углам ринга, подобно выбившимся из сил боксерам по завершении еще не решающего раунда, а пять дней спустя, 10 января, после недели непрерывных артобстрелов, крепость Перон, наконец, капитулировала.

Финал на Западном фронте

Шанзи между тем все увереннее и увереннее набрасывался на немцев у себя по фронту, возможно даже, его уверенность явно перехлестывала через край. Мантейфель с теми войсками, что имелись в его распоряжении, и при наличии задач в низовьях Сены, не имел возможности наголову разгромить Федерба и загнать его в пояс крепостей на севере страны: таким образом, Федерб получил оба главных для проведения успешных операций преимущества: врага, с которым он мог сойтись в бою на примерно равных условиях, и прочную основу. Шанзи ничем из перечисленного не располагал. У Фридриха Карла и великого герцога Ме-кленбургского были соответствующие силы для противостояния Шанзи, и надежность базы французов в Ле-Мане зависела не от географических или искусственных факторов обороны, а исключительно от проблем с войсковым подвозом у немецких войск, с боями продвигавшихся на запад, – проблемам, с которыми все же смогла справиться ставка Мольтке и штаб 2-й армии, изыскав необходимые средства. Выжить или же нет – этот вопрос для Шанзи заключался, таким образом, в том, решатся ли немцы предпринять те или иные действия или же нет, и все при данном раскладе вполне могло бы завершиться для него благополучно, имей он хоть чуточку присущей Федербу осмотрительности, даже если бы Федерб продемонстрировал хотя бы отчасти присущий Шанзи пыл. Но на самом же деле у Шанзи не было даже ничтожного времени для приведения своих войск в порядок. За несколько дней продвижения к Ле-Ману он представлял Бурбаки все новые и новые планы наступлений по сходящимся направлениям на Париж, которые Гамбетта и Фрейсине, теперь с головой ушедшие в подготовку рейда Бурбаки на восток, настойчиво пытались убедить его отложить. Даже они понимали, что с теми силами, которыми располагал Шанзи, у него не было ни малейших шансов на успех, однако дождись он второй недели января, указывал Гамбетта, его войска получили бы усиление в виде двух дополнительных корпусов, только что сформированных в Шербуре и во Вьерзоне, и вылазка Бурбаки против коммуникаций немцев возымела бы эффект. Для Фрейсине было в новинку пытаться удержать в узде кого-нибудь из своих военачальников.

Между тем, чтобы скрыть от немцев сосредоточение войск в Ле-Мане, Шанзи направил две мощные колонны сил с тем, чтобы припугнуть немцев, не давать им покоя на их позициях и доминировать над обширной нейтральной зоной между долинами рек Юин и Луара. Одна их них продвинулась в долину реки Юин в Ножан-ле-Ротру, чтобы воспрепятствовать возможному наступлению пруссаков со стороны Шартра, где великий герцог Мекленбургский держал свои 22-ю и 17-ю дивизии (воссозданные в виде 13-го корпуса), в то время как другая, численностью до дивизии под командованием генерала Жуфруа, была послана против позиций 2-й армии в долине реки Луар. Жуфруа предоставили значительную свободу действий, и 27 декабря он заманил два немецких батальона в засаду в Троо ниже Монтуара. Немцы без особой нервотрепки сумели выбраться из западни, но Жуфруа в наступательном порыве осуществил натиск на Ванд ом, послав Шанзи взволнованный запрос об оказании помощи. В канун Нового года он предпринял весьма солидную атаку на город и 5 января собирался атаковать повторно. Но на сей раз Жуфруа потерпел катастрофическое поражение, что, собственно, неудивительно, поскольку сунулся в самое пекло широкомасштабного наступления немцев.

Мольтке не потребовалось много времени, чтобы вконец пресытиться сидением своих войск в глухой обороне в провинциях. Не в его характере было позволять противнику завладеть инициативой, тем более такому энергичному и изобретательному противнику, как Гамбетта. Мольтке прекрасно понимал, с каким рвением обе Луарские армии перестраивались в Ле-Мане и в Бурже, и с полным основанием считал, что беды и тяготы Парижа уже очень скоро подтолкнут их к возобновлению атак. Если Фридрих Карл будет и дальше сидеть сложа руки, глядишь, и окажется разбит. И избавить себя от поражения означало вовремя проявить

инициативу, поэтому 1 января 1871 года Мольтке отдал 2-й армии, включая 13-й корпус великого герцога Мекленбургского, над которым ему снова доверили командование, приказ продвигаться на запад для нанесения упреждающего удара по войскам Шанзи, лишив его таким образом возможности предпринять наступление. Фридрих Карл расположил свои силы растянувшейся дугой для нанесения удара по сходящимся направлениям на Ле-Ман совместно с 13-м корпусом справа, который своим правым флангом должен был продвинуться вниз по течению реки Юин, 10-м корпусом слева, который направлялся вниз по течению реки Луар для устранения возможного сопротивления противника далее на юге, и на центральном направлении с 3-м и 9-м корпусами, следовавшими в эшелонированном порядке вдоль главной дороги через Сен-Кале на Ле-Ман. Это наступление началось 6 января, и Жуфруа столкнулся с ним неподалеку от Вандома. В течение суток Жуфруа сопротивлялся, но потом немцы стали приближаться к Ле-Ману с целью окружения города.

Потом последовали шесть дней упорнейших боев, запечатлевшихся в памяти его участников, причем как французов, так и немцев, как истинный кошмар. Зимнее отступление через узкие полоски луговин и крутые долины этой местности уже довело новую армию Шанзи едва ли не до полного краха, теперь же ужасам суждено было снова повториться в отчаянных попытках французских войск оторваться от наступавших им на пятки немцев. Немцам в ходе своего наступления досталось ненамного меньше, чем отступавшим французам. Они не могли съехать с дорог, но даже на дорогах, обледенелых или превратившихся в месиво, передвижение орудий и повозок стало главной трудностью, а короткие зимние дни определяли временные рамки проводимых операций. Установленная в нужном месте митральеза, укомплектованная знающим и полным решимости расчетом, была способна на целый день остановить дивизию, в то время как пехотинцы искала бреши в построении противника для нанесения ему удара во фланг – противника, лишенного даже возможности отступить из-за перекрывавших дорогу конницы и артиллерии. В данных обстоятельствах скорость немецкого наступления, 80 километров за шесть дней, могла считаться просто выдающейся. Шанзи считал ее непростительной. 8 января он отослал адмирала Жорегиберри, пользующегося его наибольшим доверием командира, взять на себя ответственность за все колонны, за исключением находившихся на левом фланге, и наложить запрет на их отступление, и в течение дня левое крыло немцев сдерживалось. Но на центральном участке 3-й корпус постоянно пытался прорваться к дороге на Сен-Кале, и Шанзи был вынужден 9 января послать дивизию, которая смогла удержать его в 16 километрах от Ле-Мана в Ардене и в снегопад до самой темноты не позволяла ему наступать. Но подобные изолированные операции, пусть даже успешные, мало что могли дать: немцев можно было сдержать лишь сплоченным контрударом всех сил, и Шанзи, чтобы выиграть время и завершить оборону на подступах к Ле-Ману, назначил такой контрудар на 10 января. «Я на самом деле не знаю, что делать, чтобы вечером начать наступление, – заявил один из командующих корпусами. – Если сможем, отправим их [солдат]. Все кругом говорят, что невозможно, но мы посмотрим». И в таком пессимистическом настроении генералы Шанзи бросили свои войска по снегу в бой с немцами, передовые части которых находились уже в 8 километрах от Ле-Мана. В долине реки Юин, вокруг Шампанье, французы держались, но дальше к югу их продолжали оттеснять, и они сдавали одни позиции за другими, а в Паринье-л'Эвек французы в панике устремились с поля боя.

Сам Шанзи был нездоров и утомлен, но решимости ему хватало, и теперь он, призвав на выручку остатки сил, наскребал в Ле-Мане войска буквально по солдату. У него оставалось три своих корпуса и еще подкрепления, к ним следует прибавить еще 22 батальона Бретонской гвардии из учебного лагеря в Конли, что в 25 километрах севернее Ле-Мана, которых он тоже решил вызвать, невзирая на протесты их командующего, ссылавшегося на их неподготовленность и недовооруженность. Значительная часть их прибыла вооруженная только американскими дульнозарядными ружьями времен Гражданской войны в США. Боеприпасы отсы-

рели, обмундирование промокло под дождем и снегом, кроме того, оружие это не годилось по калибру, а солдаты даже не умели заряжать эти винтовки. Но даже если бы они и умели, из-за поломок оружие часто было небоеспособно. Не было и аксессуаров для чистки оружия, впрочем, сомнительно, что и от них был бы толк, ибо американские винтовки были покрыты толстым слоем ржавчины – их не чистили почти шесть лет, то есть с самого окончания Гражданской войны. Этим горемычным солдатам, вооруженным только этими никуда не годными винтовками, приказали занять оборону. Траншеи были вырыты на подступах к Ле-Ману, дороги забаррикадированы, завезено достаточное количество боеприпасов, и вечером 10 января Шанзи издал приказы, в которых пытался приободрить войска, вселить в них решимость, которой у него самого, как уже говорилось, было в избытке. Его строгим наставлениям, сетовал Шанзи, не желали повиноваться. Наступление, которое он потребовал, так и не было начато, и он публично сделал выговор ответственным за выполнение приказов генералам. Теперь Шанзи призывал солдат оборонять Ле-Ман, как они уже обороняли свои позиции у Божанси. Расположенная в тылу кавалерия подстрахует их от случайностей. Дезертиры будут расстреливаться на месте, и в случае необходимости будут взорваны мосты в тылу войск, чтобы уже не оставалось никакой надежды на отступление.

Если что и могло спасти Ле-Ман, так это составленные Шанзи именно таким образом распоряжения и приказы и еще энтузиазм полководца, который Шанзи пытался вселить в своих солдат, прибыв к ним на позиции утром 10 января. Расположили солдат умело и со знанием дела. 21-й корпус к северу от реки Юин оборонял левый фланг от наступления на окружение 13-го корпуса великого герцога Мекленбургского. Две дивизии 17-го корпуса удерживали протяженное плато между Иври и Шампанье, их фланги прикрывала река Юин, а с фронта – артиллерийский огонь с позиций на холмах западнее Иври, в то время как правое крыло французов располагалось у Понтльё, с флангами, упиравшимися на реки Сарта и Юин, и фронтом, расположенным вдоль Шмен-а-Бёф, протянувшегося по прямой на северо-восток между этими двумя реками. Именно здесь и разместили бедняг бретонцев вместе с возвращавшимися на позиции под контролем Жорегиберри частями. Преследовавший их 10-й корпус достиг правого фланга французов только к вечеру, когда 3-й корпус уже был вовлечен в ожесточенный и в целом не очень успешный бой слева. Интенсивным огнем французов смели с холмов выше Шампанье, но отступивших сумели остановить сабли собственной кавалерии, орудия их непримиримого командующего и ледяные воды реки Юин. Наступавших немцев обстреляли из орудий за рекой, и контратака французов пусть частично, но вернула захваченный участок местности. Дислоцированный на самом краю 21-й корпус стоял твердо, а справа, когда в 19 часов Фойгтс-Ретц прибыл с изнуренным 10-м корпусом к Шмен-а-Бёфу, он обнаружил там перед собой линию земляных укреплений и траншей, штурмовать которые представлялось весьма затруднительным. И все же уже очень скоро Фойгтс-Ретц атаковал их, и после нанесения удара по аванпостам французов он направил прямо на главную дорогу в сомкнутых колоннах один батальон. Большинство войск Шанзи, возможно, и выдержали бы натиск противника и отразили бы его, но Фойгтс-Ретц на беду французов избрал как раз слабее всего обороняемый участок – тех самых практически безоружных бретонцев из мобильной гвардии. Они были тут же смяты, а за ними – и все правое крыло французов. Жорегиберри всю ночь пытался собрать войска для контратаки, но так и не собрал. Сформированные им колонны на марше рассеялись, солдаты бежали или просто падали от усталости. Мало-помалу весь его фронт таял как лед на летнем солнце, войска брели назад к Ле-Ману с молчаливым упорством, куда более опасным, нежели паника.

На следующее утро адмирал заявил командующему о необходимости немедленно отступить. Всю минувшую ночь Шанзи выслушивал подобные советы и от других командующих, но Жорегиберри он доверял. И тут же издал приказы на отступление вверх по Сарте к Алансону. Как это обычно бывает, во вводном пункте приказа указывалось, что армии необходимо

«как можно скорее восстановиться и в нормальных условиях с тем, чтобы позабыть о досадных событиях и вернуть себе утерянную роль». Левое крыло французов все еще оставалось нетронутым, а немцы до сих пор не представляли себе масштабы катастрофы справа, таким образом, ценой немалых усилий часть находившихся в городе складов успели вывезти до того, как немцы начали преследование отступающих колонн Жорегиберри. На левом крыле контратаки достаточно долго держали 3-й корпус в напряжении, и последние французские войска были благополучно отведены за реку Юин, а потом и вся французская армия вновь начала странствие по колено в снегу на запад и на север в поиске безопасного места.

У немцев уже не оставалось сил на преследование противника. Они сами находились на грани последних возможностей и благодарили Бога за предоставившуюся возможность перевести дух. Фридрих Карл направил вперед лишь минимально необходимые силы, чтобы не терять из виду отступающих французов. Шанзи потерял свыше 25 000 человек убитыми и попавшими в плен, а еще вдвое больше дезертировали, но он не позволил этому хоть как-то повлиять на свой план. Шанзи двинулся в Алансон не только с целью отступления, а чтобы иметь возможность снова наступать на Париж, и, лишь следуя категорическому требованию Гамбетты, он согласился изменить направление марша и 13 января отойти на запад к Лавалю. Там он снова начал неустанно планировать наступление своих войск – морально опустошенной, голодной, мятежной орды, которую и армией назвать было трудно. Шанзи продолжал заниматься своими планами, а тем временем был подписан акт о перемирии.

Поражение при Ле-Мане, как и при Орлеане, ничуть не охладило пыл Гамбетты. Он считал, что Париж еще протянет до конца месяца, что стратегия Бурбаки скоро возымеет эффект и что армиям провинций следует теперь, как не уставал повторять Шанзи, готовиться к завершающему наступлению по сходящимся направлениям. 17 января Гамбетта в Лавале встретился с командирами армии Шанзи и оттуда морским путем отбыл на север. В Лилле он блистал красноречием:

«Если бы в каждом из вас была та же убежденность, та глубокая страсть, как у меня, не потребовалось бы этих недель и месяцев на разгром армии вторжения: крушение Пруссии было бы немедленным, поскольку что могли бы сделать 800 000, невзирая на их организованность, против 38 миллионов решительно настроенных французов, которые поклялись победить или умереть?»

Но для подобных увещеваний и призывов было слишком поздно. Нейтральные наблюдатели не могли не заметить, что речи Гамбетты больше не вдохновляют, и Тестелен, республиканский комиссар на севере страны, заявил ему с жестокой откровенностью, что «страна готова считать республику вместе с вами ответственными за понесенные ею беды и броситься в ноги первому, кто принесет ей мир».

Тестелен, говоря это, вероятно, не поскупился на эмоции, поскольку армия Федерба незадолго до этого провела самое крупное из всех, выпавших на ее долю, сражение и потерпела в нем самое сильное из всех поражение. После того как немцы оставили Бапом, Федерб держал свои силы в готовности между Бапомом и Альбером, в то время как Гёбен, сменивший 8 января Мантейфеля на посту командующего 1-й армией, оставался южнее Соммы. Федерб вновь был втянут в бои – по требованию Фрейсине он должен был предпринять ложный маневр, чтобы помочь гарнизону Парижа сосредоточить свои войска для последней попытки прорыва. Ему не обязательно было сокрушать немцев, а только как можно сильнее припугнуть их. Наступление на Амьен или на юг, на сам Париж вызвало бы только фатальное столкновение с основными силами немцев, но, нанеся удар в юго-восточном направлении, на Сен-Кантен и долину Уазы, он получил бы возможность уклониться от Гёбена, серьезно нарушить коммуникации немцев и возвратиться в свои крепости, вообще не ввязываясь в бои с 1-й армией.

Это был хороший и умный план, но весьма сложный для выполнения. Немногие пригодные для передвижения дороги, шедшие в юго-восточном направлении от Бапома и Альбера,

проходили через Перон, и падение Нерона оставляло Федербу лишь немногие посредственные узкие дороги (едва ли не тропы) для переброски войск. Северный изгиб Соммы между Амьеном и Амом служил для немцев надежным оборонительным рубежом и вынуждал французов совершить долгий марш через их фронт, весьма небезопасный с точки зрения даже действий здесь лучших сил и наличия лучших дорог. Наконец, у Федерба теперь был куда более грозный соперник, чем Мантейфель. Гёбен был весьма опытным и умелым командующим, спокойным и здравомыслящим, как и сам Мольтке. Он сосредоточил свои силы за Соммой, чтобы быть готовым двинуться в любом направлении, и смело использовал для разведки кавалерию. 15 января он по интенсивности французской разведки определил, что назревает нечто, и предупредил Мольтке. 16 января французская колонна подошла от Камбре и окружила слабо охранявшийся город Сен-Кантен, а на рассвете 17 января донесение кавалерийского разведывательного патруля о том, что Альбер пуст, доказало, что это не был просто отвлекающий маневр: Федерб действительно двигался на юго-восток. И Гёбен также двинулся на восток перехватить его, сосредоточив силы между Пероном и Амом. В его распоряжении были четыре пехотные дивизии и одна кавалерийская. Кроме того, Мольтке направил к нему бригаду саксонцев, сняв его с кольца окружения Парижа, и принял меры, чтобы 13-й корпус взял на себя оборону Руана, позволил Гёбену также вывести оттуда большую часть своих войск. Убедившись, что упомянутые подкрепления на подходе, Гёбен счел возможным навязать бой армии численностью 43 000 человек.

Таким образом, все пошло вопреки планам Федерба. Его армия, пробиравшаяся по узким проходам, по лодыжку в слякоти, не смогла соблюсти график. Войсковой подвоз замер. Немецкая кавалерия открыто наблюдала за передвигавшимися со скоростью улитки войсками. Пехота Гёбена быстро шла на восток на перехват армии Федерба на Уазе, и 18 января крылья этих двух армий сплелись в сражении между Пероном и Сен-Кантеном, которое остановило половину армии Федерба и дезорганизовало все ее движение. Федерб понимал, что его обогнали. Он ничего не мог предпринять, лишь возвратиться к Сен-Кантену и в случае необходимости вступить в бой там.

Исход сражения Сен-Кантена не был предрешен. Что касалось сил пехоты, в распоряжении Гёбена ее было приблизительно в два раза меньше, чем у его противника, и открытые холмы вокруг города крайне затрудняли проведение атак. Условия сражения для французов были здесь ничуть не благоприятнее, чем у реки Галлю. Но боевой дух армии Федерба, хотя и численно превосходящей немцев, на самом деле был куда ниже, чем за месяц до описываемых событий. Изнуренные маршами под дождем, еще не оправившиеся от вызванного боями хаоса предыдущего дня, войска побаивались предстоящего сражения. Жандармы обшаривали город в поисках дезертиров и гнали их в бой. Позиции занимали в спешке, не утруждая себя соответствующей разведкой, и по крайней мере один комплект важнейших приказов куда-то бесследно исчез, затерявшись. Федерб намеревался отправить свой 22-й корпус, то есть самое надежное соединение, для обороны долины Соммы на позициях от Ама до дороги на Ла-Фер, а 23-й корпус вместе с резервом располагался в тылу его правого фланга для контроля линии коммуникаций в сторону Камбре. Но приказы так и не добрались до 22-го корпуса, занявшего позиции у деревень, в которых он провел ночь, – Кастр, Грюжи и Гоши, все три на левом берегу Соммы. Таким образом, каждый корпус вел свой отдельный бой по обе стороны долины Соммы, 22-й корпус оборонял холмы с юго-востока от атак 16-й и 3-й дивизий ландвера и 23-го корпуса к северо-западу от реки, отбивая атаки 15-й дивизии, а также дивизий фон Гёбена между дорогами на Ам и Камбре.

Утро 19 января выдалось туманным и сумрачным, лил холодный дождь, превративший глину в жижу. Немцы выдвинулись на Сен-Кантен вверх вдоль обоих берегов Соммы, обнаружив совершенно не готовых сразиться с ними французов. Но 22-й корпус, несмотря на отсутствие приказов, занял весьма благоприятные позиции на холмах вокруг Грюжи и вел огонь из-

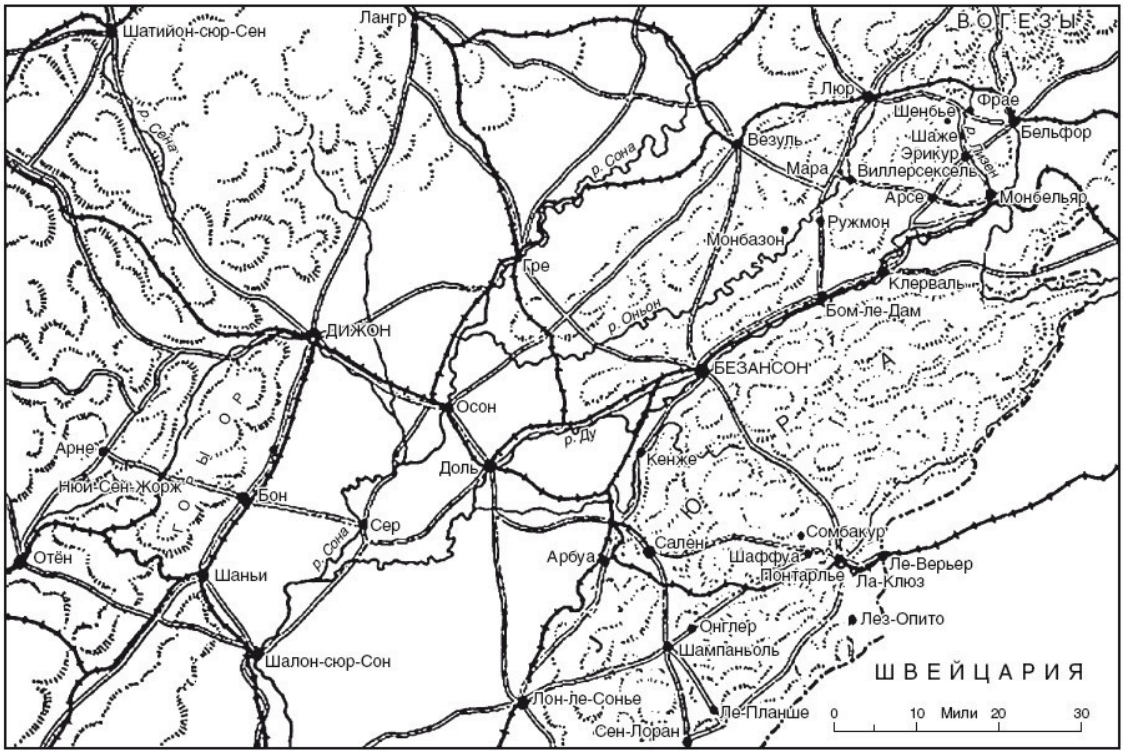
за груд сахарной свеклы и навозных куч, и когда немцы в 10.30 попытались атаковать, из этого ничего не получилось. За Соммой 23-й корпус со своими явно посредственными частями, сражавшийся на крайне неудобной местности, без труда был разбит немецкими частями их левого крыла. Любопытно, что в данных обстоятельствах Гёбен после исчерпания первого наступательного порыва его атаки надумал усилить свой правый фланг, который почти не продвинулся вперед, а не левый, продвигавшийся довольно успешно, тем более что прорыв его левого крыла смог бы перерезать дорогу на Камбре, служившую основной трассой отступления Федерба. И, заслышав шум сражения, который был громче южнее Соммы, он направил полк и 30 артиллерийских орудий, которые держал в резерве для того участка фронта, и с помощью этих подкреплений и маневра на окружение вверх по дороге на Ла-Фер правое крыло немцев сумело оттеснить 22-й корпус с вершин холмов и вынудить его отойти к единственному мосту, через который и было возможно отступить к Сен-Кантену. К 16 часам сопротивление французов к югу от Соммы было сломлено. И на участке севернее – тоже. 23-й корпус, никогда не отличавшийся особой стойкостью, постепенно редевший под огнем немцев, к 16.30 уже неудержимо отступал к Фобур-Сен-Мартену, а когда Федерб верхом бросился в тыл через Сен-Кантен за подкреплением, он убедился, что и 22-й корпус также разбит и спешно переправляется через Сомму.

У Федерба не имелось планов отхода, он, как и Шанзи, понимал, что отступление погубило бы армию. Его первой реакцией на разгром его линии обороны было биться в Сен-Кантене до последнего. «Газеты насмехаются над нами и кричат, что мы, дескать, только и знаем, что отступаем, – мрачно заявил он офицеру штаба. – Ладно, на этот раз мы не отступим». Но он уже ничего не мог предпринять, чтобы остановить войска. С явным запозданием он объективно оценил сложившуюся обстановку и отдал приказ на отступление – приказ, который из-за темноты и суматохи на улицах Сен-Кантена так и не добрался до командующего 23-м корпусом, пока тот едва не попал в окружение в предместьях города. К счастью, немцы, как и французы, тоже пребывали в хаосе, и ни о каком преследовании поверженного противника речи быть не могло. А этот противник тем временем всю ночь блуждал, разбегался по деревенским домам, торопливо шел по скользким дорогам к Ле-Като и Камбре, и к утру большинство солдат Федерба были уже вне опасности погибнуть или оказаться в плену. Французы потеряли свыше 3000 человек убитыми и свыше 11 000 пропавшими без вести – большей частью они ранеными или в полном здравии попали в немецкий плен. Федерб, таким образом, лишился более трети своей армии, и он не тешил иллюзиями ни себя, ни других, что, дескать, еще повоюет с этими жалкими остатками. Уцелевших он распределил по крепостям севера Франции, и Гёбен сам был доволен оставить его в покое. Наступившее после этого сражение затишье продолжилось до 28 января, когда все узнали о том, что наконец подписано перемирие.

Бурбаки

Кампании Шанзи и Федерба – напряженные пропорционально затраченным для их проведения усилиям – зависели от военных событий повсюду во Франции. Цель их не состояла в победе над силами, им противодействующими, но связать как можно больше немецких войск и, атакуя их, облегчить деблокирование Парижа. Гамбетта не мог расстаться с идеей наступления непосредственно на столицу еще долго после падения Орлеана. Силы Бурбаки в Бурже все еще собирались атаковать Париж через Жьен и Монтаржи. До самой середины декабря, когда Фридрих Карл, временно прекратив преследование Шанзи, вернулся в Орлеан, Гамбетта всерьез стал рассматривать другую возможность – вынудить немцев к снятию осады, перерезая их коммуникации на востоке Франции с одновременным наступлением на север в Лотарингию из долины Соны.

Значительная часть сил в Восточной Франции, следует помнить, была переброшена к Луаре для участия в наступлении д'Ореля де Паладина в ноябре и теперь составила 20-й корпус армии Бурбаки. Осталось три войсковых соединения в дополнение к тем, кто до сих пор оставался в Лангре, Безансоне и Бельфоре. В Лионе генерал Брессоль формировал корпус из национальной гвардии Центральной Франции и имел в распоряжении около 15 000 солдат. «Вольные стрелки» Гарибальди базировались в Отёне и доминировали в департаменте Кот-д'Ор, а в долине Соны ниже Дижона располагались силы национальной гвардии численностью 18 000 человек, командование которыми никак не могли поделить генералы Брессоль, Кревизье, Кремер и Пелисье, четыре командующих, недоверие которых друг к другу уступало лишь их единодушной ненависти к Гарибальди. За ними наблюдал, не без беспокойства, фон Вердер из Дижона, силы которого были теперь реорганизованы в 14-й корпус. Пока 7-й корпус в конце ноября не пришел к нему на подмогу, Вердер отвечал лишь за оборону главных немецких коммуникаций от атак с юга. Это была нелегкая задача, и пруссаки в Версале в целом были не особенно довольны Вердером и его баденцами. Но никто в Версале не мог уразуметь, каким образом толпа плохо вооруженных новобранцев и недисциплинированных «вольных стрелков», рассеянных повсюду, где их только можно было использовать в сражениях, оказалась в состоянии наделать столько бед. Лишь этой постоянной недооценкой можно объяснить, почему Мольтке оставил для борьбы с ними наспех собранное и к тому же состоявшее не из прусских войск формирование для осуществления контроля за регионом, так стратегически уязвимым и так трудно умиротворяемым.

Кампания на востоке Франции

Кадровые военные склонны недооценивать, а дилетанты переоценивать значимость нерегулярных сил при ведении войны. В лучшем случае они считают их ненадежными, неуверенными в себе и дорогостоящими и приписывают их зачастую поразительные успехи либо случайностям, либо вовсе сознательно принижают их, либо сетуют на то, что достигнуты такие успехи слишком уж дорогой ценой. Конечно, если рассматривать операции Гарибальди в целом, они представляют собой полный трагизма перечень затраченных впустую усилий и упущенных возможностей, однако никак нельзя отрицать, что за минувшие недели ноября и первые две недели декабря Гарибальди действовал против Вердера весьма и весьма успешно. Условия тому благоприятствовали. На Вердера, с его изолированным корпусом и находившимися под вечной угрозой коммуникациями, были наложены обязательства, явно превышавшие его возможности. Его силы были растянуты дальше некуда, а население настроено активно враждебно. Гарибальдийцы могли в любой момент надавить на его корпус, причем не просто открытыми военными действиями, а тем, что сковывали его оперативную свободу и, что еще важнее, районы, откуда осуществлялся войсковой подвоз…Ничего не предпринималось [утверждал официальный историк Вердера] ради устранения этого, сила противника заключалась, главным образом, в его летучих отрядах, которые, действуя исключительно в темное время суток, постоянно появлялись в самых разных местах на линии аванпостов, внезапно атакуя небольшими группами немецкие дозоры.

Самая успешная и заметная из этих операций произошла 14 ноября, когда небольшая группа под командованием Риччотти Гарибальди внезапно атаковала Шатийон и застала врасплох 500 человек, направлявшихся во 2-ю армию. Однако гарибальдийцы были склонны явно преувеличивать собственные силы, которые, невзирая на их малочисленность, ввязывались в ожесточенные схватки с пруссаками, и успех Риччотти, увы, вселил в них уверенность в собственной непобедимости. 26 ноября они атаковали Дижон с северо-запада, но стоило им вступить в зону поражения огня пруссаков, как фактор огневой мощи немцев не замедлил сказаться. В результате гарибальдийцы беспорядочно отступили на свою базу в Отён, и Вердер направил группу преследования, стремясь раз и навсегда покончить с ними. Отён подвергся

артиллерийскому обстрелу, и Гарибальди уже планировал его эвакуацию, когда 2 декабря Вердер срочно отозвал свои войска назад в Дижон. Новые силы французов появились в долине реки Сона, и одному немецкому подразделению здорово досталось от них в Нюи-Сен-Жорже. Немцы возвращались в Дижон с боями, попав по пути в умело организованную засаду, и Гарибальди снова имел возможность перевести дух.

Силы, появление которых повергло Вердера в серьезную тревогу, состояли просто-напросто из национальной гвардии вокруг Шаньи, командиры которой вступили в бой из-за угрозы Отюну, и их успешное оттеснение немцев назад к Дижону побудило их подумать о проведении операции посерьезнее. 12 декабря они договорились предпринять попытку скоординированного наступления на Дижон всеми своими силами из Кот-д'Ора и долины Соны. Но не только здешние французы замышляли акции. 13 декабря Фрейсине послал резкую телеграмму Брессолю в Лион, потребовав немедленно маршем отправиться на выручку Бельфору и чтобы Гарибальди, единственному командующему, который сумел достичь неплохих результатов на восточном направлении, было предоставлено полное командование. 16 декабря Бордон, совещавшийся с Гамбеттой в Бордо, направил Гарибальди сообщение об уже третьем по счету плане, согласно которому его силам предстояло продвинуться на север к Вогезам, в то время как Брессоль и Кремер задержат немцев в долине Соны. Но этим планам так и суждено было остаться на бумаге: Вердер первым нанес удар. Прибытие 7-го корпуса в Шатийон-сюр-Сен сняло с него ответственность за оборону коммуникаций 2-й армии и позволило действовать против всех продвижений французов, ставших для немцев неожиданной угрозой с юга. 18 декабря Вердер послал генерала фон Глюмера и баденскую дивизию к Бону для проведения разведки боем. Одновременно Кремер продвигался к северу от Бона к Дижону с немного меньшими силами, и обе группировки столкнулись на виноградниках вокруг Нюи-Сен-Жоржа. Сражение затянулось на весь день, после чего и французы, и немцы разошлись, понеся значительные потери. Обе стороны потеряли до 1000 человек, и после этого уже никому не хотелось продолжать бои. В Лионе новости об отпоре Кремеру вызвали такой всплеск насилия, что лишь визит Гамбетты помог наведению порядка в городе. Было очевидно, что, если французы замышляют на восточном театре военных действий наступление с перспективами на успех, без солидного подкрепления не обойтись.

В Бурже тем временем армия Бурбаки подверглась фундаментальной реорганизации. Двое командующих корпусами, Пальер и Круза, крайне недовольные, ушли в отставку, теперь 15-м и 20-м корпусами командовали генералы Мартино де Шене и Кленшан, а 18-й корпус снова перешел к Билло. Из двух операций, проведение которых Гамбетта первоначально возлагал на Бурбаки – ложного маневра для спасения Шанзи и наступления через Жьен и Монтаржи на деблокирование Парижа, – в первой необходимость отпала, поскольку Шанзи сумел благополучно отвести свои силы на запад, а вторая оказалась невозможной после возвращения Фридриха Карла в Орлеан. В Бурже Гамбетта и Бурбаки все еще утрясали план этой последней операции до самого 17 декабря, но Фрейсине, который в Бордо получил телеграмму, представил контрдоводы, причем достаточно убедительные. Подобное наступление, указывал он, не имело ни малейших шансов на успех. При наличии всего 50 000 человек у Бурбаки нет никаких перспектив ни на взаимодействие с Дюкро в случае успешного продвижения, ни на использование Орлеана в качестве базы в случае вынужденного отступления. На восточном театре военных действий, однако, его армия может сыграть решающую роль, и Фрейсине направил в Бурж одного из своих самых опытных заместителей, молодого инженера-строителя по имени де Серр, чтобы тот объяснил, что на самом деле имел в виду Фрейсине.

Замысел Фрейсине был многообещающим. Бурбаки, оставив 15-й корпус для прикрытия Буржа, должен был перебросить по железной дороге 18-й и 20-й корпуса в долину Соны. Одновременно Брессоль должен был привести свои войска, собранные теперь в 24-й корпус, в район севернее Лиона. Две группировки сил вместе с Кремером, Гарибальди и гарнизоном

Безансона будут насчитывать 110 000 человек – то есть достаточно сильную армию для возврата Дижона, снятия осады Бельфора и Лангра – и после этого наступать на север с целью перерезать коммуникации немцев и даже взаимодействовать в ходе данной операции с силами Федерба. Перспектива была весьма заманчивой, и аргументы для тех, кто считал численность сил равнозначной военной мощи, представлялись неоспоримыми. Гамбетта и Бурбаки согласились сразу. Гамбетта уже и сам рассматривал эту идею, что касается Бурбаки, то в точке зрения Гамбетты, возможно, заключалось нечто, говорившее о том, что он приветствовал любую схему, которая откладывала бы прямое столкновение с силами немцев, столкновение, в положительный исход которого он уже не верил. Никто из высокопоставленных офицеров, с которыми они консультировались, и не думал возражать, и 19 декабря де Серр отправил торжествующую телеграмму: «Все улажено!»

Если бы поведение войск сводилось лишь к чисто геометрическому продвижению сил в пространстве, лучше бы схемы и быть не могло. Если бы она разрабатывалась и воплощалась на практике опытными штабистами, дисциплинированными войсками с решительным и находчивым командующим во главе, вполне возможно, она принесла бы далекоидущие результаты. Основные силы немцев были связаны у Парижа, оставшиеся сдерживались растущими силами Шанзи и Федерба, в тылу едва хватало войск нейтрализовать «вольных стрелков», и само существование огромной немецкой организованной военной силы зависело от функционирования, по сути, единственной железнодорожной линии. Мольтке оказался в классически невыгодном в военном отношении положении: он слишком растянул свои силы доведенным до крайности наступлением, открывшись для контрудара на самом уязвимом участке, а пресловутый самый уязвимый участок располагался как раз на востоке Франции, на фланге, который Вердер охранял ненадежно и нерешительно. Наполеон I долго не раздумывал бы.

Впрочем, и Гамбетта не колебался. Они с Бурбаки приняли план, даже не потрудившись рассмотреть логистические составляющие, которые данный план включал. Они сочли как данность то обстоятельство, что два корпуса можно будет перебросить по имевшимся и доступным железным дорогам, которые затем можно будет спокойно использовать в целях осуществления войскового подвоза для войсковой группировки численностью в 110 000 человек в разгар зимы. Это могло быть возможно, но при условии, что и Военное министерство посвятило бы разработке операции достаточно времени, сил и необходимых умений, вот только ни времени, ни сил, ни умений у него не было. Прежде всего, цель операции так и не была точно сформулирована. Фрейсине позже утверждал, что рассчитывал, что Бурбаки овладеет Дижоном и направится дальше на север, в то время как Брессоль из Лиона двинется в Безансон и деблокирует осажденный немцами с 3 ноября Бельфор. Но план, с которым де Серр ознакомил Бурбаки, был составлен из расчета использования всех сил для переброски в восточном направлении на деблокаду Бельфора перед тем, как двинуться на север, – схема, которая не только предоставляла немцам время для принятия контрмер в целях обороны коммуникаций, но и включала фланговый марш через фронт Вердера. Бурбаки думал лишь об отвлечении немецких войск подальше от Парижа, понадеявшись, что Гарибальди будет оборонять его левый фланг в ходе этого марша. Но Гарибальди не был наделен командными полномочиями и не получал приказов от Военного министерства. Он был, по утверждениям Фрейсине, готов «при необходимости принять предложения генерала Бурбаки», но Бурбаки ни о каких предложениях, которые ему предстояло сделать Гарибальди, и словом не обмолвился. Самый сложный вопрос доведения приказов до тех, кому они предназначались, попросту проигнорировали.

Наконец, неуспех операции был практически гарантирован тем, что сам Бурбаки проявил вялость при осуществлении контроля за проведением этой операции. Проницательность Федерба или энергия Шанзи, возможно, и сыграли бы положительную роль и позволили достичь определенных результатов, но лишенный воображения пессимист Бурбаки был способен лишь творить проблемы. Фрейсине призвал заменить его генералом Билло еще до начала

работы над планом кампании на востоке. «Как вы можете до сих пор питать иллюзии насчет Бурбаки, – спросил он Гамбетту, – в особенности после всего, что произошло в этой кампании и раньше на севере? Именно вот такое фетишизирование нашей былой военной славы и прикончило нас». Гамбетта, хотя и сокрушался по поводу свойственного Бурбаки пессимизма, все же не был убежден в правоте Фрейсине, однако действительно соглашался, что де Серру следует всегда находиться рядом с Бурбаки в статусе личного представителя министра, и через него Фрейсине рассчитывал сам руководить ходом кампании. «Я хочу, чтобы вы верно поняли меня, – предупредил он де Серра, – что ни одно решение не должно приниматься без моего ведома. Лишь в случаях, продиктованных военной необходимостью, я допускаю, что они принимались без моих на то распоряжений». Де Серр даже получил, на случай использования по своему усмотрению, приказ об освобождении Бурбаки от должности. Эта мера была абсурдной и даже трогательной, поскольку все в ставке Бурбаки знали, почему де Серр там находится, но сомнительно, усугубило ли оно все неудачи кампании. На самом деле и Бурбаки, и Борель, оба считали де Серра учтивым и сговорчивым коллегой, который без санкции свыше не вмешался в ход операции, кто обеспечивал полезную связь с Гарибальди и кто выручал при решении вопросов с войсковым подвозом и с железными дорогами. Сам де Серр со временем становился еще более покладистым, поскольку постепенно начинал понимать, что проблемы, связанные с проведением такого рода кампании на самом деле куда сложнее, чем можно было предполагать.

Самые серьезные неприятности были связаны с конкретными полномочиями де Серра – в сфере железнодорожных перевозок, за которые он по рекомендации Фрейсине отвечал в военном министерстве. Сомнительно, что с помощью одних только железных дорог можно было с ходу решить все вопросы переброски войск. Подвижного состава отчаянно не хватало, большая часть его использовалась для осуществления поставок, и перебои с пассажирскими перевозками явно могли бы послужить немцам указанием на то, что французы что-то затевают. Если бы, конечно, немцы обратили на подобные вещи внимание. В любом случае войска, возможно, добрались бы до пунктов назначения с той же скоростью и пешим путем. По расчетам де Серра, для переброски двух корпусов Бурбаки к Соне от Луары потребовалось бы два дня, речь шла о 18-м и 20-м корпусах. И он принял меры для начала переброски 22 декабря. Но 22 декабря составов не было. Войска, которые уже провели три морозные ночи в биваках, часами дожидались отправки на платформах Невера и Ла-Шарите-сюр-Луар. Когда поезда после долгой задержки все же прибыли, их все равно оказалось недостаточно, и переброска войск затянулась на несколько дней. Как только солдаты оказались в вагонах – в вагонах для перевозки скота с грубыми досками вместо скамеек, – они целую неделю добирались в них до пунктов назначения: в Шаньи и в Шалон-сюр-Сон. Линии не были очищены от стационарных вагонов, одна недавно законченная ветка все еще считалась непригодной для движения, по мнению управления железных дорог, на линии случались всякого рода мелкие неисправности, одним словом, была масса причин для остановок воинских эшелонов иногда на целые дни, в то время как их пассажиры заболевали от холода и голода. Случалось, и умирали. Получаемые пайки тут же съедались, доставка провианта была нерегулярной, и если еду не удавалось реквизировать в местном масштабе, войска обрекались на голод. Солдаты на чем свет стоит бранили офицеров, офицеры – военного министра, Фрейсине и его штабистов, кляли во все тяжкие неопытных и переутомившихся железнодорожных служащих, призывали расстреливать всех их на месте. Генерал Пала (псевдоним – Леокур) торжественно объявил, что всю ответственность за эти беды несут министр, отдававший соответствующие распоряжения, которые невозможно исполнить, генералы и их подчиненные, которым явно не хватает проницательности и предусмотрительности, корпуса, которые изо дня в день проявляют недисциплинированность, интенданты и артиллеристы, кто постоянно жертвует общими интересами ради удовлетворения своих собственных, и, наконец, железнодорожные служащие, которым не хватало и не хватает ни воли, ни инициативности.

Все это – огульные обвинения, однако крайне трудно с точностью установить истинных виновников.

К этому ряду обвинений можно добавить и неспособность властей обеспечить бесперебойное функционирование субординационной цепочки. Гамбетта поехал в Лион помочь Брессолю сформировать 24-й корпус, де Серр оставался в ставке Бурбаки, Фрейсине – в Бордо, и эти три ключевые фигуры сразу же утратили связь друг с другом. Гамбетта, который перед отъездом передал все полномочия по организации военной операции де Серру, к 23 декабря убедился, что вообще не владеет ситуацией. «Я не могу управлять отсюда, – телеграфировал он из Лиона, – но необходимо, чтобы меня держали в курсе событий». Фрейсине, например, принял меры, чтобы Брессоль вышел из поезда в Безансоне. Де Серр внезапно сменил пункт назначения на Доль: с какой стати? И де Серр пояснил, войска Брессоля в таком состоянии, что 24-й корпус лишь неделю спустя будет готов для переброски, да и тогда от него будет мало толку. Фрейсине, со своей стороны, нашел, что энергия и инициатива де Серра имели свои недостатки, и 2 января выговорил ему по телеграфу. «Я понимаю, что Ваше вмешательство продиктовано патриотическими устремлениями минимизировать абсолютное несоответствие должности командующего в звании генерала, – писал он, – но это – неосуществимая задача, и Вы лишь усугубите проблемы, пытаясь сами разобраться с ними». Но без присутствия де Серра сомнительно – было бы что-нибудь вообще сделано. Единственной надеждой на спасение кампании, столь безответственно начатой, была и оставалась опора на неутомимого гения импровизации, каковым и проявил себя де Серр. Он как ни в чем не бывало проламывался через «бетонную стену» железнодорожных служащих, реквизировал трудовые ресурсы для приведения в порядок железнодорожного полотна, умел подольститься к Гарибальди и очаровывал генералитет. Задача де Серра относилась к категории невыполнимых, однако предпринимаемые им усилия для ее выполнения были воистину геракловы.

Только 30 декабря Бурбаки был более или менее готов выступить. К тому времени 24-й корпус подтянулся из Лиона и образовал его правое крыло в Безансоне, 20-й корпус продвинулся дальше вниз по течению Ду в Доль, 18-й корпус приближался к верховьям Соны в Осоне, а войска Кремера вошли в Дижон по пятам немецкого гарнизона, который Вердер, встревоженный дошедшими до него слухами, второпях оттянул назад. Теперь начало операции зависело от Бурбаки. Первой своей целью он избрал снять осаду Бельфора и изолировать осаждавших, которых он вначале предлагал оттеснить к Везулю. Но теперь Фрейсине и де Серр устрашились. Передвижения немецких войск северо-западнее Дижона (на самом деле это была осторожнейшая из всех предупредительных разведок 7-го корпуса) послужили основанием для опасений Фрейсине, что задержка на железных дорогах неустранима и последствия ее гибельны, и что немцы теперь перестраивались для нанесения сокрушительного встречного удара по силам Бурбаки. Де Серру и Бурбаки Фрейсине 30 и 31 декабря выслал тревожные сообщения, убеждавшие их поторопиться. Если они своевременно не доберутся до Везуля, предупреждал он, до абсурда сгущая краски, им придется иметь дело с армией численностью в 150 000 человек, не говоря уже о подкреплениях, прибывающих из Германии. Он убедил Бурбаки в своем сообщении, и тревожном, и недостоверном, о том, чтобы он выжал из своей армии хоть «чуточку мобильности, демонстрируемой нам сейчас прусской армией». И Фрейсине решил направить к Бурбаки и 15-й корпус из района южнее Луары.

Это решение о посылке 15-го корпуса стало еще одной ошибкой, и Фрейсине лишь углубил ее, полностью приняв на себя контроль за передвижением корпуса. Последовавший за этим хаос был крупнейшим из всех выпадавших на долю Франции. Фрейсине не только совершил череду обычных ошибок, он решил выгрузить корпус из вагонов не в Безансоне, где было достаточно места на платформах, а в расположенном дальше вверх по течению Ду Клервале, где этого места практически не было. В результате возникших задержек движение всех воинских эшелонов застопорилось, что, в свою очередь, отнюдь не избавило солдат от мучивших их

голода, истощения и холода, а что еще хуже, перекрыло все железнодорожные пути, по которым осуществлялся войсковой подвоз, по сути оставив остальные войска ни с чем. 15-й корпус увеличил численность войск Бурбаки, но его прибытие не только снизило их маневренность, но вообще обрекло на неподвижность.

Что же касалось немцев, те в течение минувших двух недель только изумлялись, и Мольтке даже утратил свойственное ему чутье. Он с полной уверенностью ожидал, что Бурбаки нанесет удар в верховьях Луары, возможно, свяжет его с наступлением Шанзи от Вандома, и поэтому отдал распоряжение 7-му корпусу продвинуться от Шатийона до Осера, чтобы встретить французов. Но уже 21 декабря до Вердера дошли слухи о широкомасштабных перебросках сил у его фронтов, а 24 декабря поступили сведения о том, что железная дорога между Лионом и Безансоном полностью закрыта для обычных пассажирских перевозок[48]. На Рождество Вердер отправил Мольтке отчет из Швейцарии о подготовке серьезной операции по снятию осады с Бельфора, и Мольтке ответил сообщением о том, что армия Бурбаки ушла с Луары и продвинулась на восток. Вердер собрал свои войска в Везуле, эвакуировав и Дижон, и Гре и подготовился блокировать подходы к Бельфору. Мольтке послал ему подкрепления из Лотарингии, приказав, чтобы 7-й корпус снова отступил от Осера до Шатийона, откуда он смог бы в случае необходимости усилить войска Вердера. Но едва убрав свой щит из верховьев Луары, Мольтке тут же засомневался. Согласно поступившим донесениям, Бурбаки все еще оставался в Бурже. Мольтке остановил 7-й корпус и вернул его в Осер. Сообщения Вердера о передвижениях у его фронта были расценены как недостоверные, и Мольтке раздраженно рекомендовал ему прояснить обстановку, предприняв наступление самому. Версаль угомонился, расценив весь этот эпизод как еще один пример потери Вердером самообладания, и когда Вердер сообщил 5 января о том, что крупные силы французов атаковали его заставы к югу от Везуля, Мольтке ответил, что это могли быть только войска Брессоля из Лиона – «согласно имеющимся у нас сведениям, Бурбаки все еще находится в Бурже», – и убедил Вердера снова атаковать. И только уже позже, вечером того же дня, поступил отчет из дипломатической миссии Пруссии в Берне, подтвердивший прибытие Бурбаки на восток, и вот тогда Мольтке, наконец, осознал реальность угрозы.

До сих пор немцы почти не демонстрировали маневренности, той самой, которой Фрейсине колол в глаза Бурбаки, но как только ситуация прояснилась, Мольтке продемонстрировал недюжинную оперативность. В течение суток он сформировал новую, Южную армию из 19, 7 и 2-го корпусов. Он приказал, чтобы Вердер всеми средствами сохранял осаду Бельфора и навязал Бурбаки бой до прибытия 2-го и 7-го корпусов, которые ударят французам в тыл. Войска в Лотарингии были предупреждены о необходимости обороны линий коммуникаций, и военного министра земли Баден предостерегли о возможности форсирования французами Рейна в случае успешного прорыва Бурбаки в Эльзас.

Мантейфель был вызван из Руана для принятия командования Южной армией. На тот момент других кандидатур не было. Вердер был слишком молод, Фридрих Карл слишком осторожен, Цастров слишком стар, а вот энергичность Мантейфеля в единоборстве с Федербом была по достоинству отмечена в Версале. И он, взлетев по служебной лестнице в Версале 9 января, уже три дня спустя был в Шатийоне и вовсю раздавал приказы. 2-й и 7-й корпуса не должны были ни заниматься сосредоточением, ни бездельничать, им 14 января предстояло выступить через низкогорье Лангр и дойти до Вердера, причем желательно без задержек или же с минимальными остановками. Риск был значительным, Мантейфель должен был перебросить войска через полосу около 65 кимометров шириной, с одной стороны контролируемую

[48] 20 декабря Бронзарт прислал сообщение, в котором ссылался на циркулировавшие в Вене слухи о том, что Бурбаки может направиться на восток, но не поверил этому, будучи уверенным, что Бурбаки двинется непосредственно на Париж, то есть на главную цель. Однако 27 декабря Мольтке признал, что присутствие Гамбетты в Лионе – знаковое событие. – *Авт.*

крепостью Лангр, с другой – рассеянными вокруг Дижона силами Гарибальди. Местность была гористой, будто создана для засад, и связь между идущими колоннами была почти невозможна. «Я заранее одобряю все меры, которые командующие считают необходимыми, – заявлял Мантейфель в своих приказах, – так, чтобы руки командующих в звании генерала не были связаны никакими инструкциями». Командующим были поставлены цели, даны весьма общие наставления, а в остальном им предстояло положиться на себя. Трудно себе было и вообразить большего контраста с дотошностью указаний – принятой у французов практикой. Система функционировала. Дороги были в хорошем состоянии, хотя и обледенелые, несколько досадных атак с флангов были без труда отбиты, и 17 января, после четырехдневного марша, два корпуса, спустившись с гор, следовали вдоль главной дороги от Дижона до Лангра. На следующий день 2-й корпус достиг Соны в Гре, и там стало известно, что Вердер уже втянул Бурбаки в трехдневное сражение и оттеснил его. Французская армия в полном составе отступала.

Приказы Мольтке не доходили до Вердера до 10 января, пять дней после того, как он ввязался в бои с французами. К тому времени особой нужды в этих приказах не было. 5 января авангарды французов столкнулись с авангардами Вердера к югу от Везуля, и допросы взятых в плен во время сражения прояснили численность сил Бурбаки. Вердер понял, что французы значительно превосходят его войска по численности, ему оставалось лишь сосредоточить силы и надеяться на лучшее. Но 6 января атак противника не последовало, да и 7 января, когда Вердер осторожно переместился на юг, он так и не обнаружил там французов. Несмотря на большое численное превосходство, Бурбаки все же не решился атаковать. Официальная причина, которую он представил своим протестовавшим подчиненным, состояла в том, что он собрался вынудить Вердера оставить Везуль, прибегнув к маневрированию. Он занял бы благоприятные позиции, пояснил Бурбаки, где-нибудь между Везулем и Бельфором и вынудил бы Вердера атаковать. «Я взял Дижон без боя, Гре тоже, я возьму и Везуль без боя, как и Люр, и Эрикур, и мы таким образом достигнем Бельфора, осада которого неизбежно будет снята». Такая аргументация звучала неубедительно, и Бурбаки не приводил ее при личных встречах с Фрейсине и де Серром. Фрейсине он объяснял, что поражение у Везуля поставит под угрозу целую операцию, а де Серра Бурбаки неоднократно убеждал в неосуществимости лобовых атак с теми войсками, которыми он располагал. Если излагать проблему кратко, Бурбаки просто сдрейфил. Было абсурдно надеяться на деблокаду Бельфора (гарнизон которого оборонялся до 16 февраля 1871 года!), уже не говоря о том, чтобы перерезать коммуникации немцев, причем без боя, а в Везуле оставался Вердер, судьба которого зависела от Бурбаки. Но он лепетал о том, что, дескать, предпочел обойти прусский фланг, как пруссаки не раз обходили фланги французов.

Верно, что пруссаки, часто даже назло себе, убедились, что фланговый охват – лучший способ одолеть вооруженного современным оружием противника. Но фланговый охват эффективен только при двух условиях. Врага следует потеснить лобовой атакой, и наступать следует очень быстро, чтобы противник не успел выставить силы для оказания отпора. Бурбаки не выполнил ни одно из этих требований. Он остановил свои силы перед Везулем, даже не выслав отряд, отвлекающий силы противника, чтобы проследить за передвижениями Вердера, и, таким образом, полностью потерял контакт с врагом, после чего двигался крайне медленно. И это не целиком было его виной. Его войска, в которых ощущалась нехватка офицерского состава, не имели возможности разделиться на более мелкие подразделения для передвижения по местности и вскоре вынуждены были ползти по нескольким главным дорогам, а хаос на железных дорогах у него в тылу обусловил прекращение войскового подвоза. И Бурбаки не имел возможности сразу развернуть все свои части. Продрогшие, голодные и мятежные батальоны 15-го корпуса медленно разгружались в Клервале и разворачивались на левом берегу Ду. 24-й корпус Брессоля расположился на правом берегу с 20-м корпусом Кленшана вокруг

Ружмона и 18-й корпус Биллоза рекой Оньон в Монбазоне. Только к вечеру 8 января все были более или менее готовы выступить.

Бурбаки писал Шанзи 7 января, желая сообщить, что ожидает боя с немцами в Виллерсекселе, где самая южная из двух главных дорог от Везуля до Бельфора пересекает реку Оньон. Его оценка оказалась верной. Вердер, после дня раздумий, избрал Бельфор. Направление его главного удара шло вдоль самой северной из этих двух дорог, но его правое крыло использовало дорогу на Виллерсексель, и авангард Вердера вышел к городу утром 9 января, обнаружив, что он уже занят французами. Стоя высоко на левом берегу Оньона, разделявшегося в этом месте на множество рукавов, городок полностью блокировал проход по реке. Шато (замок) маркиза де Граммона располагался сразу же за городком, западнее его в лесистой местности, круто спадавшей вниз к берегу реки. Отсюда было легко контролировать главный мост через Оньон, а единственной другой переправой через реку было сомнительное устройство в самом конце замкового парка, которое тоже легко было удержать под контролем с расположенных выше и поросших лесом высот. Маркиз показал французским войскам места для наилучших позиций у себя в парке, а жители городка помогали забаррикадировать мост. Лучшие оборонительные позиции и придумать было трудно.

Но, к сожалению, сначала для обороны сил у французов явно не хватало. Приказы Бурбаки на 9 января не отражали его ожиданий сражения с немцами у Оньона: они предписывали лишь продвижение дальше на 4 километра всем четырем корпусам приблизительно параллельными путями, и, как большинство французских военных приказов, не содержали сведений ни о расположении врага, ни о цели наступления, ни указаний для взаимодействия на случай неприятельской атаки. Виллерсексель располагался на пути следования только одного корпуса, 20-го. 18-й корпус проходил за Оньоном, направляясь прямиком к баденским дивизиям, маршрут 24-го корпуса протянулся северо-восточнее места сражения, а 15-й корпус за рекой Ду вообще был вне досягаемости. Утром 9 января только 200 человек из авангарда 20-го корпуса достигли городка, и, несмотря на преимущества позиций для оборонявшихся, немецкая пехота, после первой попытки сдержать ее, сумела преодолеть реку по веревочному мосту и ударить с тыла по оборонявшим главный мост. К полудню, когда на сцену вышли основные силы 20-го корпуса, немцы уже овладели и замком, и городком.

Авангард 18-го корпуса между тем уже столкнулся с немцами к северу от Оньона в районе деревни Мара. В результате обычных недоработок штабистов главные силы увязли в продолжительных задержках и так и не смогли выстроиться в боевой порядок, чтобы достойно атаковать малочисленные силы немцев, стоявших у них на пути. 20-й корпус, таким образом, остался без поддержки и на левом, и на правом флангах, где Брессоль, несмотря на неоднократные донесения Бурбаки, гнал 24-й корпус все дальше и дальше от поля сражения. Сам Бурбаки подошел к штабу 20-го корпуса у Виллерсекселя во второй половине дня. В знакомой атмосфере поля битвы он позабыл об осторожности, не покидавшей его с начала войны. «Перед вами всего каких-то 15 000 человек, – сказал он командиру дивизии, явно преувеличив цифру, – займите позицию для меня. Вы уже должны были занять ее. В вашем возрасте я пошел бы на них с палкой в руке». Темперамент Бурбаки подействовал заразительно на офицеров, и впервые ряды этой несчастной армии будто встрепенулись, позабыв об апатии. Полки с торжествующими криками уже в сумерках двинулись по заснеженным полям и штурмовали городок. Бурбаки вернулся в штаб, чтобы передать Гамбетте донесение: «Все перечисленные цели наступления достигнуты. Главная цель, Виллерсексель, была взята с криками Vive la France!».

Но торжествовал Бурбаки рано. Вердер, стремясь избежать сражения до соединения с войсками, окружавшими Бельфор, второпях прибыл в Виллерсексель в полдень с приказом находящимся там войскам оставить в городке малочисленный гарнизон и продолжить наступление. Войска в Виллерсекселе стали уже уходить, и именно в этот момент и ударил 20-й корпус. И французы проникли в городок и в замок без особого труда, но одержанная ими победа

грозила повергнуть наступление немцев в хаос, и командир дивизии, решив позабыть о приказе Вердера, распорядился защищать городок. Это убедило французов, что бой далеко не закончен. Немцы, толпясь, ринулись назад, и бои, то затихая, то вновь возобновляясь, продолжались на заснеженных улицах до глубокой ночи. Группа немцев пыталась пробиться в замок через первый этаж, но французы не желали уступать ни пяди, и в течение многих часов в темных коридорах и залах не утихала стрельба, пока разведенный кем-то огонь не разрешил спор – огонь охватил здание, и вскоре крыша рухнула, похоронив под собой и французов и немцев в огромном братском погребальном костре. Лишь к полуночи все утихло, немцы убрались прочь и продолжили марш.

Понесенные сторонами потери не были столь огромны, чтобы как-то отразиться на их войсках, и обе стороны считали бой выигранным. Французы заявили, что они сохранили контроль над полем битвы, но то, что они по-прежнему владели Виллерсекселем, никоим образом не препятствовало Вердеру обогнать мчавшегося во весь опор Бурбаки на пути к Бельфору. Претензии немцев были лицемернее. «Цель дня полностью достигнута, – писал их главный историк о кампании, – Бурбаки не мог теперь добраться до Бельфора раньше 14-го армейского корпуса». Это не имело смысла, и Лёляйну следовало бы это понимать. Во-первых, у Вердера не было «цели», кроме как оторваться от врага после неожиданного столкновения, причем как можно скорее и как можно бескровнее. Во-вторых, сражение так и не остановило медлительное продвижение Бурбаки: весь его корпус, как он с гордостью сообщил Гамбетте, достиг мест назначения, к которым направился утром 9-го числа. Наконец, утром 10 января Бурбаки все еще имел возможность достичь Бельфора силами своего правого крыла раньше Вердера, если бы потрудился достаточно быстро продвинуть вперед 24-й и 15-й корпуса вверх по берегам Ду. Но он этого не сделал. «Все тактические и стратегические преимущества, полученные французским командованием, несмотря на его ошибки и благодаря ошибкам его противника, – откровенно писали официальные французские историки, – были утрачены вследствие нескольких часов нерешительности». Краткая вспышка наступательного порыва Бурбаки угасла: он вновь задумался о диспозициях, о том, как противостоять атакам, замышляемым противником. Таким образом, в течение трех дней, с 10 по 13 января, французская армия продвинулась в целом на 8 километров, в то время как Вердер успел укрепить позиции на реке Лизен, чтобы перекрыть дорогу на Бельфор и, пока Мантейфель находился далеко на северо-западе, собрать силы для броска через низкогорье Лангр.

В действиях Бурбаки в течение этих дней можно усмотреть обреченный, едва ли не мазохистского толка фатализм, так напоминающий настрой Базена в сражениях у Меца, тот, кто понимает, что бессилен каким-то образом повлиять на события, может лишь, подобно загипнотизированному, взирать на их ход. Его не интересовали передвижения Мантейфеля, о которых сообщалось в сводках, начавших поступать 12 января. «Если верить тому, что получаем из различных источников, – комментировал их Бурбаки, – то большая часть войск принца Фридриха Карла [так!] перемещается к нам». Это облегчит положение Шанзи, чтобы тому наступать на Париж. Так же как и Базен, Бурбаки продемонстрировал полнейшую неспособность руководить крупными группировками, находившимися под его командованием. Прусская тактика рассеивания в движении, сосредоточения для боя была недоступна ни ему, ни его убогим дилетантам-штабистам. Он мог лишь сосредоточиться, призвать Кремера с северо-запада и Мартино с юго-востока, чтобы еще сильнее раздуть три корпуса, уже еле ползущие, подобно леднику, к Бельфору. Пять немецких батальонов вокруг деревни Арсе, как ему показалось, создавали угрозу безопасности железнодорожной линии в Клервале, и 13 января Бурбаки тяжеловесно развернул пять дивизий своего правого крыла, чтобы сдержать их. Этим и исчерпывались его замыслы. В тот вечер он в ответном послании Фрейсине сообщил, что спешил в Эрикур и в Бельфор, но трогательно добавил: «Прошу сообщить мне то, как мне, по вашему мнению, лучше всего поступить. Это будет полностью зависеть от марша сил Фри-

дриха Карла [так!], которые я должен встретить в благоприятных условиях. Не поскупитесь на рекомендации и сведения» – и стал готовиться к атаке немецких позиций на Лизене.

Лизен – узкая речушка, протекающая в Вогезах в нескольких километрах к северо-западу от Бельфора и впадающая в Ду у Монбельяра в расширяющейся долине, обрамленной с обеих сторон густым лесом. Сам по себе Лизен – не очень серьезная водная преграда, и в тот сезон он был покрыт толстым слоем льда, но долина севернее Эрикура проходит среди крутых лесистых склонов, которые, местами сужаясь, образуют овраги, а восточнее Эрикура возвышенности, хотя они ниже, более открытые, и поднимаются более плавно, все же доминируют над долиной. Между Эрикуром и Монбельяром долина снова сужается, лавируя между подступающими более низкими, обычными холмами, которые господствуют над крутыми улочками Монбельяра. Вердер занял восточные склоны долины от Монбельяра до дороги на Люр в Фрае, на расстоянии около 20 километров. Его войска изо всех сил укрепляли позиции. Они доставили сюда осадные орудия, прорыли траншеи и заминировали мосты, они проложили тропы в густых лесах у себя в тылу, проложили целый комплекс телеграфных линий, посыпали покрытые льдом дороги песком и навозом, разложили костры, чтобы на отдельных участках растопить наиболее толстый лед, и, наконец, взломали лед, сковавший речку Лизен.

Немцы воспользовались всем, на что только способна человеческая мысль и инженерия. Но, как бы то ни было, их как было, так и оставалось всего 40 000 человек против 110 000 солдат противника, и Вердер усугубил положение серьезной ошибкой при попытке разгадать намерения Бурбаки. Зависимость французов от железной дороги, рассуждал он, вынудит их атаковать в южной части долины, и, соответственно, расположил большую часть своих сил между Эрикуром и Монбельяром. В его распоряжении было восемь батальонов для обороны 13-километрового участка крайне неблагоприятной местности между Ду и швейцарской границей, но жизненно важную дорогу на Л юр, проходившую по открытой местности на его правом фланге, он охранял всего-навсего тремя батальонами. Бурбаки, готовясь атаковать немцев на протяжении всей долины Лизена, располагал достаточными силами и для флангового охвата на севере. 20, 24 и 15-му корпусам предстояло ударить по немцам от Эрикура до Монбельяра, но это должна была быть вторичная атака для удержания противника на позиции. Решающий удар предстояло нанести на севере силами 18-го корпуса на Шаже и силами дивизий Кремера на Шенбье и Фрае, где Бурбаки, рассчитывая, что позиции Вердера не протянулись дальше Эрикура на север, надеялся на бескровный успех.

Первоначальные маневры французов 14 января убедили Вердера в том, что силы противника у него по фронту даже больше, чем он мог предполагать, и на какое-то время он пал духом. Вердер телеграфировал Мольтке: «Следует тщательно обдумать, стоит ли нам держать осаду Бельфора под натиском этих охватных ударов. Я полагаю, что Эльзас можно удержать, но не вместе с Бельфором, в противном случае мы подвергнем опасности само существование корпуса. Удерживая Бельфор [в осаде], я буду лишен свободы передвижения. Реки в мороз проходимы». Это донесение встревожило Версаль, но Мольтке бодро ответил: «Следует ожидать атаку, и встретить ее необходимо на укрепленных позициях, прикрывающих Бельфор… результат продвижения генерала Мантейфеля скажется по прошествии нескольких дней». Эти распоряжения были получены Вердером вечером 15 января, к тому времени он уже вел бой и не мог им не повиноваться.

Сражение у Лизена затянулось на три дня и довело обе армии до пределов человеческой выносливости. Стояли холода: температура все время оставалась минусовой, в ночь на 15 января столбик термометра опустился до 18 градусов мороза. Вердер при любой возможности возвращал солдат в места расквартирования, но вот у французов подобная возможность отсутствовала. Близость врага вынуждала командующих запретить раскладывать костры, но они все же нарушали запрет, и все – от генералов до рядовых – толпились возле огня, чтобы просто не погибнуть от переохлаждения. Лесные дороги были в сугробах, но если немцы очи-

стили их заранее, то французы пренебрегли этим, и это сыграло существенную роль в печальном исходе операции. Именно по самой заснеженной лесной дороге предстояло продвигаться 18-му корпусу Билло и дивизии Кремера. Именно они составляли ударную силу французской армии. Бурбаки отдал строгие приказы, чтобы корпуса по центру и справа действовали просто как некая опорная точка («налечь» на врага), пока вышеупомянутые корпус и дивизия не разовьют атаку на необороняемое правое крыло противника. Но продвижение Билло и Кремера утром 15 января замедлилось вследствие противоречивых и непонятных распоряжений. Их колонны натыкались друг на друга в лесу, их маршруты пересекались, что вызывало многочасовые задержки. В результате французские войска, смыкавшиеся в направлении Лизена между Эрикуром и Монбельяром, в течение утра с трехкратным численным превосходством так и не смогли преодолеть реку и продолжить атаку на другом берегу. 18-й корпус наступал на Шаже только в дневное время и настолько неуверенно, что немцы без усилий отразили атаку, а Кремер прибыл к Шенбье уже с наступлением темноты, когда и атаковать-то было поздно.

План Бурбаки пошел вкривь и вкось, но еще оставалось время все исправить и спасти его от полного провала. 16 января французы продолжили атаковать по всей долине. Они замерзли, устали, изнемогали от голода и почти не предприняли попыток контратаковать немцев, пытавшихся сдержать их огнем. Но, по крайней мере, вынудили Вердера бросить в бой все имеющиеся у него резервы, и когда Кремер, получив подкрепление в виде одной из дивизий 18-го корпуса, маршем направился атаковать растянувшуюся на многие километры деревню Шенбье, немцы отступили к дороге на Бельфор. Преследование, возможно, превратило бы их отступление в беспорядочное бегство, части немцев на позициях, и так уже порядком обескровленные, могли не выдержать натиска, и дорога на Бельфор была бы открыта. Но Кремер не преследовал противника. Его силы были дезорганизованы, потери значительны, у него не было приказа проникнуть за Шенбье, и Бурбаки каким-то образом решил не осуществлять эту попытку флангового охвата. «Мне бы пришлось бросить железную дорогу Безансон— Монбельяр, – объяснил он Билл о, – и окажись мы отрезаны, нам нечего было бы есть». И Кремер стал окапываться в Шенбье и весь день прочно держал оборону.

Французы атаковали и на других участках, но с еще меньшим энтузиазмом, чем 16 января, и Бурбаки, верхом объезжая позиции под ледяным дождем, своими глазами видел, что игра закончилась. Он не мог потребовать большего от своих войск, и все его командующие корпусами, за исключением Билло, советовали ему отступать. Один молодой офицер предложил атаковать ночью, но Бурбаки только покачал головой. «Я на двадцать лет старше, – пояснил он. – Генералы должны быть вашего возраста». И отдал приказ об отходе. Его приказы и отчет Фрейсине все еще были пронизаны формальными приличиями: он просто удалялся, как он выразился, на несколько километров к более выгодным позициям, где войсковой подвоз не будет представлять такую проблему и где немцы, если повезет, попытаются атаковать его. Но все эти фантазии надолго не затянулись: сутки спустя, узнав, что Мантейфель приближается к Соне, Бурбаки стал возвращаться к Безансону. В полях и лесах за Лизеном наступавшие немцы обнаружили 4500 раненых французов и 1500 убитых.

Отрешенность Бурбаки, ужасная погода, неповоротливость его командного аппарата, неудовлетворительная организация войскового подвоза, необученность его войск – все это вместе с хладнокровием и умением Вердера, силы которого заняли и удерживали свои позиции, и объясняет его поражение. Подход сил Мантейфеля видоизменил поражение до отступления, завершиться которому было суждено одним из наибольших бедствий, выпадавших когда-либо на армию европейской страны. Почему Мантейфель сумел беспрепятственно пройти? Силы в Дижоне и вокруг него насчитывали около 50 000 человек, половина из них – бойцы Гарибальди. При условии умелого командования они как минимум дезориентировали бы Южную армию. А так они не добились ничего. По общему признанию, никаких точных планов, предназначавшихся для них, не существовало. Де Серр 23 декабря приехал в Отён и получил

весьма размытые, зато изложенные в восторженной форме гарантии сотрудничества и взаимовыручки, но с самого начала операции ни о чем подобном и речи не шло. Гарибальди просто не смог бы двинуться из Отёна в Дижон без железнодорожного транспорта, и хотя его тревога за своих бойцов в это время года была вполне объяснима, вряд ли это был подходящий момент, чтобы выпрашивать у Фрейсине подвижной состав. Поэтому дивизия и задержалась для обороны Дижона вплоть до прибытия Гарибальди 8 января. В критический момент, когда Мантейфель спускался с низкогорья Лангр к верховьям Соны, Гарибальди заболел, и Бордон в ответ на вежливые увещевания Фрейсине («Как могло произойти, что враг посмел показаться в районе, контролируемом вашей бесстрашной армией?») заявил, что не мог бросить Дижон, не обеспечив его надлежащую оборону, и что опасность была значительно преувеличена. Падение Гре ввело его в заблуждение, и 19 января терпение Фрейсине лопнуло: «Вы не оказали поддержки армии Бурбаки, и ваше присутствие в Дижоне никак не повлияло на марш противника с запада на восток. Короче говоря, меньше оправданий и больше действий, именно этого мы от вас и хотим».

Два дня спустя Фрейсине изменил тон. Оборонявшиеся на фланге Мантейфеля силы численностью в 4000 человек и 12 артиллерийских орудий под командованием генерала фон Кеттлера 21 января уверенно перешли в наступление на Дижон с целью сохранения там гарнизона, в то время как главные силы немцев направились на восток от города к Соне и Ду. Силы Гарибальди вместе с местными французами из национальной гвардии составляли около 50 000 человек, хотя немногие из них были на самом деле вооружены или способны по-настоящему сражаться, и страдавший подагрой Гарибальди должен был, оставаясь в вагоне поезда, осуществлять над ними командование. Но его бойцы проявили себя поразительно стойкими и бесстрашными в бою. Атака Кеттлера была отражена, а когда он два дня спустя попытался снова ударить, результат был еще плачевнее – из-под груды тел немцев гарибальдийцы достали неприятельское знамя, которое было торжественно передано в Бордо. «Наконец, – телеграфировал Фрейсине 19 января, – я снова вижу перед собой не знающую страха армию Гарибальди и его разумного и проницательного начальника штаба».

Потеря боевого знамени и 700 человек была ценой, на которую не поскупился Мантейфель. 21 января он добрался до реки Ду ниже Безансона у Доля, и крах Бурбаки казался делом решенным. Мантейфель приказал, чтобы Вердер не ослаблял натиска на французов, пока 2-й и 7-й корпуса из-за Ду не ударят им в тыл. Вердер не собирался участвовать в этой операции: его войска были слишком утомлены, чтобы преследовать и атаковать Бурбаки. Им все же требовался отдых. Но маневр Мантейфеля все еще оставался действенным. Обе армии не должны были стискивать между собой силы Бурбаки, а предпринять маневр с целью отрезать его силы от линий коммуникаций с остальной Францией, прижать его к швейцарской границе, как в свое время Мак-Магона к бельгийской. В Доле Мантейфель перерезал главную дорогу и железнодорожную линию, проходившую на юго-запад от Безансона до Шалона и Шаньи, теперь оставались лишь дорога и железнодорожная линия на Лон-ле-Сонье и Лион, и как только они будут перекрыты, Бурбаки будет отброшен на немногие горные тропы через заваленные снегом горы Юра, а их уже ничего не стоит блокировать.

Захват Доля стал сюрпризом и для Фрейсине, и для Бурбаки. Фрейсине уже разработал другой грандиозный план, согласно которому Бурбаки должен был возвратиться к Луаре, получить подкрепления и снова выступить на север через Осер и Труа для соединения с силами Федерба. Бурбаки был уверен, что сумеет продвинуться вдоль Ду, маневрируя вокруг Безансона, который, как он предполагал, располагал складами со значительными запасами, и 22 января он доложил Фрейсине, что рассчитывает прорваться в Доль. Таким образом, для планируемой переправы его войск в сторону Бордо все еще имелось правдоподобное обоснование: даже передвижение Мантейфеля к дороге на Лон-ле-Сонье, судя по всему, его мало беспокоило, и он направил дивизию 15-го корпуса в Кенже убедиться в этом. Но стоило ему добраться

до Безансона, как тон его изменился. Интендант из штаба армии сообщил Бурбаки, что у него не было инструкций создавать запасы в Безансоне и что провианта для армии хватит едва на неделю. Впервые Бурбаки осознал безнадежность своего положения. Один за другим его пути к отступлению исчезали. 23 января спустившаяся вдоль течения Ду к Долю дивизия Кремера была отброшена, дивизия, посланная к Кенже, запаниковала при виде авангарда 7-го корпуса, и дорога на Лон-ле-Сонье была потеряна. Стоило войскам Вердера лишь появиться, и 24-й корпус поспешно оставил позиции арьергарда, которые занимал вокруг Бом-ле-Дама. 24 января Бурбаки консультировался со своими командующими корпусами, и было согласовано, что единственная надежда – ринуться к горам Юра и искать пути отхода через Понтарлье.

Фрейсине, узнав об этом, не стал скрывать недоверия. Его тон вообще изменился начиная со сражения у Лизена. Получив урок после неудачи Гарибальди при попытке остановить Мантейфеля, он был за отход Бурбаки от Безансона, но когда Гарибальди мужественно сражался в Дижоне, а Бурбаки объявил о том, что отрезан от Лиона, скептицизм его усилился. Он возложил вину за медлительность на Бурбаки. «По-моему, – телеграфировал Фрейсине 23 января, – Вам остается лишь одно – не мешкая, отбить у противника линии коммуникации, которые Вы, увы, потеряли, и предотвратить падение Дижона, возможное после повторных попыток противника атаковать город, несмотря на проявленный Гарибальди героизм». Узнав о решении отходить к Понтарлье, он был изумлен. «Вы, случаем, не перепутали название? – телеграфировал Фрейсине. – Вы действительно имеете в виду Понтарлье? Тот Понтарлье, что около Швейцарии? Если этот Понтарлье на самом деле Ваша цель, Вы предусмотрели последствия? За счет чего Вы будете жить? Вы, конечно, умрете от голода. Вас вынудят либо капитулировать, либо идти через швейцарскую границу… Прорывайтесь любой ценой. Иначе Вы погибли».

Фрейсине был прав. Но Бурбаки понимал, в отличие от Фрейсине, что уже ничто не заставит французские войска стойко сражаться с немцами, тем более пробиваться с боями. Отступление от Лизена довершило процесс деморализации армии: она, как выразился один генерал, «подверглась мгновенному разложению». Части и подразделения сплачивало одно – потребность в пропитании. Обозы и поезда грабили голодные толпы, которые выбрасывали половину того, что брали. Обувь заменялась на обмотанное на ногах тряпье, и Вердер, преследуя французов, маршировал по дорогам, обочины которых были усеяны брошенным оружием и снаряжением. При первых же орудийных выстрелах французы просто разбегались. Отсюда и решение идти дальше в Понтарлье. «Это – единственное направление, которое под силу их настроению и состоянию, – телеграфировал 24 января Бурбаки. – Если этот план Вас не устраивает, я, поверьте, не знаю, как поступить, это чистейшее мученичество – осуществлять сейчас командование войсками… Если Вы считаете, что кто-нибудь из моих командующих корпусами способен добиться большего, чем я, не смущайтесь и замените меня… Эта задача мне не под силу». В течение еще двух дней он пытался сдерживать немцев, приближавшихся с севера и юга, в то время как вещевые обозы громыхали в восточном направлении к горам Юра. Вечером 26 января он отдал приказы войскам на следующий день, и пока подчиненные их доставляли, Бурбаки уединился в своем кабинете и выстрелил себе в голову.

Несчастный Бурбаки! Даже в этом избавлении судьба отказала ему. Пуля лишь задела череп, и неделю спустя его жизнь была вне опасности. Но Фрейсине уже поверил всему им сказанному, и соответствующие указания Кленшану взять на себя командование армией были уже в пути. Кленшан смог лишь продолжить марш на Понтарлье через ущелья и горные гряды к широким плато, где передвижение было легче. Но он все же не смог обогнать немцев. 26 января 2-й корпус был уже в ущелье в Салене, а еще два дня спустя он дошел до Онглера, находившегося на дороге Лен-ле-Сонье – Понтарлье. Кленшан, дожидавшийся в Понтарлье, пока колонны армии Бурбаки тянулись через горные гряды, выслал авангард под командованием Кремера, чтобы держать открытой последнюю пригодную для передвижения дорогу вдоль гра-

ницы через Сен-Лоран и Ле-Планше, и кавалерия Кремера 29 января вышла к этим жизненно важным перекресткам, к счастью оказавшимся свободными для прохода. Но следовавшая за кавалерией пехота не смогла преодолеть заснеженные дороги, а появившиеся несколько часов спустя немецкие авангарды весьма умеренным артиллерийским огнем смели малочисленные заслоны французов. Оставался лишь узкий горный проход, заваленный снегом, преодолеть который французские войска не могли. Дальше на севере 7-й корпус немцев, продвигавшийся от Салена, вступил в бой с главными силами французов в нескольких километрах западнее Понтарлье. 3000 французских солдат сдались единственному немецкому батальону в деревне Сомбакур, но в Шаффуа немцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Наступила ночь, но интенсивная стрельба не утихала, пока от Кленшана внезапно не прибыл офицер с приказом о перемирии. Перемирие было подписано в Версале.

Задним числом все представляется так, будто сама судьба решила избавить французскую армию от дальнейших унижений. Перемирие было действительно подписано, и Мантейфель в Арбуа узнал о нем почти одновременно с находившимся в Понтарлье Кленшаном. Но по причинам, которые мы рассмотрим ниже, на бои в департаментах Ду, Юра и Кот-д'Ор упомянутое перемирие не распространялось, и громадной ошибкой Жюля Фавра было то, что он не счел необходимым проинформировать об этом исключении Бордо. Мантейфель знал поэтому, что перемирие на него не распространяется, и 30 января продолжал продвижение, перекрывавшее французам все пути к отступлению. Разъяренным эмиссарам Кленшана он весьма любезно указал, что был бы рад получить «надлежащие предложения в соответствии с военной ситуацией, преобладающей здесь на данный момент». Но Кленшан не собирался отправлять третью по счету армию в немецкие лагеря для военнопленных. Уже шли предварительные переговоры с швейцарской стороной о безопасной переброске раненых через границу, и когда 31 января Кленшан узнал из официальных источников в Бордо, что его надежды на перемирие нереальны, он заключил соглашение со швейцарскими властями на пограничной почте в Ле-Верьере.

И 1 февраля французские войска, не соблюдая и подобия порядка, переполнили дороги от Понтарлье до границы, оставив после себя брошенное оружие, снаряжение, обессиленных лошадей и людей. Последний бой состоялся в ущелье Л а-Клюз в 6,5 километра от Понтарлье, в нем участвовала горстка солдат армейского резерва. Здесь при поддержке артиллерии, ведущей огонь из высокого замка Ла-Клюз, они стойко держали оборону, пока немцы безуспешно искали пути обхода остальных сил французов, растянувшихся вдоль границы в Ле-Верьере и Лез-Опито. Но потом и эти бежали, подавшись в Швейцарию вместе с остальными, побросав винтовки на обочинах дорог. Несколько частей прорвались в горы южнее, избежав немецких заслонов, и добрались до Лиона. Кремер отправил большую часть своей конницы дальше, а другие генералы бежали в индивидуальном порядке, включая и Билло, 18-й корпус которого один до самого конца представлял собой некоторое подобие войскового соединения. Другие же, пытавшиеся сбежать, становились жертвой обмана крестьян, намеренно указывавших им неверный путь и старавшихся как можно скорее избавиться от назойливых беглецов. В общей сложности Кленшан привел в Швейцарию 80 000 человек. Азартная игра Фрейсине позорно завершилась.

Глава 11
Мир

К середине января 1871 года армии национальной обороны и в Париже и в провинциях были разгромлены и большей частью уничтожены. Гражданское население Франции, кроме разве что горстки командующих с железной волей и неумеренных оптимистов, было готово к заключению мира на любых условиях. Но в условиях войны чаша весов не склоняется в пользу кого-нибудь одного. Множившиеся невзгоды французов не уравновешивались бременем, тяготевшим над немецкими войсками и их командующими. Фронтовые и оккупационные части в провинциях были изнурены войной, кое-как расквартированы и во многих провинциях не знали покоя из-за «вольных стрелков». Задачи службы тыла, осуществлявшей снабжение армии численностью в 800 000 человек по железнодорожной системе, функционировавшей далеко не везде безупречно из-за противодействия уцелевших крепостей, диверсий и готовой в любой момент вообще прекратить перевозки, в ходе войны не облегчались, а, наоборот, усложнялись. Да и в самой Германии росло недовольство в связи с растущими требованиями к национальным ресурсам – и в отношении подвижного состава, и рабочей силы. Победы при Ле-Мане, Сен-Кантене, Бузенвале и Лизене вызывали искренний восторг в немецкой прессе, но вряд ли приближали день заключения мира.

Поэтому в Версале, где находилась ставка не только прусского военного командования, но и фактически гражданского правительства, не спадала напряженность. Было ясно, что вопрос об артиллерийском обстреле Парижа был поводом для конфликта, ибо открытие огня 5 января обстановку не разрядило. И две недели спустя раздоры в Версале достигли пика. Запрос французов о перемирии поступил как раз в самый что ни на есть удобный момент. Продлись эта война еще несколько недель, и трудно было бы с определенностью утверждать, остались бы у дел Бисмарк или Мольтке, постоянно предъявлявшие взаимные обвинения в стремлении подставить друг другу ножку.

Бремя на плечах Бисмарка было весьма нелегким и без дополнительных трудностей, которые, как он полагал, создавали для него вооруженные силы. В течение четырех месяцев он вел достаточно непростые, даже щекотливые, а нередко и ожесточенно-желчные переговоры с представителями руководства прусских партий, с принцами, с парламентариями Южной Германии по вопросам формы существования новой Германской империи. За великолепием и пышностью церемонии, состоявшейся 18 января в Зеркальной галерее *(Galerie des Glaces)* Версальского дворца, когда король Пруссии собравшимися там правителями германских государств был провозглашен императором (кайзером), просматривалась череда политических кризисов и конфликтов, в ходе которых у Бисмарка постоянно возникали разногласия то с королем, будущим кайзером, явно недолюбливавшим саму идею империи, то с кронпринцем, который был самым восторженным, а зачастую даже некритично восторженным ее сторонником, и охлаждение в личных отношениях, ставшее естественным следствием этого, отнюдь не облегчало и другую стоявшую перед Бисмарком задачу, а именно: привести эту грозившую затянуться до бесконечности войну к удовлетворившему бы всех миру. Невзирая на провал миссий Тьера, страхи Бисмарка перед возможным вмешательством в ход войны европейских держав не уменьшались, и, более того, предпринимаемые им теперь действия по иронии судьбы вполне могли послужить этим державам очередным благовидным предлогом для такого вмешательства.

29 октября Россия, что было в целом предсказуемо, денонсировала пункты Парижского трактата 1856 года, согласно которому Черное море объявлялось нейтральным, а численность

военно-морских сил, которыми русский царь мог располагать на его водах, ограничивалась[49]. Одна из двух держав, ответственных за ввод вышеупомянутых ограничений для России, Франция, была обессилена войной, а Великобритания находилась в состоянии изоляции, и ни один из ее государственных деятелей не осмелился бы назвать ее положение «блестящим». Что было знаменательно в контексте новой роли, которую Бисмарк отныне играл на европейской сцене, британский министр иностранных дел лорд Гренвиль, прежде чем принять соответствующие меры, направил в Версаль наделенного чрезвычайными полномочиями посланника Одо Рассела, чтобы тот убедил Бисмарка помочь англичанам образумить Россию, уговорив ее отозвать денонсацию, ибо в случае неудачи с Россией, как Рассел заявил канцлеру, Великобритания будет вынуждена, с союзниками или же без таковых, начать войну. Подобное разрастание франко-германского конфликта Бисмарк не мог приветствовать ни при каких условиях. Вместо этого он предложил созвать конференцию держав для рассмотрения этого вопроса и пригласить на эту конференцию полномочного представителя Франции. Гренвиль согласился с таким решением и убедил правительство национальной обороны принять его.

Реакция французов была неоднозначна. С одной стороны, и Шодорди, делегат по иностранным делам в Туре, и Фавр, которых в общих чертах проинформировали об этом в Париже, решили превратить конференцию в инструмент достижения перемирия на их условиях. Поскольку конференция не могла принять правомочных решений без присутствия французского представителя, они спорили, не станут ли державы Европы в своих собственных интересах оказывать давление на Пруссию с тем, чтобы та приняла условия французов. С другой стороны, настояв на том, чтобы представителем от Франции на конференции был сам Фавр, а не кто-нибудь из министров или членов делегации, они, по сути, вручили Бисмарку способ похоронить весь этот план. Фавр мог выехать из Парижа лишь с согласия пруссаков, и хотя это согласие в принципе могло быть дано, вполне могла возникнуть целая цепочка трудностей практического характера, которая лишила бы его такой возможности.

Созыв конференции был назначен на 3 января 1871 года, но Бисмарк, приостановив всякую связь между прусскими аванпостами французов в осажденном городе, мотивировал этот шаг тем, что французы, мол, открыли огонь по аккредитованным парламентерам и это воспрепятствовало получению Фавром приглашения на его участие в конференции. Конференция была отложена до 10 января, и Бисмарк позаботился о том, чтобы Фавр в тот же день, то есть 10 января, получил приглашение. И снова конференцию пришлось отсрочить на неделю, затем Бисмарк измыслил новые сложности, связанные с точным соблюдением протокола, согласно которому якобы необходимо было оформить особое охранное свидетельство, кроме того, он умело играл на нежелании Фавра бросать Париж в столь ответственный и крайне опасный момент ради обсуждений вдали от войны в абстрактно-правовом ключе вопросов политики с позиции силы. «И я спросил себя, – писал Бисмарк с мрачной иронией 16 января, – а не совестно ли Вашему Превосходительству уезжать из Парижа теперь ради участия в обсуждениях вопросов, касающихся судьбы Черного моря?…Я с трудом представляю себе, что Вы, Ваше Превосходительство, в критической ситуации, в которую Вы внесли такой вклад, пожелаете лишить себя возможности сотрудничества в работе над принятием решения, за которое и Вы несете долю ответственности». Но подобные ухищрения не могли продолжаться вечно, и если Фавр все же должен был прибыть в Лондон и лично обратиться к совести Европы, Бисмарк предвидел, что это неизбежно положит начало новой и куда более трудной фазе отношений между новой Германской империей и нейтральными державами.

Иными словами, Бисмарк был убежден, что мирное урегулирование, когда оно встанет на повестку дня, должно осуществляться только между Германией и Францией. Однако в начале

[49] По Парижскому мирному договору России вообще запрещалось иметь на Черном море военный флот и военные арсеналы, как и Турции. – *Ред.*

1871 года оказалось достаточно сложно чем когда-либо отыскать во Франции правительство, готовое к заключению мира на любых мыслимых условиях. С самого начала декабря из Парижа не прозвучало ни единого слова, а делегация, казалось, с каждым очередным разгромом французской армии становилась все фанатичнее и неуступчивее. Только эмигранты – сторонники империи – вроде бы были готовы предложить хоть какой-то выход, не считая полной невозможности реставрации империи во Франции, разве только под видом республики самой откровенной и недолговечной формы военной диктатуры. Сторонники Наполеона III в Лондоне, Брюсселе и Вильгельмсхёэ раскололись, как это всегда случается с представителями эмиграции, на враждебные друг другу фракции, между которыми и подобия взаимонимания, тем более согласия или даже компромисса изначально быть не могло. В Брюсселе Персиньи и Паликао все еще цеплялись за предложение Ренье в качестве одного из шагов созвать Законодательный корпус и легитимным путем под защитой старого императора вызволить из плена армию. В Лондоне императрица Евгения предложила, выдвинув регентшей себя, подписать мир, согласно которому Франция уступала Германии территорию, эквивалентную территории Ниццы и Савойи, присоединенной за счет Пьемонта десятью годами ранее. Наконец, принц Наполеон, в очередном припадке амбициозности, напрашивался в Версаль собственноручно подписать мир с Германией.

Ко всем этим противоречивым предложениям Бисмарк прислушивался с изрядной долей скептицизма. Единственным вариантом, сулившим хотя и довольно призрачные, но все же шансы на успех, было предложение императрицы, которая к началу 1871 года решила предоставить Бисмарку условия, которые он впоследствии получил от Тьера: территориальные уступки, денежная контрибуция и оккупация Франции немцами до полной выплаты контрибуции. Предложение необходимо было сделать официально, как только падение Парижа ясно давало понять французам всю тщетность дальнейшего сопротивления. Клеман Дювернуа в середине января уехал из Лондона за получением одобрения этих планов императором Наполеоном III в Вильгельмсхёэ и эмигрантами в Брюсселе, и к 19 января он, как ожидали, должен был прибыть в Версаль.

У Бисмарка поэтому имелись причины полагать, что возобновление мирных переговоров немедленно после падения Парижа имеет неплохие шансы на успех. Даже если восстановление империи было невозможно – а растущее насилие республиканизма Гамбетты могло бы сделать его меньшим из двух зол для Германии, – имперские увертюры могли использоваться в качестве дипломатического рычага, чтобы заставить Фавра выдвинуть собственные предложения, но, полагал он, это был наилучший способ до предела осложнить задачу любого государственного деятеля Франции независимо от того, за какой режим он ратовал, который желал бы провести мирные переговоры и обладал соответствующими полномочиями. Это были взгляды, которых он придерживался в отношении Австрии со времен победы при Садове, и теперь они, как и тогда, сулили ему острейший конфликт с Мольтке и Генеральным штабом.

Мольтке в тот период тоже пребывал в ничуть не меньшем напряжении, чем Бисмарк. Его ресурсы достигли предела, коммуникации внушали тревогу, а военные победы его войск в провинциях, как могло показаться, вовсе не произвели впечатления на сопротивление этой многоголовой гидры под названием национальная оборона. В подтверждение тому наступление Бурбаки в Восточной Франции 5 января доказывало, что Мольтке серьезно просчитался, оценивая ресурсы и намерения противника, и в течение двух недель казалось вполне правдоподобным, что Вердеру крепко достанется от французов, если вовремя не подоспеет на помощь Мантейфель. На военном совете 15 января потребовалось проявить непоколебимую твердость, чтобы запретить Вердеру снять осаду Бельфора и направить его сражаться на Лизен, и только 18 января Мольтке смог убедиться в успехе принятых им контрмер. Все эти полные напряжения недели он сохранял железное самообладание, ничем не выдавая одолевавших его эмоций. Лишь в откровенных беседах со своим ближайшим окружением – с выпестованными им

штабистами, в частности с Подбельски, Верди, Бронзартом и их подчиненными, – Мольтке мог решиться на откровенность, и офицеры, до глубины души возмущенные муками, которым подвергался их уважаемый и ценимый наставник, в частных письмах и беседах позволяли себе упомянуть то, в чем сам Мольтке даже себе не решался признаться. Язвительная критика Бисмарком проведения кампании, его требования о доступе к сведениям военного характера, его стремление начать мирные переговоры – все перечисленное выливалось в один весьма объемистый обвинительный акт. «Я никогда еще ни к кому не испытывал такой озлобленности, – отметил относительно нейтральный Штош 26 января, – как сейчас к Бисмарку».

Для Мольтке падение Парижа стало бы возможностью не для заключения мира, а для продолжения войны в провинциях с еще большей ожесточенностью. Этот город необходимо оккупировать, его гарнизон взять в плен и угнать в Германию, а его склады и оружие реквизировать, наложить на французов огромную контрибуцию и ввести управление германских военных властей. Высвободившиеся войска окружения следует направить на юг, как заявил Мольтке кронпринцу на ужине 8 января, для захвата вражеских военных ресурсов. «Мы должны окончательно добить эту нацию лжецов! – воскликнул он. – Вот тогда мы можем продиктовать им мир на любых условиях, как нам заблагорассудится». Когда кронпринц вставил вопрос о политических последствиях всего этого, Мольтке лаконично ответил, что, мол, ничего об этом не знает: «Меня интересуют исключительно военные вопросы». Когда несколько дней спустя, 13 января, кронпринц попытался уладить разногласия между Бисмарком и Мольтке, пригласив их обоих на ужин, он потерпел фиаско. Не только их взгляды относительно проведения военных операций после падения Парижа были диаметрально противоположными, но Бисмарк в пух и прах раскритиковал все проведенные под руководством Мольтке операции, начиная со сражения у Седана, чем привел в бешенство начальника Генерального штаба. Едва ли удивительно, что Мольтке с негодованием отметал обвинения в превышении полномочий, когда Бисмарк без малейших колебаний посягал на них.

Если бы взгляды Мольтке возобладали, то все надежды на ведение мирных переговоров с бонапартистами, да и с кем угодно, вмиг испарились бы, и Бисмарк решил установить свою бесспорную власть в качестве главного советника Вильгельма I. 14 января, на следующий день после званого обеда у кронпринца, Мольтке дал ему шанс. Принимая жалобу Трошю на ущерб, нанесенный мирному населению и его собственности в результате артиллерийского обстрела Парижа немцами, и отвечая на нее, Мольтке действовал в открытую, как это уже имело место ранее в переписке с губернатором Парижа, когда он отвечал на обвинения о вступлении в сепаратные переговоры с отдельными членами правительства врага. В пропитанной злобой и «византизмом» атмосфере Версаля такой план действий представлялся вполне возможным, в любом случае Бисмарк истолковал этот инцидент в наихудшем виде, и 18 января он поднял этот вопрос на встрече с Вильгельмом I. Бисмарк повторил свою жалобу о том, что, мол, несмотря на настоятельные требования монарха, Генеральный штаб до сих пор не предоставил ему сведения касательно хода решения военных вопросов, необходимые Бисмарку для продолжения дипломатической работы. Теперь он вновь поставил на обсуждение требование о том, чтобы Мольтке ясно и недвусмысленно запретили вступать в какие-либо независимые переговоры с врагом.

Вильгельм I был стар и болен. Кризисы, с которыми Бисмарк и Мольтке имели дело отдельно – создание Германской империи и отпор наступлению Бурбаки, – требовали решений, которые в конечном счете мог принять лишь он и которые тяжким грузом ложились на его старческие плечи, изматывали нервы и подрывали здоровье. В конфликте его двух великих советников король Пруссии (а с 18 января 1871 года кайзер, император Германской империи) не скрывал своего сочувствия Мольтке, но и требования Бисмарка были разумны, и отказ Вильгельма 1 от них означал бы отставку канцлера в тот момент, когда для управления нарождавшейся Германской империей и заключения прочного мира опыт и умения Бисмарка были

востребованы, как никогда раньше. Кайзер уступил. 25 января он издал два сформулированных в категоричных выражениях приказа. Первый повторял установку о том, что Бисмарка необходимо информировать о ходе военных действий, указав Мольтке предпринять действенные шаги по избежанию дальнейших претензий Бисмарка, в то время как второй документ явно и недвусмысленно предписывал, чтобы в политически значимой переписке с членами французского правительства или делегации, в частности при составлении ответов на письма французов, необходимо консультироваться с министерством иностранных дел. Принятое кайзером решение никаких двойных толкований не допускало, и вопрос был улажен.

Первой реакцией на это Мольтке было желание без промедления подать в отставку. Приказ монарха был, как он выразился, *ungnadig* («опальным»). Его обмен посланиями с Трошю включал только военные вопросы. Все, что он недоговаривал Бисмарку, были сведения и планы, важные для канцлера лишь в тех случаях, если он, как и сам Мольтке, информировал монарха об операциях. Мольтке, считая избыточным подобное дублирование полномочий при ведении войны, объявил, что, дескать, готов «оставить соответствующие операции, полномочия и ответственность за их проведение одному только федеральному канцлеру. Жду, – угрюмо добавил он в заключение, – милостивого решения Вашего Императорского Величества по данному вопросу». Письмо, которое Мольтке на самом деле послал, было, однако, выдержано в куда более умеренном тоне. В нем он с достоинством объяснял свое поведение, жаловался на постоянные и необоснованные обвинения Бисмарка, испрашивал у короля четкой регламентации своих отношений с канцлером и защиты от дальнейших нападок. Имперские секретари составили успокаивающий ответ, но он отослан не был. Не было такой потребности. 28 января с правительством национальной обороны было подписано перемирие. Перемирие как раз подоспело вовремя для сохранения мирных отношений в ставке кайзера.

Демарш Бисмарка 18 января возымел действие едва ли не мгновенно. Два дня спустя, вечером 20 января, Трошю направил свой запрос о перемирии с целью предать земле погибших в сражении у Бузенваля. Кайзер сразу же переслал запрос не Мольтке, а Бисмарку, и тот хмуро отказал. Резкость отказа, неспособность воспользоваться в своих интересах тем, что обычно считалось в Версале началом конца, по-видимому, настолько претило желанию Бисмарка возобновить мирные переговоры, что объяснение, конечно же, следует искать в отношении Бисмарка к ранним обменам посланиями между Мольтке и Трошю. В этом жесте он, вероятно, узрел еще одно свидетельство стремления к переговорам, которое, как он полагал, военные проводят тайком за его спиной, и неудивительно, что Бисмарк не замедлил воспользоваться в своих интересах вновь обретенным статусом, чтобы поставить на них крест. В любом случае Бисмарк был убежден, что после поражения в Бузенвале капитуляция не за горами, тогда и мирные инициативы имперской стороны можно будет рассмотреть серьезно. Клеман Дювернуа должен был прибыть с минуты на минуту. Но не прибыл: упрямство группы эмигрантов в Брюсселе с ног на голову перевернуло его график работы, и прежде чем он был готов к переговорам с Бисмарком, в Версаль явился Жюль Фавр.

Фавр прибыл в главную ставку немцев поздним вечером 23 января. Его поездке предшествовал день бурных дебатов – правительство в Париже было занято обсуждением, должен ли он провести переговоры относительно перемирия только для крепости Парижа или же для всей Франции. Вопрос оставили открытым: ему было дано указание лишь нащупать, какие условия могут быть предложены, и ни в коем случае не давать понять, в каком ужасающем состоянии находится снабжение города. Сам Фавр надеялся хотя бы обеспечить возможность проведения свободных выборов Национального собрания для решения вопроса войны и мира, о том, что в Париж не будут введены прусские войска, о том, что гарнизон города не будет угнан в плен в Германию, и о том, чтобы не спровоцировать в стране гражданскую войну попытками разоружить национальную гвардию. В случае неприемлемости для немцев перечисленных условий

он был готов пригрозить возобновлением боевых действий и в конечном счете полной капитуляцией, которая вынудит немцев в полной мере взять на себя ответственность за гражданское управление Парижем.

У Бисмарка имелись куда более широкие возможности для блефа, чем у Фавра. Как и на переговорах в Ферьере, он мог заявить, что ведет переговоры с императрицей (что было не столь далеким от истины), которая одна представляет законную власть в стране, наделяющую ее правом созыва Законодательного корпуса. Проект Фавра свободного избрания ассамблеи Бисмарк объявил бы неосуществимым: под диктаторским республиканизмом Гамбетты выборы не могут считаться свободными. Но Бисмарк был готов в общих чертах обсудить условия для Парижа. Он согласился, что гарнизон незачем препровождать в Германию в статусе военнопленных, где их присутствие было бы связано с рядом проблем, он полагал, что, хотя мнение в германской армии и в самой Германии склоняется к триумфальному входу в поверженную столицу, масштабы этого мероприятия вполне могут быть сведены к минимуму, а что же касалось разоружения национальной гвардии, то Бисмарк предложил оставить оружие только наиболее политически надежным частям. Контраст между выдвинутыми канцлером условиями и драконовскими требованиями Мольтке говорил сам за себя. К концу первого вечернего обсуждения было очевидно, что возможность достичь согласия вполне реальна. Бисмарк, выходя из зала, где они с Фавром беседовали с глазу на глаз, ни словом не обмолвился с собравшимися здесь людьми, сгоравшими от любопытства и жаждущими подробностей, но зато насвистывал охотничий сигнал, означавший, что, дескать, травля зверя завершена.

На следующий день, 24 января, оба переговорщика уже действовали в открытую. Клемана Дювернуа все еще не было, и Бисмарк согласился не вступать в переговоры с императрицей в случае достижения соглашения с правительством национальной обороны. В ответ Фавр согласился подписать перемирие, распространявшееся на всю территорию Франции, и гарантировать, что делегации не будет позволено ни при каких условиях это перемирие нарушать. Оставался нерешенным лишь вопрос о разоружении национальной гвардии, и Бисмарк, выслушав убедительную аргументацию Фавра о том, что этот шаг на самом деле приведет к гражданской войне, вынужден был в конце концов уступить. Что же касалось прочего, правительство в Париже не без оснований приняло условия Бисмарка как *inesperees* («непредвиденные»). Благодаря дипломатичности и сдержанности канцлера честь города и оборонявших его войск не была задета. И 25 января Фавр был наделен полномочиями поставить свою подпись под договором о трехнедельном перемирии, позволившем национальному собранию встретиться в Бордо и наконец решить вопрос войны и мира.

До сих пор Бисмарк проводил переговоры в одиночку. Но теперь возникла необходимость привлечь и представителей вооруженных сил для утряски всех неизбежно возникающих деталей перемирия. Крайне неудачным было то, что переговоры совпали с критическими разногласиями между гражданскими и военными властями, и Бисмарк сыпал соль на рану своим поверженным противникам, настояв на том, чтобы соглашение с французами оформлять не как капитуляцию, что свидетельствовало бы о сдаче, а как некое соглашение о мирном урегулировании, предполагавшем бы паритет сторон. Мольтке стал присутствовать на конференциях с 26 января, на следующий день после того, как кайзер поставил его на место. Французские переговорщики отметили, не осознавая причины, неприятный контраст между мрачным, строгим и неулыбчивым Мольтке и любезным и обходительным Бисмарком. Бисмарк в открытую критиковал позицию Мольтке как вульгарную, мелочную и нереалистичную. Но у французов было по горло проблем с собственными военными представителями. Данная Трошю клятва никогда ни при каких условиях не сдаваться лишала его возможности взять на себя ответственность за ведение переговоров о сдаче, а Дюкро никогда не простил Вильгельма I за то, что тот демонстративно нарушил данное после Седана обещание при освобождении из плена. Поэтому Фавр в качестве сопровождавшего его представителя военных отыскал генерала де Бофор д'Отпуля

(известного по действиям в Ливане в 1860 году), проявившего себя абсолютно никудышным переговорщиком. Французы приписали его своеобразное поведение благородному смирению, не склонные же к политесу немцы без обиняков заявили, что генерал был просто пьян. На следующий же день его заменили другим – начальником штаба Винуа генералом де Вальданом, который и подписал 28 января перемирие.

Перемирие немедленно вступало в силу в Париже – на самом же деле по инициативе Бисмарка артиллерийский обстрел был прекращен еще двумя днями ранее – и трое суток спустя на остальной территории Франции. Срок перемирия был установлен до 19 февраля, этого времени должно было хватить ассамблее для проведения свободных выборов и встречи в Бордо, где предстояло обсудить вопрос о том, продолжать ли войну или заключить мир и на каких условиях. Между тем Париж обязали выплатить военную контрибуцию в размере 200 миллионов франков. Французы должны были сдать все свои форты по периметру города и демонтировать вооружение на их стенах, но территория между фортами считалась нейтральной. Ввод германских войск в Париж не предусматривался. Немцы предоставляли все средства для быстрого восстановления снабжения города. 12 000 солдат и офицеров парижского гарнизона сохраняли оружие в минимальном количестве, достаточном для наведения порядка, на чем и настаивал Фавр. Остальное оружие подлежало сдаче и оставалось в Париже до истечения срока перемирия. В случае, если мир все же не будет подписан, гарнизон Парижа подлежал пленению.

Условия для остальной части страны были для французов более жесткими. Было согласовано проведение демаркационной линии, планировалось расположить войска на расстоянии 10 километров от нее, однако Фавр и его военные советники зависели полностью от немцев при получении сведений о существующей линии фронта, и Мольтке совершенно не был склонен интерпретировать сомнительные случаи во благо своих противников. Согласованная линия должна была включить в отдельных пунктах отвод французских войск от позиций, ими вполне надежно занимаемых. Кроме того, об операциях, продолжавшихся в горах Юра, и Фавр, и Бисмарк были в равной степени неосведомлены. Фавру было известно лишь то, что крепость Бельфор все еще держит оборону и что силы деблокирования под командованием Бурбаки все еще удерживали какие-то позиции в районе гор Юра. Проведение в жизнь перемирия в этом регионе сузило бы возможность одержать военную победу, что в значительной степени укрепило бы позиции французов на случай проведения переговоров о заключении мира. Мольтке, хоть и получал отрывочные сведения от стремительно продвигавшегося Мантейфеля, был слишком уверен в исходе и мог даже позволить Фавру питать иллюзии. Таким образом, по взаимной договоренности было дано разрешение на продолжение боевых действий в департаментах Юра, Кот-д'Ор и Ду. Когда Фавр телеграфировал весть о перемирии Гамбетте вечером 28 января, он допустил странную и печально известную ошибку, так и не сообщив ему об этом упущении. Каким образом упомянутая ошибка способствовала агонии Восточной армии, мы уже убедились.

Мольтке допустил обоснованность политических соображений, вынудивших Бисмарка заключить конвенцию с правительством национальной обороны, но он не делал тайны из своего недовольства ее умеренными условиями. И в этом он выражал мнение армии, и не только армии. Его точка зрения пользовалась широкой популярностью повсюду в Германии.

Во Франции же сторонниками продолжения войны были гражданские лица, Гамбетта и члены парижских политических клубов, именно они стремились продлить войну еще долго после того, как все, за исключением ничтожного меньшинства их военных советников, призвали к заключению мира. Ослабление напряженности, вызванной даже временной приостановкой военных действий, подорвало силы экстремистов обеих сторон. Сторонники «войны до победного конца» сбились в немощные, малочисленные и крикливые группки в Бордо и Версале, способные разве что досаждать миротворцам, но уж никак не помешать им. Настро-

ения же за мир в самых разных прослойках французского общества возобладали вследствие возможности открыто выражать свои взгляды через избранных представителей и, таким образом, высказываться за мир любой ценой. Бисмарк, имея дело с собственной армией, не обладал сопоставимыми преимуществами. Население Германии, напротив, в подавляющем большинстве поддерживало идею мира только через истребление противника, как это было среди союзных держав в 1918 году. Оппозиция Бисмарку в Версале, которая накануне перемирия достигла пика, быстро редела, как только перемирие было подписано, и не потому, что военные так скоро и охотно признали свое поражение. Скорее это произошло потому, что окончательные условия мирного урегулирования, представленного французам, по их мнению, дальше ужесточать уже было некуда. Это было перемирие Бисмарка, но вот мир должен был принадлежать Мольтке.

Бисмарк по-прежнему был настроен скептически относительно способности Фавра привести делегацию к согласию на мирных переговорах, и канцлер имел на то причины. Когда слухи о переговорах в Версале достигли Бордо, делегация 27 января выступила с опровержением: мол, никаких переговоров не было и нет – «Мы не верим, что такого рода переговоры могли быть предприняты без ведома делегации», – и Гамбетта предупредил Фавра в послании, датированном тем же днем, о том, что делегация не будет считать себя связанной соглашением, заключенным правительством в Париже. Это сообщение прибыло в Версаль только 2 февраля. Впрочем, если бы даже оно прибыло и до того, как было подписано перемирие от 28 января, это вряд ли повлияло бы на решение Фавра, но вполне могло поколебать и без того шаткую уверенность Бисмарка в силе полномочий правительства национальной обороны для проведения в жизнь заключенного им соглашения. Гамбетта не стал противиться директивам, изложенным в правительственной телеграмме, распространить сведения о перемирии и назначить выборы на 8 февраля, но решил, что перемирие должно быть не более чем паузой перед возобновлением еще более ожесточенных боевых действий и что ассамблею следует обновить, очистив ее от реакционеров, и заверить Францию в верности идее *la guerre a outrance.* Когда 31 января Жюль Симон, представитель, посланный правительством, чтобы сообщить делегации более полно о его намерениях, прибыл в Бордо, он увидел на улице плакат с двумя новыми декретами: один, согласно которому из новой ассамблеи исключались все, занимавшие посты в имперском правительстве, а другой содержал интерпретацию перемирия в понимании Гамбетты.

«Давайте воспользуемся перемирием [так говорилось] как школой для наставления наших молодых войск… Вместо реакционной и трусливой ассамблеи, о которой мечтает враг, давайте учредим ассамблею, которая будет действительно национальной и республиканской по духу, стремящейся к миру, если мир гарантирует нам честь… но способный и пожелать войны, способной к чему-то большему, чем протянуть руку убийцам Франции».

За Гамбеттой стояли его коллеги из делегации, а за ними – широко распространенное мнение в Бордо, Лионе и Марселе, твердо вознамерившееся не только продолжать войну с пруссаками, но и готовое спровоцировать гражданскую войну. Неосторожно сформулированная телеграмма, в которой Бисмарк упрекал Гамбетту за презрение условий перемирия, сыграла на руку экстремистам, и когда Жюль Симон потребовал отозвать оскорбительный декрет, делегация категорически отказалась повиноваться. Умеренный и деликатный Симон не воспользовался пленарными полномочиями, делегированными ему. Вместо этого он послал за подкреплением от правительства в Париже, чтобы забаллотировать членов делегации. Они прибыли в Бордо 6 февраля, но до этого встретились со своими коллегами, которых Гамбетта решил отправить в отставку. Он все еще не сомневался, что войну можно и нужно продолжать, но он был человеком здравомыслящим и порядочным, и его решение не было продиктовано иррациональным фанатизмом. Франция уже и так была достаточно многим ему обязана за четыре месяца его руководства: теперь он, мирно сложив с себя полномочия руководителя, оказал стране самую большую услугу, на которую был способен в рамках своих полномочий.

Отставка Гамбетты во многом способствовала усилению позиций Бисмарка в Версале в его единоборстве с военными, полагавшими, что продолжение войны было не только желательно, но и необходимо. До заседания ассамблеи, однако, возможность возобновления военных действий не исключала ни та ни другая сторона. 7 февраля немцы позволили Шанзи и Федербу отправиться в Париж обсудить вопрос с министрами. Федерб был вполне обоснованно настроен пессимистически относительно возможностей продолжения кампании на севере Франции, даже если его армия и обрела убежище в крепостях. Вместо этого он предложил, чтобы лучшего из его командующих направили бы на усиление войск в Бретани и на юге, и в соответствии с этим планом лучшая часть его армии, 16 000 войск и 60 артиллерийских орудий, были бы погружены в Дюнкерке на суда между 17 и 25 февраля. Сам Шанзи ни на минуту не сомневался в том, что кампания будет продолжена. Он рекомендовал, чтобы его собственная армия, оставив часть сил для обороны Бретани и Нормандии, была переброшена на южный берег Луары и там при поддержке местного населения они шаг за шагом будут защищать землю Франции, и это вынудит немцев держать там армию численностью в 500 000 человек до тех пор, пока силы пруссаков окончательно не истощатся, и вот тогда они выступят с предложением мира на приемлемых для французов условиях.

Идея Шанзи о том, что такая кампания склонила бы немцев к уступчивости, была чистейшей наивностью. «Ястребы» из числа немецких генералов были бы только довольны таким оборотом дела, и Мольтке уже планировал справиться с ситуацией. Падение Парижа позволило ему выделить войска из армии окружения города для увеличения численности полевых сил в провинции, и на заседании военного совета 8 февраля его предложения были приняты кайзером, хотя и не совсем охотно. 4-й корпус Маасской армии подлежал переброске в Шартр для прикрытия Парижа с запада, а 5-й корпус 3-й армии занял бы позиции на Луаре между Орлеаном и Блуа. Фридрих Карл в этом случае направился бы южнее Луары со всеми своими силами, в то время как Мантейфель продвинулся на юго-запад с тремя корпусами от реки Сона для окружения и разгрома всех находившихся в этом регионе сил французов. Роон, которому было поручено найти войска для проведения этой грандиозной операции, был от нее явно не в восторге. В ответ на требования Мольтке обеспечить еще 12 батальонов ландвера Роон высказал мнение, что не лучше было бы приступить к отправке ландвера домой после падения Парижа, чем стягивать его во Францию. «Операция, – писал он, – в результате которой мы окажемся у подножия Пиренеев, потребует дальше некуда растянуть коммуникации – задача не на один год». Но в окружении генерала Мольтке, как и в окружении Шанзи, с нетерпением, уверенностью и надеждой ждали возобновления военных действий.

Однако французские провинции поставили их в тупик. На выборах ассамблеи они решительно отклонили республиканцев, которые в течение минувших пяти месяцев вели их, пичкая своими идеями продолжать войну. Предоставленные самим себе, без давления центрального правительства, без партийной пропаганды, провинции повернулись к лидерам местного масштаба, дворянству и аристократии, которые в упор игнорировали национальную политику, начиная с падения монархии, и чье влияние на местах подтверждалось их заметной ролью, которую они сыграли в национальной обороне. Париж и большие города упрямо продолжали возвращать представителей левых: Гамбетта, Гарибальди, Виктор Гюго, Анри Рошфор, Феликс Пиа и Шарль Делеклюз – все оказались при деле. Но республиканцы всех оттенков насчитывали всего 200, в то время как против них был блок орлеано-легитимистов – 400. Вернуться удалось лишь примерно трем десяткам сторонников империи. Тьер, который с октября месяца публично призывал к заключению мира на любых условиях, был избран 26 избирательными округами и получил все шансы стать главой нового правительства. С первых дней у власти он покончил с легкомысленно-эмоциональным подходом, который уже причинил непоправимый вред. 7 февраля, когда ассамблея весьма приветливо восприняла требование представителей Эльзаса и Лотарингии, что Франция никогда не должна соглашаться ни на какие территориаль-

ные уступки, Тьер без обиняков призвал их посмотреть фактам в лицо. «Имейте мужество, – призвал он их. – Либо война, либо мир. Это серьезно. Нет больше места ребячливости, если речь заходит о судьбах двух, пусть даже весьма важных провинций или же о судьбе страны в целом». Пристыженная ассамблея согласилась предоставить решение этого вопроса мудрости переговорщиков, и 21 февраля Тьер с Фавром в должности министра иностранных дел направились в Версаль узнать, что за условия будут выдвинуты.

У Тьера иллюзий почти не было. Перед падением Меца он сказал Фавру о том, что Бисмарк, возможно, был бы доволен Эльзасом и контрибуцией 3 миллиарда франков. Теперь он затребует и Лотарингию, включая Мец, и 5 миллиардов франков. Это оказалось весьма точной оценкой. На самом же деле сначала Бисмарк назвал 6 миллиардов – он написал сумму на листке бумаги, и при виде этого Тьер подскочил, «словно от укуса бешеной собаки», – но все понимали, что это не более чем хитрая уловка, желание набить цену и в конце концов сойдутся на 5 миллиардах. Эльзас был потребован, но что касалось Лотарингии, речь шла лишь о ее северной части, включая Мец, который немецкая администрация уже объявила «новым департаментом Мозеля». Юг провинции, вокруг Нанси, оставался французским. Наконец должен был состояться триумфальный вход немецких войск в Париж. Тьер красноречиво высказался против всех этих требований, но не смог убедить ни Бисмарка, ни самого короля. На все его мольбы пересмотреть требования Бисмарк указал, и не без оснований, на негибкость французской военной стороны, которая уже обвиняла его в очернении всех одержанных военными побед. И когда Тьер угрожал обжаловать свои требования у европейских держав, Бисмарк ответил: «Если вы заговорили со мной о Европе, я заговорю с вами о Наполеоне». Сам он мало верил в осуществимость бонапартистской реставрации, но Генеральный штаб подхватил эту идею с энтузиазмом, что послужило ироничным контрастом к их оппозиции минувшей осенью. Во всяком случае, это было еще одним оружием при ведении переговоров. Против него Тьер со своей стороны мог угрожать Бисмарку Гамбеттой, но от подобной крайности даже он воздержался.

На самом же деле Бисмарк выдвинул требование о Меце достаточно неохотно. В ходе кампании минувшего лета он был целиком за его аннексию как элемента нового оборонительного пояса Германии против агрессии французов, но за осенние месяцы его пыл остыл, поскольку он понял проблемы, с которыми связано присоединение этого чисто французского анклава к Германской империи, политическая структура которой достаточно сложная и без него. Когда Тьер прибыл в Версаль в конце октября, Бисмарк сказал ему по секрету, что рассматривает Мец как объект, не представляющий ценности. К февралю канцлер не делал секрета из своего нежелания затребовать столь труднопереваримый кусок. В Версале рассматривались и обговаривались различные альтернативные предложения. Одно из таких предложений заключалось в том, что Германия, с одобрения Франции, включает в свой состав Люксембург в качестве замены, другое – в том, чтобы увеличить контрибуцию, третье – что Франция должна уступить одно из ее зарубежных владений, например Сайгон. Но кайзер не собирался отказываться от трофея, который дался ему такой кровью, и Мольтке был полон решимости сохранить крепость, которую для защиты западной границы Германской новой империи он оценил как эквивалент армии численностью в 120 000 солдат. В вопросе о Меце, как и в вопросе о торжественном входе войск в Париж, Бисмарк подчинился требованиям военных, и Тьер понял, что он не уступит никогда.

Лишь в одном-единственном пункте Тьер сумел настоять на своем. Гарнизон Бельфора под командованием полковника Данфера-Рошро держался до 16 февраля, когда с согласия французского правительства и по рекомендации Бисмарка гарнизону позволили беспрепятственно и с соблюдением всех воинских почестей покинуть крепость. Если Мец был столь трогательно дорог кайзеру Германии, то и Бельфор был ничуть не меньше дорог французам, и Тьер сражался за его сохранение. Если Бисмарк уступит, он обещал, что мир мог бы быть заключен

без всяких промедлений. Если нет, то Тьер уйдет в отставку и пусть тогда Бисмарк сам правит Францией, если уж так хочет. Это был единственный козырь Тьера, и Бисмарк понимал, что он не блефует. Бисмарку ничего не стоило уступить. Мольтке не придавал особого значения Бельфору. В любой будущей кампании, считал он, конечное решение будет приниматься или на Майне, или на равнинах Лотарингии, а в случае вторжения во Францию, как, впрочем, и в Германию, Бельфор играл второстепенную роль. Кайзер был согласен: Тьеру просто предложили выбор между сохранением Бельфора и отказом немцев торжественным маршем пройти по Парижу. Он не колебался в выборе решения.

26 февраля Тьер, Фавр, Бисмарк и представители государств Южной Германии подписали прелиминарный мирный договор. Была определена новая граница, размер контрибуции был установлен на уровне 5 миллиардов золотых франков, один миллиард предстояло заплатить в течение 1871 года, а остальные четыре в течение трех лет после ратификации прелиминарного мирного договора. Как только соглашение будет ратифицировано, немцы покинут внутренние районы Парижа и форты на левом берегу Сены, а также департаменты южнее Сены. Оставшаяся часть оккупированной территории будет освобождена после выплаты контрибуции. На оккупированных территориях восстанавливается французская гражданская администрация, и за обеспечение пребывания оккупационных войск будет отвечать правительство Франции. Французские войска, за исключением гарнизона в Париже численностью в 40 000 человек, должны отойти за Луару до подписания окончательного мирного договора. Обмен пленными должен был начаться сразу, и переговоры по вопросу окончательного мирного договора начнутся в Брюсселе сразу же после ратификации прелиминарного мирного договора кайзером и Национальным собранием Франции. В соответствии с дополнительным соглашением было решено, чтобы численность немецких оккупационных сил в Париже не превышала 30 000 человек и что они должны быть ограничены районом Сены, авеню де-Терн и улицей Фобур-Сен-Оноре – районом, достаточно престижным, чтобы умаслить немцев, и достаточно удаленным от чреватых проблемами рабочих кварталов столицы. Любая сторона наделялась правом в любое время расторгнуть договор о перемирии после 3 марта и вновь начать военные действия три дня спустя после этого.

Условия были жесткими. Сумма контрибуции представлялась астрономической (5 миллиардов золотых франков – это 1612,5 тонны золотых 20-франковых монет 900-й пробы весом 6,45 грамма каждая, или 1451,25 тонны чистого золота. – *Ред.).* А уступка Эльзаса и Лотарингии была жертвой, с которой Франция так никогда и не смирилась. Веком ранее передача провинций под власть победоносного властителя была распространена. Век спустя она завершалась жестокой процедурой передачи населения. К XIX веку, с его возраставшей верой в национальное самоопределение и плебисцитное голосование, процессы, осуществляемые вопреки пожеланиям населения, считались демонстративным неуважением общественного права, развитием которого Европа начинала гордиться. Все же условия соглашения не были столь жесткими, как наложенные французами на Пруссию в 1807 году. Попыток вмешательства во внутренние дела страны не предпринималось. Численность вооруженных сил Франции никак не ограничивалась, не предусматривалось уничтожения военно-морского флота, и, несмотря на страстное желание определенных коммерческих кругов Гамбурга и Бремена воспользоваться французскими колониями, Бисмарк оставил в неприкосновенности все заморские владения Франции. Невзирая на понесенные потери и унижение, Франция осталась великой державой, даже слишком великой для обретения немцами душевного покоя на следующие 40 лет.

Национальное собрание поразительно быстро ратифицировало прелиминарный мирный договор. Хотя несколько голосов были подняты за продолжение войны «до победного конца», 1 марта за ратификацию проголосовало 546 депутатов, а против – 107. Шанзи, красноречиво выразив протест с трибуны, вместе с генералами Билл о и Мазюром проголосовал против пере-

мирия, но большинство его военных коллег отдало свои голоса за мир, включая д'Ореля де Паладина, Ле Фло, Жорегиберри, Пальера и Дюкро.

Скорая ратификация обеспечила французам небольшое, но приятное преимущество. Немцы, предполагая, что ратификация потребует продолжительных дебатов, обязаны были эвакуировать войска из Парижа сразу же после нее. Для организации торжественного ввода войск в столицу они времени не теряли. Ограничение численности оккупационных войск 30 000 человек вынудило их к тому, что войска входили бы в Париж тремя группировками – по одной в день, начиная с 1 марта. В тот день, после прохождения парадом перед кайзером по ипподрому Лоншан, контингент 3-й армии проследовал к Елисейским Полям под пристальными взорами любопытных и периодически награждавшей немцев свистом и смешками толпы. Кайзер, не скрывавший недовольства процессией, столь далекой от помпезных шествований 1814 года, с нетерпением ждал прохода своих гвардейцев на третий день, но уже 2 марта в Версале появился Жюль Фавр, сообщивший о ратификации, и потребовал от пруссаков немедленно приступить к выводу войск из Парижа. Бисмарк не скрывал охватившего его раздражения, а Фавр – восторга, но Роон и Мольтке настояли на аккуратном соблюдении соглашения. И 3 марта кайзеру оставалось только созерцать свои войска, торжественно покидавшие Париж, бодро печатавшие шаг по дорожкам Лон-шана. Это было разочарование, которое, если верить Вальдерзее, кайзер не мог простить французам.

Но этот скромный парад победы, явно не удовлетворивший тщеславные запросы короля и его армии, не вызвал восторга у самих парижан. Жители столицы освистали прусских солдат, кое-где в них даже летели камни, но позже, когда войска удалились в места временного расквартирования в кварталы вдоль Сены и в Трокадеро, они вполне мирно, если не дружески общались со своими недавними врагами. Толпы парижан слушали выступление военных духовых оркестров, кое-где даже подпевая исполняемым мелодиям. «При звуках «Отступления в четверг, – писал Бисмарк своей жене, – тысячи парижан, рука об руку с нашими солдатами шли по улицам, а когда прозвучала команда «Шлемы для молитвы снять!» тоже снимали головные уборы, говоря: «Voila que nous manque», и это было несомненно правильно».

Такое отношение, вероятно, возобладало в более зажиточных кварталах, в которых оказались немцы, но конец войне означал и конец шаткого единства горожан. 3 марта, как раз в тот день, когда немецкие войска покидали Париж, начались беспорядки. Две недели спустя революция, которую Трошю и Фавр изо всех сил пытались сдержать, вспыхнула в полную силу, и власть захватила революционная коммуна.

События гражданской войны во Франции весны 1871 года не входят в данную работу, за исключением рассмотрения того, каким образом эти события повлияли на переговоры между Германской империей и французским Временным правительством о заключении мира. Немцы с сочувствием следили за попытками Тьера вернуть коммунаров в рамки порядка и даже предлагали оказать необходимую военную помощь, что, конечно же, было отвергнуто. Однако вооруженные силы были, разумеется, необходимы, и, если уж они должны быть французскими, потребовалось пересмотреть соответствующие пункты прелиминарного мирного договора, ограничивавшего численность французских войск севернее Луары до 40 000 человек, то есть численности, эквивалентной гарнизону Парижа. Бисмарк поэтому согласился увеличить их численность до 80 000 человек, а также ускорить возвращение военнопленных из Германии с тем, чтобы под командой Мак-Магона сформировать армию для подавления восстания. Кроме того, немцы услужливо убрались из Версаля на неделю раньше первоначально оговоренного срока, чтобы позволить французскому правительству и ассамблее перебраться туда из Бордо. Но все эти уступки Бисмарка выглядели довольно неуклюже. Ситуация служила раздражителем для правительства Германии. Формирование новой французской армии, как и рождение революционной силы, которая хоть и границ Парижа так и не переступила,

но была со знанием дела вооружена, вынудило немцев, пусть даже действовавших предельно тактично из соображений обычной предусмотрительности, задерживать отвод сил с территории Франции до восстановления хотя бы относительного порядка, но это означало очередную задержку демобилизации со всеми вытекающими из этого последствиями для социальной сферы и дополнительные финансовые расходы. Бисмарк воспользовался возникшей ситуацией, призвав себе на выручку вульгарное запугивание, странно не вязавшееся с той демонстративной и преисполненной достоинства победителя солидной неторопливостью, с какой он подходил к переговорам о перемирии. Возможно, те нападки, которым он подвергался из-за упомянутой неторопливости, повлияли на смену им приоритетов, разумеется, он не мог не видеть, что его решение положиться на Тьера и Фавра при заключении мирного договора, приемлемого решительно для всей Франции, оказалось ошибкой. Результатом была рокировка ролей Бисмарка и Генерального штаба. Теперь запугивал и угрожал Бисмарк вместе со своим представителем в Брюсселе, графом Гарри фон Арнимом. Что же касалось генералитета, то он стремился всеми правдами и неправдами отправить свои войска домой, в Германию. Профессиональная оценка генералитетом французских войск не давала ему оснований для тревог, и во Временном правительстве генералы видели наиболее твердую гарантию и восстановления порядка во Франции, и выплаты контрибуции, которую – в чем сомневаться не приходилось – категорически отвергнет любая революционная администрация. Когда в марте 1871 года кайзер Вильгельм 1 вместе со своей ставкой возвратился в Германию и Мантейфель, наиболее политически активный из всех прусских генералов, принял командование над немецкими войсками во Франции, это положило начало эпохе открытого и доверительного сотрудничества немецких военных и французских государственных деятелей, которое, как это ни парадоксально, приводило Бисмарка в бешенство в точности так же, как в ходе войны Мольтке и его соратников.

Пока Бисмарк бомбардировал французское правительство упреками в нерешительности при подавлении коммуны и угрозами взять выполнение этой миссии на себя, его представители в Брюсселе яростно сражались за установление формы и графика выплаты контрибуции. Они потребовали, чтобы сумма полностью была выплачена драгметаллами. Кроме того, теперь они выдвинули требования конфискации собственности *Compagnie des Chemins de Fer de l'Est* в Эльзасе и Лотарингии, а не выплаты смехотворно малой контрибуции в качестве гарантии *status quo ante bellum* или «положения, существовавшего до войны» между Францией и немецким таможенным союзом, а также компенсации всем гражданам германских государств, выдворенным из Франции в ходе войны. Кроме того, Бисмарк указал, что поскольку обстоятельства, при которых устанавливались первоначальные размеры контрибуции, теперь изменились, упомянутые размеры уже не могут рассматриваться как окончательные и изменениям не подлежащие. 2 мая его представитель во Франции, генерал фон Фабрис, обходительный саксонский дворянин, который сделал все, что мог, чтобы смягчить воздействие бесцеремонных коммюнике, с которыми был вынужден выступить, заявил Фавру: «Германия, не имея соответствующих гарантий стабильности, не может и помышлять о том, чтобы обезоружить себя. Как следствие, возникают значительные новые расходы, размер которых не может быть оценен до завершения периода непредсказуемости, положившего им начало». Этот намек на новые расходы, размер которых оставался неуточненным, вынудил Фавра вновь искать личной встречи с Бисмарком. Отмеченные печатью брюзгливого эгоистичного стяжательства, переговоры в Брюсселе были приостановлены, и 6 мая оба государственных деятеля встретились во Франкфурте-на-Майне.

На сей раз надежда Фавра, столь безжалостно растоптанная в сентябре в Ферьере, на то, что личная встреча снимет все недоразумения, оправдалась. За минувшие пять месяцев у Бисмарка возникло к этому человеку нечто похожее на уважение, если не сказать привязанность, к тому же победы Мак-Магона над коммунарами в прошлом месяце ясно показали, что

Временное правительство не только хочет, но и может восстановить порядок во Франции. Тем не менее

Бисмарк теперь выдвинул идею о невозможности в данный момент полного вывода войск с территории Франции. 50 000 солдат должны остаться в шести провинциях до тех пор, пока правительство Германии не убедится окончательно, что обстановка во Франции достаточно стабильна для выполнения им своих обязательств. И если данное требование не будет принято, заявил Бисмарк, он готов отменить все уступки, на которые он пошел 26 февраля, и настоять на отводе французской армии к югу от Луары. На это Фавр был готов согласиться, правда, с оговоркой, что из остальных провинций немецкие войска должны быть выведены сразу же после уплаты Францией первых полутора миллиардов франков, причем независимо от политической ситуации во Франции. Это была просто слегка измененная разновидность первоначальных условий, скорее по форме, чем по содержанию. Бисмарк не скрывал, что и в немецкой армии, и в немецком обществе давно ратуют за скорое возвращение солдат в Германию и что продолжительная оккупация не вызывает восторгов ни в Германии, ни во Франции. По другим важным пунктам договоренность была достигнута быстро. Да, выплата контрибуции может осуществляться как драгметаллами так и в ценных бумагах[50]. Да, коммерческие отношения должны быть восстановлены на принципах наибольшего благоприятствования. Да, жители Эльзаса и Лотарингии получат возможность эмигрировать со всем нажитым ими имуществом. Нет, мы не будем требовать компенсации для немцев, выдворенных из Франции. Но взамен целесообразно будет для небольшого сглаживания немецкой границы между Люксембургом и Мецем, территорию, отошедшую французам вокруг Бельфора, расширить с традиционного радиуса пушечного выстрела, учитывая военный жаргон тех времен, до 7 километров – до большей и гарантирующей недосягаемости орудийного огня зоны. 10 мая Фавр и Бисмарк подписали Франкфуртское соглашение, и 21 мая они обменялись ратификационными грамотами, заверенными соответствующими суверенными властями. Франко-прусская война завершилась.

Германская империя обрела победу ценой 88 488 раненых и искалеченных молодых людей и 28 208 убитых. Для победы над врагом потребовалось пять месяцев боевых действий. Столь короткие сроки и столь высокая решимость не были чем-то новым в ведении войны.

Полководцы XVIII столетия, обреченные на ведение зачастую бесплодных кампаний и обеспечение лишенных конкретики мирных договоров, в своих действиях ограничивались достижением именно этих отличительных признаков, и Наполеон I в этом преуспел больше остальных. Если следовавшие одна за другой победы Наполеона I не привели к утверждению прочного мира на основе нового равновесия сил, объяснение тому было двояким. Первое – это изначальное нежелание самого Наполеона I установить и принять упомянутое новое равновесие сил и его стремление вместо создания гегемонии для себя с опорой на завоеванное в войнах – ничем и никем не ограниченную гегемонию, покоившуюся на одних только амбициях, и непосильную для резервов Франции, необходимых для ее поддержания и существования. Второе – это уцелевшая и непобежденная, недосягаемая и мстительная Великобритания, чье постоянное поощрение его внутренних врагов и взращивание деньгами иностранных лишали его возможности объединять завоеванное в мире. Германия же ни от одной из вышеперечисленных бед не страдала. Вне зависимости от симпатий или антипатий британцев – а по мере затягивания войны их симпатии мало-помалу склонялись к французам – первейшие интересы британской стороны лишь в самой незначительной мере затрагивались разгоравшейся на Европейском континенте битвой за правление им, чтобы всерьез ставить на повестку дня вопрос о вооруженном вмешательстве, даже если таковое было бы возможным, принимая во внимание

[50] В 1873 г. Франция выплатила 5-миллиардную контрибуцию, после чего немецкие оккупационные войска были выведены из страны. – *Ред.*

наличие необходимой военной мощи, каковой, к великому стыду британцев, они не обладали. Этот нейтралитет Бисмарк, старательно ограничивая себя в боевом применении военно-морского флота Германии и не претендуя на гегемонию на водах, всеми силами сохранял. И пока пресловутая гегемония Англии на море продолжала существовать, британцы вынуждены были принять сухопутную гегемонию немцев в Европе, ничем не напоминавшую им образец, традиционно вынашиваемый ими в своих мечтаниях равновесия сил в Европе. Кроме того, Бисмарк, в отличие от Наполеона I, переработал победу немцев в новую государственную систему в Европе, покоившуюся не на немецком военном доминировании, а на всеобщем согласии. Такое согласие благодаря захвату Эльзаса и Лотарингии, едва ли гарантировалось во Франции. Но пока Франция оставалась в изоляции от возможных союзников на континенте, она вдохновленно расширяла свою колониальную империю, что вовлекло ее в конфликты с Италией и Великобританией. Однако устремления Франции как земле-собирательницы можно было считать несерьезной, хотя и достойной кое-какого внимания угрозой, но которая, вероятно, со временем сойдет на нет. Именно благодаря государственному мышлению Бисмарка победы Мольтке не остались столь же бесплодными, как наполеоновские, а привели, как и подобает военным победам (если они не просто массовое смертоубийство), к чему-то большему, к длительному и прочному миру[51].

И все же было что-то в самой природе этой войны, что убеждало в том, что всякий мир хрупок и недолговечен. В отличие от побед Наполеона I успехи Мольтке не были плодом усилий блистательного полководческого гения – ни его самого, ни его генералитета. Ни по части маневренности, ни по части тактики, которая за редким исключением являла собой пример губительной неповоротливости, ни стратегии выбора направлений, которая большей частью являлась результатом элементарной и присущей отнюдь не гениям здравого смысла проработки. Отсутствовало у немецкой стороны и какое бы то ни было существенное техническое превосходство: французские винтовки Шаспо и митральезы и германские крупповские стальные артиллерийские орудия, заряжающиеся с казенной части, вероятно, в определенной степени уравновешивали друг друга. Победы немцев, и это общепринятый факт, объяснялись великолепным управлением, строжайшей организованностью и действительно глубокими познаниями в военном деле, но, по крайней мере, на начальных стадиях войны, еще и более качественным человеческим материалом. Именно эти качества и обеспечат Германии победы в будущих войнах. Относительно малочисленная, всецело поглощенная собой и своими проблемами профессиональная армия, куда острее осознававшая свой социальный статус, нежели профессионализм, уже не являлась эффективной формой военной организации, и любая континентальная держава, стремившаяся избежать уничтожения, быстрого и окончательного, подобного тому, что настигло Вторую империю Наполеона III, должна была действовать по немецкому образцу и создать «народ с оружием в руках» – страну, все население которой не только подлежало военной подготовке, но могло быть в считаные дни мобилизовано, вооружено и сосредоточено у границ. Последовавшая в Европе революция в военном деле отразилась в сферах, выходивших далеко за рамки чисто военных.

Именно эта врожденная военная ненадежность, а не один лишь фактор Эльзаса и Лотарингии, и сделала наступивший с подписанием Франкфуртского соглашения мир столь хрупким, невзирая на все попытки Бисмарка поддержать его. Европейским державам пришлось избрать путь немедленной милитаризации и все чаще и чаще задумываться, в отличие от новорожденной и успевшей записать себя в победительницы Германской империи. Поколению, на глазах которого слабая, разоренная бесконечными междоусобицами страна превратилась в мощную державу исключительно благодаря своей военной мощи, легко было определить

[51] В 1875 г. Германия хотела еще раз разгромить Францию, но этому помешало дипломатическое вмешательство России и Англии. – *Ред.*

приоритеты и осознать, что именно военная мощь должна стать главенствующим фактором самосохранения нации, а каста военных, впоследствии, – главенствовать в обществе. Было слишком легко оставить без внимания просчеты и проблемы, сопутствовавшие победам немцев, богиню удачи, по милости которой они свершились, и политическое трезвомыслие, позволившее извлечь из них пользу. И было бы слишком легко уверовать в то, что одним только сохранением и наращиванием военной мощи новая Германская империя, страна с великолепными и бережно хранимыми культурными традициями, страна, которой есть что предъявить миру и в области науки, коммерции и промышленности, перейдет на язык пушек в общении со своими соседями и недругами. Для этого поколения война 1870–1871 годов была героической эпохой, деяния тех дней достойны памяти, восхищения и, в случае нужды, не грех их и повторить. Именно эта риторика и определяла способ изложения событий популярными историками, невзирая на воистину академические и пронизанные самокритикой монографии, вышедшие из-под пера самих военных спустя десятилетие после завершения войны, в которых сохранены и приумножены лучшие традиции образованности и эрудиции, возвышающиеся над возобладавшей в исторической науке пустой трескотней, передергиванием фактов и романтизированной мечтательностью с явно милитаристским душком. Немецким историкам предстояло впоследствии осознать в полной мере значение той войны: то, как в ее ходе появилась на свет та самая «зловещая проблема современной национальной войны, породившей, в свою очередь, самые страшные из катастроф нашей эпохи, и в пропасть которой мы вот уже дважды в XX веке низвергались»[52]. Именно это и превращает Франко-прусскую войну в событие, по своей значимости выходящее далеко за рамки чисто военно-исторических исследований, да и вообще исторических исследований событий в Европе XIX века. Великолепная и заслуженная победа Германии явилась, в глубоком и непредсказуемом смысле, бедствием как для нее самой, так и для остального мира.

[52] 27 января 1871 г. Роберт Мориер писал из Берлина барону Штокмару: «…подобные не имеющие себе равных успехи… немецкого оружия и абсолютное могущество, обретенное германской нацией в Европе, неизбежно изменят ментальность немцев, причем вовсе не обязательно в лучшую сторону. Высокомерие и стремление повелевать суть качества, так почитаемые и так развиваемые в представителях тевтонской расы… Я был поражен во время поездки в лагерь у Меца в октябре разительными переменами и в языке, и в манере общения офицеров, с которыми там встретился. Они были уже не теми, с кем мне довелось общаться ранее, еще до вторжения во Францию… Вероятно, все дело в тех переменах, коснувшихся 800-тысячной армии-победительницы, одерживавшей победу за победой во Франции… во въевшемся в их души милитаризме…» – *Авт.*